

ВЛАДИМИР ВАРШАВСКИЙ
НЕЗАМЕЧЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

ВЛАДИМИР
ВАРШАВСКИЙ

НЕЗАМЕЧЕННОЕ
ПОКОЛЕНИЕ

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
Русский путь

Это первое и до сих пор единственное исследование о своеобразных формах алиенации, порождаемых условиями эмигрантской жизни

Это первое и до сих пор единственное исследование ~~исключительно~~ об идейных и духовных движениях среди "эмигрантских сыновей", родившихся в России, но почти ещё детьми очутившихся в изгнании.

Несмотря на все ~~эмигрантские~~ алиенации эти эмигрантские сыновья остались "русскими мальчиками", о которых говорили Иван и Алёша Карамазовы. /"...Да, настоящим русским вопросы о том: есть ли Бог и есть ли бессмертие, или, как вот ты говоришь, вопросы с другого конца, конечно, первые вопросы и прежде всего..." /

Оставаясь "русскими мальчиками" эмигрантские сыновья подошли к тому синтезу, который не удался славянофилам /Синтез между Западом и Востоком, между "мы" и "они", между религией и наукой, между личностью и обществом, между плюрализмом демократии и абсолютными ценностями и т.д. /

В годы немецкой оккупации во Франции эмигрантские сыновья доказали, что они способны ~~хуже~~ не только говорить, но и действовать. Они были первыми зачинателями движения сопротивления.

За последнее время приходит всё больше свидетельств, что тип "русского мальчика", систематически уничтожавшийся советской системой, начинает снова действовать в русской жизни. Интерес в Советском Союзе к учению Тейяра де Шардена говорит ~~нам~~ о том, что там молодёжь стремится к тому же синтезу, к какому несмотря на все срывы шли эмигрантские сыновья. Это даёт основание думать, что мы имеем ~~деш~~ тут дело с одним из главных потоков русской жизни. Вот почему повесть эмигрантских сыновей может помочь каждому, кто хочет понять то новое, что начинает пробуждаться в Советском Союзе.

Из письма В. Варшавского
в «Издательство имени Чехова»
(11 СЕНТЯБРЯ 1956)

ISBN 978-5-98854-024-3

9 785988 540243 >

Перехожу к воспомина-
ниям и
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА
и ВРЕМЕНИ

ВЛАДИМИР
ВАРШАВСКИЙ

НЕЗАМЕЧЕННОЕ
ПОКОЛЕНИЕ

ДОМ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

РУССКИЙ ПУТЬ

2010

УДК 929

ББК 87.3(2)6

В-18

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Последняя прижизненная редакция, публикуется впервые

Редакционная коллегия:

Т.Г. Варшавская, М.А. Васильева, О.А. Коростелев,

Т.Н. Красавченко, В. Хазан, Р.М. Янгиров

Предисловие *О.А. Коростелева*

Составление, комментарии *О.А. Коростелева, М.А. Васильевой*

Подготовка текста *Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой*

Подготовка текста приложения, послесловие *М.А. Васильевой*

Оформление *Е.Л. Вельчинский*

ISBN 978-5-98854-024-3

ISBN 978-5-85887-389-1

© Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010

© Русский путь, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Олег Коростелев. Владимир Варшавский и его поколение 5

Незамеченное поколение

От автора 17

Глава первая: Исход 19

Глава вторая: Младороссы и солидаристы 51

Глава третья: Русское студенческое
христианское движение (РСХД) 113

Глава четвертая: Парижский русский Монпарнас 145

Глава пятая: Встреча с «русской идеей» 195

Глава шестая: «Новый Град» 229

Глава седьмая: Погибшие за идею 261

Послесловие 303

Полемика вокруг «Незамеченного поколения»

Г.Я. Аронсон. Новый журнал. Книга 41. [Отрывок] 315

М.Л. Слоним. «Незамеченное поколение» 315

Е.Д. Кускова. О незамеченном поколении. Памятка 318

В.С. Яновский. Мимо незамеченного поколения 326

М.Л. Слоним. Вынужденный ответ 330

Е.Д. Кускова. Упреки не по адресу 334

В.С. Яновский. «Спор о вкусах» 338

М.Л. Слоним. Все о том же 341

Ю.К. Терапиано. По поводу незамеченного поколения 341

<i>Ю.П. Трубецкой.</i>	Недооцененное поколение	345
<i>Н.Е. Андреев.</i>	Заметки о журналах. «Новый журнал». Книги 37—42 [Отрывок]	348
<i>М.В. Вишняк.</i>	О «незамеченном поколении»	350
<i>Г.Я. Аронсон.</i>	«Русские мальчики» в эмиграции	355
<i>И.М. Троцкий.</i>	Незамеченное поколение	357
<i>Г.В. Адамович.</i>	О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем	360
<i>Кн. С.С. Оболенский.</i>	В.С. Варшавский: «Незамеченное поколение». (Изд-во имени Чехова, Нью-Йорк, 1956 г.)	365
<i>В.Л. Андреев.</i>	[О так называемом «незамеченном поколении»...]	369
<i>Ю.К. Терапиано.</i>	«Незамеченное поколение»	378
<i>Н.И. Осипов.</i>	Право на доброе слово	382
<i>М.М. Карпович.</i>	В.С. Варшавский. Незамеченное поколение. Изд-во имени Чехова, Нью-Йорк, 1956, стр. 387	387
<i>Ф.А. Степун.</i>	«Новоградские» размышления по поводу книги В.С. Варшавского «Незамеченное поколение» и дискуссии о ней	390
<i>Ю.П. Денике.</i>	В.С. Варшавский — Незамеченное поколение. Из[д]-во им[ени] Чехова. Нью-Йорк. 1956	398
<i>Прот. В. Зеньковский.</i>	По поводу книги В.С. Варшавского «Незамеченное поколение»	401
<i>Мария Васильева.</i>	О Владимире Сергеевиче Варшавском: <i>Биографический очерк</i>	405
Комментарии		427
Указатель имен		521

У литературного или исторического поколения обычно короткий век, десять лет, от силы пятнадцать, и на авансцене оно сменяется следующим. При этом обычно выясняется, что некогда молодые ниспровергатели основ незаметно для самих себя превратились в маститых охранителей устоев.

С «незамеченным поколением» получилось несколько по-другому. Во-первых, о поколении всерьез заговорили, когда оно давно уже вышло из фазы своего формирования и цветения, во-вторых, на смену ему пришло не следующее поколение, выросшее из той же среды, а новая волна эмигрантов, радикально отличавшаяся от предыдущей и воспитанием, и нравами, и жизненными целями, поэтому естественного превращения «детей» в «отцов» не получилось.

Представители этого поколения были рождены на рубеже веков, оказались в эмиграции в юношеском, а то и детском возрасте, а ко времени выхода книги Варшавского большинству из них было за пятьдесят. Однако в глазах эмигрантской общественности они продолжали числиться в категории молодых и имели мало шансов перейти в разряд старших.

Видимо, так этому поколению и придется остаться в истории под грифом «незамеченного», и в какой-то мере такое определение будет справедливым. При комментировании нового варианта книги Варшавского выяснилось, что многие источники, цитируемые им, книги, журналы и газеты, сохранились в редких экземплярах, а то и не сохранились вовсе. Неудивительно, что исследователи предпочитают ссылаться на «Незамеченное поколение» как на первоисточник.

Автор и сам убежден в том, что поставил перед собой трудновыполнимые цели: «Это не исторический очерк. Такой очерк был бы невозможен из-за полного отсутствия подготовительных работ. История этого поколения вряд ли вообще когда-либо будет написана»¹. Тем не менее, он сделал все, что мог.

На страницах книги впервые в полный рост встало поколение со сложной судьбой во всем разнообразии устремлений и умонастроений, показанное без умолчаний, но с явным желанием не обвинить или оправдать, а понять, объяснить и донести правоту каждого до остального мира.

Разумеется, в какую-либо стройную и цельную картину все это разнообразие не складывается и одной формулой описано быть не может. Варшавский, однако, не хотел жертвовать даже мелкими деталями и стремился к полноте, резонно полагая, что в такой ситуации, отбрасывая мелочи, рискуешь пробросаться.

¹ Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956. С. 16.

Эмигрантская молодежь категорически отказалась разделить давно сформировавшиеся и успевшие поизноситься доктрины старшего поколения, поэтому собственную идеологию ей приходилось строить заново, чуть ли не на пустом месте. При недостатке опыта, образования и полном отсутствии руководства и преемственности создать стройную доктрину непросто, и все эти молодежные начинания чаще всего представляли собой весьма своеобразное зрелище: дикую смесь из лозунгов, эмоций и непереваренных осколков чужих теорий, организующуюся прежде всего молодой энергией и бунтом против старших. С самого начала двадцатых годов по всему миру русского рассеяния как грибы появлялись сотни молодежных объединений, кружков и течений, претендующих на новую идеологию, спешивших заявить о себе манифестами и открывавших для этого собственные издания. Запала и средств обычно хватало лишь на несколько номеров. По-настоящему крупные движения, проявившие активность до сороковых годов, можно пересчитать по пальцам, и лишь одному (НТС) удалось пережить войну и продолжить существование в новых условиях.

Отношение к ним было весьма неоднозначным. Практически все попытки создания новой идеологии в эмиграции были связаны с так называемым пореволюционным сознанием, т.е. с необходимостью учитывать новую реальность. Но любое желание считаться с новой реальностью воспринималось как намерение считаться с большевистским режимом, что в глазах эмигрантской общественности было равносильно самому главному преступлению. Попытки считаться с режимами фашистскими вызвали гораздо менее нареканий, но тоже до поры до времени. Очень огрубляя, можно было бы сказать, что фашизм в муссолиниевском изводе поначалу скорее импонировал русским эмигрантам, но когда в Германии пришел к власти Гитлер, отношение к модной доктрине стало меняться.

Однако при всем том молодежь упорно не желала сменять отцов на их посту и присоединяться к политическим платформам старших, предпочитая в меру умения разрабатывать собственные. Впрочем, старшие тоже только на словах были озабочены новой сменой, а на деле отнюдь не горели желанием принимать в свои ряды заведомых еретиков. Разрыв поколений в русском зарубежье проявился очень серьезно. П.Н. Милюков, например, внимательно следивший за умонастроениями в эмиграции, обращал внимание на любые группировки, в том числе и на молодежные, но только если они начинали заявлять о себе новой идеологией, претендующей на социальную значимость. Впрочем, и тогда интерес его объяснялся желанием не столько понять, сколько вступить в полемику².

Каков он, человек тридцатых годов, – этот вопрос долго оставался одним из самых главных для эмигрантов младшего поколения. Десятилетия спустя, уже после

² См., в частности, его полемические отзывы о «второполколенцах», «утвержденцах» и других пореволюционерах: Милюков П. «Второе поколение» // Последние новости. 1931. 8 сент. № 3821. С. 2–3; *Он же*. Пореволюционные «утверждения». I. В небесах. II. На земле // Последние новости. 1931. 22 сент. № 3835. С. 2–3; 26 сент. № 3839. С. 2–3; *Он же*. В пореволюционных потемках // Последние новости. 1931. 18 дек. № 3922. С. 2–3; 19 дек. № 3923. С. 4; 1932. 23 авг. № 4171. С. 2–3; 25 авг. № 4173. С. 2; 10 сент. № 4189. С. 2–3; *Он же*. Молодежь без кавычек // Последние новости. 1933. 13 июля. № 4495. С. 2.

войны, Юрий Терапиано в письмах Владимиру Маркову вспоминал то время и убеждал новое поколение задуматься над тем же. (Возможно, вторая эмиграция так и осталась в истории с непроясненным до конца лицом именно потому, что не пожелала над этим вопросом задуматься или по крайней мере высказаться на эту тему.)

14 июля 1954 г. Ю.К. Терапиано писал В.Ф. Маркову: «Мне кажется, сейчас нужно подумать нам о “человеке 50-х” годов, как в свое время мы нашли “человека 30-х” гг. Основным ощущением окончившейся сейчас “парижской ноты” была переоценка прежней, дореволюционной лит[ературной] эпохи и вопрос, как и чем может жить современный человек, прошедший через крушение прежнего мира. Этот человек 30-х годов был уединенным индивидуалистом без Бога, сомневался во всем. А каков человек 50-х гг. — вот главный вопрос. Ваша статья о Швейцере касается как раз этого. Вот было бы хорошо поставить вопрос о том, чем жив и чем может жить человек 50-х гг. Тогда и энергия появится, и, б. м., опять возникнет тайный общий заговор, среда, содружество, без которой — Вы правы — литературная среда мертва»³.

О «человеке 30-х» до войны действительно говорили немало, пусть и не всегда называя именно так, но по преимуществу именно говорили — на собраниях, в докладах, частных разговорах, — а если и писали, то чаще в статьях и заметках по разным поводам, не вдаваясь в глубокий анализ. Книга Варшавского, в сущности, стала первой обстоятельной попыткой дать портрет поколения. Хотя Адамович считал: «В книге Варшавского самое значительное и важное — вовсе не характеристика отдельных эмигрантских группировок, а мысли автора о культуре и общественной жизни»⁴.

Варшавский в эмиграции с самого начала воспринимался скорее мыслителем, чем беллетристом. С его предельной честностью к самому себе и к выражаемым мыслям, он всегда писал мучительно трудно и медленно. Развлечением его писания не были ни для автора, ни для читателей. К произведениям Варшавского определение «человеческий документ» подходило больше, чем к чему-либо другому. Постоянно поддерживавший его Адамович считал это характерным признаком и как-то заметил Ю.П. Иваску: «Лично мне очень нравится, как статья написана (едва ли понравится очень многим, т.к. нравится легкость, а он ворочает камни и глыбы)»⁵. Сам Иваск был убежден: «Сила Варшавского — в правдивости и в нравственной требовательности»⁶.

При этом лидером по темпераменту, особенностям характера Варшавский явно не был, и это отмечали даже самые доброжелательные современники: «Варш[авский] в ролях трибуна — не совсем на месте»⁷.

³ «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда»: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1972) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Библиотечка-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2008. С. 239.

⁴ Адамович Г. О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем // Новое русское слово. 1956. 25 марта. № 15611. С. 8.

⁵ Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 452.

⁶ Иваск Ю. [Рец.:] Владимир Варшавский. Семь лет. Париж, 1950 // Новый журнал. 1950. № 24. С. 299.

⁷ Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961). С. 456.

Возможно, в силу таких особенностей характера он и стал после выхода книги не столько властителем дум, сколько возмутителем спокойствия.

Особенности книги всецело объяснялись личностью автора. Сталкиваясь с фактами, не укладывающимися в его концепцию, он не стремился подогнать их к готовому ответу или игнорировать, как это делается чаще всего, а, наоборот, пытался найти им объяснение и место в своих рассуждениях. То, что при этом страдала стройность и легкость изложения, было для него лишь дополнительной, но необходимой трудностью.

Ему хотелось непременно объединить демократию и христианство, прогресс и евангельские истины. Он находил свою правду и у Бергсона, и у Федорова, и у эмигрантских активистов и не мог позволить себе отмахнуться от них, стремясь объять в своем произведении все эти принципиально разные устремления. В результате получилось нечто если и громоздкое, то все же более приближенное к реальному миру, чем большинство стройных идеологических концепций, полученных путем чистой спекуляции и подтасовки фактов.

Адамович из-за этого счел книгу Варшавского «в сущности – католической, по стремлению спасти все, и овец, и волков»⁸. Но Варшавский не хотел жертвовать, он предпочитал искать способы примирить непримиримое.

В том, что возможно совместить демократию и христианство, сомневались многие его критики, правда, по разным причинам. Адамович считал, что церковь смогла просуществовать века только потому, что сама незаметно отошла от евангельских устоев. А Вишняк и Аронсон рассматривали христианство как что-то давно устаревшее, совсем ненужное и только мешающее подлинной демократии.

Узнав о замысле книги, Адамович, сам отдавший дань увлечению Бергсоном, советовал Варшавскому в письме от 13 ноября 1954 г. (кстати, весьма прозорливо называя уязвимые места будущего произведения): «Ваша книга очень меня интересует. Но – поменьше цитат, побольше Вашего! И не очень уж вспоминайте Бергсона».

Бергсон, тем не менее, в книге присутствовал в изрядных дозах, непринужденно соседствуя с Н.Ф. Федоровым и Маркионом.

Маркиону неспроста уделено столько внимания в книге, и дело не только в тяготе русских монпарнасцев к гностике. Гораздо больше их волновали первоисточки христианства, еще не отягощенные тысячелетним опытом Церкви. Об этом писал Адамович, и это, как могли, впитали молодые литераторы.

Прочитав книгу, Адамович писал Варшавскому 30 января 1956 г.: «Маркион – в глубочайшей сущности Евангелия, которую церковь *должна* была отвергнуть, что бы она о нем ни думала. Не “Числа” с Маркионом, а русские сектанты с ним, которым было ясно, что если выбирать между Христом и прогрессом, колебаний быть не может»⁹.

⁸ «Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) / Предисл., подг. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2010. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. С. 299.

⁹ Там же. С. 299.

Однако Терапиано вспоминал реакцию именно авторов «Чисел» на возможность такого выбора: «На собраниях общества “Круг”, устроенного И.И. Фондаминским с целью сблизить представителей “Православного дела” с молодыми литераторами, сплошь и рядом возникали столкновения на этой почве. – “Если положить на одну чашу весов Евангелие, а на другую – 2000-летний опыт Церкви – какая перетянет?” Помню, какое негодование литераторов вызвал ответ одного из представителей “социального делания”, избравшего вторую чашу»¹⁰.

Скептик Адамович мог сомневаться, что научил хоть чему-то младшее поколение, однако Варшавский на этот счет был другого мнения. И даже не склонный к пафосу Яновский назвал литературу молодых «одним из оставшихся островков великого христианского гуманизма»¹¹.

Все начинающие (да и не только начинающие) люди искусства часто стенают и сетуют на то, что их мало любили. Эмигрантские литераторы младшего поколения не были исключением. Даже обосновавшись на Монпарнасе, они еще жили старыми литературоцентрическими представлениями, еще не поняли, куда попали, и все тосковали по старой России, где были читатели, эта самая пресловутая «тысяча студенток», считая наличие студенток-читательниц нормальным явлением. То, что нормальным и естественным для литературы положением является та ситуация, в которой они оказались, им попросту не приходило в голову. Именно этим объясняется и злоба Яновского, убежденного в том, что молодую литературу все душили и топтали, и тихая растерянность Варшавского, пытавшегося понять причины, почему молодых не заметили. На самом деле оппоненты правы, их заметили (зачастую, правда, путая имена, а то и целые поколения, называя прозаиков поэтами, т.е. почти не читая, но заметили), просто старшему поколению они показались неинтересными, поскольку мало занимались политикой. Несколько раз на них обратили внимание, взглянув глазами социолога и меланхолично отметив некоторые свойственные им черты – склонность к мистике, недостаток реализма, оторванность от традиций и т.д. – что еще могли сказать о них старшие, занятые своими делами и видящие, что молодежь в эти дела не вникает.

Спор по поводу определения «незамеченное поколение» начался буквально с первого же отклика¹² на журнальную публикацию и продолжается до сих пор, причем разброс мнений радикальный: от полного неприятия до безоговорочно высокой оценки¹³. И многое другое также вызвало горячие споры.

¹⁰ Терапиано Ю. «Незамеченное поколение» // Русская мысль. 1956. 21 апр. № 889. С. 2.

¹¹ Яновский В. Мимо незамеченного поколения // Новое русское слово. 1955. 2 окт. № 15436. С. 2.

¹² «Общая оценка не исключает ряда недоуменных вопросов: почему это поколение литературной молодежи – “незамеченное”? Ведь ряд писателей и поэтов из числа наиболее талантливых получили признание» (Аронсон Г. Новый журнал. Книга 41 // Новое русское слово. 1955. 24 июля. № 15793. С. 8).

¹³ «Как кажется, не сделал он больше ничего, один только его эпитет “незамеченное” мог бы претендовать на вполне состоятельную историческую ценность» (Хазан В. «Семь лет»: история издания. Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом // Новый журнал. 2010. № 258. С. 179).

Когда вышла книга и оказалось, что речь в ней идет не только о литераторах, и даже не в первую очередь о литераторах, это многих удивило. 25 января 1956 г. Г.П. Струве писал В.Ф. Маркову: «Получил книгу Варшавского “Незамеченное поколение”. Она – не совсем то, что я ожидал, т.е. в ней много вне-литературного – о солидаристах, о младороссах (но и о парижских писателях есть)»¹⁴. 30 января 1956 г. о том же писал Адамович самому Варшавскому: «Сначала странное: справочник по истории младороссов и проч. Настоящее, Ваше – дальше, и оно-то меня и задело!»¹⁵

Если журнальная публикация глав из книги возбудила полемику, то сама книга вызвала прямо-таки бурю. 24 июня 1956 г. Г.П. Струве сообщил В.Ф. Маркову мнение М.В. Вишняка о том, что в эмиграции «несколько месяцев жили “под знаком” или “в эпоху” Варшавского»¹⁶.

Книгу восприняли прежде всего как ценное свидетельство об эпохе, и на этом сходились все критики. Не был оставлен без внимания и доброжелательный тон автора. В письме Варшавскому от 5 февраля 1956 г. Адамович даже заметил: «Вы вообще переборщили в любезностях»¹⁷. Критикам это также бросалось в глаза: «Печальный парадокс: “плач” Варшавского привлекательнее и значительнее многих произведений, которые он называет»¹⁸.

Но дальше, вслед за признанием этих фактов, начинались разногласия и претензии к автору.

М.В. Вишняк, недовольный обилием не сводимых в единую линию цитат, считал: «Получилась даже не “антология” или собрание лучших образцов того, что автор хочет показать, а совершенно случайный сборник иллюстраций и доказательств, попавшихся автору под руку»¹⁹.

М.Л. Кантор, напротив, в несохранившемся письме Адамовичу от 7 марта 1956 г. писал: «По-моему, книга В[аршавского] замечательная. Помимо того, что она должна уцелеть, как документ первостепенный, самая установка автора чрезвычайно привлекательна. И написана книга очень хорошо»²⁰.

Все печатные отзывы на книгу, собранные вместе, представляют собой чтение весьма занятное.

Нередко полемика срывается в запальчивый спор, переходящий на личности, когда каждый начинает нести чепуху или говорить не то, что думает, лишь бы побольнее уколоть оппонента. Все сгущают краски, не жалеют ради красного словца никого и ничего, даже истину, постоянно делают несправедливые выпады. Частые в эмигрантс-

¹⁴ Собрание Жоржа Шерона (Лос-Анджелес).

¹⁵ «Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972). С. 299.

¹⁶ Собрание Жоржа Шерона (Лос-Анджелес).

¹⁷ «Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972). С. 301.

¹⁸ Андреев Н. Заметки о журналах. «Новый журнал». Книги 37–42 // Русская мысль. 1956. 24 янв. № 851. С. 5.

¹⁹ Вишняк М. О «незамеченном поколении» // Новое русское слово. 1956. 2 марта. № 15588. С. 3.

²⁰ Цит. по: «Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972). С. 302.

ких газетах опечатки и заверстки строк делают многие пассажи еще более сумбурными, чем они были в рукописи.

Престарелая Кускова, не согласившаяся с тезисом о «незамеченности», ухитрилась перепутать все на свете, от имен отдельных участников до самого поколения, о котором шла речь у Варшавского.

Злобный Яновский, перегибающий палку далеко в обратную сторону, был убежден во враждебности всего мира к этому злосчастному поколению, и прежде всего к прозаикам, коих было всего несколько человек и которых якобы не печатали, в отличие от поэтов, хотя к тому времени уже выяснилось, что печатать было, строго говоря, нечего и никаких неопубликованных шедевров прозаики незамеченного поколения не оставили.

Все ошибались, забывали, приводили неверные суждения, не те аргументы. Еще не отболело, хотя эпоха уже сменилась, бывшие молодые не заметили, что по возрасту давно уже превратились в маститых, что им уже не третий десяток, а шестой и требуется уже не защищаться от старших любимыми средствами, а предлагать какой-то результат своего творчества. Варшавский и предложил. Для поколения его книга стала знаковой как по теме, так и по жанру. У многих поэтов и прозаиков этого поколения самыми читаемыми оказались книги, написанные в несвойственном им ранее жанре, представляющем собой мемуары, автобиографию или другие виды non fiction – Яновский, Терапиано, Одоевцева, Берберова. То есть самым интересным в них сейчас видится не их творчество, о котором они так пеклись, а они сами, их жизнь, их эпоха. Именно эти книги раньше других были переизданы, в то время как многие стихи и рассказы, с которыми они начинали и получали известность, до сих пор не собраны.

В эмиграции уже в творчестве старшего поколения мемуары стали основополагающим жанром, но старшие писали о событиях, активными участниками которых были, и почти всегда повествование в их книгах завершалось отъездом из России. У младших чаще всего рассказ шел уже о годах эмиграции, однако, в отличие от старших, их книги были наполнены не столько событиями, сколько размышлениями о времени, экзистенциальным углублением в себя. Характерен в этом смысле дневник Поплавского, в котором почти нет внешних событий, преобладает самоанализ. Эта особенность была изначально присуща и Варшавскому, Н. Андреев отмечал ее еще до выхода «Незамеченного поколения»: «Центр тяжести его прозы в самоанализе героя: мыслей, чувств, ощущений, поступков, даже снов, т.е. в том сознательном разложении спектра человеческой психологии на составные элементы, которое утвердилось у некоторых западных прозаиков после Первой мировой войны и которое отразилось у нескольких эмигрантских авторов, и нередко с проблематичным успехом»²¹.

«Незамеченное поколение» по жанру не мемуары, здесь Варшавский мало вспоминает о себе, по большей части это обзор, очерк, анализ, попытка описать явле-

²¹ Андреев Н. Заметки о журналах («Возрождение» 25, 26; «Грани» 16; «Новый журнал» XXXI, XXXII) // Русская мысль. 1953. 16 мая. № 554. С. 4.

ние сложное, расплывчатое, не укладывающееся в твердые рамки и не до конца понятное самому автору. Однако и здесь он сосредоточен прежде всего на внутреннем мире, только расширяет задачу, говоря не о себе одном, но обо всем поколении.

По выходе «Незамеченного поколения» эмигрантская публика, и особенно критика, весьма озадачилась едва ли не впервые появляющейся книгой такого жанра и такого тона. Варшавский попал в самые больные точки, и этим объясняется и такое обилие откликов, и столь сильный накал страстей.

Основные печатные отклики приведены в приложении, но в печать попала лишь малая часть мнений, куда больше эмоций осталось в частной переписке. Причем, как водится, горячо обсуждалась не только книга, но и сама полемика. Она вызвала к жизни даже художественные произведения. К примеру, Зинаида Трощая посвятила полемике сразу два стихотворения, прислав их Марку Слониму в письме от 21 октября 1955 г.: «С большим интересом следила за очередной сенсацией в нашем литературно-общественном болоте, за своего рода “мозаичной перепиской” между Варшавским – Вами – Кусковой – Яновским... Сей последний со свойственным ему нахальством – внес совершенно неприличный тон во всю эту “симфонию” – но Ваш ответ ему был прямо шедевром в своем роде.

Вот на какие отклики толкнуло все это мою неутомную музу:

I

Круг замыкается бесовский,
Война словесная кипит.
И поднял доблестный Яновский –
В ответ Кусковой – меч и щит.
Принять он не желает крохи,
Как раб, с “господского стола”...
Из “незамеченной” эпохи
Рать сильных крепла и росла.
Мы их задора не затронем,
Разбита в пух Madame Kouskoff,
Облит потоком брани Слоним,
И с ним – покойный Милюков.
Вслед современникам – и Горький,
И Короленко ввергнут в прах...
Да, злы Белинские в Нью-Йорке,
Покойникам внушают страх.
Что – Пушкин, Блок? Борис Поплавский –
Вот кто был полон грозных сил –
О том поведал нам Варшавский
И сам Яновский подтвердил.

Война не кончена. Ответы
Посыпятся обильно вновь...
Польются на столбцах газеты
Словесной битвы желчь и кровь.

II

За фазами журнальной драки
Следили мы по мере сил...
Марк Слоним дерзкому писаке
Статью в газете посвятил.
Он обнаружил в ней различье
Между Яновским и собой;
Возможно соблюдать приличие
Без ослепления борьбой.
Возможно вылить бочку яда
Без грубой брани... это факт!..
Но для того, конечно, надо
Иметь и голову, и такт»²².

И если книгу все эти отзывы, даже в их совокупности, характеризуют однобоко, то и дело сбиваясь на детали и переходя на личности, то послевоенную ситуацию, многообразие позиций и разноголосицу мнений полемика воссоздает великолепно, сама по себе являясь своеобразным памятником эпохи.

После смерти Адамовича Шмеман призывал Варшавского взять на себя роль лидера: «Вы сейчас *senior citizen* эмигрантской литературы <...> и должны вести себя как таковой, как хозяин, рассаживающий гостей, с любовью, с уважением, но со знанием того, что на *этой* территории – хозяин он. Эмиграция *кончается*. Тем более необходим голос светлый, твердый, мужественный, умудренный несравнимым эмигрантским опытом, носитель той ее *правды* (не политической, не общественной, не “гулевской”), которую даже *гении* оттуда не могут заметить. Все это сейчас *Вы*, и этим голосом Вы должны заговорить, не зря же сидеть Вам в лучах Mont Blanc’a (был Адамович, теперь – Вы)»²³.

Отчасти из-за таких призывов Варшавский начал перерабатывать «Незамеченное поколение», готовя новую редакцию.

Переработанный вариант гораздо ближе к проповеди, чем к историческому исследованию. Дописаны страницы, а на какие-то темы и десятки страниц. Причем далеко не всегда новый вариант стилистически лучше, Варшавскому главное «мысль изложить». Он и в опубликованной книге цитировал страницами, некоторые статьи и

²² Howard Gotlieb Archive Research Center. Marc Slonim Papers. Box 22. Folder 2.

²³ Письмо А.Д. Шмемана к В.С. и Т.Г. Варшавским от 13 августа 1974 г. // Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (далее — ДРЗ). Ф. 54.

документы приводил едва ли не целиком, а при переработке число и объем цитат лишь увеличивались. Еще больше места, чем в первой редакции, уделено защите и оправданию демократии как единственного приемлемого строя. Порой даже возникает ощущение, что Варшавский так пытается избавиться от сомнений, которые с годами все множатся. Примеры и повторения в убедительное доказательство не складываются и постепенно все больше начинают напоминать заклинания. Однако автор твердо стоит на своем, отвергая все прочие соблазны и стараясь показать, что идея демократии подспудно владела умами практически всех молодых эмигрантов, к каким бы движениям и направлениям они себя ни относили, а если и случалось им поддаться тому или иному соблазну, по мере взросления и развития событий богатого на потрясения XX века они все же рано или поздно возвращались к той же идее, пусть и в собственном, обновленном понимании.

Так это было или не совсем так, сказать трудно, влияние идеологий на массы с трудом поддается учету, однако Варшавский своими рассуждениями задел самые большие вопросы столетия. Именно это противостояние идеологий определило всю историю и судьбу XX века. Во всяком случае, все попытки вписать поколение в общий ход истории так или иначе сводятся к этому противостоянию.

НЕЗАМЕЧЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

От автора

Первое издание «Незамеченного поколения» вышло почти двадцать лет тому назад¹. Тогда еще многие помнили начало первой эмиграции. А для нового читателя это уже далекое, полузабытое прошлое.

После окончания Гражданской войны значительная часть политической и творческой интеллигенции ушла из России. Многих выслали². В центрах беженского рассеяния начали возникать газеты, гимназии, театры, университеты, издательства. Выходили замечательные книги и замечательные журналы, продолжался русский «серебряный век». Явилась даже новая идеология — евразийство; оно сумело привлечь блистательную плеяду профессоров. Предупреждаю читателя: в предлагаемой книге он не найдет рассказа обо всем этом. В ней речь о другом поколении, о тех, кто попал в эмиграцию совсем еще молодыми людьми, а то и подростками, и если в ней все еще говорится о евразийских и новгородских идеях, то только поскольку они оказали влияние на «эмигрантских сыновей».

Ничего сравнимого с тем, что сделали «отцы», это поколение не сделало. Но думать, что оно совсем ничего не сделало, — неверно и несправедливо. Оно поставило местной жизни немало выдающихся инженеров, врачей, ученых, художников, музыкантов, танцовщиков, актеров, певцов, генералов, литературоведов и знаменитых писателей: французских, американских, английских. Однако не ждите от меня перечня их достижений на чужой почве. Я задавался другой целью: попытаться понять судьбу тех эмигрантских молодых людей, которые жили на чужбине мечтанием служить русской идее. Публицистические и художественные их произведения почти совсем неизвестны³. Чтобы дать о них представление, я должен был составить эту книгу почти сплошь из цитат, почти как хрестоматию. Впрочем, я вижу в этом ее достоинство. Читатель, даже несогласный с моими выводами, найдет в ней почти уже недоступные теперь материалы, которые ему помогут составить собственное суждение.

Во втором издании я дополнил почти все главы, старался пригладить слог и исправил две фактические ошибки, на которые мне любезно указал М.В. Вишняк⁴, в моем рассказе о И.И. Фондаминском⁵.

Это не исторический очерк. Такой очерк был бы невозможен из-за полного отсутствия подготовительных работ. История этого поколения вряд ли вообще будет когда-нибудь написана. Многих погибших его представителей я знал лично. Но не только чувство нравственного долга рассказать о их жизни и мученической смерти побудило меня написать эту книгу. Мне всегда казалось, в их разговорах и поступках еще чувствовался последний отблеск навсегда, быть может, исчезнувшего вдохновения «русской идеи».

Сколько им лет? Большинство из них родилось в первом десятилетии века. Они успели получить в России только начальное воспитание и попали в эмиграцию недоучившимися подростками. Старшие из них прошли в рядах Добровольческой армии через гражданскую войну. Большинство же покинуло родину почти детьми. Они еще помнят Россию и на чужбине чувствуют себя изгнанниками. В этом их отличие от последующих эмигрантских поколений. Но воспоминаний о России у них слишком мало, чтобы ими можно было жить. В этом их отличие от отцов.

В. Варшавский

Исход

Судьбу этого поколения можно понять, только вспомнив настроения первых лет эмиграции. За рубежом в то время оказалась значительная часть русского образованного общества: писатели, философы, богословы, поэты, профессора, художники и артисты; дворяне, чиновники, офицеры, «бывшие» вообще; «земско-городские» деятели, люди либеральных профессий; «делегации» демократических и социалистических партий. Кадеты, эсеры, меньшевики были в эмиграции в меньшинстве, но они издавали главные газеты и журналы и их публицистика и дискуссии занимали авансцену эмигрантской общественной жизни. Однако они не имели большого влияния. Белогвардейские «массы» эмигрантского народа относились к ним с нескрываемой неприязнью.

Вражда эта была основана на убеждении, что интеллигенция «сделала» революцию и несет поэтому ответственность за все ее ужасы и разрушения. В революции проявилось настоящее лицо интеллигенции, угадываемое прежде лишь пророками. Большевизм — это победа «бесов», победа той части интеллигенции, которую олицетворил Петруша Верховенский. Правда, другая часть — Степаны Трофимовичи, либеральные прекраснодушные болтуны, — сама стала жертвой большевизма. Но это по ее собственной вине, ведь именно интеллигентская маниловщина привела к победе большевиков. Вспоминали не только «Бесов», но и «Подростка», предсказание Версилова, «как кончатся современные государства»:

«Я думаю, что все это произойдет как-нибудь чрезвычайно ordinarily, — проговорил он раз. — Просто-напросто, все государства, несмотря на все балансы в бюджетах и на “отсутствие дефицитов”, *un beau matin*^{*} запутаются окончательно, и все до единого пожелают не заплатить, чтоб всем до единого обновиться во всеобщем банкротстве. Между тем весь консервативный элемент всего мира сему воспротивится, ибо он-то и будет акционером и кредитором, и банкротства допустить не захочет. Тогда, разумеется, начнется, так сказать, всеобщее окисление: прибудет много жида, и начнется жидовское царство».

^{*} В одно прекрасное утро (фр.). — Здесь и далее примеч. под знаком «*») принадлежат составителям.

Тут обычно цитату обрывали, дальнейшие слова Версилова о восстании нищих не приводились⁶, оставалось: революция привела к «жидовскому царству».

Как и в старом черносотенстве, ненависть к интеллигенции соединялась у правых эмигрантов с ненавистью к евреям, всегда помогавшим делать революцию. Образы интеллигента и еврея сливались в представлении о мировом иудео-масонском заговоре, погубившем православную царскую Россию. О том, что «орден русской интеллигенции» сложился еще задолго до того, как в него начали вступать первые выходцы из гетто, забывали.

Не хотели простить даже «кающихся интеллигентов». Среди русских студентов в Праге случалось слышать: первого, кого нужно повесить по возвращении в Россию, — это Петра Струве. Крайнее проявление этой ненависти — покушение на Милюкова в Берлине в 1922 г. Жертвой покушения стал не сам Милюков, а заслонивший его В. Набоков. Об этом бредовом преступлении сын убитого В.В. Набоков-Сирин пишет в своей автобиографической повести «Другие берега»: «Мой отец заслонил Милюкова от пули двух темных негодяев, и, пока боксовым ударом сбивал с ног одного из них, был другим смертельно ранен в спину»⁷.

Радикальную интеллигенцию винили не только правые и черносотенцы, но и люди, принадлежавшие прежде к тем умеренно либеральным кругам образованного русского общества, которые в управлении, в судах, в земстве и в школе вели в России всю созидательную работу. Отход этих кругов от идеалов революционной интеллигенции начался еще прежде. В октябре он стал окончательным: со всеми своими требованиями конституции и правовых гарантий революция привела не к установлению строя вроде английского, а к победе большевиков.

Этому отходу способствовал и рост религиозных настроений. Русское религиозно-философское возрождение начала века продолжалось в эмиграции, приобретя здесь, может быть, даже большую способность вербовать души. Измученным бездомным изгнанникам, которые видели гибель всего, что им было дорого, нужно было найти опору в чем-то, что больше смерти. Они обращались к православию как к вечной и нерушимой святыне потерянной родины.

Позитивистские идеи интеллигенции отталкивали этих людей и сами по себе, и потому что они видели, к каким страшным последствиям привела пропаганда этих идей среди малограмотного народа. Интеллигенция, конечно, не хотела всех ужасов большевизма, это признавалось, но она все же несет за них

ответственность: своею проповедью материализма и безбожья она убила религиозную веру, на которой держались все нравственные убеждения народа.

Но главное — в эмиграции у радикальной интеллигенции не было поддержки учащейся молодежи, жертвенным героизмом которой всегда держалось Освободительное движение. Молодежь ушла из «ордена», когда гражданская война калейдоскопически все переставила на русской исторической сцене. «Правое» перестало быть символом зла, реакции и деспотизма. По сравнению с большевистским террором старый режим стал казаться царством свободы, права и человечности. «Левое» же соединялось теперь с горечью воспоминания о проявившейся в революции исторической несостоятельности интеллигенции: довела до того, что большевики смогли захватить власть. А когда началась вооруженная борьба, часть социалистической интеллигенции пыталась «сосуществовать» с большевиками. Борьба правых эсеров и меньшевиков-«активистов» с большевиками в Сибири и в Среднем Поволжье была заслонена выступлением Добровольческой армии. «Орден» больше не был окружен славой героической освободительной борьбы. Эта слава перешла к Белому движению. Никакой пропаганды Корнилов и Алексеев не вели. Героизм не проповедуется, а заражает примером. Мистический призыв отдать свою жизнь за правду ведет теперь «русских мальчиков» уже не в ряды «ордена», а на Дон. «За словом: долг напишут слово: Дон»⁸.

Перечитывая «Братьев Карамазовых», несомненно знаешь, живи Коля Красоткин на полвека позже, он обязательно пошел бы в Белую армию. Пошел бы и Алеша Карамазов⁹, и все другие русские мальчики Достоевского.

В годы Гражданской войны студент уже не «внутренний враг», а «контра». Вместе с юнкерами студенты защищали Временное Правительство и шли в Ледяном походе, с таким же сознанием участия в жертвенном и священном подвиге, с каким в прежние годы пошли бы в революционное движение. О студентах и гимназистах в Гражданской войне рассказывает Роман Гуль в «Коне рыжем»¹⁰. Герой его, молодой офицер из студентов, демократ по убеждению, пробирается на Дон, чтобы принять участие в трагической эпопее Добровольческой армии.

После трех с половиной лет борьбы, крови и страданий, одушевления и надежды началась эмиграция. В 1933 г. в Париже на вечере журнала «Числа» молодой эмигрантский писатель А. Алферов вспоминал:

«Наше поколение, пройдя наравне с другими через всю грязь и весь героизм Гражданской войны, через падения и унижения последних лет — не мо-

жет утешить себя даже прошлым: у нас нет прошлого. Наши детские годы, годы отрочества протекли в смятении, недоумении, ожидании; воспоминания о них смутны, на фоне войны и революции. Мы не знали радости независимого положения, к нам не успели пристать никакие ярлыки — ни общественные, ни политические, ни моральные... После российской катастрофы иностранные пароходы разбросали всех нас, как ненужный хлам, по чужим берегам голодными, внешне обезличенными военной формой, опустошенными духовно. Отчаяние или почти отчаяние — вот основа нашего тогдашнего состояния. Наши взоры были обращены не вперед, а назад, и только с Россией связаны были у нас еще кой-какие догорающие надежды. Мы видели сны о войне, о пытках, о наших женах, детях и матерях, расстреливаемых в застенках, о родном доме, — и просыпались в животной радости освобождения. Мы мечтали о том, как рыцарями “без страха и упрека”, освободителями, просвещенными европейским опытом, мы предстанем перед своим народом»¹¹.

«Белогвардейская эмиграция» еще долго продолжала жить на чужбине «галлиполийским» идеалом. Основное в этом идеале — беззаветная любовь к России как к священному бытию, соединенному с правдой, с добром, со всем нравственно прекрасным, что есть в мире. Близкое к мистической любви, возвышающее и благоговейное чувство, с которым рождается в человеческих душах рыцарская готовность совершить подвиг и отдать свою жизнь:

Смело мы в бой пойдём
За Русь святую
И как один прольём
Кровь молодую.

Но сильное и глубокое чувство героической любви соединялось теперь в сознании Коли Красоткина, прошедшего через Гражданскую войну, уже не с готовыми «левыми» идеями («я социалист, Карамазов, я неисправимый социалист»¹²), а с такими же готовыми правыми идеями. «Неисправимый социалист» теперь уже неисправимый монархист. Обычно он допускает, что будущий государственный строй России должен быть установлен Учредительным собранием или, еще лучше, Земским собором; но, заранее соглашаясь подчиниться решению этого Собора, верит, что народ захочет восстановления монархии. Став в эмиграции чернорабочим или шофером такси, он продолжает ненавидеть всякий социализм. Образ героя-революционера, отдающего жизнь за народ, окончательно заменяется в его представлении образом «рыхлого», «мягкотелого» интеллигента, способного только болтать, болтовней-то Россию и погубив-

шего. «Керенский бежал, переодевшись в женское платье». «Когда юнкера, студенты и гимназисты в беспримерной неравной борьбе гибли за Россию, Керенский и Милюков клеветали за границей на Добровольческую армию». «“Последние новости” — жидовская газета».

К жертвенному героическому вдохновению Белого движения все более примешивались другие чувства — человеконенавистничество черной сотни.

Смело мы в бой пойдем
За Русь святую
И всех жидов побьем,
Сволочь такую.

Об идее здесь можно говорить уже только в том смысле, в каком говорят об «идеях» преступников-садистов.

Но при самом непримиримом отношении к мерзости погромной «идеологии» нужно помнить, что ею была заражена только часть белогвардейской эмиграции и что черносотенство многих людей, которые по привычке говорили «жид» вместо «еврей», было случайным и наносным, не связанным с их глубокими чувствами и мыслями, гораздо более сложными, романтическими и человеческими.

Апологетическая белогвардейская публицистика, журналы и газеты вроде «Возрождения» и «Часового», дают только поверхностное, условное и несколько лубочное представление о душе белого эмигранта. Более трагический и живой образ мы найдем в романах и рассказах Р. Гуля, Л. Зурова, В. Костецкого¹³, Д. Леховича¹⁴, И. Савина¹⁵, Н. Татищева¹⁶ и некоторых других младших эмигрантских писателей, которые побывали на Гражданской войне. В романе Бориса Поплавского «Аполлон Безобразов» есть несколько очень любопытных страниц об «эмигранте, офицере, пролетарии».

«— Это вы смеетесь, а вот послушайте, я вам расскажу... Подходит ко мне жином. Садится у вуютору. О ла! ла! думаю. Ну, везу, значит. Везу целый час, оглянулся, на счетчике двадцать семь франков. Остановился я, он ничего. Я, значит, его за манишку, плати, сукин сын. А он мне русским голосом отвечает. Я, братишечка, вовсе застрелиться хочу, да все духу не хватает, потому, мол, и счетчик такой. Плачет и револьвер при нем. Ну, я, значит, револьвер арестовал, а его в бистро. Ну, значит, выпили, то, другое, о Бизерте поговорили. Он, оказывается, наш подводник с “Тюленя”. То, другое... Опять за машину не заплатил.

— Так и пропадаем, как Тишка.

— Какой Тишка?

— Богомилов, здоровый такой с бородою, лейб-казак. Его теперь бумаг лишили за то, что он жулика одного пожалел. От полиции его повез и въехал в ассенизацию.

— Жулика, конечно, каждому русскому жалко.

— Ну, хватит. Давайте лучше споем что-нибудь.

— Костя, спой ты.

— Ну что же, я спою.

Он поет. Голосу у него, конечно, никакого, но громко зато поет, на самые верхи залезает. Высоко выставив свою шоферскую грудь, широко расставив свои кавалерийские шоферские ноженьки. Лихо поет, и вот все заслушались, все приумолкли и даже целоваться перестали. Честно поет, широкогрудно и антимузыкально, гражданственно и по-разбойничьему тоже.

Ресторан закрыт,
Путь зимой блестит,
И над снегом крыш
Уж рассвет горит.

Ты прошла, как сон,
Как гитары звон,
Ты прошла, моя
Ненаглядная.

— Еще, Костя.

Три сына было у меня,
Три утешенья в жизни,
И все они, завет храня,
Ушли служить отчизне.

Пой, светик, не стыдись, бодрый эмигрантский шофер, офицер, пролетарий, христианин, мистик, большевик, и не впрямь ли мы восстали от глубокой печали, улыгнулись, очнулись, вернулись к добродушию. ...Наглая и добродушная, добрая и свирепая, лихая Россия шоферская, зарубежная. Либертэ, фратернитэ, карт дидантитэ. Ситроеновская непобедимая пролетарско-офицерская, анархически-церковная. И похоронным пением звучит цыганщина, и яблочко катится в ней, и слышится свист бронепоезда.

И снова шумит граммофон, и, мягко шевеля ногами, народ Богоносец и рогиносец поднимается с диванов, а ты, железная шоферская лошадка, спокойно стой и не фыркай под дождем, ибо и до половины еще не дошло танцевали-

ще, не долилось выпивалище, не доспело игрище, не дозудело блудилище и не время тебе зигзаги по улицам выписывать, развозя утомленных алкоголем, кубарем проноситься по перекресткам, провожаемой заливистыми свистками полиции. Ибо бал, как долгая непогода, только что разразился по-настоящему. Еще трезвы все, хоть и пьяны, веселы, хоть и грустны, добры, хоть и свирепы, социалисты, хоть и монархисты, богомилы, хоть и Писаревы, и шумит вино, и льются голоса, и консьержка поминутно прибегает, а вот и консьержку умудрились напоить, и она пьяная кричит: *Vive la Sainte Russie!*¹⁷

Так и кажется, без большевизма и Гражданской войны были бы эти русские парижские «извозчики» студентами и петь бы им революционные песни. И действительно, герои Поплавского затягивают: «Быстры, как волны, все дни нашей жизни», а кто-то вдруг даже поет:

Выпьем мы за того,
Кто повешенный спит,
За револьвер его,
За честной динамит.

И еще за того,
Кто «Что делать» писал,
За героев его,
За святой идеал.

Конечно, не на всякой шоферской вечеринке пели про динамит и Чернышевского. Поплавский, может быть, это просто придумал. Но все-таки в его рассказе нет неправды. Несмотря на совсем другой опыт жизни и на изменение всех условий, эти бывшие прапорщики и «вольнопупы» были из того же «материала», что и прежние русские студенты.

Но шли годы, умирали надежды на скорое возвращение в Россию, на весенний поход, на возобновление Белой борьбы. Сознание напрасности жертв и усилий все тяжелее давило душу. Будущего больше не было. Стена. В повести «Дурачье» Анатолий Алферов рассказывает об унылой и безвыходной эмигрантско-пролетарской жизни. Вот начало этой повести:

«До самого конца Иван Осипович Хлыстов жил своей обычной жизнью — «как все». Только в последний день за ужином он вдруг встал из-за стола и сказал, обращаясь почему-то не к хозяину-французу, а к русскому соседу: «Эх, вы! Супа — и того не умеете приготовить!» Слова были произнесены по-французски громко и дерзко в присутствии всех завсегдатаев. Ивана Осиповича с бра-

ню выпроводили... Затем его видели танцующим в дансинге часов до одиннадцати вечера; половина двенадцатого — он разговаривал на улице с Сычевым (Сычев был пьян и помнит только, что Иван Осипович казался бурно-веселым, беспрестанно хлопал его по плечу; за что-то хвалил, рассказал о своем уходе с завода — его в этот день сократили, — а на прощанье дал пять франков на водку), а в двенадцать он повесился. Когда наутро прислуга вошла в комнату, то колени его почти касались пола, малейшее, даже бессознательное усилие могло спасти его от смерти... Вот и косяк оконной рамы, через который он перекинул веревку. Хозяйка разрешила ее потом на двадцать три части и распродала по десяти франков за обрезок. Последний — самый маленький и оборванный — достался мне, как подарок за небольшую услугу. Он и сейчас лежит у меня на полке в трюме, на нем еще уцелела сероватая пыльца от высохшего мыла.

Хлыстов не оставил после себя ничего: все его богатство заключалось в засаленном костюме, с заложенной в боковой карман предсмертной запиской. Она содержала одно только слово: “Дурачь”...

Скучно в нашем пригороде и пусто: до тоски. Даже этот суррогат времени, что остается после работы, вымученный десятичасовым трудом, обескровленный и безвкусный, как спитой чай, — мне в тягость. Хочется все думать, думать... а думать не о чем: от жизни тошнит.

Иногда по вечерам к заходу солнца выхожу побродить по улицам, навесить знакомых — не своих (своих у меня нет) — хлыстовских¹⁸.

И все-таки, несмотря на подавленность и потерю надежды, несмотря на разрушения, произведенные в душе страшным опытом Гражданской войны, и частую подмену «белой» любви к России «черным» национализмом правых, бывшие студенты и гимназисты, бывшие солдаты Добровольческой армии, став эмигрантами, по-прежнему оставались «русскими мальчиками». Готовность к жертвенной борьбе за правду продолжала жить в их сердцах, как жар, еще тлеющий под безобразно застывшей гарью. Когда во время немецкой оккупации во Франции началось движение Сопротивления, большинство русских участников этого движения вышло из среды именно этой пролетарско-офицерской зарубежной России.

Привожу несколько эмигрантских «биографий» из опубликованного Содружеством резервистов французской армии длинного списка русских по происхождению солдат, убитых в последнюю войну.

Скрябин Кирилл — родился 4.10.1899, воспитанник Императорского Александровского лицея, вольноопределяющийся лейб-гвардии Конного пол-

ка. Во французской армии — сержант, скончался 11.6.1940 в Нейи-Сэн-Фронт. Награжден Военным крестом (посмертно).

Земцов — Выдержка из письма начальника Земцова Отто Вагнера от 15.2.1946 г.

«Дважды был представлен мною к награждению Военным крестом, первый раз за разведку, произведенную 28 мая 1942 г., второй раз — посмертно. Он был подпоручиком в войну 1914–1918 гг. и был тяжело ранен. После революции эмигрировал и, в конце концов, поступил в Иностраннный легион. После перемирия в 1940 г. был уволен в отставку, но в 1941 г. добровольно вернулся и был назначен мною шефом в моем отряде. Мой лучший шеф секции в Легионе, умный, храбрый, ориентирующийся в боевой обстановке. Убит при Вир Гахейм».

Боровский Константин Константинович — лейтенант.

Первую мировую войну К.К. Боровский проделал в рядах лейб-гвардии Павловского полка, показав себя доблестным строевым офицером. Во Франции Боровский, после выдержанного испытания в Эколь Милитэр 10.1.1940, был произведен в лейтенанты резерва французской армии и зачислен в 21 полк, 2 батальон. С первых же дней пребывания в полку Боровский очень серьезно отнесся к своему положению и стал усиленно изучать в подробностях то оружие, с которым ему надлежало пойти в бой (пулемет).

Прекрасный товарищ и начальник, он быстро завоевал симпатии офицеров и уважение подчиненных. Приказания его во время боя отличались ясностью, определенностью и исполнялись немедленно. Чувствовался офицер, понимающий и знающий свое дело. Во время пребывания на позиции он неизменно проявлял большую выдержку, спокойствие и заботу о людях. С 7 по 11 мая вызывался вне очереди идти со своим взводом на передовую линию. По личному почину произвел ночную разведку и выяснил расположение немецкого охранения. В бою 9 июня проявил редкую решительность и своим метким огнем во фланг противника нанес ему чувствительные потери. Атака немцев была отбита главным образом благодаря прекрасному действию его пулеметов. На рассвете 11 мая, когда запыхавшийся солдат связи прибежал и сообщил, что надо скорее уходить, что другие части уже ушли и что немцы окружают, Боровский отказался покинуть позицию впредь до получения письменного приказа начальства. Во время тяжелого отступления Боровский ни на минуту не покидал свои пулеметы и все время подбадривал утомившихся людей. 14-го июня, в бою под г. Сэн Мэнэгульт, Боровский доблестно погиб на поле чести, пытаясь

спасти свой пулемет от наседавших немцев. Награжден (посмертно) Военным крестом.

Зубов Иван, род. 15.5.1899 г., проделал Великую войну, кавалер Георгиевского креста трех степеней, проделал Гражданскую войну, был эвакуирован в Галлиполи; поступил добровольцем во французскую армию, был убит 3.11.1944 г., в Плянуа, Вож. Погребен на русском кладбище в С. Женевьев.

Можно было бы привести еще много таких биографий. Но вернемся к настроениям первых лет беженства.

Как отплатили союзники Добровольческой армии за верность? Бросили ее на погибель! Белогвардейская эмиграция долго не могла забыть обиды. Чувство негодования еще усилилось, когда бывшие белые воины после голодного сидения на «Голом поле», подписывая кабальные рабочие контракты, начали расселяться по странам Западной Европы. Они не нашли здесь правды. Бесправные беженцы, они могли рассчитывать только на самое последнее место в рядах европейского пролетариата, только на самую тяжелую и плохо оплачиваемую работу. Да и такую работу становилось все труднее получать. Экономический спад, безработица. И их не хотели слушать. Они рассказывали о таких преступлениях и страданиях, казалось, камни должны были возопиять, но их рассказы вызывали только раздражение. Победенных не любят: кому нужны были все эти «врангелисты», «метеки», «грязные иностранцы»? Только в славянских странах их встречали дружески¹⁹.

Уже и прежде русские путешественники часто испытывали на Западе разочарование. Теперь, попав сюда нищими изгнанниками, они открывали недостатки здешней жизни уже не в порядке туристических наблюдений, а в тяжелом каждодневном опыте отверженности и унижения.

«Приехал я в Париж, сей мнимый центр человеческих знаний и вкусов. Все рассказы о здешнем совершенстве — сушая ложь». «Божество француза — деньги». «Искусство погибает. Религиозное чувство погибает... Запад гибнет». «На Западе душа убывает... Совесть заменяется законом». «Мелкая, грязная среда мещанства как тина покрывает своей зеленью всю Францию». «Мещанство — окончательная форма западной цивилизации». «Современное поколение имеет одного Бога — капитал». «Черствее и черствее становится жизнь; все мельчает и мелеет...». «Во внутренних европейских событиях чем ближе к концу века, тем яснее “общеевропейской” делается только пошлость».

Как эти цитаты из Фонвизина, Одоевского, Аксакова, Герцена, Гоголя и Розанова напоминают разговоры, которые так часто приходилось слышать в

те годы от эмигрантов, даже тех, кто никогда ни Герцена, ни «Русских ночей» не читали.

Из чувства глубокой обиды рождались безумные мессианские мечтания. Россия призвана спасти мир, ей открылась в апокалипсисе революции высшая, общечеловеческая правда, ей предназначено создать социальный строй на христианских началах. В горниле великих бедствий русские изгнанники, новый избранный народ, обрели знание, недоступное духовно оскудевшему Западу. Так зародилось евразийство.

«С трепетной радостью, с дрожью боязни предаться опустошающей гордыне, — мы чувствуем, вместе с Герценом, что ныне “история толкается именно в наши ворота”... Мы не отказываемся определить, хотя бы для самих себя, — содержание той правды, которую Россия, по нашему мнению, раскрывает своей революцией. Эта правда есть: отвержение социализма и утверждение Церкви»^{*20}.

Это было трудно понять. Один из критиков евразийства писал: «Я склонен думать, что настроения эти расцвели по закону контраста: они так сильны именно потому, что действительность им противоречит, потому что в этой действительности нет ничего, что могло бы питать и обосновать эти мечты и стремления»^{**21}.

В книге третьей «Евразийского временника» (Берлин, 1923) Петр Савицкий так объяснял евразийское отношение к революции:

«Царская и императорская Россия, подходя к осуществлению русского мирового призвания, проводили его методами и в формах национального государства. Но и в явлении коммунизма, эмпирическая сущность которого в гораздо большей степени сводится к разрушению, чем возвеличению России, все-таки, помимо воли вождей и наперекор их решениям, явлена в искаженном и обезображенном виде — мысль о русском мировом призвании; явлена притом в размахах, доселе неслыханных. Нет сомнения, что коммунизм преходит и прейдет. Но возрожденная национальная Россия должна в полной мере сохранить в положительном виде то мировое чувство, которое в извращенной форме запечатлено в коммунизме... Народ наш есть народ особый и исключительный»²².

Критики евразийства и так называемых пореволюционных течений не без основания говорили: их колыбелью были заводы и шахты, ночлежки для безработных, а крестными отцами — надсмотрщики за работами, жандармы, полиция, бесправие. Н. Чебышев в «Возрождении», в номере от 16 февраля 1927 года, писал:

* «Исход к Востоку». Предисловие. София, 1921 г. — Здесь и далее примеч. под знаком «*» принадлежат автору. Библиографические описания воспроизводятся в авторской редакции.

** Б. Шлецер. «Современные записки», сентябрь 1922 г.

«Евразийство — порождение эмиграции. Оно подрумянилось на маргарине дешевых столовок, вынашивалось в приемных в ожидании виз, загоралось после спора с консьержками, взошло на малой грамотности, на незнании России теми, кого революция и беженство застали подростками»²³.

Говори Чебышев об идейных движениях, которые начали в те годы возникать среди эмигрантской молодежи, все это было бы верно, но к евразийству, во всяком случае, начиная со слов о малой грамотности, никак не подходит. Среди четырех участников первого евразийского сборника «Исход к Востоку» мы не видим ни одного подростка, а трое уже молодые ученые: Г.В. Флоровский — богослов и философ, Н.С. Трубецкой — языковед и этнограф, П.Н. Савицкий — экономист, географ, геополитик. В разные годы к евразийству в той или иной мере были близки, или были только гостями евразийских изданий, многие другие замечательные эмигрантские философы, историки, этнографы, богословы, лингвисты, юристы, социологи, литературоведы: профессора А.В. Карташев, П.М. Бицилли, Г.В. Вернадский, В.Н. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.Н. Алексеев, Р.О. Якобсон, С.Л. Франк, С.Н. Тимашев, Д.П. Святополк-Мирский, Б.П. Вышеславцев, С.Г. Пушкарев...

Митрополит Антоний (Храповицкий) писал о сборнике «Россия и латинство»:

«Без всякого преувеличения заявляю, что у нас снова есть Хомяковы, и Киреевские, и Аксаковы. Они воскресли на нашем безвременье; они открыли пред русским сознанием новую энциклопедию мысли богословской, общественной, даже экономической»²⁴.

Сами евразийцы считали, что они не только славянофильство продолжили, но даже внесли «поправку в дело славянофилов, ища на Востоке того, чего не хватало Аксакову, Хомякову, Константину Леонтьеву, чтобы обосновать наше отличие от Европы»²⁵. Соглашаться с этим или не соглашаться, но труды евразийцев и попутчиков евразийства несомненно останутся в истории русской мысли, русской культуры, русской науки. И все-таки Чебышев не совсем не прав, когда говорит, что евразийство — порождение эмиграции, эмигрантской откровенности, эмигрантской обиды на Запад. Я.Д. Садовский в третьей книге «Евразийского современника» пишет:

«...Мы не питаем особой склонности к европейцам, но это только потому, что европейцы сами не хотят, чтобы мы их любили. И правительство, и общество Англии, Франции, Италии и пр. являются поразительными невеждами в русской жизни и истории. Российская держава и русский народ интересовали романо-германцев только с точки зрения наживы и барышей. Теперь каждый

* «Новое время», 1 февраля 1924 г.

эмигрант, побывавший в неславянских странах Западной и Средней Европы, это пренебрежение и невежество знает хорошо. Помимо того, у многих романо-германских народов наблюдается вековая необоснованная враждебность к русскому народу, легко прорывающаяся у них при первом обострении политических отношений между правительствами. Наша пламенная всепобеждающая любовь к Западной Европе была несомненно неразделенной односторонней страстью. Много этому способствовало наше собственное презрение к всему своему. Надо надеяться, что теперь русский интеллигент излечится от своего пристрастия ко всему нерусскому»²⁶.

Обзор обширной евразийской литературы не моя задача. Большинство евразийцев не принадлежало к поколению, которому посвящена эта книга. Они были несколько старше. Напомню только о тех евразийских идеях, которые оказали особенное и, к сожалению, пагубное влияние на эмигрантских молодых людей.

Вот духовная родословная евразийства по Петру Савицкому:

«Чтобы понять, в каком смысле на этих страницах говорится о выходе России из рамок современной европейской культуры, нужно обратиться к русскому прошлому, хотя бы недавнему. В русском XIX веке явственно различимы два обособленных преемства. Одно обнимает занимающуюся в 30–40-х годах зарю русского религиозного творчества. Рождаясь из недр некоего древнего духа, с трудом преодолевая покровы окружающей среды, — религиозное озарение вспыхивает в позднем Гоголе, славянофилах. Окружающее не властно заглушить лучи. Брезжащий свет разгорается в творчестве Достоевского, Владимира Соловьева и тех, кто был и есть с ними. Как наследие XIX века, Россия обретает достояние нравственно-совестной и богословской мысли, достояние, поистине составляющее, в выборе и сопоставлении — канон книг русских учительных... В развитии “европейской” культуры, в пределах XIX века, — та совокупность писаний, которую мы именуем: “канон книг русских учительных”, так же, как явление Иванова-Врубеля, по стилю и сущности, не имеет подобий... Зато имеет подобие иное преемство, сказывающееся в судьбах русской культуры: преемство, начатое просветителями-обличителями XVIII и первой половины XIX века, идущее через Добролюбова, Писарева, Михайловского к просветителям большевистской эпохи; преемство позитивного мировоззрения, идолопоклонства перед “наукой”; преемство не скепсиса только, а “нигилизма” в отношении к “вненаучным” началам человеческого бытия; преемство не улыбки авгуров, но громкого смеха кощунственных...

Скажут, быть может: «два различных направления общественной мысли», сказав, ошибутся: не два направления, но два разных исторических образования, два отдельных исторических мира! К первопроповедникам христианства, к истокам, начальным моментам великого исторического цикла уводят проникающие Хомякова и Достоевского, Леонтьева и Соловьева пафос и озарение. К поздним временам неверия (эпикурейского или коммунистического, безразлично), в периоды «просвещения», — достояние убывающих культур, — ведут мировоззрения нигилистически-«научные»²⁷.

Евразийский бунт против просветительства был сродни немецкой романтической контрреволюции. Я хочу остановиться на этом подробнее, чем в первом издании. Ведь именно этот бунт, это «отрицание отрицания» предредило судьбу евразийства и большинства пореволюционных движений.

К чему привело вырождение немецкого романтизма, мы знаем. А чем кончилось евразийство? Ф. Степун сказал про славянофилов: «от Шеллинга они перешли к Жозефу де Местру, от Петра Великого — к Ивану Грозному»²⁸. Евразийцы пошли дальше, к культу Грозного они прибавили еще культ Чингисхана: «...значение Золотоордынской державы в русской истории не меньше значения Карла Великого в истории европейской», «без татарщины не было бы России»²⁹. Через несколько лет дошли и до Сталина, а кое-кто и до Гитлера. Правда, все больше «второе поколение», соблазненные, а не основоположники. Некоторые из них, еще недавно герои Добровольческой армии, даже участвовали по заданию органов в организации убийства невозвращенца Рейсса³⁰.

Как люди, одушевленные глубоким религиозным чувством, беззаветной любовью к России, готовые отдать за Россию жизнь, могли до этого дойти? На чем сорвалось евразийство? Когда, в какой момент была переведена стрелка?

Повторяю, подобно немецкому романтизму, евразийство началось с бунта против просветительства. Заметьте, я не спорю. Да, просветительство привело к разрушению религии, к базаровщине, к Марксу, к большевикам. Мне самому механистический материализм «философов» XVIII века не по душе, и кто не повторял за Карамзиным: «век просвещения, я не узнаю тебя; в крови и пламени, среди убийств и разрушений, я не узнаю тебя»³¹. Все так, но это не вся правда. Жизнь всегда сложнее манихейских формул. Как в оранжевом цвете «заложены» красный и желтый, так и в просветительстве — два начала: из одного вырос большевизм, из другого — либерально-демократическое государство, строй наименее плохой из всех известных в истории. Ведь просветительство

* П. Савицкий. «Геополитические заметки по русской истории».

** П. Савицкий. «Степь и оседлость», «На путях: Утверждение евразийцев». Книга вторая. Берлин, 1922.

это не только «Человек машина». Это также, и прежде всего, два трактата Джона Локка «О гражданском правлении» и три его письма о терпимости. Локк верил в абсолютные моральные ценности и в неотъемлемые права человека. Если правительство эти права нарушает, граждане могут такое правительство свергнуть, если законы государства отступают от вечного естественного Закона, они больше не законы. Только хорошие законы — законы. Люди рождаются свободными и равными. Бог ни одного человека не поставил выше других.

Идеи Локка на двести лет определили английскую политическую мысль и сделали Великобританию родиной конституционного правового государства. Идеи Локка, разделяемые «отцами-основателями», способствовали созданию и другой великой демократии — Соединенных Штатов Америки. «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди созданы равными и наделены своим Создателем неотъемлемыми правами, к каковым принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью»³².

Идеи Локка, пусть Монтескье и не совсем правильно их понял, вдохновили и французскую декларацию прав человека и гражданина.

Показательно, что в перечне авторов «книг русских учительных» Петр Савицкий не называет величайшего русского гения Пушкина. Понятно, что удержало его от этого. Ведь Пушкин воспринял в Лицее от Куницына³³ просветительскую вариацию теории естественного права:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал тот пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...³⁴

Есть любители уверять, что это было только юношеское увлечение и что с годами Пушкин помудрел и стал чуть ли не крепостником. Это ложь. «Избави меня Боже быть поборником рабства»³⁵. Идеям Свободы и Закона с большой буквы, то есть идеям правового строя, Пушкин оставался верен до конца своих дней. Об этом пишет А.А. Гольденвейзер в книге «В защиту права»³⁶. В стихотворении на 25-ю годовщину Лицея, написанном за три месяца до смерти, Пушкин из всех своих царскосельских наставников вспоминает одного только Куницына. Наиболее полное раскрытие русского духа соединялось в Пушкине с верностью идеям естественного права и нравственной закваске просветительства.

Книга Куницына «Право естественное»³⁷ была признана начальством «явно противоречащей истинам христианства»³⁸. Так ли это? Нужно быть совсем ослепленным, чтобы за наивной неисторичностью теории естественного

права, за идеями прямолинейного прогресса и механистического детерминизма, за всей вообще поверхностной и вульгарной стороной просветительства не почувствовать евангельское вдохновение провозглашенного просветителями идеала свободы, равенства и братства. Именно христианство противопоставило власти «божественного» Цезаря права человеческой личности. Первые христиане отказывались подчиняться законам Римской империи, когда считали их несовместимыми с учением Христа. Христианские мученики были в сущности мучениками за свободу совести и свободу мысли. Идея прав человеческой личности была воспринята христианскими философами средневековья, затем, после реформации, протестантами. Локк, апологет «славной революции» 1688 года, был еще христианином. Окончательное обмирщение теории естественного права произошло только в XVIII веке. По чьей вине? Об этом трудно говорить не упрощая. Все-таки попытаюсь.

Позднее средневековье, «век страдания и искушения, век плача»³⁹. Рождение нового общества сопровождалось все более истребительными войнами, обнищанием низших классов, гладами и морами, и всюду разбой, произвол, жестокость, ненависть. Как не отчаяться? Ничего нельзя исправить. История — бессмысленный вечный круговорот, мир лежит во зле, в нем царствуют смерть и дьявол. Спасутся только те, кто отречется от всего, что привязывает человека к земной жизни, малое избранное стадо. Пессимистическая набожность и почти буддийский аскетизм вели к потере христианской веры в человеческое действие и к неприятию зарождавшейся новой научной космологии. Сопrotивление церкви каждому шагу свободы и каждому шагу науки привело к тому, что евангельский по своему происхождению замысел демократии и научного познания — «а все-таки она вертится» — стал осуществляться в борьбе с видимой церковью. «Во всех странах и во все времена, — утверждал Джефферсон, — священник был враждебен свободе и всегда в союзе с деспотизмом»⁴⁰.

В своем знаменитом реферате «Об упадке средневекового мирозерцания» Владимир Соловьев говорит: «Уничтожение пытки и жестоких казней, прекращение, по крайней мере на Западе, всяких гонений на иноверцев и еретиков, уничтожение феодального и крепостного рабства — если все эти христианские преобразования были сделаны неверующими, то тем хуже для верующих»⁴¹.

Да, тем хуже для верующих. Предупреждение Соловьева не было услышано. Огульно осуждая просветительство, евразийцы не хотели видеть того, что было в нем положительного: борьбу за права человека, свободу совести и слова,

разделение властей, выборность парламента, равенство перед законом, терпимость. Праведное вначале восстание евразийцев против просветительства зашло слишком далеко, вместе с мутной водой из ванны выплеснули и ребенка: правовое государство.

Что привело евразийство к его бесславному концу? Встав на путь отрицания «патентованной» демократии, оно неудержимо покатилося к тоталитаризму. Демократии они противопоставили идеократию. По Н. Трубецкому — это такой общественный строй, при котором основным признаком отбора правящего слоя является мирозерцание⁴².

Я.Д. Садовский в статье, которую я уже цитировал, говорит:

«Нечего греха таить, евразийцы берут под сомнение все, носящее печать патентованной демократии. Мы думаем, что к творчеству, созиданию и саморукководству народные массы как таковые неспособны... Поэтому “прямое народоправство” и “демократия” в этом же смысле являются для евразийцев горшим из зол, ведущим в конечном счете к разложению, распаду и общему упадку... Мы не думаем, что государственный строй России мог быть строем “демократическим”, в смысле патентованной демократии... Все государственные цели — и в том числе цели общего благосостояния — технически во много раз совершеннее, разрешимы и, может быть, единственно разрешимы в условиях правления культурного, сознательного и идейного меньшинства... Нам необходим слой населения, не мягкотелый и не безвольный, не страдающий склонностью к мечтаниям и способностью к быстрым разочарованиям, но жесткий, твердый, национально-эгоистичный, с сильным вкусом к власти. Он и явится носителем государственной идеи и сильной национальной воли”.

Как же произойдет отбор нового правящего слоя? Да он уже существует, этот слой, он выдвинут революцией. Евразийское движение должно основываться на “нынешнем правящем строе”, его нужно только “оправославить”. В жизни этого слоя “коммунистической идеологии противопоставляется принципиально иная — сознательно-религиозная, православная и не отвлеченно-интернациональная, а евразийско-русская”⁴³.

Чекистский Трест и А.А. Якушев поддерживают в евразийцах веру, что это возможно. При Тресте даже создается евразийская секция⁴⁴.

Но вернемся к евразийскому пониманию ведущего слоя. В книге «Теория государства» Н.Н. Алексеев пишет: «Единство ведущего слоя должно покоиться... на единстве убеждений и духовных стремлений». Ведущему слою «должна быть открыта высшая религиозно-философская истина, которой он призван служить

* «Евразийство», 1926.

и которая не может не объединить его в одно целое. Здесь раскрывается извечный смысл учения Платона о царстве философов, а также и смысл понятия теократии как государства, высшим принципом которого является верховная из идей — идея религиозная»⁴⁵.

По поводу этих высказываний Н.Н. Алексеева, не помню кто, заметил, что большевистская власть и есть власть философов. И в самом деле: так же как философам-магистратам Платона, руководящим товарищам открыты высшая истина и вечные законы, только вместо интеллигбельного солнца Платона у них диамат. И в Советском Союзе так же, как в коммунистической республике Платона, забота о жизни и счастье граждан полностью подчинена заботе о благе государства. Основываясь на «нынешнем правящем слое», евразийцы не предугадали, что этот слой очень скоро переродится в привилегированный бюрократический класс, «новый класс» Джиласа⁴⁶.

Обвиняя евразийство в тоталитаризме, Бердяев писал: «утопический этатизм евразийцев приводит их к той ложной и опасной идее, что идеократическое государство должно взять на себя организацию всей жизни, т.е. организацию всей культуры, мышления, творчества, организацию и душ человеческих, что есть задача Церкви»⁴⁷.

Евразийцы не принимали этих обвинений. Они говорили: «Государство по природе своей ограничено и относительно, оно ограничено в принципе субъективными правами личности и свободой творящего духа, не поддающейся никакой организации... Государство не только ограничивает себя субъективными правами личности, но и создает защиту этих прав»⁴⁸.

Как не порадоваться: государство ограничено субъективными правами личности и должно их защищать! Какие же евразийцы тоталитаристы? Не ошибся ли Бердяев? Вот посмотрите, тот же Н.Н. Алексеев, который не заметил, что «Республика» Платона — прообраз тоталитарного государства⁴⁹, да, тот же Алексеев протестует против теории права, отрицающей в праве личность. «Право, — говорит он, — утверждает личность, право есть совокупность правомочий»⁵⁰. И разве в предисловии к сборнику «Тридцатые годы», где напечатана эта статья Алексеева, не говорится, что этот теоретический его тезис имеет огромное значение: «с особым ударением его нужно выдвинуть именно теперь, когда личность в СССР лишена всяких полномочий». В том же предисловии: «Евразийская борьба есть борьба за личность...» Правда, это утверждение сопровождается оговоркой: «но не за самостную личность индивидуалистов, а за личность, соучаствующую в общем деле. Жизненный символ общего дела есть строитель-

* Н. Бердяев, «Путь», 8 августа 1927 г.

** Сборник «Тридцатые годы». 1931 г.

ство, его церковный символ — соборность»⁵¹. Да, это все-таки не бердяевское безоговорочное, императивное утверждение верховной ценности личности человека, даже самого последнего из людей, независимо от того, соучаствует он в строительстве или не соучаствует, полезен обществу или не полезен. Но не будем придираться. Все в том же предисловии к сборнику «Тридцатые годы» мы читаем: «Вся идеологическая система евразийства может быть выведена из идеи личности». Замечательно: евразийцы — персоналисты! Однако прочтем эту фразу полностью: «Вся идеологическая система евразийства может быть выведена из идеи личности: идеи личного Бога, идеи России-Евразии как симфонической личности, идеи личности как творца жизни»⁵². Нет, если это и персонализм, то персонализм иерархический, подлинному персонализму прямо противоположный.

Итак, для евразийцев Россия-Евразия такая же реальная личность, как личность Бога и личность человека, созданного по образу и подобию Божию, она поставлена даже выше человека. Николай Бердяев, по-моему, совершенно правильно указывал, что никакие общности в объективном мире не могут быть признаны личностью и что понятие коллективной или «симфонической» личности есть понятие противоречивое. «Личности коллективные, личности сверхличные в отношении личности человеческой суть лишь иллюзии, порождения экстериоризации и объективизации. Объективных личностей нет, есть лишь субъективные личности. И в каком-то смысле собака и кошка более личности, более наследуют вечную жизнь, чем нация, общество, государство, мировое целое»⁵³.

Откуда взяли евразийцы эту идею симфонической личности как «живого и органического единства многообразия» и что «наряду с частночеловеческими личностями существуют личности многочеловеческие, как частнонародные, так и многонародные»⁵⁴?

Идея эта зародилась в немецком романтизме. Я уже говорил об этом: евразийство было в основном повторением романтической реакции на просветительство и французскую революцию. Бердяев, мы видели, критиковал евразийство и критиковал очень верно, но манихейский взгляд евразийцев на просветительство и романтизм сложился, быть может, именно под влиянием Бердяева. Бердяев видел в просветительстве только плохое, в романтизме только хорошее. «Эпоха “просвещения” есть такая эпоха в жизни каждого народа, когда ограниченный и самонадеянный человеческий разум ставит себя выше тайн бытия, тайн жизни, тех божественных тайн жизни, из которых исходит, как из своих истоков, вся человеческая культура и жизнь всех народов... лишь

* Н. Бердяев. «О рабстве и свободе». 1939 г.

романтическое движение, романтическая реакция, направленная против просвещения XVIII века в начале XIX, впервые приобщили нас к тайне исторического и сделали возможным настоящим образом познание исторического движения. Только эта реакция вернула нас к тому, что просветительная эпоха преследовала и уничтожала как мифы и предания исторической старины»⁵⁵.

Все это верно, но односторонне. Немецкий романтизм, так же как просветительство, — сплав разных начал: бунт против рационализма и новой математико-механистической «модели» мира, идея «органического» общества, мистическая созерцательность, поэтический энтузиазм, возврат к средневековью, культ Наполеона, обожествление государства и молодой национализм, ублюдок, порожденный французской революцией и гердеровским фольклором. Бердяев, читая в 1919–1920 годах свои лекции о смысле истории, не предвидел, что немецкая романтическая историософия вырождается в национал-социализм, так же как он не заметил, что до того она взрастила Маркса.

Все началось очень привлекательно: рыцарские замки, романтические развалины, народные песни, сказания, обычаи, верования. Я сам люблю все это без памяти. Но уже Гердер, кстати, одно время учитель в Риге, заставляет настроиться: все это, оказывается, выражения «коллективной души народа». Вот зачаток симфонической личности! Нация — органическое единство, она реальнее составляющих ее людей и им предшествует. Потом поехало. Отвергая учение о прирожденных неотъемлемых правах человека и теорию естественного права, общего всему человечеству, Фридрих Карл Савиньи утверждает, что единственный источник права — исторически сложившиеся в душе народа представления о справедливости⁵⁶. В знаменитых посланиях Фихте к германской нации эта коллективная душа народа уже поставлена краеугольным камнем теории националистического тоталитаризма⁵⁷. В разрушенном Наполеоном средневековом Священном рейхе немецкие романтики прозревают мистическую соборность, некую национальную Церковь. Шарнхорст⁵⁸ преображает прусскую армию. Теперь это народная армия, воодушевленная героическим жертвенным порывом. В освободительной войне 13-го года возрождается идея всегерманского рейха.

Средневековье не казалось Гегелю, как другим романтикам, потерянным золотым веком. Нет, он сперва в Наполеоне увидел олицетворение Мирового Духа верхом на коне. Позднее он стал учить, что на современном этапе своего диалектического развития этот Дух наиболее совершенно воплотился в прусском бюрократическом государстве. Государство — верховное бытие. Только в

* Н. Бердяев. «Смысл истории». 1923 г.

нем, только подчиняясь его законам, человек обретает духовную реальность, свободу и моральную жизнь. Государству все позволено: и любая тирания, и любые завоевания. Войны только закаляют моральное здоровье нации. И так докатилось: от легендарного германского героя Арминиуса⁵⁹, остановившего вторжение римских легионов, до Шпенглера, до Гитлера, до Третьего рейха. Вариация Муссолини: симфоническая личность итальянского народа интегрально осуществляется в фашистском государстве. Оно, это государство, — «общая этическая воля», «душа души народа», оно направляет всю жизнь. Для фашизма, так же как для национал-социализма, высшая реальность не личность человека, а коллективная личность народа, организованного в национальное государство. Та же «модель», впрочем, и в Советском Союзе, только там, совсем как у евразийцев, личность многонародная. Удивляться тут не приходится: отвержение либеральной демократии привело при всей разности идеологий к одному и тому же результату. Немудрено, что евразийцы запутались.

Они перенесли на русскую почву даже борьбу немецких романтиков против рецепции римского права. Следуя заветам исторической школы права, евразийцы радовались, что, несмотря на все старания императорских университетов, римское право в России не привилось. Они дошли даже до вывода, что революция осуществила многие начала народного права, так как русское народное правосознание было, дескать, отмечено своеобразной «классовой» точкой зрения. На русской почве смогла поэтому утвердиться трудовая теория ценности и наметиться совпадение русского народного правосознания с некоторыми сторонами марксизма! «Изучая беспристрастно законодательные памятники революции, нельзя не прийти к заключению, что они стоят ближе к народному правосознанию, чем законодательство Империи»⁶⁰.

В евразийстве и «национально-почвенных» эмигрантских движениях дух сменовеховства соединялся с подражанием национал-социализму. Считая себя внуками славянофилов, идеологи этих движений взяли из «книг русских учительных» не их христианское вдохновение, не утверждение абсолютной ценности личности, свободы и человеческого братства, а только то, что было в этих книгах близкого к реакционному «русскому направлению»: от славянофилов осуждение Запада, от Леонтьева проклятия прогрессу и демократии, от Достоевского «шатовщину», от Соловьева легенду об Антихристе. Почему у свободолюбивого благородного славянофильства оказались такие огорчительные внуки? Увы, в нем самом было не мало опасных «генов» немецкого романтизма. Ведь не одни только восточные отцы церкви стояли у

* Н. Алексеев. «Евразийская хроника», выпуск 8-й, 1927 г.

его колыбели. И еще: славянофилы верили, что в отличие от западного человечества, которое выбрало путь «внешней правды», русский народ живет по «внутренней правде» и поэтому может обойтись без правового гарантийного государства. Иван⁶¹ Аксаков сделал отсюда вывод, имевший для развития русской идеи самые трагические последствия: «Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет добра, чем стоять с помощью зла!»⁶²

В эмиграции в распространении этой злосчастной и гибельной идеи, на которой, как на банановой кожуре, поскользнулись почти все пореволюционные течения, больше всех был виноват Н.А. Бердяев, самый замечательный, быть может, представитель русского религиозно-философского возрождения начала века.

Мне тяжело писать об этой страшной вине Бердяева. Подобно многим людям моего поколения, я чувствую глубочайшую благодарность к его памяти.

Так же, как многих идеологов евразийства, я знал Николая Александровича лично. Ходил на все его доклады, встречался с ним на собраниях «Нового Града» и «Круга», бывал и на знаменитых чаепитиях у него в Кларамаре. В отношениях с людьми он не придерживался никакой табели о рангах, всякий честный и серьезный вопрос выслушивал с простодушным вниманием. В его образе, каким он встает в моей памяти, было много человечески очень привлекательного, рыцарски-благородного и светлого. Обычно он говорил воинственно, порой резко и гневно, но в его словах никогда не было предательства человеческого братства, никогда не было иронии, лукавства, глумливости.

В книге «О рабстве и свободе человека», которая вышла в 1939 г. и переиздана ИМКА-ПРЕСС⁶³, Бердяев говорит о двойной жизни человека: «Когда князь Андрей смотрит на звездное небо, это более подлинная жизнь, чем когда он разговаривает в петербургском салоне»⁶⁴. Так вот, сам Бердяев производил впечатление человека, который всегда, даже в салоне, погружен в созерцание глубины жизни. Это придавало его высказываниям возвышенную важность и простоту. Представить его участником обычного салонного злословия, обычной механической болтовни — «ужасная погода», «Марья Ивановна вчера сказала...» — было невозможно. И он всегда, даже Дзержинскому в «салоне» чрезвычайки, говорил то, что думал, не спрашивая себя, как будут приняты его слова и какие будут они иметь для него последствия. Вероятно, он не был чужд интеллектуальным модам своего времени, но это всегда по искреннему влечению, а не страха ради, или расчета, или малодушного желания угодить. Всякий конформизм был противен его мужественному духу.

Привлекала к Бердяеву и его редкая интеллектуальная энергия. Его мысль не то что убеждала, а будила в сознании слушателей и читателей их собственные мысли, ставила каждого перед своею жизнью и своей совестью. Обычно это дано только большим писателям. Поэтому, вероятно, правы те, кто почитает его замечательным писателем, хотя писал он кое-как, не заботясь о красоте слога, первыми попавшимися словами, лишь бы как можно точнее выразить мысль.

Бердяев написал много замечательных книг о свободе и судьбе человека, о русской идее, о корнях коммунизма, о творчестве, о христианском персонализме. Бердяев говорит в них о всех «последних» вопросах и обо всех вопросах современности. Но адамантом, солнцем мира его идей, было безоговорочное как в Евангелии, императивное, не требующее никаких доказательств утверждение верховной ценности человеческой личности. Все написанное им в 30-х годах вдохновлено убеждением, что человеческая личность не может быть средством ни для чего, даже для Бога. В номере 7-м журнала «Новый Град» он писал: «Борьба за духовные ценности есть борьба за верховную ценность человеческой личности, которая есть образ и подобие Божие на земле. Она не может быть превращена в средство и орудие для хозяйственного развития, для мощи государства, для национального величия, для социального коллектива и так далее... Живой человек стоит выше государства, общества, нации, хозяйства»⁶⁵. В номере двенадцатом того же журнала: «...человек с его страданиями и радостями, со своей судьбой во времени и вечности выше общества и государства. Это есть революция в установке ценностей, но революция, которая требует изменения в отношении к средствам борьбы, которыми пользуется для осуществления целей, приближения средств к целям. И в этом все отличие христианской от нехристианской революции — христианская революция не допускает обращения с каким-либо человеком как с простым средством, или с врагом, подлежащим истреблению, или с камнем, нужным для построения здания нового общества»⁶⁶.

Еще одна выдержка. В предисловии к вышеупомянутой книге «О рабстве и свободе человека» Бердяев писал:

«В результате долгого духовного и умственного пути я с особенной остротой сознал, что всякая человеческая личность, личность последнего из людей, несущая в себе образ высшего бытия, не может быть средством ни для чего, в себе имеет экзистенциальный центр и имеет право не только на жизнь, отрицаемое современной цивилизацией, но и на обладание универсальным содер-

жанием жизни. Это истина евангельская, хотя и недостаточно раскрытая. Качественно различные, неравные личности не только в глубинном смысле равны перед Богом, но равны перед обществом, которому не принадлежит право различать личности на основании привилегий, т.е. на основании различия социального положения»⁶⁷.

Ничего нового тут, собственно, нет. Все это говорилось уже прежде и самим Бердяевым и другими. Но книга захватывала силой убеждения и своим глубоким и страстным пророческим вдохновением. В ней были глаголы вечной правды, она могла бы стать основой нового русского демократического сознания. К сожалению, этого не произошло, отчасти по вине самого Бердяева, который не сделал из своих утверждений правильных политических выводов, отчасти из-за равнодушия эмиграции ко всему, что он писал о личности, свободе и творчестве. Как религиозного философа, эмиграция вообще его не любила, да и мало знала, несмотря на всю его мировую славу. Из всех его книг среди эмигрантов имели настоящий успех только «Философия неравенства» и «Новое средневековье»⁶⁸, две книги, от которых, мне говорили, он сам отрекался. Теперь, наученные страшным опытом, мы знаем, что на смену ненавистной Бердяеву «формальной» буржуазной демократии приходит вовсе не «новое средневековье», а нечеловеческий мир тоталитарного общества, с его системой принудительного труда и лагерей медленной смерти. Но в те годы «Новое средневековье» явилось как раз тем, что было нужно уязвленному эмигрантскому сердцу. Вероятно, ни одна другая книга не оказала такого пагубного влияния на младшие поколения эмиграции. Из вторых и третьих рук, через литературу евразийцев, национал-максималистов, младороссов и других пореволюционных течений, идеи «Нового средневековья» попадали в сознание даже тех эмигрантских молодых людей, которые никогда этой книги не читали. Вот почему необходимо остановиться на ней несколько подробнее.

В основном, это все та же, как и у евразийцев, неистовая критика современной буржуазной и демократической цивилизации и научно-технического прогресса, которую мы находим у Фонвизина, князя Одоевского, Достоевского, Толстого, Данилевского, Леонтьева, Страхова и стольких других русских мыслителей. Но даже восклицание Леонтьева: «О, ненавистное равенство! О, подлое однообразие! О, треклятый прогресс!»⁶⁹ — звучит почти спокойно по сравнению с ненавистью, с какой Бердяев говорит о демократии в «Новом средневековье».

«Современные демократии явно вырождаются и никого уже не вдохновляют»⁷⁰.

«Либерализм, демократия, парламентаризм, конституционализм, юридический формализм, гуманистическая мораль, рационалистическая и эмпирическая философия — все это порождения индивидуалистического духа, гуманистического самоутверждения, и все они отживают, теряют прежнее значение. Все это отходящий день новой истории»⁷¹.

Этому умиранию демократии нужно только радоваться, так как демократия ведет к «небытию» и основана «не на истине, а на формальном праве избирать какую угодно истину или ложь»⁷². В русских условиях демократия к тому же утопия.

«Не утопичны ли, не бессмысленны ли были мечты, что Россию вдруг можно превратить в правовое демократическое государство, что русский народ можно гуманными речами заставить признать права и свободы человека и гражданина, что можно либеральными мерами искоренить инстинкты насилия и управителей и управляемых?.. Утопистами и фантазерами были кадеты. Они мечтали о каком-то правовом строе в России, о правах и свободе человека и гражданина в русских условиях. Бессмысленные мечтания, неправдоподобные утопии!»⁷³

Евразийцы сделали из этого утверждения Бердяева окончательные выводы: в силу своего национального духа и своей геополитической судьбы Россия никогда не может стать демократией. Проф. Л.П. Карсавин еще до перехода в евразийство писал: «Церковь должна была указать, что невозможно русское неправославное государство и что нелепо государство православное с президентом, парламентаризмом и четырьмя хвостами, более приличествующими врагам Божьим»⁷⁴. А ведь в евразийском движении принимали участие многие профессора Русского юридического факультета в Праге, учреждения, которое, казалось бы, должно было стать рассадником в эмиграции идей правового государства⁷⁵.

Убеждение Бердяева и евразийцев в утопичности русского конституционализма разделялось в то время большинством эмиграции. На этом и основывалась ненависть к остаткам «левой» интеллигенции, особенно к ее вождям Керенскому и Милюкову, они олицетворяли в глазах эмигрантов маниловские мечтания о демократии, которые привели к гибели Россию.

Но если это разочарование в демократии толкало большинство эмигрантов к идеализации дореволюционного прошлого, то по Бердяеву и прежний быт и монархия принадлежали, так же как и демократия, к старому обреченному миру, возврат к которому Бердяев считал невозможным и ненужным.

Каким же будет тогда новое грядущее общество? Если оставить в стороне туманное указание, что «большую роль будет играть женщина... Не эмансипированная и уподобленная мужчине, а вечная женственность»⁷⁶, то новое средневековье представляется так:

«Окончательно отомрут парламенты с их фиктивной вампирической жизнью наростов на народном теле, не способных уже выполнять никакой органической функции. Биржи и газеты не будут уже управлять жизнью...»⁷⁷

«Политические парламенты, выродившиеся говорильни, будут заменены деловыми профессиональными парламентами, собранными на основаниях представительства реальных корпораций, которые будут не бороться за политическую власть, а решать жизненные вопросы, решать, например, вопросы сельского хозяйства, народного образования и т.п., по существу, а не для политики»⁷⁸.

Без точных оговорок защита принципа корпоративного строя всегда опасна и соблазнительна — в теории на этом принципе основано тоталитарное фашистское государство. Бердяев, конечно, никогда не был фашистом. Нелепо даже предположить это о человеке, который утверждал, что человеческая личность не может быть частью какого-либо иерархического целого и что ценность личности выше ценности общества, государства, национальности, всех вообще исторических ценностей.

«Смерть одного человека, последнего из людей, есть более важное и более трагическое событие, чем смерть государств и империй»⁷⁹.

Тем не менее именно Бердяев — создатель философии, которую он сам называл «философией антииерархического персонализма»⁸⁰, — научил эмигрантских молодых людей, что «коммунизму нельзя уже противопоставлять антииерархические, гуманистические и либерально-демократические идеи новой истории, ему можно противопоставлять лишь подлинную, онтологически обоснованную иерархию, подлинную органическую соборность»⁸¹; главное, он научил, что свободы в обществах недемократических может быть больше, чем в демократических, с их только формальной «мнимой» свободой. Во всяком случае, в «Новом средневековье» он говорит о молодом тогда фашизме с несравненно большим сочувствием, чем о демократии, веря в его революционный и созидательный характер. Фашизм хорош уже хотя бы тем, что направлен «против бессодержательного либерализма, против индивидуализма, против юридического формализма»⁸². Всё вообще лучше, чем демократия, даже большевистская «сатанократия»:

«Русский народ, как народ апокалиптический, не может осуществлять срединного гуманистического царства, он может осуществлять либо братство во Христе, либо товарищество в антихристе. Если нет братства во Христе, то пусть будет товарищество в антихристе. Эту дилемму с необычайной остротой поставил русский народ перед всем миром»⁸³.

К несчастью, именно эти антидемократические и противоречившие все-му духу «персонализма» утверждения Бердяева имели наибольшее влияние на идейные искания эмиграции, толкая евразийство и пореволюционные течения к соблазнам красного, черного и коричневого фашизма. Опасность скатывания то в большевизм, то в русский национал-социализм постоянно подстерегала участников этих движений. Многие из них последовательно прошли через искушения и фашизма и советского патриотизма.

Идеи «Нового средневековья» влияли не только на пореволюционные течения, но и на далекие от всякой политики интеллектуальные кружки молодых эмигрантских «любомудров» и литераторов. Некоторые написанные ими романы были проникнуты таким же, как в «Новом средневековье», духом гневного пророческого обличения всей современной демократической цивилизации, такой же безумной и легкомысленной жадной ее гибели, таким же максимализмом и страстной тоской по конечному радикальному преобразению мира.

Многими своими сторонами «Новое средневековье» и евразийство отвечали широко распространенным в те годы национал-большевистским настроениям, порожденным идеей, что, вопреки своей воле, большевики творят нужное дело и революционный кризис приведет к «выпрямлению русской исторической линии». Из этих настроений вышло сменовеховство, но они встречались и в самых правых кругах, где многие рассуждали, как генерал из книги С. Булгакова «На пиру богов»:

«Уж очень отвратительна одна эта мысль об окадеченной “конституционно-демократической” России. Нет, лучше уж большевики: style russe, сарынь на кичку. Да из этого еще может и толк выйти, им за один разгон Учредительного собрания, этой пошлости всероссийской, памятник надо возвести. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живую не выбраться б!»⁸⁴

Князь Ю.А. Ширинский-Шихматов⁸⁵, потомок Чингисхана по прямой линии, бывший кавалергард и военный летчик, в эмиграции шофер такси, стал первым проповедником национал-большевизма, или, как он сам говорил, «национал-максимализма»⁸⁶. В основных своих утверждениях Ширинский был продолжателем идейной традиции, основанной на вере в мессианское призвание России.

Считая русский народ избранным народом Божиим, Ширинский сравнивал его судьбу с судьбой другого народа, «отмеченного печатью избранничества»:

«Израиль понял Землю Ханаанскую буквально — и стал овладевать землей; перед его зачарованным взором стоит до сих пор незыблемо поставленный у подножья Синайской Горы — Золотой Телец. Израиль не узнал своего Мессию... Он ждал царства земного. Сейчас он — победитель; земля принадлежит ему. То, что мы называем “западным материализмом”, — есть только иудаизация Запада; ибо прежде и на Западе горел светоч истинного христианства. Материализм, стяжательство, дух посредничества и паразитизма, дойдя до своей кульминационной точки, — подошли к какой-то трагической грани. Та “предопределенность”, о которой выше шла речь, которая выводит Россию на еще невиданную высоту, — неизбежно ведет Израиль к гибели, которую он подготовил себе сам. Ему уже не возродиться. Поздний инстинкт самосохранения — попытка вернуться к земле как единственно-моральному труду — также осуждена: в России она готовит еврейству потоки крови; из Палестины — она способна создать богадельню искусственно-омоложенного иудаизма... Не перст ли судьбы заставляет агонизирующее еврейское мессианство, упершееся в тупик, в судорогах и порывах бешенства — выковывать рождающееся в крови тысяч христиан — Русское Мессианство... Конец и Начало.

Сейчас в России изживается мессианство коммунистическое, но мировой размах остается; на смену идет мессианство сверхнациональное: раскрепощение страждущих и угнетенных; третьим — и последним — этапом (пусть через сто лет) — будет мессианство христианское, православное»⁸⁷.

Критикуя популярные в эмиграции «рецепты спасения России», Ширинский отвергал все виды интервенции. По его мнению, все они должны были в случае успеха привести к той или иной форме завоевания России и к «замене интернационала красного — интернационалом золота и биржи». Резко осуждал Ширинский и попытки подменить Россию сущую Россией выдуманной, «Россией зарубежной»:

«Когда наши дети будут учить историю России — они будут учить историю той самой страны, которую эмигрантские газеты все еще называют “Совдепией”. А о “послах”, “вождях”, “императорах”, “земгорах”, “учредилках” и пр. останутся лишь следы в юмористических альманахах»⁸⁸.

Нужно не бороться с революцией, а овладеть ею, выбирая при этом путь «не снижения процесса», а «интенсификации и углубления революции». Ширинский был убежден, что армия, молодежь (особенно рабфаковцы, красные кур-

санты и часть комсомола) — готовый кадр «нарождающегося национал-большевизма».

«...Дифференциация в основном ядре продолжается, отменяя отработанный материал, — пополняясь автоматически однородным себе, всасывая все родственное, все нужное для данного этапа. Очередной жертвой этого неумолимого процесса, по-видимому, скоро явятся партийцы-евреи: все усиливающийся в среде комсомола и большевистского актива антисемитизм — серьезнейший симптом; евреев начинают обвинять в шкурничестве, в приверженности к мелкобуржуазной стихии»⁸⁹.

Способны включиться в процесс «национального углубления революции»: большевики (не марксисты), комсомол и армия, всё активное и динамичное, все подсознательные национал-большевики; не способны: нэп, разбитые марксисты, большинство евреев-партийцев (ликвидаторство) и значительная часть уставшего крестьянства (пассивное сопротивление). В эмиграции с последними группами готовят смычку сменовеховцы, эсдеки, эс-эры, эр-деки и прочие реакционеры. С первыми — национал-максималисты и, по-видимому, некоторые евразийцы. Первый путь — ставка на максимализм и динамику: защита всех угнетенных есть национальная миссия России. Второй — попытка сделать из России буржуазную, еврейско-нэпманскую республику; незаметно заменить интернационал красный — золотым; тысячами жертв купить мещанский строй с двумя палатами и министерскими кризисами, ставка на упадочность и опошление национального идеала»⁹⁰.

В начале тридцатых годов Ширинский издает в Париже сборники «Утверждения»⁹¹, в которых принимают участие не только национал-максималисты, но и представители других оттенков пореволюционной мысли.

Об интересе к пореволюционным и национал-максималистским идеям свидетельствует рост тиража «Утверждений»:

Первая книга — 600 экз., вторая — 1200 экз., третья — 1800 экз. Журнал издавался без «меценатов», исключительно на «извощичьи» заработки самого Ширинского и такие же трудовые гроши молодежи из его окружения⁹². Молодые «утвержденцы» издавали, кроме того, свой собственный журнал «Завтра»⁹³, печатали на ротаторе, на типографию денег не хватало.

А. Ярмидзе⁹⁴ следующим образом определял программу «Завтра»:

«Наша цель установлена достаточно ясно: устроение нового социального уклада, одновременно антикапиталистического и антикоммунистического, на основах христианской правды»⁹⁵.

Идеология «Утверждений» и «Завтра»: вера в мессианское призвание русского народа, социальное раскрытие христианства и утверждение превосходства духа над материей. Все это волновало и вдохновляло. Но как доходило до демократии, никакого энтузиазма. Словно цитируя Бердяева, Ярмидзе говорит: «формальная свобода уже не обеспечивает действительной свободы, мы теперь на собственном опыте знаем, что право на свободный труд на практике сводится к праву одних эксплуатировать труд других, к праву этих других свободно умирать с голоду»*.

Подобные мысли были близки огромному большинству пореволюционеров. Ко всей их публицистике можно было бы поставить эпитафией знаменитую стихотворную пародию Б.Н. Алмазова на рассуждения И. Аксакова⁹⁶ о ненужности формальных правовых гарантий:

Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал⁹⁷.

Тем более нужно отметить в том же 3-м номере «Завтра» статью Н.Н. Былова⁹⁸, написанную совсем в другом ключе. Он первый в эмиграции заговорил о «неодемократии». Определял он ее так — это «демократия минус плутократия и плюс христианство».

«Если пореволюционные течения, — писал он, — в основу свою кладут именно христианство, понимающее личность, как самоценность, то дальнейшей политической проекцией может быть только то, что составляет как бы “охранную грамоту” самоценной личности, — гражданские свободы; всякие уклоны в сторону от них будут уклонами от христианства вообще».

Надо сказать, что такие уклоны от прямых выводов есть. Программные параграфы о гражданских свободах как-то прилипают к гортани нашим пореволюционерам; с этим надо покончить⁹⁹.

К сожалению, покончено с этим не было. И после статьи Былова параграфы о гражданских свободах продолжали «прилипать к гортани» пореволюционных авторов. Их сознание слишком было заморожено воспринятой от Аксакова, Достоевского и Бердяева роковой идеей, что наибольшая свобода достижима без юридических гарантий и что Россия призвана создать некий новый общественный строй, основанный на правде-истине, а не на «формальной» демократии Запада. В этом непонимании значения правового порядка была главная причина срывов «пореволюционеров» то в русский национал-социализм, то в советский патриотизм.

* «Завтра», № 3, 1933.

В июле 1933 г. по инициативе Ширинского в Париже состоялся первый съезд¹⁰⁰ представителей национал-максималистов, утвержденных, неодемократов, националистов-христиан, четвертороссов¹⁰¹ и русских национал-социалистов¹⁰².

Участниками съезда был принят следующий Устав:

«§ 1

В Объединение пореволюционных течений могут входить на федеративных началах (на основании особого каждый раз постановления ЦИК-а ОПТ) все пореволюционные организации, течения, группы и кружки, видящие свою задачу в действительном претворении в жизнь Российской национально-исторической идеи в условиях новой, надвигающейся эпохи.

§ 2

Эта идея разумеется как утверждение а) вселенского характера исторического призвания России на путях осуществления в мире христианской правды и справедливости, б) преобладания духовного начала над материальным, идей над интересами, общего над частным — в жизни личной, социальной, национальной и международной.

§ 3

Всеми, вступающими в ОПТ (предусмотрены и персональные вхождения в Объединение), нижеперечисленные положения признаются обязательными:

А. Идеология

Современное (пореволюционное) понимание Российской национально-исторической идеи настоятельно требует раскрытия:

- а) христианской правды как правды социальной;
- б) преобладания духовного начала как действительного преодоления всех форм современного поклонения материи (капитализм и коммунизм);
- в) понятия истинного национализма как всенародного жертвенного служения Богу и Миру — на своих собственных исторических путях;
- г) идеи пореволюционного государства как союза Сотрудничества и Общего Дела;
- д) христианской этики — как основы правосознания и права — как функции долга (право функциональное);
- е) смысла Революции — как порыва к творчеству новых форм жизни, — социальных, государственных и междунациональных, соответствующих требованиям новой эпохи.

Б. Лозунги

Отказываясь от всех видов реставрации и реституции, объединенный пореволюционный фронт стремится в первую очередь перенести на территорию России борьбу за *освобождение* страны от диктатуры коммунистического (госкапиталистического) правительства.

1. *За освобождение духовное* — за право каждого верить и молиться по-своему.

2. *За освобождение культурное* — за свободу творчества во всех областях, за раскрепощение от ига социального заказа.

3. *За освобождение национальное* — за право всех населяющих Россию народов свободно строить свою жизнь и развивать свои национальные культуры.

4. *За освобождение гражданское* — за свободу жить и работать для всех граждан вне зависимости от т.н. «классового» происхождения (дети лишенцев и пр.).

5. *За освобождение политическое* — за свободу выборов, собраний и союзов; за широкую амнистию, за отмену смертной казни.

6. *За освобождение экономическое* — за признание принципа подконтрольной государству частной инициативы; за прекращение насильственной коллективизации деревни; за деятельное содействие всем добровольно-кооперативным формам землепользования.

В итоге достигнутого освобождения — развернуть в России широкую пропаганду пореволюционных идей и программных установок¹⁰³.

В этой программе уже ни слова об Израиле, зачарованном Золотым Тельцом и обреченном за это на неизбежную гибель. В начале своей деятельности Ширинский мог по справедливости хвастать, что изобрел национал-социализм еще в Москве, в 1917 г., за много лет до Гитлера. Но по мере того, как Гитлер шел к осуществлению чудовищного идеала расизма, его русский предшественник все больше очищал свою веру в мессианское призвание России от реминисценций черносотенного человеконенавистничества. Во время немецкой оккупации Ширинский хотел зарегистрироваться как еврей и носить желтую звезду. Он мученически погиб в гитлеровском концлагере: за попытку вступить за другого заключенного эсэсовцы затоптали его сапогами насмерть.

Младороссы и солидаристы

В любом политическом движении эмигрантских сыновей мы находим в том или ином сочетании идеи «Нового средневековья», евразийства и национал-максимализма. И все эти идеи подводили эмигрантских молодых людей к фашизму. Как мы видели, «Новое средневековье» их учило, что умиранию демократии нужно только радоваться, что все лучше, чем демократия: даже фашизм, даже большевистская «сатанократия». А евразийство? Со своими «симфоническими личностями», правящим «эйдократическим отбором», корпоративным государством и отрицанием «патентованной» демократии как режима партийной анархии — оно было, несмотря на все заявления об «уходе из Европы», только русским вариантом европейского фашизма.

Притяжение фашистской революции определяло тогда весь интеллектуальный климат Европы. В те годы еще не забылись воспоминания о бессмысленной чудовищной бойне Первой мировой войны. Европа сделала открытие: «мы, цивилизации, теперь знаем, что мы смертны»¹⁰⁴. Поль Валери незабываемо писал об агонии души Европы. И чувство отчаянья и безнадежности: либеральная демократия выродилась и прогнила, она не способна разрешить экономический и социальный кризис, не способна противостоять коммунистической революции, которая несет беспощадное уничтожение «нисходящих» классов и гибель свободы. И она сама коммунизм породила. Марксизм — детище просветительства XVIII века и позитивизма и сциентизма века XIX. Где же искать спасения? И вот является новое учение. Оно утверждает одновременно и «футуризм», и возврат к идеалам средневекового героизма и рыцарства, и высшую реальность: народ, организованный в национальное государство. Как выход из западни предлагается третий путь: не разложившийся либеральный капитализм и не коммунистический социализм, а корпоративный строй!

Как когда-то социализм, фашизм завоевывает сердца европейских молодых людей. Он приглашает их принять участие в огромном героическом предприятии: спасти Европу от разложения и угрозы коммунистической револю-

ции и построить на месте сгнившей либеральной демократии новый европейский порядок, основанный на вечных принципах силы, иерархии, верности и доблести.

Что молодежь! Знаменитые философы, писатели и поэты, имена которых вписаны в историю мировой культуры, соблазнились тогда фашизмом. Значительной части европейской интеллигенции казалось, фашизм спасет Европу. Потребность этому верить была так сильна, что за героическими мифами политического романтизма не хотели видеть страшную действительность гитлеровского мира палачей и жертв. Неудивительно, что и многие молодые эмигранты, в то время политически совсем еще необразованные и неопытные, поддались духу времени. Иллюзии рассеялись только во время войны, когда стало больше невозможно сомневаться в массовом истреблении «унтерменшей» в лагерях, таких же чудовищных, как сталинские.

«Союз младороссов», преобразованный впоследствии в Младоросскую партию¹⁰⁵, — первое большое политическое движение, созданное «эмигрантскими сыновьями». Чтобы понять первоначальный характер этого движения, нужно вспомнить, как воспитывались молодые эмигранты дома, в эмигрантских гимназиях и кадетских корпусах.

Помощник директора «Родного корпуса» в Софии, Р. Термен¹⁰⁶, в брошюре «Кадетские традиции» писал:

«В основе наших традиций, как цель деятельности всех кадет, лежит девиз: Жизнь за Веру, Царя и Отечество.

Выборное начало, пустословие парламентаризма, партийности с их борьбой считались нами несовместимыми с порядком и единением. История нашей революции, падение России вполне ныне оправдывают наш взгляд... Резкая критика мероприятий властей и действий начальства, развившаяся среди русской интеллигенции, дошедшей до выпадов по адресу Царя, осуждение всего русского, безверие, упадок религиозности, насмешки над служителями церкви, желание каждого лично или через своих «делегатов» вмешиваться в дела правления и контролировать его, широко разлившаяся волна произвола, жажда «свобод»... всё это не проникло в крепко сплоченную, самоотверженную, глубоко религиозную, внутренне дисциплинированную, преданную Царю и беззаветно любящую Россию кадетскую семью. До конца боролась она с новыми течениями, и кровью своей дети-кадеты засвидетельствовали крепость и силу своих заветов. Юноши выступали добровольцами всюду, где боролись за высокие российские, державные идеалы и веками установившиеся традиции их старшие однокашники»

ки: большинство гибло смертью мучеников, а часть оказалась выброшенной волной эмиграции на чужбину. Но старые традиции сохранялись и живы в сердцах всех бывших кадет»¹⁰⁷.

Неудивительно, что когда получившие такое воспитание эмигрантские молодые люди устроили в 1923 г. в Мюнхене свой первый съезд¹⁰⁸, то «обнаружилось полное единодушие всех участников его по основному вопросу о необходимости скорейшего водворения в России ее исконного монархического строя и восстановления в ней власти законного царя из дома Романовых».

Этот «Всеобщий съезд национально мыслящей русской молодежи» был открыт приветственной речью председателя С.М. Толстого-Милославского¹⁰⁹:

«Если я прав, если каждый из нас в отдельности обрел истинную формулу русского национализма, то нам остается одно: соединить свои усилия и на знамени, которое нас объединит, начертать священные для нас слова:

БОГ ЦАРЬ РОДИНА»¹¹⁰.

В декларации, принятой съездом, отразился оптимизм тех первых лет изгнания:

«Мы знаем, что недалек час, когда народ наш, наказанный огнем, кровью и смертельными муками и просветленный Всевышним, вернется в лоно Православной церкви и призовет на родной престол законного царя»¹¹¹.

Идеология национально мыслящей русской молодежи была определена в особом «наказе».

«1. Гибель русской державы и бедствия русского народа вызваны преимущественно распространением и осуществлением ложных и губительных учений и теорий, разными путями ведущих к разрушению основ человеческого общежития: религии, семьи, гражданственности и, наконец, государства.

2. Развитие антинациональных либеральных и демократических течений, подточив государственность, расчистило дорогу наступательному социализму и его логическому завершению — современному коммунизму.

3. Вырождение быта, извращения в искусстве и литературе суть признаки болезни, дегенерации человеческого общества. В современной Европе, как и в дореволюционной России, эти явления приобретают все большее и большее значение и постепенно захватывают все области жизни.

4. Массонство и интернациональный капитал, в большой своей части сосредоточенный в руках еврейства, суть наиболее сильные отрицательные факторы современной мировой жизни. Они умело направляют и поддерживают указанные учения и течения и используют явления, только что упомяну-

тые, для осуществления своего господства над миром, для победы злого начала над добрым.

5. Возвращение человеческого общества к заветам Христа, к вечным и непререкаемым идеалам, возрождение в искусстве и литературе, оздоровление быта, объединение сильных духом людей на началах здорового национализма и патриотизма являются неперенным условием для действенного сопротивления начала доброго началу злomu.

6. Все растущие и с каждым днем усиливающиеся во всех государствах и среди всех народов молодые национальные движения суть положительные факторы, коим суждено преодолеть современную болезнь человечества, а с нею и все ложные ученья и нездоровые явления, указанные выше.

7. Взаимная поддержка и объединение этих движений в единую мировую силу есть единственное средство для борьбы с единой, а поэтому мощной силой зла, ныне завладевающей миром.

8. Молодость духа, стремление вперед, а не вспять с новыми идеями, новыми средствами и новым оружием должны быть отличительными чертами национального движения. Люди старших поколений, живущие в прошедшем, не понимают настоящего. В будущем руководящее творческое значение будет у молодежи»¹¹².

Закончился съезд учреждением Союза «Молодая Россия», в председатели которого был выдвинут А.Л. Казем-Бек¹¹³. Задачи союза были определены следующим образом:

- а) Братское сплочение всех преданных России молодых сил.
- б) Подготовка их, как борцов за спасение и возрождение Родины и будущих полезных государственных, общественных и частных деятелей и работников.

С этой целью Союз «Молодая Россия»:

«а. заботится об образовании русских молодых людей за границей, а в особенности о сообщении им государственных и политических знаний;

б. заботится о воспитании молодежи в духе Православной веры, любви к родине, братской дисциплины и рыцарской чести»¹¹⁴.

Из «наказа» видно, что молодые эмигранты пришли на съезд с настроениями и готовыми идеями той традиционно-монархической среды, в которой они выросли, и в то же время с сознанием, что «люди старших поколений, живущие в прошедшем, не понимают настоящего» и что нужно стремиться «вперед, а не вспять», к каким-то новым идеям, определить которые они еще сами не могли. Только упоминание о «все растущих и с каждым днем усиливающихся

во всех государствах и среди всех народов молодых национальных движениях» подсказывает, откуда эти новые идеи должны были прийти.

В речи, произнесенной А.Л. Казем-Бекем в июне 1931 г. на открытом собрании парижских очагов Союза младороссов¹¹⁵, уже определенно звучали мотивы и фашизма и национал-большевизма.

«...Коммунизм в России изменим и заменим единственно национальным движением, движением максималистическим, способным на усилие, не меньше коммунистического...

Для нас, зарубежных националистов, вопрос идет не о борьбе с национальными внутренними силами, а о борьбе со сталинской верхушкой, ради национального возглавления той России, которую Ленин и Сталин против своей воли вывели из многолетнего сна. Мы заодно с теми, кто в России, хотя бы пока под коммунистическим флагом, делает национальное дело... К русским эмигрантам, мечтающим в виде какого-то иностранного легиона вторгнуться в Россию, можно применить слова, сказанные Екатериной Великой Эстерхази: “горе стране, которая надеется, что будет спасена иностранными войсками...”

Наш единственный путь — национальная революция.

Россия пореволюционная, стремительная и мятущаяся, должна быть возглавлена природной монархией.

Великие тени царя-освободителя и царя-плотника стоят на страже будущих судеб Российских, вдохновляя их пореволюционного преемника — второго Царя-Освободителя, второго Царя-Преобразователя, Царя Трудящихся»¹¹⁶.

На собрании был оглашен ряд тезисов:

«Революция родила “нового человека”, но этот “новый человек” не соответствует тому, которого стремился выработать коммунизм.

Между нами и новым человеком больше общего, чем между ним и Сталиным.

Для националистов вопрос ставится не о борьбе с новым человеком, а о замене возглавления.

Националисты зарубежные должны найти контакт с русскими националистами. Зарубежные националисты не могут быть орудием иностранцев.

Национальная революция была бы исходом не только для России, но и для Европы.

Только путем национальной революции можно избежать мирового пожара.

Националисты, чтобы иметь успех в России, должны разрешить накопившиеся вопросы. Необходимость “предрешенства”.

Система, противопоставляемая коммунизму, должна принести всенародное примирение. Это будет надклассовая монархия.

Система, противопоставляемая коммунизму, должна иметь опору в активных слоях населения. Это будет монархия трудящихся.

Система, противопоставляемая коммунизму, должна упорядочить свободное строение производительных сил в рамках государственности. Это будет монархия социальная»¹¹⁷.

Пафос социальности у всех этих «генеральских сыновей», воспитанных в реакционных традициях, обычно вызывал недоверие у эмигрантской «левой». Между тем генезис социального идеала младороссов, так же как и солидаристов, нельзя объяснить только уроками фашистской и национал-социалистической революций. Стремление к социальной справедливости рождалось в сердцах эмигрантов из их непосредственного жизненного опыта. В то время как многие представители «ордена» были люди буржуазного происхождения и, благодаря случайно сохранившимся остаткам прежнего богатства или благодаря своим знаниям и своим деловым способностям, могли существовать в эмиграции интеллектуальным трудом или коммерцией и поддерживать своих единомышленников, недоучившиеся сыновья белогвардейской эмиграции узнавали, что такое труд, эксплуатация и «выжимание пота» не из брошюр, как большинство «отцов», а на фабриках, в шахтах, в малярных артелях, за рулем такси. Не нужно забывать при этом, что эмиграция осела главным образом в странах социально отсталых, к каким принадлежала в то время и Франция. У молодежи невольно складывалось убеждение: буржуазная демократия бессильна разрешить социальный вопрос. Великая надежда XVIII века, что демократическая реформа принесет не только свободу, но достойное материальное существование для всех, не оправдалась. По образному выражению Казем-Бека, в демократии Шейлок обошел Манилова. Бесправное положение эмигрантов, ничем не защищенных от произвола администрации, еще более усиливало сомнение в демократии. Социализм же был отвратен своим родством с марксизмом, коммунизмом, всем тем ненавистным и ужасным, что завладело Россией. Все это толкало к фашизму, счастливо, как казалось, соединившему стихии и национального и социального возрождения.

В середине 30-х годов младоросское движение достигает своего наибольшего расцвета. В сентябре 1934 года в «Младоросской искре»¹¹⁸ было объявлено: «Союз младороссов после долгих и напряженных усилий превращается во вторую советскую партию, занимающую положение революционной оппо-

зиции в отношении партии правящей. Правящая — коммунистическая — партия, с точки зрения младороссов, узурпирует руководство русской революцией»¹¹⁹.

Это заявление было повторено на открытом собрании в Париже в январе 1935 года. Вот как описывал это собрание репортер «Возрождения»:

«Огромный зал Сен-Дидье полон до отказа. Трудно протиснуться через проходы, ибо и в проходах толпа. Кажется, за последнее время не было в эмиграции более многолюдного собрания. В этой зале, среди огромной толпы, представители всех политических течений эмиграции, всех ее возрастов, всех классов — старики и молодые, но гораздо больше молодых. В этой зале чуть ли не все молодое эмигрантское поколение, чуть ли не вся смена...

Более двух часов с небольшим перерывом говорил А.Л. Казем-Бек. Не подлежит сомнению, что слова его будили среди русских молодых людей бурю энтузиазма. Когда говорил он о величии России, когда призывал он Россию любить, несмотря на все, всегда помнить, прежде всего, о России, когда звал он к бодрости, к вере в русский народ, чувствовалось, что вся зала вместе с ним, и одинаково аплодировали ему начальник первого отдела Общевоинского союза ген. Эрдели¹²⁰, юноши-младороссы, эмигрантские «отцы» и даже сотрудники «Последних новостей».

И вот, глядя на этот зал, на этих выстроившихся юношей, на эти внешние значки отличия, на эту дисциплину и на этот почет к главе, вспоминались другие собрания. Берлин, 1930 год. Да, наши эмигрантские рамки не дают возможности развернуться молодому национальному движению. Но в таком же внешнем стиле и с таким же воодушевлением, проникнутые таким же единым духом, проходили собрания германских национал-социалистов, когда они шли к победе.

Положения, высказанные А.Л. Казем-Бекем, могут быть оспариваемы. Но думается нам, существенно другое: младоросское движение родит энтузиазм. Несомненно, многое, очень многое в младоросской идеологии несерьезно, зыбко, проникнуто самой дешевой демагогией... но разве мало было грубо демагического, несерьезного, зыбкого, что было затем отвергнуто жизнью, в движениях национал-социалистическом и фашистском?

Нескончаемыми овациями провожали «главу» младороссы и вместе с ними аплодировал ему весь зал»¹²¹.

Всякий, кому приходилось в те годы бывать на открытых младоросских собраниях, согласится, что репортер «Возрождения» очень верно передал атмосферу этих собраний. Казем-Бек умел своими речами вызывать у слушателей

то состояние как бы мистического возбуждения и подъема, которое так характерно для культа «вождизма», и в том, как выстроенные шпалерами распорядители-младороссы, одетые в синие форменные рубашки, встречали появление Казем-Бека восторженными криками: «глава, глава, глава!», несомненно сказывалось влияние ритуалов фашизма. Но из-за отсутствия возможностей реального действия это была только игра в фашизм. На младоросских собраниях, мне кажется, не веял дух человеконенавистничества, ознаменовавший уже первые выступления гитлеровцев.

Такое же впечатление подражания фашизму создавали и многие статьи в младоросской печати. Так, в № 160 «Бодрости!»¹²² Б. Кадомцев¹²³, стараясь объяснить, почему германский народ разорвал «самую демократическую Веймарскую конституцию» и пошел за Гитлером, перечисляет основные требования охватившей весь мир экономической и социально-политической революции:

1. Государственный контроль или управление народным хозяйством.
2. Создание новой, сильной и надклассовой государственной власти.

«Для осуществления этой экономической (управление народным хозяйством) и социальной (прекращение классовой борьбы) революции требуется полное преобразование так называемого либерально-правового государства, в котором, если не по форме, то по содержанию, власть попадает в руки или какого-либо класса, или, что еще хуже, небольшой группы или клики безответственных лиц. Очевидно, что передача управления народным хозяйством в руки такому фальшиво-демократическому государству была бы большим злом, чем частнические набеги этой власти в область экономики. Отсюда третье требование Великой революции: создание нового государства, которое полностью и без ограничения использовало бы всю полноту своей власти и, наряду с политическим представительством, ввело бы представительство профессиональных интересов (так как нельзя средствами политической бюрократии управлять народным хозяйством). Иначе говоря, требуется создание нового тоталитарного и корпоративного государства.

Для нас, Русских, живущих верою в развитие и торжество национальной России, 1938 г. будет особенно насыщен кризисами и тревожными событиями. Кризис власти Сталина приблизит выявление лица новой России, воскресение народа-«богоносца», не только в религиозном смысле, но и в смысле носителя великих идей вселенской правды и справедливости. Кто верит в это, тот не ошибается в своих чаяниях. Ведь все главные идеи и устремления, которыми наполнена Великая мировая революция, так родны душе нашего народа, историческому прошлому нашей

родины, вековым традициям нашей верховной государственной власти, что рождение новой России по образу и подобию нового тоталитарного и корпоративного государства-нации не удивит русский народ, как не удивляет появление подобных государств западноевропейский и американский мир»¹²⁴.

По этой статье мы видим, каким сплавом была младоросская идеология: отталкивание от либерально-правового государства как государства фальшиво демократического и неспособного разрешить социальный вопрос, убеждение, что этот вопрос разрешим только на путях фашистского корпоративного государства, верность принципу легитимизма, и все это в сочетании с идеями и чувствами национал-большевизма. Так, в следующем номере «Бодрости!» говорилось:

«...Постулат младоросской доктрины, который утверждает соединенность России и Династии и соединенность онтологических внутренних исканий Октября с национальным идеалом Русской Правды... это есть тот всеоправдывающий и всепримиряющий Синтез, ради которого жила и будет жить Россия»¹²⁵.

Фашистский характер младоросского движения казался несомненным и правым и левым. Встречи «за круглым столом» А.Ф. Керенского и И.И. Фондаминского со старшими младороссами вызвали ряд возмущенных статей в «Последних новостях»¹²⁶. Между тем за фашистским фасадом в младоросской идеологии было и другое, далекое по духу от фашизма и тем более национал-социализма, близкое скорее к идеям «Нового Града». Правда, первые номера «Нового Града» были встречены в «Бодрости!» очень резкой критикой¹²⁷. Цитируя статьи главных новгородцев, Тавастшерна¹²⁸ раздраженно писал: «И вся эта, с позволения сказать, литературщина преподносится удивленному читателю под соусом Русской национальной идеи!»

Позднее удивление прошло, отношение младороссов к «Новому Граду» калейдоскопически меняется. В большой статье, посвященной номеру 13-му «Нового Града», И. Кар, приводя слова Бердяева: «Будущее человечества зависит от того, будут ли соединены в мире движения духовные и движения социальные, будет ли связано создание более справедливых и более человеческих обществ с защитой духовных ценностей, с духовной свободой, с достоинством человека, как духовного существа», — замечает: «Эта надежда знаменитого философа глубоко созвучна нашему стремлению раскрепостить человеческий дух, дать ему свободу служения и творчества»¹²⁹.

Далее по поводу статьи Ф. Степуна «О свободе» И. Кар пишет:

«Ф. Степун кратко и ясно (ясно, по крайней мере, в контексте) противопоставляет «начало персонализма началу индивидуализма и начало собор-

ности началу коллективизма”. В свете этого противопоставления связь подлинной свободы с истиной становится очевидной, ибо свобода личности есть свободное служение истине. И капиталистический либерализм, и авторитарный этатизм одинаково затрудняют служение истине: для первого — свобода политической борьбы вовсе не есть метод искания истины; для второго — “идеократия” есть метод служения не столь истине, сколь определенной идеологии»¹³⁰.

Свою статью Кар заканчивает полным одобрением «Новому Граду»:

«Новоградцы проделали длинный путь от начала своей деятельности. У авторитетнейших из них для нас есть много чему поучиться»¹³¹.

Все эти заявления о раскрепощении человеческого духа и отрицание авторитарного этатизма и даже «идеократии» показывают, что младоросская идеология была все же не совсем фашистская. И если младороссы в своем отталкивании от «демо-либерализма» не понимали, что отказ от «формальных» свобод и правового государства неизбежно ведет вовсе не к торжеству Истины, а к тоталитарному строю, черному, коричневому или красному, то, как мы видели, этого не понимал и Бердяев. Роковым образом, как раз те представители поколения «отцов», которые своим духовным авторитетом могли бы содействовать идейному воспитанию «сыновей» и привести их к подлинному идеалу демократии, были сами поражены слепотой в решающем вопросе о правовом государстве. В «Новом Граде» опасность этого ослепления хорошо понимал Г.П. Федотов, но, к сожалению, его влияние на эмигрантскую молодежь было гораздо слабее влияния Н. Бердяева.

Разговоры младороссов о христианском государстве были, я думаю, очень искренни. Их одушевляла глубокая любовь к России, неотделимой в их представлении от «вселенского начала правды и добра», и их стремление к христианскому государству соответствовало «издревле русской мечте: устроения всех людей в правде и братской любви».

С годами эти мотивы звучат в младоросских высказываниях все определеннее. Воспитанные в традиционных идеях русского монархизма: «православие, самодержавие и народность», младороссы постепенно отходили от этой менее всего народной формулы Николаевского времени, отчеканенной, по словам Г.П. Федотова, «немецко-бюрократической по своей природе властью»¹³², и все больше приближались к глубокому и возвышенному славянофильскому пониманию православной монархии и «русской идеи». Тем самым младороссы до некоторой степени отходили и от псевдо-мистики современного национализ-

ма, порождаемого не самобытной народной жизнью, а одинаковой у всех государств волей к империалистической экспансии.

Ряд статей К. Елиты-Вильчковского¹³³ и других младоросских публицистов тому свидетельство.

Когда вышел очень близкий по духу к «Новому Граду» сборник «Православное дело»¹³⁴, рецензент «Бодрости!» ограничился тем, что привел длинные выдержки из статей Н. Бердяева, матери Марии и К. Мочульского, прибавив от себя только несколько слов:

«...Основные идеи сборника нам близки. Мотив жалости, мотив помощи, мотив сотрудничества — основные мотивы младоросского движения, и те, кто хоть сколько-нибудь знаком с его истоками, знают, с какой остротой ставились издавна в нашей среде темы, которые сегодня с таким знанием и с такой убедительностью развивает “Православное Дело”»¹³⁵.

И по отношению к Германии Гитлера после захвата Чехословакии позиция младороссов все более приближается к новоградской. В августе 1939 г. свою статью в «Бодрости!» о германо-советском пакте Казем-Бек закончил словами: «...немцам надо знать, что в случае европейской войны симпатии русских патриотов будут на стороне Великобритании и Франции»¹³⁶.

В следующем номере, в статье «После пакта коричневых и красных» Казем-Бек развил ту же мысль с еще большей решительностью:

«Если новое насилие немцев разрастется в мировую бойню, то борьба за человеческую свободу и элементарную справедливость поднимет против национал-социализма и развращенной им Германии не только государства и народы, но и всех честных людей.

Русские патриоты, свободные духом и волей, поднимутся на борьбу с Германией во имя русских интересов. Но не только: они поддержат силы, восставшие против германского насилия и во имя русской правды»¹³⁷.

В том же номере К. Елита-Вильчковский в статье «Против сталинизма и гитлеризма» писал:

«Когда нас спрашивали, почему мы против Гитлера, мы неизменно отвечали: потому же, почему мы против Сталина. Дело тут не только в антирусской пропаганде, не только в “Мейн-Кампф”, не только в украинских вождениях. Подход младоросса не только подход патриота, охраняющего целостность и честь своей родины. Подход младоросса также и духовный подход. Оценки младоросса диктуются не только практической целесообразностью, но и мерилем совсем иного порядка...

Рассматривая пакт Гитлера и Сталина, нельзя забывать этих основных предпосылок. Младоросскость есть учение о примате духа, а не о примате силы. Для младороссов цель не оправдывает средства, и макиавеллизм заранее осужден».

Статья эта сделала бы честь любому демократу.

Когда война была объявлена, партия младороссов выразила свое отношение к событиям в очень драматической форме. Казем-Бек послал Эдуарду Даладье телеграмму с заявлением, что он и все члены младоросской партии отдают себя в полное распоряжение французского правительства для борьбы с Германией на стороне Франции¹³⁸.

В номерах «Бодрости!», вышедших во время войны¹³⁹, мы читаем:

«Страшная мораль пангерманизма, облеченная ныне в форму коричневого большевизма “пролетарской” германской нации, угрожает всем духовным ценностям человечества». «Задолго до пакта Сталина с Гитлером нам неоднократно доводилось писать о поразительном внутреннем сходстве обеих диктатур, германской и русской».

Многие младороссы в первые же дни войны вступили в ряды французской армии, а впоследствии, после разгрома Франции, героически продолжали борьбу в войсках генерала де Гюля и в движении Сопротивления.

Сам Казем-Бек через несколько лет после войны, забыв о поразительном сходстве обеих диктатур, вернулся в Советский Союз.

В июле 1930 г. образуется новое политическое движение — «Национальный союз русской молодежи», который превратился позднее в Национально-Трудовой Союз нового поколения¹⁴⁰. Этот союз, пополнившись во время и после войны новыми эмигрантами и во многом обновив свою идеологию, — в настоящее время единственная организованная партия в эмиграции. Но в начале 30-х годов инициаторы движения были еще совсем молодыми людьми без всякого политического опыта. А Зекрач¹⁴¹ в № 82-м «За Родину»¹⁴² вспоминает:

«Было то время, теперь далекое уже, когда в смутных идейных исканиях нового российского поколения Зарубежья рождался наш Союз. Было чувство: без России нельзя. А затем пришло сознание — что Россия должна быть новая, что за нее нужно бороться, и решимость — бороться и победить»¹⁴³.

Солидаристы вышли из среды той же белогвардейской эмиграции, что и младороссы, и получили такое же воспитание. Неудивительно поэтому, что «нац-мальчик» был похож на младоросса, как родной брат. Так же как для младороссов, главное для солидаристов: национальная идея и готовность за эту идею

пойти на подвиг и отдать свою жизнь; чувство, что эту завещанную отцами и старшими братьями «белогвардейскую» любовь к России нужно соединить с каким-то новым, еще неясным идеалом социальной справедливости; убеждение в неспособности «демолиберализма» осуществить этот идеал и что социальный вопрос будет разрешен происходящей в мире новой великой революцией, которая приведет к победе «солидаризма» — фашистского тоталитарного государства.

«Общество, в котором правят развращенные демагогией толпы и подкупными парламентарии, неспособно дать максимально благоприятные условия для развития человека»^{*144}.

«В государствах либерально-демократических моральный упадок, слабость и дикая борьба классов. В этих странах скользкие свобода, равенство и братство, превратившиеся в чудовищную спекуляцию народными чувствами и расхищение народного достояния, часто весьма реально дают себя чувствовать на шее русского зарубежника»^{**145}.

Подобных цитат из предвоенной печати солидаристов можно привести великое множество. В 1940 г. К. Вергун¹⁴⁶ пишет по поводу прихода к власти Петэна:

«Французский парламент, бывший не так давно оплотом традиции и защитником непогрешимости демократии, 386-ю голосами высказался за полное переустройство государства на новых основах. Вся полнота неограниченной власти сам парламент передает одному человеку — главе государства. Как за спасительную соломинку, хватаются теперь за авторитет, тоталитаризм, за те идеи, которые еще так недавно клеймились фашистскими»¹⁴⁷.

После этого следует абзац, прямо как из Бердяевского «Нового средневековья»:

«Демократизм, как мировоззрение и система, со всеми присущими ему особенностями: избытком неискренних слов, лицемерным гуманизмом, прекраснотным, но жестоким в условиях безработицы либерализмом, плутократиями, коррупциями, капитализмом, партийщиной и парламентаризмом, народными фронтами — сходит постепенно с исторической сцены.

Те из бывших демократических апологетов, которые олицетворяли демократию со свободой, с правами личности и т.д., если еще и не поняли, то со временем поймут, что проблемы личности и коллектива, свободы, справедливости и труда настоятельно требуют иного решения, чем то, которое давала демолиберальная концепция»¹⁴⁸.

* Н. Бабкин. «За новую Россию». № 43/8, ноябрь 1935 г.

** Невский, «За Родину», № 68/10, июнь 1938 г.

В чем заключается это новое решение? В течение многих лет вся печать солидаристов давала на это один и тот же ответ. В «Специальном листе для России»¹⁴⁹ мы читаем:

«В последнее время в общественно-политической жизни всех стран наблюдается резкое расхождение между поколениями. В то время как старшее поколение, верное идеалам своей молодости, по-прежнему поклоняется своим старым богам — либерализму, демократии, социализму — и не хочет видеть, что они изжили себя и ничего, кроме несчастья, человечеству не принесли и не принесут, молодежь ищет новых путей устройства человеческого общежития и находит их в национализме.

Это не старый национализм, так тесно связанный с социальным консерватизмом или даже реакцией, это движение новое, социально-радикальное и в то же время глубоко национальное.

...Обманутая лицемерным равноправием либерализма и демократии, ложью и равноправием в бесправии социализма и коммунизма, молодежь начала искать новые пути, которые и привели к отрицанию старых кумиров и к убеждению, что будущее народов в здоровых формах национализма.

...Как когда-то либерализм или социализм, коммунизм широкой волной побеждали мир, так теперь победно и неуклонно занимает позиции одну за другой национализм, молодой, творческий, несущий с собой лучшие формы человеческого общежития, несущий правду, справедливость, подлинную, а не лицемерную свободу. То, что оказались бессильными сделать либерализм и социализм — дать людям лучшую жизнь, — творят сейчас молодые национальные силы.

...В Англии — движение О. Мослея¹⁵⁰ растет и ширится, вбирая в себя все молодое, крепкое, честное. Чувствуется новая идеология; отброшены старые идеалы демократии, парламентаризма, социализма.

...Италия. За 10 лет из жалкой и забитой страны, с которой никто не считался, она превратилась в силу первого класса, и каждый итальянец теперь с правом гордится своей родиной.

...Германия — еще недавно управляемая социалистами, мощным движением своего нового поколения сбросила их, как накипь, и дала всю власть тем молодым и сильным, которые умели бороться, а теперь, как показал 12-месячный опыт, умеют и управлять». И т.д.

Та же схема развивается в № 54 «За новую Россию»:

«После мировой войны началась мировая революция... Новый социальный порядок, в процессе этой мировой революции, родится не в Москве, а везде

там, где начинают действовать самоотверженные и благородные реформаторы, признавшие гниль либерального капитализма и ложь бесчеловечного коммунизма. Во главе этой плеяды борцов за новый социальный порядок и прочный социальный мир стоят — Гитлер, Муссолини, Салазар, но за ними идет целый ряд других строителей, одушевленных теми же идеями...»¹⁵¹

До войны это одна из основных тем пропаганды солидаристов. В № 62(4) «За Родину» Д. Заборский в большой статье «Новая Германия» (с подзаголовком «Современный солидаризм») говорит:

«Либерально-капиталистическая система изжила себя, социалистическое изуверство грозит самому дорогому — нации. Нужны иные решения.

На наших глазах вдруг выросли люди, взявшие на себя смелость и тяжесть найти решение. Они повернули каждый свою нацию властной рукой на новый путь.

Мы не знаем еще, во что выльется этот их опыт, что отстоится, что его переживет. Но ощущается одно, что строится новая жизнь, найдены новые слова, что они находят отзвук в сердцах, ведут за собой.

Как ни различны проявления этого социал-реформизма, основная идея его везде одна — *национализм и социальная правда* — осуществление идеала социальной правды, в лоне нации! Мы вправе назвать ее новой движущей идеей, она должна вытеснить космополитизм либерально-капиталистического и интернационализм социалистического мировоззрения.

...Новые движения носят разные названия, но сущность их всех лучше всего можно выразить словом — *солидаризм*»¹⁵².

Любопытно, что в этой статье Заборский ни словом не упоминает ни о борьбе национал-социализма с христианской традицией, как традицией расово-чуждой и расслабляющей, ни о провозглашенном в «Мейн Кампф» принципе новой немецкой «боденполитик»* на востоке. В этом солидаристы следовали примеру всей той части эмигрантской печати, которая, поверив, что Гитлер освободит Россию от большевизма, преподносила своим читателям, вместо реально существующего расистского «коричневого» Рейха, какую-то лучезарную Германию новых крестоносцев, проникнутых тем же духом, что и Белое движение.

Между тем солидаристы внимательно изучали доктрины фашистской и национал-социалистической революции и хорошо их знали. Так, в июне 1934 года Н. Бабкин бесхитростно писал в № 28 «За Россию»:

«Фашизм — реакция на политический либерализм. Он — противник всяких свобод, слова, печати и т.д.

* Политика территориальной экспансии.

Фашизм, наконец, есть реакция на философский либерализм. Личность перестает быть самоцелью. Она часть коллектива (корпорация) и цель коллектива — служение более обширному коллективу (нация). Показательна не только идея служения личности, что весьма древне, но то, что личность как таковая вообще не имеет ценности»¹⁵³.

Этому обстоятельству, что фашизм «противник всяких свобод» и что в фашизме «личность как таковая вообще не имеет ценности», солидаристы, видимо, не придавали большого значения.

Говоря о нарождающемся новом порядке в Италии, Португалии и Германии, М. Георгиевский¹⁵⁴ замечает:

«В просторечии все эти новые течения принято объединять одним общим названием “фашизма”. Либеральствующие, неустойчивые и умственно робкие, не замечающие того существенного, что несет с собой этот современный солидаризм, часто третируют “фашизм” и “тоталитарное государство” лишь как смягченную форму социализма и находят в нем черты, родственные большевизму. Говорят о “диктатуре партии”, о преследовании инакомыслящих, даже о терроре и о концлагерях.

Забывают прежде всего о том, что разница в степени и количестве имеет в наше время существенное, а не второстепенное значение, что иссушающая жара губит ростки жизни, а тепло им благоприятствует; что миллионные жертвы большевистского террора, надругательства, истязания, беспросветный ужас советских концлагерей не может идти ни в какое сравнение с мерами исключительного порядка, направленными обычно против тех, кто сам готовил гниющую яму и стенку инакомыслящим.

Нам понятно вполне, кто и почему руководит искусно прикрытой благородными соображениями пропагандой против “фашизма”. Мы прекрасно понимаем, что “диктатура партии” есть явление временного характера, что не найдены еще окончательные формулы нового строя. Но никакая диктатура никакой другой партии не может быть даже отдаленно сравниваема с кровавой и гнусной диктатурой социализма.

...Для доктрины солидаризма абстрактное понятие общества заменяется таким же живым и индивидуальным понятием Нации.

Нация живет полноправной жизнью, люди и личности, вмещенные ею, не горошины в мере гороха, пересыпающиеся и перемещающиеся без связи. Они — один высший организм, уходящий корнями в прошлое, в настоящем приготавливающий будущее. Отсюда понятие обусловленной свободы (в проти-

вовес анархическому индивидуализму и порабощающему социализму), функциональной собственности и трудового критерия оценки.

Деляя наши оговорки к современному «фашизму», мы не смеем забывать, что новое учение о государстве, Нации, собственности, свободе и личности медленно зреет в его недрах.

«Тоталитарное» государство имеет так же мало общего с социалистическим, как человеческий организм с пошловатой «наглядной» таблицей, изображающей этот организм в виде машины с топкой и системой труб и котлов.

...Трудно заподозрить в скрытой реакционности Муссолини, бросившего капиталистам: «не думайте, что мы будем для вас громоотводом», или Гитлера, завещавшего своей нации: «Почитайте труд и уважайте трудящегося».

Опыт того и другого есть только начало закрепления в умах и порядках новой доктрины — доктрины солидарного сотрудничества¹⁵⁵.

Таким образом, допуская возможность в фашизме кое-каких недостатков, солидаристы не хотели им придавать значения, считая их чем-то временным и второстепенным по сравнению с огромными достижениями.

«Возрождение национальной гордости, народная сплоченность и мощь современных государств, ведомых четкой и горячей идеей, вызывает восхищение и зависть российского эмигранта»¹⁵⁶.

Таким же энтузиазмом полна статья А. Зекрач «Наша романтика и наше сегодня»:

«Сущность революционного движения не определяется только отвлеченной ценностью его идей.

Пусть наша идея четка, реальна, правдива, наши лозунги — убийственно остры, наши конспекты — ясны, логичны, убедительны, — и все же они могут остаться лишь предметом размышления, изучения, разумного анализа, — до тех пор, пока не найдут дорогу в сердце своих носителей и проповедников, пока не облекутся в мечту, преодолевающую физические границы и возможности, мечту, зовущую на борьбу за свое осуществление. И, наконец, борьба и жертвы за идеалы дают образы, оживотворяющие идею. Они — живая душа движения, — они романтика его.

Так было всегда: от христианства с его катакомбами, крестовыми походами и миссионерством — до современных революционно-политических движений. Романтика национал-социализма — в мюнхенских пивных, где прозвучали первые речи — призывы к борьбе, в заключении Гитлера, в берлинском подполье. У фашизма — в первых одиночных схватках с коммунистами, в мерах

* «За Родину», № 68/10, июнь 1938 г.

воздействия касторкой против марксизма, в походе на Рим. У испанских националистов в Толедо»*.

Эта «фашистская» романтика предопределяла, казалось, на какой стороне будут солидаристы, когда Западная Европа непоправимо раскололась на два враждебных лагеря. В марте 1939 г. М. Георгиевский писал:

«Итак, два лагеря противостоят во всеоружии друг другу и готовятся к борьбе. Их разделяют не только экономические счеты, но и идейное расхождение. Миру предстоит борьба двух мировоззрений. Будущая война будет своего рода “религиозной” войной. Этот именно “психологический фактор” может только ускорить столкновение. Еврейство и “демократия” пылают лютой ненавистью к “фашизму”. Им отвечает презрение и ненависть противного лагеря»**157.

Только заключение германо-советского пакта вызвало некоторое разочарование:

«Нам казалось, что европейский “фашизм” нашел направление, на котором удастся разрешить главный вопрос современности — трудовой.

Но вот Коминтерн заключает союз с Антикоминтерном»***158.

Когда началась Вторая мировая война, солидаристы заявили о своем полном нейтралитете:

«В европейской военной схватке ни одна из воюющих сторон не показала себя еще искренним другом и деятельным союзником русского народа и подлинных национальных российских интересов.

Мы, зарубежники, честно и лояльно выполним свой долг перед странами нас, приютившими. Но душой и всеми помыслами своими мы пока будем придерживаться строгого и бескомпромиссного нейтралитета, ибо борьба идет еще не за Россию»****159.

Фашистский характер довоенного солидаризма ни у кого в эмиграции не вызывал сомнений.

Когда в январе 1939 г. в Харбине состоялся 4-й съезд Всероссийской фашистской партии¹⁶⁰, имя профессора Байдалакова¹⁶¹ стояло в списке членов «почетного президиума»¹⁶² рядом с именами Мицуру Тоямы, капитана Онозаки, Юлиуса Штрейхера, маркиза Паулучи, Рафаэля Дуйоса, Карлоса Риберы, атамана Семенова, ген. В. Кислицына, ген. Туркула и др.

Генеральный представитель НТСНП в «Маньчжурской империи» К. Алексеев¹⁶³ выступил на открытии съезда с приветствием от имени своей организации.

* «За Родину», № 82, 1939 г.

** «За Родину», № 77/19, 15-го марта 1939 г.

*** М. Георгиевский, «За Родину», № 90, 1 октября 1939 г.

**** В. Байдалаков, «За Родину», № 90, 1 октября 1939 г.

Со своей стороны председатель съезда К.В. Родзаевский обратился к Байдалакову со следующим письмом:

«Глубокоуважаемый Виктор Михайлович, 4-й Съезд Российских фашистов имеет честь приветствовать в Вашем лице Российский национально-трудовой союз нового поколения как молодую русскую силу национальной революции и грядущего национального созидания. Съезд отметил единство мировоззрения НТСНП и РФС, единообразную формулировку нашей идеологии (Бог, Нация, Труд — у РФС и идеализм, национализм и солидаризм — у НТСНП), сходство наших программ (Единая трудовая организация нации, называемая нами Российским корпоративным строем) и поручил избранному им центральному руководству продолжать работу по сближению — на путях Национальной Революции в будущей России.

Не откажите передать Российский фашистский привет всем новопоколеницам.

Да воскреснет Россия, да погибнут наши имена¹⁶⁴ — так говорили на фашистском съезде, повторяя один из прекрасных лозунгов НТСНП. Слава России»¹⁶⁵.

Солидаризм есть фашизм. Так думали до войны и сами солидаристы, их друзья и их противники. И все-таки это утверждение, хотя и правильное, не дает верного понятия о солидаризме. Подобно младороссам, солидаристы представляли себе тоталитарное фашистское государство совсем по-другому, чем люди демократических взглядов, привыкшие видеть в черном или коричневом тоталитаризме разновидность того же зла, что и тоталитаризм красный. Солидаристы же каким-то образом, таинственным для человека демократического лагеря, видели в тоталитаризме не более не менее, как применение к социальной жизни заповедей абсолютной евангельской морали. Множество текстов убеждает, что это одна из главных идей НТС.

М. Георгиевский в одной из своих статей пишет:

«Борьба за существование есть принцип животного мира. Человеческое общество есть проявление начала, тому противоборствующего, — солидарности. Им вызваны к жизни поселения и государства. Национальное единство — результат его действия. Ненависть — не закон человеческой жизни и истории. За это говорит прогресс человеческого общежития, морали и культуры.

Долгий путь от варвара, с его “око за око”, до закона евангельской любви — тому подтверждение»¹⁶⁶.

Б. Ч. говорит еще определеннее:

* «За Родину», № 76/18, март 1939 г.

** «За Россию», № 4/101, март 1940 г.

«...Философская подкладка солидаризма как такового во многом является общечеловеческой, оформленной, правильным пониманием христианства»^{*167}.

Убежден в этом и Н. Цицерошин:

«Что же в самом деле мы обещаем и понесем России? Политическое освобождение, свободу совести, социальную справедливость, хозяйственную свободу, уважение к человеку и подлинную, а не “сталинскую” об этом человеке заботу — (см. Программные положения Союза) — что же это такое, как не великие, вековые идеи европейского гуманизма, плод христианского сознания. Вместо классового борьбы и ненависти — классовое примирение на почве солидарности, вместо диамата — главенство духовного начала, и вместо бюрократии Госплана — широкое поле для личной инициативы в рамках общенациональных интересов. И при этом поступательном движении к высотам духа есть ли место другой морали кроме христианской?»^{**168}

Если не считать беглых упоминаний имен Достоевского и Леонтьева, солидаристы вели свою духовную родословную не от какого-либо определенного течения русской мысли XIX века, а от всего русского прошлого, «из религиозных корней Православия, с его жизнью сердца, чувством совести, милосердия, братства, жертвенности, служения, терпения, верности»^{***169}.

«Найти нашу российскую правду, — писал Байдалаков, — мы можем только в глубине нашего национального самосознания. Найдя же, — отделить ее от временных отживших форм и перелить в формы сегодняшнего дня. Для нас она — в извечном устремлении нашего народа к Божией и социальной правде на земле. Нынешнее и грядущее оформление национальной идеи — Национально-Трудовая Россия»^{****170}.

И статья В. Песеца¹⁷¹ «К новой России»^{*****} проникнута той же верой в преемственную связь солидаризма с заветами Древней Руси, прообразом христианского социально-нравственного общественного строя.

«Мы не выдумали этого учения. Мы взяли его из быта русской страны... первые заветы солидаризма и жизнь по ним создались сами собой еще в Киевской Руси. И первое их оформление имело место в “Русской правде” Ярослава Мудрого. Этими заветами создан и на них жил весь быт, строй и уклад России до послепетровских времен».

Переходя к советской действительности, В. Песец говорит:

* «За Россию», № 17 (114), октябрь 1940 г.

** «За Родину», № 73/15, декабрь 1938 г.

*** М. Г., «За Родину», № 72/14, ноябрь 1938 г.

**** В. Байдалаков, «За Родину», № 71/13, октябрь 1938 г.

***** В. Песец, «За Россию», № 7, апрель 1940 г.

«Ставшая за XIX век казенной, вера православная обрела Апостольскую чистоту и силу. В катакомбах, овинах, с дорожным посохом в руках и антимином за плечами, в концлагерях и священномученической кончине ушла в толщу народную, как некий новый Китеж, Святая Церковь Российская.

Возродился в толще, у лучших, исторический дух национализма, — повинность служения земле Русской.

Этому народу и с этим народом хотим мы создать Новый Русский строй. Он будет выстроен на заветах «Русской правды» — Правды Божией».

В связи с этим пониманием солидаризма как «социального раскрытия христианства» доктринеры НТС учат, что солидаризм не может осуществляться насильственно:

«...Великим синтезом современного кризиса будет построение общества на началах социальной морали.

...Он свяжет человека с человеком не силою внешнего принуждения, а сознанием солидарности»^{*172}.

О том же говорит Байдалаков:

«...Человеку никогда нельзя приказать или самыми страшными пытками заставить его быть послушным автоматом и праведником по предписанному рецепту. Но он сам может стать героическим борцом и самоотверженным подвижником высшей правды, если будут пробуждены в нем светлые порывы, если будет возбуждена в нем потребность служения и высшего творчества, когда будет оказана ему помощь в его борьбе со зверем в себе, когда будет дана поддержка Человеку в человеке»^{***173}.

Та же мысль об укреплении доброго начала в человеке у М. Георгиевского.

«Наш Новый Завет, наш путь — освободить в мир дорогу лучшим стихиям человеческого сердца — любви и неискоренимому чувству общей солидарности. Освободить их и укрепить. Воспитать их и сделать основой социальной жизни. Наш боевой клич — солидаризм!»^{****174}

Некоторые высказывания солидаристов смущают: солидаризм представлялся чуть ли не дальнейшим, по сравнению с христианством, этапом морального прогресса человечества.

«Как когда-то, 1900 лет тому назад, найдены были истинные основания человеческой морали, так в наше время ищет человечество новых форм общезжития. Их можно установить лишь раскрытием социальных свойств человеческой души, «существа общественного»^{****175}.

* Георгиевский, «За Россию», № 13/110, июль 1940 г.

** «За Россию», № 20/117, декабрь 1940 г.

*** «За Россию», № 15/112, сентябрь 1940 г.

**** М. Георгиевский, «За Россию», № 2 (99), февраль 1940 г.

Б. Ч. развивает эту мысль более подробно в статье «К национально-трудовому солидаризму»:

«Наша точка зрения вытекает из утверждения, что первопричиной к зарождению общества явилось чувство солидаризма, которое является природным инстинктом — идеей, вложенной Богом в сознание человека. Солидаризм — это основа стремления человека к человеку для момента взаимного творчества.

Первый этап солидаризма создал общество и наметил пути для его развития. Оформились семья, род, племя. Были для дальнейшего развития заложены скрепляющие основы: язык, духовные и экономические интересы, право, обычаи и т.п.

Античный мир можно считать вторым этапом солидаризма. Он окончательно оформил понятие о государстве, оформляет право, дает пути для философии и этики, дает новое слагаемое в виде понятия национализма.

Третий этап — это приход христианства. Оно коренным образом меняет народный быт. Уничтожает рабство, дает солидаризму духовное освещение в виде окончательного оформления слагаемых: идеализма, морали, национализма и социальной справедливости.

...Наше поколение стоит перед четвертым этапом — этапом проведения в жизнь, как мировоззрения и системы, национально-трудового солидаризма. Эта задача является нашей обязанностью в отношении к России и нашей исторической миссией*.

Понимание чувства солидарности как природного заложенного в человеке инстинкта занимает важное место и в построениях Георгиевского:

«Как законом мировых космических явлений является закон всемирного тяготения, как вся система мироздания держится законом взаимного притяжения, так законом явлений человеческого мира является влечение и тяготение людей друг к другу, так вся система общественной и социальной жизни объясняется законом социального притяжения, инстинктом солидарности.

...Можно, унижая человека, ставить его в общий ряд развития всего животного мира. Но высоко развитый инстинкт солидарности кладет резкую грань между ним и всеми остальными животными.

Даже у последних, как только показываются первые слабые проблески этого инстинкта, мы присутствуем при необычайных проявлениях его последствий. Таково строительство и общественная жизнь пчел, муравьев, бобров.

...Новая социально-образующая идея должна еще быть найдена и высказана, но не выдумана.

* «За Россию», № 14 (111), сентябрь 1940 г.

Она должна организовать потребности живого человека и отвечать современным вопросам и поискам социальной правды, примирения интересов общества и личности, настоящего и будущего.

Этим потребностям отвечает, эти конфликты разрешает только один лозунг: «солидарность».

Вот слово, которое сейчас носится в воздухе и просится само на язык. Ему предстоит еще вылиться в учение, теорию. Ибо — вспомним — в основе каждого социального строя лежит своя теория и своя философия.

Эти элементы нового учения солидаризма могут сейчас уже быть наметены:

1) В основу социальной перестройки будущего должно быть положено органическое начало.

2) Счастье и мир человечества могут быть достигнуты лишь правильным распределением культурно-национальных миров, его составляющих — органических государств*.

Органический, органическое государство, органические формы, нация, национализм — излюбленные термины теоретиков НТС. Без оглядки поверив в добро всего «органического», они не замечали, что какого бы совершенства ни достигали в органически функционирующих государствах семейные и социальные добродетели, эти государства будут всегда тяготеть к расизму, а не к христианскому братству всех людей в мистической надмирной республике. Именно тут подстерегала солидаризм опасность такого же превращения, какое случилось с немецким романтизмом. Как винить солидаристов в непонимании этой опасности? Кто мог их предупредить? Старшие? Но старшие сами — Н. Бердяев, Н. Арсеньев, евразийцы — видели в романтической контрреволюции только ее положительную и поэтическую сторону, только праведную реакцию на рационализм и материализм просветительства. Она им представлялась духовным обновлением Европы, возвращением в лоно органической исторической народной жизни, вечного источника вдохновения и творческих сил. Они не замечали, что в органически-романтическом мирозерцании идея коллективной души народа скоро вытеснила первоначальное пылкое утверждение индивидуализма. Правда, романтики верили, что в органическом обществе жизнь целого и жизнь личности гармонически сочетаются. В действительности, равновесие оказалось мнимым: коллективная личность нации была признана более реальной, чем личность отдельного человека. Как я уже говорил в первой главе, началось с фольклора, кончилось

* «За Россию», № 20 (117), декабрь 1940 г.

нацизмом. «Что листья без дерева? — поучал Геббельс. — Ничто. В органической жизни значение имеет только дерево»¹⁷⁶.

Проф. Н.Н. Алексеев в своей книге «Теория государства», соглашаясь, что человеческие общества произошли в результате действия тех же биологических сил, которые создали общества муравьев, пчел и термитов, указывал на невозможность точно определить различие между обществом и организмом. И, в самом деле, хотя стремление к индивидуализации проникает весь органический мир, оно не осуществляется полностью даже в человеке, и никто не может с уверенностью сказать, един или множествен живой организм и где начинается и где кончается индивидуальность. В этом смысле человека можно рассматривать одновременно и как «общество» клеток, составляющих его тело, и как «клеточку» более высокого организма — общества¹⁷⁷.

Как при такой неопределенности избежать ложных выводов? Романтики не знали, что нет ничего более несправедливого и антииндивидуалистического, чем органические общества, подчиненные слепому и жестокому закону естественного отбора. Но, в отличие от всех других животных рас, которые подчиняются со дня рождения заложенным в их генетическом коде формам социальной жизни, человек изменил «правила игры». К требованиям выживания вида он прибавил еще требование справедливости и уважения к жизни и свободе индивидуума. Это требование иррационально, ничем не обосновано и очень все осложняет, но именно это требование придает значение нашей жизни и делает нас людьми. Его нужно принять без всяких доказательств, как аксиому, как абсолютную истину, принять так же безоговорочно, как оно утверждается в Евангелии.

Проф. Н. Алексеев это чувствовал, даже когда был евразийцем. Он пишет: «Сверхорганическая струя общественной жизни обуславливается тем, что человек есть не только биологический организм, но и личность»¹⁷⁸. Именно поэтому, я думаю, проф. Алексеев, после бесславного конца евразийства, мог стать сотрудником «Нового Града», но об этом после. А вот солидаристы? Как они, с их теорией органического общества, смотрели на личность? Неясность их высказываний оставляет смущающее впечатление. Приведу несколько примеров: «неразрывность личности и государства», люди в нации составляют «один высший организм», «живой человек — атом социальной ткани» и т.д. Правда, в других статьях допускалось, что «каждый человек есть автономная частица мироздания» и личность имеет «самодовлеющую» ценность, но — и на этом всегда ударение — «человеческое общество живет и развивается лишь в органических формах нации» или, как А. Зек-

рач писал в № 94 «За Родину»: «нация есть единственное выявление жизни *живого* человека и человечества в пространстве и во времени»¹⁷⁹.

Уже в древнем мире любовь к родине была сильным и возвышенным чувством, под влиянием христианства она вырастает в избранных душах в чувство близкое к мистической любви. Но у этого чувства мало общего с национализмом, порождаемым необходимостью для клана или нации бороться не только с природой, но и с другими кланами и нациями. Соединенная с волей к борьбе за территорию, убийству и господству, естественная солидарность — совсем другое чувство, чем христианское чувство родства со всеми душами, чувство, зовущее человека открыться в любви ко всему человечеству, ко всему живому, ко всему миру.

Поэтому не совсем понятно, откуда бралась у солидаристов уверенность, что социальное давление, заставляющее людей служить обществу (проявление той же, в сущности, силы, что прикрепляет муравья к муравейнику и скрепляет клетки организма), — и есть христианская любовь. Они не чувствовали неустрашимую противоположность христианства социологическому натурализму и не видели, что, когда исторические и социальные ценности ставятся выше человека, патриотизм неизбежно вырождается в национализм, исполненный не столько любовью к своему народу, сколь человеконенавистническим духом шовинизма. Из русских мыслителей с наибольшей силой говорил об этом Бердяев. «Национализм, — утверждал он, — есть измена и предательство в отношении к глубине человека, есть страшный грех в отношении к образу Божию в человеке. Тот, кто не видит брата в человеке другой национальности, кто, например, отказывается видеть брата в еврее, тот не только не христианин, но и теряет свою собственную человечность, свою человеческую глубину»¹⁸⁰.

К сожалению, как я уже об этом говорил, не этот Бердяев имел влияние на эмигрантских молодых людей. Мысли о греховности национализма не приходили в голову идеологам НТС. Уже одно то, что они допускали, что личность может быть частью какого-то высшего органического целого, показывает: они не осознали до конца евангельское утверждение абсолютной, несоизмеримой ни с чем ценности человеческой личности и выросший из этого утверждения демократический идеал свободы, равенства и братства. Этим и объясняется, я думаю, почему «нацмальчики» так долго могли верить, что в фашистском тоталитарном государстве осуществляется солидаризм, который был для них выражением христианской морали.

В основных линиях доктрина солидаризма развивалась параллельно доктрине младороссов. Тот же идеал корпоративного тоталитарного государства,

государства христианского, построенного на «Русской правде». Такое же утверждение примата духа над материей, такое же отталкивание от «демолиберализма» и такая же опасная неясность в определении личности и общества («С точки зрения солидаризма личность свободна и самостоятельна в своем творчестве, при признании блага личности функциональным к благу общества»¹⁸¹). Многие высказывания солидаристов и младороссов удивительно похожи друг на друга, те же слова, те же понятия. Но, несмотря на несомненную идейную близость, солидаристы относились к младороссам очень враждебно. Почему? Дело здесь было не в разном решении вопроса о форме правления. Младороссы: «нельзя, нелепо и бесполезно строить национальную идею вне монархии и вне династии», а солидаристы стояли за диктатуру. Нет, два родственных движения были разделены не этим, а ненавистным солидаристам национал-большевизмом младороссов и, при одинаковой ставке на Национальную революцию, разным представлением о путях борьбы за эту революцию.

На вопрос, каков основной принцип младоросской тактики, «Бодрость!» отвечала: «Цель не оправдывает средств».

На собрании 1-го района Младоросской партии во Франции, в марте 1938 г.¹⁸², были оглашены такие тезисы:

«Основным оружием своей революционной борьбы младороссы всегда почитали пропаганду, ибо борьба в плоскости идей, по их убеждению, всегда должна предшествовать конечной физической борьбе, и физическая победа немыслима там, где идейная победа не обеспечена. Эти точки зрения были непонятны эмигрантским группам, проповедовавшим революционную борьбу романтического типа, — борьбу конспиративную и террористическую, свойственную некоторым революционным организациям старого мира и всегда представляющуюся младороссам наивной, нецелесообразной и аморальной»¹⁸³.

Младоросская печать подчеркивала также, что «младоросская партия всегда категорически протестовала против всякой интервенции или вмешательства иностранных сил во внутренние дела России»¹⁸⁴.

Солидаристы тоже главное значение придавали идейной борьбе.

«Против идеи можно бороться только более сильной идеей»¹⁸⁵.

«Недостаточно ненавидеть и отрицать большевиков. Надо противопоставить им нечто, столь же определенное. Доктрине — доктрину, идее — идею, организации — организацию»¹⁸⁶.

* Б. Ч. «За Россию», № 17 (114), октябрь 1940 г.

** В. Байдалаков. «За Россию», № 1 (98), 1 янв. 1940 г.

*** М. Георгиевский. «За Родину», № 95, 15 дек. 1939 г.

«Борьба за Россию выливается в наше время, по существу, в борьбу за душу русского народа. Главным и основным оружием является в ней новая, зажигающая идея справедливого и праведного устроения жизни на нашей земле. Бороться за душу народа — это своими делами, подвигами и всей своей жизнью представить, утвердить, дать почувствовать эту идею и увлечь ею души подсоветских людей»^{*187}.

Но ставя так же, как и младороссы, на первое место пропаганду идей, солидаристы, в отличие от младороссов, верили в необходимость и возможность конспиративной и террористической борьбы и свой союз рассматривали как организацию не общественную, а боевую.

«Каждый должен помнить, что мы не общественники, а революционеры... “Серьезному общественнику” мы противопоставляем дерзкого революционера-боевика»^{**188}.

В 1933 г. № 14-й «За Россию» вышел с аншлагом: «В борьбе с большевиками цель оправдывает средства». Именно этим разным выбором в вопросе о средствах и путях борьбы объяснялась вражда солидаристов ко «второй советской партии», они обвиняли ее в большевизанстве и «приятии Октября».

В № 40-м «За новую Россию» помещен отчет о докладе Р. Петровича¹⁸⁹ на открытом собрании Парижского отделения НСНП в июне 1935 г.

«Р. Петрович остановился подробно на последнем, четвертом периоде большевистской работы. Комсомольцы от эмиграции. Внешние атрибуты захватили их внимание: синие рубашки, стяги, присяга, а внутри с неизбежной последовательностью был проведен отказ от методов борьбы с большевизмом революционным путем, самым верным и страшным большевиком.

Это осуществлено в Союзе младороссов. Действительно, если внимательно рассмотреть всю их короткую историю, то невольно бросается в глаза вся порочность и вздорность выбранного ими пути. Все факты, все зигзаги младоросской генеральной линии свидетельствуют о проведении в жизнь определенного плана.

1. Проводится мысль, что красная армия есть национальная Русская армия...
2. Заказ социалистического строительства преподносится так, как некое народное строительство, пробуждение масс русского народа, работающего на себя.
3. Утверждается постепенная национализация советской власти...»¹⁹⁰

В большевизанстве и провокации солидаристы обвиняли не только младороссов, но и все пореволюционные течения, жалуясь на слишком добродушное отношение эмиграции к этим течениям:

* От исполнительного бюро совета НСНП.

** «За Россию», № 8 (105), 15 мая 1940 г., «За Родину», № 53, октябрь 1936 г.

«Давно это было... в дни тяжелых разочарований... Развлекались всякого рода евразийцами, младороссами и прочими строителями “новых градов” на фундаменте большевистской провокации, чванства и халтуры»¹⁹¹ *.

Особенно почему-то не влюбились солидаристы «Новый Град» и его главных участников — И.И. Бунакова-Фондаминского, Ф.А. Степуна и Г.П. Федотова, «бывшего социал-демократа, а ныне профессора учения об отцах Церкви»¹⁹².

«Новоградцы пытаются строить свой, по их утверждениям, христианский “Новый Град”, предварительно признавая врагов Христа... И евразийцы, и утвержденцы, и новоградцы, и национал-большевики всех направлений, до монархического включительно, признав в коммунистической власти для себя хоть одно какое-либо положительное начало, роковым образом уже не могли удержаться и пошли по тому же пути дальше — до потери собственного лица и превращения в зарубежный подголосок сталинской деспотии»^{***193}.

Позднее, в 1938 г., Вергун с удовлетворением отмечает: «Каждое поползновение большевиков, какой бы овечьей шкурой оно ни прикрывалось, всегда вызывало в общей массе эмиграции единодушную моральную реакцию. Эмиграция изжила не только явное капитулянтство, но не поддалась и на половинчатые ереси и уклоны, густо рассыпанные в евразийстве, “бердяевщине”, “Новом Граде” и т.п. бесхребетных “искательных” идеологиях»^{****194}.

Обвинения друг друга в большевизме были в то время очень в ходу в эмиграции. Не избежал их и сам Национально-трудовой союз нового поколения.

В прокламации «Российского имперского союза»¹⁹⁵ от марта 1938 г. говорилось:

«20 лет вас обманывали. От вашего имени выступают профессиональные обманщики, променявшие свет православия на око Иеговы, Соломонов храм и шестиконечную звезду, служащие не России и не вам, а только — царству Астреи, идеалу международного масонства, евразийцы, непредрешицы, рдовцы, второсоветчики, новопоколенцы, оборонцы, возвращенцы, имковцы и прочая, и прочая — руководимы невидимой для них силой масонских лож, вдохновляемых скрытым в тени иудейством.

В России за 20 лет, под покровительством “Последних новостей”, “Возрождения”, московских “Правды” и “Известий”, евреи колонизировали лучшие земли Юга России, Крыма, Биробиджана и Белоруссии, отобрав эти земли у Русских и сослав их в Сибирь, на Беломорстрой, БАМ и Соловки»¹⁹⁶.

* «За Россию», № 3 (100).

** А. Неймирок. «За новую Россию», № 39/4, июль 1935 г.

*** «За Родину», № 73/15, декабрь 1938 г.

В свою очередь, постановлением четвертого съезда Всероссийской фашистской партии в Харбине, в январе 1939 года, Имперский союз был объявлен «органом НКВД».

Младороссы и солидаристы, считая все прежние политические схемы устарелыми, искали для выражения своего понимания происходящей революции соответствующую новую схему и еще не имели для своей идеи окончательного догматического описания.

В 1940 году, через десять лет после возникновения «Союза нового поколения», М. Георгиевский писал:

«Марксистскому социализму мы противопоставляем наш солидаризм. Он еще не учение, не теория. Мы еще не даем его социально-политических формулировок. Он — принцип жизни, личной и общественной. Мы не столько его обосновываем, сколько ощущаем его действие в себе и вокруг себя»^{*197}.

Не было еще установленного канона и у младороссов. К. Элита-Вильчковский свою чрезвычайно интересную работу «Время революционеров» заканчивает словами:

«Тут опять мы подходим к старому младоросскому тезису: оружие революционера — идея. Мир преобразается революционной идеей, потому что она преобразует людей и тем самым предreshает изменение жизненных форм и человеческих взаимоотношений.

Революционная идея не программа и не лозунг... Революционные лозунги могут быть хлесткими, революционная программа соблазнительной, революционная доктрина премудрой и сложной, революционная философия — тончайше разработанной. Но революционной идее все эти свойства не нужны. Революционная идея живет в другой плоскости. Она не обращается ни к интересам, ни к страстям, она не утилитарна и не рационалистична. Она всегда проста. По существу этического или религиозного порядка, она не нуждается в доказательствах и воспринимается не столько разумом, сколько сердцем. Ее легко понять и нелегко формулировать. Всякая формулировка оказывается неполной и приблизительной. Сведенная к нескольким тезисам, она тускнеет на бумаге, и идеи, динамическая сила которых была когда-то огромна, кажутся часто бедными, если, пренебрегая их выражением в жизни, мы стремимся понять их на основе кратких формул.

Революционная идея есть выражение правды, по-новому воспринятой. Она касается всегда не второстепенного, а основного. Следствие переоценки

* «За Россию», № 4 (101), 15.3.1940 г.

ценностей, она несет новый подход к миру, новое толкование жизни и человеческого назначения...»¹⁹⁸.

Данное Элита-Вильчковским определение, внимательно продуманное и очень верное — одно из лучших, по-моему, в русской публицистике. Новая, искренне принятая идея всегда таинственно проста. Но она трансцендентна интеллектуальному плану, ее трудно, почти невозможно выразить готовыми словами и понятиями. Эта несоизмеримость часто приводит к трагической путанице и подмене. Особенно в молодости, когда душа наиболее раскрыта призыву героизма, люди часто принимают за выражение вдохновляющей их идеи правды и добра учения, с правдой и добром несовместимые. Нет такой, даже самой чудовищной и человеконенавистнической доктрины, которая не могла бы увлечь самых чистых молодых людей, из породы героев Достоевского, «требующих скорого подвига, с неперменным желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, даже жизнью»¹⁹⁹.

Но и в тех случаях, когда между идеей и учением нет прямого противоречия, почти всегда остается качественная несоизмеримость. Так, при чтении «Исторических писем» Лаврова²⁰⁰ трудно понять, каким образом эта плоская публицистика расцвела в студенческих сердцах вдохновением жертвенного героизма, сравнимого с подвижничеством христианских святых.

Еще разительнее несоответствие между идеей и ее выражением у младороссов и солидаристов. Просматривая теперь их старые программы, мы только смутно можем почувствовать, чем были для них их идеи. Сторонний наблюдатель, особенно если это человек другого лагеря, незнакомый с чувствами, из которых выросли идеологии младороссов и солидаристов, прежде всего увидит в них элементы, в готовом виде заимствованные у фашизма, и скажет: это два разных варианта русского тоталитаризма. Формально он будет прав. Об одном он только забывает: для него фашизм — это уничтожение всех свобод, концлагеря, ничем не ограниченный административный произвол; а младороссам и солидаристам представлялось, что трудовое тоталитарное государство принесет освобождение от коммунистического рабства и более справедливый, более свободный и человечный социальный строй, основанный на христианстве и «Русской правде». Эта вера, соединенная с чувством почти мистической любви к России, — «без России нельзя», — и есть главная «идея» младороссов и солидаристов, они расходились только в вопросе, как бороться за эту идею, но одинаково были готовы отдать за нее свою жизнь.

Я уже говорил об этом. Живи «неисправимый социалист» Коля Красоткин во время Гражданской войны, он обязательно пошел бы в Добровольчес-

* «Бодрость!», № 189, 21.8.1938.

кую армию. А в эмиграции стал бы национал-максималистом, младороссом или солидаристом и верил бы теперь в добро всего национального, как прежде верил в добро социализма. Это не значит, конечно, что все младороссы и все солидаристы были из рода Красоткиных. Фашистский аспект их идеологий привлекал в их ряды и людей другого склада, выдвигаемых всеми современными революциями: антиинтеллектуальных, с волей и вкусом к власти, легко соблазняющихся уроками Макиавелли и Игнатия Лойолы. Для того, кто старается проследить преемство русской идеи, этот тип не представляет интереса; по верному замечанию Г.П. Федотова²⁰¹, в нем нет ничего национального, ничего русского, немецкого или итальянского. Настоящие герои повести эмигрантских сыновей — не эти «активисты», а те безвестные юноши, которых посылала в Россию боевая организация солидаристов, и те младороссы и «беспартийные» молодые эмигранты, которые шли в движение Сопrotивления и в «Войска свободной Франции». Их подвиг и смерть свидетельствуют, что в эмиграции не иссякли глубинные источники русской духовной жизни.

В первых замечательных главах своей превосходной «Истории русской философии» прот. В.В. Зеньковский говорит, что уже в древние века русские люди верили, что жизнь должна быть устроена по евангельской правде²⁰². Уже тогда установился примат морального и социального начала, позднее получивший бессмертное утверждение в великой русской литературе XIX века.

«Христос всех братией называет, а у нас кабалы». В этих приводимых Зеньковским словах «вольнодумца» XVI века Матвея Башкина²⁰³ заключена уже вся русская идея.

В XV–XVII веках, когда мировоззрение русских людей было еще всецело церковным, мечта о Святой Руси, вечном, основанном на Божией правде царстве, приняла форму утопии Москва—Третий Рим.

«Царство Божие, — говорит В. Зеньковский, — по теургической установке, строится при живом участии людей, — и отсюда вся “бескрайность” русского благочестия и упование на его преображающие силы. С упадком церковного сознания и с торжеством процессов секуляризации, как внутри церковного общества, так и за пределами его, эта духовная установка не исчезла, но стала проявляться в новых формах. Русский гуманизм XVIII и XIX веков (в его моральной или эстетизирующей форме) рос именно из теургического корня, из религиозной потребности “послужить идеалу правды”»²⁰⁴.

Приводя слова Сперанского²⁰⁵ из письма к Цейеру²⁰⁶: «Ошибаются люди, утверждая, будто дух Царства Божия несовместим с началами политических

обществ»²⁰⁷, — Зеньковский замечает, что, защищая идею социальной реформы в духе Царства Божия, Сперанский по существу вернул русскую светскую мысль к утопии священного и праведного царства Москвы—Третьего Рима. Этой утопией преобразования общества на началах абсолютной справедливости вдохновлялось и все последующее общественное движение русского XIX века.

Вера в эту утопию дошла и до младших эмигрантских поколений. В глубине сознания эмигрантского молодого человека, будь он национал-максималист, младоросс или «нацмальчик», под корой наносных фашистских идей жило убеждение Чаадаева: «Все должно способствовать установлению совершенного строя на земле — Царства Божия»²⁰⁸.

На беду, эмигрантские сыновья, словно околдованные злыми чарами, долго не видели, что тоталитаризм не только не ведет к осуществлению их мечты о христианском государстве, но по самой своей природе несовместим с христианством и с той человеческой и русской правдой, за которую они были готовы идти на смерть.

Эта героическая готовность делала младороссов и солидаристов наследниками двух, казалось бы, исключаящих друг друга преемств: Белого движения и ордена русской интеллигенции.

О сохранении в эмиграции духа «Ордена» всегда мечтал И.И. Бунаков-Фондаминский. В первом номере «Нового града», в 1931-м году, он говорил:

«Надо восстановить Орден — Орден воинов-монахов, пламенно верующих в правду Учения и готовых на жертвы и подвиг для освобождения России. И надо, чтобы новые рыцари, как их отцы и деды, шли в народ — жить его жизнью, страдать его страданиями и, освещая души людей светом Истины, уводить их за собой от власти.

...Только те программы действительны, на которые падает свет целостного понимания мира; и только те программы способны поднять людей на подвиги и жертву, которые согреты огнем целостной веры»²⁰⁹.

О Фондаминском будет еще в этой книге говориться. Трудно сказать, имела ли эта его новоградская статья прямое влияние на руководителей младоросского и солидаристского движений, но в их публицистике постоянно развивались мысли очень близкие к тому, что он говорил.

Так, в № 65/7 «За Родину» мы читаем в статье Байдалакова «В борьбе за души»: «Дабы представить идею и заразить ею, — нужно дать ее почувствовать. Чтобы повести за своей правдой, — должно дать увлекательный и зовущий пример, образцы исповедания, примеры службы и жертвы, жизни и смерти во имя ее».

В № 72/14 «За Родину» в статье М. Георгиевского:

«Творческая идея, а не безыдейная реакция выведет нас к новой, живой, вечной в истории России. Преодоление зла начинается с очищения себя, с нового отбора людей, отбора “русского национального рыцарства”, верующего, любящего, одержимого, готового к смерти»²¹⁰.

И младороссы и солидаристы доказали, что эти слова о готовности к смерти не были только словами. Я уже упоминал, как в начале войны, придя к убеждению, что человеческая правда на стороне демократического лагеря, партия младороссов предоставила себя в распоряжение французского правительства. Многие младороссы вступили тогда во французскую армию и даже после перемирия продолжали борьбу, кто в «Войсках свободной Франции», кто в «Сопrotивлении». Союз же нового поколения по самому своему замыслу был организацией боевой и даже конспиративной. Солидаристы верили в возможность и необходимость продолжения Белой борьбы, но только в новых формах, соответствующих изменившимся условиям, — посредством организации революционного подполья и террора.

В № 20 «За Россию» (октябрь 1933 г.) В. Байдалаков пишет:

«Скучны и лицемерны стали высокие слова о России. У нас, нового поколения, они вызывают горечь своей безответственностью. Спасти, спастись и победить ныне можно только одним — неотлагательным действием. Судьбы России изменят герои. Те, кто, не оглядываясь по сторонам, не выжидая, смело и гордо, бросят себя в действие»²¹¹.

№ 18 «За Россию» (август 1933 г.) вышел с аншлагом: «Боевые организации — авангард национальной революции». Из этого утверждения делались все выводы: «Организованный центральный террор немыслим без организации... наша задача такую организацию создать»²¹².

Это определяло необходимость не только героической морали, но и строгой дисциплины. Руководители Союза прекрасно отдавали себе в этом отчет. На 3-м съезде НТСНП был принят новый устав, положивший конец какой-либо «внутрипартийной демократии»²¹³.

Подводя итоги съезда, М. Георгиевский писал:

«...Вторым важным решением Съезда была стабилизация Совета Союза и упразднение выборного начала... Вследствие этой реформы Совет и председатель Союза стали направляющей силой в Союзе, не зависящей от случайного колебания выборной тактики. Этим же самым достигается и твердость того, что теперь принято называть “генеральной линией”... Дисциплина и авторитетность

стали лозунгами современных политических организаций. Организации, доказавшие свою стойкость (фашисты, национал-социалисты), построены на принципе последовательного сверху донизу проведенного подчинения...»²¹⁴

Солидаристы относились к ордену русской интеллигенции с враждебностью, обычной в среде, из которой они вышли. Но, оставаясь равнодушными к мирозерцанию и доктринам ордена, они хотели перенять его героическую мораль и методы революционной борьбы, вплоть до лозунга: «В борьбе обрешь ты право свое»²¹⁵.

«Нельзя создавать больших организаций — они всегда проваливаются. Несколько верных людей могут делать чудеса. Семь студентов когда-то присудили к смерти царя Александра II, и они убили его»²¹⁶.

В любопытной статье «Нужна боевая организация» И. Соколов вспоминает о Каляеве:

«Можно с осуждением относиться к партии социалистов-революционеров, облегчивших в свое время путь большевикам, но нельзя к могиле Ивана Каляева подойти, не сняв шляпу. А он был членом БО. Он жил по подложному паспорту, выслеживал свою жертву, а его преследовала полиция.

Совершив свое дело, Каляев не бросился бежать; хотя мог это сделать, а здесь же, у тела убитого им великого князя он опустил забрало конспирации, стал самим собой, не уклонился от наказания. Наоборот, он отказался от предложенного ему помилования.

В партии социалистов-революционеров были люди, готовые жизнь отдать за свою идею, и была сильная организация “с подложными именами, квартирами, подкопами, слежками”. Благодаря этим двум главным условиям эсеры могли осуществить тот самый страшный для власти “центральный террор”, с которым не могло не считаться русское императорское правительство и которого так безумно бояться большевики»²¹⁷.

В первом параграфе своего знаменитого «Катехизиса революционера» С. Нечаев говорит:

«Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единой страстью — революцией»²¹⁷.

Этот параграф невольно приходит в голову, когда перечитываешь старые газеты солидаристов. Почти всегда на первой странице большими буквами призывы к героизму:

* «За Россию», № 27, май 1934 г.

** «За Россию», № 16, июнь 1933 г.

*** «За Россию», № 18, август 1933 г.

«Стыд тому, кто в эти решающие годы уйдет в личную жизнь».

«Служить России — забыть себя».

«Отважные найдут пути борьбы».

«Сейчас время, когда пора проснуться героизму и подвигу».

«Страничка Агитатора-инструктора» № 5 дает указания, как вести борьбу в России:

1. Организацией — система разрозненных пятерок и троек, цепь незнакомых друг с другом борцов.

2. Пропагандой — показать другим, что народ — сила.

3. Террором — система казней должна убрать наиболее вредных для Национальной Революции людей.

Все виды работы должны вестись отдельно, совершенно самостоятельными группами. Этого требует конспирация».

В листовках для распространения в России указывались лица, подлежащие уничтожению в порядке «центрального террора»:

«Сталин, 6 Кагановичей, Финкельштейн-Литвинов, Берия, Косиор, Межлаук, Ягода, Постышев и др. стали нашими “вождями”, вождями 170-миллионного народа».

Далее перечисляются: «Генрих Ягода (Гершель), Яков Саулович Агранов (Сорензон), Всеволод Балицкий, Дерибас, Прокофьев, Станислав Реденс, Леонид Заковский...».

Список заканчивается восклицанием: «Стыд и позор нам — русским сыновьям нашей Родины, — если они доживут до естественной смерти»^{*218}.

История довоенной деятельности Боевой организации НТС до сих пор в точности неизвестна. Никаких документов, никаких воспоминаний не было опубликовано. О конспиративной работе в России в солидаристской печати тех лет, естественно, говорилось только в самых общих выражениях:

«Наш Союз создал большое дело борьбы за Россию. Наше национально-революционное политическое движение — реальная сила, идейно противостоящая коммунизму.

Наши летучки в Москве... Наши ячейки созданы и работают в самом сердце России... (Это не наше преждевременное и неосторожное заявление, а сообщение советской власти.) Наша литература обслуживает уже революционную работу на Родине, вводит нашу идеологию в борьбу населения с властью»^{**219}.

* «За Россию», № 44, 1936 г.

** «За Родину», № 82.

В другом номере:

«Короткое сообщение московского радио: “Захвачено в Москве 8 диверсантов Национально-трудового союза нового поколения. У них найдены программы и летучки Союза”»²²⁰.

Время от времени печатались также фотографии членов движения, которые перешли границу и не вернулись. О том, как они погибли и каким мучениям подверглись перед смертью, мы можем только догадываться. Большой частью это совсем еще молодые люди. Из коротких памяток, написанных их товарищами, трудно почувствовать индивидуальные черты каждого из них, но общее впечатление очень благоприятное. Привожу заметку, посвященную памяти Петра Ирошникова.

В № 61/3 «За Родину» Перфильев²²¹ пишет:

«Мы вместе покинули берега Родины... Посъет, Глизан, Сеул, Мукден, Шанхай — наконец, Югославия, где мы окончили корпуса и поступили в университеты.

Было много холодных и голодных дней. В эти дни Петька Ирошников всегда оставался все тот же; снимал последнюю рубашку и делился последним куском хлеба.

Когда мы создавали Союз, было очень трудно. Над нами много смеялись и даже травили; он никогда не падал духом и всегда бодро и жизнерадостно шел впереди всех, заражая и увлекая своим примером других.

...Как сейчас помню один из наших разговоров. Мы шли с купанья на Саве в клуб на очередное наше собрание в среду и мечтали... Тогда Петр Иванович Ирошников сказал мне слова, горечь которых особенно врезалась в память: “А знаешь, Гошка, когда я уйду в Россию, вам будет легче, над нами не будут смеяться, никто не будет называть нас “национальными мальчиками”, да и денег в Союз будут давать больше”.

...Старые члены Белградского отделения хорошо помнят его работу в Союзе и Союз никогда не забудет своего члена Петра Ирошникова — бедного студента, продавшего на полтора месяца свои студенческие обеды для проведения второго съезда Союза.

Олицетворение молодости, здоровья, русской жизненной силы — Петр Иванович подолгу и часто разговаривал со мной и со своим лучшим другом — председателем Союза В.М. Байдалаковым; иногда о порядке союзной работы, а часто просто по душам, о роли и значении молодежи, о Союзе, о задачах, идеях и идеалах Союза. И, уходя, Петр Иванович оставил нам свой высокий завет — завет безграничной веры в русский народ, завет веры в наши силы — силы русской молодежи.

Он не вернется, — пал за Родину»²²².

Даже тот, кому не по нутру фашистское обличие раннего солидаризма, признает, что Петр Ирошников и другие погибшие его товарищи — «орденские» люди. Думая о их героической, пусть и напрасной, смерти, хочется повторить приведенные выше слова Соколова о Каляеве: нельзя подойти к их могилам, не сняв шляпы и не почувствовав глубокой жалости и печали и вместе с тем восхищения перед их подвигом. Они ничего не хотели для себя и беззаветно отдали жизнь за Россию и за свою идею.

Большинство этих молодых героев стали жертвой предателей и провокаторов. «Революционная деятельность всегда сопровождалась провокацией, как война — шпионажем и изменой»²²³, — писал М. Георгиевский. Эмигрантские опыты конспиративной борьбы сопровождались провокацией еще в гораздо большей степени, чем работа прежних революционеров. Достаточно вспомнить «Трест», Якушева, Опперпута, похищения генерала Кутепова и генерала Миллера, и как заманили Савинкова...²²⁴ С провокацией солидаристам пришлось столкнуться еще в самом начале их работы «на ту сторону».

В 1933 году официальный орган солидаристов «За Родину» (№ 21) предъявил прямое обвинение в провокации барону Л.Н. Нольде²²⁵, члену Братства Русской Правды и сотруднику разоблаченного агента НКВД Кольберга²²⁶.

«На основании писем, документов и сведений, находящихся в его распоряжении, Исполнительное бюро извещает отделы и отделения Союза, что барон Л.Н. Нольде односторонне осветил свою деятельность. Исполнительное бюро ставит ему в упрек то, что он и по уяснению себе провокаторской деятельности Кольберга (секретарь Братства, бывший военный судебный следователь, а затем агент НКВД) — в сентябре 1932 г. продолжал добиваться от Исполнительного бюро денег и полномочий на работу в октябре того же года, и, вторых, то, что он, имея несколько раз к тому возможность, не открыл Исполнительному бюро двойственность своей игры. Кому-то из нас надо было доверять, иначе зачем же было втягивать нас в общую работу»²²⁷.

К этому заявлению в том же номере «За Родину» генеральный секретарь Исполнительного бюро М. Георгиевский добавил следующее:

«Работа ГПУ... а исполнители сплошь и рядом из нашей среды, часто из кругов с хорошими традициями... Удивляться нечего, ибо нищета и крушение идеалов должны были сделать человека еще беззащитнее перед соблазнами денег и “карьер”... В этом отношении так характерна последняя по времени провокация Братского отдела в Риге.

Барону Нольде, члену Братства Русской Правды, поступившему на службу в ГПУ, последнее дает задание не Братство спровоцировать, а вступить в Национальный Союз нового поколения, вызывать его на активную борьбу и перевести всю активную работу на себя.

...Барон Л.Н. Нольде услужливо исполняет предписания начальства. Отвергнутый в самом начале своих попыток Исполнительным бюро НСНП, не доверявшим “новым знакомствам”, он продолжает упорно добиваться своей цели... После раскрытия в сентябре 1932 г. предательства Кольберга он, в октябре еще (пока провокация еще не стала явной), продолжает настаивать на своих предложениях. Это последнее обстоятельство уничтожает всю ценность газетных опровержений барона Нольде. А что, если бы ему поверили? В октябре он не мог уже надеяться обмануть большевиков — поверенным тайных дум его был Кольберг»²²⁸.

К этой зловещей и неясной истории газета «За Родину» вернулась опять только через несколько лет. В № 60 (июнь 1937 г.), с примечанием, что «редакция газеты получила разрешение познакомить членов Союза с рядом дел, бывших не так давно конспиративными», были напечатаны новые сведения о провокации в Братстве Русской Правды и о трагических последствиях этой провокации.

«В марте 1932 года Н. вступил в Союз. В мае московский центр ГПУ сообщил ему, что ГПУ организовало в Москве группу нашего Союза... Ему предлагалось принять самые энергичные меры к переключению всей закрытой работы на себя. После этого он должен был с одним из наших уполномоченных на это работников отправиться в Москву, окончательно убедить нас в существовании там группы Союза и тем самым войти в полное доверие к нам.

Последствия этого дела были страшные. В январе следующего года (1933) секретарь Исполнительного бюро (М. Георгиевский) приехал на место действия, чтобы разобраться в происшедшем, собрать данные для окончательного суждения. Страх и угнетение господствовали в русской среде. Молодежь отказывалась от участия в каких бы то ни было русских делах.

За городом, в уединенном подвале удалось собрать остатки разгромленной группы Союза. Они сказали приехавшему, что не верят больше ни во что и никому. Один из них рассказал, что он последний из группы посылавшихся “туда”, что они беспрекословно шли один за другим и не возвращались. Что он, последний из бросивших жребий, видя гибель остальных, усомнился в чистоте предприятия...»²²⁹

20 лет спустя Б. Двинов²³⁰ в нью-йоркской газете «Новое русское слово» (от 13.5.1952 г.) напомнил об этих обвинениях солидаристами барона Л.Н. Нольде²³¹. На статью Двинова откликнулась в том же «Новом русском слове» (21.5.52) Ксения Деникина²³²:

«Барон Леонид Николаевич Нольде в 1932 году работал в Риге помощником декоратора в театре. Он состоял тогда в двух эмигрантских организациях — Русском общевоинском союзе и Братстве Русской Правды. По его показаниям, опубликованным в рижских газетах (русских и латвийских), 1933 года, он связался с ГПУ через посредство одной из артисток Русской драмы, которая была давнишним агентом. После нескольких свиданий с двумя типами “из советских учреждений” он согласился работать на них и “освещать” все, что происходит в этих двух эмигрантских организациях. Затем, по заданиям агента ГПУ Ратынского, которому Нольде был подчинен, он вошел в НСНП — “Национальный Союз нового поколения” (нынешние “солидаристы”), чтобы “спровоцировать наиболее активных деятелей Союза на переход в Советскую Россию”, для чего ему поручалось “устройство переходных пунктов” и т.п.

После провала Кольберга и разоблачения роли барона Нольде, он был выслан из Латвии, но через несколько месяцев ему разрешили вернуться.

Нольде уверял, что вел двойную игру с ведома и с согласия председателей этих трех эмигрантских обществ, а относительно НСНП утверждал даже, что “сговорился” с их представителем и совместно с ним «вырабатывал планы и намечал действия», что потом было опровергнуто сообщением официоза НСНП — газетой “За Родину”²³³.

После появления этих статей Б. Двинова и Ксении Деникиной неожиданно выяснилось, что барон Л.Н. Нольде преспокойно продолжает принимать участие в эмигрантской общественной жизни и состоит членом «Постоянного совещания русских православно-национальных деятелей» в Сан-Пуоло, в Бразилии. Встревоженное «Постоянное совещание» обратилось с запросом к председателю НТС, В. Байдалакову, как к главе организации, которая первая выдвинула против барона Нольде обвинения в провокации.

В ответ на этот запрос В. Байдалаков в официальном заявлении в газете «За Родину» № 146 от 16 мая 1952 года заявил без всяких оговорок:

«Руководство НТС никогда не обвиняло Л.Н. Нольде в “провокационной деятельности в пользу большевиков”, никогда не сомневалось в искренности его антибольшевистской деятельности и осуждало его лишь в нелояльности по

отношению к нашей организации. Поэтому все указанные выше обвинения Л.Н. Нольде Б. Двиновым считаем мы лишенными какого-либо основания».

Ответ необъяснимый, так как Б. Двинов в своей статье ссылаясь на разоблачение деятельности Нольде, которые в 1933 г. в газете «За Родину» были «на основании писем, документов и сведений, находящихся в его распоряжении», сделаны Исполнительным бюро Совета НСНП, то есть самим Байдалаковым и его ближайшими сотрудниками, дополнительно развиты в статье секретаря Исполнительного бюро Георгиевского и повторены в 1937 г. в той же газете «За Родину», официозном органе движения.

Получив ответ Байдалакова, Постоянное совещание сделало логически правильный вывод: «...материалы НТС, которые приводит в своих статьях г-н Б. Двинов, г-н Байдалаков, долголетний глава НТС, считает, видимо, неосновательными»²³⁴.

Главный обвинитель барона Нольде, Георгиевский, во время войны бесследно исчез при невыясненных обстоятельствах. На чем он основывал свои обвинения против Нольде, поддержанные в то время Советом НСНП? При явном нежелании теперешнего руководства Союза дать какие-либо разъяснения, нам этого не узнать. Сам барон Нольде с негодованием отверг все подозрения, доказывая, что это он разоблачил Кольберга и что его деятельность привела вовсе не к победе, а к провалу агентов ОГПУ.

К несчастью, единственно, что во всем этом темном и страшном деле остается достоверным, — это гибель тех, кто «беспрекословно шли один за другим и не возвращались».

Мы ничего не знаем об этих молодых героях, не знаем даже их имен. О том, как они держали себя в советских застенках, как отвечали на допросах, что передумали и переживали в последние мгновения перед смертью, можно делать только предположения. Принесла ли их жертва какую-либо пользу делу борьбы с большевизмом? Вероятнее всего, она была совершенно напрасна и бессмысленна. Но духовная реальность их подвига не становится от этого меньше. А ведь в последнем, самом главном счете только это и важно. Свою смертельную для них роль они сыграли, как марионетки в душмутительной пьесе, поставленной провокаторами, но внутренне это был свободный творческий акт, который свидетельствует, что в сердцах этих молодых эмигрантов продолжало жить то мистическое нравственное вдохновение, из которого росло все подлинно высокое, что было в русской жизни и в русской культуре. Перед ними открывалось любое попрание со всеми возможностями счастья и успеха, но они

выбрали тот же путь, который выбирали все предшествующие поколения «русских мальчиков», — путь подвига и жертвы, путь служения «святому идеалу». Правда, определение этого идеала было теперь совсем другое, но оставались такое же стремление к добру и правде и такая же открытость души призыву героизма. Пусть изменилось содержание его готовых, на веру принятых идей, но Коля Красоткин оставался все тем же.

Из всех движений, созданных эмигрантскими молодыми людьми, только НТС пережил войну и, вобрав множество новых эмигрантов, является в настоящее время единственной в эмиграции организованной политической партией. Как отразились на идеологии солидаристов опыт военных лет и встреча с новой эмиграцией? Их программа, опубликованная в 1951 г., говорит о несомненной и последовательно проведенной демократизации всего их общественного идеала. В этой программе нет уже неблагоприятных по фашизму положений о ведущем слое и вождизме, какие были еще в программе 1948 года. С другой стороны, мы находим в ней защиту того, что Алданов в «Ульмской ночи» предложил назвать «субстанцией демократии», — уважение к правам человека и все виды свободы: свобода совести, свобода слова и т.д.²³⁵

На это можно возразить — все это очень хорошо, но еще не доказывает эволюции НТС в сторону демократии. История борьбы за свободу учит, что недостаточно провозгласить права человека в какой-либо торжественной декларации. Нужно, чтобы все законодательство охраняло эти права и чтобы суд обладал достаточной независимостью и достаточной властью для защиты граждан от произвола администрации, мог привлекать должностных лиц к ответственности и отменять незаконные административные распоряжения. Вера, что судебный процесс должен гарантировать права личности от посягательств государственной власти, и есть то основное, что отличает демократическое сознание от тоталитарного. Насколько искренне солидаристы эту веру приняли? В главе 14-й из программы 1951 года мы находим следующее определение судебной власти:

«За законность своих действий члены Правительства, как таковые, несут ответственность перед Верховным судом.

Судебная власть осуществляется независимым судом, высшим органом которого является Верховный суд.

Отправляя правосудие, суд не подчиняется никакой другой власти, но судит единственно по закону.

Судопроизводство должно быть гласным, скорым и справедливым и доступным для всех граждан. Судопроизводство и судоустройство основываются

на лучших традициях российского дореволюционного суда. Каждый судебный процесс носит состязательный характер. Право апелляции и кассации восстанавливается в полном объеме.

Проверка конституционности изданных законов и толкование их подлежит компетенции Верховного суда, который является верховным блюстителем Конституции и законов.

Беззаконию и произволу нет места в национально-трудовом государстве. Российский суд — суд скорый, правый и милостивый.

“Правда и милость да царствуют в судах”...»²³⁶

После всех довоенных, навеянных славянофильским романтизмом, разговоров о древней Русской правде, которая, мол, не нуждается в правовых гарантиях, — это возврат к духу Судебных уставов 1864 года, возврат к тому, что было действительно светлого, великого и вдохновляющего в русском прошлом. Этот возврат нужно приветствовать. Одно только пожелание. Провозглашая восстановление судопроизводства и судоустройства на лучших традициях российского дореволюционного суда, программа НТС говорит о началах гласности и состязательности, о независимости судей и т.д. Но в этом перечне нет упоминания о самостоятельной организации присяжной адвокатуры, о несменяемости судей, о введении суда присяжных заседателей. Я понимаю, что схематическая программа не может включать подробного проекта судебной реформы, и не хотел бы придирааться, но все эти начала так важны для охраны свободы личности, что желательно, конечно, самое подробное их определение. Тем более что, хотя Судебные уставы 1864 года и ввели передовой для того века судебный строй, деятельность полиции и администрации все же не была полностью подчинена контролю судебной власти и меры защиты прав личности от неправильных действий должностных лиц во время задержания, следствия и предварительного заключения не были достаточно разработаны. Поскольку борьба, которая идет теперь в мире, — это, в сущности, борьба за правовое государство против стихии тоталитаризма, все, что связано с защитой свободы и прав лица, должно быть особенно подробно, настойчиво и страстно утверждаемо. С этим напоминанием нужно признать, что программа НТС несомненно основана наприятии «субстанции» демократии. Стороннему наблюдателю эта демократическая метаморфоза солидаризма кажется неожиданной. Учение, родившееся из восхищения фашизмом, вдруг пришло не только к защите правового конституционного государства, но к самому решительному осуждению тоталитаризма. На странице 12-й мы находим следующее определение фашизма:

«Фашистские системы националистического тоталитаризма, различающиеся в элементах, соответствующих их национальным особенностям, сходны, тем не менее, в главном, — в тоталитаристической сущности. Как и коммунизм, системы фашизма представляют собой всегда диктатуру вождя-человекобога и поддерживающей его партийной олигархии, властвующих при помощи террористического аппарата духовного, экономического и административного принуждения.

Верховной ценностью тоталитаризма является абсолютное властвование, означающее подавление какой бы то ни было свободы, в чем бы она ни проявлялась. Негативное по самому замыслу, такое властвование ужасает, отталкивает человека и не может быть объявлено открыто. Лицемерие и ложь суть поэтому конститутивные черты тоталитаризма, выступившего в мировой истории в формах коммунизма и фашизма»²³⁷.

Ряд статей, появившихся в печати в связи с расколом в НТС²³⁸, дает возможность почувствовать, как произошло это демократическое перерождение идеологии солидаризма.

В номере «Нового русского слова» от 11 марта 1955 г. Б. Прянишников²³⁹ пишет:

«При изучении дел НТС следует прежде всего исходить из той мировой и российской обстановки, какая складывалась к моменту его зарождения и первоначального развития. Как известно, коммунизм был законным отцом фашизма, сумевшего в ряде стран Европы преградить путь коммунизму в условиях либо бессилия демократии в этих странах, либо в силу невозможности в них быстрого социального прогресса, задерживавшегося косными и реакционными силами.

Поэтому идеологические искания раннего НТС, особенно в области социальной и экономической, не могли не проходить и проходили под влиянием фашизма, казавшегося тогда многим “новым словом” в общественном строительстве. Сильные стороны и удачи признавались за фашизмом и многими демократами, хотя бы и отвращавшимися от диктатуры и ее темных сторон. Однако НТС от этого не стал фашистским, и прежде всего потому, что в его среде царила искренняя любовь к свободе. Пафос и служение делу борьбы за освобождение России от коммунизма вдохновляли доблестных смелых борцов-подпольщиков, уходивших в Россию для организации национально-революционного движения.

Чтобы быть точным, необходимо признать наличие в НТС того времени, как потока тоталитарных тенденций, так и мощного потока свободы, звавшего

к действию и служению. Поэтому в программных построениях разных периодов нередко обнаруживаются противоречия, действительные и кажущиеся.

Уже до войны, на пороге 40-х годов, поток свободы начал усиливаться в идеологическом творчестве. Иллюстрирую несколькими примерами. Не слишком энергичная, но все же вполне определенная попытка горячих голов установить в НТС фашистский принцип единоличного вождя потерпела безвозвратный крах, не найдя поддержки у членов.

В результате изучения положения в тоталитарных странах Европы, незадолго до Второй мировой войны, в НТС стали приходиться к выводу, что у тоталитарных стран социальное творчество приспособлено к целям военной экспансии и проведенные в них реформы вовсе не определяют искомого социального идеала. Отсюда вывод — осторожность в подходе к собственным построениям.

Не случись война так скоро, в НТС произошли бы дальнейший прогресс и излечение от заблуждений. Но грянула война, и многие новые вопросы встали перед НТС, в частности, разработка подробной программы. В трудных условиях берлинского подполья не все было сделано удачно. Но все же и тогда продолжался откат от навешанных фашизмом схем. Так, по докладу Л.Л. Зальцберга в социально-экономическом семинаре, мне пришлось участвовать в единогласном отклонении двух подлинно-тоталитаристических положений, никак в сравнение с оптимализмом не идущих: а) однопартийности в государстве и б) так называемой «единой трудовой организации нации», по существу мало чем отличавшейся от советской системы профсоюзов»²⁴⁰.

Отрицает фашистский характер солидаризма и Юрий Слепухин²⁴¹.

И Прянишников, и Слепухин, оба обвиняют при этом теперешнее руководство: первый — в уклоне к тоталитаризму, второй — в отказе от «целостного мирозерцания».

Человеку со стороны, не знакомому с внутренней обстановкой в НТС, разобраться в этом споре совершенно невозможно. Справедливость, однако, требует отметить, что развернувшееся в «Посеве» обсуждение программы²⁴² не дает никаких оснований говорить о каком-либо формальном отказе от принятых демократических положений. Наоборот, в споре о «яде партийности» именно А. Артемов²⁴³, обвиняемый отколовшимися в «тоталитаристических взглядах»²⁴⁴, занимает позицию, несравненно более демократическую, нежели покойный проф. И. Ильин, чьи взгляды, по признанию самой редакции, «в свое время отложили большой отпечаток на идеологию НТС».

В номере «Посева» от 27 марта 1955 года Артемов пишет:

«Мы отвергаем диктатуру и рабство. Мы избрали свободу и боремся за свободу. Мы хотим быть свободными в своих политических убеждениях, в праве на объединение со своими политическими единомышленниками, на организованную борьбу за свои политические убеждения. Тогда, естественно, мы уклоняемся не только от однопартийности, но и от беспартийности; мы вступаем на путь, логически приводящий к возникновению и деятельности различных политических организаций, т.е. партий...

Партии приносят с собой, наряду с благами, присущие им вредные явления. Прежде всего — так называемый “яд партийности”...

Однако надо выбирать. И в своем принципиальном выборе мы принимаем пороки демократии (в том числе и яд партийности) за зло меньшее, чем мертвящее рабство при диктатуре»²⁴⁵.

Под статьей Артемова редакция, с очевидным намерением подчеркнуть свою верность положениям программы 1951 года, в особой рамке приводит параграф этой программы, говорящий о политических организациях

«Свобода политических убеждений и свобода объединений естественно влекут за собой образование политических организаций.

Политические организации призваны содействовать кристаллизации политических настроений граждан, отражать эти настроения, теоретически разрабатывать их, способствовать их реализации, а также повышать уровень культуры масс и воспитывать кадры политических деятелей.

Стремление различных политических организаций к реализации их программ имеет следствием столкновение их интересов и политическую борьбу. Борьба эта, однако, не должна нарушать общенациональную солидарность, установленный правопорядок и общепринятые морально-этические нормы.

Политическим организациям должны быть предоставлены законные возможности влиять на общественное мнение и участвовать в государственном строительстве, но должны быть решительно пресекаемы всякие попытки установить партийную диктатуру»²⁴⁶.

С принятием принципов демократии связано и желание теперешнего руководства обелить НТС от подозрений в антисемитизме, повод для которых давали некоторые прошлые высказывания солидаристов. В номере «Посева» от 29 мая 1955 года А. Неймирок²⁴⁷, ссылаясь всё на ту же программу 1951 года, утверждающую равенство всех российских граждан и недопустимость классовых, сословных, имущественных, партийных, расовых, религиозных и иных привилегий, пишет:

«После Второй мировой войны в исторических судьбах многострадального еврейского народа наступил крутой перелом: возрождено на его исторических землях древнее государство Израиль.

Несомненно, какая-то часть российских евреев будет видеть в Израиле, а не в России, свою настоящую родину и пожелает переехать в земли своих предков. Естественно, что со стороны российских властей эта часть еврейского народа встретит полное понимание и посильную поддержку.

Другая часть еврейского народа пожелает остаться в России. Это будет та часть, для которой отечеством останется Россия. Она, совместно со всеми российскими народами, в братском и равноправном содружестве будет строить наш общий дом»²⁴⁸.

«Тайна» НТС остается нераскрытой. Заявления солидаристской печати звучат все более демократически. Между тем не только противники, но и многие бывшие ответственные работники НТС — Осипов²⁴⁹, Виссарионов²⁵⁰, Хомяков²⁵¹, Одинец²⁵², Прянишников и др. — предъявляют нынешнему руководству обвинение в тоталитаризме.

Только будущее покажет, сумел ли солидаризм до конца освободиться от родимых пятен фашизма и стать движением действительно демократическим. Хочется верить, что после долгих и опасных блужданий эмигрантские сыновья вышли наконец на демократическую дорогу. И можно ли винить их, что они не сразу почувствовали противоречие между идеалом, бывшим у них в душе, и теми готовыми фашистскими доктринами, при помощи которых они старались этот идеал выразить. Не было ли тут вины и старшего поколения? Я не говорю уже о воспитании, которое давала школа правой эмиграции. Но могикане «ордена»? Сделали ли они все, что могли бы сделать для пропаганды демократического идеала среди эмигрантской молодежи?

Да, философия персонализма Бердяева могла бы помочь молодым свернуть с опасной, неизбежно ведущей к духовному провалу, дороги фашизма. Но мы видели, сам Бердяев своим исступленным отрицанием демократического конституционного государства подрывал то спасительное влияние, которое могла бы иметь его проповедь.

С другой стороны, эмигрантские левые отцы связывали защиту демократии с миросозерцанием, которое, в сущности, так же отрицало реальность личности, как и фашистские вариации органической теории.

Вождь русских либералов, проф. П.Н. Милюков говорит в «Очерках русской культуры»²⁵³:

«Я разделяю мнение, что за этическими и социологическими аргументами “субъективной” школы в социологии скрывается старая метафизика и что, таким образом, все это направление носит на себе несомненную печать философского дуализма. Во имя требований монизма я готов присоединиться и к протесту против метафизической свободы “личности”. В этом протесте против скрытого дуализма учения “субъективной школы” я видел важную заслугу направления, получившего название “экономического материализма”»²⁵⁴.

Легко представить себе, с каким чувством недоумения должен был читать это эмигрантский молодой человек, который захотел бы ознакомиться с идеями демократической интеллигенции. Можно с уверенностью сказать, что он просто не понял бы, каким образом требования политических свобод могли соединиться с таким решительным отрицанием свободы воли.

У последних представителей ордена не было, конечно, никаких шансов увлечь молодежь позитивистским мирозерцанием, они могли бы все-таки передать ей основные начала «субстанции» демократии. Этого сделано не было.

Эмиграция, в огромном своем большинстве «белогвардейская», воспитывала своих сыновей в ненависти к интеллигентам как к людям, которые погубили Россию. При этих условиях нельзя было ждать, чтобы могикам «ордена» удалось завербовать много молодежи, и все-таки, сохрани они свою прежнюю способность к героической проповеди, не могло бы случиться, что, руководя почти всей общественной и культурной жизнью эмиграции, они не сумели привлечь ни одного молодого последователя.

Но орден и не стремился к прозелитизму в эмиграции. Так же как эмигрант шофер такси все еще чувствовал себя офицером не существующей больше императорской армии, члены ордена еще долго продолжали считать себя заграничными представителями больших, опирающихся на широкие массы, российских партий. Забывая, что в России эти партии давно были разгромлены и последние их члены расстреляны или заморены в концлагерях, они по-прежнему чувствовали за собой доверие и признание «всего» русского общества и смотрели на эмигрантскую молодежь, на всех этих никого не представляющих, недоучившихся молодых людей, с высокомерным презрением.

Исключение — И.И. Фондаминский-Бунаков. О нем я буду говорить в конце этой книги.

В своей французской книге «La Russie absente et presente» («Россия отсутствующая и современная»²⁵⁵) В.В. Вейдле, дав очень глубокий и замечательный

очерк русской культуры, закончил его опасным и спорным, заимствованным у славянофилов утверждением, что логика права противоположна моральному русскому сознанию, признающему только суд «по человечеству», а не по закону. Крайне преувеличив, по-моему, значение семейного начала в жизни русского народа — при чтении этой главы все время кажется, что автор говорит о Китае, а не о России, — В.В. Вейдле именно в этом растворении в стихии семейственности нашел причину равнодушия русского человека к западной заботе о юридических гарантиях. Правда, в отличие от славянофилов, Вейдле видел не только положительную, но и отрицательную сторону русского неуважения к внешним правовым формам. Он признает, что доведенная до крайности эта склонность всегда отдавать предпочтение доводам сердца перед законом может вести и постоянно вела либо к ужасающему беспорядку, в котором одинаково гибнут и милосердие и право, либо к другой противоположности — к механизированному полицейскому государству, к казарме, к безграничной власти администрации.

Б.А. Кистяковский, автор знаменитой статьи в «Вехах», обвинял в непонимании значения правовых начал не столько русский народ, сколько интеллигенцию, которая, по его словам, от Аксакова до Ленина совершенно так же, как бюрократия, «никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности»²⁵⁶.

Но если всему русскому обществу так абсолютно чужды западные идеи правового конституционного государства, то как возможны тогда были великие реформы 60-х годов и вся последующая общественная борьба за сохранение и расширение этих реформ, как возможны были русский суд и русское местное самоуправление, более совершенные, чем во многих странах Запада, и как мог тогда П.Б. Струве с таким вдохновением утверждать в начале века, что «в сознании лучших русских людей и в жизни наших народных масс давно уже назрела сильнейшая потребность во всестороннем признании объективным правом прав человека как такового»²⁵⁷. «Это есть, — писал Струве, — та великая идеальная и в то же время реальная историческая задача, которая наконец, после долгих мытарств и колебаний русской общественной мысли, выкристаллизовалась как неоспоримое общее достояние, с такою же ясностью, с такими же резкими, всем мыслящим людям до боли осязаемыми гранями, как некогда идея освобождения крестьян»²⁵⁸.

Великая задача, о которой говорил П. Струве, стоит и перед эмиграцией, и перед поколением эмигрантских сыновей. Ведь все их ошибки объяснялись, главным образом, именно тем, что они не понимали всю важность этой задачи. О самом высоком смысле русской идеи они всегда помнили. Многие из них доказали это на деле. Никто не посмеет упрекнуть их в недостатке жертвенного героизма

ма. Причина же срыва большинства созданных ими идеологий была в непонимании идеала правового демократического общества. Вот почему приятие этого идеала, не только рассудком, но всем существом, всем сознанием, сердцем и волей — главный и священный долг эмигрантских сыновей перед будущей Россией.

Так я писал в заключительной главе первого издания «Незамеченного поколения» (1956 г.). Обвиняя это поколение в непонимании великого и решающего значения правовых гарантий, я все же отметил солидаристскую программу 1951 года как свидетельство роста и углубления правового сознания в идеологии НТС. Как мы видели, в этой программе говорилось о восстановлении судопроизводства и судоустройства на лучших традициях российского дореволюционного суда, о началах гласности и состязательности, о независимости судей и т.д. С тех пор идеи правового государства и прав человека заняли в памятке солидариста еще большее место. Солидаристы поняли, что сегодня задача борьбы за правовой строй назрела «в сознании лучших русских людей» еще с большей ясностью, чем в начале века, когда писал П.Б. Струве, и что в наши дни более чем когда-либо — это «великая и в то же время реальная историческая задача». Показательно, что среди солидаристов главным пропагандистом этой идеи стал не кто-нибудь из старых эмигрантов, а человек «оттуда», послевоенный эмигрант Е.И. Гаранин²⁵⁹. На созванном солидаристами в 1957 году в Гааге «Конгрессе за права и свободу России»²⁶⁰ Гаранин, юрист по образованию, прочел доклад «Советское государство и право и народные требования»²⁶¹. Гаранин же подготовил и список этих требований, которые были включены в резолюцию, принятую конгрессом²⁶². Список этот свидетельствует о глубоком знании советской действительности и таком же глубоком понимании значения правовых преобразований, необходимых для того, чтобы для русского общества открылось более человеческое будущее. Каждый демократ подпишет под этими требованиями. Ввиду чрезвычайной их важности выписываю их из резолюции конгресса полностью, хотя, конечно, не все они одинаково главные.

«1. Право граждан на объединение в различные политические партии и союзы.

2. Право любой группы совершеннолетних граждан на внесение запросов в Верховный совет СССР и Верховные советы союзных и автономных республик по всем общегосударственным вопросам и обязательность ответов на них.

3. Право граждан вносить в индивидуальном или групповом порядке в местные советы свои суждения по политическим и экономическим мероприятиям власти с обязательством местных советов доводить мнение граждан и депутатов до Верховного совета.

4. Право выдвижения кандидатов в советы общим собранием избирателей по месту жительства, собранием рабочих и служащих, собранием колхозников. Навязывание комитетами партий своих кандидатов через общественные организации является нарушением избирательного права граждан.

5. Свобода выдвижения при всех выборах не менее двух кандидатов на одно место.

6. Внесение в положение о выборах пункта об обязательности тайного голосования; запрещение опускать бюллетени в урну без захода в кабину.

7. Упразднение института доверенных лиц.

8. Право избирателей непосредственно наблюдать за работой избирательной комиссии при подсчете поданных бюллетеней.

9. Свобода совести, обеспеченная фактическим отделением Церкви от государства, утверждением за Церковью полных прав юридического лица и прекращением использования ее властью в политических целях; установлением наказания за глумление над Церковью, за оскорбление верующих и священнослужителей, а также за попытки мешать отправлению религиозных обрядов; прекращением прямой и косвенной дискриминации граждан за их религиозные убеждения и посещения церкви; предоставлением верующим права не работать в такие церковные праздники, как, например, Пасха и Рождество у христиан; возвратом церковных помещений и утвари общинам верующих.

11. Отделение антирелигиозной пропаганды от государства и прекращение материальной и политической поддержки ее органами государственной власти.

12. Освобождение Церкви и объединений верующих от каких бы то ни было налогов и поборов со стороны государства.

13. Отмена уголовной ответственности несовершеннолетних с 12 до 16 лет; уголовной ответственности за доноительство. Освобождение и реабилитация всех заключенных, осужденных по этим делам.

14. Реабилитация и освобождение из заключения всех осужденных священнослужителей с пересмотром приговоров по их делам в открытых судебных процессах.

15. Право всех граждан на свободный выезд за границу как для временного, так и для постоянного проживания, с отменой существующей ныне уголовной ответственности лиц, покидающих страну, а также их родственников. Прекращение античеловеческой практики заложничества.

16. Право граждан на возмещение материального ущерба, причиненного им государством.

17. Ликвидация системы исправительно-трудовых колоний (концлагерей) как мест каторжного труда и эксплуатации заключенных.

18. Возмещение материального ущерба всем гражданам, освобождаемым из мест заключения в результате реабилитации.

19. Уголовная ответственность должностных лиц и материальная ответственность государства за необоснованные аресты или задержание граждан. Прекращение произвола обысков, задержаний и приводов, учиняемых постами бригады, бригадами «легкой кавалерии» и другими создаваемыми властью орудиями беззакония. Обеспечение гласности арестов, в частности, запрещением их в ночное время.

20. Отмена указа от 8 июля 1944 года в части, дискриминирующей матерей, не зарегистрированных в браке, и внебрачных детей.

21. Опубликование полных статистических данных о числе лиц, находящихся в местах заключения по разным видам преступлений и отдельно по политическим делам; о числе граждан, освобожденных из заключения и реабилитированных после смерти Сталина; о размере ассигнований, отпущенных на возмещение убытков, причиненных репрессированным.

22. Право колхозников на перемену места жительства и на свободное передвижение по стране, обеспеченное всеобщей выдачей им постоянных паспортов.

23. Отмена всяких ограничений права граждан на передвижение по стране, на выбор и перемену места жительства.

24. Ликвидация института политического контроля в армии.

25. Повышение денежного довольствия военнослужащим срочной службы.

26. Право рядового, сержантского и старшинского состава на ежегодные отпуска в период их срочной службы.

27. Право военнослужащих на полное распоряжение своим досугом во внеслужебное время.

28. Право граждан на гарантию от внесудебного преследования. Правом судопроизводства обладает только суд.

29. Право граждан на гарантии от прямого или косвенного давления на суд как по партийной линии, так и другим путем.

30. Право участия защиты при расследовании всех уголовных и политических дел со стадии предварительного следствия. Право обвиняемого на выбор защитника.

31. Недопущение закрытых судебных процессов по всем делам, в том числе и политическим.

32. Право народных заседателей на решение вопроса о виновности подсудимого без вмешательства профессионального судьи; увеличение числа народных заседателей до 6–8 человек при рассмотрении политических и иных наиболее важных дел.

33. Недопустимость осуждения только на основании признания обвиняемого и без других неопровержимых доказательств его виновности.

34. Право свидетелей не отвечать на вопросы следователя, судьи и обвинителя, которые уличили бы его в совершении преступления.

35. Отмена смертной казни. Ненаказуемость по политическим делам. Понижение мер наказания по всем другим делам. Снижение максимального срока лишения свободы.

36. Право обвиняемого на презумпцию невиновности, т.е. признание человека невиновным до тех пор, пока суд нем докажет его вины.

37. Право народов на регламентированную законом защиту от геноцида и всех видов дискриминации отдельных народов.

38. Право репрессированных народов на восстановление их автономии и возмещение причиненного им ущерба.

39. Отмена партийного вмешательства в духовную жизнь народа, в дискуссии по вопросам науки, литературы и искусства, а также в научно-исследовательскую работу. Право на непризнание компетентности партийных и административных органов в решении научных проблем и в вопросах литературы и искусства.

40. Право на различные мировоззрения, обеспеченное свободным изучением мировоззренческих (философских) проблем и течений в добровольно созданных кружках без участия официально назначенных партийных агитаторов и преподавателей. Предоставление таким кружкам права свободно избирать учебные пособия, включая и иностранные издания.

41. Право на существование в науке, литературе и искусстве различных школ, направлений, течений и творческих методов; свобода их открытой популяризации и недопущение навязывания каких-либо обязательных для всех творческих методов.

42. Свобода организации научных, литературных, художественных, музыкальных, театральных и других объединений, обществ, групп и кружков. Предоставление им права свободной деятельности, включая и право на издания.

43. Полное уничтожение всех видов партийно-политической и государственной цензуры для любых литературных, научных и искусствоведческих

трудов и публикаций, а также театральных постановок, кинофильмов, художественных произведений и т.д.

44. Отмена назначения партийными органами редакторов научных, литературно-художественных и искусствоведческих книг, монографий, журналов и альманахов.

45. Опубликование списка всех репрессированных за годы коммунистического владычества деятелей науки, литературы и искусства, реабилитация всех еще не реабилитированных и допущение к их научному и литературному наследию всех желающих ученых, литературоведов и искусствоведов с целью его последующего опубликования.

46. Право всех граждан на неограниченную свободу общения в области науки и культуры со всем иностранным миром.

47. Недопущение политической дискриминации всех деятелей культуры.

48. Прекращение партийного давления при определении научных и других степеней и званий, а также при избрании на должности академиков или на другие научные должности.

49. Свобода общения в интересах науки с иностранным миром, не ограниченная лишь рамками коммунистических стран. Предоставление научным институтам, университетам и другим научным учреждениям права посылки в научные командировки за границу.

50. Право ученых свободно обмениваться письмами и научными трудами с иностранными коллегами по всем отраслям науки, включая философию, богословие и т.д. Право на индивидуальную подписку на научные издания в любой стране.

51. Устранение ограничений для переводов иностранных трудов по новой философии и философии прошлых веков, естествознанию, истории и другим наукам. Свободный выбор таких трудов для ученых, научных советов, организаций и всех интересующихся.

52. Право научных работников на доступ ко всем архивам и книгохранилищам, закрытым по политическим соображениям.

53. Отмена планирования науки. Свобода научных работников в выборе тем.

54. Автономность и экстерриториальность высших учебных заведений; свобода посещения лекций студентами. Научность программ политических дисциплин и факультативность их там, где они не связаны прямо с профилем учебного заведения.

55. Свобода создания, вне казенных организаций, студенческих объединений и кружков, межвузовских студенческих союзов и городских студенческих клубов. Прекращение преследования печатных и рукописных изданий, выпускаемых студенческими кружками по собственной инициативе вне контроля партийных организаций.

56. Отмена политической характеристики и других ограничений для поступления в вузы. Знания поступающего должны быть единственным критерием для поступления в вузы.

57. Отмена положения о снятии со стипендии учащихся за дисциплинарно осуждаемые поступки как аморального и используемого в качестве политического давления.

58. Удовлетворение массового стремления студенчества поступать в заграничные учебные заведения как индивидуальным путем, так и в порядке обмена и утверждение его права на это.

59. Право высших учебных заведений на приглашение для чтения лекций заграничных лекторов, выбираемых по их знаниям, а не по политическим взглядам.

60. Установление практики трехгодичных заграничных стипендий лучшим выпускникам высших учебных заведений для совершенствования их знаний в крупнейших центрах мира.

61. Право преподавателей на творческую инициативу и на повышение своих знаний и квалификаций, обеспеченное дополнительными отпусками и улучшением материального положения. Прекращение практики нагрузок, не имеющих отношения к педагогической деятельности, исходящих от комсомольских и партийных организаций.

62. Прекращение безответственного экспериментирования над школой, подчиненного планам власти. Передача проведения реформы школы в руки специального совета, в котором были бы широко представлены педагоги-практики и родители, знающие нужды школ и учащихся.

63. Отмена системы соцсоревнования в школах как вредной для воспитания молодежи, ведущей к снижению знаний и к аморальности.

64. Отмена преподавания в школах партийно-политических предметов.

65. Право родителей на религиозное воспитание и образование детей.

66. Составление программ и учебников в порядке свободного конкурса, с широким участием педагогов-практиков.

67. Прекращение насильственной массовой политехнизации школы, ведущей к катастрофическому снижению общеобразовательных знаний и отнимающей у молодежи свободный выбор жизненного пути.

68. Свобода создания школьных кружков и организаций вне рамок комсомольской и пионерской организаций.

69. Изъятие из дошкольного образования политических и партийных мотивов.

70. Создание для рабочей молодежи материальных и бытовых условий, позволяющих получить образование в вечерних средних и высших учебных заведениях; сокращение учащимся рабочего дня с сохранением оклада.

71. Допущение свободного обмена опытом с заграничными учебными заведениями, пользования иностранной педагогической литературой, стажировки в заграничных учебных заведениях педагогического персонала.

72. Недопущение навязывания в литературе и искусстве, как обязательного творческого метода, социалистического реализма, представляющего собой противостественное и насильственное явление, тормозящее развитие культуры народа.

73. Право на свободную критику, независимую от партийно-политической линии.

74. Признание оценки массового зрителя и читателя, а также свободной художественной (а не партийной) критики при издании и переиздании репродукций картин, при утверждении репертуаров театров и при прокате кинокартин.

75. Право инициативных групп и отдельных лиц на создание альбомов и монографий всех памятников отечественного искусства, которые были уничтожены за годы коммунистической власти.

76. Свобода доступа к материалам для составления и публикации списков всех произведений искусства, проданных коммунистическим правительством за границу.

77. Реализация права народа на всестороннее ознакомление со всеми достижениями мировой культуры, в особенности отмеченными международными или национальными премиями.

78. Право писателей на участие в международной конвенции по охране авторских прав, на свободное печатание своих трудов в любой стране мира, на самостоятельное заключение договоров с любым иностранным издательством.

79. Право артистов на заключение индивидуальных договоров для заграничных гастролей. Распространение возможностей гастролей за границу на большее количество художественных трупп, включая и провинциальные.

80. Право российских киноартистов и режиссеров на творческое сотрудничество с иностранными киноартистами и режиссерами, в частности, путем участия в иностранных постановках кинокартин.

81. Право частных лиц и объединений на издание, закупку за границей и на распространение в стране любых иностранных произведений литературы и искусства.

82. Ликвидация диспропорции между отстающим производством средств потребления и тяжелой промышленностью путем переброски основной части капиталовложений в легкую промышленность.

83. Прекращение расходования народных средств на чуждые народу цели, как, например, на финансирование партии, пропаганды, на содержание заграничных компартий и т.д.

84. Отмена трудовой повинности и трудовой обязанности во всех ее скрытых и открытых формах. Недопущение принудительной мобилизации населения, в частности, создания трудовых резервов из детей и подростков.

85. Установление справедливой оплаты труда, обеспечивающей достойный образ жизни трудящемуся и его семье.

86. Сокращение продолжительности рабочего дня и установление сорокачасовой, а на вредных производствах – 36-часовой рабочей недели.

87. Право на государственное пособие при временной безработице, поскольку большое число людей, особенно юношей и девушек, окончивших средние учебные заведения, не могут получить подходящей работы.

88. Запрещение применения женского труда на вредных для женского здоровья работах (безусловно на подземных работах, в горячих цехах, на погрузочных работах) законодательным регламентированием перечня запрещенных работ.

89. Запрещение применения детского труда в колхозах, на предприятиях и на строительстве, в частности, под видом политехнического образования, мобилизаций, субботников, «организованных» каникул и т.п.

90. Оплата невыходов на работу в большие религиозные и традиционные национальные и местные праздники.

91. Ратификация всех конвенций Международной организации труда при ООН и действительная их реализация.

92. Создание нового Трудового кодекса, рассматривающего трудящегося как свободного и полноправного человека, и отмена тем самым всех разъяснений и дополнений к Кодексу законов о труде (КЗОТ) 1922 года, искажающих основной смысл статей этого кодекса.

93. Запрещение всякого рода замаскированного принуждения к повышению производительности труда, как, например, социалистическое соревнование.

94. Ликвидация применения сдельщины и установление повременной оплаты труда.

95. Отмена трудовых книжек и равноценных им документов как незаконных и закрепощающих трудящихся.

96. Реорганизация существующих профсоюзов в органы, представляющие интересы трудящихся; проведение свободного выдвижения кандидатов в фабрично-заводские и другие комитеты; проведение выборов в первичные комитеты профсоюзов только тайным голосованием на общих собраниях рабочих.

97. Выборы тайным голосованием отраслевых комитетов представителями выбранных низовых комитетов; созыв не реже одного раза в год съездов производителей данного территориального объединения для избрания на них тайным голосованием совета профсоюзов района, с его постоянно действующими комиссиями, в том числе комиссией по заработной плате.

98. Право трудящихся, равно как и всех органов профессиональных союзов, призывать к забастовке во всех случаях производственных конфликтов (как то нормы, расценки, сверхурочная работа, охрана труда и т.д.), когда оказывается невозможным урегулировать конфликт путем соглашения с администрацией.

99. Провозглашение права трудящихся на забастовку как их неотъемлемого и естественного права защищать свои социально-экономические интересы. Рассматривать все попытки государственных и иных органов запретить или подавить забастовку как антиконституционные и незаконные, поскольку даже в советской конституции нет прямого запрещения забастовок.

100. Заключение свободными профсоюзами коллективных договоров с администрацией предприятия как двусторонних обязательств, устанавливающих как минимум:

а) тарифную оплату труда, руководствуясь, в первую очередь, принципом повышения реальной заработной платы;

б) взаимное соглашение сторон о порядке введения и изменения норм и расценок;

в) недопущение всех видов соцсоревнования и изменения норм на основании «новаторских» и других рекордов;

г) заключение всех трудовых соглашений с вновь поступающими работниками на основе коллективных договоров;

д) недопущение включения каких бы то ни было количественных программ производства в трудовые соглашения;

е) утверждение данного коллективного договора после его обсуждения на общем собрании предприятия путем голосования.

101. Ликвидация системы тотального планирования как сковывающей творческую инициативу трудящихся и ведущую к расточительству человеческой энергии и материальных средств.

102. Восстановление свободного рыночного обмена как между предприятиями, так и между предприятиями и потребителями их продукции.

103. Освобождение личной и общественной промышленной и торговой инициативы. Восстановление свободы потребительской и заготовительной кооперации. Право ремесленников на открытие самостоятельных предприятий. Правовые гарантии для индивидуального и общественного вновь возникающих секторов народного хозяйства.

104. Создание общественного самоуправления предприятиями и отраслями народного хозяйства как органа системы управления производством.

105. Выборность директоров предприятий.

106. Упразднение вмешательства партийных организаций в управление народным хозяйством и отдельными предприятиями.

107. Право трудящихся на отдельную квартиру. Ликвидация жилищного кризиса путем переброски ассигнований с капитального на жилищное строительство, беспрепятственное предоставление индивидуальным и кооперативным застройщикам земельных участков, долгосрочных кредитов и необходимых строительных материалов.

108. Право граждан на вечное владение квартирами и домами, построенными с их участием (личным трудом и материальными вложениями) при предприятиях и учреждениях.

109. Действительная свобода выборов руководства колхозов (путем тайного голосования), недопущение назначенства, право изменения Устава сельскохозяйственной артели общим собранием; право свободного выхода крестьян из артели с предоставлением им земельного надела для индивидуального землепользования или возможности дальнейшей самостоятельной деятельности; право полной ликвидации артели по решению большинства, право увеличения размеров приусадебного участка; свобода сбыта своей продукции, закупки сельскохозяйственных машин, в том числе тракторов, и открытия нужных для хозяйства подсобных предприятий. Государственная помощь на восстановление крестьянского двора.

110. Полная самостоятельность в деле составления хозяйственных планов артели и недопущение вмешательства в эту сферу деятельности со стороны государственных органов власти.

111. Использование общественных неделимых фондов колхозов на нужды колхозников по решению общего собрания артели.

112. Превращение МТС в прокатные пункты и замена натуральной оплаты их работы денежной.

113. Отмена натуральной формы долга, принудительных госпоставок и введение вместо них единого денежного подоходного налога.

114. Уравнивание колхозников с другими слоями населения в их праве на социальное обеспечение.

115. Прекращение мобилизации детей колхозников в школы трудовых резервов.

116. Предоставление широкой свободы крестьянской кооперации в области производства, потребления, сбыта, снабжения и кредита.

117. Свобода для сельского населения в организации любых объединений и союзов, а также крестьянской партии.

118. Распределение сельскохозяйственных продуктов нового урожая в первую очередь на трудодни колхозникам и нетрудоспособным членам артели. Право колхозников по собственному усмотрению пользоваться продукцией молочно-товарных и других животноводческих ферм для удовлетворения собственных нужд.

119. Распределение колхозного скота между крестьянскими дворами там, где колхозы не в состоянии обеспечить нормального ухода за ними.

120. Использование колхозных стройматериалов в первую очередь для строительства собственных жилищ колхозников.

121. Право народа на действенный общественный контроль внешней политики правительства. Отсутствие такого контроля является одним из основных препятствий для всеобщего разоружения и для ликвидации международной напряженности.

122. Право народа на исчерпывающую информацию о внешнеполитических событиях, обеспечиваемое опубликованием полных текстов иностранных нот и выступлений государственных деятелей, касающихся России и всех актуальных проблем международной политики, свободной подпиской на иностранные газеты и журналы, а также их свободной продажей, прекращением глушения заграничных радиостанций.

123. Право граждан на открытое обсуждение на собраниях, митингах и в прессе всех внешнеполитических вопросов.

124. Право граждан на наблюдение за деятельностью советской делегации в ООН, обеспечиваемое систематическими и не подвергающимися цензурным искажениям радиопередачами заседаний ООН.

125. Прекращение подрывной работы КПСС и советского правительства – одной из главных причин постоянного международного напряжения.

126. Недопущение использования вооруженных сил для вмешательства во внутренние дела других стран и для подавления народных восстаний.

127. Отказ от симулирования реакционных шовинистических тенденций в странах, освобожденных и освобождающихся от колониальной зависимости.

128. Прекращение использования экономической помощи в политических целях.

129. Прекращение явной и скрытой агрессии, политики угроз и шантажа, а также по существу пропагандных коммунистических выступлений в сношениях с другими странами.

130. Прекращение использования внешней торговли в политических целях и переключение ее на укрепление народного хозяйства и на поднятие благосостояния населения»²⁶³.

Нет сомнений: осуществись хотя бы только важнейшие из этих требований, в России установится правовой строй и советское общество превратится в открытое общество. Показательно, что все эти требования, перечисленные в резолюции Конгресса за права и свободу России, названы народными.

С тех пор, как среди советской интеллигенции возникло движение борьбы за права и свободу человека, НТС ставит себе задачу стать союзником, помощником и рупором всех направлений этого освободительного движения и мобилизует свои издательские возможности для опубликования статей и книг всех оппозиционеров, даже когда их взгляды не совпадают с идеологией и революционными установками НТС. В брошюре «Стратегические проблемы освободительной борьбы» стратегическая комиссия Совета НТС определяет эту задачу так:

«Стремясь провести в жизнь концепцию консолидации сил, мы должны быть готовы предоставить наш зарубежный центр и нашу зарубежную базу в распоряжение всего освободительного движения...

В интересах общего дела оказывать посильную бескорыстную помощь всем освободительным силам в стране.

НТС не может и не хочет сотрудничать только со сторонниками новой диктатуры, с проповедниками ненависти, огульного разрушения и мести»²⁶⁴.

В номере 48-м солидаристского журнала «Грани» был напечатан по рукописи, присланной из Советского Союза, роман Михаила Нарицы «Неспетая песня»²⁶⁵. Так начался Тамиздат. С тех пор издательство «Посев» выпустило десятки книг или совсем в России не напечатанных, или напечатанных только в Самиздате. Назову наиболее известные: Александр Бек «Новое назначение», Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита» (полный, без цензурных сокращений текст), Александр Галич «Поколение обреченных», Анатолий Гладилин «Прогноз на завтра», Наталья Горбаневская «Стихи», Василий Гроссман «Все течет», отец Сергей Желудков «Почему и я – христианин», Анатолий Краснов «Строматы», Владимир Максимов четыре тома сочинений, Анатолий Марченко «Мои показания», Булат Окуджава два тома сочинений, Григорий Померанц «Неопубликованное», академик А. Сахаров «В борьбе за мир», Александр Солженицын шесть томов сочинений, Аркадий и Борис Стругацкие «Гадкие лебеди».

Одновременно с книгами «оттуда» «Посев» издает и переиздает запретные «там» книги старой, послевоенной и самой новой эмиграции и даже некоторые книги, которые вышли еще до революции. Не буду перечислять художественные произведения, воспоминания, сборники стихов и литературно-критические работы. Остановлюсь на книгах философского и философско-общественного содержания: Николай Арсеньев «Дары и встречи жизненного пути», Сергей Булгаков «От марксизма к идеализму», знаменитые «Вехи», Борис Вышеславцев «Философская нищета марксизма», отец Василий Зеньковский «Основы христианской философии», Сергей Левицкий «Очерки по истории русской философской и общественной мысли» и «Трагедия свободы», Николай Лосский «Характер русского народа». В списке же политико-социологических книг мы находим не только эмигрантские и самиздатные, но и переводные, называю по алфавиту: Леонид Владимиров «Россия без прикрас и умолчаний», Роже Гароди, еще не так давно член политбюро французской компартии, «Крутой поворот социализма», Милован Джилас «Разговоры со Сталиным», А. Зорин и Н. Алексеев «Время не ждет», Абдурахман Авторханов «Происхождение партократии», Димитрий Панин «Записки Сологодина», Алексей Поремский (Вл. Арсеньев) «Силой идей», Роман Редлих, один из главных идеологов НТС, «Сталинщина как духовный феномен» и «Советское общество», проф. Николай Ульянов «Замолчанный Маркс» и другие. Особую ценность представляет ряд сборников самиздатных документов. Главным образом благодаря этим сборникам читатель имеет теперь воз-

можность полнее ознакомиться с Самиздатом. Это сборники: «За права человека», «История одной голодовки», «Казнимые сумасшествием» и целая серия «Вольное слово. Самиздат. Избранное»²⁶⁶.

Столкнувшись во время войны с подлинной страшной природой фашизма, солидаристы поняли его несовместимость с их учением о солидаризме и персонализме. Это привело их к защите и пропаганде правового строя и «субстанции» демократии, к решительному и безоговорочному осуждению всякого тоталитаризма: красного, черного или коричневого одинаково. В солидаристской брошюре «Реши по совести» дано такое определение фашизма:

«Это доктрина, которая утверждает, что человек должен всецело подчиниться государству, а государство — обеспечить человеку хлеб и труд. Человек должен отказаться от личной свободы, которую фашизм считает ненужной. “Вождь думает за тебя” — лозунг фашизма. Фашизм требует, чтобы человек слепо подчинялся воле государства и олицетворявшей его партии. Разновидность фашизма, национал-социализм выдвинул еще положение, что ценность человека определяется его принадлежностью к высшей расе, которой он считал германскую. Человек принадлежит расе, растворяется в ней. История человечества — это лишь история борьбы рас. В результате расовой борьбы высшие расы побеждают низшие и должны их уничтожить.

В обеих системах — и коммунизма, и фашизма — человек ничто. Человек только средство. В обоих случаях победе тоталитаризма способствовала необеспеченность человека при капиталистическом строе. В России в 1917 году коммунисты обещали мир, хлеб и свободу. Они дали в 1918 году мир, но не дали ни хлеба, ни свободы. Они отняли даже тот хлеб и ту свободу, которую наш народ имел при царях. В Германии и Италии люди сидели без работы. Фашизм им дал работу, но отнял у них свободу.

Как только признают, что человек — ничто, теряется граница — что можно делать с человеком и чего нельзя. Раз человек — ничто, то с ним можно делать все что угодно. Его можно обманывать, уничтожать, ссылая в концлагеря. Его можно использовать как рабочий скот.

Бесчеловечность — вот что составляет сущность коммунизма и фашизма»²⁶⁷.

Русское студенческое христианское движение (РСХД)

Только одна группа очутившихся в эмиграции интеллигентов предприняла миссионерскую работу среди молодежи, но это были люди, которые уже давно отреклись от мирозерцания «ордена» и вернулись от позитивизма и марксизма к православию. Конечно, им легче было, чем Милокову, говорить с молодежью. Тогда в белой эмиграции многим было близко сознание: революция, гибель России, море крови – все это потому произошло, что люди забыли Бога. Обращению к религии способствовали также и тоска по родине и обострившееся национальное чувство. Для бесправного эмигранта все двери в окружающую иностранную жизнь были закрыты. Русский православный храм — вот единственное место, где изгнанник чувствовал себя дома. Здесь все напоминало ему счастье прежней жизни на родине. Более того, это была сама эта вечно сняющаяся эмигрантскому сердцу прежняя русская жизнь, самая существенная ее часть, чудесно перенесенная в эмигрантское настоящее. В церковь шли, как на «свидание с Россией».

Один из младших идеологов евразийства, он потом перешел к большевикам и погиб в Советском Союзе, Н.А. Клепинин²⁶⁸ писал в «Пути»: «Многие русские люди именно через национальную боль пришли к церкви. Для них национальная работа является и религиозной работой»²⁶⁹. Идея нераздельности национального и религиозного, нередко вырождаясь в прямую «шатовщину», владела сознанием не только евразийцев, но и национал-максималистов и народников-мессианистов — православие воспринималось ими уже не как все-ленская религия, а как атрибут «русскости». Не все, конечно, так изъяснительно отождествляли национализм и религию, но в той или иной форме религиозно-патриотическое чувство было близко многим эмигрантам, особенно молодежи.

Наиболее свободным от соблазна «шатовщины» оказалось Русское студенческое христианское движение. Приведу несколько свидетельств о начальных днях этого движения.

Н. Езерский²⁷⁰ писал в «Вестнике Русского студенческого христианского движения» (№ 2, 1927 г.):

«Нужен был весь ужас величайшей войны и самой кровавой из революций, чтобы религиозное переживание оказалось фактом, а не теорией, чтобы божественное начало жизни было воспринято как реальность, а не как интересная гипотеза. Понятно, что молодежь живет стариков восприняла его, ибо ей не мешали трафареты, предрассудки, вся та кора, которой обрастает человек в течение жизни. И здесь молодежь осталась верна себе, отдаваясь новому течению с той же горячностью, с какой 50 лет тому назад их деды, такие же молодые люди, “шли в народ” и готовили революцию»²⁷¹.

В середине 1921-го года в Белграде возникло Движение среди русских студентов-богословов; почти одновременно по инициативе Студенческой христианской федерации и Христианского союза молодых людей (УМСА) создаются кружки в Эстонии, Латвии, Берлине и Софии²⁷².

Первый съезд представителей русских религиозных кружков состоялся в Пшерове, в Чехии, в сентябре 1923 г. На съезде присутствовали многие замечательные представители русской религиозно-философской мысли: о. Сергей Булгаков, Н.А. Бердяев, А.В. Карташев, Н.И. Новгородцев, В.В. Зеньковский. В работах последующих съездов принимали участие также С.Л. Франк, П.Б. Струве, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Г.П. Федотов.

Уже на первых съездах ясно определились цели движения. Окончательная формулировка была дана в Уставе, принятом общим съездом в Клермоне²⁷³, в 1927 году.

«Русское студенческое христианское движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам и ставит своей задачей подготавливать защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом»²⁷⁴.

По словам В. Зеньковского, за этой декларацией стояло «общее тогда для многих русских людей сознание, что трагическая судьба России призывает всех нас к покаянию и углублению духовной жизни, что русская трагедия не была случайной или внешней, но была следствием давних и глубоких отступлений от правды Христовой»²⁷⁵.

По многим свидетельствам, как общие, так и местные съезды в первые годы Движения проходили с большим подъемом и производили на присутствующих глубокое и преображающее душу впечатление.

О третьем съезде в Клермоне, во Франции²⁷⁶, Г.П. Федотов писал («Вестник РСХД», № 9, 1928 г.):

«О той духовной атмосфере, в которой заканчивался 3-й Клермон, хотелось бы сказать словами одного православного француза, участника Съезда: “La Grâce de Dieu était presque tangible” (Благодать Бога была почти осязаема).

Эта волна увлекала сопротивляющихся, творила действительные обращения. Крещение юноши, присоединение девушки-католички, обращение двух оккультистов-теософов, из которых один, человек недюжинной воли и эрудиции, защищал с отчаянной дерзостью свои позиции в одном из семинаров, — эти явные манифестации Божьей благодати подтверждают общее впечатление»²⁷⁷.

«Третий Клермон» не был исключением. Вот пишет Ф.Т. Пьянов²⁷⁸: «Наши местные съезды всюду и всегда являются величайшим духовным событием»²⁷⁹. Вот Н. Татаринов вспоминает, как на съезде с ним произошло обращение («Вестник РСХД», № 5, 1928):

«Прошел почти год, как окончилась конференция во Вранье, но и до сих пор еще живы для меня эти впечатления.

Помню то “приподнятое настроение”, о котором упоминает г. Троянов²⁸⁰, охватившее если не всех, то многих из нас. Эта “приподнятость”, освященная ежедневной общей молитвой и святым деланием идти ко Христу, пробуждала в душе каждого из нас уснувшую веру и давала нам все новые и новые источники духовных сил. Поэтому г. Троянов, определяющий это, как я сказал, особое состояние “приподнятостью”, едва ли прав.

Была ли конференция далека от жизни? Нет, с этим я не согласен. До конференции 4 года тому назад, еще в Советской России, я считал себя убежденным атеистом и думал, что был прав. Каждый раз во время споров о Боге я старался логически опровергнуть Его бытие. Слава Богу, конференция показала мне мое заблуждение. Не знаю только, как объяснить, но только она дала мне понять, что мой атеизм был только временное наслоение, и когда это наслоение исчезло, я почувствовал огромное облегчение и духовную радость. Конечно, мои слова едва ли кого-нибудь убедят, они слишком бледны, чтобы передать и конкретно объяснить то, чем мы были связаны во Вранье и почему с такой грустью мы расставались»²⁸¹.

Чувство участия в волнующем, духовно-значительном деле передавалось и людям, которые присутствовали на съездах только в качестве гостей. И. Савченко, поехавший на Клермонский съезд с некоторым предубеждением — «я не богослов, не скучно ли мне будет?» — писал потом о своих впечатлениях («Вестник», № 8–9, 1929 г.):

«Если бы от меня требовалось всего двумя словами охарактеризовать то, что явил собой Клермонский съезд, я бы сказал: “Светлая напряженность...”. Религиозная напряженность духа, душевная углубленность, радостная устремленность к Вечному, к Богу... Именно светлая напряженность. Я всем своим существом ощущал, как все участники съезда подлинно озарены духовной радостью. В Клермоне я видел незабываемый душевный взлет. Каждый день Клермона был восхождением на некую высоту духа. И сам я заразился и этим духовным подъемом, и разлитым вокруг светом. Поэтому мне трудно говорить сейчас с объективностью наблюдателя; я уже не свидетель виденного, слышанного и, главное, пережитого, а участник того большого и морально значимого, что было в тихом, уютном, гостеприимном Клермоне.

Увлекала меня молитва. Я давно уже не молился так тихо и светло, как в Клермонской походной церкви»²⁸².

Не только съезды, но и участие в работе кружков имело для многих движущее значение события, изменившего всю их жизнь. В «Вестнике», среди многих других заметок, были напечатаны воспоминания Е.К. о зиме, проведенной в кружке: «Новая совсем эра началась для меня; общее настроение и даже мировоззрение у меня изменилось. Незаменимо то, что мне дал христианский кружок. В то время, когда я переживала страшную ломку после тяжелого периода, когда у меня ничего не было и пусто было на душе, христианский идеал вдохнул в меня жизнь, бодрость и радость. Я почувствовала твердую непоколебимую опору. Меня поддерживало в еще повторяющиеся тяжелые минуты сознание, что обо мне кто-то думает, кто-то молится за меня, дружески расположен ко мне. Мне надо было только христианской любви. Я гибла без любви, ненавидя всех, озлобленная. Меня никто не любил, как и я никого не любила. И вот мне дали каплю незаслуженной любви. Однажды я видела, как девочка, на редкость противная, отталкивающая, капризная, несносная, совсем переродилась под влиянием ласки и любви. Нечто подобное было и со мной. Кружок пробудил и укрепил во мне утраченную веру и отогрел меня, дал мне таких друзей, которых я не смогу забыть до конца жизни. Жизнь вдохнул кружок в разлагающуюся мою душу. Произошло чудо: я перестала быть несчастной, я стала бесконечно счастливой. Наконец, тот же кружок дал мне толчок настолько сильный, что я — прежде воинствующая атеистка — теперь с Божьей помощью вошла в лоно Матери Церкви»²⁸³.

Несмотря на этот энтузиазм, свидетельствующий об искренности и глубоко обращении эмигрантской молодежи к религии, работа руководителей движения встретила чрезвычайные трудности.

РСХД движение религиозное, а не политическое. Но с самого своего возникновения оно определяло себя как движение традиционно-православное и русское. Вероятно, большинство движенцев соглашалось с тем, что писал в евразийском сборнике «На путях» Г.В. Флоровский:

«Жить и действовать в Церкви, творить свое дело в духе Христовом, исходя из религиозного восприятия жизни, — вот единственный путь, которым возможно выйти из исторических тупиков, образовавшихся среди развалин рухнувшей жизни. Великая Россия восстановится лишь после того, как начнет созидаться русская православная культура, — и только православное дело, творчество в духе и под сенью Церкви есть в наши дни праведное дело»²⁸⁴.

Считая православное русское сознание неразрывно связанным с сознанием национальным, РСХД вело борьбу с денационализацией младших эмигрантских поколений. Движенцы опасались, что вдали от родины, в условиях жестокой борьбы за существование, у русской молодежи разовьется практицизм и она потеряет религиозное и национальное своеобразие русского духовного типа. Для борьбы с этой опасностью национального обезличивания в программы занятий в кружках вводилось всестороннее изучение русской духовной культуры. И все-таки движение не могло превозмочь предвзятой враждебности пражской эмиграции, разделявшей взгляды, близкие к тому катковскому охранительству, которое В. Соловьев обвинял в отказе от вселенской идеи и в подмене христианства «зоологическим патриотизмом». В эмиграции, среди людей, потерявших родину и оскорбленных равнодушием иностранцев к страданиям России, «русское направление», для которого православие было только придатком русской государственной традиции, возродилось с новой силой. Даже прот. В. Зеньковский, склонный сглаживать углы, осторожно замечает в своей краткой истории Движения, что «пребывание в эмиграции естественно заострило сознание нашей религиозной и национальной чуждости Западной Европе и, может быть, связало религиозную и национальную сферы души теснее, чем это можно считать естественным»²⁸⁵. Ф.А. Степун справедливо указывал на соединенную с этим опасность развития «шатовщины»²⁸⁶. Комплекс русского мессианизма был очень силен в евразийстве и в других пореволюционных течениях, особенно в идеологии национал-максималистов и народников-мессианистов. В кругах же реакционных «шатовщина» выражалась идейно скромнее — в обыкновенном черносотенстве и в преувеличенных представлениях о могуществе «жидо-масонов». РСХД получало от YMCA значительную помощь, а YMCA слыла организацией масонской. Отсюда подозрительное и враждебное отношение к

Движению: начинание, дескать, сомнительно православное и чуждое «истинно-русскому» духу. Все усилия руководителей Движения доказать, что УМСА организация чисто христианская и никакого давления на РСХД не оказывает, никогда не могли рассеять этих подозрений в масонстве. В 1949 г., то есть почти через 30 лет после возникновения Движения, прот. В. Зеньковский горестно отмечает в «Вестнике»: «К сожалению, надо сказать, что слухи о связи УМСА с масонством время от времени вновь распространяются людьми, неизвестно почему недоброжелательными к Движению»²⁸⁷.

Правым все казалось подозрительным: и связь с инославными организациями, и отсутствие в названии Движения слова «православное», и участие бывших марксистов. Чувство, что спасение только в традиции, в ортодоксии, в нерассуждающем подчинении авторитету рождало инквизиционный дух ересебоязни. Само православие покаявшихся интеллигентов бралось под сомнение. Ходили слухи об опасном богословском модернизме. В «Двуглавом орле» (№ 3, 1927 г.) Е. Марков²⁸⁸ писал о С. Булгакове:

«Этот профессор догматического богословия определенно проповедует ересь человекобожия и столь же еретически искажает догмат Святой Троицы... Не только отсебятина протоиерея Булгакова неприемлема для православного сознания, недопустим и способ его выражения: в своей актовой речи он именует учение о Святом Духе пневматологической проблемой, которая ныне-де сменила проблему христологическую. Эта терминология, которая выразительно сближает Дух Божий с духом пневматической шины, мне представляется крайне соблазнительной, что бы ни говорили о якобы научности таких выражений»²⁸⁹.

В этих сомнениях в ортодоксальности и национальном характере Движения и нужно искать причину, почему, несмотря на исключительную героическую энергию его бессменного председателя, В. Зеньковского, и несмотря на участие всех наиболее талантливых представителей русской религиозной интеллигенции, Движение не смогло привлечь и удержать больше молодежи. Так, ушел Н.Ф. Федоров, начальник «Витязей», юношеской организации при Движении. Показательно, что свою новую организацию, куда перешло большинство мальчиков, Федоров назвал «национальной организацией витязей», как бы желая подчеркнуть этим, что прежняя организация национальной не была.

Еще раньше, в 1927 г., из Движения ушло белградское Братство имени преподобного Серафима Саровского²⁹⁰. Совет Братства потребовал, чтобы за резкий отзыв о Карловацком Синоде секретариат Движения исключил Бердяева²⁹¹. Секретариат это требование отклонил. Тогда белградцы запросили Синод,

могут ли они продолжать молитвенное общение с движенцами. Синод ответил: с последователями запрещенного в священнослужении митрополита Евлогия не молиться, впредь до их раскаяния и прощения их высшей церковной властью. Братство решило тогда из Движения уйти. В заявлении, напечатанном в еженедельнике «Голос верноподданного», выходившем в Белграде, совет Братства так объяснял это решение:

«Стихийное тяготение к Церкви от начала Движения получило ясное, оформленное церковное православное направление на Хоповском съезде, после чего руководители Движения, по преимуществу профессора Р. Ф. Академии, стремящиеся к обновлению или модернизации церковной жизни и во имя этого оправдывающие раскол, повернули Движение на эти новые пути церковного модернизма, как понимает Братство внутренний смысл всех указанных событий. Длительным изучением вопроса Братство пришло к этому убеждению и сочло своим долгом это убеждение высказать.

Как обновленчество в России, наше заграничное модернистское уклонение от верного пути тем особенно страшно, что внешне оно кажется близким Церкви. Как всякий раскол, источники и корни этого раскола в глубоких тайниках души, в том внутреннем устройении, которое хочет наново построить г. Бердяев. Из глубины сердца возникают все ереси раскола, и не всякая неправильность внутреннего устройства тотчас и полностью выражается идеологически. Обычно оно существует задолго до оформления раскола или ереси, и эти уклонения могут быть познаны и вскрыты совестью и внутренним чутьем. Так распознал русский православный народ ложь обновленчества в России. Модернистское, или софианское, или интеллигентское обновленческое направление (как его ни назвать), завладевшее Движением, есть еще более тонкий соблазн своей активностью, кажущимся творчеством и близостью к Церкви. «Мы — модернисты», — говорили нам руководители этого направления, — «наша миссия — бороться за очищение Церкви против влияния закостенелого монашеского направления, за новое и творческое, за новый уклад души и т.д.»

Церковь никогда не отметала творчество. Новое слово, новое освещение вопроса, освобождение православия от чуждого влияния, новое творческое явление в религиозной общественной жизни, каким было Движение, все это радость в церковной жизни. Это творчество принимается с радостью и благодарностью, как новое проявление Благодати. Но когда новое слово люди приветствуют, находясь во враждебном настроении к веками стяженным ценностям культуры духа и сердца, когда это слово приветствуют за то, что оно новое, то

это есть следствие неспособности слиться с Церковью и воспринять то, что Она в себе таит. Это есть духовная слабость и неправильное, новое, неправославное устройство души, неправильный путь.

Русская интеллигенция, вновь входящая в Церковь с желанием что-то исправить, что-то дополнить, чему-то научить, внести что-то свое, не может ни войти в Церковь, ни послужить ей. Часть этой интеллигенции, страшными жертвами России и милостью Божией прозревшая, приведенная к Церкви, не сумела в Нее войти. Она уподобилась тому прозревшему слепцу, которому Господь сказал не разглашать тайны исцеления. Его коснулась такая сила Благодати, что он в молчании и внутренней сосредоточенности должен был сознать благодатную жизнь, проникнуться ею и обновиться. Он не принял этого подвига, не смог подняться до его высоты, не вместил в себя Благодати Духа и, не обновившись, руководствуясь своим привычным непросвещенным разумением, решил по-своему послужить Богу. Послужил ли он Ему? Надо думать, что нет: сохранив свою самость, не обновившись, он должен был остаться чужд благодатной жизни, и недаром святое предание говорит, что первый ударивший Спасителя Господа Иисуса Христа был один из тех, кого Он, исцеливши, призвал к благодатной жизни.

Источники модернизма не избыток, а бедность и неутвержденность благодатной жизни, неумение ее смиренно принять. Это есть явление не творчества, а ущербленности, церковной некультурности и провинциализма. Непонимание этого, неумение распознать дух этого направления есть явление отрицательное, свидетельствующее об утрате Духа православного и о неправильном пути»²⁹².

Но и значительная часть молодежи, оставшейся в движении, думала так же, как белградские братчики. Слова Н. Бердяева, что церковь должна будет по-новому определить свое отношение к миру и к совершающимся в мире процессам и что новый строй возникает в православии, — казались подозрительными. В «Вестнике» (№ 1, 1927) К. Струве²⁹³ спрашивает: «Что это за новая эпоха, что это за новый стиль? За этими фразами должно стоять какое-то конкретное содержание, иначе они превращаются в пустые слова, слишком напоминающие собою Живоцерковный язык... Чуждо и непонятно нам это ощущение новой эпохи и нового стиля»²⁹⁴.

С самого начала в отношениях между движенческими «отцами» и «детьми» не все было благополучно. И старшие, и младшие участники Движения одинаково видели в катастрофе революции возмездие за дехристианизацию культуры и были единодушны в обращении к религии как к единственному источ-

нику нравственных сил, необходимых, чтобы продолжать жить и действовать. Так возникла выдвинутая уже на первом съезде в Пшерове идея «оцерковления» жизни. Но если все были согласны с этой идеей, то в толковании ее очень скоро сказалась вся противоположность духовных устремлений отцов и детей, разделенных не только возрастом, но и разным воспитанием, разным жизненным опытом.

В Движении участвовали почти все оказавшиеся в эмиграции представители русского религиозно-философского возрождения начала века: о. С. Булгаков, Н.А. Бердяев, А.В. Карташев, П.И. Новгородцев, В.В. Зеньковский, С.Л. Франк, П.Б. Струве, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Г.П. Федотов, К.В. Мочульский, Н.С. Арсеньев и Ф.А. Степун. Почти все они в молодости принадлежали к «ордену русской интеллигенции», многие и после религиозного обращения остались орденскими людьми и сохраняли верность реформаторскому духу ордена. Это именно они говорили о необходимости нового целостного мирозозерцания, православного и в то же время, подобно мирозозерцанию «ордена», соединенного с замыслом всесторонней моральной и социальной реформы.

«Природа, история, хозяйство, профессиональная жизнь, социальный вопрос, наука и искусство — все это принадлежит Христу, все это должно быть видами церковного служения»²⁹⁵, — писал в «Вестнике» С. Булгаков, выражая убеждение большинства старших участников Движения, что Православие не может пониматься только как религия храмового благочестия и личного спасения души, а должно быть направлено на творческое преображение жизни и на поиски ответов на все грозные и трагические вопросы, поставленные перед человечеством кризисом современной цивилизации.

Этой группе «отцов», людей исключительных дарований и огромной культуры, противостояло анонимное множество недоучившихся молодых людей, которые провели годы юности не в университетских аудиториях, а на полях Гражданской войны и только недавно сняли погоны. О настроениях людей этого поколения, искалеченных слишком ранними и слишком страшными испытаниями, мы знаем больше по отзывам старших, чем по их собственным высказываниям. Почти все идеологические статьи в «Вестнике» писали «отцы». Они упрекали молодежь в отрицании или в недооценке культуры, в повальном упрощительстве, в православном нигилизме. Они говорили: признавая крепкую православную традицию и обрядоверие единственной основой жизни, молодежь нечувствительна к культурным и социальным ценностям и видит в защите этих ценностей еретический обман. Но молодежь этих обвинений в православ-

ном нигилизме не боялась. Узнав на войне «правду земли» в ее наиболее простом и трагическом выражении борьбы и убийства, она, даже сознавая свою некультурность, смотрела на ученых, но не знающих жизни «отцов» с тем чувством особого «гносеологического» превосходства, с каким солдаты, возвращаясь с фронта, смотрят на всех, кто войны не видел.

Н. Езерский пишет («Вестник», № 2, 1927):

«Есть одна черта, в которой молодежь имеет безусловное преимущество перед стариками, но это тяжелая роковая черта. Старшие могли читать, философствовать, “предаваться мечтам и страстям”; молодежи нынешнего поколения пришлось сразу начать суровую жизненную борьбу; оно училось не по книгам, черпает свои убеждения не из логических посылок и не из цитат временных авторитетов, а из непосредственного опыта жизни. Мировоззрение современной молодежи может быть ошибочным, односторонним, но оно никогда не будет отвлеченным. Этот опыт настолько тяжел, что многих давит, иных способен раздавить совершенно. Зато те, кто его выдержал, получают закал, с которым не сравнится никакое школьное учение, и зрелость наступает раньше и полнее»²⁹⁶.

Это чуть снисходительное отношение к отвлеченной книжной мудрости «отцов» соединилось с тем разочарованием во всех «кумирах» русской интеллигенции, о котором писал С. Франк.

В 1929 г. кризис в отношениях между движенскими отцами и детьми привел к настоящей дискуссии. Прот. В.В. Зеньковский пишет статью, в которой подводит итоги, видимо, уже давнего спора²⁹⁷.

Признавая известную идеологическую вялость в Движении, он объясняет это тем, что молодежь, «пройдя ряд тяжелейших испытаний, оказалась и мало просвещенной, и лишенной непосредственной связи с предыдущими течениями в русской культуре, и несколько более практичной, чем то, что бывало раньше»²⁹⁸. Но если эта молодежь интеллектуально беднее и уже предыдущих поколений, она зато «духовно цельнее, крепче, прямее».

Переходя затем к выдвинутой на первых съездах идее оцерковления жизни, Зеньковский одинаково осуждает и спиритуализм, отделяющий правду церкви от правды истории, и средневековую теократию, которая не видела в мире ничего светлого и ценного. По мнению Зеньковского, этому отвержению мира, истории и культуры Православие противопоставляет принципиальный христианский космизм. «Именно это начало космизма, — говорит он, — чуждое и спиритуализму и формальной абсолютизации Церкви, начало, изнутри присущее Православию, глубоко вошло в Движение, определило его дух и путь»²⁹⁹.

В своем ответе Зеньковскому Бердяев («Вестник», № 7, 1929 г.) соглашался, что в духовном укладе молодежи тех лет было много положительного и здорового, но отказывался оправдывать равнодушие этой молодежи к духовным течениям времени, к идеям и знанию вообще, и в частности к русской религиозно-философской мысли.

«Из глубины православия, — писал он, — из глубины духовной жизни должны быть найдены творческие ответы на вопрошания новой исторической эпохи. Между тем как молодежь нередко убегает от этих вопрошаний, от этих бурных движений мысли и жизни, требующих христианского осмысливания, в тепличную атмосферу, в исключительно храмовое благочестие, она хочет построить себе часовню, отгороженную от волнений мира. Другие убегают в отвлеченный евангелизм»³⁰⁰.

Признавая, что это стремление уйти от страшной действительности психологически понятно и объясняется усталостью от войны, революции и хождений по эмигрантским мытарствам, Бердяев указывал, однако, на невозможность отгородиться от всех волнующих вопросов жизни. Именно в этой склонности к нейтральности и замалчиванию всех острых тем современности он видел главный недостаток Движения, утверждая, что подобная нейтральность несовместима с выдвинутым вначале лозунгом оцерковления жизни и культуры.

Этот вопрос «оцерковления», по мнению Зеньковского, лучше всего решался в Православии. Бердяев с этим спорил. Он считал, что в то время как католичество и протестантизм пусть и несовершенно, но пытались определить отношение Церкви к культуре и к общественному строю, православие, вследствие его «более эсхатологического и надземного характера», всегда возлагало всю социальную активность, даже организацию самой Церкви, на государство. «Поэтому теперь, когда погребено православное государство и никакие внешние силы больше не поддерживают русское православие, перед Церковью стоят совершенно новые задачи социального характера»:

«Этот кризис православия, эта внутренняя неизбежность творчески решать новые задачи сказываются и на Движении молодежи и вызывают в самом Движении почти перманентный кризис. Члены Движения в массе своей настроены традиционалистически, а приходится им вступить на путь творческой инициативы и учиться у западного христианства методам организации и работы. Получается несоответствие между состоянием сознания и поставленной жизнью задачей. Сознание в основной направленности своей исключительно традиционалистическое, не работает над проблемами, поставленными жизнью.

Сознание современно в том лишь смысле, что определяется испугом перед историческими катастрофами»³⁰¹.

Обвиняя молодежь в желании укрыться от грозной современности в мистицизме храмового благочестия, в отказе от свободы ради подчинения авторитету и традиции, в испуге перед новой творческой мыслью, в постоянной оглядке назад и в реакционных настроениях, Бердяев не отдавал себе отчета, насколько в этих настроениях молодежи было больше последовательности и больше согласия с духом средневековья, чем в его собственном Новом средневековье, зовущем к преображению жизни. Ведь для средневекового мирозерцания идеал всегда в прошлом и улучшения если и возможны, то только на пути восстановления исконного, «установленного Богом» порядка, для чего требуется вовсе не переделка существующих учреждений, а исправление людских пороков, которые привели к порче и упадку этих учреждений.

В мае 1923 г. на съезде русских студентов, созванном в Сарове под Берлином Американским союзом молодежи (American YMCA), проф. С.Л. Франк произнес речь, которая произвела на присутствующих чрезвычайное впечатление. Впоследствии проф. Франк развил основные мысли этой речи в книжке «Крушение кумиров»³⁰². Многие участники Движения говорили мне, что эта книжка, хотя и написанная представителем старшего поколения, лучше всего передает настроения движенческой молодежи в те годы. Сам проф. Франк писал в предисловии, что его речь была исповедью, но не исповедью только его личной, а «исповедью как бы типического жизненного и духовного пути современной русской души вообще»³⁰³. Франк думал при этом, что это был общий путь и «отцов», и «детей», так как духовно оба поколения сложились под влиянием одного и того же опыта «народнения живой религиозной веры через крушение или гибель всех кумиров, которыми была соблазнена душа русского интеллигента 19-го века»³⁰⁴. Перечень этих кумиров дан в оглавлении книжки:

1. Кумир революции
2. Кумир политики
3. Кумир культуры
4. Кумир «идеи» и «нравственного идеализма».

Вот основные положения Франка:

В русской катастрофе рухнули не только кумиры революции и «политики вообще». Мировая война расшатала и кумир демократических идеалов. После того как просвещенная демократическая Европа могла дойти до безумной всеобщей бойни, верить в эти идеалы и поклоняться им уже больше невозможно.

«Не радует нас больше и прогресс науки, и связанное с ним развитие техники, — горестно восклицает автор. — Нужно ли, в самом деле, для человеческого счастья это безграничное накопление, это превращение человека в раба вещей, машин, телефонов и всяческих иных мертвых средств его собственной деятельности?»³⁰⁵

Далее проф. Франк говорит, что даже на духовные ценности европейской культуры, искусства, науки и нравственной жизни «мы невольно смотрим теперь иным скептическим взором»:

«...Мы потеряли веру в “прогресс” и считаем прогресс понятием ложным, туманным и произвольным... И в частности, тот переход от “средневековья” к нашему времени, то “новое” время, которое тянется уже несколько веков и которое раньше представлялось в особой мере бесспорным совершенствованием человечества, освобождением его от интеллектуальной, моральной и общедуховной тьмы и узости прошлого, расширением внешнего и внутреннего кругозора его жизни, увеличением его могущества, освобождением личности, накоплением не только материальных, но и духовных богатств и ценностей, повышением нравственного уровня его жизни, — это “новое время” изобличено теперь в нашем сознании как эпоха, которая через ряд внешних блестящих успехов завела человечество в какой-то тупик и совершила в его душе какое-то непоправимое опустошение и ожесточение. И в результате этого яркого и импонирующего развития культуры, просвещения, свободы и права человечество пришло на наших глазах к состоянию нового варварства»³⁰⁶.

Это, такое же суровое, как в бердяевском «Новом средневековье», осуждение «нового времени» и всей демократической цивилизации отвечало распространенным тогда в эмиграции эсхатологическим настроениям, очень сходным с настроениями позднего средневековья. Возврат к средневековому пессимизму людей, которые видели ужас революции, легко понять. Бердяев, забывая, что провозглашенный им самим отказ от идеи прогресса очень способствовал распространению таких настроений, страстно их обличал. А С.Л. Франк делал из осуждения веры в прогресс все последовательные выводы:

В пустоте, образовавшейся после крушения всех кумиров, человеку нечем жить. Остается только родина. Она не кумир, а «живое, реальное существо». Но даже любовь к родине не может спасти «без веры во что-то первичное, основное, незыблемое, без последней глубочайшей твердыни, на которую мог бы опереться наш дух».

Без этой веры, в которой «мы должны еще укрепиться, которую мы должны с непрекаемой и незыблемой очевидностью обрести в своей душе, но

которой у нас доселе нет», вся земная жизнь представляется ужасной, абсурдной и невыносимой. Тут мысль Франка делает головокружительное и безумное сальто-мортале, к которому нас уже приучили религиозные экзистенциалисты: так как нет и не может быть никакого прогресса и так как история не имеет смысла, то, значит, должен быть Бог, значит, Бог есть. «Когда тоска и духовная жажда доходят до предельной остроты и становятся как будто невыносимыми — происходит встреча с живым Богом»³⁰⁷. Далее Франк говорит так, как если бы эта встреча уже состоялась. Все чудесно меняется, никаких трудностей больше нет. Недоуменного вопроса В. Соловьева: «Если для осуществления совершенной жизни, или Царствия Божия, нужны только два начала: Бог и душа человеческая, Его (потенциально) воспринимающая, то Царство Божие могло бы быть установлено с появлением первого человека. Зачем же понадобились все эти долгие века и тысячелетия человеческой истории?»³⁰⁸ — Франк будто никогда не слышал. Соловьевские идеи о необходимости исторического делания для осуществления Царствия Божия он не помнит и не хочет помнить.

«Мы погибаем, — восклицает он патетически. — И потому мы ищем не “служения”, не “идеалов”, не морали — мы ищем просто спасения, личного спасения. Пусть моралисты усмотрят в этом один лишь эгоизм, пусть они проповедуют нам что угодно; мы знаем, что эта глубочайшая жажда самосохранения не нуждается ни в каком оправдании, ибо она имеет для нас самоочевидность последней решающей инстанции»³⁰⁹.

Слова эти подкупают искренностью, но не подсказывают ли они того понимания христианства как равнодушной к судьбе мира религии личного душеспасительства, которое В. Соловьев, с его убеждением, что христианский идеал должен быть идеалом общественной правды и прогресса, называл «средневековым мирозерцанием»? Правда, по зловещей иронии судьбы, сам Соловьев своей знаменитой книгой «Три разговора» больше всех способствовал распространению в эмиграции этого средневекового мирозерцания, объявленного им противоположностью и подделкой христианства.

К. Леонтьев, когда понял, что Соловьев сблизжает христианство с гуманитарным прогрессом, объявил своего друга сатаной и негодяем. Не будь «Трёх разговоров», многие эмигранты так бы и смотрели на Соловьева как на негодяя. Но, как известно, Соловьев покался, поверил в чёрта и, скинув с себя, по выражению Розанова, «арлекинаду публициста»³¹⁰, стал быстро «национализироваться». Окончательно освободившись от утопии эволюционизма и гуманизма, он

понял: теория прогресса противоречит Евангелию и смысл истории вовсе не в «богочеловеческом прогрессе», а в апокалипсисе. Тогда-то он и пишет «Три разговора». Вот установившаяся в эмиграции точка зрения. «Краткая повесть об антихристе» — это завещание, Соловьев отрекся в нем от своих интеллигентских заблуждений. В добре, творимом «не христианами по имени», он увидел теперь уже не «дух Христов, который дышит, где хочет», а дух антихриста. Весь социальный прогресс нового времени — антихристово добро, — потому что этот прогресс совершается без имени Христова. Написанная «грядущим человеком» книга «Открытый путь» была проникнута «истинно-христианским духом деятельной любви», но так как в ней ни разу не упоминалось о Христе, она послужила антихристу (кстати, негласному члену ордена франкмасонов) орудием для достижения власти над всем миром.

В эмигрантской среде, где многие видели в революции начало свершения апокалипсиса и где возрождение религиозного чувства часто срывалось в рецидивы средневекового пессимизма и напряженных эсхатологических ожиданий, повесть об Антихристе воспринималась как пророческое откровение, согласное с церковно-каноническим преданием.

Г.П. Федотов, в необыкновенной по смелости статье в «Пути»³¹¹, напрасно доказывал, что ни в одном варианте церковной традиции нет и намек на искренность добродетели Антихриста и что мы имеем тут дело с домыслом Соловьева, а не «с тысячелетним голосом церкви». И так же напрасно Федотов говорил о страшной опасности этой идеи «антихристово добра», ведущей к подозрительному отношению к добру вообще:

«Антихрист так похож на Христа, что люди, боясь обмануться, — вернее, отталкиваемые ненавистью, — начинают ненавидеть самый образ Христов. Внешним показателем этого тайного отвращения является низкая оценка, если не полное неприятие евангелия в неохристианских кругах»³¹².

Предупреждение Федотова не было услышано. Темная и соблазнительная «Краткая повесть об Антихристе» была объявлена величайшим творением русской религиозной мысли: ничего равного по силе пророческого вдохновения в русской литературе будто бы не было, разве только «Легенда о великом Инквизиторе».

Чудовищное допущение, что возможно какое-то недоброе добро, добро не от Бога, а от Антихриста, совершенно заслонив подлинного Соловьева, легко воспринималось эмигрантской молодежью, и без того убежденной, что идеалы интеллигенции привели к ужасам революции и гибели России.

Нужно помнить об этих настроениях, чтобы понять, какое впечатление должно было произвести «Крушение кумиров» Франка. Ведь он еще в «Вехах», вместе с П.Б. Струве, доказывал невозможность «реабилитации с христианской точки зрения» добродетелей не верящих в Бога подвижников ордена русской интеллигенции³¹³.

Но, в отличие от многих других эмигрантских обличителей интеллигенции, Франк не был демагогом и не боялся делать из своего осуждения ордена выводы, которые вряд ли могли понравиться большинству его молодых слушателей.

Как мы видели, все политические движения эмигрантской молодежи возшли на идейной закваске, враждебной интеллигентскому просветительству, и в то же время они в известной степени были продолжением ордена, со всеми его достоинствами и недостатками, с его героической моралью и с обязательной верой в какое-либо «целостное» мирозерцание. Так, солидаристы, устраивая свою боевую организацию, вдохновлялись примером народовольцев и эсеров.

В этой проповеди героического активизма проф. Франк видел все ту же интеллигентскую веру в политический кумир, все то же опьянение революционным дурманом, только «с обратным содержанием». Он говорил:

«Мы склонны с презрением или в лучшем случае с улыбкой снисходительной иронии вспоминать этот недавний деспотизм общественного мнения. Напрасно. Ибо в нем ничего не изменилось, кроме содержания и названия кумиров, которым приносят эти человеческие жертвы. С тем же фарисейским самодовольством, с тем же жестоким и холодным невниманием к живой человеческой личности травят в настоящее время людей, живая душа которых не может улеяться в трафареты “контрреволюционного” общественного долга. И опять идет проповедь общественного героизма как священного и потому морально-принудительного долга всякой личности, вне которого ей нет признания»³¹⁴.

Франк осуждал, таким образом, не только идейное содержание, но и самую форму морали русской интеллигенции. Но вряд ли молодежь это заметила. Тут я должен сделать оговорку, которой, к сожалению, не сделал в первом издании. Так же как Бердяева, я считаю Франка одним из самых замечательных, глубоких и оригинальных русских религиозных философов. Но тема этой книги не очерк всего их огромного творчества, а идейные движения среди эмигрантских молодых людей. Поэтому о Франке и Бердяеве я говорю здесь только под одним углом зрения: какое влияние они оказали на эту молодежь? Увы, вряд ли положительное. Она принимала у них не их «настоящие» трудные мысли, а толь-

ко то, что было созвучно ее собственным реакционным настроениям. Вот почему осуждение Франком не только революционной, но и контрреволюционной героической морали до внимания молодежи не дошло. Молодые движенцы по большей части думали в этом вопросе скорее как П.Б. Струве и проф. И.А. Ильин. Героическую орденскую мораль они обличали, только покуда она была связана с интеллигентским мирозерцанием, с тех пор как она соединилась с национализмом, они видели только ее доблестную, рыцарскую сторону. Но все же некоторая часть молодежи, вероятно, шла за Франком до конца.

В статье «Еще об идеологии» («Вестник», ноябрь 1929 г.) проф. А.В. Карташев полностью поддержал выступление Бердяева³¹⁵. Он даже еще суровее осудил реакционные настроения молодежи. «В Движении, — говорил он, — произошла странная, нарушающая законы истории и природы» перемена ролей: дети, зараженные неестественной «старческой, старообрядческой ересебоязностью», забыв о свойственной юности «функции новаторства-либерализма», все время подозревали отцов в отступлении от традиции и в ненавистном интеллигентском модернизме.

Карташев, считая правильным отталкивание пореволюционного поколения от «отвращающей грани революции», вместе с тем указывал на опасность отбрасывания ценностей, «лежащих позади этой грани».

«В этом — неотвратимый и трудно поправимый урон, нанесенный русскому культурному возрастианию. Революция прервала естественное любовное преемство поколений и полную передачу накопленного духовного богатства и сложности от старших к младшим. Это она произвела то забвение, сужение и обеднение сознания молодежи пореволюционной, которое неизбежным последствием своим будет иметь исторический срыв и опускание нашей культуры».

Еще с большей силой и гневом Карташев говорит о неразлучных спутниках этого культурного снижения: маниакальном страхе «жидов» и «масонов» и принижающей душу психологии сыска.

«Скудоумный и трусливый дух сыска, подогреваемый в молодежи некоторыми духовно-мертвыми пошляками из старого поколения, есть подлинный яд бесплодия и ничтожества, испепеляющий духовные силы молодости».

Так же как Бердяев, Карташев стремился убедить молодежь, что от членов Церкви требуется не только личное благочестие, но и участие в творческом церковно-историческом деле. Это дело «по природе своей социально и должно быть целительным ответом на разбуженную и в нашем народе потребность по-сильно-правильного социального устройства, а равно и ответом на мировой

социальный вопрос, вставший, как неотвратимая духовная задача, перед человечеством, так что дьявольская карикатура коммунизма служит только подтверждением неизбежности этого вопроса и для Православной Церкви»³¹⁶.

Позже те участники Движения, которые глубже и «императивнее» чувствовали стоящий перед совестью христианина социальный вопрос, основали независимую от Движения организацию Православное Дело³¹⁷. Свою идеологию эта группа определяла следующим образом:

«В великом наследии XIX и XX веков русской мысли мы отмежевуем себе отдельную сферу социальной мысли и действия во всех ее формах, кроме чистой политики и чистой экономики. Это значит, что проблемы православно-богословия, проблемы православной культуры, проблемы аскетики и литургии нас, как группу, интересуют лишь постольку, поскольку они имеют социальный смысл или социальную проекцию»³¹⁸.

О мученической смерти главной вдохновительницы Православного Дела монахини Марии (Е. Скобцовой), которая отдала себя служению голодным, бездомным, спившимся, сумасшедшим, больным и гонимым, будет говориться в последней главе этой книги.

С обособлением «левого» Православного Дела в Движении усилилось влияние «правых», возглавляемых Л. Романовым³¹⁹ и А. Никитиным³²⁰. Они требовали отказа от принципа аполитичности и активного сотрудничества с «национальной» эмиграцией, в частности с НТС. Прот. Зеньковский, проводивший умеренную линию, решительно этому сопротивлялся. В своем очерке истории Движения он пишет: «Миссионерские задачи Движения столкнулись очень скоро с тем, что среди русской молодежи с конца 20-х годов начали усиленно развиваться различные национально-политические движения, которые хоть номинально и признавали так называемый “примат духовного начала”, но фактически были в подавляющем большинстве равнодушными к религиозным вопросам. В этом уже тогда намечалась основная преграда на пути к религиозному возрождению»³²¹.

Борьба «фракций» кончилась с отъездом из Франции Никитина и Романова и с мобилизацией в начале войны движенческой молодежи во французскую армию.

Во время немецкой оккупации несколько человек движенческих «витязей» и «витязей» Н. Федорова³²² и несколько студентов Православного богословского института пытались создать тайную организацию для борьбы с усилиями комитета Жеребкова привлечь эмигрантскую молодежь к «коллаборации».

После войны в Движении, видимо, окончательно возобладала та тенденция нейтральности и замалчивания всех острых проблем, против которых так страстно протестовал Бердяев. От этого унылого впечатления трудно отделаться при чтении в «Вестнике» (сентябрь-октябрь 1949 г.) краткой истории РСХД³²³. Составитель этой истории прот. Зеньковский по-прежнему говорит об идее оцерковления жизни и пересмотра всего содержания современной культуры с точки зрения Православия, но эта идея в его толковании имеет уже совсем не то значение, какое вкладывали в нее Булгаков, Бердяев, Карташев, Федотов и группа Православного Дела. По его мнению, преобразование общества и культуры может быть осуществлено только через преобразование внутренней жизни: «это есть внутреннее оцерковление души, требующее непрерывной работы над собой, непрерывного связывания своего “естества” с церковью через богослужebную жизнь, через Таинства». Обо всем, что вдохновляло «отцов», о замысле всеохватывающей христианской моральной и социальной реформы и о традиции русской религиозно-философской мысли, искавшей ответов «на запросы настоящего исторического дня», Зеньковский не упоминает ни словом, будто их и не было никогда. Зато он подчеркивает принципиальную беспартийность РСХД: задача Движения — приобщить к церковной жизни всю русскую молодежь, независимо от ее политических вкусов и убеждений. Есть только одна граница в этой аполитичности — Движение «целиком и сознательно стоит против большевизма как явления, проводящего принцип аморализма»³²⁴. Это заявление не может не вызвать некоторого беспокойства. Впечатление, что никаких других политических явлений, допускающих аморализм, Зеньковский не видел.

Несмотря на весь этот застарелый идеологический кризис, Движение сыграло и продолжает играть огромную роль в деле борьбы с денационализацией младших эмигрантских поколений. Для сотен эмигрантских молодых людей, прошедших через Движение, участие в движенческой работе имело важное, часто решающее значение. Движение помогло им не только остаться русскими, но и вступить на дорогу более глубокой духовной жизни. Некоторым из них Движение даже дало возможность работать среди русского населения Прибалтики. К сожалению, об этой совсем особой и удивительной главе повести эмигрантских сыновей, кончившейся для многих из них мученической смертью, прот. Зеньковский сообщает только очень краткие сведения:

«Связь Движения с русской молодежью в Латвии и Эстонии началась еще в 1923 г., но широкий характер и самостоятельность работа получила с приездом туда, в качестве Секретаря Прибалтики, Л.А. Зандера³²⁵, деятельность кото-

рого чрезвычайно широко захватила русскую молодежь. Съезды (общие для всей Прибалтики, иногда отдельно для Латвии и Эстонии) собирали часто более 400 человек. Кружки действовали в Риге, Режице, Двинске (Латвия), Ревеле, Нарве, Печорах, Юрьеве (Эстония). Внешний рост Движения в этих странах не мешал и серьезному внутреннему росту его. С 1931 г. началась в обеих странах работа с подростками, а с переездом в Прибалтику в 1933 г. И.А. Лаговского³²⁶, в качестве секретаря, работа еще более расширилась. Самым замечательным фактом в этом периоде было, помимо весьма интенсивной работы кружков Движения, организация витьезей и дружинниц, очень успешное развитие работы в деревнях и среди рабочего люда (в Эстонии). К сожалению, внешние условия работы стали становиться постепенно неблагоприятными — сначала в Латвии, позже и в Эстонии. В Латвии усиление латышского национализма привело в 1936 г. к официальному закрытию Движения как очага русского просвещения; члены Движения продолжали хранить связь друг с другом, и многие из них ездили на летние съезды Движения в Эстонию. Но события 1939 г., приведшие к занятию Латвии и Эстонии советской властью, были роковыми для работы Движения — ввиду ареста, высылки руководителей работы, часть которых погибла при этом»³²⁷.

Для воспитанников Православного богословского института в Париже Движение было в известной мере подготовительной школой и живой средой: дом № 10 на бульваре Монпарнас, где в те годы помещался секретариат Движения, был соединен с Сергиевским подворьем множеством личных человеческих связей.

В сборнике, посвященном двадцатипятилетию Православного богословского института в Париже³²⁸, проф. архимандрит Киприан (Керн)³²⁹ говорит об этой единственной высшей православной богословской школе в Западной Европе:

«Изучение патристики как главного источника церковного предания и капитальные труды в области историко-литургической окрасили собой историю последних 40–50 лет наших славных духовных школ. Это перешло и в стены Института на Крымской улице в Париже. Святоотеческое и богослужбное стало, пожалуй, определяющим для наших молодых питомцев. Но оно мыслится нами не как архивное и музейное реставрирование бывшего, а как живое предание, как творческая динамическая работа богословской мысли. Этому способствовали живые силы, вошедшие в наш круг. А прикосновение к западным научным методам и личные встречи со многими инославными учеными расширили кругозор наш, учащих и учащихся. Мы знаем головокружительность бого-

словских исканий, но мы не уклоняемся от них. Мы знаем, что пугливой гностики нет места в наших стенах. И мы предупреждаем наших слушателей, лучше не братья за нелегкое, но высокое звание богослова-мыслителя, если у него не хватает духу и смелости проникать в тайны православного гнозиса. К оправданию его и к служению мы зовем наших слушателей. В этом контексте мерилом церковности служит для нас дерзновенная свобода свв. Учителей Церкви вопрошать и мыслить, не ограничивая этой свободой только до них живших и учивших избранников, а себя исключая из этой золотой цепи церковного предания и пленя себя в неподвижность мысли. Но мы знаем, что “духовные цензуры” в своей робости и косности легко бы нашли слишком смелыми многие мысли даже и у свв. отцов, настолько эти мысли в своей дерзновенности богословствовать раскрывают границы понимания Ортодоксии многих “ортодоксастов”, по меткому слову Климента Александрийского.

Тут, однако, могут встретить нас и некие опасности. Богословская наука требует от ее служителей и строгой научности. Это значит послушание требованиям научной методологии, чтобы не впасть в дилетантизм. Если старая школа не легко освобождалась от схоластического плена, то никак не следует забывать, что во всех других отношениях она была на высоте строго научных требований и не позволяла увлечений любительскими эффектами в богословии. Отталкиваясь от схоластики, нельзя в одном Хомякове искать панацею от всех зол рационализма или апеллировать к легенде о Великом Инквизиторе как к источнику богословского ведения. Необходимо, наряду со свободой любознательствующего творчества, помнить о строгости богословского целомудрия и неразрывной связи с духом церковности.

И, конечно, о высокой научной добросовестности! А это означает стояние на уровне научных достижений эпохи. В области Священного Писания обоих Заветов это — бесстрашное приятие всех историко-критических данных — филологического и грамматического анализа, археологических открытий, сравнений текстов и пр., веря всегда, что добросовестная и серьезная критика не опалит страниц священного текста. Этим критицизмом преподавание Священного Писания, конечно, не ограничивается, и не должно быть критики ради критики. Не разложение текста на мозаические отрывки руководит ученого его знатока, но пользование всеми аналитическими методами, чтобы достичь бесспорного синтеза и лучшего понимания сокровенного смысла. В области наук исторических, — патристики, каноники, литургики, агнологии, сравнительной истории религий, равно как и в самой истории церкви, — это опять

тоже смелое приятие всех критических данных, изучение влияний, сравнение памятников, уточнение хронологии, безбоязненное развенчание всех псевдоэпиграфов и анонимов и вообще “благочестивых подлогов”; чтобы с уверенностью пользоваться только материалом, прошедшим через очистительный огонь серьезного исследования, чтобы перестать поклоняться тому, что В.В. Болотов называл “столпообразным легендовериём”. В области наук философских это, — озираясь на пример свв. отцов, которые всегда стояли на уровне культуры и науки своего времени, которые апеллировали к языческим авторитетам для подтверждения ортодоксальной доктрины, которые таким образом христианизировали Платона и Плотина, — это требование и от нас стоять на высоте философской подготовленности и научных достижений нашего времени и не убояться принять, когда это нужно, Конта и Фихте, творческую эволюцию и психоанализ, биологию и сравнительное языкознание. Нельзя укрываться в пустыню своего интеллектуального невежества, чтобы тем спасти какую-то религию трусости и мракобесия и ради неверно понимаемого “смущения” вести войну против культуры и творчества. Надо помнить, что добросовестная критика в наших руках не страшна, но та же критика “пролезаящая инуде” может легко разрушить и то, что пытается пугливо еще оберегать гносимахия. Надо помнить, что научная и критически обоснованная апологетика хорошо защищает христианство, но плохая апологетика, основывающаяся на шатких легендах и сомнительных аргументах, только помогает безбожным нападкам.

Добросовестная научность. Строгая критичность. Безусловная верность отеческому опыту. Бескомпромиссная преданность Православию»³³⁰.

Знаменательно, что никто из этого поколения не стал последователем богословских взглядов о. С. Булгакова, декана института с 1940 по 1944 г. и одного из главных его создателей и вдохновителей.

В своей заметке архимандрит Киприан говорит: «Весь путь от марксистской лжи к церковной правде, левитский традиционизм в одном и смелая широта в другом, редкое философское чутье, культурность, горячее пасторское сердце и исключительная молитвенность — все это носил в себе наш покойный декан. Значение о. Сергия совсем, может быть, и не в том, в чем его так хотят видеть и его редкие ученики, и многочисленные недоброжелатели. Все мы, его коллеги и друзья, вполне оправдывая свободу его дерзаний и со всем соглашаясь в постановке именно этих проблем, вовсе вместе с тем не разделяли его богословских утверждений целиком. Надо прямо и решительно заявить во всеуслышание: Богословский институт никогда не считал домыслов о. Сергия сво-

им официальным богословием. Никакой своей школы о. Сергий у нас так и не мог создать. Больше того, он не оставил в среде своих бывших слушателей, а теперь и преподавателей, ни одного ученика. Никакого “парижского богословия” нет! Да для настоящего церковного слуха и богословского вкуса это выражение звучит нестерпимой фальшью и провинциализмом. Оно может существовать только в воображении подозрительных ко всему обскурантов.

Повторяем: сила и значение о. Сергия не в этом. Его идеи, вероятно, останутся, по меткому слову А.В. Карташева, “продуктом типографского станка и мертвыми обитателями библиотечных полок”. Но те, кому Бог судил встретить о. Сергия, жить и молиться с ним, работать под общим кровом и одинаково чувствовать многое, те никогда не забудут величия его личности, его молитвенного горения, иконописности его прекрасного облика»³³¹.

Из слов архимандрита Киприана видно, что отталкивание воспитанников Института от учения Булгакова о Софии основывалось уже не на политических страстях, а на чисто богословских возражениях, разбор которых вышел бы за пределы данного исследования. Важно только отметить недоверие этого поколения к религиозной философии, увлекавшей отцов. Истину нужно искать не в философии, а в традиционном православном богословии, в церковном предании, в духовно-аскетической литературе.

«Любить Православие, — пишет в “Вестнике” С.С. Верховской³³², — значит положить жизнь на его познание, а это значит все спорное судить только им, а не клясться именами сомнительных авторитетов современности. Дело, конечно, не в современности как таковой, но в том, что образованное русское церковное общество привыкло часто понимать Православие сквозь русскую религиозную мысль (если не с помощью инославной науки). Настало время критически пересмотреть прошлое русской религиозной мысли, многое в ней неправославно. Книжный критерий Православия в Писании, Соборах и Патристике. По существу же Православие есть сама живая истина»³³³.

Но под традиционным православием подразумевалось уже возвращение не к русской национальной религии, а к христианству первых веков, к вселенской Церкви, призванной Богом объединить всех верующих в некий новый «благодатный» народ, не совпадающий ни с эллинами, ни с иудеями, ни с какой вообще исторической национальностью. Эта вера во вселенское призвание Православия соединялась с пламенными миссионерскими мечтаниями. Если Православие истинная вера, то проповедь и распространение его священней долг каждого православного. А для того, чтобы проповедовать Православие,

нужно жить в церкви — как можно чаще принимать участие в таинствах, совершаемых пастырями, поставленными в порядке апостольского преемства.

Это был мистицизм, но не мистицизм уединенных созерцательных восхищений, к которым церковь всегда относится настороженно, опасаясь, что в огне, вдруг озаряющем сознание иллюмината, вместе со всеми земными образами и понятиями могут расплавиться и догматы церковного вероучения. Нет, это был скорее мистицизм храмового благочестия и литургической практики, мистицизм соединения с Богом в приятии Святых Тайн.

Поскольку данное исследование касается, главным образом, общественных идей эмигрантских сыновей, тут важно выяснить только одно: чем был для молодой церковной интеллигенции этот опыт литургического мистицизма? Соединением с божественной любовью, требующей возвращения в мир и отдачи себя делу спасения людей и всей твари от страданий и гибели? или почти индусским уходом от страшного земного существования в некое блаженное надмирное инобытие?

Осуждение софианства о. С. Булгакова могло тут иметь и отрицательные и положительные последствия. Самым опасным из таких возможных последствий было бы равнодушие к вере отцов в «богочеловеческое» дело строительства земного Града.

После страшного опыта революции недоверие к мечтателям, которые думают, что социальную действительность можно перекраивать по теоретическим схемам, легко понять. Но реакция зашла слишком далеко: церковная молодежь не почувствовала значения замысла соединить в одном мирозерцании религиозную углубленность с орденской верой, что человеческое действие может преобразить общество.

Опасность тут была не в другом понимании идеи социального христианства, а в равнодушии к этой идее вообще. Если совершенная жизнь на земле, жизнь во Христе, сводится к каждодневному участию в литургических тайнодействиях, то стоит ли тогда беспокоиться о социальном вопросе и о судьбе культуры?

Вся социальная и воспитательная, культуртрегерская работа Русского студенческого христианского движения и некоторые высказывания воспитанников Богословского института говорят за то, что новое поколение эмигрантской церковной и околоцерковной интеллигенции, вероятно, не поддастся соблазну отрешения от исторического делания.

В сборнике «Православие в жизни» (Издательство имени Чехова, 1953 г.) проф. С.С. Верховской в статье «Христианство» пишет:

«Церковь не призвана замыкаться в свои настоящие границы, с равнодушием или страхом относясь к окружающему миру. В замысле Божиим Церковь есть закваска, которая должна преобразить постепенно весь мир; она есть воинство Христово, призванное завоевать человечество Христу; она должна быть для мира источником добра и истины. Всем этим Церковь может быть только, если христиане будут одушевлены любовью к человечеству, если судьба других людей будет им так же близка, как своя собственная...

Для каждого христианина церковно-общественная, храмовая, богословская жизнь есть путь в Царство Божие и проявление его в мире. Однако многовековой опыт церковной истории и то, что мы видим вокруг, показывает нам, что огромное количество христиан видят во всем перечисленном не путь, но самое содержание христианской жизни, думая, что одна только набожность, или церковная деятельность, или богословские знания, или качество знатока церковного искусства дают уже право почитаться истинным христианином... Очень часто церковное общество возглавляется людьми, в которых нет христианской духовности, и именно по таким людям судят о христианстве. Этот круг церковников усиленно поддерживает взгляд, что люди спасаются внешними благочестием и послушанием, реже прибавляя к ним и церковную культуру. Так учили и книжники и фарисеи. Христианское фарисейство есть жестокое оскорбление Христа, распятого древними фарисеями... Повторим еще раз: сущность христианства в действительном соединении с Богом и людьми во Христе, что равносильно жизни в любви и истине; все остальное есть лишь путь к сокровищу Царства Божия или явление его»³³⁴.

Такое же предупреждение христианам, ушедшим в храмовое благочестие, как в некое сладостное «инобытие», и забывшим, что мир сотворен Богом и населен ближними, звучит и в статье прот. А. Шмемана³³⁵, представителя поколения, которое можно было бы назвать поколением сверстников эмиграции³³⁶.

«Здесь невозможно, — говорит он, — даже кратко описать той страшной неудачи, которую потерпело христианство на своем историческом пути. Эта неудача и была, прежде всего, неудачей “практической”: вместо реального получилось только номинальное освящение мира, государства, общества. И не в том, конечно, неудача, что не был достигнут “идеал” христианского мира, ибо сам этот идеал реалистичен и укоренен в знании о силе зла в мире. А в том, что христиане удовлетворились в конечном итоге “символизмом”, начали сами воспринимать свою веру (некогда “победу, победившую мир”) как всего лишь сим-

вол горнего Иерусалима, которому нет настоящего воплощения в “настоящих условиях”»³³⁷.

Подобные заявления дают основание надеяться, что связанная с отталкиванием от софианства о. С. Булгакова опасность равнодушия к социальному деланию будет устранена.

К тому же это отталкивание имело и некоторые положительные последствия. Из учения отца Сергия можно было сделать реакционные выводы о священности теократического государства, частной собственности, быта, всего вообще «органического». Не принимая софиологии Булгакова, молодые эмигрантские церковные деятели этого соблазна избежали. В их, к сожалению, редких высказываниях по общественным вопросам не найти и тени национально-органического мировоззрения, бытового исповедничества, симфонических личностей, высших, чем личность человека, — всего, что сыграло такую злосчастную роль в судьбе евразийства и пореволюционных течений.

Привожу выдержки из статьи С. Верховского, на которую я уже ссылался:

«Христианство исповедует незаменимую ценность каждой человеческой личности, высочайшую ценность личного бытия вообще. Только личность может быть духовной; только личность может обладать неповторимым своеобразием, быть источником новой жизни, нового творчества, источником любви и носительницей счастья... В каждом человеке, с которым мы вступаем в общение, мы находим целый новый мир, новую возможность любви и взаимного обогащения. В каждом из нас есть возможность всего, но никто из нас не может все осуществить. У каждого есть свой особый личный дар, свое особое назначение, и это назначение всегда связано с нашим отношением к другим людям. Только в единстве и сотрудничестве мы составляем подлинное целое, только общая жизнь есть подлинная жизнь. Каждое общество и все человечество есть как бы единое многоликое существо.

Люди могут быть связаны чем-либо одним: работой, профессией, общим интересом к чему-либо, общим идеалом или задачей. В таком случае ценность их объединения прямо пропорциональна ценности того, что их объединяет; при этом всегда остается самая односторонность... Общество может объединять людей и всесторонне, например, в семье или народе. Семейное или народное единство само по себе, конечно, положительно, но очень важно обратить внимание на то, что содержание семейной или народной жизни может быть крайне различно: оно может быть и бедно, и богато, и хорошо, и плохо. Если мы считаем, что все, чем живет наша семья или народ, прекрасно — только потому, что это наша семья или народ, то мы идолопоклонствуем.

* «Вестник русского студенческого христианского движения», № 29, 1953 г.

Христианство не отрицает ценности всякого единения людей, лишь бы только оно было в чем-то положительном. Но оно видит высшую ценность отношений между людьми там, где они основаны на любви человека к человеку, только потому, что он человек. Быть человеком есть достаточное основание, чтобы быть любимым, и нет причины любить в человеке, например, только его талант или какое-либо одно свойство, или класс или национальность, а не все, что в нем есть положительного... Если бы мы любили всех людей как людей, то наша любовь в пределе распространилась бы на всё человечество. К этому и зовет христианство. Христианин и в политике должен быть христианином. Христианская политика возможна в ту меру, в какую политика связана с вопросами о человеческих взаимоотношениях, о нравственных правах и обязанностях человека и о его духовных нуждах.

Чрезвычайно важно помнить, что все основы личной нравственности остаются в силе и для любого общества. Если каждый человек должен подчиняться истине и жить в смирении, любви, правде и мире, то это относится и к обществу. Только соединение всех людей, классов, народов и рас в одной истине и правде, во взаимном уважении, симпатии, согласии и сотрудничестве — может считаться христианским идеалом. Эгоизм, гордыня, вражда, ненависть во всех своих формах отвратительны христианству. Будущее всего мира и каждого народа зависит от принятия этой истины; классовая, национальная и расовая ненависть готовы погубить человечество. Никто не может отрицать этой очевидности. Надо понять, что быть человеком неизмеримо важнее, чем быть рабочим или капиталистом, русским или немцем, белым или черным; всякое эгоистическое и горделивое обособление в каких бы то ни было границах — личных, классовых, национальных, расовых — есть чистое зло. Люди не поймут этого, пока не поймут, что главное в человеке есть дух, а дух человеческий живет Богом. Бог, добро, истина и красота не делятся по расам, народам и классам. С другой стороны, каждый человек и каждое общество имеет право на внутреннюю свободу, достоинство и своеобразие в пределах общего единства»³³⁸.

В статье Верховского нет и намека на какой-либо замысел политических или социальных реформ, в ней говорится только, что в гражданской жизни христианин должен всегда помнить о евангельском утверждении абсолютной ценности личности и братства всех людей. Но этого уже достаточно, чтобы в известной мере определить христианский общественный идеал и почувствовать несовместимость этого идеала со всяким учением, которое ставит государство, класс или нацию выше человека. Христианин не может быть ни фашист-

том, ни национал-социалистом, ни большевиком. В напоминании об этом главная заслуга статьи Верховского. Если бы все эмигрантские сыновья так же ясно, как он, это сознавали, не было бы тех уклонов в фашизм или в советский патриотизм, которые погубили пореволюционные движения, возникшие, как мы видели, из мечтания о «социальном раскрытии христианства». Вот почему, если для воспитания эмигрантских молодых людей будет когда-нибудь издана памятка христианина и демократа, я поместил бы в ней приведенные выше цитаты из Верховского. Заключительная часть его статьи свидетельствует к тому же, что при всем своем недоверии к русской религиозной философии он не забыл самой сущности русской идеи — «любви беззаветной», зовущей к героической и жертвенной общественной борьбе. Он пишет: «Но любовь к Богу и людям, любовь к правде и добру выводят нас на борьбу со злом в человеческом обществе; грубая ошибка думать, что только личное зло должно возмущать христианина; равнодушие ко злу в общественной и мировой жизни и в культуре есть начало расслабления и разложения христианского общества. Путь общественной борьбы почти всегда приводит к необходимости жертвы, страданий, возможно к смерти. Если мы любим Бога и людей, добро и истину, мы должны быть готовы к испытаниям. Когда мы малодушествуем, мы не избавляемся от страданий, так как совесть обличает нас и мы внутренне надламываемся... Борьба со злом ограничивает его; но даже если она не дает сразу плодов, она во всяком случае разделяет добро от зла и показывает силу добра, хотя бы в мученичестве. Поскольку мы чувствуем себя виновными перед Богом и людьми, наша жертва ради них приобретает искупительное значение»³³⁹.

К сожалению, кроме статьи Верховского, трудно найти в печати какие-либо другие высказывания, которые отражали бы общественные взгляды нового поколения богословов. Назову еще книгу прот. А. Шмемана «Исторический путь православия»*. Мы находим в ней чрезвычайно важное и ответственное признание христианами тех начал, которые Алданов предложил назвать «субстанцией» демократии. Излагая историю «Миланского эдикта»³⁴⁰, прот. А. Шмеман говорит:

«О смысле Миланского решения велись жаркие споры среди историков. Что означала эта религиозная свобода? Если, провозглашая ее, Константин вдохновлялся христианской идеей независимости религиозного убеждения от государства, то почему просуществовала она так недолго, так быстро уступила место безраздельной и принудительной монополии христианства, навеки уничтожившей всякую религиозную свободу? Ответ может быть только один: свобо-

* Издательство имени Чехова, 1954 г.

да Константина не была христианской свободой. Понадобились столетия, чтобы то новое понимание личности, которое всеми своими корнями вырастает из Евангелия, проросло постепенно и в новое понимание государства, ограничило его неотъемлемыми правами этой личности. Мы знаем теперь, сколь мучительным оказался этот процесс, знаем, увы, и то, что сами христиане далеко не всегда были в нем носителями именно христианской, евангельской истины. Не состоит ли трагедия новой истории прежде всего в том, что самая христианская из всех идей нашего мира, идея абсолютной ценности человеческой личности, исторически оказалась выдвинутой и защищаемой против церковного общества, роковым символом борьбы против Церкви? А случилось это как раз потому, что с самого начала сознание христиан заврожено было обращением Константина: оно-то и помешало Церкви пересмотреть в евангельском свете теократический абсолютизм античной государственности, а, напротив, его самого слишком надолго сделало неотъемлемой частью христианского восприятия мира»³⁴¹.

Другая работа прот. А. Шмемана, статья, приуроченная к тридцатилетию Православного богословского института в Париже³⁴², многое объясняет в настроениях новой, воспитанной в эмиграции церковной интеллигенции. Отвергая софианство и все то, что обычно выводилось из софианства (почвенничество, представление о Церкви, государстве и нации как о каких-то сверхличностях), это поколение в то же время полностью принимает «русскую идею» — веру в христианство как религию не потустороннего личного спасения, а космического воплощения. Прот. А. Шмеман пишет: «...Об “историческом делании”. Конечно, здесь, в этом возврате к исторической ответственности, к осознанию христианства “солью мира” — вечная, негаснущая заслуга русской религиозной мысли. Это сознание ответственности за мир, за культуру, за человеческое общество, за все “ценности” — роднит Хомякова, Соловьева, Федорова, Достоевского, Булгакова, Бердяева, Карташева, Зеньковского, Федотова, при всем разнообразии их подхода к этим проблемам и предлагаемых решений.

В русской религиозной мысли Православие снова себя осознало как закваска, которая “должна поднять все тесто”. Это был переход от статической историософии православного средневековья к святоотеческой вере в “крест как врачество твари”. От оправдания и “реформы теократии” Карташева до социализма Федотова это было все то же устремление. И каковы бы ни были разногласия “детей” и “отцов”, отказаться от этого завета нельзя, не отрекшись от самого глубокого, самого лучшего в духовном наследии России. Перед волной

зловещего обскурантизма, все сильнее захлестывающего эмиграцию, страшно становится за будущее этой действительно русской идеи. Но, слава Богу, есть основания думать, что эта традиция не оборвалась и не оборвется...»

Утверждение о. А. Шмемана имеет исключительно важное значение. Старшее поколение, продолжавшее в эмиграции дело русской культуры, вымирает. Это вымирание ведет к устрашающему и трагическому снижению уровня эмигрантской жизни.

Ю.Ф. Самарин писал: «Мысль бросить все и поднять с земли нить размышлений, выпавшую из рук умиравшего Хомякова, меня много раз занимала»³⁴³. Так должно быть и в эмиграции. Эмигрантские сыновья должны проникнуться готовностью поднять с земли нить размышлений, выпавшую из рук уходящих «отцов». Воспитанники парижского Православного богословского института наиболее квалифицированы. Поймут ли они это так же ясно, как о. А. Шмеман? В зависимости от этого определится их место в истории русской культуры.

Для второго издания «Незамеченного поколения» я этой главы не перedelывал. Но к ней необходимо послесловие. Сегодня из поколения «отцов» уже мало кто остался в живых. Их дело продолжают сыновья и внуки. И Православным богословским институтом в Париже, и Свято-Владимирской академией в Америке, и «Вестником РСХД», и издательством «ИМКА-пресс» руководят теперь представители незамеченного поколения и следующих эмигрантских поколений. Благодаря их самоотверженному героическому служению, эти очаги русской духовной культуры не только не заглохли, но стали передатчиками бие-ния сердца России. Так, «ИМКА-пресс» издает все больше книг, запретных в Советском Союзе, все больше рукописей, которые доходят оттуда окольными путями³⁴⁴. «ИМКЕ» Александр Солженицын посылал свои рукописи, когда еще был на родине. И «Вестник РСХД» тоже теперь журнал уже не только эмигрантский, но и «тамиздатный», один из лучших в наше время русских журналов, значение которого для русской духовной жизни все возрастает³⁴⁵.

В последние годы «Вестник РСХД» выходит уже не тонкими тетрадами, как прежде, а книгами до трехсот, а то и больше страниц. В каждом номере три главных отдела: 1) богословие, философия, церковная жизнь; 2) литература; 3) общественные вопросы, судьбы России. В этом последнем отделе главным образом статьи «оттуда». Начиная со 111-го номера печатаются неизданные отрывки из романов Солженицына. Но это уже начало нового, третьего периода

истории эмиграции, а эта книга только о первом периоде, до прибытия послевоенной эмиграции.

Поэтому упомяну только о двойном номере (101–102) «Вестника РСХД»³⁴⁶, посвященном сотой годовщине рождения о. С. Булгакова (1871 г.). Главные статьи написаны эмигрантскими сыновьями. Их отношение к отцу Сергию изменилось. Никто из них уже не думает, что его православие сомнительно и что его идеи останутся «мертвыми обитателями библиотечных полок». Ответственный редактор «Вестника РСХД» Никита Струве, называя отца Сергия «великим русским мыслителем и богословом», пишет: «Величествен его богословский подвиг. О. Сергей Булгаков не только построил стройную систему, он избавил раз и навсегда русское, вернее, православное богословие от школьности, рутины, от робости и духа боязни, вернув ему ту царственную свободу, которая была присуща патриотическим векам. Больше того, он укоренил богословие в опыте церковной жизни, сохраняя при этом свободу богословского мнения»³⁴⁷.

К.Я. Андроников³⁴⁸ говорит об отце Сергии как о пророке и резко осуждает всякое заподозривание его в ереси³⁴⁹. Прот. Александр Шмеман, оговариваясь, что никогда не был «софианцем», все же признает о. Сергия «одним из самых замечательных людей последнего трагического полувека русской истории»³⁵⁰. Прот. Алексей Князев³⁵¹, теперешний декан Богословского института, тоже не все принимает в богословской системе о. Сергия, но он пишет: «После о. Сергия схоластические методы и приемы, утвердившиеся одно время в православном школьном богословии, стали совершенно невозможными. Все православные богословы наших дней, даже несогласные с учением о. Сергия, но хотящие богословствовать из полноты церковной жизни, исходящие из Предания как живого опыта богопознания, осуществляющегося Святым Духом в Церкви, являются, по существу, его последователями»³⁵².

Прот. Георгий Сериков³⁵³ называет о. Сергия величайшим богословом нашего времени и сравнивает его учение об апокатастазисе³⁵⁴ с учением «величайшего из Отцов Церкви» святителя Григория Нисского³⁵⁵. Все эти статьи свидетельствуют о «реабилитации» богословского творчества о. С. Булгакова в глазах сыновей, но изменилось ли их отношение к социальной стороне его идей? Никто из них не вспомнил, что он был одним из вдохновителей и сотрудников «Нового града».

Зато ощутимо изменилось отношение к Западу. Оно стало более мудрым, от эмигрантского комплекса неполноценности не осталось и следа. Приведу выдержки из статьи безвременно погибшего в автомобильной катастрофе Пет-

ра Алексеевича Струве³⁵⁶. Статья эта, «Пути Русского Студенческого Христианского Движения», была напечатана в «Русской мысли» (№ 2085, 12 декабря 1963 г.). Цитирую: «Идея гнилого или гниющего Запада, высказанная впервые в 40-х годах Шевыревым, прочно вошла в русское подсознание и просочилась в целый ряд весьма противоположных идеологий. Мы будем недалеко от правды, если скажем, что советская оппозиция Западу, при наличии специфической терминологии, питается у тех же истоков, что и часто встречающаяся тенденция в эмиграции самоутверждаться в противовес Западу... Но наряду с ярко выраженной критикой Запада, у русских мыслителей нередко встречается и тяга к тому же самому Западу. Достоевский, словами Ивана Карамазова, называет Европу “дорогим кладбищем”, а в другом месте он пишет: “У нас, русских, две родины — Европа и наша Русь”. То, что для Достоевского и его современников было лишь отвлеченной и не совсем ясной мыслью, стало для нас, детей первого поколения эмиграции, сугубой реальностью... За наше почти 50-летнее пребывание на Западе мы не только книжно, но и жизненно приобщились к западноевропейскому достоянию и, будучи богатыми двумя культурами, поняли, что Россия и Запад не противопологающиеся, но комплементарные, друг друга пополняющие начала...»

Глава четвертая

Парижский русский Монпарнас

Ему казалось, что он ни о чем не думает:
но далеко и глубоко где-то что-то важное
думала его душа.

Л. Толстой. «Война и мир»³⁵⁷

Дальше, дальше, и кивают флаги,
Хороши они, Поплавский мой,
Царства монпарнасского царевич!

Николай Оцуп. «Дневник в стихах»³⁵⁸

Во избежание недоразумений: я не литературовед и это не обзор литературы эмигрантских сыновей, а попытка понять отраженный в ней опыт.

Секретариат Русского студенческого христианского движения помещался в Париже, на бульваре Монпарнас, в доме № 10. На другом конце того же бульвара Монпарнас, на пересечении его с бульваром Распай существовал другой мир: несколько открытых всю ночь кафе («Ротонда»³⁵⁹), где собирались парижские художники, которые после Первой мировой войны перекочевали сюда с Монмартра. Эти кафе³⁶⁰ и стали местом сборищ самых эмигрантских из всех эмигрантских поэтов и писателей. Отсюда и пошло: «русский Монпарнас».

В 1927 году, когда я начал ходить на Монпарнас, было уже поздно. Я не застал происходившие в кафе «Хамелеон»³⁶¹ собрания «Палаты поэтов»³⁶², созданной Парнахом, Шаршуном и Гингером. Правда, я все же успел попасть на устроенный русскими художниками костюмированный бал Жюль Верн, на котором сошлись художники и натурщицы со всего Парижа и весь русский Монпарнас. При входе раздавали написанную Поплавским афишку³⁶³. Помню из нее только одну фразу: «тому, кто прочтет наизусть роман Пруста “В поисках утраченного времени”, будет выдан шоколадный бюстик Жюля Верна». Но русские художники и русские поэты собирались уже в разных кафе: художники в «Доме», поэты – в «Селекте». Их развела жизнь: художники все более станови-

лись полноправными гражданами парижской республики. Они могли уже, кто хуже, кто лучше, жить продажей своих картин.

А для поэтов продолжалась нищета и отверженность. Ходасевич в статье «О смерти Поплавского» писал: «За столиками Монпарнаса сидят люди, из которых многие днем не обедали, а вечером затрудняются спросить себе чашку кофе. На Монпарнасе порой сидят до утра, потому что ночевать негде. Вздор, пошлый вздор, выдуманый слишком сытыми людьми, — будто бедность способствует творчеству, чуть ли не “стимулирует” его. Человек, не выпавшийся, потому что у него нет пристанища, человек, которого мутит от голода, человек, у которого нет угла, чтобы уединиться, — писать не может, хоть будь он сто раз гением. Надо быть полным невеждой либо не иметь совести, чтобы сравнивать нужду Монпарнаса с нуждой прежних писателей. Дневной бюджет Поплавского равнялся семи франкам, из которых три отдавал он приятелю. Достоевский рядом с Поплавским был то, что Рокфеллер рядом со мной. Настолько же богаче Монпарнаса эмигрантские писатели старшего поколения»³⁶⁴.

Завсегдатай Монпарнасских сборищ Ходасевич хорошо знал, как живут молодые эмигрантские писатели и поэты и к преувеличениям был не склонен. Зинаида Гиппиус на Монпарнасе не бывала, но зато Монпарнас почти в полном составе появлялся на воскресных чаепитиях у Мережковских. (В своей книге «Встречи»^{**}, вышедшей в издательстве имени Чехова, Ю. Терапиано очень верно и живо описал этот последний русский «литературный салон».) Обстоятельства жизни большинства «молодых» З. Гиппиус знала так же хорошо, как Ходасевич, и писала об этих обстоятельствах то же самое, что он. Приведу выдержку из ее статьи в сборнике «Литературный смотр» (Париж, 1939 г.): «Мне возражат, что и в старой России начинающий писатель не мог жить литературой, и что некоторые из больших наших писателей терпели в юности жестокую нужду — Некрасов, например. Это возражение легко отвести уже потому, что русские в России — одно, а русские в чужой стране — совсем другое. Тогда, там, отдельные начинающие писатели могли гибнуть (и гибли, вероятно), но чтобы гибло целое литературное поколение — об этом и мысли быть не могло. А сейчас, ввиду одних материальных условий, можно опасаться и этого»³⁶⁵.

Кто бывал в те годы на Монпарнасе, вероятно, с Гиппиус и Ходасевичем согласится. Вряд ли было лучше и в других местах эмигрантского рассеяния. Живший тогда в Праге В. Мансветов жаловался:

Казалось — не брит был, а вправду — не признан
и беден диковинно: от пиджака

* «Литературные статьи и воспоминания», стр. 235–241, из «Возрождения», 1935 г.

** Изд. им. Чехова, Н.-Й., 1953 г.

потертого и — до потери отчизны,
почти до потери души...³⁶⁶

Но нищета была, быть может, еще не самым страшным последствием социальной отверженности поэтов и писателей незамеченного поколения. Каждый из них мог бы повторить о своей жизни в те годы в Париже слова Декарта о днях, проведенных им в Амстердаме: «Среди великого народа, чрезвычайно деятельного, но более занятого своими собственными делами, чем интересующегося чужими, я мог жить так же одиноко и уединенно, как в самой далекой пустыне»³⁶⁷.

Чужбина литературой эмигрантских сыновей не интересовалась: ведь эта литература никого не представляла, никакого важного социального процесса не «отображала».

Но и в Зарубежной России завсегдатаи «Селекта» жили «как в далекой пустыне». В 1930 году в статье «Литература в изгнании» Ходасевич писал: «В произведениях молодых наших авторов, у поэтов в особенности, очень ясно звучит мотив одиночества и заброшенности. Конечно, он объясняется прежде всего и преимущественно их положением среди окружающей европейской жизни. Но я глубоко убежден, что тут сказалось и то, что в недрах самой эмиграции молодая литература не обрела себе родины»³⁶⁸.

Чем объяснить, что младшие эмигрантские писатели оказались в таком одиночестве, в такой нищете? Ведь в те годы Париж был в большей степени культурной столицей России, чем Петербург или Москва. Здесь жили тогда лучшие русские писатели, философы, артисты; здесь еще продолжался русский ренессанс начала века. Со своими журналами, газетами; политическими партиями, землячествами, союзами, театрами, гимназиями и университетами Зарубежная Россия была тогда своего рода государством в государстве. В этой беженской экстерриториальной стране, как в колонии атлантов, чудом сохранившейся после гибели Атлантиды, старшие эмигрантские писатели находили и моральную и материальную поддержку. Но для младших в ней не было места. Их литература была эмиграции не нужна. Почему?

Превратившись в беженстве в чернорабочих и шоферов такси, русские эмигранты страдали особой формой отчуждения, особой формой раздвоения личности. Лучшая часть их «я» не участвовала в жизни тех стран, куда они попали на самые тяжелые работы и где на них смотрели как на «грязных метеков». Но в своем собственном представлении они продолжали оставаться русскими офицерами, чиновниками, дворянами, интеллигентами. Когда же они думали о своем новом положении, им казалось, что это тягостное и непонятное, но, сла-

ва Богу, только временное недоразумение. Все их помыслы были не об этой временной, «ненастоящей» жизни, а о будущем — «когда мы в Россию вернемся»³⁶⁹, и о прошлом, недоступном вторжениям равнодушно враждебной чужбины. Чем горше была беженская доля, тем ярче воскресали в памяти видения отчего дома, детства, юности, всей славы и счастья прежней жизни на родине. Измученным, все потерявшим людям эти воспоминания позволяли забывать тоску эмигрантщины и жить в соединении со всем тем святым, великим, добрым, прекрасным и вечным, чем была в их сознании Россия: светлый нетленный град Китеж, за стенами которого воскресало «настоящее» «я» эмигранта. Понятно, что этим людям и книги были нужны только такие, в которых рассказывалось о потерянном рае дореволюционных московских праздников. Степень художественности таких книг не имела решающего значения. В то время встречались люди, искренне верившие, что П.Н. Краснов как писатель выше Льва Толстого. Краснов, — говорили они, — восславил непонятые Толстым величие и правду царской России и был не случайный военный, а генерал, и поэтому лучше описал войну³⁷⁰.

Молодые таких книг писать не могли — прежнего русского быта они не знали. Только от старших они слышали рассказы о жизни в разрушенной революцией родимой Трое, гибель которой они видели детьми. Их эмигрантский опыт был другим, чем опыт отцов. Они не участвовали в круговой поруке общеэмигрантских воспоминаний.

Борис Поплавский говорил:

«Новая эмигрантская литература, та, что сложилась в изгнании, честно сознается, что ничего иного не знает и что ее лучшие годы, годы наиболее интенсивного отзвука на окружающее, проходят здесь, в Париже. Не Россия и не Франция, а Париж (или Прага, Ревель и т.д.) ее родина, с какой-то только отдаленной проекцией на русскую бесконечность»³⁷¹.

Такая литература была не нужна людям, которые знали только одну родину: прежнюю великую Россию. Только в верности ей они находили смысл и подлинность своей жизни. Но не только «белогвардейскому» эмигрантскому народу была не нужна литература молодых монпарнасских мечтателей, не нужна она оказалась и демократической эмигрантской общественности. «Отцы»-интеллигенты смотрели на них, как в свое время Золя на символистов: символисты-де хотели «противопоставить позитивистской работе целого столетия туманный лепет, вздорные стихи на двугривенный — произведения кучки трактирных завсегдатаев»³⁷². Вечные шестидесятники узнавали в поэзии монпар-

насских «огарочников» все отвратительные им черты декадентства: мистицизм, манерность, аморализм, антисоциальность, упадочную форму, упадочные настроения.

В 1930 году на открытом литературном вечере, устроенном «Числами», П.Н. Милюков, не подозревая мифологического характера соцреализма, заявил: «Сейчас, в то время, когда в России литература возвращается к здоровому реализму, здесь, в эмиграции, часть литераторов, в частности те, которые сотрудничают в “Числах”, продолжают оставаться на позициях отрыва от жизни»³⁷³. Милюков не задавался вопросом, как произошел этот отрыв, эта ампутация.

В эмигрантском обиходе молодые поэты и писатели, особенно монпарнасские, которые отказывались подражать старшим эмигрантским писателям, пришлось не ко двору. Борис Поплавский почти с восхищением рассказывал мне, что его родной отец, который, впрочем, очень его любил, никогда не читал его стихов, ни одной строчки. Вот показательный пример отношения эмиграции к литературе своих эмигрантских сыновей. Правда, делались отдельные попытки это положение изменить. Так, в 1926 году Марк Слоним, в то время самодержавный редактор литературного отдела «Воли России», первый начал печатать молодых, до того совершенно неизвестных³⁷⁴. В частности, в нескольких номерах подряд были напечатаны стихотворения Поплавского³⁷⁵. В конце 1928 года Марк Слоним устроил даже конкурс на рассказ в полтора печатных листа³⁷⁶. Появление молодых в «Воле России» пробило им путь и в другие журналы. Даже «Современные записки» стали некоторых молодых монпарнасских поэтов и писателей печатать³⁷⁷, правда, по выражению одного из редакторов, «с отвращением»³⁷⁸. Впоследствии возникали журналы и сборники, где молодых печатали уже без отвращения³⁷⁹. Но все эти усилия не могли превозмочь равнодушие эмиграции к монпарнасской литературе. Вот почему одиночество эмигрантских сыновей было еще больше одиночества отцов. У тех, как мы видели, еще оставалась опора: воспоминания, эмигрантская общественность, место в экстерриториальной Зарубежной России, а у сыновей не было места нигде, ни в каком обществе. «Писатель... Да, в мечтах, в дневниках... Никто... Никого... Ничто... Никакого народа... Никакого социального происхождения... Политической партии, вероисповедания...»³⁸⁰ — так в романе «Домой с небес» Поплавский описывает под именем Олега самого себя. О многих других монпарнасских поэтах и героях все это можно повторить.

Князь Д. Святополк-Мирский писал, что Борис Поплавский поэт скорее парижский, чем русский³⁸¹. Семен Карлинский идет еще дальше: «Поплавский, —

говорит он, — в известном смысле очень хороший французский поэт, которого относят к русской литературе главным образом только потому, что он писал по-русски»³⁸². На первый взгляд все это кажется очень верным. Влияние французской поэзии на Поплавского несомненно. В нем чувствовалась прямо какая-то родственная близость к парижским «проклятым поэтам». Его стихотворение о Рембо написано словно по личным воспоминаниям:

Был полон Лондон
Толпой шутов,
И ехать в Конго
Рембо готов.

Средь сальных фраков
И кутерьмы
У блюда раков
Сидели мы.

Блестит колено
Его штанов,
А у Верлена
Был красный нос³⁸³.

Поплавского и вправду легко себе представить в кафе за одним столиком с Рембо и Верленом. Они приняли бы его, как своего. Может быть, так и будет в раю. Но ни с одним современным французским литератором Поплавский знаком не был, ни в какие французские редакции и литературные салоны не был вхож. Да, он с семнадцати лет жил во Франции и сложился под влиянием французской культуры, но американский литературовед Антони Олькот вряд ли прав, утверждая, что Поплавский был по меньшей мере наполовину француз³⁸⁴. А прав, по-моему, Адамович, когда говорит, что французская и западная вообще культура попала в случае Поплавского на психологически чуждую почву³⁸⁵. Думаю, на почву, чуждую не только психологически. Все сознание Поплавского было абсолютно иноприродно «острому галльскому смыслу», всей картезианской стороне французского гения. Нет, он был поэт не полуфранцузский и не парижский, а эмигрантский, русско-монпарнасский. Когда он говорит: «не Россия и не Франция, а Париж», нужно помнить, что его Париж — это Монпарнас, «где человек другой, чем повсюду, породы... вырванный из земли, как мандрагора»³⁸⁶.

Первая напечатанная глава из романа Поплавского «Аполлон Безобразов» была о Монпарнасе:

«Как всегда, какие-то неповторимо прекрасные сумерки лиловели за стеклами и какой-то бессмертный закат, одно описание которого заслуживает целой книги, изнемогал на небе, как близящийся к концу фейерверк, как весна, сгорающая в лете, как то невозвратное время, которое, казалось, не могло уже и продлиться более часа, но все еще длилось и лилось и ширилось, легко унося с собою нашу жизнь... Помню, сидел я тогда в «Ротонде»»³⁸⁷.

Поплавскому легко было это помнить, так как он сидел каждый вечер в «Ротонде» и в Париже не было никакого другого места, куда он мог пойти.

Я не участвую, не существую в мире,
Живу в кафе, как пьяницы живут³⁸⁸.

Поплавский, действительно, жил на Монпарнасе. Не будем слишком долго останавливаться на одиночестве и отверженности героев русского Монпарнаса, но, не помня об этой отверженности, нельзя понять тот особый монпарнасский воздух «распада и катастрофы», о котором, по-разному его оценивая, писали и Ходасевич, и Адамович³⁸⁹. Но это был в то же время и воздух безумной надежды. Поплавскому все казалось, что здесь, когда уже не останется в эмиграции никаких журналов и собраний, «в кафе, в поздний час, несколько погибших людей скажут настоящие слова».

Тому, кто не ходил в те годы в «Селект», трудно объяснить, чем был для нас русский Монпарнас. Я сам теперь почти с недоумением об этом думаю.

Объективно Монпарнас — это квартал Парижа, где жили художники. Здесь в нескольких открытых всю ночь кафе собирались и эти художники, и всякий сброд: праздные гуляки, натурщицы, проигравшиеся картежники, пьяницы, полусумасшедшие бродяги, наркоманы, проститутки, сутенеры и предтечи теперешних хиппи длинноволосые «монпарно». К двум часам ночи у стойки монпарнасских баров, казалось, воскресал знаменитый Двор Чудес. Франсуа Виллон не почувствовал бы себя здесь чужим. Показательно, что в «Последних новостях» Милюкова, лучшей в то время русской газете, сообщение о смерти Бориса Поплавского было напечатано под заголовком «Драма на монпарнасском дне»³⁹⁰. И Монпарнас был действительно одним из кругов парижского дна. В монпарнасских кафе мы соседствовали с очень странными представителями городской фауны. Но для нас в «Селекте» за обычными декорациями парижского кафе и за лицами грешников магически проступала глубина другой реальности. Наши составленные вместе столики, казалось, были отделены невидимой линией Брунгильды от всех других столиков, от Парижа, от всего враждебного

внешнего мира, где для нас не было места: обломок другой планеты, перенесшийся через невообразимое расстояние. Капище орфических посвящений, Ультима Туле, особое призрачное царство. Не случайно Николай Оцуп скажет о Поплавском: «Царства монпарнасского царевич!»³⁹¹ Монпарнас стал для нас мифологическим священным «пупом земли», где соединились ад, земля и небо.

Несколько человек особенно способствовали образованию монпарнасского «умонастроения»: Борис Поплавский, Сергей Шаршун, хотя он редко бывал на Монпарнасе, и «петербургские поэты»: Георгий Адамович, Георгий Иванов, Николай Оцуп. Но не Ходасевич. Впрочем, у Ходасевича была на Монпарнасе своя партия, но он ходил сюда главным образом, чтобы играть в бридж, и к беспардонным метафизическим монпарнасским спорам относился с насмешкой. Он сам о себе писал:

Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?
Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть, —
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?³⁹²

Мы не знали, что сделало Ходасевича таким, что произошло с ним «на середине рокового земного пути»³⁹³, но мы не могли простить ему ни его иронии, ни его критики стихов Поплавского³⁹⁴, ни его давней, еще с петербургских времен, ссоры с Георгием Ивановым, Адамовичем и Николаем Оцупом, ссоры, причины которой мы не знали³⁹⁵. А между тем именно Ходасевич с наибольшим сочувствием писал о смерти Поплавского³⁹⁶ и о трагической судьбе молодых эмигрантских поэтов и писателей.

В статье «Подвиг», написанной им в 1932 году, он говорит: «Молодежь наша не только не может жить литературным трудом (это становится трудно даже и для старшего поколения), но и попросту не имеет почти никакого литературного заработка. Она вынуждена писать урывками, в часы, после одуряющей службы в конторе, на заводе, после сидения за рулем, после изнурительно-го физического труда...

Если эмиграция даст зачахнуть молодой словесности, она не выполнит главного и, может быть, единственного своего назначения. Но и в этом случае будущий историк с любовью и удивлением преклонится перед подвигом тех, о

ком я говорю: перед талантливыми и бездарными, перед умными и неумными одинаково, ибо в доброй, в благой, в прекрасной воле своей они все равны»³⁹⁷.

Что ж, будем надеяться.

О чем говорили на Монпарнасе, не на разных литературных собраниях, которых немало тогда устраивалось, а именно за столиками «Селекта»? Когда после войны я прочел «L'Ège du Sourçon»³⁹⁸ Натали Саррот, я был удивлен. На каждом шагу я узнавал суждения, которые слышал на русском Монпарнасе, особенно в разговорах Адамовича и Поплавского. Недоверие к классическому роману XIX века, недоверие ко всему, кроме прямой проповеди и человеческого документа, убеждение, что открытие глубоких и тайных душевных состояний важнее развития фабулы, изображения характеров и воображаемых приключений воображаемых героев. Все эти идеи, вплоть до идеи «белой страницы»³⁹⁹, которые стали впоследствии одним из вариантов модной в 50-х годах теории «антиромана», обсуждались на нашем Монпарнасе еще до войны. Но мы не придавали всем этим идеям большого значения. Главным в монпарнасской литературной «идеологии» было совсем другое. Что же именно?

К сожалению, я не записывал разговоры Адамовича и Георгия Иванова и должен приводить теперь не эти произнесенные ими живые слова, а выдержки из написанного ими. Но это имеет и свою хорошую сторону: кто хочет, может проверить. Статью Адамовича «Несостоявшаяся прогулка» можно считать, мне кажется, как бы манифестом русского парижского Монпарнаса. Вот выдержка из этой статьи:

«Возвращаясь к литературе, я ничуть не настаиваю на том, что во всем, написанном “нами”, есть след непосредственных встреч с Богом, смертью и другими великими мировыми представлениями. Подлинные встречи редки и трагичны: они наперечет. Но заражен воздух, отзвук чужих, огромных катастроф докатился до всех, и мелкая разменная монета этого рода — в кармане каждого здешнего романиста или поэта. Похоже на то, будто какие-то отважные и гениальные аэронавты оторвались от земли, и, постраниствовав “в мирах иных”, вернулись сюда, — правда, только для того, чтобы умереть истерзанными, измученными, «в разливе синеющих крыл», как разбившийся о кавказские скалы блок-врубелевский демон... Но перед смертью они успели кое-что рассказать. А людям становилось уже скучно и страшно, рассказы пришлось по сердцу, возникли бесчисленные их переложения. Ничего другого слушать больше никто не хотел»⁴⁰⁰.

Нам казалось, это о нас сказано. Кому могло быть страшнее и скучнее, чем нам? Мы действительно не хотели больше слушать ничего другого. «И звуков небес заменить не могли ей скучные песни земли»⁴⁰¹. На нашем Монпарнасе многим в те годы Лермонтов был понятнее и ближе Пушкина.

Именно это влекло нас к «петербургским поэтам», нам представлялось, во всяком случае, мне представлялось: они застали еще то легендарное время, когда возвращались на землю последние из «отважных аэронавтов», и они были свидетелями, как Блок ждал, «когда оттуда ринутся лучи»⁴⁰², слышали от него об этих лучах. Мы наивно надеялись, они посвятят нас во все, что им тогда открылось, и мы верили: они сами продолжают ту баснословную прогулку. Когда Георгий Иванов в котелке и в английском пальто входил в «Селект», с ним входила, казалось, вся слава блоковского Петербурга, он вынес ее за границу, как когда-то Эней вынес на плечах из горящей Трои своего отца. И так же, как современники Данте, встречая его на улице, думали, что у него такое смуглое лицо, так как он действительно побывал в городе Дито и его опалило адское пламя, мы не сомневались в подлинности метафизического происшествия, описанного Георгием Ивановым: «Как на дне сознания, самом дне, отблеск нестерпимого сиянья пролетает иногда во мне, падаю в него и замечаю, что глядят соседи по трамваю странными глазами на меня»⁴⁰³.

В «Комментариях» Адамовича есть другой отрывок, который особенно повлиял на некоторых молодых завсегдатаев Монпарнаса. Цитирую:

«Было это в середине прошлого века:

Жила в Лионе молодая и богатая женщина мадам Гранье. Сохранился портрет ее: глубокие темные глаза, улыбка, легкая рука в браслетах, небрежно лежащая на спадающей с плеч шали... Почти красавица. Мадам Гранье считала себя счастливой: муж, двое маленьких детей, любовь, спокойствие, верность. Но муж заболел раком и умер, а за ним в течение одной недели умерли и дети. Первой мыслью было — покончить с собой. Но самоубийство отталкивает натуры сильные и чистые, — и мадам Гранье решила жить.

Не для себя, конечно; все «личное» было кончено — а с тем, чтобы кому-нибудь быть полезной. Но больные больным рознь. Мадам Гранье искала безнадежных, одиноких, всеми забытых. Услышала она как-то про старуху, страдающую раком лица, — и пошла проведать ее. В подвале, на гнилой соломе лежал «живой труп», издающий нестерпимое зловоние. Ни глаз, ни носа, ни зубов — сплошная кровоточивая рана. Мадам Гранье промыла старухе лицо, кое-как одела — и привезла ее в госпиталь. Врачи и сиделки отшатнулись и не пожелали

иметь дело с больной: никогда они такого ужаса не видели... Мадам Гранье убеждала, просила, умоляла их, и, наконец, чуть не плача, сказала: «Да, что с вами? чего вы боитесь? посмотрите, как она улыбается» — и прижалась к старухе щекой к щеке — к гнойной багровой язве, — а потом поцеловала ее в губы.

История эта — напоминающая флюберовского «Юлиана» — была недавно рассказана в одной французской газете. В память мадам Гранье основано общество — «Les dames du Calvaire».

Все, что делают люди, и все, чем они живут, похоже по форме на конус или пирамиду: внизу, в основании — площадь огромная, и всякой отрасли находится свое место. Наверху все сходится. Что такое литература, что такое искусство? Я прочел рассказ о мадам Гранье — и мне кажется, искусство должно быть похоже на то, что сделала она. Или точнее, на то, чем была она. Не в сострадании дело, — а в победе над материей, в освобождении, — скрипки Моцарта поют — об этом. И Павлова иногда — была об этом. «Бессмертья, может быть, залог» — иначе не скажешь⁴⁰⁴.

На Монпарнасе такое понимание искусства было многим по сердцу, но только с одной оговоркой: не принималось заявление, что «не в сострадании дело». Наоборот, многие чувствовали, дело именно в сострадании, в жалости, в милосердной любви. В своей статье в первом номере «Чисел» Поплавский писал: «Уже становится ясно, что вся грубая красота мира растворяется и тает в единой человеческой слезе, что насилие — грязь и низость, что одна отдаленная заячья лапа важнее Лувра и Пропилей»⁴⁰⁵.

Откуда взялась у Поплавского эта «отдаленная заячья лапа»? Я только недавно это понял. Семен Карлинский в большой статье о Поплавском в американском литературном журнале «Трай Квотерли» приводит выдержки из неизданных дневников Поплавского. В одной из записей Поплавский говорит о Блоке как о поэте абсолютной жалости и ссылается при этом на блоковского «Болотного попка». А в этом стихотворении, как читатель помнит, есть строчки:

И лягушке хромой, ковыляющей
Перевяжет болящую лапу,
Перекрестит и пустит гулять⁴⁰⁶.

Но вернемся к Адамовичу. Не соглашаясь с ним, что «не в сострадании дело», он просто, верно, не точно выразил мысль, я все же считаю этот пересказ заметки, прочитанной во французской газете, одним из самых важных текстов литературы не только эмигрантской. Мне скажут, кажется, по Уайльду, что из

хороших чувств обыкновенно получается плохое искусство⁴⁰⁷. По большей части это верно. Так мать Мария (Е.Ю. Скобцова), которую по степени христианского героизма можно сравнить с мадам Гранье, писала довольно слабые стихи и совсем плохие подчас статьи. Но не будь в мире того, что вдохновляло мадам Гранье и мать Марию, не было бы и всего великого европейского искусства, и особенно не было бы русской литературы.

На каком-то собрании, не помню, по какому поводу, Адамович совсем уже определенно заявил, что русская литература XIX века была как бы новым взрывом сил, вошедших в мир с христианством⁴⁰⁸. В том, что он научил «молодых» так смотреть на искусство, я вижу величайшую его заслугу. В те годы много говорили об эмигрантской миссии «хранения огня». Заметка Адамовича о мадам Гранье имеет к этому больше отношения, чем все написанное разными представителями «национально-почвенной мысли», и если эта заметка попадет когда-нибудь молодому советскому писателю, с еще не зачерствевшим сознанием, то невозможно себе представить, что она не вызовет в его душе хотя бы на мгновение далекого, смущающего отголоска.

Несмотря на сходное представление о том, чем должна быть литература, различие в жизненном опыте и воспитании между «петербургскими поэтами» и «молодыми» было очень велико. Это сказалось, когда в первом номере «Чисел» Адамович вернулся к спору о востоке и западе⁴⁰⁹.

Конечно, восток и запад Адамовича очень мало похожи на восток и запад предшествующих поколений. И все же линия исторического преемства еще не оборвана, порог еще не перейден: свои задушевные мысли о судьбе человека Адамович высказывает в привычной форме комментариев к знаменитому русскому спору. Никому из молодых не пришло бы это в голову. Выключенные из цепи поколений, они жили где-то вне истории, сбоку, откуда междоусобная распря славянофилов и западников казалась такой же далекой, как война Белой и Алой Розы. Непосредственно даны были только одиночество, бездомность, беспочвенность.

Исключения, конечно, были. Не говоря уже о Вадиме Андрееве⁴¹⁰, книги которого печатаются теперь в Советском Союзе, в известном смысле не был «эмигрантским писателем» и Леонид Зуров. Он всегда писал о России, о русских полях и озерах, о народе на войне и в революции. Древние стихии народной жизни он чувствовал даже глубже, чем кто-либо из старших писателей, разумеется, кроме Бунина. Были и рассказы о Гражданской войне — того же Зурова, Г. Газданова, И. Савина, Н. Татищева, В. Костецкого, Д. Леховича. В другой связи

я уже говорил о книге Р. Гуля «Конь рыжий». Были и очерки эмигрантского быта: «Дурачье» А. Алферова, «Бианкурские праздники» Н. Берберовой, «Дорога» М. Иванникова, повести А. Головиной, Аргуса, Н. Федоровой, Андрея Седых, В. Федорова, Г. Евангулова, Б. Сосинского и некоторых других. И если между многими младшими эмигрантскими писателями чувствовалось сходство, какое бывает между людьми, больными одной и той же болезнью, это не должно заслонять всего, что было в каждом из них по-настоящему индивидуального. Правильно было бы говорить не об общих им всем чертах, а именно о том, что каждого из них отличало от всех других. Но это потребовало бы отдельного исследования, в теперешних условиях почти невозможного.

«Молодые» поэты еще более или менее известны. Я уже приводил несколько парижских имен, названных Г.П. Федотовым в его статье о «парижской школе»⁴¹¹. К этому списку нужно прибавить еще целый ряд имен: Игорь Астров, Вадим Андреев, Е. Бакунина, Б. Божнев, А. Булкин, А. Величковский, Т. Величковская, Л. Ганский, А. Гингер, Н. Гронский, В. Дряхлов, Б. Закович, Л. Кельберин, Д. Кобяков, Ирина Кнорринг, Галина Кузнецова, А. Ладинский, В. Мамченко, Ю. Мандельштам, Анна Присманова, Георгий Раевский, П. Ставров, Екатерина Таубер, Ю. Терапиано, Н. Туроверов, А. Шиманская, О. Можайская, А. Горская, Г. Издебская.

Бывали в Париже наездами И. Голенищев-Кутузов, Юрий Иваск, В. Набоков-Сиринов, Зинаида Шаховская. В последние годы перед войной перебрались сюда Раиса Блох, Алла Головина, М. Горлин, В. Корвин-Пиотровский и София Прегель, и уже во время войны или после войны Ю. Одарченко и И. Чиннов. Переселились в Париж и двое пражских поэтов, А. Туринцев и С. Рафальский, но никакого участия в литературной жизни здесь не принимали.

Большинство парижан добилось с годами известного признания, некоторые из них даже выдвинулись в самый первый ряд современных русских поэтов. Их постоянно печатали в газетах и в журналах, да, кроме того, каждому удалось выпустить одну или даже несколько книжечек стихов и почти все попали в антологии «Якорь»⁴¹² и «На Западе»⁴¹³. Благодаря, главным образом, этим антологиям получили общеэмигрантскую известность и многие «провинциальные» поэты: Аргус, Н. Белоцветов, А. Браиловский, Вера Булич, К. Гершельман, Е. Гессен, Л. Гомолицкий, Х. Кроткова, В. Лебедев, В. Мансветов, А. Неймирок, А. Несмелов, Б. Новосадов, Татьяна Остроумова, В. Пастухов, Татьяна Ратгауз, Е. Рубисова, Г. Струве, Татьяна Тимашева, Мария Толстая, Э. Чегринцева, М. Чехонин, Ю. Шумаков, Ирина Яссен⁴¹⁴.

Гораздо хуже обстояло дело с прозой. Произведения большинства «младших» были опубликованы только частично, и многих несомненно талантливых авторов мы знаем только по двум-трем отрывкам, напечатанным в эфемерных журналах и сборниках, которых и следа не разыскать. Даже романы Бориса Поплавского, талант которого отметили Г. Адамович, Г. Иванов и В. Ходасевич⁴¹⁵, никогда не были изданы, и мы можем судить о них только по отрывкам, напечатанным в «Числах», в «Круге» и в «Опытах»⁴¹⁶. В «Опытах» же были впервые напечатаны отрывки из работ покойного К. Гершельмана⁴¹⁷. С произведениями других авторов еще хуже: нигде не продающиеся гектографированные издания, чаще же всего только на машинке переписанные рукописи. Обзор этой наполовину рукописной литературы был бы возможен только в связи с изданием соответствующей антологии. Но такой обзор в задачу этой книги не входит — мое исследование касается только одной определенной стороны эмигрантской литературы и только авторов, в чьих книгах опыт эмигрантской «гражданской смерти» описан изъяснительно и как бы программно. Это вовсе не значит, конечно, что другие недостойны внимания. Наоборот, может быть, наиболее поэтические книги были написаны именно теми авторами, о которых Поплавский говорил, что они «пишут в эмиграции и писали бы в любой стране и на любом языке о вечных вопросах, о вопросах, вечно занимающих их, — и эмиграция есть всего лишь социальная декорация для их “самого важного”»⁴¹⁸. Так писали Агеев, Е. Бакунина, Н. Берберова, А. Головина, В. Емельянов, И. Одоевцева, Г. Кузнецова, Е. Рубисова, Ю. Фельзен и многие другие. Уже после войны стали известны имена Юрия Одарченко⁴¹⁹ и Наталии Кодрянской⁴²⁰, двух писателей чрезвычайно одаренных и настолько своеобразных, что о них, как в живописи о «таможеннике» Руссо⁴²¹, никак не скажешь, к какому направлению, к какой школе и даже к какой эпохе они относятся. Когда после освобождения сказки Кодрянской дошли до Парижа, И. Бунин, А. Ремизов и другие старшие писатели отметили не только очарование их поэтической фантазии, но и необыкновенный по эмигрантским условиям их живой и прекрасный русский язык. Я не касаюсь произведений всех этих авторов только потому, что в них труднее найти наглядные примеры для показа моей мысли о «некоем, не совсем и не всем ясном деле эмиграции». О том же, кто лучше, кто хуже, я вообще не хотел бы говорить. Мне кажется, для этого еще не наступило время. Напомню уже цитированные мною слова Ю. Иваска: «Полная оценка этого творчества — удел будущих, далеких и невообразимых для нас русских читателей. Какова она будет, об этом возможны только догадки»⁴²².

После всех оговорок нужно повторить: главное в опыте молодых — чувство отверженности и одиночества. На это скажут: поэты всегда одиноки. Но эмигрантское одиночество совсем другого рода, чем овеванное романтической славой гордое одиночество Чайльд Гарольда. Скорее это тоска влаха в Венеции: «но мне скучно, хлеб их мне как камень»⁴²³.

Люди на чужбине так же чахнут, как пчелы вдали от родного улья. Не участвуя по-настоящему в жизни общества, эмигрант лишен всех тех сил жить и действовать и того чувства укрепленности в чем-то прочном, которые даются таким участием. Как определить, что овладевает тогда душой? Скука, тоска, невыносимое чувство остановки жизни, томительные, сводящие с ума головокружения пустоты. Скупой на слова Паскаль для описания этого состояния приводит одиннадцать определений: «...человек чувствует тогда свое ничтожество, свою покинутость, свою недостаточность, свою зависимость, свое бессилие и свою пустоту, и со дна его души сейчас же поднимаются скука, мрак, печаль, ожесточение и отчаяние»⁴²⁴.

Незадолго до своей смерти Б. Поплавский записывает в дневнике: «И снова, в 32 года, жизнь буквально остановилась. Сажу на диване и ни с места, тоска такая, что снова нужно будет лечь, часами бороться за жизнь среди астральных снов. Глубокий основной протест всего существа: куда Ты меня завел? Лучше умереть»⁴²⁵.

Современная литература пользуется для определения этого состояния термином: «экзистенциальное беспокойство». Это не страх страданий, утрат, умирания, чего-то определенного, «предметного», на чем можно сосредоточиться, а невыразимый словами и понятиями ужас перед темной угрозой бессмысленности и небытия. Слово очнувшись, человек видит необъяснимость и странность всего окружающего, странность самого факта своего существования именно в данное время и в данном месте, и со страхом чувствует, что на самом деле он не знает, где он находится и кто он сам, и ему кажется тогда, что жизнь проходит как чужой, непонятно кому снящийся сон.

Заботы, страх, личные и общественные дела, ненависть, любовь, «погоня за зайцем» — обычно настолько занимают людей, что многие никогда не испытывали этого страшного пробуждения. Но если человек, даже самый здравомыслящий, почему-либо, — например, в одиночной камере — перестает в достаточной мере участвовать в социальной реальности, к которой он был приспособлен, или если, как в революции, привычные формы этой реальности разрушаются и меняются, им овладевает незнакомая ему прежде и тем более

устрашающая тоска. В таком положении оказалась русская эмиграция. Люди старшего поколения, как мы видели, искали выхода в воображаемых путешествиях по раю прежней России, в действительности переставшей существовать. Впрочем, сама эмиграция, с ее подобием общественной, жизни, в известной степени удовлетворяла их человеческой потребности быть принятыми другими людьми. Но «эмигрантские сыновья» не имели доли в этом общеэмигрантском «потерянном и найденном времени». Чтобы покончить с жизнью одиночества, сожалений и пустоты, им представлялась другая возможность — примкнуть к какому-либо коллективному движению, к какому-либо конформизму. В этом объяснение, почему их так легко соблазнили разные фашистско-образные идеологии и почему многие из них стали советскими патриотами. Но, избавляясь в этом отождествлении себя с чем-то сверхличным от ужаса несуществования и бессмысленности, — они отказывались и от своей свободы, от своего права спрашивать и сомневаться. В награду за этот отказ от свободы и за готовность отдать жизнь для победы учения они получали на все ясные готовые ответы, силы действовать и чувство осмысленности своего существования, чувство участия в общем людском мире, единственно достоверно реальном.

Оставался еще один способ укрыться от холодного, как у Горгоны, взгляда чужбины — возвращение к исконной, крепкой авторитетом и традицией православной вере отцов, на которой стояла прежняя Россия, хотя и разрушенная большевиками, но, как Ветилуя^{*426}, вечно торжествующая в сердце. Для одних жизнь в церкви значила самоутверждение в национально-религиозном конформизме, для других мистическое соединение с бытием Бога.

Я говорил уже о религиозном движении среди эмигрантской молодежи и о новом поколении церковной интеллигенции. О «встрече с Богом» мечтали и на Монпарнасе. Но в то время как молодых богословов с Сергиевского подворья одушевляла страстная вера, что жизнь во Христе возможна только через участие в литургических таинствах, совершаемых православными, поставленными в порядке апостольского преемства священниками, герой Монпарнаса искал утверждения реальности своего «я» в личных, без посредства церкви отношениях с Богом, в «романе с Богом», как говорил Поплавский. Роман этот мучителен. По противоположности с чаемым озарением, бессмысленность, пустота и ужас существования кажутся еще более невыносимыми. Это — «черная ночь», пустыня, через которую немногим дано перейти. Но герою Монпарнаса

* Образ, заимствованный из Пушкинской «Юдифи»:

Как муж на страже, в тишине
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой вышине.

некуда было вернуться. Все ворота людского града, даже эмигрантского гетто, были для него заперты.

Продолжительное пребывание в такой пустоте не могло пройти бесследно. У многих монпарнасских поэтов и писателей комплекс эмигрантской отверженности развивается в настоящий душевный недуг и приводит к расстройству здравого смысла, вернее, того особого чувства, которое позволяет человеку правильно определять свои отношения к людям и приравнивать свое поведение к требованиям общества.

Неизлечимее и мучительнее всех был болен этой болезнью самый эмигрантский из всех эмигрантских писателей Борис Поплавский. Этим и объяснялось, я думаю, его неумение поставить себя («одним я перехамил, другим переклялся⁴²⁷»), и дикие выходки, и странные черные очки, которых он никогда не снимал. Он говорил, что это доктор велел ему носить такие очки. Вероятно, это была правда, но я никогда не мог отделаться от чувства, что он носил их, чтобы «спастись от грубых взглядов», от «страшных глаз, прикованных ко злу»⁴²⁸.

В неоконченном романе Поплавского «Аполлон Безобразов» один из героев вспоминает начало своей эмигрантской жизни:

«Я недавно приехал и только что расстался с семьей. Я сутулился, и вся моя внешность носила печать какой-то трансцендентальной униженности, которую я не мог сбросить с себя, как накожную болезнь.

Я странствовал по городу и по знакомым.

Тотчас же раскаиваясь в своем приходе, но оставаясь, я с унижительной вежливостью поддерживал бесконечные вялые и скучные заграничные разговоры, прерываемые вздохами и чаепитием из плохо вымытой посуды...

Волоча ноги, я ушел от родных; волоча мысли, я ушел от Бога, от достоинства и от свободы; волоча дни, я дожил до 24-х лет.

В те годы платье на мне само собою мялось и оседало, пепел и крошки табаку покрывали его. Я редко мылся и любил спать, не раздеваясь. Я жил в сумерках. В сумерках я просыпался на чужой перемятой кровати. Пил воду из стакана, пахнущего мылом, и долго смотрел на улицу, затягиваясь окурком брошенной хозяином папиросы.

Потом я одевался, долго и сокрушенно рассматривая подошвы своих сапог, выворачивая воротничок наизнанку, и тщательно расчесывал пробор, особое кокетство нищих, пытающихся показать этим и другими жалкими жестами, что-де ничего не случилось.

Потом, крадучись, я выходил на улицу в тот необыкновенный час, когда огромная летняя заря еще горит не сгорая, а фонари уже, желтыми рядами, как некая огромная процессия, провожают умирающий день.

Но что, собственно, произошло в метафизическом плане оттого, что у миллиона человек отняли несколько венских диванов сомнительного стиля и картин Нидерландской школы мало известных авторов, несомненно поддельных, а также перин и пирогов, от которых неудержимо клонит к тяжелому послеобеденному сну, похожему на смерть, от которого человек восстает совершенно опозоренный? “Разве не прелестны, — говорил Аполлон Безобразов, — все эти помятые выцветшие эмигрантские шляпы, которые как грязные серые и полуживые фетровые бабочки сидят на плохо причесанных и полысевших головах. И робкие розовые отверстия, которые то появляются, то исчезают у края стоптанной туфли (Ахиллесова пята), и отсутствие перчаток, и нежная засаленность галстуков”.

Разве Христос, если бы он родился в наши дни, разве не ходил бы Он без перчаток, в стоптанных ботинках и с полумертвою шляпой на голове?

Не ясно ли вам, что Христа несомненно во многие места не пускали бы...

Но я не понимал всего этого тогда. Я смертельно боялся войти в магазин, даже если у меня было достаточно денег.

Я жуликовато краснел, разговаривая с полицией. Я страдал решительно от всего, пока вдруг не переходил предел обнищания и с какой-то зловеще христианской гордостью начинал выставлять разорванные промокшие ботинки, которые чавкали при каждом шаге.

Но особенно летом мне уже чаще становилось все равно. Я ел хлеб прямо на улице, не стряхивая с себя даже крошек.

Я читал подобранные с пола газеты.

Я гордо выступал с широко расстегнутой, узкою и безволосою грудью и смотрел на проходящих отсутствующим и сонливым взглядом, похожим на превосходство.

Мое летнее счастье освобождалось от всякой надежды, но я постепенно начинал находить, что эта безнадежность сладка и гражданская смерть весьма обитаема, и что в ней есть иногда горькое и прямо-таки античное величие.

Я начинал принимать античные позы, то есть позы слабых и узкоплечих философов стойков, поразительные, вероятно, по своей откровенности благодаря особенностям римской одежды, не скрывающей телосложения.

Стоики тоже плохо брились, думал я, только что мылись хорошо.

И раз я, правда, ночью, прямо с набережной, голый купался в Сене.

Но все это мне тяжело давалось. Душа моя искала чьего-то присутствия, которое окончательно освободит меня от стыда, от надежды и от страха, и душа нашла его.

Тогда начался некий зловещий нищий рай, приведший меня и еще нескольких к безумному страху потерять то подземное, черное солнце, которое, как бесплодный Сэт, освещало его. Моя слабая душа искала защиты. Она искала скалы, в тени которой можно было бы оглядеться на пыльный, солнечный и безнадежный мир»⁴²⁹.

Все в этом отрывке показательно: резкие переходы от униженности к позам превосходства и к новым вспышкам стыда и страха. «Боялся войти в магазин», «жуликовато краснел, разговаривая с полицией», «жил в сумерках». В такой отгороженности от общества, более полной, чем в тюремной камере, живут только люди, скрывающие какую-то страшную болезнь, постыдный порок или преступление.

Между тем все преступление Поплавского заключалось только в том, что он был непризнанный и нищий эмигрантский поэт. Скажут, что никто Поплавского не травил. В ответ я привел бы слова Марины Цветаевой: «Затравленность и измученность вовсе не требуют травителей и мучителей, для них достаточно — самых простых нас, если только перед нами — не свой: негр, дикий зверь, марсианин, поэт... Не свой рожден затравленным»⁴³⁰.

Такой же одинокий нищий мечтатель, как герой Поплавского, и герой романов Сергея Шаршуна. Он так же не способен жить по-людски и так же болезненно переживает свою эмигрантскую затравленность. Вот пример из романа Шаршуна «Долголиков». Долголикова толкнул встречный прохожий:

«Долголиков не ожидал этого и, утилизируя накопленный опыт, оглянувшись назад, мягко сказал: (раньше, вероятно, не посмел бы сделать и этого: "C'est gentil, да!" — "С-п, ва!" — немедленно бросил встречный злобно, с вызовом...

Немой и умонеповоротливый, человек иного темперамента, Долголиков не проронил больше ни звука, но по завету Достоевского: ему хотелось биться о землю, броситься перед обидчиком на колени, благодарить (издеваясь над ним), кричать, что он оскорбил беззащитного, преследуемого иностранца — не имеющего отечества — русского»⁴³¹.

Романы и других «младших» эмигрантских писателей показывают, что это неумение поставить себя поражает всю душевную жизнь их героев, делая

их отношения с другими людьми невозможными, мучительными и безнадежно запутанными.

«Шесть лет она только и делала, что: обливала меня холодной водой, оскорбляла, осаживала. Безнадежно! Все — тысячу раз упущено и запутано окончательно!» — задыхаясь, вопит Долголиков.

Об этом, очень близком ему герою Шаршуна, в сущности о самом себе, Поплавский писал:

«Продолжительный вынужденный аскетизм есть отец сумасшествия, мании величия и мании преследования, но от него происходит и возможность горячей романтической любви к жизни, которую я явственно чувствую за каторжной мрачностью Шаршуновского героя, лишь на минуту, как лев из зверинца, сумевшего сбегать из своей тесной клетки. Даже в его срывающейся отрывистой, рубленой речи чувствуется ошалелый от воздуха варнак, драматизирующий всякую встречу, всякий ничтожный разговор с Наденькой, потому что чувствительность его гипертрофирована, экзальтирована до вопля, и одиночество сводит его с ума.

Его постоянно взрывает и разрывает тревога, в ушах без перерыва тахтит пожарный колокол, потому что сейчас, если Наденька не так ответит на поклон, опять над ним захлопнется железный люк одиночного заключения, и это сдавленное кипение жизни ничего, решительно ничего общего не имеет с декадентством»⁴³².

Особенно в некоторых романах В. Набокова-Сирина подчеркивается обреченность героя на трагическое одиночество и невыносимость для него всех видов человеческого общежития.

В «Приглашении на казнь»⁴³³ Цинциннат восклицает: «Нет в мире ни одного человека, говорящего на моем языке, или короче: ни одного человека говорящего. Или еще короче: ни одного человека!»⁴³⁴

Лужин, герой другого романа Сирина, выбрасывается из окна, чтобы уйти от людей, хотевших принудить его жить как все, как принято, как велит здравый смысл.

Герою эмигрантской литературы трудно, скучно и страшно жить в человеческом мире. «Но ты не в силах жить», «мне мир невыносим», «как страшно одиноким», «не в силах мир снести», «призраки жизни страшны» — весь «Снежный час», посмертно изданный сборник стихотворений Поплавского, полон подобных выражений.

Вместе с этим чувством невыносимости мира, сознание своей ненужности и слабости:

Читали мы под снегом и дождем
 Свои стихи озлобленным прохожим.
 Усталый друг, смирайся, подождем,
 Нам спать пора, мы ждать уже не можем.
 Как холодно. Душа пощады просит.
 Смирись, усни. Пощады слабым нет⁴³⁵.

Между тем Поплавский вовсе не принадлежал к числу тех писателей, для которых мир невыносим, так как они не способны увидеть в людях и в жизни ничего, кроме уродства, пошлости, жестокости и низости. Напротив, я не встречал другого человека с такой готовностью к восхищению. Он восхищался всем — снегом, дождем, звездами, морем, Римом, стоицизмом, гностиками, святой Терезой, Лотреамоном, Джойсом, боксерами, ярмарочными силачами, картинами знакомых художников и стихами знакомых поэтов. Не был Поплавский и биологически хилым, неспособным жить человеком. С крепкой мужицкой шеей и толстенными, развитыми тяжелой атлетикой руками («занимаюсь метафизикой и боксом») он был способен радоваться жизни с каким-то почти детским простодушием. Весь цикл «Над солнечной музыкой воды» вдохновлен открытием, «что, может быть, весенний прекрасный мир и радостен и прав»⁴³⁶.

И все-таки невыносимость и боль жизни перевешивают эту радость.

Спать. Уснуть. Как страшно одиноким.
 Я не в силах. Отхожу во сны.
 Оставляю этот мир жестоким,
 Ярким, жадным, грубым, остальным⁴³⁷.

С интонацией, напоминающей Гамлетовское «to die, to sleep», слова: спи, усни; спать, уснуть; спи, забудь; смирайся, усни; спать, лежать, сон, спал, спать, ложусь — повторяются почти в каждом стихотворении «Снежного часа».

Хочется в углу ко тьме прижаться,
 Как-нибудь согреться и уснуть⁴³⁸.

Поплавский и умер во сне, повернувшись лицом к стенке. Обстоятельства его смерти в точности неизвестны. Официально это был несчастный случай — отравление недоброкачественными наркотиками. Но ходили странные слухи.

В статье «О смерти Поплавского» Ходасевич писал: «От некоторых друзей покойного, хорошо осведомленных в его жизни и настроении, я слышал, что, может быть, дело было и не совсем так, что Поплавский умер по своей воле. Возможно и то, что чужое отчаянье нашло в нем слишком глупо-

кий отклик, и он дал себя увести из жизни. Допустим, однако, что самоубийства действительно не было, что во всем виновата роковая случайность. И все-таки, если заглянуть немного глубже, становится ясна ужасная внутренняя неслучайность этого несчастья, как будто случайного. Быть может, случайно даже то, что оно произошло именно в такой день и час, именно с Поплавским, из-за проклятого героя. Но совсем не случайно то, что оно вообще произошло в молодой литературной среде, в среде эмигрантского Монпарнаса. Чего-то в этом роде, какой-то вообще катастрофы, не только можно, но и нужно было ждать»⁴³⁹.

Была еще версия: Поплавский мог, но не захотел проснуться. Он сам в одной из своих статей писал: «Как ужасно от снов пробуждаться, возвращаться на землю, переоценивать все по-будничному. Как отвратительно иллюминанту, очнувшемуся от “припадка реальности”, открывать глаза на нереальное, видеть комнату, чувствовать усталость и холод, опять погружаться в страх»⁴⁴⁰.

Г.П. Федотов, говоря, что Поплавский «боролся с Богом, с какой-то злобой вгрызаясь в непостижимое», замечает несколько таинственно: «Он погиб от собственной дерзости и бесстрашия»⁴⁴¹.

Семен Карлинский в вышеупомянутой статье в американском журнале «Трай Куортерли» рассказывает, как Владимир Набоков ему сказал: «Да, напишите о нем что-нибудь, в конце концов он был первый хиппи, первое дитя цветов». Карлинский это суждение Набокова, с оговоркой, что оно все же несколько упрощено, принимает. Я мало знаю теперешних хиппи, но вряд ли они похожи на Поплавского. Они скорее участники своего рода массовой культурной революции и вполне собой довольны, а Поплавский был человек трагически одинокий и безвыходно несчастный. Если он и был чьим-либо предтечей, то не хиппи, а тех современных молодых людей, которые кончают с собой не от несчастной любви или какого-либо другого личного горя, а потому что отказываются жить в мире несправедливости, насилия и убийства, в мире, где столько зла и совершается столько чудовищных преступлений. Таких самоубийств было в последние годы довольно много.

И друзья, и враги постоянно упрекали молодую эмигрантскую литературу в отрыве от жизни. Указывалось на ложность и гибельность монпарнасских веяний, на ошибочность пути, которым шли Поплавский и его товарищи. Говорили, на Монпарнасе собираются какие-то живые тени, окончательно отвыкшие от реального мира, и поэзия стала для них своего рода опиумом, средством достигнуть «искусственного рая».

Я уже приводил слова П.Н. Милюкова на вечере «Чисел» в 1930 г.: «Сейчас, в то время, когда в России литература возвращается к здоровому реализму, здесь в эмиграции часть литераторов, в частности те, которые сотрудничают в «Числах», продолжают оставаться на позициях отрыва от жизни»⁴⁴².

Милюков, несомненно, выразил мнение, разделяемое почти всеми «отцами»-общественниками. В этом и была, вероятно, причина, почему «молодых» не любили и печатали неохотно. Им советовали исправиться, вернуться в социальную действительность и описывать ее в духе «здорового реализма». Между тем мы видели, что в «общем мире» для них не было места, и, кроме унижений и невыносимого одиночества, их там ничего не ждало. Возможность участия в «общественной» жизни была им предоставлена, только когда началась война. Что же удивляться тогда «отрыву» и «ослаблению чувства реальности»? Герой молодой эмигрантской литературы не живет, а только из своей отверженности смотрит на жизнь, которая проходит мимо, как вода мимо губ Тантала. Внимание слабеет, все становится неопределенным и недостоверным. Подлинные, укорененные в действительности восприятия смешиваются с мечтаниями и снами.

«Я отступил два шага назад и с необыкновенной легкостью истерическое припадка прыгнул в лодку. Этот странный поступок объясняется тем, что уже несколько минут вообще все было очень странно, все плыло по открытому морю необычайности, но необычайности как бы самодвижущейся, саморазвивающейся, необыкновенности снов и самых важных событий царства воспоминаний, тоже случившихся как бы сами собой, тоже несомых каким-то попутным ветром предопределения, рока и смерти»⁴⁴³.

Начиная с этой сцены в «Аполлоне Безобразове» граница между действительностью и мечтанием почти совсем исчезает. Много описаний припадков странной рассеянности мы находим у П. Ставрова, очень эмигрантского поэта и писателя. В рассказе «Арман Лэклер» он пишет:

«Открытые поля разворачивались вдаль ровно, бесконечным веером. Далеко впереди черной, смешно передвигающейся фигуркой бежал одинокий автомобиль. Армону вдруг показалось, что бежит эта черная фигурка в никуда и ниоткуда.

Так и большая белая бабочка, неровными зигзагами мелькающая в поле зрения... Скука переходила в тоску, неуверенность... Негде укрыться... И яркое солнце, и бесконечным блеском залитое небо, и широкие поля в слабом мерцании воздуха, и трудно копошащиеся фигурки жнецов становились явью некрепкой, картинным видением, мешающим понять, увидеть...

Арман досадовал, отчего (скука, вынужденное безделие?) являются у него такие мысли, среди белого дня, среди мирных полей»⁴⁴⁴.

Ослабление внимания к жизни возмещалось у многих младших эмигрантских писателей развитием дара лирического визионерства. В высшей степени обладал этим даром Г. Газданов. Герой одного из ранних его рассказов говорит:

«Я чувствовал всегда, что та жизнь, которую я вел в этой гостинице и которая состояла в необходимости есть, одеваться, читать, ходить и разговаривать, была лишь одним из многочисленных видов моего существования, проходившего одновременно в разных местах и в разных условиях — в воздухе и в воде, здесь и за границей, в снегу северных стран и на горячем песке океанских берегов; и я знал, что, живя и двигаясь там, я задеваю множество других существований — людей, животных и призраков. Некоторых из них я почти не представлял себе; мне казалось только, что они летают на мягких черных крыльях, сделанных из чудесной субстанции, которой я никогда не коснусь. Других я видел перед собой; они всюду сопровождали меня, я к ним давно привык и привык даже к тому, что, по непонятному мне закону, они награждены даром немой речи, доходившей до меня помимо слов и мыслей, которые были бы слишком тяжелы для них, как насыщенная влагой атмосфера — слишком тяжела для прозрачных крыльев насекомых, за которыми ныряют в воздухе черные ласточки... И иногда все эти существа, точно чувствуя опасность сумасшествия, угрожавшую мне, — вдруг появлялись передо мной, как близкие родственники у постели умирающего, — и их легионы, состоявшие из почти видимого трепетания в воздухе, становились на мою защиту; и они роились в темноте, беспрестанно появляясь и исчезая, и чьи-то забытые глаза, которые они вызывали в моей памяти, заставляли меня часто дышать от волнения...»⁴⁴⁵

Чувство сомнамбулического оцепенения еще усиливается к концу рассказа. Когда герой возвращается в свою комнату, она ему кажется похожей на каюту потонувшего корабля:

«Мне вдруг стало тяжело и нехорошо; вид моей комнаты опять напомнил мне, что уж слишком долго я живу, точно связанный по рукам и ногам, — и не могу ни уехать из Парижа, ни существовать иначе. Все, что я делал, не достигало своей цели, — я двигался точно в воде — и до сих пор не вполне ясно понимал это. Теперь же, когда я это понял, мне стало трудно дышать от огорчения...»⁴⁴⁶

Герой эмигрантской литературы отворачивается от мира, где ему не оказалось ни места, ни дела, и тогда его сознание тонет в разливе живых, причудли-

во-изменчивых снов, музыки, мечтаний, каких-то странных, то невозможно прекрасных, то безобразных видений и чувств. Пусть даже это только самый низший «этаж» душевной жизни, темный бред эротических навязчивых идей и галлюцинаций, но вдруг в мутном потоке мелькают необъяснимые аномальные восприятия, врываются как бы с «той стороны», и тогда сердце охватывает великая безумная и вечная человеческая надежда, что вместе с душевным подпольем сознанию откроется что-то, несущее реальное ощущение бессмертия.

Есть бытие, но именем каким
Его назвать? — ни сон оно, ни бденье.
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разумье.
Он в полноте понятия своего,
А между тем, как волны, на него
Одни других мятежней, своенравней
Видения бегут со всех сторон;
Как будто бы своей отчизны давней,
Стихийному смятенью отдан он.
Но иногда мечтой воспламененный
Он видит свет, другим не откровенный⁴⁴⁷.

Эти строки Боратынского можно было бы поставить эпиграфом к антологии литературы эмигрантских сыновей.

Цинциннат, уже упомянутый мною герой Набокова-Сирина, говорит:

«К тому же я давно свыкся с мыслью, что называемое нами есть полудействительность, обещание действительности, ее преддверие и дуновение, то есть что они содержат в себе, в очень смутном, разбавленном состоянии больше истинной действительности, чем хваленая явь»⁴⁴⁸.

Это ожидание, что за океаном снов и мечтаний лежит блаженная неведомая отчизна, заставляет сознание все упорнее рыть в глубину самого себя, и тогда проступает невыразимое ощущение не своего экстерниоризированного в объективном мире «я», а своего настоящего существа, неопределимого никакими «паспортными» обозначениями и уходящего корнями в действительность жизни, не могущей никуда исчезнуть, вечной, занимающей «все место».

«Царство Божие — это видеть земную жизнь, “оттуда — сюда”, видеть ее освещенной не тусклым земным солнцем, не черным, все затемняющим солнцем смерти, а ослепительным солнцем вечной жизни», — пишет К. Гершельман в своей работе «О царстве Божием»⁴⁴⁹.

* Отрывки из рукописи Гершельмана впервые напечатаны в номере 4-м журнала «Опыты», Нью-Йорк, 1955.

Основная интуиция Гершельмана — это не вера в будущую, после смерти, вечную жизнь, а ощущение пребывания в вечной жизни уже сейчас, как в каком-то особом измерении данной нам действительности: «Мы уже теперь погружены в венчающее мир бессмертие, как будем в него погружены в день воскресенья мертвых.

Стоит только до конца напрячься, чтобы это понять и увидеть, а понять это и увидеть — и значит войти в царство Божие.

Для вошедшего в Царство Божие, «вторичнорожденного», смерть снова внутренне преодолевается: познав свое бессмертие, он становится бессмертным, каждое мгновение земной жизни он переживает как протекающее в вечности, как непреходящее»⁴⁵⁰.

Тема нового рождения близка и многим другим «младшим» эмигрантским писателям. В повести В. Яновского «Любовь вторая»⁴⁵¹ героиня рассказывает о пережитом ею на башне Нотр-Дам настоящем мистическом преображении, воспоминание о котором связывается в ее сознании со словами «надлежит вам родиться свыше».

«...Я чувствовала, что могу сейчас упасть замертво, но в то же время знала: меня окружает завеса, все путающая, скрывающая правду, однако если хорошо теперь напрячься, то она может рухнуть, взвиться, и я увижу то, без чего нет жизни...»

И вот завеса рухнула:

«Огонь обрушился, грозный, воинственный и священный, от божественной любви в нем было только то, что будь он на йоту сильнее или продолжительнее, — от меня бы ничего не осталось, таково впечатление. Я поднялась с колен, преображенная. Я, первородная, близкая Богу, огнеупорная, исшедшая из Него, родственная Ему, очистилась в этом огне от всяческих плевел, отсеклась, отделилась, — во всех проявлениях, в разуме и в чувстве, — от формы, скорлупы, к которой приросла; и я познала меру, вес своей души. «Пошлю вам Духа Истины, Утешителя, который наставит вас, как жить. Это Его, Его Дух Истины, совершенный, родной, таинственный, обрела я в себе с того мгновения. Я уйду и пошлю Его вам». О, как реально, материально, Он был тут и утешал, как благостно и одухотворенно. «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга».

Ибо нет большего счастья, — вот что открылось...

..Вот рука, поднимаю ее, — синие жилки. Что мне до нее? Это ли я? То потная, то холодная, ровно срезанные ногти, — что в ней от меня, ликующей, благодарящей, ратующей за вечное?

Я узрела: смерти «моей» нет».

О «припадках реальности» и об упорном стремлении к этим «припадкам» постоянно говорит в своих дневниках и отрывках Б. Поплавский. В еще гораздо большей степени, чем Георгий Иванов и Георгий Адамович, он был участником «несостоявшейся прогулки». Но в отличие от них он не боялся показаться смешным и говорил об этой прогулке не поэтическими намеками, а высказывая свои мысли в той непосредственной и наивной форме, в какой они ему приходили. Он серьезно и простодушно верил в возможность встречи с Богом, страстно стремился к такой встрече, молился о ней и почти требовал ее. Его дневники не оставляют в этом сомнения. Вот несколько отрывков.

«Долгие, белые дни без храбрости, без счастья, без сил, совершенно без благодати над недостроенными развалинами потерянной, недооцененной, небрежением проигранной, недоигранной внешней жизни, проклятие раскаленной дороги, свинец в руках и в сердце — аскеза, благодарю вашу душу, мать... И вдруг страшно ослепительно, до страха внезапно раскрываются двери в глубине сердца, с той стороны двойной воронки и нестерпимая, невыносимая слава, оглушительные слезы счастья, присутствия, физического присутствия Бога, принадлежности, преданности, проданности, обреченности Богу, когда еле успеваешь крикнуть, не успеваешь зажмуриться и сердце уже рвется, горит, развертывается, разрушается, тает, течет, исчезает в потоке Божественной любви...»⁴⁵²

.....

«О чем же ты будешь искренно, смешно и бесформенно писать? О своих поисках Иисуса? О дружбе с Иисусом, о нищете, которая нужна, чтобы Его принять? Ибо только нищий, не живущий ничем в себе, получает жизнь в Нем или, вернее, не копя жизнь в себе, может Его принять... Бедная, нищая душа моя, маленькая, слабая, никого почти не любящая, раздражительная, сонливая, смешливая, недостойная внимания. Это тебя полюбил Иисус и ради тебя пролил кровь свою, и поэтому ты, так долго отстраняемая солнечными божествами, как бедная родственница, будешь поставлена тотчас же перед Иисусом, не смоги даже вымыть ни рук, ни ног, уже полуобъятая последней сонливостью уничтожения... Главное, не стыдись рассказать о своих поисках Иисуса, как будто это что-то позорное».

.....

«Господи, Господи, один ты знаешь, как темно, как невыносимо утомительно ползут дни, и как редко приходит ответ, и все само льется, раскрывается, несется в сердце, но на несколько мгновений только, и в какой камень оно смерзается день за днем».

.....

«Странное дело! Целый день спал, то просыпаясь, то опять засыпая, в странном огненном оцепенении, среди духоты. Долгая бесплодная молитва, наполовину наяву, наполовину во сне. Вдруг, когда я, уже отчаявшись, бросил ее, сел, было, на балконе, облившись водой: привело к почти нестерпимому, до слез реальному ощущению присутствия Христа. Лег опять. Но присутствие это не обнаружилось, не раскрылось, а потерялось. Но ощущение, что Он был где-то рядом, не забуду долго».

.....

За несколько дней до смерти:

«Три дня отдыха, три дня несчастий, полужизни, полурботы, полусна. Истерика со свитерами. Мертвый, навязчивый карточный хаос до утра, до изнеможения. Муки, мания преследования, мания величия, планы равнодушия и мести, темные медитации сквозь гвалт и топот дома, при сиротливо открытой двери на по-осеннему тревожное, яркое небо. Черные ужасы с шомажом^{*)}. Жаркий день, истерика поминутно то надеваемого, то снимаемого пиджака, и медленный, чуть видный возврат из переутомления в жизнь, сквозь недостаток храбрости, величия, торжественности, обреченности»⁴⁵³.

Об этих дневниках Поплавского Бердяев писал: «Эта книга очень значительная, очень замечательная... Документ современной души, русской молодой души в эмиграции... Поплавский был настоящий страдалец, жертва стремления к святости. Он чувствовал между собой и Богом тьму...» («Современные Записки», № 68)⁴⁵⁴.

Но эмигрантским общественникам-позитивистам мистицизм молодой эмигрантской литературы внушал отвращение. Они видели в этом мистицизме продолжение декадентства и «огарничества». П.Н. Милюков в «Очерках русской культуры» приводит длинную цитату из немецкого писателя Эккарта фон Сидова, составившего, по его словам, «целый каталог психических состояний, специфически свойственных декадентству». Вот начало этой цитаты: «В основе тут лежит мрачное настроение, прерываемое вспышками экстаза. Отвращение от жизни чередуется с потребностью жить всем существом — и с невозможностью осуществить эту потребность... На этой почве вырастают склонности отуманить сознание половыми излишествами, вином или наркотиками...»⁴⁵⁵

Это описание клинически, вероятно, совершенно правильно. Все эти состояния действительно свойственны декадентству, и все-таки декадентство нельзя свести только к ним, нельзя сказать, что оно только выдумка невращенников, ради сенсационного успеха преувеличенно расписывающих свои пато-

^{*)} Shomage — безработица, в просторечии — пособие безработным (фр.).

логические переживания. Отказ видеть серьезность декадентства, впрочем, понятен со стороны людей здравого смысла, которые нашли в приспособлении к «общему миру» прочную почву и защиту от подстерегающего сознание человека беспокойства перед угрозой бессмысленности и уничтожения. Однако, даже если согласиться, что декадентство только суррогат мистицизма, только особый вид невроза, остается непонятным упорное нежелание видеть, какое огромное значение в развитии человечества имело это вечное мечтание о возможности соединения с последней реальностью. Конечно, нормальный, «без шестых чувств», человек здоровее невротика и лучше приспособлен к деятельной жизни коллектива, но ему не хватает ужаса и боли, превращающих невротика в творца. История культуры показывает, что снова и снова праздное невротическое беспокойство не только создает «воображаемые миры», но, пробираясь через декорации обычных утилитарных представлений, открывает более глубокий уровень реальности, скрытый от людей, занятых «делами».

Поплавский постоянно говорит о мистической атмосфере молодой эмигрантской литературы. Самая широкая из всех амплитуда мистических состояний чувствуется в его собственных стихах и прозе. Как своего рода новый барон Мюнхгаузен, вытаскивающий себя за волосы, Поплавский с мучительным упорством силился дотянуться до положительного полюса мистического опыта и все снова и снова, все ближе и страшнее возвращался к полюсу отрицательному. Граф Н.Д. Татищев, ближайший друг Поплавского и лучший знаток всего его литературного наследия, первый из наших критиков указал на серьезность мистических усилий Поплавского. Тем не менее он пришел к заключению, что «роман Поплавского с Богом трагически вылился в ничто»⁴⁵⁶.

Да, конечно, подлинность этих редчайших таинственно осиянных мгновений никогда еще не была и никогда не будет доказана с научной убедительностью, и как только они перестают длиться, их несомненность сейчас же бледнеет и предчувствие абсолютной жизни и абсолютного знания снова уступает место отчаянию. И все-таки этот трансцендентный разуму ответ мистического озарения навсегда остается в памяти, и душа человека не может примириться с мыслью, что животное существование, неизбежно кончающееся смертью, есть единственная действительность, из которой нельзя проснуться в какое-то другое измерение бытия.

Роман Набокова-Сирина «Приглашение на казнь» кончается символическим описанием заветного освобождения от власти царящих в «общем мире» законов необходимости и смерти:

«Кругом было странное замешательство. Сквозь поясницу еще вращавшегося палача просвечивали перила. Скрюченный на ступеньке блевал бледный библиотekarь. Зрители были совсем, совсем прозрачны, и уже никуда не годились, и все подавались куда-то, шарахаясь, — только задние нарисованные ряды оставались на месте. Цинциннат медленно спустился с помоста и пошел по зыбкому сору. Его догнал во много раз уменьшившийся Роман, он же Родриг: “Что вы делаете! — хрипел он, прыгая. — Нельзя, нельзя! Это нечестно по отношению к нему, ко всем... Вернитесь, ложитесь, — ведь вы лежали, все было готово, все было кончено!” Цинциннат его отстранил, и тот, уныло крикнув, отбежал, уже думая только о собственном спасении.

Мало что оставалось от площади. Помост давно рухнул в облаке красноватой пыли. Последней промчалась в черной шали женщина, неся на руках маленького палача, как личинку. Свалившиеся деревья лежали плашмя, без всякого рельефа, а еще оставшиеся стоять, тоже плоские, с боковой тенью по стволу для иллюзии круглоты, едва держались ветвями за рвущиеся сетки неба. Все расползлось. Все падало. Винтовой вихрь забирал и крутил пыль, тряпки, крашенные щепки, мелкие обломки позлащенного гипса, картонные кирпичи, афиши; летела сухая мгла; и Цинциннат пошел среди пыли, и падших вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему»⁴⁵⁷.

Гершензон в «Исторических записках» рассказывает, как после закрытия «Европейца» Иван Киреевский в условиях вынужденного бездействия стал размышлять о человеческой психике и в самом себе сделал открытие, «столь же реальное, как открытие нового материка»⁴⁵⁸.

Этот «материк», открытый им в глубине своей души, Киреевский определил как «внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объем ума сливаются в одно живое единство, и таким образом восстанавливается существенная личность человека в ее первоизданной неделимости»⁴⁵⁹.

Заслоненное пышными историсофскими схемами славянофильства, это открытие Киреевского, как многие другие русские открытия, осталось в России незамеченным и только через полвека вновь было сделано философами и психологами Запада.

И вот, на Монпарнасе, эмигрантские сыновья, обреченные на еще более полное бездействие, чем Киреевский, наткнулись на тот же «материк». Поплав-

ский писал: «Никакая социальная путаница не может разрушить личной жизни человека, на глубине которой находится его величайшая радость, его личное, никому не передаваемое общение с человеком и Богом»⁴⁶⁰. Поплавский вряд ли читал Киреевского. Он сам всегда говорил, что своему уважению к личной жизни, «как средоточью всего содержания, всей глубины жизни вообще»⁴⁶¹, научился у Запада. Да и другие монпарнасцы лучше знали современных французских и английских писателей, чем славянофилов. Но для открытого сердца часто бывает достаточно одного намека, одного случайно услышанного упоминания. Ничем этого не доказать, а все-таки все кажется, что один из потерявшихся в песке ручьев русской мистической жизни вдруг опять вышел наружу в Париже, на Монпарнасе, среди людей до того от всего оторванных, что самые лишние из всех лишних людей русского прошлого кажутся по сравнению с ними глубокими почвенниками.

Поплавский писал в дневнике: «...а я по-прежнему киплю под страшным давлением без темы, без аудитории, без жены, без страны, без друзей. И снова жизнь моя собирается куда-то в дорогу, возвращается в себя»⁴⁶².

«Душевные путешественники» — очень верно скажет об эмигрантских «молодых» писателях Вера Александрова в «Новом русском слове»⁴⁶³. В заметке о смерти Поплавского Г. Газданов отметил, что даже своим внешним видом Поплавский походил на путешественника:

«Бедный Боб! Он всегда казался иностранцем — в любой среде, в которую попадал. Он всегда был — точно возвращающимся из фантастического путешествия, точно входящим в комнату или в кафе из ненаписанного романа Эдгара По. Так же странна была его неизменная манера носить костюм, представляющий собой смесь матросского и дорожного. И было неудивительно, что именно этот человек особенным, ни на чей другой непохожим, голосом читал стихи, такие же необыкновенные, как он сам»⁴⁶⁴.

Между тем все путешествия Поплавского за все годы его жизни в Париже — одна поездка в Берлин, в 1922 году⁴⁶⁵. Путешествие, им предпринятое, было другого рода — не в пространстве, а из пространства и социальной реальности во внутреннее измерение жизни. В такое путешествие отправляются ради безумной надежды открыть что-то, находящееся «по ту сторону» воздвигаемых здравым смыслом внешних пейзажей мира. Это мечтание предопределило всю судьбу младшей эмигрантской литературы, ее непризнанность, ее подлинность и ее неудачу. Ведь даже когда усилие интуиции (или медитации, или молитвы) вознаграждается открытием глубинной жизни, то как передать словами единственность

и неповторимость каждого ее события? Бергсон говорит, что это почти так же невозможно, как посредством неподвижных точек невозможно изобразить движение. Все, что есть в наших чувствах и идеях по-настоящему нашего, несоизмеримо с готовыми кадрами языка — «Мысль изреченная есть ложь».

В рассказе Г. Кузнецовой «На вершине холма» старый, видимо, знаменитый, писатель говорит своему молодому собеседнику: «Ты ведь знаешь, что я писал и об этом... Я видел две трети мира и писал о них. Но теперь мне все чаще приходит на ум, что, в сущности, самое благородное — молчание. Самые великие поэты, может быть, те, что молчат. Ты еще молод, самонадеян, тебе кажется, что можно все сказать, тебя съедает желание “выразить себя”. Впоследствии ты поймешь, что все равно ничего не выразишь. Перед тем неизбежно будешь мучиться в напрасных попытках передать кому-то все, а потом смиришься, почувствуешь свою слабость и станешь стараться передать хоть частичку, хоть что-нибудь маленькое, ничтожное... И тогда, может быть, что-нибудь и передашь, потому что все мы, даже самые сильные из нас, могут передать только частицу, которая совсем ничтожна, даже пошла, в сравнении с тем, что чувствуешь. Да, может быть, самое достойное — молчание»⁴⁶⁶.

Люди, к литературе не причастные, обычно не замечают несоответствия между словами, которые они говорят, и тем, что они хотели этими словами сказать.

Во время войны мне, как всякому, часто приходилось слушать рассказы солдат о их боевых приключениях. Почти всегда я чувствовал при этом, что даже при искреннем намерении говорить правду они, не отдавая себе в этом отчета, рассказывали не о том, что с ними было на самом деле, а только о том, что в пережитом ими было похожего на то, как рассказывали о себе другие солдаты. Происходило это не потому только, что индивидуальный, неповторимый аспект их собственных впечатлений не доходил до их внимания (а если и доходил, то они не могли найти нужных слов, чтобы его передать), но и потому, что им казалось, что чем больше в их рассказе будет таких же выражений и интонаций и таких же переходов от страшного к смешному, как у других рассказчиков, тем более правдоподобно и живо будет получаться и тем больший успех будет иметь их рассказ. И они не ошибались: и действительно ожидали от них похожего на уже слышанное, и если бы они попытались рассказать по-другому, их не поняли бы и перестали бы слушать. Так же как солдаты, рассказывают, впрочем, и многие писатели, и именно таким писателям обеспечен быстрый, правда, недолговременный успех. Но тот, кто захотел бы рассказать, что было с ним на самом деле, окажется перед почти неосуществимой задачей описания жи-

вой, неповторимой, единственной, непрестанно меняющейся сложности конкретного индивидуального сознания при помощи слов и понятий, принятых для символического обозначения только наиболее постоянного и общего и, следовательно, безличного, что есть в человеческих чувствах и мыслях. Такому писателю придется производить насилие над словами, придавать им новый смысл, переставляя их в необычных сочетаниях и прибегая к своего рода каламбурам. Успех этой трудной и опасной «игры слов» никогда не обеспечен, и она требует такой же, как у канатного плясуна, способности не поддаваться головокружению. «Поэта далеко заводит речь»⁴⁶⁷. Многие авторы, к словотворчеству особенно одаренные, в увлечении этой игрой часто забывают о ее цели, и язык из средства выражения и общения превращается у них в нечто «самовитое», в особое прикладное орнаментальное искусство «плетения словес». В современной русской литературе не мало таких авторов, поэзия которых начинала развиваться не в направлении, указанном родившим ее чувством, а следуя стихийному потоку словесных ассоциаций. Так пловца относит течение и автомобилист, попав колесом в трамвайную колею, катит против своей воли вдоль по рельсам. Но даже, если избегнуты все опасности и найдены самые лучшие, самые верные, слова, это всегда все-таки только «слова, слова, слова».

Даже самый искусный романист может показать через посредство слов только обесцвеченный фантом, только тень того глубокого и живого, что открылось ему усилием интуиции. Но при помощи ритма и многообразных метафор и сравнений, при помощи гипноза, чуда и Провидения, он может подвести наше сознание к черте, с которой мы начинаем чувствовать присутствие необыкновенного метафизического «предмета», отбрасывающего эту тень. Только тогда литературное произведение создает впечатление подлинной жизни. В этом вся тайна, весь смысл и чудо искусства. Таким чудом и была великая русская литература XIX века. Милюков был совершенно прав, называя эту литературу реалистической. Но, конечно, он ошибался, думая, что это тот «здоровый реализм», возрождение которого он видел в Советском Союзе. Теперь уже не может быть в этом сомнения — «социалистический реализм» так же не похож на мистический реализм Толстого и Достоевского, как, по выражению Спинозы, собака, «лающее животное», не похожа на созвездие Пса⁴⁶⁸.

Скудная «молодая» эмигрантская литература, несмотря на все ее недостатки, оторванность от всякой исторической и культурной преемственности, иностранные влияния, сюрреализм, антисоциальность, упадочность и т.д., все-таки сохраняла память о том, чем была и чем должна быть русская литература:

непосредственным видением реальности жизни и мира, самой сущности, самого «факта» жизни, а не только ее преломленных отражений в социальном и интеллектуальном плане. Может быть, неудача «молодых» и объяснялась тем, что память об этом была слишком в них сильна и заставляла их стремиться рассказать о подлинной реальности. На этом пути писатель никогда не может быть уверен в успехе, но это единственный путь искусства, и даже только частичная удача на этом пути, и даже полная неудача все-таки ближе к настоящему делу литературы, чем удача многих поставщиков «материала для чтения», которых вечные Львовы-Рогачевские принимают за настоящих писателей. Мне хочется привести тут слова Г. Адамовича, сказанные, впрочем, по поводу неудачи другого литературного поколения: «Из этого ничего не вышло, но разве это довод. Ни из чего никогда ничего не выходит, все только приносится в жертву»⁴⁶⁹.

Поплавский, несомненно, был литературным неудачником. Рецензенты постоянно указывали на формальные недостатки всего им написанного, на множество неудачных выражений и неправильных оборотов. На поверхности все это верно. Но в последнем, единственно важном счете прав был, конечно, Георгий Иванов, когда говорил:

«По совести отвечаю. Да — в грязном, хаотическом, загроможденном, отравленном всяческими декадентствами, бесконечно путанном, аморфном состоянии стихи Поплавского есть проявление именно того, что единственно достойно называться поэзией, в неунизительном для человека смысле»⁴⁷⁰.

Я привел уже немало цитат из Поплавского, выбирая не лучшее, а нужное мне по смыслу. Но даже самые лучшие отдельные его строки не могут дать представления о его поэзии. Его стихи нужно читать, мне кажется, одно за другим, подряд. Только тогда звучит их нежная и грустная музыка и магически расцветает сюрреалистическая и фра-анжеликовская живописность метафор. В отличие от первого сборника Поплавского «Флаги», где было немало уступок соблазну дендизма и художественной левизны во что бы то ни стало, «Снежный час», собственно, не собрание отдельных законченных «пьес», а дневниковые, почти черновые записи в стихах. Эти записи, несмотря на множество слабых и неудачных строк, достигают своей цели. Они приоткрывают сокровенный мир рождения чувств и идей и самых глубоких ритмов жизни: надежды, отчаяния, восхищения и жалости. Но что тогда все ошибки? Ведь эта «задушевная» мелодия и есть самое важное, самое главное, что может передать лирическая поэзия, и, если это достигнуто, простятся все недостатки и еще долго после того, как будут забыты имена многих писателей, писавших блестяще, но не искренне, наивная душа Поплавского будет

находиться «в сношении» с душами далеких потомков, которые откроют его стихи. Все это можно повторить и о прозе Поплавского. Вероятно, под влиянием Джойса⁴⁷¹ он хотел писать с «абсолютной свободой». Это было одно из самых безумных предприятий Монпарнаса. Вместо того, чтобы подчиниться требованиям общества и писать так и то, чего ждет и хочет «публика», единственное, что могло бы дать ему «признание» и спасти от мучившего его комплекса униженности, — Поплавский пытался правдиво рассказать подлинную историю своей жизни, не скрывая даже самого интимного, в чем не принято признаваться. Он должен был бы знать, что этим он мог только усилить свою отверженность, так как общество не прощает нарушения своих правил и условностей. В герое романов Поплавского много жалкого и болезненного, отвратительного добродетельному читателю, и все-таки в нем есть что-то необыкновенно привлекательное. Читая Поплавского, мы все время чувствуем присутствие живого человеческого существа, одинокого и несчастного, с вечно ноющей в сердце болью и грустью, неспособного к насмешке. Он был совершенно лишен той глумливой наблюдательности, которая придает произведениям некоторых современных писателей привкус измены человеческому братству.

В той или другой степени главные черты поэзии и прозы Поплавского мы находим и у других «молодых». Никому из них, может быть, не удалось создать сколько-нибудь значительных художественных произведений, зато среди них не было «фальшивомонетчиков» — писателей, стряпающих характеры своих героев и обстановку их приключений из готовых ходких элементов, приспособиваясь к предполагаемым настроениям и вкусам большинства возможных читателей. Такая фабрикация обычно вознаграждается известным успехом. К чести молодых эмигрантских писателей нужно сказать, что почти никого из них такой успех не соблазнил. Даже самые слабые из написанных ими книг все-таки оставляют впечатление встречи с каким-то действительным событием жизни, а не с тем небытием, на темном фоне которого жестикулируют раскрашенные куклы советских романов (да и не только советских).

Утверждение реальности личной жизни определяло и отношение молодых эмигрантских писателей к происходящей в мире трагической борьбе между идеалом демократии и стихией тоталитаризма. На Монпарнасе многие отдавали себе в этом ясный отчет. Поплавский писал: «...если Россия все-таки пройдет мимо личности и свободы (то есть мимо христианства — с Богом или без Бога), мы никогда не вернемся в Россию и вечная любовь будет тогда заключаться в вечной ссоре с Россией...»⁴⁷²

Непримиримость ко всякой попытке заставить человека отказаться от своей глубинной личной жизни и свободы мы находим и в «Приглашении на казнь», романе В. Набокова-Сирина, писателя, так же как и Поплавский, в высшей степени эмигрантского, хотя и не монпарнасского, Монпарнасу даже враждебного.

Нам трудно судить о том, что останется от произведений современных нам писателей. Только в будущем определится их настоящее значение. Но о некоторых очевидных качествах можно говорить уже и теперь. Так, очевиден необычайный в русской литературе стилистический блеск прозы Набокова и его редкий словесный дар, почти какое-то престижитаторское, волшебное умение находить наиболее точные и обладающие наибольшей изобразительной силой слова и образы для передачи подлинных и тем самым трудно выразимых идей, чувств и впечатлений. Иногда, вспоминая пушкинский вздох: «метафизического языка у нас вовсе не существует»⁴⁷³, даже жалеешь, что Набоков занимается беллетристикой, а не метафизикой. По совершенству формы его проза единственная, блистательная и удивительная удача «молодой» эмигрантской литературы.

Когда «Приглашение на казнь», один из лучших русских романов Набокова, печатался в «Современных записках», многие жаловались, что это произведение странное, непонятное. В свое время попытку объяснить его сделал Ходасевич.

«В “Приглашении на казнь”, — говорил он, — нет реальной жизни, как нет и реальных персонажей, за исключением Цинцинната. Все прочее — только игра декораторов-эльфов, игра приемов и образов, заполняющих творческое сознание или, лучше сказать, творческий бред Цинцинната. С окончанием их игры повесть обрывается. Цинциннат не казнен и не неказнен, потому что на протяжении всей повести мы видим его в воображаемом мире, где никакие реальные события невозможны. В заключительных строках двухмерный, наклепанный мир Цинцинната рушится и по упавшим декорациям “Цинциннат пошел, — говорит Сирина, — среди пыли, и падших вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему”. Тут, конечно, представлено возвращение художника из творчества в действительность. Если угодно, в эту минуту казнь совершается, но не та и не в том смысле, как ее ждали герой и читатель: с возвращением в мир “существ, подобных ему”, пресекается бытие Цинцинната-художника»⁴⁷⁴.

Прав ли Ходасевич? Всякое художественное произведение можно толковать по-разному (главная его сущность, как раз то, что делает его художественным произведением, всегда при этом остается несоизмеримой со всеми интеллектуальными схемами, даже теми, которые мог бы предложить сам автор). Мне

лично настойчиво представляется объяснение почти противоположное объяснению Ходасевича. Только в одном с ним соглашаюсь — за исключением Цинцинната в романе нет реальных персонажей, хотя внешне они как будто совсем похожи на живых людей и не менее реалистичны, чем, например, персонажи фарса, или советского эпоса, или полицейского романа. При чтении «Приглашения на казнь» все время испытываешь впечатление, что мы уже много раз слышали и народный говорок Родиона, и наигранные интонации других тюремщиков. Именно так говорят в жизни и еще более так говорят в пьесах и романах определенного условного жанра, по недоразумению принимаемого за реалистический. В известной мере «Приглашение на казнь» можно даже рассматривать как пародию на произведения этого жанра, в котором бытовой аспект жизни выдается за единственную реальность. Набоков, будто желая показать, как легко достигается эта видимость действительности, фабрикует ее у нас на глазах и сейчас же разоблачает как подлог. Кстати, если бы сам Цинциннат не подчеркивал все время, что его окружают какие-то убогие призраки, а не люди, то, вероятно, многие читатели, воспитанные на «здоровом реализме», и не заметили бы, чем эти персонажи, такие правдоподобные и говорящие совсем как в жизни, отличаются от настоящих людей. Отличие это в том, что у них осталась только поверхностная объективированная и социализированная кора сознания: самые элементарные одинаковые у всех впечатления и полученные от общества в готовом виде чувства и понятия, но нет ничего личного, непосредственного, никакой свободы. Это души более мертвые, чем Гоголевские. В Плюшкине или Тентетникове еще сохранилась человеческая трагичность, они еще способны внушать ужас и жалость, и мы с мучительной грустью чувствуем, что прежде это были живые люди. Сам Гоголь верил в возможность превращения Чичикова в человека. С персонажами «Приглашения на казнь» такого превращения произойти уже не может. Это, действительно, какая-то «крашенная сволочь»⁴⁷⁵, шуты, куклы. Все, что придает жизни серьезность и драматичность, — свобода, непосредственные чувства и сознание человеческой судьбы — в них так же совершенно отсутствует, как в героях советского романа, и поэтому происходящее с ними нас не может волновать. В противоположность Петеру Шлемилю, продавшему свою тень черту, это тени, за которыми нет людей*.

«Не в одной России, — писал Шестов, — Гоголь увидел мертвые души. Весь мир представился ему замороженным царством; все люди — великие и малые — безвольными, безжизненными лунатиками, покорно и автоматически выполняющими извне внушенные им приказания. Едят, пьют, гадят, размножа-

* Образ заимствован из повести А. фон Шамиссо.

ются, произносят отяжелевшими языками бессмысленные слова. Нигде ни следа «свободной воли», ни одной искры сознания, никакой потребности пробудиться от векового сна. Все глубоко убеждены — что их сон, их жизнь и их «общий» мир есть единственная, последняя и окончательная реальность»⁴⁷⁶.

Такое же заворуженное царство окружает и Цинцинната. Это, действительно, бред, но вовсе не творческий бред самого Цинцинната, а бред, существующий против его воли, и вполне объективно. Это именно тот «общий мир», за которым стоит вся тяжесть социального давления и который всем представляется единственно реальным. Но только в «Приглашении на казнь» омертвление этого «общего мира» пошло еще дальше. Действие романа происходит в каком-то неопределенном будущем, после того как тотальная социализация всей жизни привела к упадку культуры и вырождению человечества. В этом будущем обществе индивидуум существует не абсолютно, а только поскольку выполняет какую-либо социальную функцию. Ни малейшей свободы, ни малейшей инициативы, ни малейшего творчества ему при этом не оставлено. Все сводится только к сомнамбулическому следованию обычаям и обрядам, раз навсегда регламентированным в малейших подробностях. Персонажи, окружающие Цинцинната, никогда не совершают свободных творческих актов и неспособны ни к какому искреннему чувству. Вообще они не живут, а представляют, притворяются, стараются казаться. Вечная изменчивость, вечное становление реальной душевной жизни заменились в них инерцией привычек, механической игрой условных рефлексов. «Не было у них таких слов, которые бы кончались как-нибудь неожиданно, на ижицу, что ли, обращаясь в пращу или птицу, с удивительными последствиями»⁴⁷⁷. Все их «бытие» исчерпывается готовыми чувствами, мыслями и поступками, предусмотренными ролью, исполняемой ими в обществе. Впрочем, все эти роли мало между собой отличаются — характеры этих безличных фантомов только разные персонификации одной и той же пошлой житейской мудрости и они легко заменимы одни другими. Так Родион время от времени превращается то в директора тюрьмы, то в адвоката.

Среди всех этих почти уже аллегорических масок Цинциннат единственный человек, единственное личное, живое существо, наделенное душой, совестью и свободной волей. Именно в этом его преступление, и именно за это он приговорен к смертной казни. В сущности, он «внутренний эмигрант» в самом буквальном смысле. Он отказывается следовать «генеральной линии» и, несмотря на все оказываемое на него давление, не хочет признать «общий мир» за единственную реальность. Ему кажется, что это только «полусон, дурная дремота,

куда извне проникают странно, дико изменяясь, звуки действительного мира, текущего за периферией сознания»⁴⁷⁸. И, конечно, творчество Цинцинната заключалось вовсе не в создании окружающего его бреда, как это думал Ходасевич, а в прозрении проступающей сквозь этот бред истинной действительности мира и своего личного неуничтожимого существования:

«На меня этой ночью, — и случается так не впервые, — нашло особенное: я снимаю с себя оболочку за оболочкой, и наконец... не знаю, как сказать, как описать, — но вот, что знаю: я дохожу путем постепенного разоблачения до последней, неделимой, твердой, сияющей точки, и эта точка говорит: я емь! — как перстень с перлом в кровавом жиру акулы — о мое верное, мое вечное...»⁴⁷⁹

Именно это отличает Цинцинната от всех других персонажей романа, переставших быть людьми, так как их внутренняя реальная жизнь окончательно ускользнула от их внимания. Чувство самосохранения подсказывает Цинциннату, что благоразумнее и безопаснее было бы жить вовне самого себя, только на социализированной обезличенной поверхности своего «я», более соответствующей требованиям «общего мира». Но мимикрия ему не удастся. Он не может скрыть своей подлинности, и это предreshает его судьбу — он будет казнен.

Пародии, призраки приговаривают живого человека к смертной казни. Как будто бы полная фантастика? Но мы знаем, что уничтожение живых существ безличным «общим миром» является одним из наиболее знаменательных и постоянных явлений истории. Достаточно вспомнить два примера: Голгофу и кубок цикуты для Сократа.

Общество всегда требует соблюдения всех своих законов, верований, всякого рода табу и ритуалов. Если человек подчиняется этому требованию и живет, как все, как принято, как установлено обычаем, то все хорошо — общественный порядок поддерживает его всем своим могуществом. Но если человек уклоняется от «генеральной линии», тогда беда. Не только прямой отказ, а только отсутствие энтузиазма, уединение, устраненность кажутся чем-то подозрительным, преступным, опасным для целостности и сохранности общества. Расплата — «приглашение на казнь». Эта присущая социальной жизни тенденция к уничтожению «внутренних эмигрантов» достигает еще небывалого развития в обществе тоталитарном (одинаково в фашистском или советском).

Всякое изображение будущего всегда суд над настоящим, попытка показать, к чему приведет развитие начал, действующих в современности. «Приглашение на казнь», конечно, гротеск, но особого преувеличения в нем нет. Наигранностью всех своих чувств и разговоров персонажи романа чрезвычайно

напоминают героев казенной советской беллетристики, «реалистической» только в том смысле, что действующим лицам для отвода глаз придана всяческая бытовая живописность. Когда открываешь советский роман, написанный по правилам социалистического реализма, то в первый момент кажется, что это и вправду живые люди. Но почти сейчас же охватывает чувство чудовищной невыносимой фальши, и мы понимаем, что это подделка, куклы, все та же «крашенная сволоочь», которая окружает Цинцинната.

Юрий Самарин утверждал, что «независимо от представлений, желаний, впечатлений, потребностей, в человеке существует еще сердцевина, как бы фокус, из которого бьет самородный ключ»⁴⁸⁰. В героях советской «золотой библиотеки» напрасно искать этой сердцевины. В их лицах никогда не выступит, как в каждой черте лица княжны Марии, внутренняя и духовная работа, или радость, светившаяся в Каратаеве, или та «особенная красота» и милое душевное выражение, которое Михайлов передал в портрете Анны. Всего того, что чудесно и таинственно превращает персонажи Толстого в живых, личных, реально существующих людей, с ними не может случиться. Они даже не подозревают, в чем тут дело. Вся та область, где думает душа и где рождаются наши чувства и наши свободные решения, то есть все, что является по-настоящему нами, нашей личностью, нашим основным «я», в них совершенно отсутствует, или ампутировано, или скрыто от их собственного сознания глухим «железным занавесом». К тому же эти персонажи создаются не самими писателями, а в готовом виде попадают на страницы их романов из пропагандистского отдела ЦК, где все время вырабатываются все более усовершенствованные прототипы мифологического советского героя с подробными указаниями, как он должен думать, чувствовать и поступать. Задача писателя сводится только к тому, чтобы, правильно поняв эти указания, побелить коммунистического гомункула под человека и показать его действующим в более или менее правдоподобной обстановке. Вот почему, несмотря на приемы реалистического бытописания, соцреалистические романы вовсе не воспроизводят действительность, а сознательно ее искажая, создают совершенно фиктивный мир, где двигаются автоматы, лишенные всякой внутренней свободы и тем самым всякой серьезности и реальности. Это такой же, как в «Приглашении на казнь», страшный мир существ, которые живут только условно и умирают, никогда не узнав свободы. На это скажут: даже в самом демократическом обществе человек обычно живет на объективированном «этаже» своего сознания и только в редкие, исключительные мгновения бывает по-настоящему свободен. Все это правда. Внешняя соци-

ализированная жизнь обычно представляется нам более важной, чем внутренняя, так как мы получаем от общества и поддержку в борьбе за существование, и большую часть знаний и энергии, необходимых для ежедневной практической деятельности. Без развивающегося в обществе языка человек, вероятно, не мог бы даже ясно и отчетливо думать. В своем полном одиночестве Цинциннат говорит с самим собой и тем самым еще находится в обществе, так как способность говорить предполагает социальную жизнь, и если все изобретения научные, технические, нравственные, эстетические и сентиментальные плод личного творчества, то без общества эти открытия не сохранились бы в памяти людей и культура и прогресс были бы невозможны. Таким образом, во все времена развитие цивилизации было обусловлено постоянной борьбой и компромиссами между двумя формами существования: роевой и личной. Но эта борьба никогда не достигала такого крайнего драматического напряжения, как в наше время. Сдерживаемая в демократии последовательно проведенными гарантиями личной автономии, сила социального давления, такая же стихийная, как сила, сцепляющая клетки организма и заставляющая муравьев работать на муравейник, в тоталитарных государствах окончательно раздавливает все, что ограждало область личной, свободной и сознательной жизни. Дело идет уже не об одном из обычных в истории колебаний равновесия между обществом и личностью, а об угрозе еще небывалой катастрофы. Если оставить в стороне тоталитарный характер кланов австралийских дикарей и некоторых других так называемых «примитивных народов», то, вероятно, еще никогда вопрос о судьбе личности не ставился так трагически, как теперь. Победа любой формы тоталитаризма будет означать «приглашение на казнь» для всего свободного и творческого, что есть в человеке. Роман Набокова был одним из первых об этом предупреждений.

Так в новый ассирийский век далекая от всякой политики молодая эмигрантская литература, как раз своей сосредоточенностью на внутренней жизни, была приведена к страстной защите личности против тотальной коллективизации и тем самым вдруг оказалась в центре борьбы, от исхода которой зависит все будущее человечества.

Набоков выразил эту главную тему эмигрантской литературы с большей силой, чем кто-либо из писателей Монпарнаса. «Приглашение на казнь» — страстное утверждение, что по-настоящему реален только человек, а не «общий мир». Цинциннату предлагается выбор между двумя видами уничтожения: или перестать быть самим собою, перестать быть человеком, личным существом, или

смертная казнь. Он выбирает казнь. В этом выборе и в мужестве отчаянья, с каким Цинциннат борется за свою человеческую подлинность, — все значение романа. Цинциннату открылось «я есмь». Правда, может показаться, что в своем героическом самоутверждении он не понял, что «я есмь» значит, что и все другие люди «суть». Он не пытается разглядеть в каждом из окружающих его обобществленных персонажей такого же человека, как он сам. Это как будто придает его монологам смущающий привкус солипсизма (крайнего индивидуализма). Но это, может быть, только на первый взгляд так кажется. Сколько бы Набоков ни твердил о своем безбожье, цинциннатовское утверждение своего личного бытия рождается из вечного стремления сознания к соединению с чашим абсолютным бытием и, тем самым, с божественной любовью. Оно должно поэтому вести к любви к людям с такой же последовательностью, с какой себялюбие, по бессмертному выражению Ремизова, делает человека человеку бревном. Тут нужно еще раз напомнить — ведь Цинциннат имеет дело не с живыми людьми, а с аллегориями социальных инерций, уничтожающих личность, с бездушными тенями, которые разыгрывают на тоталитарном кукольном театре бредовую, пошлую и смертельную комедию. Когда же герой Набокова («Дар», «Другие берега») живет среди близких и дорогих ему человеческих существ, то именно в чувстве любви к ним ему глубже и ощутимее открывается трагическая действительность его собственной жизни:

«Когда этот замедленный и беззвучный взрыв любви происходит во мне, разворачивая свои тающие края и обволакивая меня сознанием чего-то значительно более настоящего, нетленного и мощного, чем весь набор вещества и энергии в любом космосе, тогда я мысленно должен себя ущипнуть, не спит ли мой разум. Я должен проделать молниеносный инвентарь мира, сделать все пространство и время соучастниками в моем смертном чувстве любви, дабы, как боль, смертность унять и помочь себе в борьбе с глупостью и ужасом этого унижительного положения, в котором я, человек, мог развить в себе бесконечность чувства и мысли при конечности существования»^{*481}.

Русская литература XIX века верила, что человек, каждый человек, даже падший, даже самый страшный и ничтожный, способен духовно возродиться. Гоголь, Достоевский, Толстой, каждый по-своему, пытались привести тому примеры. В рассказе Толстого «Хозяин и работник» Василий Брехунов, кулак, хищник, на глазах у читателя одним прыжком, «как Хануман», достигает вершины религиозного опыта, когда, забыв о своих замерзающих руках и ногах, о своих деньгах, лавке и доме, о всем, что составляло его поверхностное «я», жертвует

* В. Набоков. «Другие берега», издательство имени Чехова.

своей жизнью, чтобы спасти Никиту, в котором прежде видел только «работника», а не такого же человека, как он сам.

Гоголь умер от отчаяния, что у него не получилась метаморфоза Чичикова. Вряд ли удача и воспоминания старца Зосимы о том, как его таинственный посетитель поборол в своем сердце дьявола. Рядом с гениальными разговорами Ивана Карамазова эти стилизованные страницы кажутся бледными и слащавыми. Толстой почему-то не любил «Хозяина и работника». (Лично мне это произведение представляется одним из самых замечательных в мировой литературе.) Впрочем, пусть это тоже неудача, что из того? В мистическом искусстве полной удачи не может быть — слишком несоизмерим с человеческими словами изображаемый «предмет». Но не будь в Гоголе, Достоевском и Толстом той безумной жадности, которая привела их к этим «неудачам», русская литература не была бы чудом, сравнимым, как это справедливо указывалось, с чудом Греции или готических соборов, со всем самым великим, что было создано людьми.

Помнила ли молодая эмигрантская литература завет русского XIX века, что нужно в каждом видеть человека и брата? Когда вышла первая книга «Чисел», журнала, по преимуществу монпарнасского, создалось впечатление, что это попытка воскресить «Аполлон». Непривычное в эмигрантских условиях изящное оформление, статьи по вопросам искусства и отсутствие злободневной публицистики, наконец, имена главных участников, связанных с петербургским «Цехом поэтов», — все подтверждало это впечатление⁴⁸². Но я уже говорил о статье Поплавского в этом первом номере «Чисел»: «Уже становится ясно, что вся грубая красота мира растворяется и тает в единой слезе, что насилие — грязь и низость, что отдаленная заячья лапа важнее Лувра и Пропилей».

Г.П. Федотов был, конечно, прав, когда писал: «Перед нами не акмеисты, не Аполлон, не Парнас, а нечто совершенно иное, может быть, прямо противоположное»⁴⁸³.

«Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями людей уязвлена стала»⁴⁸⁴ — с этих слов Радищева пошла вся русская интеллигенция. С этих слов, как это не покажется странным, начинался и настоящий Монпарнас.

Спросят, каким образом героическая мораль ордена могла оказаться внятной монпарнасским «огарочникам», жившим в мире праздных лирических галлюцинаций?

Понять это, мне кажется, можно, только вспомнив о «подражании мистицизму», к которому толкал монпарнасцев толстовский «арзамасский» ужас,

подстерегающий людей, обреченных на длительное бездействие и одиночество. Это чувство наступления «темной ночи», знакомое всем, кто подвержен «неврозу» мистицизма, чувство последнего невыносимого отчаянья перед бессмысленностью жизни и смерти, часто являлось источником не только «декадентского» творчества, но и революционного действия. Жизнь Фомы Мюнцера⁴⁸⁵, прошедшего, как все мистики, через это страшное состояние покинутости в «пустыне», быть может, лучший тому пример. Стремление к самоутверждению в личной встрече с последней реальностью всегда, в известной степени, сродни анабаптизму и, в силу своей противоположности всякому конформизму, ведет, если только не останавливается на «этаже» видений и снов, к революционному подвижничеству. Чувствуя, что «общий мир» не может быть единственной действительностью, сознание обращается внутрь самого себя. Но чем больше оно углубляется, тем яснее предчувствует свою соединенность на самом дне с источником всей жизни, всего существующего и всего совершающегося и слышит пугающий, непонятный здравому смыслу, но неотразимый и восхищающий призыв вернуться в мир для действия, среди людей. Призыв, способный победить даже эгоизм, лень и инстинкт самосохранения. Но только немногим «героям» дано было дойти по этому пути до конца — огромному же большинству людей полный мистицизм не по силам. И все-таки, если душа, хотя бы только раз, только еле различимо слышала «арф небесных отголосок»⁴⁸⁶, она никогда не сможет о нем забыть. В этом ограниченном смысле можно говорить, как это делал Поплавский, о «мистической атмосфере молодой эмигрантской литературы»⁴⁸⁷. Всякий, кто бывал на Монпарнасе, помнит, что, несмотря на все жалкое, ничтожное и тщеславное, царившее там, несмотря на декадентство, гениальничание и снобистический безответственный эсхатологизм, что-то проскальзывало иногда в полуночных монпарнасских разговорах, отчего вдруг охватывало странное волнение и начинало казаться, что участники сборища сквозь жизнь снов, сожаления и скуки уже смутно слышат далекий призыв, что-то знают о нем, помнят, предчувствуют.

Так открытие реальности внутренней жизни вело «Монпарнас» к открытию евангельского утверждения абсолютной ценности человеческой личности и основанного на этом утверждения демократического идеала свободы, равенства и братства.

В отличие от прежних интеллигентов монпарнасские завсегда и не знали чувства вины перед народом. Сами были беднее любого пролетария. И все-таки какое-то беспокойство смущало их совесть — пока они жили в стороне от

* Фома Мюнцер, основатель секты анабаптистов, казнен в 1525 г.

человеческих дел (правда, не по своей воле и скорее как в камере одиночного заключения, чем на башне из слоновой кости), положение в мире становилось все более грозным. Неотвратимо надвигалась катастрофа, которая несла миллионам людей страдания и смерть. Именно об этом говорили на упадочном «антисоциальном» Монпарнасе, об этом и о судьбе человеческого рода вообще, о справедливости, о Боге, о братстве, то есть все о том же, о чем всегда говорили «русские мальчишки». И ничего не меняет, что многие монпарнасцы были люди еврейского или полуеврейского происхождения, в большинстве они были христиане по убеждению. Это делало их еще более одинокими, чем остальных участников Монпарнаса: для черносотенцев они продолжали оставаться «жидовскими мордами», а в еврейской буржуазной среде, где они могли бы найти опору и поддержку, на них косились, как на отщепенцев. Но если действительно миссия эмиграции — хранение «священных заветов», то на оторванном от всех исторических и национальных традиций, полуеврейском Монпарнасе этой миссии служили, может быть, больше, чем в стане проповедников разных «органических» и «почвенных» мировоззрений.

Те, кто относился к Монпарнасу с презрением — «вместо болтовни лучше бы занимались серьезной литературной работой», — пожмут плечами. Но в монпарнасских разговорах было больше верности русской идее, чем в программах, воодушевленных фашизмом. Может быть, именно благодаря этой верности и было так мало удач, но зато не было предательства, и это важнее, чем занятие «серьезной литературной работой». (К тому же мы видели, что и условия для такой работы были самые неподходящие.)

В. Ходасевич говорил когда-то: «В известном смысле историю русской литературы можно назвать историей уничтожения русских писателей»⁴⁸⁸. Судьба эмигрантских сыновей лишней раз это подтверждает.

Трагически погибли совсем еще молодыми людьми Н. Гронский, В. Диксон⁴⁸⁹, Б. Новосадов, Б. Поплавский, С. Шарнипольский⁴⁹⁰.

Покончил с собой Болдырев⁴⁹¹.

Пропал без вести Агеев⁴⁹². Никогда больше не встречаешь в печати и многих других имен.

Буткевич⁴⁹³ умер от истощения в марсельской городской больнице. От тяжелых болезней, вернее, от тяжелой жизни преждевременно умерли Вера Булич, К. Гершельман, Ирина Кнорринг, И. Савин.

Умер от чахотки Анатолий Штейгер.

В годы войны были расстреляны немцами Б. Вильде и Кац; погибли в гитлеровских лагерях медленной смерти Раиса Блох, М. Горлин, Е. Гессен⁴⁹⁴, Ю. Мандельштам, Л. Райсфельд, Ю. Фельзен.

Несколько лет назад «Новое русское слово» в Нью-Йорке сообщило о смерти П.С. Ставрова и Довида Кнута⁴⁹⁵.

Если вспомнить, что всего-то в этом литературном поколении числилось несколько десятков человек, то невольно придет в голову знаменитое: «Братья писатели, в вашей судьбе что-то лежит роковое»⁴⁹⁶.

Многие из тех, кто еще жив, замолкли, надорвались. Замолк В.Н. Емельянов, автор очаровательной книги «Свидание Джима» (с рукой, отсохшей от ранения, работал чернорабочим на заводе)⁴⁹⁷. Другие, может быть, чуть лучше устроились, но литературу должны были бросить. Те, кто еще не сдался, продолжают в прежних гибельных условиях. А сил стало меньше, и надеяться уже не на что. Отчаяние, нищета и болезни давно выпущены судьбой для растерзания последних доходяг «молодой эмигрантской литературы».

Еще до войны Газданов писал:

«Мы ведем неравную войну, которой мы не можем не проиграть, и вопрос только в том, кто раньше из нас погибнет, это не будет непременно физическая смерть, это может быть менее трагично; но ведь и то, что человек, посвятивший лучшее время своей жизни литературе, вынужден заниматься физическим трудом, это тоже смерть, разве что без гроба и панихиды»⁴⁹⁸.

С тех пор, как вышло первое издание «Незамеченного поколения», умерли и Газданов, и Емельянов. С каждым годом прибавляются все новые имена в синодике эмигрантских писателей и поэтов этого поколения. Оно уходит из жизни. И все-таки литература эмигрантских сыновей еще продолжается. Еще недавно писал и впервые типографски издавал свои произведения первый русский дадаист Сергей Шаршун⁴⁹⁹, ставший знаменитым абстрактным художником. Он скончался в 1975 году. Сергей Иванович редко бывал на Монпарнасе, но без него в монпарнасском воздухе не хватало бы самого главного, быть может, его элемента — мечтания о человеческом братстве. Со своим длинным, как у Данте на картине Рафаэля, подбородком, Шаршун всегда представлялся мне каким-то сказочным добрым домовым русского Монпарнаса. В его романах, всегда автобиографических, люди в монпарнасских кафе говорили братским, «верленовским» голосом. Мы ходили на Монпарнас, чтобы слышать такие голоса.

Нет больше поэтов и критиков Юрия Терапиано и Юрия Иваска. Благодаря им повесть о «парижской школе» дойдет до будущих поколений русских читателей⁵⁰⁰.

В 1967 году вышло в Париже одно из самых оригинальных и поэтических произведений современной русской литературы, повесть Якова Горбова «Асунта»⁵⁰¹. О Горбове писали Георгий Адамович⁵⁰² и Юрий Терапиано. В своей статье «О творчестве Якова Горбова» Терапиано приводит выдержки из письма «оттуда», от молодого советского литературоведа: «Из ваших прозаиков Горбов мне кажется самым значительным, значительнее, чем ваши корифеи»⁵⁰³. Сам Терапиано пишет: «Творчество Я.Н. Горбова чрезвычайно своеобразно и оригинально, он всюду идет своим собственным путем и все видит по-своему. Ни за рубежом, ни на родине нет сейчас писателя с таким диапазоном и с такой проблематикой, как Горбов».

Увы, высокая трагическая поэзия странных повестей Горбова не нашла в эмиграции широкого читателя. Очень показательны, что в сборнике «Русская литература в эмиграции», изданном в 1972 году Питтсбургским университетом (том в четыреста с лишним страниц), о Горбове упоминается только один раз, да и то только в перечне рецензентов, писавших о поэте, писателе и литературоведе из послевоенной эмиграции Борисе Филиппове*).

Некоторые авторы незамеченного поколения могли издать свои первые книги, только достигнув «третьего возраста». В 1972 году вышла в Париже повесть А. Величковского «Богатый»^{**}). Так же как Горбов, Величковский писатель чрезвычайно своеобразный, со взглядом, прикованным к трагической стороне человеческих отношений, чувств, страстей и судеб. В 1973 году, тоже в Париже, вышла первая книга Ивана Шувалова⁵⁰⁴ «Хлеб и молоко»⁵⁰⁵, очаровательная и правдивая автобиографическая повесть. У автора несомненный природный словесный дар. Николай Татищев опубликовал в последние годы две книги эссе: «Письмо в Россию» и «В дальнюю дорогу»⁵⁰⁶. Это сборники статей на разные темы, и все же они производят впечатление единства. В них есть тот цемент, который, по мнению Толстого, связывает всякое художественное произведение в одно целое, — единство самобытного нравственного отношения автора к предмету. За всем, что Николай Татищев говорит о жизни, мы чувствуем умудренность человека, который пережил какой-то глубокий духовный переворот и которому что-то в загадке жизни приоткрылось. Эпиграфом к своей второй книге он поставил слова: «Мы можем признать только такой мир, в который сошел Христос».

Но, к сожалению, не всем представителям этого поколения удалось хоть на старости лет издать книгу. Так, один из самых одаренных, самых самобыт-

*1) Нет имени Горбова и в исчерпывающей книге Глеба Струве «Русская литература в изгнании» (Париж, 1984). — Примеч. Т.Г. Варшавской.

**1) И лишь посмертно его сборник стихов «Нерукотворный свет». — Примеч. Т.Г. Варшавской. [Величковский А. Нерукотворный свет: Стихи. Париж: Альбатрос, 1981. — Сост.]

ных и независимых современных русских публицистов, поэт и прозаик Сергей Рафальский⁵⁰⁷ не мог издать ни одной своей книги, а он из самых старших эмигрантских сыновей*).

В 1974 году посмертно вышли воспоминания Софьи Прегель «Мое детство»⁵⁰⁸. Георгий Адамович назвал ее в письме к Ирине Одоевцевой «директрисой эмигрантской литературы»⁵⁰⁹. Не знаю точно, что он хотел этим сказать. Ее стихи он очень высоко ценил⁵¹⁰. Во всяком случае, Софья Прегель была добрым гением эмигрантской литературы и верным самоотверженным другом всех эмигрантских писателей. Ирина Одоевцева написала о ней стихи «Софья Прегель, звезда золотая...»⁵¹¹.

В 1973 году в Соединенных Штатах вышел первый роман Петра Муравьева⁵¹² «Время и день»⁵¹³, роман из иностранной жизни, с иностранными героями, но они ведут вечные разговоры «русских мальчиков».

Продолжают писать прекрасные стихи Екатерина Таубер, Нонна Белавина, Лидия Алексеева, Валерьян Дряхлов, Валерий Перелешин и Игорь Чиннов, получивший в последнее время широкое, давно заслуженное признание. Зинаида Шаховская долго писала по-французски, теперь она окончательно вернулась в русскую литературу, к русским стихам и прозе и к русской публицистике. После войны вышло несколько сборников стихов Странника (Иоанна, архиепископа Сан-Францисского⁵¹⁴) и большая его лирическая поэма «Упразднение месяца»⁵¹⁵. В этой поэме религиозно-философское осуждение Октября и размышления о судьбах России и о значении поэзии перемежаются с рассказом об эмигрантских скитаниях автора по всему миру. Но главный герой этой автобиографической поэмы все же не сам автор, а небо: «считаю небо основным героем**».

*) Две его книги вышли уже посмертно. — *Примеч. Т.Г. Варшавской.* [Рафальский С. За чертой: Стихи. Париж: Альбатрос, 1983; Он же. Что было и чего не было: Вместо воспоминаний / Вступ. ст. Б.А. Филиппова. London: Overseas Publications Interchange, 1984. — *Сост.*]

**) Недавно умерли литературоведы Николай Андреев и Э.М. Райс, философ Сергей Левичский, но продолжают печататься философ и поэт Лев Закутин и публицист К. Померанцев. — *Примеч. Т.Г. Варшавской.* [Андреев Николай Ефремович (1908–1982) — историк, литературовед, в эмиграции жил в Праге, участник Seminarium Kondakovianum (с 1928), сотрудник (с 1931) и фактический директор (1939–1945) Института имени Кондакова, преподаватель Русского народного (свободного) университета, в 1945 г. арестован советскими спецслужбами, до 1947 г. находился в заключении в Берлине, после освобождения уехал в Англию, профессор Кембриджского университета (с 1947). Библиография его критических и литературоведческих публикаций составлялась трижды: Bibliography of the Works of N.E. Andreev / By W. Harrison, C. Brancovan // Poetry, Prose and Public Opinion: Aspects of Russia, 1850–1970 / Ed. W. Harrison, A. Pymon. Letchworth, 1984. P. 1–18; Список печатных трудов Николая Ивановича Ульянова / Сост. Н.Н. Ульяновой // Отклики: Сборник статей памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / Ред. В. Сечкарев. Нью-Хевен, 1986; Эстонские годы Н.Е. Андреева: Материалы к библиографии / Сост. И. Белобровцева, А. Рогачевский // Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. СПб.: Феникс, 2002. С. 687–702. Эммануил Матусович Райс (1909–1981) — литератор, переводчик, преподаватель-полиглот, жил в Румынии, с 1934 г. в Пари-

В последнее время выдвинулись два блестящих литературных критика: отец Александр Шмеман и отец Кирилл Фотиев, но они принадлежат уже к следующим эмигрантским поколениям*).

Во избежание недоразумений: я не литературовед, и эта глава ни в коем случае не обзор всей эмигрантской литературы. Мой предмет — опыт младших писателей «старой» эмиграции. Естественно, я не говорил поэтому ни о старших писателях этой «старой» эмиграции, ни о писателях послевоенной и тем более самой последней эмиграции. В двадцатых годах в изгнании оказались И. Бунин, А. Ремизов, Д. Мережковский, Вячеслав Иванов, З. Гиппиус, А. Куприн, И. Шмелев, Б. Зайцев, В. Ходасевич, Н. Тэффи и другие известные русские писатели и поэты. Теперь, с высылкой А.И. Солженицына, живой центр русской литературы во второй раз за полвека переместился за границу: лучшие современные русские писатели уходят из Советского Союза на Запад. Но, повторяю, моя книга только об эмигрантском поколении, которое сложилось на чужбине и вступило в литературу в начале тридцатых годов. Я не писал поэтому даже о тех писателях и поэтах «старой» эмиграции, которые, по выражению проф. Н. Ульянова, успели получить «литературную зарядку в старой писательской среде Петербурга и Москвы»⁵¹⁶. К этой группе, кроме Н. Берберовой и Р. Гуля, о которых упоминает Н. Ульянов, принадлежали М. Алданов, Г. Адамович, Г. Иванов, Н. Оцуп, Ирина Одоевцева**), Марина Цветаева, Михаил Струве, Ю. Анненков (Темирязев), Н.М. Бахтин, К.В. Мочульский, М.Л. Слоним, В.В. Вейдле, Андрей Седых⁵¹⁷. Положение этих людей в эмигрантской литературе было совсем иное, чем положение тогдашних молодых. Дело было не только в возрасте, кое-кто из них был даже моложе некоторых «молодых». Но они были посвящены в литературу еще в России. Это делало их «настоящими» писателями, представителями «настоящей» русской литературы, а не сомнительной, что возникла в эмигра-

же. Учился в Бухарестском университете, Сорбонне, Высшей школе социальных наук в Париже и др. Во время Второй мировой войны принимал участие в Сопротивлении, затем преподавал языки, работал в парижских библиотеках, печатался в эмигрантской, а также французской периодике. Подробнее о нем см.: «Хочется взять все замечательное, что в силах воспринять, и хранить его...»: Письма Э.М. Райса В.Ф. Маркову (1955–1978) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литературоведов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2008. С. 553–694. Закутин Лев Григорьевич (наст. фам. Отоцкий; 1905 – после 1975) — философ, публицист, родился в Польше, с 1930-х жил во Франции, окончил Сорбонну в 1937 г., ближайший сотрудник журнала «Русский современник» (Париж, 1937–1939), после войны переехал в США. Померанцев Кирилл Дмитриевич (1907–1991) — поэт, журналист, с 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1927 г. в Париже. Во время Второй мировой войны участник Сопротивления. Постоянный автор «Русской мысли», в которой публиковал, помимо стихов и рецензий, статьи и эссе философской тематики. — Сост.]

*1) Отец А. Шмеман скончался в декабре 1983 г., его смерть — огромная утрата для Церкви и для русской культуры. — Примеч. Т.Г. Варшавской.

**1) Вернулась в СССР (Ленинград) в 1987 году. — Примеч. Т.Г. Варшавской.

ции. Но я говорил даже не обо всех «молодых», а только о тех из них, в произведениях которых с наибольшей изъяснительностью отразился опыт эмигрантского отчуждения. Именно этим, а не какими-либо литературными критериями объясняется, почему я говорил в этой главе почти исключительно о парижском русском Монпарнасе и почему я больше говорил о личности Поплавского, чем о его стихах. Впрочем, он сам не проводил различия между своими стихами и своими мистическими «припадками реальности».

Пусть те, кого я не упомянул, меня простят. К счастью, после войны вышло несколько обзоров эмигрантской литературы. Наиболее полный и ценный из них Глеба Струве «Русская литература в изгнании» (издательство имени Чехова, 1956 г.). И у Струве, и в сборнике «Русская литература в изгнании»⁵¹⁸, о котором я уже упоминал, читатель найдет много материалов для истории эмигрантской литературы в целом, в статьях М.Л. Слонима о журнале «Воля России», Романа Гуля о «Новом журнале», Марка Вишняка о «Современных записках», Юрия Иваска о поэзии «старой» эмиграции и Николая Андреева «Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом».

Гадать о том, что останется от литературы эмигрантских сыновей, еще слишком рано. С этой оговоркой я готов согласиться, что это поколение неудачников. В самом деле, кроме блистательной удачи В. Набокова-Сирина, не назовешь ни одного произведения, художественно вполне законченного и без срывов. Но нужно быть совсем глухим, чтобы не чувствовать, что неудача, например, Поплавского ближе к вершинам подлинного искусства, чем, например, успех Эренбурга и ему подобных. Поэтому мне представляется наиболее мудрым вывод, сделанный Ю. Иваском в предисловии к антологии русской зарубежной поэзии «На Западе»:

«Обреченные на эмиграцию, то есть на несчастье, зарубежные поэты (как и художники, ученые) творили, творят. Полная оценка этого творчества — удел будущих, далеких и невообразимых для нас русских читателей. Но, думаю, справедливо было бы признать, что самый факт эмиграции обогатил русскую поэзию «новым трепетом» и — следовательно, наше несчастье было одновременно нашей удачей»⁵¹⁹.

Встреча с «русской идеей»

Мы не решили еще вопроса о существовании Бога, — сказал он мне однажды с горьким упреком, — а Вы хотите есть.

*Воспоминания И.С. Тургенева о Белинском*⁵²⁰

Что знало большинство эмигрантских сыновей об истории общественного движения в России? Слышанные в детстве рассказы о бомбометателях, случайно виденные на каких-то старых фотографиях экстагические, с безумными глазами лица Балмашева⁵²¹ и Каляева⁵²², обрывки студенческих песен, неизвестно как дошедшие до Монпарнаса; обрывки полузабытого предания о хождении в народ, о мученичестве, о героической беззаветной борьбе против несправедливости, о готовности всем жертвовать в этой борьбе: жизнью, здоровьем, свободой, счастьем. Все это волновало, почти как жития святых, таинственным приглашением. И в то же время смущающее знание: это высокое жертвенное горение духа соединялось с понятиями о мире по «Бюхнеру и Молешотту»⁵²³, и эти люди принесли России только несчастье и гибель.

Русское прошлое по-настоящему открывалось эмигрантским сыновьям только через русскую литературу XIX века.

В «Братьях Карамазовых», в разговоре Ивана с Алешей, Достоевский дает самое сжатое и в то же время самое полное, непревзойденно гениальное определение «русского мальчика».

«...Ведь русские мальчики как до сих пор орудуют? Иные, то есть? Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что ж, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? А которые в Бога не веруют, ну, те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца. И множество, множе-

ство самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековых вопросах говорят у нас в наше время. Разве не так?

— Да, настоящим русским вопросы о том: есть ли Бог и есть ли бессмертие, или, как вот ты говоришь, вопросы с другого конца, конечно, первые вопросы и прежде всего, да так и надо, — проговорил Алеша, все с тою же тихой и испытующею улыбкой глядяваясь в брата»⁵²⁴.

Это одно из самых знаменитых мест в русской литературе, о котором часто вспоминают⁵²⁵. Однако никто, даже сам Достоевский, не пытался объяснить, почему тот, кто искал Бога и бессмертия, неизбежно оказывался в другом лагере, чем тот, кто хотел «переделки всего человечества по новому штату»? Ведь это же были «все те же вопросы, только с другого конца».

Но вернемся к определению Достоевского. Итак, «русские мальчики» — это прежде всего молодые люди, которые собираются для разговоров о «вековых вопросах» и придают этим разговорам необыкновенное значение.

Другая черта, им свойственная: они ищут правду, чтобы отдать за эту правду свою жизнь: «О если б я мог хоть когда-нибудь принести себя в жертву за правду, — с энтузиазмом проговорил Коля».

В русской художественной и мемуарной литературе много описаний разговоров «русских мальчиков». Разговоры эти, верно, пошли с витийства «архивных юношей»⁵²⁶ и декабристов, а может быть, еще с более ранних времен. Во всяком случае, русскому XIX веку они придавали совсем особенное, единственное очарование.

В тургеневском «Рудине» Лежнев говорит о своих студенческих годах:

«Да и в самом деле, как вспомню я наши сходки, ну, ей Богу же, много в них было хорошего, даже трогательного. Вы представьте: сошлись человек пять-шесть мальчиков, одна сальная свеча горит, чай подается прескверный и сухарик к нему старые-престарые; а посмотрели бы вы на все наши лица, послушали бы речи наши! В глазах у каждого восторг, и щеки пылают, и сердце бьется, и говорим мы о Боге, о правде, о будущности человечества, о поэзии, — говорим иногда вздор, восхищаемся пустяками; но что за беда!.. И ночь летит тихо и плавно, как на крыльях. Вот уж и утро сереет, и мы расходимся, тронутые, веселые, честные, трезвые (вина у нас и в помине тогда не было), с какой-то приятной усталостью на душе... и даже на звезды как-то доверчиво глядишь, словно они и ближе стали и понятнее... Эх! славное было время тогда, и не хочу я верить, чтобы оно пропало даром! Да оно и не пропало — не пропало даже для тех, чья жизнь опошшила потом...»⁵²⁷

* Молодые люди, служившие при архиве Министерства иностранных дел, готовившиеся к дипломатической карьере. Звание «архивного юноши» считалось почетным (см.: А.С. Пушкин).

В своих воспоминаниях, вышедших в Чеховском издательстве, В.М. Зензинов*⁵²⁸ рассказывает, как он и несколько его одноклассников, 14–15-летних гимназистов, собирались на квартире у одного из них для разговоров о том, «как добиться счастья для всего человечества». Совсем другая эпоха, другая среда, но в главном все как в рассказе Лажнева:

«С горячей благодарностью вспоминаю я эти годы — то были годы восторженного и чистого юношеского идеализма! ...каких возвышенных чувств полна душа, куда только не улетят мысли! Ведь весь мир принадлежал нам — и с меньшим, чем счастье всего человечества, мы не мирились. И возвращаешься домой, как на крыльях, весенний ночной воздух веет вокруг, но не замечаешь ни этой тихой ночи, ни пустынных улиц — все озарено светом и мчишься куда-то все вперед и вперед, все выше и выше...

В центре наших устремлений с самого начала стояли общественные интересы, мысли о том, как лучше должно быть устроено общество, в котором на каждом шагу столько несправедливостей, как добиться человечеству всеобщего счастья»⁵²⁹.

Зензинов был неверующий, атеист. Откуда же вдруг у него ночью «все озарено светом и мчишься куда-то все вперед и вперед, все выше и выше...».

Ошибиться нельзя: это восхищение, подъем, удесятеренное чувство жизни и любви, — ведь это и есть состояние души, услышавшей мистический призыв. То, что сам Зензинов умом не отдавал себе в этом отчета, не имеет решающего значения.

Скажут, что это опьянение прекраснодушными разговорами такой же суррогат мистического опыта, как, например, опьянение вином или наркотиками. Во многих случаях это верно, но вовсе не всегда и необязательно. Мы знаем из биографии Зензинова, что для него эти разговоры не были только болтовней: их вдохновения хватило ему на долгую героическую жизнь, и готовность жертвовать собой для добра и правды не оставляла его до самого последнего его часа. Именно это — положить душу за други своя — было главным в образе «русского мальчика». И эта готовность не становилась менее мистической оттого, что мирозерцание было по большей части самое базаровское.

По поводу кончины Зензинова нью-йоркская газета «Россия» (31.10.1953) вместо некролога поместила статью Тараса Новака «Смерть без покаяния». Отмечая, что Зензинов умер без церковного покаяния, Новак пишет в этой статье:

«Пусть будет проклят день и час, когда появились на русской земле все эти взбесившиеся барчуки-декабристы, все эти недоучившиеся семинаристы

* Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953), «Моя жизнь».

Чернышевские и Добролюбовы, все бомбисты-цареубийцы, все кретины “февраля” и закоренелые преступники “октября”. Пусть будет проклята утроба матерей, выносивших вас, и сосцы, вскормившие всех этих безумцев.

Вот с какой печатью Каина и Иуды предателя предстанут перед лицом Праведного Судии все эти несчастные!

Страшно умереть без покаяния!»

На эту полную неистовых проклятий статью ответил в «Новом русском слове» епископ Иоанн Сан-Францисский. Привожу выдержки из его взволнованной отповеди, вызвавшей буйный гнев черносотенцев:

«Мне хочется говорить совсем беспристрастно. Я никогда не принадлежал ни к “левым”, ни к “правым”, и сейчас тем более, как пастырь, не принадлежу ни к тем, ни к другим и мне одинаково дорога всякая душа человека, как бы ни называла она себя в этом мире.

Это естественно. “Левизна” и “правизна” имеют для пастыря не тот смысл, какой усваивается этим понятиям в политике, а тот, который раскрывается в евангельском образе Божьего суда над человечеством... На левой стороне стоят все, не понимающие своей виновности и ответственности перед Богом, а на правой стороне — все, кто не подозревает о своей перед Богом праведности.

Покойный В.М. Зензинов, может быть, не смел всю жизнь ни себе, ни другим признаться, что верит в Бога. Он думал, что верит только в “Высшее Добро”, и ему очень хотелось всежизненно служить этому Добру; и он служил ему по своему разумению, в соответствии с тем, что он понял в добре; он отдавал в последние свои годы без всякой политики жизнь за ближних... Я верю, что таких людей, — “верных в малом”, как В.М. Зензинов, Всемогущий Творец и Спаситель людей узнает и признает за Своих... и они, эти люди, узнают своего Господа и Спасителя, переходя грань этой земной жизни... “Не зная, они чтили Его”, как те афиняне (Д.Ап. 17.23), к которым так человеколюбиво обратился ап. Павел в Афинском ареопаге. Но это все тайны веры, тайны Будущего Века, которых можно сейчас лишь очень бережно касаться... Живой Бог, Который есть не только Любовь, но и Творец любви, взыскивает свое Творение»⁵³⁰.

Мысль, что «на правой стороне» все, кто не подозревает о своей перед Богом праведности, была близка многим мистическим деятелям.

Вивакананда, ближайший ученик великого индусского святого Рамакришны, говорил:

«Человек, который практикой добрых дел дошел до готовности отдать ради других свою жизнь и все, что он имеет, и все, чем он является, такой чело-

век, даже если он никогда не знал ни одной философской системы, даже если он не верит и никогда не верил ни в какого Бога, даже если он ни разу в своей жизни не молился, достиг вершины религии».

Эту же, в сущности, мысль, доводя ее до крайности, утверждала мать Мария (Е.Ю. Скобцова):

«Всякий возлюбляющий мир, — говорила она, — всякий, отдающий душу свою за других, всякий, готовый ценою отлучения от Христа добиться спасения братьев своих, — есть ученик и последователь Христов»⁵³¹.

Но если это так, то тогда вся история «ордена русской интеллигенции», несмотря на материализм и позитивизм большинства орденских «целостных мирозерцаний», есть история особой мистической христианской секты. На это часто указывалось и в подтверждение этого можно привести множество цитат из сочинений и писем лучших представителей ордена.

Н.В. Станкевич* писал: «Самоотвержение любви, самоотвержение по внутреннему голосу души... вот жизнь религиозная... Все наше достоинство в приближении к этой жизни...»⁵³².

Так же думал и «неистовый Виссарион»**: «Отрешись от себя, подави свой эгоизм, попри ногами твое своекорыстное “я”, дыши для счастья других, жертвуя всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага и тяжким крестом выстрадай твое соединение с Богом, твое бессмертие, которое должно состоять в уничтожении твоего “я” в чувстве любви»⁵³³.

А.И. Герцен***: «Евангелие должно войти в жизнь, оно должно дать ту индивидуальность, которая готова на братство»⁵³⁴.

Участник сборника «Православное Дело» К.В. Мочульский****⁵³⁵ имел полное основание утверждать:

«Исповедуя Христа или борясь с ним, признавая Церковь или восставая на нее, все направления русской мысли — западничество, славянофильство, социализм, анархизм, толстовство — были явлениями христианского духа, событиями христианской истории; конечно, на поверхности было и богоборчество, и безбожье, и самый крайний материализм, — но все эти падения и заблуждения свидетельствовали только о необычайной напряженности религиозного процесса, совершавшегося в глубинах народной души. Если Дух Святой есть любовь к ближнему и милосердие, жажда правды и справедливости, то, ве-

* Николай Владимирович Станкевич (1813–1901), глава философско-литературного кружка московской университетской молодежи 1830-х гг.

** Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848).

*** Герцен Александр Иванович (1812–1870).

**** Мочульский Константин Васильевич (1892–1950), литературовед, писатель.

рим мы, русская мысль никогда не была виновна в хуле на Духа. Русская интеллигенция, аскетическая и жертвенная, и уйдя от Христа, служила делу Его»⁵³⁶.

Не принимая догматов и метафизики христианской религии, лучшие люди ордена принимали самую «вещь», самую «субстанцию» христианства — заповедь любви.

С этим не согласятся все те, для кого христианин только тот, кто исповедует вероучение Церкви. Для людей, так думающих, утверждение, что интеллигентский героизм отличался от христианского подвижничества только своей религиозной неосознанностью, звучит как соблазнительная и кощунственная ложь. Они указывают обыкновенно, что в крайнем случае тут можно говорить только о внешнем сходстве, но никак не о внутренней близости — «религия без религиозного объекта» ведет-де к роковым последствиям. В «Вехах» П.Б. Струве* с негодованием писал: «С легкой руки, главным образом, Владимира Соловьева установилась своего рода легенда о религиозности русской интеллигенции. Это в сущности — применение к русской интеллигенции того же самого воззрения, — на мой взгляд поверхностного и не выдерживающего критики, — которое привело Соловьева к его известной реабилитации, с точки зрения христианской и религиозной, противорелигиозных мыслителей»⁵³⁷.

Но не один только Соловьев верил, что Дух Христов дышит, где хочет. Так, А.С. Хомяков говорил: «Не Христа ли любит тот, кто любит Правду? Не его ли Ученик, сам того не ведая, тот, чье сердце отверсто для сострадания и любви. Не единственному ли Учителю, явившему в Себе совершенства любви и самоотвержения, подражает тот, кто готов жертвовать счастьем и жизнью за братьев»⁵³⁸.

Г.П. Федотов, по опыту собственной жизни знавший, что все это «те же вопросы, только с другого конца», в статье «Трагедия русской интеллигенции» дает незабываемый образ ордена в дни его наибольшей славы:

«И вдруг бесовский маскарад 60-х годов обрывается. 1870 год — год исхода в народ. Неожиданный, изумительный подвиг, аскетизмом своим возвращающий нас в Фиваиду, совершается тысячами русских юношей и девушек. Это стихийный взрыв долго копившейся, сжатой под сильным давлением религиозной энергии...

Идейный багаж юных подвижников невыразимо скуден. Вместо евангелия “Исторические письма” Лаврова. За это евангелие и идут на смерть. Но, читая их изумительное житие, подвиг отречения от всех земных радостей, терпения бесконечного, любви всепрощающей — к народу, предающему их, — нельзя не воскликнуть: да, святые, только безумец может отрицать это! Никто из врагов не мог найти ни пятнышка на их мученических ризах.

* Струве Петр Бернгардович (псевд.: Наблюдатель; 1870–1944), экономист, политик, писатель.

За Лавровым, за Боклем явно стоит образ иного Учителя, зовущего на жертвенную смерть»⁵³⁹.

Но и позднее, когда с 1879 г. «бродячие апостолы» начали превращаться в политических убийц, в их человеческом облике сохраняются черты необыкновенного жертвенного героизма. М.А. Алданов, писатель, склонный относиться к «героической морали» скорее скептически и показавший в «Истоках»⁵⁴⁰, каким несчастьем для России и всего мира было бессмысленное убийство Александра II, в то же время, в соответствии с исторической правдой, наделяет своих героев-убийц такой чистотой и такой доблестью, каких немного найдется в человеческих преданиях. Перед самым убийством Гриневицкий⁵⁴¹ говорит: «Видит Бог, в которого я так горячо верил прежде, в которого, быть может, верю и сейчас... Видит Бог, мы хотели и хотим только блага человечества».

Желябов⁵⁴², другой участник убийства Александра II, заявил на суде:

«Крещен в православии, но православие отвергаю, однако признаю сущность учения Иисуса Христа. Верю в истинность и справедливость этого учения, исповедую, что вера без дела мертва есть и что всякий истинный христианин должен бороться за правду, за права угнетенных и слабых и, если нужно, за них и пострадать»⁵⁴³.

Позднее считали себя христианами некоторые участники Боевой организации эсеров: Климова⁵⁴⁴, Каляев, Сазонов⁵⁴⁵, Бенеvская⁵⁴⁶.

Сазонов, убийца министра внутренних дел Плеве, писал родным из тюрьмы:

«Вспомните мои молодые мечты о мирной деятельности на благо несчастного люда. И вдруг при таком-то робком миролюбивом характере передо мною встала страшная задача. И я не мог сбросить ее с своих плеч. Моя совесть, моя религия, мое евангелие, мой Бог требовали этого от меня. Мог ли я послушаться? Да, родные мои, мои революционные и социалистические верования слились воедино с моей религией. Я считаю, что мы — социалисты — продолжаем дело Христа, который проповедовал братскую любовь между людьми и умер, как политический преступник, за людей. Не слава прельщала нас. После страшной борьбы и мучений только под гнетом печальной необходимости мы брались за меч»⁵⁴⁷.

Сазонов покончил с собой в каторжной тюрьме из протеста, после того, как по распоряжению начальства несколько политических заключенных были выпороты розгами. Он надеялся, что его смерть сможет приостановить «дальнейшие жертвы», — «а потому я должен умереть»⁵⁴⁸.

* М.А. Алданов, «Истоки», 1943–1945 гг.

Вспоминая об этом самоубийстве в своей работе «Ранние годы Ленина»*, Н. Валентинов говорит:

«Сазонов, верящий, что “продолжает дело Христа”, не одинок. Программа 1878 г. Северного Союза русских рабочих призывала “воскресить учение Христа о братстве и равенстве, быть апостолами нового, но, в сущности, только непонятого и позабытого учения Христа”. Героиня процесса 50-ти Бардина⁵⁴⁹ считала, что всегда оставалась верной принципам христианской религии, “в том чистом виде, в каком они проповедовались самим основателем христианства”... Такие заявления виднейших русских революционеров полезно напомнить, чтобы не было ложного представления, будто русское революционное движение было представлено только одним типом людей, крайних материалистов-атеистов, порвавших всякую связь с христианской религией и образом Христа. Перед казнью Александр Ульянов, Генералов, Андреюшкин, Осипов⁵⁵⁰ к кресту приложились...»⁵⁵¹

Альбер Камю, один из самых замечательных современных французских писателей, восхищаясь готовностью русских террористов платить своей жизнью для искупления убийства, утверждает:

«Каляев и его братья торжествуют над нигилизмом»⁵⁵².

Но даже, если бы нельзя было установить прямого воздействия на сознание людей ордена не только интеллектуальных, но и моральных идей христианства, достаточно вспомнить, что вся русская литература XIX века была христианской по своему этическому вдохновению и что эта литература и всегда живущие в русском народе подводные религиозные течения не могли не оказывать глубокого и могучего влияния на души, предрасположенные к мистическому подвигу. Так же должны были влиять и впечатления детства. Об этом писал в сборнике «Вехи» С. Булгаков, тогда еще не священник, а профессор политической экономии:

«Христианские черты, воспринятые иногда помимо ведома и желания, через посредство окружающей среды, из семьи, от няни, от духовной атмосферы, пропитанной церковностью, просвечивают в духовном облике лучших и крупнейших деятелей русской революции»⁵⁵³.

К этому нужно прибавить, что была проникнута христианством и вся та западная цивилизация, в идолопоклонстве перед которой обвиняли русскую интеллигенцию. Здесь я подхожу к самой трудной части этого длинного отступления, необходимого, однако, для объяснения взаимоотношений эмигрантских отцов и сыновей. Начну с положений более или менее общепризнанных. Атеизм и

* «Новый журнал», № 40-й, 1955 г.

материализм русской интеллигенции были заимствованы ею у Запада как нечто необходимо связанное с научным прогрессом. То, что и атеизм и материализм вовсе не научные истины, а научно недоказуемая метафизика, никому из вождей русской интеллигенции в голову не приходило. (Вера в «научность» материализма сохранилась и до сих пор у некоторых последних могокан шестидесятничества.) Но соответствующую ошибку делали и обличители интеллигентского просветительства. Им также казалось, что дух Возрождения и Просвещения, приведший к расцвету науки, машинизма и демократии, обязательно предполагает отпадение от христианства. И если интеллигенты ради науки и прогресса считали необходимым отказаться от веры в Бога, то обличители интеллигенции предлагали во имя Бога отказаться от всей современной цивилизации. В крайней форме призыв к такому отречению был сделан Н.А. Бердяевым в его злосчастном «Новом средневековье», о котором мне уже приходилось упоминать.

«...Старый мир, который рушится и к которому не должно быть возврата, и есть, — говорил он, — мир новой истории с его рационалистическим просвещением, с его индивидуализмом и демократизмом, с его блестящими национальными монархиями и империалистической политикой, с его чудовищной индустриально-капиталистической системой хозяйства, с его могущественной техникой и внешними завоеваниями и успехами, с безудержной и безграничной похотью жизни, с его безбожием и бездушием, с разъяренной борьбой классов и социализмом, как увенчанием всего пути новой истории. Мы охотно готовы пропеть слова революционной песни “отречемся от старого мира”, разумея под “старым миром” этот мир новой истории, обреченный на гибель»⁵⁵⁴.

Именно по этой линии, начиная со спора Белинского и Гоголя, русское образованное общество расколосось на два непримиримых лагеря.

Владимир Соловьев, видевший правду и вместе односторонность и внутреннюю противоречивость убеждений обоих лагерей, первый заговорил о бессмысленности этой основанной на недоразумении междоусобной войны.

Одинаково критикуя и отвлеченный клерикализм, с его враждой к свободной мысли и научному исследованию, и отвлеченный рационализм, отрицавший во имя точного знания религию и даже философию, Соловьев искал некий высший синтез, в котором бы мистический опыт и достижения векового развития науки и философии взаимно друг друга обогащали. Поиски этого синтеза определили и отношение Соловьева к русскому спору: принимая в основном славянофильское учение, он хотел очистить его от романтизма и реакционности и восполнить политическими идеалами западничества.

В 1888 г. он пишет М.М. Стасюлевичу:

«В области вопросов русской политической и общественной жизни я чувствую себя (в последние годы) наиболее солидарным с направлением “Вестника Европы” и не вижу, почему бы разница в идеях, принадлежащая к области сверхчеловеческой, должна была бы при тождестве ближайших целей мешать совместной работе. Опыт убедил меня, напротив, что такая работа нисколько не облегчается метафизическим единомыслием, когда люди хотят не одного и того же»⁵⁵⁵.

После окончательного разрыва со славянофилами Соловьев действительно начинает писать в «Вестнике Европы» и в других либеральных журналах.

Что делало возможным это сотрудничество самого мистического из русских мыслителей с «невскими скептиками»⁵⁵⁶, что тянуло его к ним?

В своем знаменитом реферате «Об упадке средневекового мирозерцания» Соловьев говорит:

«Уничтожение пытки и жестоких казней, прекращение, по крайней мере, на Западе, всяких гонений на иноверцев и еретиков, уничтожение феодального и крепостного рабства — если все эти христианские преобразования были сделаны неверующими, то тем хуже для верующих».

Первый в России, проповедуя социально-активное творческое христианство, Соловьев любил повторять, что Дух дышит где хочет и что в то время, как христиане по имени в своем исключительном догматизме и ложном спиритуализме изменяли делу Христову, этому делу служили прогрессисты, не верующие в Бога, но создавшие весь социально-нравственный и умственный прогресс последних веков, проникнутый духом христианского человеколюбия и справедливости. Вместо того, чтобы порицать этих христиан без Бога, пусть бы «номинальные христиане сами попробовали сделать лучше, создать христианство живое, социальное, вселенское»⁵⁵⁷.

Для доказательства необходимости «христианской политики» Соловьеву чрезвычайно важно было разрушить ходячее представление о несовместимости идеи прогресса с христианством. «Многие проповедники исторического прогресса, — писал он, — понимают под ним беспредельное самоусовершенствование человека без Бога и против Бога, — из этого поспешно выводят явно вздорное заключение, что самые идеи развития и прогресса имеют какой-то атеистический и антихристианский характер. Между тем не только это не так, но, напротив, эти идеи суть специфически-христианские (или точнее еврейско-христианские), они внесены в сознание людей только пророками Израиля и проповедниками Евангелия»⁵⁵⁸.

Как я уже упоминал, «Повесть об антихристе» была воспринята в стане «охранителей» как отказ Соловьева от всех этих завиральных прогрессивных идей — Соловьев «поверил в черта» и «покаялся»⁵⁵⁹. Оставляя в стороне спорный вопрос, насколько правильно было подобное толкование, нужно признать, что необыкновенный успех этой злополучной «гениальной» повести очень помешал делу пропаганды основной соловьевской идеи, что правильно понятое христианство с его заповедью любви и утверждением абсолютной ценности личности не только не требует отказа от прогрессивного общественного идеала свободы, равенства и братства, но, наоборот, ставит этот идеал перед человеческой совестью с силой мистического «категорического императива». К счастью, несмотря на вред, причиненный «раскаивьем» Соловьева, эта идея и связанные с нею поиски нового миросозерцания, в котором бы соединились положительные начала и славянофильства и западничества, не были оставлены. О социальной реформе в духе идей Соловьева мечтал основатель союза «Христианской борьбы», П.А. Флоренский, правда, впоследствии отошедший от увлечения «радикальным» христианством⁵⁶⁰. В 1903 г. в «Вопросах философии и психологии» С. Булгаков в большой статье, посвященной Соловьеву⁵⁶¹, решительно выступил в защиту соловьевского плана примирения правды религиозного сознания с правдой освободительного политического и социального движения. Свою статью С. Булгаков заканчивал страстным призывом покончить с «недоразумением».

«Довершив свое окончательное преобразование, реформированное славянофильство или, лучше сказать, национальный универсализм окажется способным сделаться знаменем и вероисповеданием прогрессивных элементов нашего общества, а вместе утолить их философскую и религиозную жажду; шаткие основы позитивного миросозерцания западничества, привлекательного теперь в силу связанных с ним прогрессивных общественных стремлений, быстро утратят свою обаятельность, раз только станет ясно, что переход к новому миросозерцанию не обязывает отказываться от прогрессивных стремлений, и основное историческое недоразумение русской жизни будет исчерпано и исчезнет. И сие буди, буди!..»

Призыв Булгакова не был услышан. Всякий возврат к религии воспринимался радикальным общественным мнением как измена идеалам русской интеллигенции, как предательство движения к свободе, просвещению и прогрессу. Эпигоны же славянофильства докатились кто до обыкновенного черносотенства, кто до «Нового средневековья», евразийства и национал-большевизма. Но идея Соло-

вьева и Булгакова о синтезе двух традиций все-таки не погибла окончательно. Творческие усилия в этом направлении продолжались. В 1931 г. в Париже начал выходить журнал «Новый Град»⁵⁶², созданный И.И. Фондаминским-Бунаковым, Ф.А. Степуном и Г.П. Федотовым, при участии самого Булгакова, тогда уже протопиера и ректора Свято-Сергиевской духовной академии в Париже. К «Новому граду» я еще вернусь в следующей главе. Пока же необходимо только уяснить, на чем основывал Булгаков свою надежду на возможность примирения между двумя столь противоположными, исключаящими друг друга символами веры.

Особенность его точки зрения заключалась в том, что в то время как оба лагеря — и сторонники интеллигентского просветительства, и его яростные обличители — одинаково были уверены в антирелигиозном характере современной западной цивилизации, он утверждал ее христианское происхождение, указывая на связь развития новейшей науки и демократического идеала свободы и прав человека, с огромным религиозным подъемом, вызванным во всем западном мире Реформацией:

«Часто забывается и далеко не всеми понимается, что теперешняя культура имеет религиозные корни и до сих пор еще питается их здоровыми соками. Последнюю страницу истории принимают за целую книгу, а цвет — за все растение, не видя внутренней связи прошлого с настоящим, всей органичности, преемственности этого культурного развития. Новая Европа была духовно вскормлена и воспитана христианской церковью, и теперешняя европейская культура с ее наукой по своему происхождению является христианской, хотя в своем сознании она начинает утрачивать эту связь»⁵⁶³.

Булгаков видел и причины, почему стала утрачиваться эта связь. Он винил во всем средневековое монашество и аскетическое отношение к жизни: «этот лжеэсхатологизм зажигал костры инквизиции, воздвигал гонения на человеческую мысль и свободу, оправдывал деспотизм и, в конце концов, возбудил против себя ненависть, живущую до сих пор».

Мы видим, что это совсем другое, чем у Бердяева, понимание Возрождения. Однако и Булгаков не показал, в чем заключалась происшедшая тогда роковая путаница. На поверхности Возрождение — это возврат к языческому искусству и к школам мысли древнего мира, начало процесса секуляризации западной культуры. Защитники «средневекового мирозерцания» поэтому как будто правы, обвиняя гуманизм нового времени в отпадении от христианства. В действительности же как раз средневековое мирозерцание, с его мироненавистническим аскетизмом и пессимизмом, было в последнем счете сродни

религиозному дуализму поздней древности, в то время как космический энтузиазм Возрождения был прямой противоположностью этому позднеантичному отрицанию материального мира. Древнее трагическое чувство истории и покорности мифу вечного возвращения впервые было побеждено именно в новом гуманизме, с его верой в прогресс и в возможность движения вперед. В этом трагический парадокс Возрождения. В то время как средневековое мирозерцание, отождествляя себя с христианством, в сущности, отвергало основную христианскую идею добра творения, гуманизм, будто бы отпавший от христианства, в своем стремлении к действительному преобразению мира и в своем утверждении единственности и незаменимости личности, был в самом главном порождением христианской идеи человека и христианской идеи творения и воплощения, хотя бы некоторыми гуманистами эти идеи и не признавались. Но если это так, если новая Европа внутренне и органически выросла из христианства, то призыв отречься от современной западной цивилизации с ее наукой, демократией и машинизмом равняется тогда призыву отречься от огромной доли того, что было принесено в мир христианством.

Этого вывода Булгаков не сделал с достаточной определенностью. Поэтому я вынужден тут обратиться к авторитету французского философа Бергсона, который, так же как Булгаков, видел в Реформации и Возрождении и в первых научных открытиях реакцию против средневекового аскетизма, но, в отличие от Булгакова, не побоялся раскрыть все значение такого понимания. «В средние века, — говорит он, — христианский идеал был как звезда, всегда обращенная к людям одной и той же стороной. Теперь же люди начали видеть другую сторону, не всегда отдавая себе отчет, что это та же самая звезда»⁵⁶⁴.

Мысль Бергсона в первое мгновение кажется чрезвычайно парадоксальной. Между тем все историки культуры соглашаются, что, хотя с самых древних времен человек умел изобретать сложные механические орудия, только соединение этого изобретательского дара с европейской наукой, начавшей возникать с XVI века, могло привести к технологической революции наших дней. И так же все сходятся на признании единственности и беспримерности этой революции. Даже самые высокие цивилизации древности не знали ничего подобного науке и технике, выросшим на почве европейской христианской культуры. Чувствуя, что это не могло быть только случайным совпадением и что между машинизмом и христианством существует какая-то таинственная связь, многие авторы, и верующие и неверующие, делали попытки объяснить, каким образом христианство способствовало развитию научного мышления.

В своей книге «Смысл истории» Николай Бердяев дает такое объяснение: «У христианского человека остался ужас перед природой как кровной связью с язычеством. Христианство принесло благую весть об освобождении от этого ужаса и рабства, оно объявило непримиримую, страстную, героическую борьбу с природой в человеке и вне человека... началось техническое воздействие на природу, началась механизация природы, связанная с восприятием природы как мертвого механизма, а не живого организма. Эта механизация является вторичным или третичным результатом христианского освобождения человека от демонолатрии. Как это ни парадоксально, но для меня ясно, что только христианство сделало возможным позитивное естествознание и позитивную технику. Пока человек находился в непосредственном взаимодействии с духами природы, пока он строил свою жизнь на мифологическом миропонимании, он не мог возвыситься над природой в акте познания через естественные науки и технику»⁵⁶⁵.

В своей чрезвычайно интересной работе «Человек и современный мир» К. Померанцев, эмигрантский писатель, выдвинувшийся после войны, говорит: «Техническая цивилизация развилась преимущественно в христианских странах. Произошло это благодаря тому, что христианство освободило человека от страха перед природой, перед природными духами. Лишь свободный от этого страха человек мог подняться над природой и овладеть ее законами... Невозможно себе представить атомную бомбу, изобретенную индусами или китайцами! Парадоксально можно было бы сказать, что атомная бомба есть квинтэссенция христианской цивилизации. Но это и ее неудача. Неудача в том, что моральное совершенствование людей чудовищно отстало от технического процесса»⁵⁶⁶.

Вот некоторые другие предположения:

Христианство не знало магии.

Христианство требует искания истины и абсолютной правдивости.

Христианство есть религия воплощения.

Для христианина мир и все в мире сотворено Богом и поэтому достойно познания (Лютер говорил, что Бог, как творец, присутствует даже во внутренностях вши).

Прот. В. Зеньковский в одной своей статье писал, что именно из веры в Бога, как творца всей вселенной, развилось научное представление о единстве природы и ее законов⁵⁶⁷.

Другие объяснения: века схоластических споров приучили к точному и гибкому мышлению. Выработалась привычка искать во всем проявление общих

принципов. В Боге схоластиков личная энергия Иеговы соединилась с рационализмом греческого философа.

Все эти указания недостаточны, так как они видят в возникновении науки только как бы побочное и случайное следствие христианства. Бергсон один утверждал, что машинизм был порожден мистицизмом⁵⁶⁸.

Лев Шестов говорил, что Бергсон — человек, которому открылась великая истина, но он от нее отвернулся⁵⁶⁹.

В увлечении борьбой с западным рационализмом осудили Бергсона и многие другие эмигрантские мыслители. В статье «Хитрость разума» (первый евразийский сборник «Исход к Востоку», София, 1921 г.) Георгий Флоровский писал: «“Кости щелканье сухой” слышится явственно даже в поэтической философии жизни самого, может быть, яркого выразителя современного интуитивизма — Бергсона... генетически этот выдающийся противник *ratio* является ведь прямым продолжателем французской философской традиции, восходящей в конечном счете к великим рационалистам — Декарту и Мальбраншу; у последнего можно неожиданно встретить прямые предвосхищения самых, казалось бы, “модерных” идей Бергсона»⁵⁷⁰.

В знакомой мне эмигрантской литературной среде Бергсона не любили⁵⁷¹. Властители дум русского Монпарнаса принадлежали к поколению, возросшему на Достоевском, Ибсене, Ницше, Розанове, музыке Вагнера и декадентских стихах. Академическая проза Бергсона не могла им нравиться. Говорили, что книги Ницше написаны кровью, а книги Бергсона чернилами⁵⁷². А того, что своей точной классической прозой Бергсон сказал о «несказанном» больше всех символистов и патентованных безумцев, не замечали. В этом чуде бергсоновской прозы и заключается трудность всякого переложения его мыслей своими словами. Но у меня нет другой возможности. Вот в кратком и неизбежно упрощенном виде его выводы: с христианством в человеческий мир сошел огонь мистической любви. Охваченная этим огнем душа соединяется с любовью Бога ко всем людям и ко всему миру. Но только небольшому числу избранных дано было вместить эту пламенную и действительную любовь. Человечество в целом оказалось неспособным последовать примеру «подражателей Иисуса Христа». Главное препятствие, помешавшее этому, — проклятие «в поте лица». За свое существование человеку приходится бороться с природой и с другими людьми. Разум служит ему именно для того, чтобы изобретать орудия и оружие, необходимые для этой борьбы. В этих условиях человечество не может обратить к небу внимание, по необходимости прикованное к земле. Но, несмотря на все пре-

пятствия, настоящий полный и действенный христианский мистицизм стремится увлечь за собой и спасти все человечество. Если это вообще возможно, то только посредством применения двух очень различных методов: первый — религиозная пропаганда; второй — «переделка» материальных условий, в которые человечество поставлено природой. Простой инструмент должен уступить место огромной системе машин, способной освободить человека. Тогда, если развитие машинизма будет сопровождаться политическими и социальными реформами, которые обеспечат правильное пользование технологическим могуществом, станет возможным радикальное духовное преобразование. Другими словами — мистицизм *«призывает»* механику и демократию. Именно демократическое вдохновение двинуло вперед древний, как человечество, изобретательский гений. Это становится все более очевидным в XVIII веке, особенно у энциклопедистов.

Современный машинизм, все быстрее и быстрее развиваясь и совершенствуясь, пользуется освобожденными потенциальными энергиями материи, по сравнению с которыми мускульная сила человеческого тела совершенно ничтожна. Завтра, когда наука освободит энергию, скрытую в каждой частице весомого вещества, дорога будет открыта.

Взаимоотношения мистики и механики Бергсон показывает на примере Индии.

Индия почти не знала влияния догматического христианства. Но проникновение в Индию христианской по своему происхождению западной индустриальной цивилизации сделало возможным появление близкого к христианству огненного и действенного мистицизма Рамакришны и Вивакананды. Этот мистицизм не мог возникнуть, когда индус чувствовал себя раздавленным природой. Что делать, когда неизбежные болезни и голод обрекают миллионы несчастных на смерть? Сознание бессилия толкало индуса к доктрине отречения. Буддизм не верил в человеческое действие и не знал дара «тотального самопожертвования». Но приходят с Запада машины, лекарства, железные дороги, политические и социальные организации, делающие возможным освобождение уже не только в Нирване. Мистический порыв больше не будет остановлен невозможностью действовать: душа откроется чувству любви к людям и к миру.

Я так долго останавливаюсь на бергсоновской идее о мистическом происхождении современной демократии и машинизма, так как, по моему глубокому убеждению, только приняв его идею, можно понять значение происходящего теперь мирового кризиса и одновременно понять, каким образом вопро-

сы о Боге и бессмертии и вопросы о переделке человечества по новому штату действительно являются все теми же вопросами, только с другого конца, и почему героизм лучших представителей русской интеллигенции был так близок к христианской святости. Душа интеллигента, подготовленная всем русским воспитанием к мистической любви, принимая на веру материализм «просветительства», вместе с тем открывалась и глубинному христианскому вдохновению современной демократической и технологической цивилизации (Чехов был прав, когда говорил, что «в электричестве и паре больше любви к человеку, чем в целомудрии и воздержании от мяса»⁵⁷³).

Но если это так, то ведь тогда вся междоусобная война русской интеллигенции была действительно «великим недоразумением с обеих сторон», только не в том смысле, как это думал Достоевский — западники-де смешали Россию с Европой, — а в том смысле, что эта война была последствием и продолжением более давнего, великого и трагического недоразумения, когда в века Возрождения и Просвещения демократия и машинизм, непонятые людьми церкви, начали осуществляться в борьбе с церковным аскетизмом, и христианский идеал расщепился на две, как будто противоположные, а на самом деле дополняющие друг друга тенденции. Этим-то двум разным, но одного и того же происхождения тенденциям и соответствовали два лагеря, на которые была разделена русская интеллигенция, и в этом объяснение, почему многие западники и славянофилы, несмотря на всю противоположность их взглядов, могли чувствовать непонятное изначальное родство друг с другом. Герцен очень хорошо об этом сказал: «Да, мы были противниками, но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинаковая... И мы, как Янус, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно»⁵⁷⁴.

Несмотря на эту «одну любовь», оба лагеря расходились все дальше и непоправимее. Общим у них оставалось только одинаковое непонимание мистической природы демократии и современного машинизма и одинаковое убеждение, что надо выбирать или христианство, или «просветительство». Этот выбор и определял принадлежность к одному из двух лагерей.

Люди религиозные почти всегда из двух методов мистической экспансии, о которых говорил Бергсон, признают христианством только первый — религиозную пропаганду. Второй же метод, породивший демократию и машинизм, большей частью воспринимается ими как нечто, ничего общего с христианством не имеющее, а иногда даже как некий богоборческий титанизм. Разочарование в идее прогресса особенно усилилось в эмиграции. Потеря веры в

человеческое действие в старых культурных странах Европы привела к росту сомнений и страха, передававшихся и русским эмигрантам, и без того склонным к эсхатологическим настроениям. Современной индустриальной цивилизации предъявлялись все более суровые обвинения. Эти обвинения так часто, со всех сторон и на все голоса повторяются, что легко составить их приблизительный список:

Предметы фабричного производства однообразны и уродливы.

Технологическая революция отрывает человека от естественных условий жизни, от земли, от природы, от традиций.

Конвейер и тэйлоризация делают труд бездушным и машинальным, не требующим смекалки и выбора, что неизбежно приводит к усыплению сознания и к потере способности совершать свободные поступки. Человек все больше и больше превращается в часть машины, в робота, в автомата. Горизонты человеческой жизни трагически сужаются: образование сводится к технической тренировке, теряется любовь к культурному наследству и стремление к каким-либо высшим целям. День монотонного сомнамбулического труда влечет за собой тяжелую отупляющую усталость, когда в человеке не остается ничего, кроме желания рассеяния и удовольствий. Кинематограф, радио, джаз и телевизия снабжают его тогда механизированными развлечениями.

Крайняя специализация труда разрушительно действует на психическую жизнь человека и порождает неизлечимые неврозы. Индустриализация приводит к выдвигению на командные посты людей дельных, волевых, «эффективных», но нравственно далеко не лучших, не знающих «логики сердца» и отбросивших всякую сентиментальность.

Наконец, машинизм превращает само общество в некую огромную машину, в чудовищную тоталитарную административную организацию, охватывающую и регламентирующую все проявления жизни. Человек в этой организации не цель, а только сырой материал, подлежащий переработке и утилизации.

Технологическая революция приводит, таким образом, не к освобождению человека и не к победе над природой, а к тоталитарному рабству. Угроза же атомной войны ставит вопрос о возможности полного уничтожения жизни на земле.

Недаром поэтому многие склонны видеть в индустриальном прогрессе нечто демоническое. Проф. Б.П. Вышеславцев в своей последней книге «Кризис индустриальной культуры» напоминает, что «Антихрист» Соловьева есть подлинный «технократ», то есть техник и властитель, «он есть инженер-чудодей, поражающий мир техническими чудесами»⁵⁷⁵.

Защитники машинизма, возражая на эти обвинения, утверждают прямо противоположное: технологическая революция сопровождалась не только ростом удовлетворения самых разнообразных потребностей народных масс, но и ростом свободы и культуры, возможностей разностороннего развития личности и т.д. и т.д.

Так я писал в 1956 году в первом издании «Незамеченного поколения». С тех пор философия прогресса и свободы, которая возникла в XVIII веке и расцвела в XVIII и XIX, все более вытеснялась пессимизмом сознания, что западная цивилизация зашла в тупик. Правда, с опубликованием работ Тейяр де Шардена⁵⁷⁶, казалось, воскресла надежда. Но прилив пессимизма продолжал подыматься. Нападки на научно-технический прогресс становились все более ожесточенными. Истощение природных ресурсов и загрязнение и разрушение среды обитания, вызванные неумеренной индустриализацией и урбанизацией, грозят человечеству гибелью. Модели мирового будущего, построенные Римским клубом и Массачусетским технологическим институтом, не оставляют в этом сомнения, они все безнадежны⁵⁷⁷. Единственное спасение — остановить экономический рост и научно-технический прогресс, человечество должно освободиться от власти демонов своих изобретений. Одни предлагают вернуться к первобытному раю счастливых дикарей Жан-Жака Руссо, другие к началу XX века, чтобы все-таки сохранить водопровод и велосипед. Некоторые ученые, особенно из числа физиков и биологов, обеспокоенные страшными последствиями, к которым могут привести их открытия, принимают решение ничего не сообщать о своих достижениях, держать их в тайне.

Правда, другие ученые сомневаются в мудрости этих попыток приостановить научный прогресс. Они, наоборот, считают, что только дальнейшее развитие фундаментальных исследований может помочь человечеству справиться со всеми теперешними опасностями. Так, знаменитый атомный физик и председатель Католического союза французских ученых Луи Лепренс-Ренге⁵⁷⁸ продолжает верить, что человек сумеет стать хозяином науки и техники и не будет раздавлен их развитием. В своей книге «Наука и счастье людей» Лепренс-Ренге пишет: «Нужно, чтобы международное соглашение обеспечило развитие техники в благоприятном для человека направлении, что же касается науки, этого прекрасного и великого дела познания, этого вечного рычага человеческой деятельности, то она должна продолжать непрерывно развиваться. Будущие открытия принесут новые возможности разрешить теперешние проблемы».

И если одни группы ученых предсказывают неизбежную гибель человечества в начале XXI века, если только оно не откажется от экономического ро-

ста и научно-технического прогресса, то другие группы ученых, и тоже при помощи компьютеров, доказывают ошибочность этих пессимистических предсказаний. Они, так же, как Андрей Сахаров не закрывая глаза на огромные опасности, связанные с современной научно-технической революцией, помнят и о великих возможностях, которые она открывает.

Чтобы разобраться во всех этих противоречивых утверждениях, нужно, думается, прежде всего задать вопрос: можно ли считать зло, которое сопровождает рост машинизма, чем-то ему имманентно присущим, или оно порождено тем, что человечество не поняло значения своего нового технического могущества и не сумело правильно им воспользоваться?

Если Бергсон прав и научное и изобретательское творчество были действительно двинуты вперед мистическим вдохновением, то тогда, конечно, никакого имманентного зла в технологическом прогрессе не может быть, и причина современного кризиса не в самом этом прогрессе, а в том, что его не сопровождали соответственные социально-нравственные реформы. В безмерно выросшем теле, — говорит Бергсон, — осталась прежняя душа, слишком маленькая, чтобы его наполнить, слишком слабая, чтобы им управлять. Отсюда все социальные, политические и международные затруднения. Чтобы разрешить кризис, необходимо моральное возрождение. Возросшее тело требует теперь роста души, механика «призывает» мистику.

Идеи, очень близкие в самом важном и последнем счете к идеям Бергсона о назначении науки и техники, задолго до Бергсона высказывал Н.Ф. Федоров. Один из самых оригинальных и плохо понятых русских мыслителей, Н.Ф. Федоров видел причину небратских отношений между людьми и всего происходящего отсюда зла в рабской зависимости человечества от неразумных и слепых стихийных сил природы. Последователь Федорова В.А. Кожевников⁵⁷⁹ дает краткую формулу предлагаемого Федоровым плана «регуляции» природы:

«Наше подчиненное, пассивное или же хищническое отношение к природе и ее слепое, роковое отношение к нам должны быть заменены сознательной и могущественною регуляцией ее всеобщим, современным знанием и волею совокупного человечества к высшей нравственной цели направленною. Обеспечение всем здорового, нравственного и счастливого существования, победа над голодом, стихийными погромами, болезнями и несовершенством человеческого организма, над его одряхлением и, наконец, над самою смертью — вот задача всечеловеческого дела. Только с ее осуществлением устранятся причины вражды и зла, восстановится утраченная, единственная естественная ос-

нова нравственности, родственность, настанет мир всего мира и явится возможность жить не для себя лишь одного (эгоизм) и не для других только (альтруизм), а со всеми и для всех (братство, семья, собор)»⁵⁸⁰.

В первой части «Общего дела» Федоров, говоря о великом значении открытия возможности вызывать дождь посредством взрывчатых веществ, спорит с архиепископом Амвросием Харьковским, призывавшим бояться «этой дерзости, которая хочет привлечь дождь пушечным выстрелом»⁵⁸¹:

«Не странно ли, что преосвященный Амвросий осуждает пушечные выстрелы в мнимое, а не действительное, внемирное, христианское небо. Уж не хочет ли он убедить профессоров (речь произнесена в университете) отказаться от Коперниковского и принять Птолемеяское мировоззрение?! Если на дуэли один, считая грехом стрелять вверх, направляет свой выстрел в противника, а другой выстрелит вверх, чей поступок будет угоднее Богу?..

Нельзя не заметить, что Господь, создав человека, заповедал ему обладать землею и всем, что на ней. Почему же отвести тучу с того места, где пролитый ею дождь будет благотворен, почему это преступно, почему это дерзость, даже будто бы поругание Господа?

Наши же надежды не на возможность несколькими выстрелами или взрывами производить дождь, а на возможность посредством воздействий, производимых на обширных пространствах, управлять как влажными, так и сухими течениями воздуха, спасти не только от засух, но и от разрушительных ливней, это — такое дело, которое требует согласного действия армий всех народов»⁵⁸².

Федоров не только не осуждал стремления к власти над природой, но даже видел в возможности такой власти «действительное доказательство бытия Божия и Божия Промысла, доказательство совершенно новое, не из созерцания только целесообразности в природе почерпаемое, но познаваемое из осуществления целесообразности в действительности, на самом деле»⁵⁸³.

Перед Федоровым преклонялись величайшие русские гении. Л. Толстой, посетив Федорова в первый раз, записал в дневнике: «Николай Федорович — святой. Каморка. Исполнять. Это само собой разумеется. Не хочет жалованья. Нет белья, нет постели»⁵⁸⁴. Позднее Толстой говорил о Федорове А.А. Шеншину (Фету): «Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком»⁵⁸⁵. Достоевский, ознакомившись с изложением взглядов Федорова, писал: «Скажу, что, в сущности, я совершенно согласен с этими мыслями»⁵⁸⁶. Еще восторженнее было отношение В. Соловьева. Прочтя рукопись Федорова, он пишет ему:

«Глубокоуважаемый Николай Федорович, прочел я Вашу рукопись с жадностью и наслаждением духа, посвятил этому чтению всю ночь и часть утра, а следующие два дня много думал о прочитанном. Проект Ваш я принимаю безусловно и без всяких разговоров, поговорить же нужно не о самом проекте, а о некоторых теоретических его основаниях и предположениях, а также о первых практических шагах к его осуществлению... в конце недели нам нужно сойтись... Я очень много имею Вам сказать. Ваш проект есть первое движение вперед человеческого духа по пути Христову. Я, со своей стороны, могу только признать Вас своим учителем и отцом духовным»⁵⁸⁷.

От всего этого у последующих русских религиозных мыслителей осталось только уважение к святости жизни Федорова. Все же его идеи об управлении силами слепой природы обыкновенно рассматривались как непонятное чудачество. Правда, теперь уже никто не станет говорить «о противоградской пальбе в тучи» как о действии «нечестивом». Вместо этого осуждают атомные изыскания, видят в них богоборческие прометеевы попытки проникнуть в последнюю тайну вещества, которой человек не должен знать. Но даже когда достижения научно-технического прогресса принимаются, это, по выражению С. Булгакова, только «практически-беспринципное приятие того, что идеологически рассматривается покуда как “чудеса Антихриста”»⁵⁸⁸. Недоверие к науке осталось прежним, и вся сторона учения Федорова, касающаяся регуляции сил природы, для большинства религиозно-настроенных людей все еще не приемлема. Так, проф. В.В. Зеньковский в своей «Истории русской философии» указывает, что тут у Федорова «подлинные христианские вдохновения неожиданно соединяются с мотивами натурализма и с чисто “просвещенской” верой в мощь науки и в творческие возможности человека»⁵⁸⁹.

Соединение в миросозерцании Федорова церковно-христианской веры с верой во всепобеждающую силу науки и разума, то есть двух вер, по представлениям обоих враждующих лагерей русской интеллигенции, несовместимых одна с другой, было настолько необычно, что Федоров по-настоящему никогда не был понят. Критики его учения часто приходили к прямо противоположным выводам. Так, например, в то время как проф. Г. Флоровский говорил об органической близости его к Сен-Симону, Фурье, Леру и Огюсту Контю⁵⁹⁰, Бердяев восклицает: «Я не знаю более характерного русского мыслителя, который должен казаться чуждым Западу»⁵⁹¹.

Критики Федорова доходили даже до утверждения, что его мировоззрение было вообще не христианским, а своеобразной формой «позитивной рели-

гии» и человекобожия. Проф. В.В. Зеньковский, которого я уже цитировал, не разделяя столь резкого суждения, все-таки видел во всей этой части «Общего дела» чуждую христианству «веру в Просвещение, в ценность и преображающую силу сознания, веру в человека, как в творца»⁵⁹².

Ломоносов говорил: «Наука и религия – суть родные сестры, дочери Всевышнего Родителя; они никогда между собою в распрю идти не могут, разве кто из некоторого тщеславия восклепнет»⁵⁹³. Это убеждение Ломоносова, что наука и вера дополняют и подкрепляют друг друга, через двести лет было многими забыто. Героическая попытка Федорова воссоединить две стороны христианского идеала была не понята и осуждена. Даже те, кто наполовину принимали учение Федорова, отвергали в нем все, что придавало ему его главное значение. Так, в каком-то фантастическом рассказе человек, попавший в страну циклопов, был ими принят только после того, как они выкололи ему один глаз.

Это непонимание Федорова свидетельствует, что все еще продолжается великое трагическое недоразумение, которое произошло, когда демократия и машинизм начали осуществляться как реакция против средневекового, почти уже индусского аскетизма. Люди не поняли, что это вовсе не отрицание христианства, а открытие другой стороны христианского идеала преображения мира. В России это «великое недоразумение» привело к самым страшным последствиям. Как я уже говорил, «религиозная война» между двумя лагерями русской интеллигенции была перенесена и в эмиграцию и продолжалась здесь с прежним ожесточением. Возможность соединения христианства и просветительства в одном и том же учении не допускалась ни тем, ни другим лагерем.

И все же были среди эмигрантских религиозных мыслителей и такие, которые принимали Федорова без ампутации половины его учения. Так, отец Сергей Булгаков и проф. В.Н. Ильин оба противопоставили бездействию созерцанию слова Федорова: «Мир дан нам не для поглядения, а для делания»⁵⁹⁴.

В некоторых политических эмигрантских кругах подымались разговоры о Федорове. Обычно это было связано с доходившими за границу сведениями о существовании тайных «федоровцев» среди советской научно-технической интеллигенции⁵⁹⁵.

Говорили о Федорове и на Монпарнасе. Отголоски этих разговоров можно найти в интересных заметках Л. Кельберина в «Числах»⁵⁹⁶ и В. Яновского в «Новом Граде»⁵⁹⁷.

Главной теме Федорова и Бергсона, таинственному и трудному вопросу о взаимоотношениях мистики и машинизма, посвящен роман В. Яновского «Пор-

тативное бессмертие»⁵⁹⁸, который был напечатан перед самой войной в «Русских записках».

В этом романе, чрезвычайно оригинальном по замыслу, некий Жан Дут, современный Савонарола, отчаявшись добиться каких-либо результатов проповедями и обличениями, изобретает машину для бомбардировки человеческих душ особыми таинственными лучами, под действием которых с людьми происходит необыкновенное преобразование.

«...Вот он, вот перед вами!» — Жан Дут обернулся, отступил в угол, где стояло нечто накрытое черной тканью (подобно старинным фотографическим аппаратам), и ловким движением, как престижиджигатор, он сбросил траурное сукно, открыв нашему взору систему колб (рентгеновских ампул) с экраном: провода вились кругом. Педро, Бам-Бук и Мадлон помогали ему, хлопотливо разбирая шнуры (звякали и серебристо блестели крохотные таинственные пластинки). Они выкатили легкий аппарат на середину комнаты, Жан шепотом отдал на незнакомом языке распоряжение: прибор подтолкнули ближе к окну. — «Друзья и ученики! — снова начал Жан. — Я включаю эту лампу. Она горит невидимым светом, а лучи ее могущественны. Их имя — Омега, если хотите, лучи любви или жизни. Все, что попадает в зону их действия, хоть на 30 секунд, подвергается чудесному влиянию, претерпевает райское изменение. Я могу уже строить жерла с радиусом досягаемости в 10 километров. Но и это не предел. На плоскогорье Индо-Китая, в области диких Мойев, я однажды добился результатов, о коих лучше пока умолчать, ибо разум этого еще не приемлет. Мужички и братья! У нас будет много таких ламп. Поглядите же, как они действуют!» — и он нагнулся к рычагам. — «Ступайте сюда!» — вдруг жестко приказал он, указывая место за щитом... — «Глядите! — возобновил Жан. — Вы его знаете. Вон там внизу. Это консьерж. Годами мы исходили кровью, но напрасно. По мнению Свифтсона, должно терпеть. В крайнем случае, вечность обойдется без него. Но сегодня наш праздник. Ныне силы небесные невидимо служат с нами». Во дворе у крана шевелилась знакомая туша консьержа (я видел только его багровый затылок). В это время с улицы проскользнула внутрь шершавая согбенная фигура нищего. Без проволочек он достал из-за пазухи фалет, приставил ко рту, вверх, как шкалик, и дунул в него. Консьерж обернулся: яростное лицо (не доносит слова)... Музыкант боком, точно краб, пополз к выходу, а консьерж продолжал выбрасывать во все концы свои, подобные клешням, руки. — «А!» — гаркнул, словно заноса топор, Жан, трогая пальцами, перебирая кнопки: послышалось легкое (отдаленное) пощелкивание, будто треск цикады или кузнечика. «Есть,

есть, есть”, — жестоко оскалив зубы, он водил чем-то похожим на дуло или рупор, целясь вниз. Было по-настоящему страшно (хотелось зажмуриться, отступить). Вдруг, нельзя определить что, — но мы поняли: свершилось. И лишь затем консьерж дрогнул, выпрямился, подскочил (как в балете). Лицо его издавна скотское, плотоядно-равнодушное (ножки и кошельки) ожило, бледная радостная усмешка преобразила губы. Стройный, помолодевший, с каким-то лучистым нимбом вокруг тела, сияя, весь похожий на столб, сноп света, он, кланяясь, приближается к нищему, простирает свои объятия. Тот сначала испуганно слушает, потом сам очарованный, подается вперед, ответно приникает. Вот, — откуда подвижность! — консьерж вихрем кружится по двору, уносится в дом, выбегает с табуретками, кульками. Он приглашает гостя сесть, ставит вино, хлеб, сыр, подает воду для мытья и, опустившись на колена, тряпкою очищает грязь с его худых кораблей-башмаков. Но, заметив прорехи, срывает теплые, мягкие туфли с собственных ног и начинает переобувать бездомного, улыбаясь, блаженно всхлипывая. В окне появляется сонное, опухшее лицо жены: вот багровеет, еще больше разбухает, собираясь взорваться... но Жан опять завел рубку. Треск кузнечика — миг. Консьержка птицей, взмахнув руками, выпорхнула. Низко кланяется мужу, о чем-то просит, зовет внутрь, спешит достать с подоконника вязанные носки и шарф, одевает нищего. Потом убегает, возвращается с мисками, кастрюлями, чайником: наливает, радостно потчует гостя, заливаясь слезами, изнемогая от непривычного блаженства. Нечто райски-библейское в этих дарах, истовых поклонах и больших блюдах с варевом. Нищий подкрепляется, затем берет свой инструмент, и знакомая песенка, с детства или еще раньше, до утробы, простая, как солнечный свет, вдруг озаряет стены»⁵⁹⁹.

После этого первого опыта Жан Дут с небольшим отрядом сотрудников отправляется на биржу, в суд, в полицейский участок, в дома терпимости, на политические демонстрации. Лучи всюду мгновенно преображают сердца людей, к тому же обнаружилась еще одна их особенность: «согретые ими, в свою очередь, начинали лучеиспускать... Где преломлялась Омега, отверзались резервуары неистощимой, неиспользованной мощи, хлябями проливались на землю. Все плыли точно в божественном облаке, неопалимой купине, в эдемском цветении ароматов, музыки и молитвы, походя щедро одаряя других мудростью и любовью (по чудесной тайной энергетике, благодаря этому, удваивая еще свои силы)».

Но, несмотря на этот успех, двое последователей Жана Дута покидают его в чрезвычайно драматической обстановке, когда Жан Дут собирается остановить при помощи лучей побоище между полицией и демонстрантами.

«Тогда, окинув испытующим взором, Жан сказал: “Больше ждать нечего, начнем. Через эти дверцы мы поднимемся вверх. Вы со мной, наконец?” — грубо обращаясь к Свифтсону. — “Нет!” — ответил с натугой спрошенный, выступая вперед.

“Какой вариант вы предлагаете? — подчеркнуто-любезно осведомился Жан. — Затянуть псалмы”... “Я иду туда! — серьезно, не замечая насмешки, объяснил Свифтсон. — Именем Христа я буду среди них, проповедуя. Вот и все”. — “Вас раздавят, вспомните прошлое. Косный упрямец, вы так нужны нам!” “Смерть не есть худшее, — возразил Свифтсон. — Имейте в виду”, — и, кивая нам, повернул. “Стойте, я с Вами!” — крикнул Савич. Он рванул свой пуговичный аппарат и, вручив его Жану, решительно двинулся за Свифтсоном»⁶⁰⁰.

Свифтсон и Савич представляют в романе обычный взгляд, что для распространения христианства нельзя пользоваться никакими другими методами, кроме религиозной проповеди. Они уходят — от Жана Дута, так как в его опыте любовь, внезапно охватывающая сердца людей, является как бы психическим эквивалентом действия лучей машины. Между тем даже люди, считающие, что духовное преображение возможно лишь в порядке внутреннего нравственного совершенствования и просветления, а никак не через какое-либо механическое воздействие, все-таки допускают, что общественные реформы и изменение жизненного уклада могут создать лучшие условия для дела свободного самовоспитания.

Соловьев говорил:

«Дух Божий в человечестве, или Царство Божие, для своего действительного явления требует совершеннейшей общественной организации»⁶⁰¹ и «пока внешняя природа совершенно подавляет человека, принужденного думать только о сохранении и поддержании своего существования, мысль о господстве духа над плотью едва ли может даже возникнуть»⁶⁰².

Однако и до сих пор допущение, что наука и техника, освобождая человека от этой подавленности «внешней природой», могут косвенно способствовать осуществлению Царствия Божия, «воспринимается с величайшим трудом», и описанное в «Портативном бессмертии» предприятие Жана Дута должно казаться большинству религиозно-настроенных людей непонятным, соблазнительным и кощунственным. Это осуждение опыта Жана Дута равняется, в сущности, осуждению всей демократической и технологической цивилизации, так как несомненно, что под видом чудодейственных лучей в романе аллегорически изображен современный машинизм, способный при соответствующей социально-нравствен-

ной реформе привести не к «производству» любви, конечно, а к устранению материальных препятствий, обрекающих людей на подчинение законам звериного существования и мешающих освобождению любви, заложенной в глубине сердца каждого человека. И в то же время эти лучи все та же «зеленая палочка», о которой Л. Толстой говорит в воспоминаниях о своем брате Николеньке:

«...Главная тайна в том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы. Эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, а палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть труп, просил бы в память Николеньки закопать меня»⁶⁰³.

«Портативное бессмертие», вероятно, можно толковать и по-другому. Повторю то же самое, что говорил уже о «Приглашении на казнь». Всякое художественное произведение допускает разные толкования. Одно несомненно — в «Портативном бессмертии» Яновский снова поднял ключевую для русской литературы тему «Царства Божия на земле», и уже в одном этом я вижу заслугу его романа, так как тема эта очень трудная, и в XX веке уже мало кто решался за нее браться. «Спуск на тормозах» начался еще задолго до стабилизации советского романа в теперешней его форме, когда исчезло даже воспоминание, что такая тема была возможна.

Федоровская тема преображения при помощи науки и техники всех условий человеческого существования, вплоть до победы над смертью, — была близка и некоторым другим молодым эмигрантским авторам. Среди них совсем особое место занимал П.С. Боронецкий⁶⁰⁴, глава движения «народников-мессианистов» и основатель нового «целостного» мирозерцания, даже новой религии. Именно в этом было главное отличие его учения от других пореволюционных доктрин, к которым он был близок и в своей вере в мессианское призвание русского народа, и в утверждении примата духа над материей. Но все другие «пореволюционеры» понимали «российскую национально-историческую идею» как «социальное раскрытие Православия», Боронецкий же ко всем стремлениям «христианизировать» культуру, общество и государство относился резко отрицательно. По его словам, из этого никогда ничего не выходило «кроме дялеческого извращения христианства и теологического осквернения жизни»⁶⁰⁵. Принимая за христианство особую, упорно сохраняющуюся в историческом христианстве, но в сущности близкую к гностицизму и к буддизму, форму религиозного сознания, связанную с отвращением от земной жизни и с отрицани-

ем смысла истории и культурного творчества, Боронецкий считал, что федоровская идея воскрешения — «несомненно наиболее современная русская идея» — невозможна на почве «мироотрицающего и жизнеугасающего христианского теологического мирозерцания», которое хотя и ставит эту проблему, но «относит ее разрешение не к “этому”, реальному, а к “иному”, “сверхъестественному”, “потустороннем” миру и представляет собой в действительности... лишь символическое в форме мифов предвосхищение того, что реально и в реальной действительности призвано осуществить, сменяющее его на известном уровне духовной зрелости человека, прометеевское мирозерцание»⁶⁰⁶.

Тут Боронецкий делает, впрочем, важную оговорку:

«Все сказанное, — говорит он, — отнюдь не означает полного отрицания христианства, как это имеет место в современном социализме, фашизме и прочих идеологически нам близких течениях. Мы принимаем христианство так, как христиане принимают “Ветхий завет”, религию иудаизма, но и отрицаем его так, как они отрицают этот последний... Грядущий в мир Третий завет явится не только продолжением Нового, но и его творческим преодолением»⁶⁰⁷.

Так же как проект «Общего дела» Федорова, учение Боронецкого было основано на вере, что при помощи науки и техники человек может окончательно овладеть стихийными силами природы. Это подчинение космоса сознанию сделает материально возможной новую религию — «религию организации мира и осуществления абсолютной жизни здесь на земле, религии исторических свершений, прометеевской Победы и Борьбы». Теологическое мирозерцание «Сущего Бога» и мораль покорности должны уступить место мирозерцанию «Становящегося Бога» и морали «бунта против пространственной и временной природной и исторической необходимости».

«Единый со всем и, следовательно, бессмертный в онтологическом порядке, человек смертен в разъединенном пространственно-временном феноменологическом порядке конечности. Поэтому победа над пространственно-временными отношениями конечности и разъединения, осуществляемая в мировом становлении Истории, как творческом преображении мира, как гармоническом объединении всего во всем, есть путь к актуализации универсально бесконечного существа человека, все вмещающего и во всем пребывающего, путь к его преобразенному Восстанию-Воскресению в качестве всеединого Абсолюта Бога»⁶⁰⁸.

Первые выступления П.С. Боронецкого в Париже в начале 30-х годов произвели на эмиграцию ошеломляющее впечатление⁶⁰⁹. Это был не доклад-

чик, «академически» излагающий, а человек, одержимый идеей, ставшей всей его жизнью, его «кровью и снами». В самой этой идее человекобожеского преобразования мира, и «в частности победы над смертью», и во всем облике Боронецкого чудилось что-то от Кириллова⁶¹⁰ и Шатова⁶¹¹. Даже его имя, Петр Степанович, напоминало роман Достоевского. И все-таки главная причина того особенного внимания, с каким его слушали, заключалась не в нем самом, а в том, что он был новый эмигрант. В то время уже появлялись первые «новые эмигранты». По большей части это были «невозвращенцы», посланные за границу и отказавшиеся вернуться второстепенные представители советской администрации, связанные с коммунистической партией еще со времен дореволюционного политического подполья⁶¹². Боронецкий же был одним из первых появившихся в эмиграции советских беглецов, принадлежавших к новому социальному миру, поднятому на поверхность землетрясением революции. Слушая его и всматриваясь в его черты, старались увидеть облик нового массового советского интеллигента, пришедшего на место старых культурных слоев, уничтоженных большевистским террором. Г. Иванов писал о Боронецком в «Числах»:

«Он стоит сейчас на эстраде эмигрантского диспута, но десятки, сотни тысяч, миллионы, может быть, таких как он, стоят на великой русской земле, и пусть они ни о каком титанизме и не помышляют — головы их, их души сформированы по тому же самому образцу»⁶¹³.

О том, как же именно были сформированы эти головы и души, гадали все наиболее ответственные и серьезные эмигрантские наблюдатели советской жизни. «Народ, — говорил Г.П. Федотов, — выделяет из себя молодую, огромную по численности интеллигенцию, которая, не щадя себя, не боясь никаких жертв, вгрызается в “гранит науки”, идет на заводы, в поля — строит новую Россию, счастливую, богатую, великую. Героическая мечта этого поколения — завоевать воздух, пустыни, полярные льды»⁶¹⁴. Многие в эмиграции в то время надеялись, что эта новая интеллигенция по мере своего культурного роста будет все больше расходиться с коммунистической властью и рано или поздно заставит диктатуру пойти на уступки. В идеях Боронецкого искали отражения стремлений, общих всей массе этих молодых интеллигентов «из народа», с их ломоносовской верой в творческое человеческое действие, в науку и в строительство культуры. Боронецкий указывал на возникновение новой морали господства, «но господства не над себе подобными, а над окружающим миром — Природой и Историей, над своим положением и своей судьбой». Мораль была навяна, по его словам, «тем строительным пафосом, той мистикой гигантов,

которые пронизывают собой могучую стихию русской революции, несмотря даже на мертвящее и всеиссушающее действие господствующего материалистического миросозерцания»⁶¹⁵.

Представления, к которым пришел Боронецкий в результате осознания этого нового ощущения мира и «высшего достоинства и призвания человека», не могли вписаться в «меру», установленную правящей коммунистической кастой, с ее «марксистским материалистическим миросозерцанием и аморально-нигилистической концепцией низменности и ничтожества человека». Невозможность развивать и проповедовать свои идеи в России и заставила его бежать, чтобы за границей, на свободе, разработать их в целое учение, названное им «Титаническим миросозерцанием»⁶¹⁶.

Это «Титаническое миросозерцание — Прометеизм» было рождено видением безграничных возможностей, открываемых все ускоряющимся научным и техническим прогрессом. Тем острее Боронецкий чувствовал «трагически-парадоксальное» противоречие между этими возможностями и предельной небеспеченностью, жестокостью и трудностью существования современного человека, пользующегося дивными успехами машинизма не для устройства «рая на земле», а для взаимного порабощения и истребления. В моральной и организационной неспособности человечества справиться со своим «физическим» могуществом, переросшим его «рабье и скотское» сознание, Боронецкий видел главную причину раздирающих мир грозных социальных, политических и международных конфликтов. С негодованием отвергая, как «смесь цинизма, растерянности и сознания своей дальнейшей несостоятельности», мнение людей, видящих единственный выход в ограничении технического прогресса, он говорил: «Эти невероятные силы и возможности, которые нам открываются теперь, или подымут нас к вершинам бытия в величайшем утверждении, или низвергнут нас в бездну его в ужаснейшем разрушении. Третьей возможности нам не дано. Стоя у порога их таинственного и безграничного резервуара, мы уже не можем оставаться в том состоянии срединной посредственности, в котором мы пребывали до сих пор». Если человечество хочет продолжать жить, оно должно под «смертным страхом» чудовищной катастрофы найти в себе достаточную моральную энергию, чтобы стать достойным своего технологического могущества и произвести перестройку всех хозяйственных, социальных и международных отношений. В пределе своем эта перестройка представлялась Боронецкому как создание Всемирных Соединенных Штатов. «В то же время, — утверждал он, — организация мира не может мыслиться только со стороны его

внешнего, социального существования, со стороны тела, но должна понимать себя также и со стороны его внутреннего духовного бытия, со стороны его «души». Тем более что именно здесь, в сфере духовного, а не материального — примат жизни и ее первооснова». Нужна поэтому «новая высшая мироорганизующая духовность»⁶¹⁷.

Это понимание возможностей, открываемых технологической революцией, выгодно отличало взгляды Боронцекого от суждений о современном кризисе людей, недостаточно отдающих себе отчет в значении этой революции, поставившей человечество перед выбором — или стать действительно человечеством, или погибнуть во всемирной тоталитарной войне.

К несчастью, поверив, что то «средневековое мирозерцание», которое Соловьев обличал как прямую противоположность христианства, и есть само христианство, Боронцкий для выражения своей вывезенной им из России веры в человеческое действие стал сочинять и проповедовать новую «высшую», чем христианство, религию. Призывая к «мобилизации сил любви и жертвенности, вместо сил ненависти и эгоизма» и к отказу от борьбы человека с человеком ради братского сотрудничества всех в общем деле овладения Природой и Историей, он в то же время отворачивался от вечного источника любви, вспоившего корни всей европейской цивилизации. Это чрезвычайно ослабляло его мирозерцание, к вящему злорадству всех «космических» консерваторов, принимающих кровавое и трагическое топтание на месте за богоустановленный порядок и усматривающих во всякой надежде на преображение человеческого существования ересь утопизма.

Возвращаясь к принятой мною исторической схеме, нужно сказать о «прометеизме» Боронцекого, что в истории русской идеи это был последний по времени отголосок роковой ошибки, происшедшей в век Ренессанса и Реформации, когда люди не опознали мистического христианского происхождения первых зачатков науки, машинизма и демократии.

В мою задачу не входит разбор философских построений Боронцекого. Для «общественных» выводов из его мирозерцания важно, что в основе его идей о человеке лежит не христианское утверждение личности, а представление очень близкое к увлекавшему одно время Толстого индусскому учению о всеединстве людей, раздробленных во времени и пространстве на индивидуумов, но соединенных во «Всем» в скрытой «под покрывалом Майи» вневременной и внепространственной сущности жизни. Только в противоположность буддизму, призывающему покинуть «актуальный план» существования и уйти в со-

зерцание Абсолюта, Боронецкий видел смысл жизни в реализации «потенциального плана бытия» в истории. По его замыслу государство должно стать «священным алтарем» служения онтологическому «единству всего во всем». При неясности отношения к правам, свободе и неприкосновенности личности, идея «Государства — Церкви служения общему» заключала в себе несомненную опасность срыва в тоталитаризм и давала повод причислять Боронецкого к «кумирослужителям новой этической религии». Подобно большинству других идеологов пореволюционных движений, сам Боронецкий не отдавал себе отчета в этой опасности, подстерегающей все доктрины, в которых безоговорочная защита гарантий личной автономии не поставлена с самого начала во главу угла.

Но вернемся к Монпарнасу, где увлечений этицизмом не было и в зародыше.

Мы видели, как опыт социального одиночества вел молодую эмигрантскую литературу к открытию реальности личной жизни и, через это открытие, к демократическому идеалу и к отвращению от надвигающегося на мир тоталитаризма. Это должно было как будто привести к встрече Монпарнаса с демократическими группами эмиграции. К тому же у монпарнасцев было много общего с людьми ордена. Прекраснодушие, утопизм, недостаточно развитое чувство действительности, вера в грядущее торжество правды и неспособность к практической работе были так же им свойственны, как и предшествующим поколениям интеллигентской молодежи. Было сходство и в оторванности от всякого органического бытового уклада. Даже в религиозном беспокойстве монпарнасских отщепенцев чувствовался тот же, живший в душах многих орденских людей, дух русского мистического сектанства, породивший Россию странников, бегунов и искателей царства Божьего на земле.

Еще одна параллель — так же как и в ордене, на Монпарнасе не было предубеждения против евреев. Я говорил уже об этом. Начавшееся в конце XIX века слияние русской и еврейской интеллигенции продолжалось на Монпарнасе, превращая его среди остальной массы эмиграции в какой-то последний метафизический остров, где словам апостола Павла⁶¹⁸ еще придавали значение. Это тоже должно было бы способствовать сближению Монпарнаса с остатками демократической интеллигенции. Однако этого не происходило. Мистицизм и антисоциальность Монпарнаса внушали отцам неодолимое отвращение. Раздражало их и невежество всех этих недоучившихся молодых людей в экономических и политических вопросах. Сыновьям же мирозерцание интеллигентских отцов представлялось пережитком механистических теорий XIX века. Отталкивало, впрочем, не самое безверие отцов — кому-кому, а монпарнасцам хорошо были знако-

мы искушения черной ночи — отталкивал какой-то не трагический, благополучный и самодовольный характер интеллигентского атеизма.

Лишенный всех опор, отпавший веры сын
Уж видит с ужасом, что в свете он один⁶¹⁹.

Об этом свойственном человеческому сознанию ужасе и о слезах отчаяния и ожесточения интеллигенты, казалось, никогда не слышали. Именно это в них смущало, не потеря веры, а то, что эта потеря их словно радовала и что им вовсе не страшно было жить в мире, каким они его видели — не имеющим человеческого значения, без всякой надежды. Наоборот, им как будто даже доставляло особое удовольствие утверждать, что между косной материей и жизнью нет никакого различия и что сознание только эпифеномен химических и молекулярных процессов, происходящих в мозговом веществе. Обитателям Монпарнаса, детям века, который по справедливости называют «веком тревоги», полное отсутствие в жизненном опыте этих людей встречи с «арзамасским» ужасом и их ничем невозмутимое бодрое спокойствие в верности якобы научному мирозерцанию шестидесятников, представлялось непонятным и почти загадочным.

«Русский атеизм, — писал Булгаков, — отнюдь не является сознательным отрицанием, плодом сложной, мучительной и продолжительной работы ума, сердца и воли, тяжелым шагом личной жизни. Нет, он берется чаще всего на веру и сохраняет эти черты наивной религиозной веры, только наизнанку, и это не изменяется вследствие того, что он принимает воинствующие, догматические, наукообразные формы. Эта вера берет в основу ряд не критических, непроверенных утверждений именно, что наука компетентна окончательно разрешить и вопросы религии и притом разрешить их только в отрицательном смысле, к этому присоединяется также подозрительное отношение к философии, особенно к метафизике, уже заранее отвергнутой и осужденной»⁶²⁰.

Булгаков вряд ли преувеличивал. Этот поверхностный атеизм «отцов» производил на сыновей, особенно при сравнении с их собственным мучительным внутренним опытом, странное впечатление незрелости и чего-то несовместимого со всеми представлениями о человеческой жизни, вложенными в душу великой русской литературой.

Таким образом, хотя встреча с идеалом демократии и смутное ощущение глубинного мистического вдохновения «ордена» влекли к представителям демократической интеллигенции, останавливало недоумение перед их мирозерцанием, а также, впрочем, и их нетерпимость, высокомерная раздражи-

тельность в спорах, взаимные распри и начетническая уверенность в своей непогрешимости, придававшая некоторым из них неожиданное сходство с толстовским генералом Пфулем⁶²¹.

Это двойственное, смешанное чувство притяжения и отталкивания, испытываемое многими «сыновьями» к «отцам» по «ордену русской интеллигенции», со свойственной ему резкостью, но очень точно выразил П.С. Боронецкий:

«В этом и состоял парадокс нашей интеллигенции, которая, будучи совершенно феноменальным по своему общественному героизму явлением во всей истории общественных движений, в то же время исповедовала самое заскорузлое низменное позитивистически-материалистическое мирозерцание»⁶²².

Но такие же противоречивые чувства вызывали и идеи другого лагеря. Опыт Монпарнаса повторял в известной степени опыт И. Киреевского и Ю. Самарина, «открывших» внутреннюю жизнь. Поэтому в «религиозной войне» русской интеллигенции «сыновья» должны были бы сочувствовать наследникам славянофильства. Но именно дорога внутренней жизни вела их, как мы видели, к грани, откуда становился виден идеал демократии во всем его первоначальном значении евангельского утверждения личности, свободы, равенства и братства, и их отталкивали последовательные метаморфозы славянофильства: черное русское направление, евразийство с его «симфоническими личностями», национал-большевики и «Новое средневековье». Здесь отсутствие прямого культурного преемства оказалось для сыновей спасительным. Невежество в истории русского общественного развития предохранило их сознание от парадоксальной идейной непоследовательности, характерной для обоих лагерей русской интеллигенции, из которых один, отрицая реальность свободы и личности, боролся за политические свободы и личные права, а другой, утверждая духовную свободу, отрицал свободу правовую, как бессодержательную, формальную и мнимую. От правого лагеря отталкивал к тому же и всегда присущий всему правому духу человеконенавистничества, несовместимый с неясными монпарнасскими мечтаниями о братстве всех людей. Все это привело к тому, что зарождавшаяся на Монпарнасе «идея», сочетая без всякой предвзятости элементы двух враждующих между собой «вер», тем самым была каждой из них одновременно и близка и враждебна. Разговор был возможен, несмотря на совсем другой интеллектуальный и душевный опыт, только с новоградцами, принимавшими правду обоих лагерей. И действительно, незадолго до войны, благодаря главным образом усилиям И.И. Фондаминского, начали налаживаться встречи и разговоры⁶²³. Правда, поначалу с обеих сторон преобладало чувство взаимной отчужденности — уж слишком непохожие друг на друга были люди.

«Новый Град»

И на этой горе Господь Саваоф
устроит для всех народов пир из тучных яств,
пир из вин не перебродивших,
из яств сочных, из вин, очищенных от дрожжей.
И на этой горе Он уничтожит покрывало,
покрывающее все народы,
и покрывало, лежащее на всех племенах.
И смерть будет уничтожена навеки.

Книга пророка Исаии, гл. 26, 6–8

И я, Иоанн, увидел святой город
Иерусалим новый, сходящий от Бога с неба.

Откровение Св. Иоанна Богослова, гл. 21, 2

Журнал «Новый Град» был основан в Париже в 1931 г. И.И. Фондаминским, Ф.А. Степуном и Г.П. Федотовым. Журнал мало кому пришелся по душе. Солидаристы поначалу не делали никакого различия между «Новым градом» и другими пореволюционными течениями — для них все это были большевики. Валили все в одну кучу и публицисты другого лагеря. Так, в юбилейном издании своих «Очерков по истории русской культуры» П.Н. Милюков писал по поводу «Нового града»:

«Новые идейные настроения были закреплены неудачей первой революции и подогреты катастрофой, к которой привела вторая. Реакция против революционности, максимализма и космополитизма руководящей части интеллигенции приняла здесь форму рецидива славянофильства. Возрожденный “идеализм” был противопоставлен “материализму”, православие — “безбожию”, мистика — рационализму.

Мораль и эстетика выдвинуты против права, этика — против науки, национализм — против космополитизма, традиция — против революции, личное самоусовершенствование — против усовершенствования учреждений, “общение с Богом” — против общественного служения, конец мира — против беско-

нечного прогресса, предание “Москвы — третьего Рима” — против Петровской европеизации, максимализм “Вех” и “Нового града” — против максимализма “Народной воли” и “Искры”»⁶²⁴.

Данная Милюковым общая характеристика пореволюционных течений в приложении к каждому из них в отдельности оказывается неверной. Так, евразийство, национал-максимализм и младоросское движение вовсе не выдвигали традицию против революции, а как раз хотели соединить традицию с приятием революции, идущим, во всяком случае, гораздо дальше «Последних новостей». Особенно неправ Милюков в отношении «Нового града», вовсе не противопоставлявшего мораль и эстетику — праву и науке, «общение с Богом» — общественному служению и т.д. И если многие участники «Нового града», вероятно, действительно не принимали веры в прогресс, в том смысле, в каком понимался прогресс рационалистами XIX века, то они не только не проповедовали «конца мира», а, наоборот, решительно отгораживались от идеи внеисторической и внекультурной эсхатологии.

Бесконечное многообразие религиозного опыта обычно классифицируется по признаку принадлежности к определенному догматическому вероучению и соответствующей церковной организации. Наряду с такой классификацией возможно и необходимо различать мистические устремления, часто совсем другие даже среди людей, формально исповедующих одну и ту же веру и участвующих в одних и тех же литургических ритуалах. При таком подходе в историческом христианстве определенно обнаруживается сосуществование двух разных тенденций, почти что двух разных религий — религии милосердной, сострадательной и деятельной любви, требующей полной самоотдачи и веры в человеческое действие, и едва ли не противоположной ей, по существу близкой к буддизму, религии мироотрицающего аскетизма и эсхатологического трансцендентализма, в котором, по словам С. Булгакова, «гаснут все земные огни и уничтожаются все земные ценности, остаются же только личные заслуги и грехи, с их потусторонними эквивалентами в виде награды и наказания, принимаемых каждой отдельной личностью, без мысли об общем человеческом деле в истории»⁶²⁵. Преобладание этой второй тенденции в средние века и привело к катастрофе Возрождения и Просвещения, когда реакция против аскетизма и эсхатологического нигилизма в отношении истории и культуры приняла характер реакции против христианства вообще.

Эсхатологические настроения были очень сильны в эмиграции, и возрождение религиозного чувства часто принимало опасную форму возвраще-

ния к средневековому пессимизму. Однако «Новый Град» именно в борьбе с этой тенденцией видел одну из главных своих задач. В № 1 «Нового града» Г. Федотов писал:

«Для нас, похоронивших отечество, мысль об апокалипсисе культуры, будящая столько отзвуков в русской душе, особенно искустельна. Она может быть источником мстительного и бессильного удовлетворения.

Не поддавайтесь ей! Быть с теми, кто готов бороться, готов странствовать — не в пустыню, а к Новому граду, который должен быть построен нашими руками, из старых камней, но по новым зодческим планам»⁶²⁶.

У «Нового града» было два учителя: Владимир Соловьев, который хотел «создать христианство живое, социальное, вселенское» и соединить религию с либерализмом и научно-социальным прогрессом, и Николай Федорович Федоров. В его «Общем деле»^{*} глубокое христианское вдохновение соединялось с «просвещенской» верой в науку и в призвание человека овладеть силами природы. Ему открылось, что эти две веры, казавшиеся русской интеллигенции несовместимыми, на самом деле друг друга дополняли. Напомню, в который раз, слова Бергсона о драме Возрождения и о первых шагах демократии, науки и машинизма:

«В средние века христианский идеал был как звезда, всегда обращенная к людям одной и той же стороной. Теперь люди начали видеть другую сторону, не всегда отдавая себе отчет, что это та же самая звезда»^{**}.

Федоров видел обе стороны. Поэтому его так долго не понимали.

Отец Сергей Булгаков указал в «Новом граде» на огромное значение Федорова. Вот несколько выдержек из этой статьи:

«Научное естествознание и техника раскрывают перед человеком мир как безграничные возможности. Глухая и косная бесформенная материя делается прозрачна и духовна, становится человеческим чувствилищем и как бы отелеснивается. Этим выявляется космизм человека, его господственное призвание в мире... В хозяйстве мир дематериализуется, становится совокупностью духовных энергий. Поэтому, между прочим, изживание материалистического экономизма само собой совершается на пути дальнейшего хозяйственного же развития, которое все больше сокращает область материи, превращая ее в человеческую энергию: мир становится мирочеловеком...

Философы много истолковывали мир, пора его переделать, — мир дан не для поглядения, все трудовое, ничего дарового, — так почти одновременно в разных концах Европы и на разных путях выразили одну и ту же мысль два

^{*} «Философия общего дела», 1906 г., т. 1.

^{**} Henri Bergson. «Les Deux Sources de la Morale et de la Religion», Felix Alcan, 1932.

философа хозяйства — К. Маркс и Н.Ф. Федоров. Этот колоссальный всемирно-исторический факт хозяйственного покорения, очеловечивания и в этом смысле преобразования (хотя еще и не преобразования) мира — уже обозначился, хотя пока и не совершился в истории. Он стоит и перед нашим религиозным сознанием, требуя для себя духовного уразумения, догмата... о хозяйстве... Н.Ф. Федоров своим “проектом” преобразования мира и победы над смертью путем “регуляции природы” сделал впервые попытку религиозно осмыслить хозяйство, дав ему место и в эсхатологии... Царство будущего века совершается человечеством в регуляции природы... Остается признать, что не пришло еще время для жизненного опознания этой мысли, — пророку дано упреждать свое время. Но в этом “учителе и утешителе” совершилось “движение христианской мысли” (Вл. Соловьев), в нем впервые вопробовало себя христианское сознание о том, о чем спрашивает эпоха, и что говорит Бог в откровении Эпохи. Федоров понял “регуляцию природы”, как общее дело человеческого рода, сынов человеческих, призванных стать сынами Божиими, как совершение судеб Божиих...»⁶²⁷

Имя Федорова повторяется и в нескольких других статьях «Нового Града», повторяется и его мысль: «Мир дан нам не для поглядения, а для делания»*. Не Маркс и не Федоров первые об этом сказали. Уже Фрэнсис Бэкон писал, что недостаточно знать мир, нужно его переделать. Вся европейская научно-техническая революция, начавшаяся в XVI веке, была вдохновлена этой идеей. Значение Федорова было, таким образом, не в первооткрытии этой идеи, а в утверждении ее мистического христианского происхождения.

Не все новгородцы полностью разделяли федоровскую веру в науку. Им была ближе духовная и социальная сторона его учения, чем его пророческое видение космического значения научного прогресса. Отталкиваясь от плоского сциентизма девятнадцатого века, они не расслышали слов Бергсона о том, что «мистика призывает механику»**, не заметили и слагавшееся в те годы учение Тейяра де Шардена, хотя Бердяев с ним встречался. (Тейяр интересовался православными мыслителями. Он находил у греческих отцов церкви, особенно у Иринея***, представление о прогрессе, поразительно близкое к современному.)

Но новгородцев можно упрекнуть лишь в некоторой недостаточной внимательности. Во всяком случае, новгородцы стремились не к восстановлению средневекового мирозерцания, аскетизма и отрешенности от мира, а к основанной на христианстве идее общественной реформы. В номере первом «Нового Града» Ф.А. Степун писал:

* Федоров, «Философия общего дела», 1906 г., т. 1, 32.

** «Les Deux Sources de la Morale et de la Religion», стр. 334.

*** Св. Иринея, еп. Лионский, 130–202 гг.

«Все мучащие современность тяготы и болезни связаны в последнем счете с тем, что основные идеи европейской культуры — христианская идея абсолютной истины, гуманистически-просвещенская идея политической свободы и социалистическая идея социально-экономической справедливости — не только не утверждают своего существенного единства, но упорно ведут озлобленную борьбу между собою... Выход из этого положения — в органическом, творческом сращении всех трех идей»⁶²⁸.

В одном из следующих номеров, говоря о «просвещенстве» как о своего рода вере, Ф. Степун признает даже, что эта вера, «взращенная в Европе героической борьбой буржуазии за освобождение всех творческих сил человека и всех областей творчества из-под власти средневековой жетеократии, была в свое время живою, творческою, а во многом даже и религиозно положительной силой»⁶²⁹.

В этом сращении всех трех идей европейской культуры «Новый Град» оставлял позади вековой междоусобный спор двух враждующих лагерей русской интеллигенции — западнического, в самом широком смысле, и славянофильского, в самом широком смысле. В развитии русской идеи это был важный шаг вперед.

Что помогло сделать этот шаг? Вспомним прошлое главных идеологов «Нового Града». Почти все они принадлежали прежде к ордену русской интеллигенции. Бунаков-Фондаминский был эсером, Булгаков, Бердяев и Федотов прошли через марксизм. В отличие от многих других покаявшихся интеллигентов, они и после религиозного обращения сохранили верность нравственному, христианскому по своему происхождению, вдохновению ордена. Для них социализм был, по выражению Федотова, «блудным сыном христианства»⁶³⁰, который возвращался теперь в отчий дом. Естественно поэтому, что они пришли не к христианству аскетического отрицания мира, а к христианству социальному. Бердяев писал: «Сведение христианства к личному совершенствованию и личному спасению есть страшное сужение христианства и в конце концов его извращение. Изолирование личных актов, направленных на победу над грехом и на достижение личного спасения, от актов социальных, направленных на изменение общества и на достижение всеобщего, социального и даже космического спасения, есть невозможная абстракция и эгоизм. В строгом смысле личное спасение невозможно, спастись можно только с другими людьми и с миром» («Новый Град», № 12)⁶³¹.

Говоря о «черном» христианстве пустынножительства, Георгий Федотов писал в той же книжке журнала: «Такому исходу противостоит положительная

социальная активность, благое христианское противление злу — в древней, до-московской Руси и на средневековом Западе. А еще глубже в прошлом — социальная трагедия раннего христианства и греческих отцов, мессианская проповедь Спасителя и все, никогда не стареющее содержание пророческого откровения Ветхого Завета. Нет, откровенная религия в Израиле и в Новозаветной Церкви была социальной ранее, чем стала личной; и Царство Божие было прежде Царством народа Божия, чем Царством в душе человека...»⁶³²

С этим перекликаются слова Федора Степуна («Новый Град», № 4): «Вся особенность и относительная новизна (от абсолютной новизны избави нас, Боже) новоградского сознания в том только и заключается, что оно отстаивает религиозное начало, как силовую станцию по оборудованию здешней жизни»⁶³³.

Почему же Милюков говорил, что новоградцы противопоставляют личное самоусовершенствование общественному служению? Объяснить эту странную ошибку можно только тем, что в своем отвращении от всякого мистицизма П.Н. Милюков осуждал идеи «Нового Града» априорно, даже не пытаясь в них разобраться. Ведь для него это была только «последняя волна интеллигентского психоза»⁶³⁴.

Несправедливо обвиняли новоградцев и в том, что они будто бы недооценивали формальную демократию. Утверждение личности и демократии было поставлено во главу угла всех новоградских реформаторских замыслов. Проф. Н.О. Лосский писал:

«Если верхняя норма поведения есть любовь к ближнему, то понятно, что именно герои духа не презирают людей, задавленных борьбой за существование, а, наоборот, увлекаются стремлением создать условия, облегчающие для них поднятие на вершину духовной жизни. Важнейшее из этих условий есть общественный строй, гарантирующий свободу личности. Высшая в этом отношении выработанная человечеством форма государственного порядка есть демократия» («Новый Град», № 5)⁶³⁵.

В статье, которая была, в сущности, манифестом «Нового Града» (№ 1), Г.П. Федотов говорит:

«Против фашизма и коммунизма мы защищаем вечную правду личности и ее свободы — прежде всего свободы духа. Вынужденная поступиться многим в своей экономической свободе ради спасения целого, ради возможности общего дела, личность сохраняет свое нравственное достоинство в глубине своей совести, своей мысли, своего духовного творчества. Это признание свободы личности отделяет нас от большинства так называемых пореволюционных течений русской политической мысли, с которыми нас роднит общее понимание

политического кризиса и воля к новой жизни. В охране свободы, как драгоценного завещания XIX века, мы занимаем позицию консерваторов»⁶³⁶.

«Новый Град» не только защищал идеалы демократии, но нашел для их проповеди новые вдохновенные слова, каких уже не находили представители старых демократических партий. В виде примера привожу выдержку из статьи Б.П. Вышеславцева («Новый Град», № 2):

«Принцип демократии, наперекор словесному смыслу, вовсе не есть власть народа и власть большинства. Принцип демократии: правовое государство и автономная личность. Иначе говоря, ее принцип есть отрицание простого приказа, отрицание пассивного повиновения, отрицание всяческой диктатуры и утверждение свободы и, прежде всего, субъективных, публичных прав. Основные формы современной демократии, несомненно, обеспечивают эти ценности; и их не обеспечивает никакой другой строй: ни самодержавие, ни абсолютная монархия, ни прямое народоправство античных республик или Новгорода, ни, конечно, все формы современных диктатур. Ценность свободы совести, свободы слова и свободы союзов — бесспорна с христианской точки зрения, ибо прямо выросла из христианства. Она есть ценность, лежащая в основе свободного общения духов, в основе духовного единства и, следовательно, в основе соборности и любви. Лишить человечество одной из этих свобод значит лишить его возможности осуществить соборность и проявлять любовь, иначе говоря, стремиться к воплощению Царства Божия. Эти ценности, защищаемые современной демократией, суть вечные ценности, которые, с христианской точки зрения, перейдут в Царство Божие. Они уже содержатся в самой идее царства Божия, ибо оно есть свобода, общение и союз»⁶³⁷.

Из сотрудников «Нового Града» только Бердяев продолжал говорить о демократии если и не с ненавистью, как в «Новом средневековье», то все-таки с непонятной враждебной предвзятостью. «“Новый Град”, — писал он, — делает большую ошибку, связывая ценности личности и свободы с преходящими принципами либерализма и демократии... Либерализм есть извращение и компрометирование принципа свободы, он на практике означает уничтожение реальной свободы человеческой личности во имя формальной, отвлеченной свободы»⁶³⁸.

Бердяеву очень сдержанно, но твердо и с ясностью, не оставляющей сомнений, ответил Федотов («Новый Град», № 7). Вот его основные доводы, которые до войны далеко не всем казались убедительными и которые, по моему мнению, «эмигрантские сыновья» должны были бы заучить наизусть:

«Есть много верного в критике демократии Н.А. Бердяева. Во-первых, чрезвычайно слабо идейное обоснование и обеспечение свободы в современной секулярной демократии, во-вторых, весьма несовершенна ее политическая организация. Но остается фактом, которого нельзя вытравить никакой диалектикой, что никогда в истории мира реальная (а не только формальная) свобода личности по отношению к государству не была столь значительна, как в демократии XIX века. Не в буквах конституций, а в действительности свобода веры, как и свобода слова, свобода науки и искусства были обеспечены, если не всегда и не во всем (католическая церковь во Франции!), то лучше, чем где бы то ни было. А принимая во внимание реальность угрозы, нависшей над этой свободой и уже уничтожившей ее в половине культурного мира, — мы считаем несправедливым и вредным отмежевываться от нее, как буржуазной и “либеральной”... что касается обоснований этой свободы, то мы не должны забывать, что помимо секулярных и для нас непригодных теорий существует давняя христианская традиция либерализма (демократии): в Англии с XVII века до наших дней, во Франции от Ламеннэ и Лакордэра, в России от первых славянофилов (с неясностями и перебоями), от В. Соловьева со всей определенностью»⁶³⁹.

По сути к этой статье примыкает и ответ Г. Федотова на обвинения, идущие из другого лагеря. Возражая Устрялову, он пишет:

«Устрялов справедливо чувствует в защите свободы главный жизненный нерв “Нового Града” и, возвращаясь еще раз к этой теме, нападением на свободу заканчивает свою статью. Сам он принимает только метафизическую свободу, сочувственно цитируя слова Безухова в обстановке французского плена: “Связать меня, мою бессмертную душу!” — Философское утверждение этой высшей метафизической свободы не имеет ничего общего с апологией свободы политической». Нет, имеет, г. Устрялов, хотя связь политической и метафизической свободы не является непосредственной. Связью и посредством между ними является свобода исповедания, свобода исследования и проповеди истины, без которой нет человеческого достоинства, — по крайней мере, в христианстве. Великодушно уступая метафизическую свободу, вы обрекаете героев на мученичество, а массу на отступничество и предательство истины»⁶⁴⁰.

В следующих номерах «Нового града» Г.П. Федотов посвятил доказательствам связи демократического идеала с христианством две большие статьи⁶⁴¹. Это показывает, какое решающее значение он придавал этому вопросу. В первой из этих статей он говорит:

«В настоящее время, когда демократия терпит крушение в большей части европейского мира, ее защита для православного богослова и социолога делается особенно трудной. Общие предпосылки христианского общежития, которыми жил XIX век, перестают быть убедительными для наших современников. Те, кто верит, как новоградцы, в их божественное происхождение, обязываются к новой апологии вечных истин»⁶⁴².

Приведенных цитат, думается, достаточно. «Новый Град» объединял людей, обращенных к христианству не как к религии личного загробного спасения, а как к религии воплощения и милосердной любви, связывающей людей круговой порукой и зовущей к возвращению в мир для ответственного участия в деле его преобразования. Новоградцы верили в человеческое действие и в возможность создания на земле общества более человеческого, свободного и братского, в пределе превращающегося в «Царство Божие». За исключением Бердяева, все они считали, что это общество нужно строить на основе «формальной демократии» — тех прав и свобод, которые Алданов называет «субстанцией» демократии и в которых новоградцы видели вечные, евангельского происхождения ценности.

В редакционной статье второго номера журнала мы читаем: «Хотя мы пишем “Новый Град” с большой буквы, но мы просим не смешивать его с небесным Иерусалимом. Новый Град — это земной город, новое общество...»⁶⁴³

Это редакционное заявление, как мы увидим, верно и неверно.

Да, новоградцы хотели строить на земле, в истории, земной град, который явился бы «социальной проекцией» христианского персонализма и в котором всякой человеческой личности было бы обеспечено «право на жизнь и труд, на реализацию заложенных в ней творческих сил»⁶⁴⁴. Уже в те годы они защищали идеи хозяйственной и социальной демократии, которые начали распространяться только после войны. Некоторые из них связывали с идеей самоуправления рабочих и служащих на предприятиях также идею присоединения к парламенту экономической корпоративной палаты.

Считая демократию священным достоянием, которое нужно защищать от грозящих гибелью сил тоталитаризма, новоградцы хотели, чтобы она стала сильной. Средство к этому они видели в независимой исполнительной власти, вроде власти президента в Соединенных Штатах. Но нужно помнить: говоря о сильной «авторитарной» демократии, способной принимать быстрые решения, новоградцы в то же время постоянно настаивали на том, что сфера свободы и прав личности при всех условиях должна оставаться неприкосновенной для

государства. Все эти реформаторские замыслы новоградцев подтверждают заявление редакции, что Новый Град — это земной град. Почти накануне войны Г.П. Федотов повторяет это в № 13:

«Наш град еще не тот Иерусалим, о котором пророчит Апокалипсис, и всякий, кто под предлогом ожидания этого Иерусалима отказывается работать над усовершенствованием или постройкой земного града, тот не с нами, тот не новоградец»⁶⁴⁵.

Но дальше в этой статье Федотов пишет:

«Нужно сказать со всей решительностью, что наше понимание апокалиптических образов и пророчеств, в свете истории, не может совпадать с представлениями первого христианского века. Вот одна существенная поправка. Царство Божие не приходит вне зависимости от человеческих усилий, подвига, борьбы. Царство Божие есть дело богочеловеческое. В небесном Иерусалиме, который (Откр. гл. 21) завершает эсхатологическую драму, человечество должно увидеть плоды своих трудов и вдохновения очищенными и преображенными. Другими словами, этот Град хотя и снисходит с неба, строится на земле в сотрудничестве всех поколений».

Это совсем соловьевское понимание Царства Божия было близко и всем другим участникам «Нового Града». Эпиграфом к журналу можно было поставить слова В. Соловьева:

«Идея Царства Божия необходимо приводит нас (разумею всякого сознательного и искреннего христианина) к обязанности действовать, в пределах своего понимания, для реализации христианских начал в собирательной жизни человечества, для преобразования в духе высшей правды всех наших общественных форм и отношений, то есть приводит нас к христианской политике»⁶⁴⁶.

Отец Сергей Булгаков писал в № 3:

«Христианство в идее Царства Божия имеет такой всеобщий, необъятный идеал, который в себе вмещает все благие человеческие цели и достижения. Но оно имеет и свое обетование, которое на символическом языке Апокалипсиса обозначается как наступление 1000-летнего царства Христа на земле. Этот символ, который есть путеводная звезда для истории, односторонним истолкованием давно уже заперт на замок, так что считается чуть ли не особой “ересью” неприятие его господствующего истолкования, которое от него ничего не оставляют. Но это предельное явление Царства Божия на земле, которое здесь символизировано, не только не может оставаться лишь пассивно воспринимаемым (а идеологически даже вовсе отвергаемым) пророчеством, но долж-

но становится активной утопией, упованием. Конечно, сам по себе этот символ абстрактен, но он всегда наполняется конкретным содержанием, как очередной шаг, или достижением в истории, как зов, обращенный из будущего к настоящему»⁶⁴⁷.

Г.П. Федотов писал (№ 8):

«В самом деле, идеал христианского общежития — растворение его в Царстве Божиим, когда Бог будет всем во всём... В истории обычно отношение Царства Божия и царства кесаря представлялось как отношение конкретной социальной Церкви к государству или, еще уже, священства к царству. В Церкви как священнической организации Царство Божие находит свое земное, хотя бы символическое, воплощение. Но если Бог обитает не только в храме, но и в каждой христианской личности, то каждая личность в своей изначальной глубине, в своем святая святых является престолом Божией славы. В последней глубине свобода человека совпадает со свободой Бога. Христианское творчество человека раскрывается, или должно раскрыться, по образу пророчества.

Вот почему христианин, отстаивая перед государством свою свободу — не только молиться, но и мыслить, творить, устанавливать нравственные связи с миром людей, — борется не только за свою собственную свободу (как либерал-индивидуалист), но и за власть Бога в мире, за Царство Божие»⁶⁴⁸.

Ни одна идея не оказала такого решающего влияния на историю человечества, как открывшееся впервые еврейским пророкам видение грядущего царства любви и всеобщего благоденствия, где соединятся все народы и «смерть будет уничтожена навеки»⁶⁴⁹. Из этого видения родилась сменившая древний миф возвращения идея прогресса, необратимого движения к заветной конечной цели. Человечество впервые увидело смысл своего земного путешествия.

Важно не только то, что новоградцы поверяли свою идею нового общества этим видением нисходящего с неба Иерусалима. Они очистили его от искаживших его представлений, прежде всего от предсказаний традиционных апокалипсисов о том, что Царство Божие настанет только после истребления всех нечестивых царей и народов.

Противоречие между новым вселенским сознанием и религиозным национализмом показано в книге пророка Ионы. Иона так огорчен решением Бога спасти Ниневию, что просит смерти — «ибо лучше мне умереть» (Пр. Иона, 4, 3). Евангелие, казалось, навсегда устранило это противоречие. Из евангельской веры рождается идеал Града, открытого для всех людей. Проповедь апостола Павла, этого первого всечеловека, первого гражданина мира, покончила с последними

колебаниями: «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3, 28).

Христианство с его мессианскими и вселенскими устремлениями становится закваской всей европейской культуры и придает ей способность к еще небывалому в истории распространению. Однако в историческое христианство вошло и противоположное этим устремлениям средневековое дуалистическое видение мира как места битвы между Богом и дьяволом, и Царства как искупления немногих избранных: оно наступит только после того, как будут поражены мечом слуги Сатаны. Искажения, метаморфозы и трагическое смешение этих двух противоречивых представлений о тысячелетнем царстве определили все развитие европейских революционных движений. Обетование царства любви и братства вдохновляло и крестовые походы, и анархокоммунистический хилиазм средневековых ересиархов, и «бешеного кентского попа», таборитов*, Фому Мюнцера** и «Новый Иерусалим» Иоанна Лейденского. Но для того, чтобы царство любви наступило, нужно было прежде истребить «антихриста»: сарацин, евреев, попов, монахов, купцов, рыцарей.

Но вот приходит XVIII век, век разума, век Просвещения, мистика полностью отвергнута. И что же? По меткому выражению одного историка, «философы» разрушают Град Божий Блаженного Августина только для того, чтобы снова его отстроить из современных материалов. Одно подражание гражданским добродетелям древних никогда не удовлетворило бы европейское общество, веками жившее мессианскими чаяниями. Ему нужно было обещание нового неба и новой земли. Во Французской революции еще раз происходит смешение двух представлений о Царстве. С одной стороны, провозглашение евангельского в основе своей идеала свободы, равенства и братства, с другой — истребление «гидры», «святая» гильотина, якобинская диктатура, революционные войны. Это смешение еще очевидно в тотальном марксизме, с его обещанием прыжка в царство свободы. Но это царство наступит только после того, как избранный народ — пролетариат — в последней и решительной битве истребит нечестивых слуг капитала.

Если в таком тотальном марксизме еще в известной мере сохранилось, хотя и чудовищно искаженном виде, мессианское и вселенское вдохновение европейских пророков и христианства, то в национал-социализме оно окончательно исчезает. Остается только «избранная раса». Тысячелетний гитлеровский Рейх наступит после уничтожения царства Сатаны: католичества, капиталистического либерализма, марксизма и всех других «порождений иудаизма» и

* Последователи Яна Гуса, от чешского города Табор.

** Фома Мюнцер (1489–1525), анабаптист, обезглавлен.

после порабощения, а еще лучше истребления, «унтерменшей» — евреев, цыган, негров, славян.

«Никто не удивится, — поучал Гитлер, — если в нашем народе олицетворение Дьявола, символа зла, примет телесный образ еврея»⁶⁵⁰.

Было бы несправедливо включить в эту цепь чудовищных метаморфоз чаемого «тысячелетия» Царство Божие новгородцев: оно одинаково противоположно как тотальному марксизму, так и национал-социализму. Общество, которое призывали строить новгородцы, — общество, открытое для всех людей. В нем не будет ни избранного класса, ни избранной расы, и его приход не потребует истребления «нисходящих» классов или низших рас. Новоградство — это возвращение к вселенскому вдохновению апостола Павла.

В № 1 «Нового Града» в редакционной статье читаем:

«Начала нового свободного порядка и справедливости, утвержденные в государственном общежитии, должны быть обеспечены и в отношениях между нациями. Нации — великие личности — должны сохранить во всей полноте свободу своего творчества, но поступиться долей политической и экономической свободы, чтобы войти в общечеловеческое общество... Изолированное существование наций стало давно невозможным»⁶⁵¹.

Некоторым участникам «Нового Града» эти утверждения казались все еще недостаточными. Бердяев с обычной своей страстностью пишет:

«Я бы поставил в упрек “Новому Граду” недостаточное сознание универсалистического характера эпохи. Сейчас невозможно рассматривать изолированно судьбы стран, народов и культур, и менее всего можно рассматривать изолированно русскую судьбу. Сейчас мы присутствуем при судорогах умирающего национализма, который перед смертью еще может наделать много бед. Сейчас все становится мировым, ввергается в мировой круговорот. Происходит объединение человечества, новое рождение человечества. И России суждено в этом сыграть не малую роль. Русскому сознанию XIX века был свойственен универсализм, всечеловечность, и универсализм есть русская традиция... Я убежден, что национальным государствам приходит конец, хотя перед смертью они еще могут проявить себя в зловещих формах. Но мир идет к сверхнациональной федерации, к преодолению принципа суверенитета национальных государств. Национальности останутся лишь как культурные индивидуальности. И это есть благо, это желанно. С национализмом необходимо бороться, он несовместим с христианством, противоположен христианству» («Новый Град», № 7)⁶⁵².

Бердяев писал это в 1933 году. Он был прав и в том, что национализм еще может наделать много бед, и в том, что принцип государственного суверенитета должен быть преодолен. Теперь, когда мир, пережив войну, вступил в атомный век, все больше людей начинают понимать, что абсолютный суверенитет национальных государств — опасный пережиток и что человечество сможет разрешить стоящие перед ним задачи только объединенными усилиями всех людей. Новоградцы поняли это одними из первых. В этом возвращении к духу христианства огромная заслуга «Нового Града». Идея всечеловеческого братства издревле была близка многим русским людям. Еще в XVI веке Феодосий Косой⁶⁵³ утверждал: «Все людие едино суть у Бога, и татарове, и немцы, и прочие языцы; глаголет бо апостол: “Во всяком языке бояся Бога и делаяй правду приат ему есть”⁶⁵⁴». До Косого уже новгородские еретики ссылались на апостола Павла. А в XIX веке Достоевский утверждал даже, что «национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение». Но Достоевский был подвержен искушениям шатовщины и припадкам злобной ксенофобии и антисемитизма. Новоградцы же до конца освободили русскую идею от раковой опухоли человеконенавистнического национализма. Они хотели строить общество на утверждении братства всех людей и абсолютной ценности личности каждого человека. В статье «Христианство и революция» («Новый Град», № 12) Бердяев пишет:

«Христиане как будто бы лучше и чище поняли теперь вечную истину христианства, согласно которой дороже всего человек, человек с его страданиями и радостями, со своей судьбой во времени и вечности выше обществ и государств. Это есть революция в установке ценностей, но революция, которая требует изменения в отношении к средствам борьбы, которыми пользуются для осуществления целей, приближения средств к целям. И в этом все отличие христианской от нехристианской революции — христианская революция не допускает обращения с каким-либо человеком как с простым средством или с врагом, подлежащим истреблению, или как с камнем, нужным для построения здания нового общества. Это есть христианский персонализм. Он предполагает спиритуализацию и этизацию борьбы, излечения от терзающей мир ненависти».

Читая статьи основных сотрудников «Нового Града», чувствуешь, что к решению всех вопросов человеческого общежития они подходили, помня об этой христианской революции. В № 3 журнала Федор Степун писал: «На всякий утопически-мечтательный безудерж есть только одна узда: живая любовь к ближнему, мешающая превращать его в строительный материал Царства Божия на земле»⁶⁵⁵.

Новоградцы, вероятно, делали ошибки в своих анализах событий и в размышлениях о будущем России, но они никогда не шли против христианской совести. Они не написали ни одного слова, которое не было бы вдохновлено добрым чувством. Новоградцы — люди доброй воли, свободные от всякого человеконенавистничества. Чтение «Нового Града» оставляет поэтому необыкновенное нравственно-укрепляющее впечатление.

В подтверждение можно привести цитаты чуть ли не из каждой статьи. Так, в первом же номере Степун пишет: «Надо твердо помнить, что большевизм наизнанку отнюдь не антибольшевизм»⁶⁵⁶. В следующем номере он эту мысль развивает:

«Говоря о сменовеховской опасности, грозящей пореволюционным группировкам, я отнюдь не имею в виду того пути, что был сознательно выбран и до конца пройден группой сменовеховцев... То, что я имею в виду, есть нечто гораздо более тонкое и неуловимое... а тем самым и гораздо более опасное. Я имею в виду опасность заражения духом противника, которую несет в себе всякая страстная борьба. В борьбе с большевизмом очень легко оболшевичиться. Для этого достаточно хотя бы только временное согласие на большевистские приемы борьбы. Нейтральных приемов борьбы не существует. За каждой системой приемов стоит мир совершенно определенных ощущений. Согласие на большевистские приемы есть, таким образом, неизбежно, и приятие в свою душу большевизма. Опасность такого бессознательного самоотравления я и называю опасностью сменовеховства»⁶⁵⁷.

То же отрицание большевистских средств в статье Степуна в четвертом номере («Еще о “человеке Нового Града”»):

«Самая страшная сущность враждебного нам большевизма заключается в том, что он не понимает инакомыслящих, что он отрицает диалог, дискуссию, свободу мнения, а потому (в качестве институционального закрепления всего этого) демократию и парламентаризм. Как можно бороться с большевизмом, следуя в этом смысле по его путям?»

Все больше и больше полнится мир враждебным криком глухих друг к другу людей. В Германии от этого, в своей основе большевистского, крика жить становится невозможно. Я спрашиваю, допустимо ли для эмиграции, считающей главным смыслом своей жизни борьбу против духа большевизма и избавленной волею судьбы от той реальной политической борьбы, в которой не всегда есть время разобраться в смысле чужого мнения, усиливать своими голосами этот шум и крик глухих. Не знаю, как думают критики “Нового Града”, но я

лично уверен, что недопустимо. В противоположность большевизму и всем его производным, нам, эмигрантам, необходимо практически и теоретически отстаивать максимально вдумчивое и бережное отношение человека к человеку. С тоски по этой вдумчивости и бережности, с тоски по справедливости, причем не только в сфере личных, но и общественно-политических отношений, и начинается, по-моему, зарождение новоградской психологии»⁶⁵⁸.

Значение этих высказываний Ф.А. Степуна трудно преувеличить. Когда в послебольшевистской России будет издана «Памятка русского демократа», они займут в ней почетное место. Демократия в России станет возможна только при изменении всего психологического климата русской общественной жизни. Не только в подкоммунистической, но и в зарубежной России не было необходимого для демократии духа терпимости и диалога. Конечно, в эмиграции никто не знал возможности морить противников в концлагерях, но «крика глухих друг к другу людей» было немало. Обвинения, сыпавшиеся на «Новый Град» с разных полюсов эмигрантской общественности, лучшее тому подтверждение. Бердяев вряд ли преувеличивал, говоря, что коллективное общественное мнение русской интеллигенции всегда было деспотическим и в этом смысле большевистским. По словам Бердяева, «интеллигенция очень походила на секту, довольно нетерпимую, со своими коллективными моральными и социальными догматами»⁶⁵⁹. В эмиграции этим сектантским догматическим духом были одинаково одержимы и правые, и левые. Неоценимая заслуга «Нового Града» — в отказе поддаваться этому духу и в стремлении к достойному человека диалогу.

Если из всех новоградских идей до будущих русских поколений дойдет только этот, противоположный большевистскому, принцип отношения к людям других убеждений, труд новоградцев не пропадет даром.

Как я уже говорил, один из основателей «Нового Града» И.И. Фондаминский-Бунаков был в прошлом эсером. Придя к религиозной вере и отбросив шелуху интеллигентского мирозерцания, он не стал, однако, обличителем интеллигентской морали и до конца жизни хранил верность мистическому вдохновению ордена — той христианской «нравственной закваске», которая определила жития лучших представителей интеллигенции. Один из последних героев эпопеи освободительного движения, Фондаминский всегда жертвовал всем идее (отдал в партию полученное от отца миллионное наследство), при царской власти сидел в тюрьме, при советской — был заочно приговорен к смертной казни. В эмиграции его мирозерцание становилось все более религиоз-

ным. Он крестился в гитлеровском концлагере накануне смерти, но уже задолго до того всем сердцем принял христианство. Это обращение, так же как и у Федотова, сопровождалось отказом от многих прежних взглядов, но не отказом от духа ордена. Наоборот, он мечтает о восстановлении ордена в эмиграции и о продолжении революционной борьбы. Именно об этом он писал в первом номере «Нового Града» (в другой связи я уже приводил эту цитату):

«Надо воскресить Орден — Орден воинов-монахов, пламенно верующих в правду учения и готовых на жертвы и подвиг для освобождения России. И надо, чтобы новые рыцари, как их отцы и деды, шли в народ — жить его жизнью, страдать его страданиями и, освещая души людей светом Истины, уводить их за собой от власти...»⁶⁶⁰

Все, кто встречал Фондаминского в последние годы перед войной, чувствовали, что этот апостольский энтузиазм и интеллигентский героизм без малейшего внутреннего противоречия соединялись в его сердце с христианским подвижничеством. Это не покажется удивительным, если вспомнить, что позитивизм и материализм, в готовом виде заимствованные у Запада, оставались чуждыми глубине его души, жившей отголосками Нагорной проповеди. Федотов был, конечно, прав, утверждая, что народническое прошлое не затрудняло, а облегчало для Фондаминского его христианское самовоспитание — «в науке любви безбожные праведники русской интеллигенции мало чему могли научиться у современных христиан. Остался также и народнический “кенозис”, та форма социальной аскезы, которой русская интеллигенция сближается с традицией русских святых»⁶⁶¹.

Это поражающее родственное сходство «безбожных праведников русской интеллигенции» с христианскими святыми свидетельствует, что мы имеем тут дело с проявлением действия не двух разнородных, противоположных сил, а двух дополняющих друг друга направлений первоначально единого мистического порыва. Сама смерть Фондаминского была одновременно и смертью борца-революционера и смертью христианского мученика, безропотно и бесстрашно предстоящего перед палачами. Смерть эта была наполовину добровольной. Фондаминский мог уехать в Америку и не уехал; уже в лагере, когда его по болезни перевели в больницу, представлялась возможность спасения — друзья брались устроить ему побег. Он отказался, говоря, что хочет разделить участь обреченных евреев.

Два очень умных человека говорили мне, что не понимают этого странного решения — ведь смерть в газовой печи никому и ничему помочь не могла.

Что можно на это ответить? Всерьез стараясь идти по пути «подражания Христу», Фондаминский не мог не помнить, что этот путь ведет в Гефсиманский сад и что Христос знал ждавшую его участь, но не захотел бежать: «Встаньте, пойдем: вот приблизился предающий меня» (Мк 14, 42).

Г.П. Федотов первый отметил, как вольная жертвенная смерть Фондаминского придала этому еврею и эсеру сходство с древними русскими страстотерпцами: «Отказ защищать свою жизнь от убийц — “яко ангел непорочен, прямо стригущему его безгласен” — есть русское выражение кенотического подражания Христу. В непротивленчестве своем бывший революционер, из льва обратившийся в агнца, стал учеником — думал ли он об этом? — первого русского святого, князя Бориса»⁶⁶².

Фондаминский мало писал в «Новом граде», и другие сотрудники, несомненно, превосходили его и умом, и знаниями, и литературным талантом, но если бы не было Фондаминского, то не было бы ни «Нового града», ни всех других бесчисленных эмигрантских общественных и культурных начинаний, возникших его стараниями в тридцатых годах и державшихся исключительно его неиссякаемой энергией, его добротой, его верой в человеческое действие.

В то время как остатки демократической интеллигенции, окруженные угрюмым недружелюбием большинства эмиграции, жили закрытыми партийными кружками, И.И. Фондаминский, сохранивший в душе весь прежний орденский динамизм, пришел к убеждению, что нужно покончить с этой обособленностью и идти в «эмигрантский народ».

«Эмигрантские политические организации, — говорил он, — безжизненны и худосочны, ибо не связаны с народными массами. А эмигрантские массы распылены и беспризорны. Надо идти в эмигрантский народ, чтобы организовать его экономически и культурно. И надо поднять его на бульшую духовную высоту, которая обязательна для него, если он хочет быть передовым отрядом в борьбе за освобождение России. Тогда духовное влияние обязательно передается из эмиграции и на родину»⁶⁶³.

С проповедью этой открывшейся ему идеи Фондаминский выступал всюду, где только соглашались его слушать: в кружках Русского христианского студенческого движения и Православного Дела, в РДО, у младороссов, в Пореволуционном клубе, в Союзе дворян⁶⁶⁴. Не довольствуясь работой в уже существующих организациях, он создал целый ряд новых кружков, объединений, журналов, литературных и ученых издательств, создал даже драматический театр⁶⁶⁵. На фоне общего культурного оскудения эмиграции все это производило впечатле-

ние настоящего чуда. Кажется почти невероятным, что один человек мог столько сделать. При этом Фондаминский никому не навязывал своих взглядов, никому ничего не внушал, не добивался установления какой-либо «генеральной линии». Его цель была совсем другая. Он хотел пробудить в эмиграции веру в человеческое действие, хотел создать обстановку, благоприятную для развития свободного духовного творчества, и предоставить каждому возможность осуществить свои творческие задатки.

Когда он задумал восстановить орден, среди множества других задач перед ним встала и задача привлечь в орден младшее эмигрантское поколение, и в частности Монпарнас. Поэзия «парижской школы» и проза «молодых» вряд ли ему нравились — как у большинства интеллигентов, литературного слуха у него, вероятно, вообще не было. Но мудростью сердца он чувствовал драму отверженных монпарнасских «огарочников» и начал приглашать их к себе на собрания.

Фондаминский не удовлетворялся созданием для бездомного Монпарнаса подобия клуба. Он понимал, что единственная настоящая помощь поэтам и писателям — это дать им возможность писать и печататься. Он многим помогал устроить материальную сторону их жизни; добивался, чтобы «молодых» печатали во всех журналах, где он имел голос; устроил для них издание собственного литературного журнала «Круг» и серии стихотворных сборников «Русские поэты»⁶⁶⁶.

Оставим в стороне вопрос о ценности собраний «Круга». Ведь это было только начало. Важно, что «Круг» явился местом первой встречи эмигрантских сыновей с орденскими людьми. Многие из нас до знакомства с Фондаминским никогда не видели вблизи «живого» эсера. Я скоро почувствовал, что подобного ему человека не видел. Он ничего не хотел для себя. Достигнув той степени религиозной серьезности, когда человек находит в своей вере силы жить и действовать, обходясь без поддержки и принуждения со стороны общества и без людской похвалы, он жил для других, для человеческого и божьего дела. Именно в этом, я думаю, была тайна его необычайного творческого дара.

Здесь, во избежание недоразумения, нужно сделать оговорку: Фондаминский не был талантливым человеком, не написал и не создал ничего замечательного, никаких «памятников» после него не осталось, но после его гибели моральный и творческий уровень эмигрантской жизни трагически понизился.

«Поэты всех времен, — говорил Рамакришна, — воспевали истину и добродетели. Стали ли от этого лучше их читатели? Но когда между нами живет человек, отрешившийся от самого себя, его поступки становятся биением сердца доб-

ра и облагораживают даже самые посредственные мечтания людей, с которыми он вступает в общение; все, к чему он прикоснется, делается истинным и чистым, он становится отцом реальности, и созданное им никогда не исчезнет*.

К этому приближалось то, что делал Фондаминский в последние годы своей жизни. Особенно его мученическая смерть — все это было актом творения неуничтожимой духовной реальности, актом, увеличившим на земле жизнь и добро.

Он никогда никому не читал наставлений, никогда ни от кого ничего не требовал, но подаваемый им пример пробуждал даже в слабых и порочных людях желание в какой-то степени ему подражать, и иногда, в минуты трудных испытаний, они находили в себе силы поступать так, как, они знали, поступил бы он.

Владимир Набоков, писатель, не склонный преувеличивать хорошие качества встреченных им в жизни людей, говорит о Фондаминском: «Попав в сияние этого человечнейшего человека, всякий проникался к нему редкой нежностью и уважением»⁶⁶⁷. Это сияние не исчезло и после смерти Фондаминского. Когда ужас перед происходящим в мире уничтожением живых существ с особенной силой давит душу, память о его жизни и его мученической смерти спасает от отчаяния, воскрешая веру в человеческий образ и в человеческое дело. Сужу не только по себе — мне говорили об этом многие, кто его знал.

«Круг» образовали две группы, и психологически и идейно очень различные. Одна состояла главным образом из людей близких к «Новому Граду» и «Православному Делу» — проф. Н.Н. Алексеев, Н.А. Бердяев, мать Мария, К.В. Мочульский, Г.П. Федотов, Е.Н. Федотова, Е.А. Извольская⁶⁶⁸ и С.П. Жаба⁶⁶⁹; постоянно присутствовал на этих собраниях В.М. Зензинов, связанный с Фондаминским старинной дружбой и орденом братством, но оставшийся чуждым религиозным исканиям своего друга. Изредка бывал и А.Ф. Керенский. К этой старшей группе принадлежали также А. Савельев⁶⁷⁰ и еще несколько человек, привлеченных Фондаминским.

Убеждения и мирозерцание всех этих людей были известны по их книгам и статьям, по всей их многолетней общественной деятельности.

Другое дело, младшая группа — Монпарнас. Из-за крайней скудости монпарнасской публицистики, о настроениях «молодых» писателей судили по «Числам», главным образом, по «Комментариям» Г.В. Адамовича и еще по фантастическим слухам о монпарнасских «оргиях». Большинство друзей Фондаминского не понимало, зачем он стал приглашать всех этих «огарочников». Это еще увеличило трудность общения между двумя группами, и нужны были вся кро-

* Рамакришна, 1836–1886, «The Gospel of Sri Ramakrishna».

тость и все долготерпение Фондаминского, весь его упрямый оптимизм, чтобы не дать «Кругу» распасться.

«Парижская школа» была чужда «Новому Граду» не только в своих внешних проявлениях, но в самом основном ощущении жизни⁶⁷¹.

Если в известных кругах эмиграции рост эсхатологических настроений сопровождался страстным обращением к традиции, к вере в догматы и к храмовому благочестию, то на Монпарнасе возрождение «средневекового мирозерцания» выразилось главным образом в склонности толковать христианство в духе восточного дуализма, отрицающего мир и историю.

Нельзя представить себе ничего более чуждого, ничего более противоположного «Новому Граду», стоявшему на соловьевской идее царствия Божия на земле, чем те близкие к Маркиону*, Шопенгауэру и Розанову представления о христианстве, из которых исходили некоторые участники «Чисел».

«Есть древняя легенда, которую все знают, — говорил Адамович, — Бог не создал мир, не хотел создавать его. Мир вырвался к бытию против его воли». Отсюда «в душу закрадывается соблазн: не надо ли “погасить” мир, то есть на это работать»**.

Гностический соблазн имел власть и над душой другого «идеолога» Монпарнаса, Б. Поплавского. Он часто взволнованно и восхищенно обсуждал утверждения Маркиона, что добрый, любящий нас Бог, Отец наш Небесный, о котором говорил Христос, вовсе не был ветхозаветным, сотворившим землю, гневным, ревнивым и мстительным Богом Судией и Богом воинств. Увлечение гностикой отразилось и во многих стихах Поплавского. В «Снежном часе» он пишет:

Солнечный герой, создавший мир,
Слушай бездну, вот твоя награда.
Проклят будь, смутивший лоно тьмы,
Архитектор солнечного ада;
«Как ты смел!» — былинка говорит,
«Как ты мог, — волна шумит из мрака, —
Нас вдали от сада Гесперид
Вызвать быть для гибели и мрака».

На Монпарнасе никто, насколько мне известно, сознательно не следовал известной теории о том, что русское народное православие восприняло через Богомилскую ересь маркионово понимание христианства и что именно это определило все развитие русской культуры, начиная с былины об Илье Муромце и сказания о граде Китеже и кончая творчеством величайших русских гени-

* Маркион (85–160), основатель маркионитов. Отлучен от Церкви в 144 г.

** Г.В. Адамович, «Комментарии», изд. Камкина, Нью-Йорк, 1967 г., стр. 13.

ев XIX века. И все-таки христианское вдохновение русской литературы часто понималось на Монпарнасе именно в маркионовом духе.

В век, когда в христианстве обычно еще видели иудаизм, только ставший вселенским, и когда благочестие многих христиан уживалось с верностью законнической традиции, Маркион учил о противоположности Евангелия Закону. Мысль об этом, как вспышками молнии, освещается многократным повторением слов: «Вы слышали, что было сказано древним... а я говорю вам...»⁶⁷²

Но, почувствовав сердцем, что сущность христианства в откровении мистической любви, Маркион не понял огненной природы этой милосердной и жертвенной любви, зовущей, в отличие от всех предшествующих форм мистицизма, не к созерцанию и личному потустороннему спасению, а к творческому, преображающему мир действию. Значение этого подготовленного еврейскими пророками перехода от созерцания к действию не дошло до сознания Маркиона, и именно в этом сказалась ограниченность его религиозного гения: несмотря на глубокое интуитивное понимание божественности и абсолютной новизны Нагорной проповеди, он в своем отвержении видимого космоса выпал из христианства и был близок к тому, что условно можно назвать «вечно буддийской» стадией религиозного опыта.

Влияние мысли Маркиона, родившейся из глубокого чувства евангельского милосердия, но омраченной безумием отрицания мира, двойственно окрасило и весь монпарнасский мистицизм, придав некоторым стихам «парижской школы» неотразимое очарование и вместе с тем какой-то смущающий душу и порочный привкус нигилизма.

Когда редакция «Чисел» попросила Г.П. Федотова высказаться о первых книгах журнала, он прежде всего отметил опасность этого увлечения гностицистскими мифами, подменяющими христианство «буддизмом»:

«Борьба, которая ведется сейчас в мире за человеческий дух, — утверждал он, — это и есть борьба между Буддой и Христом, между нирваной и вечной жизнью... И я боюсь — хоть и хотел бы ошибиться, — что тема смерти оборачивается в “Числах” темой нирваны»⁶⁷³.

То, что именно *тут* проходила черта, разделявшая «Новый Град» и «Числа», подтверждает и статья Г.В. Адамовича, в которой он говорит о «Новом Граде» с чрезвычайной, несвойственной ему резкостью:

«Еще гораздо страннее (если бы не была так давно знакома) — добродетельная новоградско-утвержденская модернистическая кашка из приторно нестеровского православия и социалистических “достижений”, вся эта вообще

революция на лампадном масле... Главное: они хотят “строить” реально, во времени и истории, на земле, — и не чувствуют неумолимого “или-или”, разделяющего христианство и будущее. Если иногда и чувствуют, то конфеток новейшего производства у них припасено достаточно, чтобы внезапно эту горечь заглушить»⁶⁷⁴.

Как мы видели, Милюков обвинял «Новый Град» в прямо противоположном — в выдвигании «общения с Богом» против общественного служения и т.п. Отвечая Адамовичу, Ф.А. Степун очень справедливо указал, что борьба «Чисел» против «тупости славянофильства» означала «не борьбу западников против национальной России, а, как это ни странно, скорее борьбу каких-то новых восточников, буддийствующих христиан против западничества славянофилов, против их, чуждой Востоку, мироустремленной хозяйственности и бытолюбивой плотяной тяжести»⁶⁷⁵.

Этому спору было посвящено и одно из первых собраний «Круга»⁶⁷⁶. В своем вступительном слове на этом собрании К.В. Мочульский говорил о ложности распространенного представления, что мир и христианство внутренне враждебны. Указав, что в наиболее крайней форме, близкой к манихейству, утверждал это Розанов, Мочульский старался убедить Монпарнас в несовместимости мироненавистнических настроений с духом евангельской, любви.

По моему глубокому убеждению, правда в этом споре с «Числами» была на стороне «Нового Града». Но те новоградцы, которые выводили отсюда осуждение Монпарнасу вообще, мне думается, были несправедливы. Так же как «отцы»-позитивисты, они не умели отличить в декадентско-мистической атмосфере Монпарнаса подлинное и трагическое от болезненного и ошибочного. Они не верили в серьезность монпарнасских «романов с Богом», и в мужестве отчаяния, с каким монпарнасцы рассматривали абсурдность положения человека в мире, и в их отказе от готовых утешений того или иного конформизма видели разложение, упадок и т.д. Впоследствии, в напечатанной в «Ковчеге», уже цитированной мною замечательной статье о «парижской школе», Г.П. Федотов эту ошибку исправил⁶⁷⁷. Тут нужно сделать еще одну оговорку. Монпарнас судили главным образом по журналу «Числа». Между тем, хотя «Числа» и были журналом «парижской школы», они все-таки не отразили всего, чем жил Монпарнас, и, в частности, не отразили и той, неясно возникавшей на Монпарнасе, идеи, о которой я говорил в предыдущей главе. К сожалению, эта идея вообще никем никогда не была высказана в письменной форме. Но именно она вдохновляла те разговоры «русских мальчиков», которые велись на Монпарнасе в

* «Числа», № 7–8, 1933 г.

его лучшие часы. Именно она в годы войны и оккупации привела многих монпарнасских «декадентов» во французскую армию и в движение Сопротивления.

Фондаминский — единственный из всех «отцов» — чувствовал зарождение этой идеи, делавшей возможной встречу между Монпарнасом и «Новым Градом».

Интерес к общественным вопросам, усиливаемый чувством беспокойства перед надвигавшимися грозными событиями, был так силен у многих участников «Круга», что наряду с собраниями, посвященными литературным и философским темам, стали возможны собрания политические. Постепенно образовался как бы политический отдел «Круга», призванный по замыслу Фондаминского стать зачатком нового ордена. К участию в этих политических собраниях он привлек и группу молодых монархистов-легитимистов, отколовшихся от младоросской партии и издававших свой собственный журнал «Русский временник»⁶⁷⁸. Этот монархический журнал, достойный особого внимания, страстно защищал тот самый «демолиберализм», от которого с таким презрением отворачивались и евразийцы, и солидаристы, и все пореволюционные течения.

Верность принципу легитимной монархии сочеталась в идеологии «Русского временника» с принятием «субстанции» демократии и решительным осуждением тоталитарных режимов.

В статье от редакции журнала «Русский временник» говорилось, что для понимания глубокого духовного и культурного кризиса, переживаемого всем миром, прежде всего нужно поставить *проблему человека*:

«Сам человек, его духовная сущность и духовная свобода стоят в нашу эпоху перед большими опасностями и соблазнами. Всюду ведется и в дальнейшем еще предстоит немалая борьба за самые основные качества и права человека.

По-новому при этом ставятся и религиозные проблемы. Основная ценность человека — его духовная сущность — неразрывно связана с христианством, так что общий духовный и культурный кризис человечества является в то же время и кризисом христианского сознания; оно не может согласиться с умалением человека и потому неизбежным является его конфликт с тоталитарными режимами, покушающимися на всего человека без остатка»⁶⁷⁹.

Не только эта защита человека отличала «Русский временник» от обычного правого монархизма. Журнал утверждал, что монархия вполне совместима с демократией, которой, по существу, не противоречит, но не совместима с тоталитарной однопартийной диктатурой.

* «Русский временник», № 1, 1937 г.

В номере втором Я.Н. Горбов говорит:

«Определяя в основном нашу политическую позицию, мы не можем не отметить, что мы отнюдь не противопоставляем монархию демократии. Это, конечно, совершенно естественно, и если такое противоположение и имеет в некоторых кругах эмиграции силу, то в этом кроется очевидное недоразумение. Монархия, так же как и республика, может быть демократической, и республика, так же как и монархия, может носить полицейский и произвольный характер. Мы думаем, что если в России должна быть монархия, то только демократическая. Мы, стало быть, относим себя к числу монархистов-демократов. В этой формуле мы видим наилучшее из возможных сочетаний специально русских исторических и национальных традиций с традициями, если так можно выразиться, общеимперскими. Мы, кроме того, усматриваем в формуле демократической монархии возможности соединения традиционного наследования верховной русской “власти-чести” с наиболее широкой политической и гражданской “свободой”.

Старая мысль, что Царь — царствует, но не управляет, в наше время произвольных и авантюристических диктатур и большой неустойчивости демократических республик может оказаться едва ли не единственной, всех примиряющей мыслью.

Отыскивая подлинный водораздел между двумя политическими полюсами наших дней, мы должны искать главный критерий в той системе идей, которая лежит в основе внутренней политики каждого государства.

Исходя из этой точки зрения, мы, прежде всего, можем констатировать, что сталинизм, гитлеризм и муссолинизм — члены единой семьи, как бы “три сына Ленина”, по-разному преуспевшие, но обладающие самым бесспорным фамильным сходством.

В трех странах — России, Италии и Германии — налицо диктатура. Перед этим основным фактом блекнут второстепенные различия. Концлагери, ссылки, смертная казнь за ничтожные проступки, постоянные проверки идейной благонадежности, единая правящая партия, вмешательство государственной власти в частную жизнь, обоготворение вождей, государственно-капиталистические приемы хозяйствования — все это одинаково характерно и для России, и для Германии, и для Италии...

Применительно к сказанному, нам, монархистам, настоятельно необходимо задать себе вопрос: по какую сторону современного политического водораздела находится защищаемый нами принцип?

Находимся ли мы в стане враждующих между собой диктатур?

Или же мы вообще протестуем против принципа диктатуры, противопоставляя ему право, законность и свободу»⁶⁸⁰.

Схожие мысли развивал и Лев Закутин, молодой философ и один из главных идеологов «Русского временника».

«Фашизм (и всякий вождизм), — говорил он, — противен и монархии и демократии.

Фашизм является переходным режимом, в сущности, впервые примененным Лениным и характеризующимся следующими признаками:

- 1) однопартийная диктатура,
- 2) непогрешимость вождя,
- 3) тоталитарное государство, т.е. духовный гнет государства над личностью... по тоталитарной доктрине все сто процентов человеческих мозгов, сердец и нервов должны принадлежать государству, то есть — на практике — правящей идеологии. Условием такого тоталитаризма и является однопартийная диктатура»⁶⁸¹.

Нужно вспомнить тяготение к фашизму всей правой эмиграции и всех пореволюционных течений, чтобы почувствовать, как были удивительны эти молодые монархисты, вставшие на защиту демократии. Человеку, верящему в идеал свободы, равенства и братства, читать их высказывания доставляет настоящую радость. Мне жалко поэтому, что я не могу привести полностью другую статью Закутина, с основных положений которой должны были бы начинаться программы всех эмигрантских партий. Стараясь определить в этой статье общие черты демократии, Закутин сводит их к семи:

- 1) Свобода совести и культов;
- 2) Свобода слова, мысли, печати и научного творчества;
- 3) Свобода политическая для всех и особенно для оппозиции. Где недопустима оппозиция, там нет демократии. Наличие или отсутствие оппозиции — один из наиболее бьющих в глаза критериев. Абсурдны утверждения, что, дескать, демократия дает свободу только сторонникам правящего большинства (а иногда еще добавляют — правящего меньшинства);
- 4) Представительные учреждения — эффективные и реальные, а не формальные и фиктивные;
- 5) Свободные выборы;
- 6) Ответственное министерство;
- 7) Независимые суды.

«И опять же — ответственное правительство, независимые суды — все это с трудом поддается формальному определению, но совершенно реально “чувствуется”, переживается.

Существенно же не то или иное отдельное установление или мероприятие, а вся *совокупность*, составляющая определенный социально-психологический климат (как принято теперь выражаться).

Существуют, конечно, разновидности демократии, то есть разные способы ее осуществления. И способы эти могут быть более удачными или менее удачными, лучшими или худшими. Поэтому поиски новых форм и путей несколько демократам не заказаны. Наоборот, парламентаризм, плебисцитарная система, региональная система, наконец, “иерархическая система” — все это суть разные способы, но не *сама* демократия. Их оценка — особая тема. Сейчас наша задача — схватить сущность, то общее, что присутствует в каждой форме. В конечном итоге, демократия — динамический идеал, цели которого — свобода, в ее общественном аспекте.

Понятия свободы и демократии неотделимы одно от другого. И неслучайно демократия тесно переплелась с христианским гуманизмом. Для человека свобода нужна, как воздух, то есть до и больше хлеба.

Совершенно несправедливо демократии приписывать анархичность. Анархия — отрицание свободы, а не максимальное ее осуществление. Если и в демократиях свобода еще недостаточно обеспечена, — вина в этом демократов, а не демократии.

...Сейчас ради хлеба люди отказываются от свободы. Напрасная жертва. Свободу они теряют, но хлеба не приобретают. Ибо оказывается, что и для материального благосостояния прежде всего нужна свобода.

Революции имеют смысл в недемократических странах, когда надо “клином вышибать”. А там, где демократия уже есть, дилемма ставится так: или социальное углубление и экономическая реформация демократии, или тоталитарные и прочие опыты»⁶⁸².

Сотрудники «Русского временника» защищали не только демократию, но и орден русской интеллигенции. Это было совсем уж удивительно со стороны молодых монархистов, воспитанных в кругу, где интеллигентов винули в гибели России и за это ненавидели и презирали. Мы, несомненно, имеем тут дело с примером так редко, к сожалению, встречающейся духовной и нравственной независимости, которая необходима, чтобы не поддаться давлению «генеральной линии», в той или иной мере существующей в любой среде. «Русский временник» не боялся иметь собственное мнение, противоречащее общепринятому. Это делает

чтение журнала необыкновенно отрадным. Во всей эмигрантской публицистике не найти такого страстного исповедания демократического идеала и такой убежденной защиты интеллигенции, как в этом органе «революционной монархической мысли». Вместе со статьями Закутина и Горбова я поместил бы в антологию публицистики эмигрантских сыновей и статью Николая Вадвича «Русская интеллигенция». Привожу несколько выдержек из этой статьи, написанной не очень искусно, но проникнутой добрым и благородным духом, которого так не хватает нашей общественной жизни, — духом человеческой дружбы.

«Факты, которыми я позволю себе занять внимание читателей в настоящей статье, общеизвестны.

Тем не менее на страницах "правой" печати, в особенности в откровенных беседах, к ним зачастую относились с предвзятой враждебностью. Поэтому мне и показалось полезным к ним вернуться, чтобы, в меру моих сил, способствовать пересмотру мнений, приносящих русскому делу неисчислимый вред.

Эти ходячие мнения можно формулировать так: "русская интеллигенция, интернациональная по духу и слюнявая и бездельная по натуре, изменила Государю и погубила Россию. Опыт показал, что подпускать ее к делу государственного строительства нельзя на пушечный выстрел". Согласно этому пониманию, самое слово "интеллигент" есть бранное слово.

Нет, русская интеллигенция не "интернациональна". Она создана историей своей страны и обнаружила в своем развитии качества своей нации — как хорошие, так и дурные. Она выдвинула ряд мировых имен во всех областях человеческого творчества. Наконец, она поставила перед всем миром проблему социальной справедливости, принесла в жертву исканию истины самое себя, потому что грандиозный обман коммунистической партии рассеется, но раз поставленная Россией перед человечеством задача не будет оставлена не разрешенной.

"Слюнява" ли русская интеллигенция? Трудно это доказать. Начиная с декабристов и кончая думскими кадетами, не проявила ли она стойкости в отстаивании своих политических верований? Стены русских тюрем и каторга могли бы многое рассказать о том, как крепок был дух этих людей, как стойки их убеждения. И если духовная сила интеллигенции растрачивалась так бесплодно, во всяком случае, для сегодняшнего дня, то разве можно ее в этом обвинять?

Легенда о "бездельности" русской интеллигенции также связана с общественными условиями жизни. Трудно было найти область, кроме всевозможных путей искусства, в которой общественной деятельности интеллигенции не ставилась бы препона.

Владимир Варшавский. 1929*

Здесь и далее знаком астериска (*) отмечены фотографии и документы, хранящиеся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына (Ф. 54)

1

213

Дети Варшавские

1. Володя. Москва, около 1910* 2. Юра (Юк). Москва, около 1906*
3. Наталья (Тюпчик). Москва, около 1907*

1/2

3

1. Родители Сергей Иванович Варшавский и Ольга Петровна Норова в Крыму. Около 1905*
2. Наталья, Юра и Володя Варшавские. Рижское взморье, 1914* **3.** Володя и Юра Варшавские с мамой Ольгой Петровной и няней на даче в Болшево под Москвой. Июль 1916*

1

Рисунки Володи Варшавского

1. Тройка (акварель). Москва, начало 1917* 2. Портрет кубанского казака (карандаш).
Надпись рукой В. Варшавского: «Кубанцы, лезгинка. 14 октября 1919 г. Севастополь,
по памяти. Видел на концерте солистов Шкуро»* 3. Портрет кубанца (карандаш).
Надпись рукой В. Варшавского: «Кубанец. 1 ноября 1919 г. Севастополь. По памяти»*

1

2

3

1. Слева направо: Владимир, Наталья, Сергей Иванович, Юра и Ольга Петровна Варшавские. Начало 1918. На обороте надпись рукой В. Варшавского: «Перед отъездом из Москвы»
2. О.П. Варшавская (Норова) с детьми Володи́ей, Юрой и Натальей. Севастополь, 1920. На обороте надпись рукой В. Варшавского: «Перед отъездом из Крыма»
3. Рисунок В. Варшавского севастопольского периода (карандаш). Начало 1920*

1/2

НАЧАЛЬНИК 2-го
 КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО
 ОТРЯДА РУССКИХ
 СКАУТОВ.
 3 января 1921 г.
 № --
 Выдано скауту *Георгию Варшавскому*.....

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

1-
 2-
 3-
 4-
 5-
 6-
 7-
 8-
 9-
 10-
 11-
 12-
 13-
 14-
 15-
 16-
 17-
 18-
 19-
 20-
 21-
 22-
 23-
 24-
 25-
 26-
 27-
 28-
 29-
 30-
 31-
 32-
 33-
 34-
 35-
 36-
 37-
 38-
 39-
 40-
 41-
 42-
 43-
 44-
 45-
 46-
 47-
 48-
 49-
 50-
 51-
 52-
 53-
 54-
 55-
 56-
 57-
 58-
 59-
 60-
 61-
 62-
 63-
 64-
 65-
 66-
 67-
 68-
 69-
 70-
 71-
 72-
 73-
 74-
 75-
 76-
 77-
 78-
 79-
 80-
 81-
 82-
 83-
 84-
 85-
 86-
 87-
 88-
 89-
 90-
 91-
 92-
 93-
 94-
 95-
 96-
 97-
 98-
 99-
 100-

НАЧАЛЬНИК 2-го
 КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО
 ОТРЯДА РУССКИХ
 СКАУТОВ.
 3 января 1921 г.
 № --
 Выдано скауту *Владимиру Варшавскому*
 1-го Константинопольского Отряда бойскаутов
 за то, что он проучал курс "Первый немец-
 ки в несчастных случаях", прочитавший и
 скауты 1-го Отряда а также установленный
 экзамен на специальность "Самарка" по пре-
 дельной утвержденной Главной Кварталей Конста-
 нтинпольской Организации. /
 Инструктор курсов:
 Старший Скаутмастер *Авдеев*

3

1. Фотография руководителя русского скаутского движения О.И. Пантюхова с дарственной надписью: «Скауту Владимиру Варшавскому в воспоминание его работы в [Константинополь]ском отряде с пожеланиями успеха. Будь готов. Олег Пантюхов, Старший скаут. 1/Х 1921 начало» 2. Скауты Владимир и Юрий Варшавские. Константинополь, 12 мая 1921* 3. Удостоверения Владимира и Георгия Варшавских, членов 1 Константинопольского отряда бойскаутов, выданные 3 января 1921*

112

314

5

1. Владимир Варшавский. Около 1920* 2. Юрий (сидит 1-й справа) и Владимир (стоит 1-й справа) Варшавские среди учеников Константинопольской русской гимназии. 9 сентября 1921* 3. Наталья, Владимир и Юрий Варшавские. Константинополь, 2 мая 1921* 4. Юрий Варшавский. Константинополь, 1921* 5. Шарж В. Варшавского «Письма на Родину» из «скаутского» цикла шаржей. Константинополь, около 1921*

„К. П. Т. С. Т.“
 ноябрь 1921 года
 Константинополь.

1)	11) А. П. Петровъ
2) С. Т. Коропалкинъ	12) Солова
3) В. П. Спроге.	13) о. Сизукий
4)	14) М. А. Тоджевиць.
5)	15) К. П. Гандуркина
6) Буришиновъ	16) п. Шпилевский
7) М. А. Лопуховский	17) Макарова
8)	18)
9) В. М. Стефановъ	19) м. Стефанъ.
10) А. В. Жекулина	20) Клавинская
21) о. Кутаревъ	
22) Макаровъ.	
23)	

1. Учащиеся и преподаватели Константинопольской русской гимназии Всероссийского союза городов. Константинополь, ноябрь 1921* 2. Оборот фотографии, надпись рукой Варшавского с перечислением педагогов и членов попечительского совета гимназии (2-й ряд, слева направо)

1

2

3

1. Русская реальная реформированная гимназия в Моравской Тршебове.

Первая половина 1920-х.* 2. Владимир Варшавский (в последнем ряду 3-й слева)

среди учеников Русской реальной реформированной гимназии в Моравской Тршебове. 1922*

3. Удостоверение В. Варшавского, члена «Русского Сокола» в Праге. 18 октября 1923*

Моравская
Тршебова
Наш лагерь
Русской реформированной гимназии Юрочка

1. Вид лагеря Русской реальной реформированной гимназии в 1920-е гг. Надпись рукой В. Варшавского: «Моравская Тршебова. Наш лагерь[ь]. Тут похоронен Юрочка»
2. Могила Ю. Варшавского. Моравская Тршебова, 1923*

Od leva: Dr. S. Varšavský, prof. E. Ljačků, Vas. Neimirovič-Dančenko, prof. J. Horák, prof. S. Zavadský.

1. С.И. Варшавский (в 1-м ряду 3-й справа) в группе русских эмигрантов — участников «Русской акции» чехословацкого правительства. Прага, 5 июля 1925* **2.** Торжественное собрание в Карловом университете в честь 85-летия Вас.И. Немирович-Данченко. Слева направо: С.И. Варшавский, Е.А. Ляцкий, Вас.И. Немирович-Данченко, Й. Горак, С.В. Завадский. 14 января 1934* **3.** Оборот фотографии, надпись рукой С.И. Варшавского (на чешском языке) с перечислением участников торжества

1. Владимир Варшавский — студент Русского юридического факультета Карлова университета. Прага, 1923* 2. Удостоверение В. Варшавского, члена Союза русских студентов в ЧСР за 1924/25*

1|2

3|4

1. Сергей Иванович Варшавский. Прага, 1924* **2.** Ольга Петровна Норова. Прага, 1925*
3. Владимир Варшавский. Прага, 1925* **4.** Владимир Варшавский в кругу русских пражан
(стоит 1-й справа, за столом — Алексей Эйсер). 1927*

1. Владимир Варшавский. Париж, 1929* 2. Регистрационная карточка В. Варшавского, студента Парижского университета за 1928/29* 3. Владимир Варшавский на праздновании Дня взятия Бастилии (Quatorze Juillet). На обороте надпись рукой В. Варшавского: «Ночь на 14 июля 1929 г. 1) Пушистый 2) Я 3) Компайтис*»

1/2

1. Владимир Варшавский. Париж, 1929* 2. Владимир Варшавский, статист немого кино (фотопроба). Париж, 1934* 3. Удостоверение Владимира Варшавского, члена Союза русских писателей и поэтов в Париже за 1935/36* 4. Владимир Варшавский. Париж, 1929*

3/4

1. Вел. кн. Дмитрий Павлович и АЛ. Казем-Бек. Середина 1930-х
 2. АЛ. Казем-Бек, Глава Союза младороссов, на собрании. 1935

ЗА РОССИЮ

Орган Национального Союза Нового Поколения

№ 107

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В НЕДЕЛЮ

За Родину

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В НЕДЕЛЮ

„СЕГОДНЯ ИСТОРИЮ ТВОРИТ МОЛОДЕЖЬ“

Боязливые шаги

ПЕ. УДОВИЧИНСКИЙ

Текст статьи...

За Россию

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В НЕДЕЛЮ

№ 107

Внешние удачи не оправдают р...

ДЕЛО НЕ В УСПЕХАХ!

Текст статьи...

За Россию

Задачи, работа, борьба и цели Союза.

Текст статьи...

ЗА РОССИЮ

Орган Национального Союза Нового Поколения

Текст статьи...

Текст статьи...

1. М.А. Георгиевский, генеральный секретарь НСНП
2. В.М. Байдалаков, председатель НСНП

1

2/3

4

1. Съезд РСХД. Париж, 1937 2. И.И. Бунаков-Фондаминский. Париж, середина 1930-х
3. Ф.А. Степун. Мюнхен, около 1963* 4. Слева направо: С.Б. Пиленко, Юра Скобцов,
А. Бабаджан, мать Мария, Г.П. Федотов, о. Дмитрий Клепинин, К.В. Мочульский. Париж, 1939

Фотография опубликована в 70 номере (последнем)
журнала ЧИСЕЛ (ЧИСЛА, Сборник под редакцией Николая
Оцуца, книга десятая 1934 г.)

Группа сотрудников "ЧИСЕЛ"

Слева направо:

Стоят: М. Лариков, Б. Поплавский, В. Матченко,
В. Яновский, А. Руманов, Ю. Фелзек, Ю. Мандельштам,
И. Оцуц, З. Раевский[Ⓢ], В. Смоленский, С. Стасик,
Ю. Террачано, А. Гингер, В. Варшавский.

Сидят: С. Шаршун, Д. Кнут, С. Прегель, Е. Бакунина,
Л. Червическая, И. Дювцева, Д. Мерзковский,
З. Адамович, З. Гиллис, З. Иванов.

В нижнем ряду: Г. Ставров, А. Алферов, Ю. Софиев, Б. Дикой[Ⓢ],
А. Бузов, В. Злобин, Л. Кельберн.

Заметка (С.Т.)[Ⓢ] Раевский — брат Оцуца

Ⓢ Б. Дикой — Борис Вилде — расстрелян немцами во время
сопротивления.

1. Сотрудники парижского журнала «Числа»

2. Фрагмент сопроводительного письма С.Н. Татищева к Т.Г. Варшавской с перечислением
имен сотрудников журнала «Числа». 15 марта 1983*

Париж, 10 февраля 1983

Дорогая Таня,

Я не знаю находитесь ли Вы под или над экватором, но все же надеюсь, что эти несколько слов до Вас дойдут, если не сразу, то во всяком случае в каком-то туманном будущем. Я, действительно, перед Вами сильно виноват: когда-то Вы прислали мне прилагаемую фотографию, спрашивая узнаю ли я изображенных на ней. А я фотографию ~~нигде~~ с Вашим письмом куда-то засунул, о фотографии забыл совершенно, а потом, когда начал ее искать, не мог найти, так как мои архивы в сильно хаотическом состоянии. Но вот сегодня с утра и без передышки разбираю письма и за недостатком места часть их уничтожаю. И вдруг - о, ужас и проклятие мне - нашел ваше письмо, а в нем ^{был} ненаходимый фотографический снимок.

Я исследовал его в лупу и без оной и с полной уверенностью могу сказать, что в первом ряду стоящих - слева Рейзини, который тогда еще не был богат и потому назывался Науом, за ним Гингер, а кто третий не вспоминаю, хотя мне мерещится, что лицо его мне знакомо, но кто это сказать не могу. Сидит слева Поплавский, тут сомнения быть не может - а рядом с ним - опять вопрос. Кирсти уверяет, что это мог бы быть сам Володя, поскольку снимок "не важнецкий", но я к ее мнению не присоединяюсь.

Еще раз прощу снисхождения за рассеянность и забывчивость и буду рад узнать, что с Вами и как прошла поездка в Найроби. Если Вы вздумаете мне отвечать, то я Вам буду благодарен, если Вы сообщите мне дату смерти Слонима, дарка. Я нашел целую кучу его писем, включая открытку, посланную из Болы 3 мая 1976-го года и мне почему-то кажется, что это почти предсмертная открытка. Так ли это? Не знаю толком почему, что володинных писем у меня не сохранилось, кажется, я нашел их всего два.

Засим, желаю вам всяческих благ и свято храню Ваши лозанские пленки, хотя, слава Богу, еще не приходилось с тех пор пользоваться им, но ваш "жест" из незабываемых.

Ваш

1. Борис Поплавский (в первом ряду справа) в кругу русских парижан Николая Рейзини, Александра Гингера и др. Париж, около 1934* 2. Письмо А.В. Бахраха к Т.Г. Варшавской с пояснением к фотографии. 10 февраля 1983*

112

314

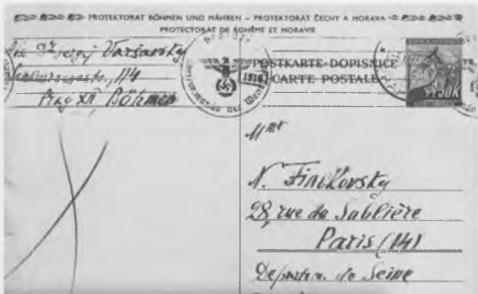
5

1. Владимир Варшавский. Начало 1930-х **2.** Владимир Варшавский и Довид Кнут. Париж, январь 1934* **3.** Василий Яновский. Париж, 1940 **4.** Титульный лист (авторизованная машинопись) первой книги эпопеи «Вслепую» Сергея Шаршуна — «Яно Грустнейший, или Хождение к истокам отцовской крови» (опубл.: Париж, 1951). Надпись рукой С. Шаршуна: «Дорогому Владимиру Сергеевичу Варшавскому с искренней дружбой и любовью» **5.** Владимир Смоленский. Конец 1950-х

Владимир Варшавский — военнослужащий французской армии. На обороте надпись рукой В. Варшавского: «Дорогому Тюпику от брата. Володя. 15/10.39. Guingamp»

Прага 3. XII.

Дорогие, родные мои! Беззастенчиво пишу, что
было письмо к вам от Ваши писем. Это ка-
саются Володы, то я переписывалась с вами
регулярно. Я надеюсь, что они получат из про-
раммы вернуться домой видеться с друзьями
русскими, то труднее добиваться разрешения
в официальном порядке. Надо ждать. Это
не такая трудная, только когда судя по письмам
Володы и друзей русских, отчасти к
нам и киевских друзей. Я надеюсь, что
добьются разрешения (как и киевские
друзья знают, что русские добры и добры)
Последнее письмо
от Володи я получил 30 ноября. Они с
радостью сообщают о получении всех по-
сылки. Я немедленно писал ему ко всему по-
сылку, приложил образки и благодарности от
друзей Сергеев, отчасти к Катюше и к маме
Саше. Я надеюсь, что вы получите. Прощайте и любите

Письмо С.И. Варшавского к жене и дочери. Прага, 3 декабря 1943*

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

Guerre 1939-1945

CITATION

ORDRE N° 1972

Le Ministre de la Guerre, Paul COSTE-FLORET, cite :

A L'ORDRE DE LA DIVISION

VARGAVSKY Vladimir - 2ème classe - 9ème Compagnie du 19ème Régiment d'Infanterie

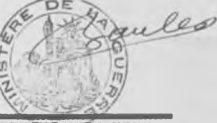
" Combattant splendide, d'un courage et d'un dévouement à toute épreuve. Le 14 Mai 1940, est demeuré un des tout derniers sur la ligne de feu pour couvrir le décrochage des débris de sa compagnie engagée à très courte distance. Ayant réussi par la suite à se dégager, mais séparé de son unité, a rejoint une formation d'un autre régiment. S'est offert spontanément pour la défense de la citadelle de BOULOGNE, combat au cours duquel il a soulevé l'admiration générale par son alliant et son mépris du danger. N'a cessé la résistance que sur ordre et toutes munitions épuisées. "

Le présent ordre comporte l'attribution de la Croix de Guerre avec Etoile d'ARGENT.

Le 8 Janvier 1947

POUR EXTRAIT CONFORME
l'Administrateur de 1° cl. BAULET,
Chef du Bureau "Décorations".

signé : COSTE-FLORET

Имя В.С. Варшавского сравнительно мало известно русским читателям. Он сложился и вырос за рубежом, и полностью испытал на себе тяжесть эдемских условий : недостаток журналов, отсутствие издательств. То немногое, что В.С. Варшавскому удалось до сих пор обнародовать, побуждает отнестись к нему и его дарованию с доверием. Было бы обидно, если бы его роман, в котором отражены впечатления от войны и от плена в Германии, остался не напечатанным. Мы надеемся, что опасения эти окажутся напрасными и что книга В.С. Варшавского выйдет в свет.

М. А. АЛДАНОВ.

И. А. БУНИН.

В. А. МАКЛАКОВ.

М. Алданов
И. А. Бунин
В. А. Маклаков

1. Постановление военного министра Франции Поля Косте-Флоре о награждении Владимира Варшавского Военным крестом и серебряной медалью за участие в боях за освобождение Франции. 8 января 1947
2. Владимир Варшавский (стоит слева) в лагере военнопленных Сталг (Stalag II В). Гаммерштан (ныне г. Чарне, Польша), около 1943
3. Рекомендация к изданию книги В. Варшавского «Семь лет» за подписью М.А. Алданова, И.А. Бунина, В.А. Маклакова. Начало 1950

1

2|3

4

1. Дмитрий Лехович и Софья Носович. Пинчево (Королевство СХС), 1922*
2. Кн. Вера Оболенская. Париж, конец 1930-х 3. Борис Вильде. Париж, конец 1930-х
4. Святые мученики Илия (Фондаминский), мать Мария, о. Димитрий (Клепинин)
и Георгий (Скобцов). Икона работы Марии Александровны Ельчаниновой-Струве

1. Владимир Варшавский. Нью-Йорк, начало 1950-х* 2. Сертификат членства В. Варшавского в Международном пен-клубе (Центр писателей в изгнании, американский отдел) за 1956*

*См. оригинал
Колпак*

Mr. Vladimir Varsovsky
526 West 122nd Street
New York 27, New York

Agreement,

made this twentieth day of July 19 55,

between VLADIMIR VARSAVSKY

of 526 West 122nd Street, New York 27, New York

herein termed the Proprietor and referred to as "He", of the first part and THE EAST EUROPEAN FUND, INC., a membership corporation of the State of New York, operating the CHEKHOV PUBLISHING HOUSE, herein termed the Publishers, of the second part.

WHEREAS, the Proprietor is Proprietor of a work at present known as

THE LOST GENERATION

which work the Publishers agree to publish on the terms and conditions specified hereinafter:

PROPRIETOR'S DECLARATION AND GUARANTEE. 1. The Proprietor represents and guarantees to the Publishers that he is the legal Proprietor of the above mentioned work and that he has the power to grant the rights conferred by him in this Agreement and that the said work is free of any lien, claim, charge or debt of any kind, and that none of it is in any way a violation of a copyright, or common law right, belonging to any other party and that it contains nothing of a libellous or illegal character, and that he and his legal representative will hold harmless and keep indemnified the Publishers from all manner of claims, proceedings and expenses which may be taken or incurred on the ground that the said work is subject to any such lien, claim, charge or debt or is such violation or that it contains anything libellous or illegal.

PROPRIETOR'S GRANT. 2. (a) The Proprietor grants and assigns to the Publishers during the full term of United States copyright and of all renewals thereof, the exclusive right to publish and sell the above work throughout the world in the Russian language.

(b) The Proprietor also grants to the Publishers such rights as are set forth in Clause 7 hereof.

DELIVERY OF COMPLETE MANUSCRIPT. 3. The Proprietor agrees to deliver to the Publishers, together with written authorization issued by the Proprietor of any copyrighted material contained in the said work, on or before

RECEIVED

a complete copy of the said work, in Russian, in its final form in perfect order for printing, with all necessary originals for illustrations (if any), and to provide at his own expense an index if the Publishers request it; and that if the Proprietor fails to deliver the complete material within the specified time, unless extended by the Publishers in writing, they may decline to publish the work and refuse to pay any further amounts due the Proprietor under this contract.

PROPRIETOR'S ALTERATIONS. 4. The Proprietor agrees to correct all printer's proofs, (if any), submitted by the Publishers within a reasonable time after receipt thereof. ~~If the Proprietor's alterations or additions (other than corrections of printer's errors) will exceed 10 per cent of the original setting cost this excessive amount will be charged against the Proprietor and deducted from the next amount due him under this contract.~~

Договор «Издательства имени Чехова» с Владимиром Варшавским
на издание книги «Незамеченное поколение». 20 июля 1955*

1

2/3

1. Владимир и Татьяна Варшавские. Нью-Йорк, 1963 2. Татьяна Варшавская с воспитанником Роландом Томлином. Нью-Йорк, около 1962* 3. Владимир Варшавский. Нью-Йорк, 1967*

1

2

1. Татьяна и Владимир Варшавские на празднике. Мюнхен, 1969* **2.** Слева направо: Ирина Зайончек, Владимир Варшавский, Зинаида Шаховская и Татьяна Варшавская. Нион (Швейцария), май 1974*

Р. М. 21 апреля 1977 г.

В. ВАРШАВСКИЙМОНПАРНАСКИЕ РАЗГОВОРЫ

"Память нечто очень личное, субъективное... вот отчего мемуары об одних и тех же людях, об одних и тех же событиях, так разнообразны и часто противоречивы"
Зинаида Шаховская "Отражения"

Для многих русских Монпарнас — это вечера чтения стихов в кафе "Ля Болле" и собрания в Таверне Дюмениль литературного объединения "Кочевье", созданного покойным М. И. Глоном. На этих собраниях бывали все кого дехши в предвоенные годы называли молодыми. Вот только не помни, бывал ли Яков Горбов. Я "открыл" его только после войны, когда в 67 году вышла его повесть "Асунта", одно из самых оригинальных и поэтически произведений современной русской литературы.

Однако, монпарнасское "умонастроение" возникло не столько на этих собраниях: с докладами и обсуждением стихов, а в полуночных разговорах за столиками открытых ~~визитных кабин~~ до рассвета кафе на стыке бульвара Монпарнас с бульваром Распай. После первой мировой войны сюда перекочевали с Монмартра художники, на них приходили ~~смет~~ ^{известно} ~~смет~~ ^{смет} "кумины дети" со всего мира. К двум часам ночи у отоек баров собирался всякий сброд: праздные гуляки, натурщицы, предтечи теперешних "хеппи" — длинноволосые "монпарно", проигравшиеся картёжники, пьяницы, полусумашедшие бродяги, наркоманы, проститутки, сутенёры. Один из кругов парижского дна, парижского ада. Тут воскресал, казалось, Двор Чудес: сейчас войдёт Франсуа Вийон. Вот эти кафе и стали излюбленным местом сборищ самых эмигрантских из всех эмигрантских писателей и поэтов.

В 1927 году, когда я начал сюда ходить, первоначальные баснословные времена русского Монпарнаса уже миновали. Я не застал заседаний "Палаты Поэтов", основанной Парнахом, Шаруном и Гингером. Правда, я всё же успел попасть на устроенный русскими художниками костюмированный бал "Жюль Верн", на который сошлись художники и натурщицы со всего Парижа. ~~и т.д.~~ При входе раздавали написанную Поплавоким афишку. Помню из неё только несколько слов: "тому, кто прочтёт закуску роман Пруста "В поисках утраченного времени", будет выдан шоколадный боник Жюль Верна"

Но русские художники и поэты собирались уже в разных кафе: художники в "Доме", поэты в "Олекте". Их развела ягерь: художники всё

17. IV. 78

Монпарнаса

Маша Георгиевна,

Николай Огуль - представитель

"Кейсбургского комитета" - как и в. Аго-

ловин, Г. Власов и И. О. Печенкин, с кем

близко знакома семья Агюль, и как-то

отношения к зюльбургскому населению

не идеальны. Они ездили туда

и видели, что во фюрербюро и

Людмила Зорина

Ю. Машинский

Ирина Козлова

Ю. Соколов

В. Дроздов

Вера Агюль

Ю. Александров

Ю. Васильев

Кобяков

Танасян

Козлов

Алекс. Мухоморов

Юрий. Соколов

- Ю. Зорина

Юрий Мухоморов

В. Сидоров

Б. Зорин

и "Коллективисты"

Андрей Козлов

Юрий Козлов

Александр Мухоморов

Ю. Соколов

Юрий Соколов

Презид

Школьников

Кочетков (Ситничкин)

Михайлов

Зубов

2

4

янки проводили к Козловым -

Козловым -

и как известно в Москве

и сейчас - "Три в одном".

Совершенно фюрерский тон - то же

когда-то все сидит в Копенгагене

Благодарю вас за любезное пригла-

шение, но вряд ли мне удастся

ехать - много на работе. Мне бы

хотелось поехать в Копенгаген.

Здравствуйте Александру

Прощай, пока все так

близко дома, как я надеюсь

и мне трудно все переписать.

А. М.

Письмо Юрия Терапиано к Татьяне Варшавской, посвященное представителям русского Монпарнаса. 17 апреля 1978*

Vladimir Varsavsky

Владимир Варшавский. 1972*

Но разве русское земство, школа, больница, суд — не великолепные памятники ее деятельности?

Разве теперь, ознакомившись на практике с постановкой этих институтов в Европе, мы имеем моральное право осудить тех, кто в суровых условиях России сумел осуществить подобное чудо?

И, наконец, разве не П.Н. Милуков, — лидер кадетской партии, объединившей цвет российской интеллигенции, — настаивал на принятии великим князем Михаилом Александровичем царской власти? Это ли измена Государю?

Затем, — затем крестный путь Белых армий — подвиг, в значительной степени, той же интеллигенции.

Дворянство умерло, но интеллигенция в революционном застенке осуществила то единение с народом, к которому прежде так безнадежно стремилась.

И те остатки ее, которые переживут лихолетие, должны быть бережно хранимы нацией, ибо в них не угас Прометеев огонь свободной культуры»⁶⁸³.

В своей прекрасной, глубокой и волнующей статье «И.И. Фондаминский в эмиграции» Г.П. Федотов высказывает мнение, что из попытки Фондаминского втянуть Монпарнас в творческую общественную деятельность ничего не вышло.

«Он пробовал отобрать в «Круге» маленькую группу людей, разделяющих идеи «Нового Града» и готовых работать для них, но с самого начала в ядре будущего ордена не оказалось единства. Когда грянула война, группа разбрелась в разные стороны»⁶⁸⁴.

Это утверждение Федотова мне представляется неверным и несправедливым. Маленькая группа людей, отобранная Фондаминским в «Круге», в соединении с группой «Русского временника» могла бы стать средоточием для объединения эмигрантских молодых людей, веривших в правду демократии. Но было уже поздно — началась война. Все годные к службе в строю участники этого «ядра будущего ордена» пошли во французскую армию. Владимир Алексинский⁶⁸⁵, уже после демобилизации, поступает в Марокко в «Войска свободной Франции». А.А. Угримов⁶⁸⁶ становится организатором и главой русской группы Сопrotивления. Был расстрелян по приговору немецкого военного суда Борис Вильде, о котором Г.П. Федотов даже не упомянул. Между тем смерть Вильде, такая же героическая и мученическая, как смерть Фондаминского и матери Марии, убедительно свидетельствует, что Фондаминский достиг своей цели — сумел передать эмигрантским сыновьям мистический дух орденского жертвен-

ного подвижничества. В созданной им маленькой ячейке нового ордена, как в некоей волшебной реторте, произошло чудо восстановления оборвавшегося преемства. Фондаминский — представитель «отцов»; мать Мария — представительница «литературного поколения, получившего зарядку в старой писательской среде Петербурга» (в этой среде мать Мария, в миру Е.Ю. Скобцова, по первому мужу Кузьмина-Караваева, была известна как декадентская поэтесса, автор «Глиняных черепков»⁶⁸⁷); Борис Вильде — представитель младшего «денационализованного» эмигрантского поколения. Все трое умерли одинаково, как умирали всегда лучшие орденские люди, и эти три смерти говорят: «отрыв» был только на поверхности, а когда пришло настоящее испытание, эмигрантские сыновья, даже перешедшие с русского языка «на подобие арго», оказались на деле такими же хорошими «русскими мальчиками», какими были все старшие их братья.

Я говорил уже, что настоящий Монпарнас слышал слова, с которых начиналась вся русская интеллигенция: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями людей уязвлена стала». Когда же пришли годы войны и оккупации, многим «эмигрантским сыновьям» стали вняты и другие вдохновлявшие русскую интеллигенцию слова А.Н. Радищева:

«Если бы закон, или государь, или какая-либо на земле власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной неколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти... Ярость мучителей твоих разобьется о твердь твою, и если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а твоя память будет вечно жить в благородных душах до скончания веков»*.

Чем непоправимее Европа, расколота на два гигантских торопливо вооружавшихся лагеря, приближалась к катастрофе войны, тем резче обозначалось ответственное разделение на два лагеря и среди русской эмиграции.

Легко составить реестр доводов, при помощи которых каждый объяснял сделанный им выбор. Но большей частью эти доводы разума задним числом подгонялись для обоснования уже принятого сердцем трудного и мучительного решения. Одни говорили: Гитлер меньшее зло, чем Сталин. Против Сталина — хоть с чертом. Сначала нужно освободить Россию от большевистского ига, а с Гитлером потом «легко» будет справиться. Но были и такие, кому Гитлер был просто по душе. Они оправдывали свою к нему любовь тем, что он против коммунизма, но продолжали любить его и после того, как он заключил пакт со Сталиным. Они чувствовали родственность идей национал-социализма их собствен-

* А.Н. Радищев, «Путешествие из Петербурга в Москву», Париж, 1921, стр. 113.

ным идеям. Какие бы ни заключались пакты, они «знали», что гитлеровская Германия защищает «добро» — священное национальное начало — против погубивших Россию и правящих Англией и Францией темных сил интернационального иудео-масонства.

Другие говорили: Гитлер хочет разрушить историческое русское государство, на востоке ему нужна земля («Volk ohne Raum», «народ без пространства»), а не население. Поэтому, несмотря на большевиков, нужно Россию защищать. Большевицкая власть пройдет, а Россия останется, нельзя допустить, чтобы она погибла. В победоносной войне произойдет преобразование: армия, вернувшись домой, заставит власть пойти на реформы. Участники же собраний у Фондаминского принадлежали к тем русским эмигрантам, которые выбирали лагерь демократии, так как были демократами по убеждению. В грозный и трагический час начала войны они почувствовали инстинктом, совестью, всем существом, что если даже разговоры об английском империализме и о влиянии лондонского Сити правда, мир демократий, несмотря на все его недостатки, все-таки по сравнению с миром тоталитаризма — человеческий мир, который во что бы то ни стало надо отстоять.

«По мере того как надвигается война, русские эмигранты занимают свои места — многие и в чисто военном смысле — по разным линиям фронта. Всякое единство эмиграции при этих условиях перестает существовать. Между русскими гитлеровцами и нами такая же пропасть, как между нами и коммунистами»⁶⁸⁸.

Эти слова из редакционной статьи «Нового Града» (№ 14) выражали чувство не только новгородцев, но и всех эмигрантских сыновей, которых Фондаминский старался объединить вокруг «Нового Града».

Последние собрания «Круга» перед войной и в начале войны проходили с настоящим подъемом.

Патриотическое возбуждение — обычное явление в первые дни войны, но ведь Франция все-таки не была родиной, даже для тех эмигрантов, кто понимал ее единственность и ее значение для всего человеческого дела на земле. Да и в самом французском обществе в начале Второй мировой войны не было и тени воодушевления 14-го года. Теперь все знали, что война, даже победная, не несет ничего, кроме разорения, страданий и смерти, и на фронт уходили не с песнями и цветами, а со слезами и проклятиями. Откуда же тогда это оживление в «Круге», какая-то почти радостная готовность идти с французами «умирать за Данциг», за который сами французы вовсе не хотели умирать?

Мне кажется, тут возможно только одно объяснение. Приглашение участвовать в войне против Гитлера открывало перед эмигрантскими сыновьями после долгих лет беженской отверженности, одиночества и скуки возможность принять участие в жизни окружающего общества, в жизни человечества. Они были нужны, их звали на помощь, звали спасать все, что придает жизни значение: свободу, идеал равенства и братства, все священное наследие христианской и гуманистической культуры. В первый раз в жизни они могли доказать на деле, что, несмотря на всю свою многолетнюю оторванность от России, они были русскими интеллигентами, воспитанными в противном здравому смыслу убеждении, что цель жизни не в счастье и успехе, а в отдаче себя делу борьбы за правду.

Русская идея, умиравшая в билибинском кокошнике на днях русской культуры и в разных переводных с немецкого романтических национально-почвенных идеологиях, еще была жива на этих собраниях у Фондаминского и волновала сердца монпарнасских «огарочников» таинственным призывом, побеждающим инстинкт самосохранения.

После известия о Бородинском сражении Ростову «все стало скучно, досадно в Воронеже, все как-то совестно и неловко»⁶⁸⁹, и он заторопился в армию. Так же «все как-то совестно и неловко» стало многим на Монпарнасе после объявления войны: чувство беспокойства и тоски соединялось с неясным сознанием, что уклонение от надвигающегося испытания, отказ разделить судьбу окружающих людей, постигнутых этим испытанием, судьбу Франции и всей демократии означали бы измену полуночным монпарнасским разговорам о свободе и справедливости, «о Боге вообще».

Вот почти символ — в первые же дни войны глава «парижской школы» Г.В. Адамович, скрывая порок сердца, в 45 лет записывается добровольцем во французскую армию⁶⁹⁰. Адамович был не один. В дни трагических испытаний, обнаруживших, кем каждый из людей был на самом деле и что на самом деле думал, многие завсегдатаи антисоциального, «морально разложившегося», презираемого добродетельной общественностью Монпарнаса доказали, что, кроме стихов декадентских поэтов, они затвердили и стихи Некрасова: «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»⁶⁹¹.

Движение «Резистанс» было начато участником «Круга» и монпарнасским поэтом Борисом Вильде.

Погибшие за идею

Я верю только тем свидетелям,
которые дали себя зарезать.

*Паскаль*⁶⁹²

Можно ли говорить о героической смерти как об особой форме творчества культуры? Станный, на первый взгляд, вопрос. Но достаточно напомнить два примера, на которые мне уже приходилось ссылаться. Если бы Христос бежал из Гефсиманского сада, не было бы христианства и всего вдохновенного христианством творчества, не было бы готических соборов и русской литературы XIX века, не было бы всей современной западной цивилизации с ее демократическим идеалом, наукой и машинизмом, не было бы всех чувств и нравственных понятий, открывающих перед нами наше человеческое призвание; и если бы Сократ не послушался голоса своего демона и, вместо того чтобы выпить кубок цикуты, выбрал бы изгнание или стал бы оправдываться перед народным трибуналом, не было бы стоицизма, не было бы Платона и Плотина, всей великой греческой философии, оказавшей такое глубокое влияние на развитие европейской христианской культуры. И то, что творчество Декарта, несмотря на его интеллектуальную гениальность, не имело для человечества значения, хотя бы отдаленно сравнимого со значением всего того, что выросло из апологии Сократа, объясняется именно тем, мне думается, что Декарт был «не так влюблен в свои идеи», чтобы из-за них рисковать тюрьмой и казнью.

Не буду ломиться в открытую дверь — всеми как будто признано, что ничто так не способствует распространению религиозных и политических идей, как пример мучеников, отдавших за эти идеи свою жизнь. В той или иной мере творческое значение имеет жертвенная смерть каждого человека, и глубина, величие и ценность культуры измеряются не только «памятниками» искусства и науки, но и тем, как умирали люди, воспитанные в этой культуре, ибо в приме-

рах смерти за «други своя» дыхание жизни и неуничтожимость духовной реальности видны ощутимее, чем в каком-либо другом творческом действии.

Вот почему введена в эту книгу глава, посвященная всем эмигрантским сыновьям, отдавшим свою жизнь в борьбе за демократический идеал. Меня побуждало это сделать не только желание почтить память этих людей, действительно достойных того, чтобы имена их не были забыты, но и чувство, что для ответа на вопрос, сохранило ли это поколение верность русской идее, и для оценки вклада, сделанного им в русскую культуру, героическая и жертвенная смерть лучших его представителей имеет большее значение, чем идеологическая и художественная литература, образцы которой были приведены в предыдущих главах. И если трудно предугадать, что останется от всей этой литературы поколения, выросшего в уничтожающих эмигрантских условиях, то предсмертное письмо Анатолия Левицкого⁶⁹³ и ответы Бориса Вильде и Веры Оболенской на допросах в немецких застенках⁶⁹⁴, несомненно, должны быть причислены к самым волнующим и прекрасным выражениям русской культуры. В этой высшей области духовного творчества младшим эмигрантским поколением было сделано не меньше, чем каким-либо другим поколением русской интеллигенции, и ничего не меняет, что эмиграция не помнит и не хочет помнить о своих погибших сыновьях — они по праву входят и будут вечно пребывать в Пантеоне самых доблестных и светлых русских героев.

Мне уже приходилось говорить, что мы ничего не знаем о смерти молодых эмигрантов, которых «Братство русской правды» и другие организации посылали в Россию. О том, что им пришлось пережить перед смертью, мы можем делать только предположения. Несколько больше сведений сохранилось о погибших во время Второй мировой войны в рядах французской армии, в движении Сопротивления и в немецких концлагерях.

Содержество резервистов французской армии, призванных по закону 31 марта 1928 г.*, составило и опубликовало списки русских по происхождению солдат французской армии, убитых на войне⁶⁹⁵.

Эти сведения были собраны главным образом князем Н.Н. Оболенским⁶⁹⁶. Молодой эмигрантский поэт Н.Н. Оболенский служил во время войны офицером в одном из маршевых полков Иностранцев добровольцев, был тяжело ранен и за боевые заслуги награжден Военным крестом.

И вот несут, глаза в тумане
И в липкой глине сапоги,
А в левом боковом кармане
Страницы Тютчева в крови⁶⁹⁷.

* По статье этого закона апатриды русского происхождения привлекались к отбытию воинской повинности наряду с французами.

Эти автобиографические стихи Оболенского рисуют очень русский «тургеневский» образ молодого эмигрантского человека, отправляющегося на войну за свободу с томиком Тютчева в кармане.

Видимо, с целью рассеять сомнения, существовавшие в некоторых кругах эмиграции, правление Содружества в предисловии к списку убитых заявляло:

«Иные скажут, что Содружество и его участники — заслуживающая всяческого уважения французская организация, но что неясно в таком случае, почему Содружество утверждает, что русские военнообязанные эмигранты, служа Франции, служили и Чести Русского Имени.

Последующие страницы дадут, думается, на это исчерпывающий ответ, как описываемые в них подвиги дали его на обращенный к французским солдатам русского происхождения молчаливый вопрос их французских соратников: “чего ты, русский, стоишь”.

Русской жертвенной доблестью, воспринятой ими от их русских родителей, было отвечено на этот вопрос.

Свидетельствуя о подвигах героически погибших братьев, Содружество не преследует иной цели, как и в мирное время служить и только служить Чести Русского Имени.

Оно просит русскую эмиграцию серьезно задуматься над тем нравственным сокровищем, которое она приобрела подвигом и жертвой лучших своих детей. Это нравственное сокровище надлежит всячески охранять и оберегать. Содружество просит вспомнить, что мы стоим у свежих еще могил, память павших в боях еще не изгладилась из сердец их знавших».

После этого предисловия идет длинный перечень имен убитых. Мелькают слова: убит, скончался от ран, расстрелян немцами, добит штыками, посмертно награжден Военной медалью, Военным крестом с пальмами, доброволец, партизан, волонтер, перешел к генералу де Голлю, погиб в Резистансе, убит в рядах «Войск свободной Франции».

Только о некоторых составителях списков удалось собрать сведения немного более подробные. Вот несколько таких кратких биографий.

Маковский Георгий. Родился 9.07.1907, лейтенант, су-шеф ячейки Сопротивления в Ницце. Убит 6.7.1943, будучи обнаружен вражеской контрразведкой. Награжден Военным крестом французским и Военным крестом польским.

Рязанов Всеволод Ипполитович, род. 20.4.1913 г. Будучи мобилизован в августе 1939 г., проделал всю Бельгийскую кампанию и из Дюнкерка попал в

Англию, оттуда вернулся в свободную зону. По освобождении Парижа записался волонтером во 2 блинд. див. ген. Леклерка, в 3 полк де ла Марш де Чад. 18.9.1944 при постройке понтонного моста через Мозель был смертельно ранен и в тот же день вечером скончался от полученных ранений...

Аитов Сергей, лейтенант. Родился в Петербурге 20 августа 1913 г. Окончил Политехническую школу в Париже в 1935 г. Был офицером для связи при генерале Стюарт, командовавшем 152 английской бригадой. 3 июня 1941 г., узнав, что французский капитан Перретт, из-за недостатка английского офицерского состава, предложил взять на себя командование отрядом английской пехоты, получившим приказ атаковать на следующий день противника, совершенно добровольно, из чувства солидарности к французскому офицеру, пошел в бой вместе с ним, зная всю опасность предстоящей операции. Во время боя вел себя с исключительным мужеством. Выполнил успешно данное отряду поручение. Перретт и Аитов по собственному почину бросились со своим наполовину уменьшенным отрядом на помощь попавшему в тяжелое положение соседнему отряду, хотя и отдавали себе отчет, что такое решение равносильно самоубийству. Действительно, несколько минут спустя кап. Перретт был тяжело ранен, лейтенант же Аитов убит.

Приказ (посмертный) о награждении лейт. Аитова орденом Почетного легиона гласит: «Офицер связи при английской армии заслужил высокую оценку со стороны своих военных начальников своей храбростью и присутствием духа. Ночь с 12 на 13 мая 1941 г., для установления более успешной связи между двумя армиями, провел на позиции, подвергшейся обстрелу тяжелой артиллерией. 15 мая командовал отрядом британских пулеметчиков, получившим задание освободить французские опорные пункты. Пал смертью храбрых 4 июля при исполнении военного задания».

Булюбаиш Владимир, лейтенант. Приказ по армии (посмертный). «Шеф отряда легких танков, исключительной храбрости, вызывавший восхищение всех при всяких обстоятельствах. 27 ноября 1944 г. принял решающее участие в разведке у Аммертцвиллера, где он командовал двумя танками, из коих тот, на котором он находился, был разрушен огнем противника. 28-го ноября, вызвавшись добровольцем командовать взводом для прикрытия с фланга разведывательного отряда, взял пленных. Узнавши, что поблизости находится немецкий командный пост, он атаковал таковой и погиб смертью храбрых в тот момент, когда его отряд уничтожил часть вражеского поста и военный материал последнего, обратив оставшихся в живых в бегство. Останется для 1-го Кавалерийского полка Иностранного легиона совершенным типом военачальника».

Болгов Анатолий. Семнадцати с половиной лет участвовал в движении Сопротивления, в штурме Отель де Вилль в Париже. По освобождении Парижа в рядах 2-ой блиндированной дивизии генерала Леклерка участвовал в германском походе. Пал смертью храбрых, попав в засаду эсэсов во время штурма Берхтесгадена.

Был награжден Военным крестом с пальмой и Военной медалью.

Князь Гагарин. — Приказ по армии от 26 апреля 1945 г.

«Храбрый, с личной инициативой начальник секции. Во время атаки 20 января 1945 г. превзойдя порученное ему задание, лично занял блиндаж. Застиг врасплох батарею противника в действии, открыл по ней огонь и, искусно маневрируя, убил 4 солдат, взял 18 пленных и военный материал. В ночь с 20 на 21 тяжело ранил офицера, который командовал неприятельской разведкой. — Награжден Военным крестом с пальмой».

Приказ по армии 7 июля 1945 г. Награждаются Военной медалью ниже следующие.

Кн. Гагарин, Георгий, аспирант, № 3112 23-го полка Колониальной пехоты.

Выдающийся начальник секции, с исключительной способностью увлечь за собой солдат. 5 апреля 1945 г. в Эйтлинген (Германия) вынес из места боя под огнем противника тело убитого офицера отряда, застрелив при этом собственноручно трех солдат. 8-го апреля в Бузенбахе, захваченный врасплох стрельбой на короткой дистанции, он немедленно реагировал, увлекши свой отряд в атаку в тыл противника, в результате чего захватил деревню, убив 8 немцев. 12 апреля быстрым и отважным маневром обеспечил занятие деревни Индервайер, причем взято было 25 пленных. Погиб смертью храбрых 16 апреля 1945 г. у моста Оберкир, во главе своего отряда, пытаясь обеспечить переход моста танками».

Из письма командира кн. Гагарина капит. Анри Бертранда родителям покойного:

«Несмотря на свой молодой возраст, Ваш сын сделался одним из моих лучших друзей, наиболее уважаемым среди других людей моего отряда. Его подчиненные относились к нему с почтительным восхищением, вызываемым его порывом и храбростью. В первый же день атаки он взял в плен два орудия с прислугой. С этого дня его храбрость и дерзновение только увеличивались. 6-го апреля он с одним солдатом отправился в расположение вражеских войск за телом убитого офицера и успешно выполнил эту опасную миссию. В начале боя 16-го апреля отряд Гагарина взял свыше 20 пленных, но затем он был ра-

нен. Он отказался от подачи помощи до окончания боя и вторично был ранен — на этот раз смертельно».

Зарубин Георгий. Приказ по бригаде, 30 июня 1943 г.

Хороший капрал, спокойный и энергичный в огне, 22.1.1943 г. вступил в командование отряда после смерти в бою своего начальника. Будучи тяжело ранен, все же защищал позицию до исчерпания боевых патронов. Награжден Боевым крестом с бронзовой звездой».

Приказ по Армейскому корпусу. 23.5.1945 (посмертно).

«Капрал исключительной храбрости, доказавший 20 ноября 1944 г. во время атаки полное презрение к опасности, переплыв реку и продвинувшись на 200 метров по берегу под огнем исключительно интенсивным автоматического оружия, мины и артиллерии. Несмотря на это, продвигался до момента, когда был сражен пулей. Награжден Военным крестом с серебряной звездой».

Зубалов. Пламенный участник Сопrotивления. С ноября 1940 г. состоял членом ячейки Т.Р. 112-го Лиможского центра как агент для справок и связи. Добыл сведения исключительной важности и выполнил с полным успехом ряд опаснейших поручений. Был арестован Гестапо первый раз в своей квартире в Париже 29 июля 1941 г. и освобожден за отсутствием улик 29 сентября. Вторично арестован 2 марта 1942 г., судим немецким трибуналом, приговорен к смертной казни за шпионаж, расстрелян в Исси ле Мулино 12 ноября 1942 года. Награжден Военным крестом с пальмой, медалью Сопrotивления и посмертно орденом Почетного легиона.

Левентон. Приказ по армейскому корпусу 31.5.1945 (посмертный).

«Аспирант исключительного порыва и храбрости в бою, воодушевленный горячим желанием сражаться и всегда настаивающий на наиболее опасных командировках. Во время атаки 5 февраля 1945 г. личным примером воодушевлял своих подчиненных, одержал полный успех с минимальными потерями и полной дезорганизацией противника. 8 февраля 1945 г. смертельно ранен во время разведки. Останется для всех примером веры, доблести и юношеского пыла. Награжден Военным крестом с золотой звездой, Военной медалью и медалью Сопrotивления».

Мхитаряниц-Мхитаров Николай. Родился в Париже 17 сентября 1924 года.

Юноша замечательного ума и энергии. Пользовался большим влиянием на своих школьных товарищей. Только что сдал экзамен на аттестат зрелости.

Арестован в марте 1944 г. при исполнении боевого задания для движения Сопrotивления, расстрелян 15 июля того же года во дворе тюрьмы Сантэ.

Милиционеры не включили его поначалу в группу заложников, которых они собирались расстрелять, но за пять минут до начала расстрелов извлекли его из заключения.

Услышав его русское имя, офицер республиканской гвардии, женатый на русской, подошел к нему и тихо спросил, не желает ли он что-либо передать своей семье. Мхитаров вынул из своего бумажника фотографию и написал дословно:

*Прежде чем умереть, благодарю Господа,
Буду там молиться за семью.
Вы все — любящие меня — молитесь за меня,
Мужайтесь и надейтесь.*

Николай.

Ножин. 9 июня 1940 г. части 25-го пех. полка заняли позицию на реке Эн к северу от селения Живри. Когда показались наступающие немцы, открывшие артиллерийский огонь по позиции и селению, французы стали отходить. Тогда один из офицеров — лейтенант — собрал небольшую группу солдат (по словам местных жителей — не более 20 человек), занял вновь позицию и стал отбивать ружейным и пулеметным огнем наступающего противника. Вскоре, однако, эта ничтожная по количеству группа солдат-героев была окружена и смята немцами. На поле боя осталось восемь человек убитых; среди них находился и Ножин; там же они были погребены немцами, а впоследствии распоряжением мэра с. Живри были перевезены на сельское кладбище.

Пухляков Владимир, подпоручик. Вступил в ряды французской армии еще в 1931 г. Исключительные воинские подвиги, совершенные им в период 1939–1940 гг. в чине вахмистра 11-го кирасирского полка, отмечены приказом по армии и награждением его Военным крестом. — В 1941 г. В. Пухляков вступил в отряды Сопротивления и все силы свои отдал делу освобождения страны... Произведенный в офицерский чин, В. Пухляков исполняет ряд ответственных поручений. После ареста в 1943 г., пятимесячного заключения в тюрьме, он был отправлен в Германию и обезглавлен немцами в феврале 1945 г. Декретом Президента Республики от 31 марта 1947 г. посмертно награжден медалью Сопротивления. Одна из дочерей Пухлякова приняла мученическую смерть, попав в руки немцев в Дордонь.

Расловлев Михаил (Михайлов-Расловлев), лейтенант.

Поступил добровольцем во французскую армию в 1935 г. После стажа во Франции в 9 драгунском полку был переведен в Марокко, где находился до

1942 года, когда был командирован в кавалерийскую школу Сомюр, эвакуированную в Тарб. Получив сведения о высадке союзников в Северной Африке, он сейчас же вступил в отряд Сопротивления, начав тайную борьбу против оккупантов в районе Тарб и выполняя самые ответственные и опасные поручения.

Приказ от 6 ноября 1944 г. гласит: «Офицер большой храбрости и замечательного самообладания. Во время тайной борьбы добровольно взял на себя выполнение исключительно опасной операции, заключавшейся в освобождении одного офицера, посаженного немцами в тюрьму в Тарб. Его исключительная храбрость увенчала успехом это предприятие. Этот приказ сопровождается награждением Расловлева Военным крестом с серебряной звездой, равно как и медалью Сопротивления».

Погиб в ноябре 1944 г. во время атаки гор. Друмон. В связи с этим генерал дэ Вернежуль, командир 5 блиндированной дивизии, пишет 5 января 1945 г. отцу убитого: «Ваш сын явился ко мне, ходатайствуя о возвращении в мою дивизию. Я согласился, и он должен был явиться к месту новой службы, но в этот момент узнал, что его отряд отправляется на передовые позиции для атаки. Он не захотел покинуть своих товарищей в такой ответственный момент и, хотя и был обязан отправиться к месту своего нового назначения, остался со своими людьми и был убит. Какой пример выполнения долга и храбрости он дал всем! Это, впрочем, не удивило никого — ни его начальников, ни его подчиненных. Я имел удовольствие иметь под моим начальством Вашего сына в Марокко, когда командовал полком. Я искренно привязался к нему из-за его прямолинейности, энергии и сознания чувства долга. Вот почему, когда он явился ко мне в октябре 1944 г., я сейчас же заявил ему, что буду очень счастлив снова иметь его под моим начальством. Господь решил иначе...»

Тот же генерал, к этому времени уже командир Блиндированной армией 1-й Армии, снова пишет отцу убитого (письмо от 5 июля 1945 г.): «Перелистывая "Журнал оффисиель", я прочел прекрасный и волнующий приказ по армии касательно вашего сына. На случай, если этот приказ вам еще не известен, посылаю вам копию такового. Вы можете быть горды Вашим сыном. Он погиб как рыцарь. Его кровь не пролилась напрасно, ибо он был одним из творцов победы».

Что касается упомянутого приказа (посмертного), то он гласит: «Выдающийся офицер, исключительной храбрости и выдержки. Участвовал, как офицер связи, в операциях с 11 по 29 ноября 1944 г. в районах Тилло и Буссанг. Погиб доблестно 29 ноября 1944 г.». Этот приказ сопровождается награждением Военным крестом.

Стецкевич. Приказ по корпусу от 15.12.1943 г.

«Выдающийся унтер-офицер, исключительной храбрости. Получив сведения, что неприятель заложил мину с часовым механизмом для взрыва полузатонувшего парохода в порту Бастия (Корсика), он поднялся на этот пароход, разыскал часовой механизм, который с минуту на минуту должен был произвести взрыв, и обезвредил мину, чем спас пароход и самый порт от разрушения».

Награжден Военным крестом с золотой звездой.

Приказ по бригаде. «Во время высадки на острове Эльба 17 июня 1944 г. проявил в полной мере свои отменные боевые качества. Приняв участие в ликвидации одной из вражеских, батарей, он немедленно переправился на противоположный берег острова, где его отряд под его воздействием одним из первых достиг намеченной цели, сметая все препятствия. 21 августа 1944 г. при взятии адмиралтейства в Тулоне был ранен пулей в живот и скончался в морском госпитале».

Федоров Кирилл. Приказ по корпусу. Тунис, 22 июня 1943 г. «Сапер, неизменно являвший в продолжение всей кампании доказательство исключительной храбрости и предприимчивости. Командированный для извлечения мин и минных гнезд, он погиб 1 июня 1943 г., взорвавшись на mine. Военный крест с золотой звездой».

Чехов Алексей. Приказ. «Младший лейтенант 1 роты маршевого батальона Луарэ (Ф.Ф.1), прикомандированный к маки Ушамп, в военных действиях с 2 августа 1944 г.

Прекрасный офицер, полный отваги и инициативы, доброволец для наиболее опасных поручений, своей храбростью и примером заслужил уважение своих начальников и подчиненных. Убит на поле битвы 18 августа 1944 г. во время атаки против превосходящих сил немцев на национальной дороге № 451 между Тимори и Лоррис (Луарэ). Кавалер Почетного легиона и Военный крест с пальмой».

Сын русского врача Чехов добровольно пошел в ряды Соппротивления по окончании Земледельческого института, хотя и был освобожден от военной службы из-за физического недостатка. Окончив высшие военные курсы и будучи произведен в су-лейтенанты, Чехов сражался против немцев, обращая на себя внимание своими организаторскими талантами, спокойствием и храбростью в наиболее опасных поручениях. Его подчиненные обожали его. В годовщину его смерти на поле брани был открыт памятник ему, сооруженный на собранные среди жителей средства и его именем названа улица в г. Бриар, где он проживал некоторое время со своими родителями.

Юргенс. Приказ по армии воздуха (посмертный).

«Сержант-шеф Юргенс Николай, группы дэ масс 1/4 “Наварр”. Пилот, молодость, характер и порыв которого обещали исключительно блестящее будущее. Человек необычайной легкости и неутомимости, он был для своих товарищей примером храбрости. 97 часов полета во время военных действий в 59 командировках. Исчез в море 23 февраля 1944 г., возвращаясь из военной командировки ночью в бурю. Награжден Военным крестом с пальмой. 12 июня 1945 г. Генерал де Голль».

Дураков Петр Александрович.

Сын донского офицера, последний прямой потомок Пугачева. — Получил образование в Донском кадетском корпусе и в английском лицее в Турции. Окончил политехнические казачьи курсы в Париже. В 1928 году поступил добровольцем во французский флот. Получил золотую звезду за стрельбу из орудий (только один матрос из всего флота ее носит). Славился прыжками с капитанского мостика, выходя первым на состязаниях. С крейсера Сьюффрэн был в Нью-Йорке на Лафайетовских торжествах и объехал с этим крейсером полсвета. В 1939 году, в первый же день войны, был мобилизован конвоировать торговый пароход. В Дакаре забран с пароходом англичанами. Пошел на службу к ген. Леклерку и в день перемирия, вблизи Тулона, сгорел в танке, которым командовал. Имел два креста, медаль за Африку, медаль в память Лафайетовских торжеств. Всеми был любим и уважаем.

Другим источником сведений о русских эмигрантах, погибших в борьбе с немцами, является «Информационный бюллетень» (позднее «Вестник») Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопrotивления в Западной Европе⁶⁹⁸.

В номере 3-м Бюллетеня помещено письмо вице-адмирала К.П. Иванова-Тринадцатого, прославившегося в бою Порт-Артурской эскадры, когда он сменил на «Рюрике» трех — один за другим — убитых командиров. Вице-адмирал сообщает в этом письме о гибели своего сына Константина Константиновича.

«...Еще в прошлом (т.е. 1943) году, когда я и младший сын были арестованы Гестапо и сидели 2 месяца в Лионском форту Монлюк, он, Константин Константинович, работая уже давно в движении Сопrotивления, вынужден был покинуть Лион и обрелся в окрестностях Нанта, чем и избег совместного ареста. Там он продолжал работать в секретных организациях, а при высадке союзников на севере и их походе к Нанту поступил добровольцем в Ф.Ф.И.⁶⁹⁹

Был назначен агентом для связи французов с американцами (знал отлично английский язык), но, будучи недоволен тем, что ему в этой должности не приходится драться с немцами, бить которых он считал своим долгом где бы то ни было (нельзя у себя на родине — нужно бить здесь и все равно в союзе с кем и в чьих рядах), он, несмотря на противодействие своего начальства, записался в кор-фран. Там, по словам его капитана, он очень быстро сделался душой всего отряда, был всегда первый и единственный охотник на все опасные и серьезные поручения в боях, был всегда впереди всех и очень быстро (за 2 месяца) выслужился в сержанты-шефы и получил Военную медаль и Круа де Герр (Военный крест). Начальство нуждалось в нем как в переводчике и ценило за многие военные качества (видно, заговорила кровь), видя, что он слишком рискует и бравирует, хотело убрать его в тыл, но он этому всячески противодействовал. Наконец, ему было категорически приказано выехать с фронта в Нант в школу аспирантов, и он должен был ехать, но за два дня до назначенного отъезда, 8 сентября 1944 г., после отбития сильной немецкой атаки на то местечко, где они были окружены и остались без продовольствия и патронов, пошел добровольно, взяв одного человека, пробиться за необходимым. Один километр, отделявший их от штаба, он прошел благополучно, но, возвращаясь обратно с припасами, попал в засаду и почти в упор выпущенной обоймой из автомата (в засаде были чины РОА — ирония судьбы) был ранен двумя пулями: одна прошла насквозь грудобрюшную преграду под сердцем, другая навывлет через весь кишечник с раздроблением левого ребра. Услышав выстрел, отряд сделал вылазку и подобрал его раненым (было это в 10 ч. утра), но из-за недостатка скорой помощи его доставили в госпиталь в Нант только в 3 часа, а в 4 с половиной часа он скончался. Перед смертью он, видно, очень страдал, но крепился, сказал, что умирать ему не жалко, так как чувствует, что исполнил свой долг. Когда католический священник его напутствовал (православного не было), он крестился и читал свои молитвы...»

О русских добровольцах в «Войсках свободной Франции» сведения общего характера были сообщены в «Вестнике» В.И. Алексинским⁷⁰⁰.

В.И. Алексинский принадлежал как раз к той группе молодых монархистов-демократов, которые объединялись вокруг «Русского временника» и бывали на собраниях у И.И. Фондаминского. Демобилизованный из французской армии после перемирия, В.И. Алексинский перебрался в Марокко, где в 42 году поступил добровольцем в *Corps Francs d'Afrique*, откуда позднее перешел в «Войска свободной Франции»; в рядах этих войск проделал африканскую, итальянскую и французскую кампании.

«Об участии русских людей в рядах «Войск свободной Франции» (Forces Libres — F.F.L.), — пишет Алексинский, — а также об их участии в Соппротивлении в заморских владениях Франции почти ничего неизвестно. В русских кругах во Франции не знают даже, что, в сущности, представляют из себя F.F.L.⁷⁰¹. Поэтому часто добровольцев в этих войсках смешивают с русскими, мобилизованными во французскую африканскую армию. Между тем не десятки, а сотни русских людей поступали добровольцами в «Войска свободной Франции»; они принесли тяжелые жертвы и немало среди них погибло.

Работа в Соппротивлении зачастую труднее, чем участие в боях регулярной армии; но война требует от солдата отречения на долгое время от всего, что ему близко, налагает подчинение строгой дисциплине и заставляет примириться с бесконечными лишениями. Несмотря на это, многие русские отказались от спокойной жизни в странах, даже не оккупированных немцами, и стали записываться в союзные армии для борьбы за свободу против общего врага; другие с большим риском пробирались из оккупированной Франции в Испанию, попадали там в тюрьмы и затем все-таки добирались до Англии или до Африки. Они стекались отовсюду. У меня были русские товарищи из Китая, Индии, Сирии, Палестины, Египта, Филиппин и даже из Аргентины.

В 1941 году, когда Соппротивление было еще в самом зачатке и когда внутри страны еще не было партизанских отрядов, в рядах «Войск свободной Франции» уже бились и умирали русские люди.

Могилы русских людей, павших на поле брани, разбросаны по всему боевому пути этих войск: Абиссинии, Сирии, Египту, Ливии (есть три русских могилы на кладбище Бир-Акима), Тунисе, Италии, Франции.

Надо сказать, что военные круги Франции, да и Англии, лучше осведомлены об участии русских в Ф.Ф.Л., нежели сами русские во Франции. Процент иностранцев (в особенности вначале) в рядах этой армии был очень велик: так, в первой «тысяче» войск генерала де Голля, отправленной под командой генерала Монклара в Дакар, затем в экваториальную Африку, а оттуда в Судан и Абиссинию, было более половины иностранцев, среди которых немало и русских. В частности, десятым добровольцем, записавшимся в Лондоне 18-го июня, в день призыва ген. де Голля, — был русский: Н.В. Вырубов, геройски проделавший впоследствии все кампании «Войск свободной Франции»; он был тяжело ранен, награжден Крестом Освобождения и Военным крестом. Русские офицеры в этой армии показали себя в высшей степени блестяще и ген. де Голль очень ценил русских у себя в войсках. Конечно, многие офицеры Ф.Ф.Л. вели себя героичес-

ки, но единственный офицер, прозванный *легендарным героем*, был русский полковник Амилахвари⁷⁰².

В книге, посвященной 1-ere D.F.L.⁷⁰³, только под его фотографией написано “Un héros de Légende”, в другой книге (“De Montmartre a Tripoli” — “От Монмартра до Триполи”⁷⁰⁴) рассказ об его смерти при Эль-Аламейне озаглавлен: “La mort d’un grand soldat” (“Смерть великого бойца”). А с какой любовью и уважением отзываются о нем все старые солдаты Ф.Ф.Л., которые знали его при жизни! Среди солдат «Свободной Франции» создался настоящий культ памяти полковника Амилахвари⁷⁰⁵.

Вообще все солдаты «Свободной Франции», имевшие дело с русскими офицерами, сходятся на том, что именно русский офицер наиболее чуток к солдату, лучше всего понимает его нужды и совсем по-товарищески относится к нему и в то же время не теряет своего достоинства, не умаляет дисциплины.

Но если этих русских офицеров все же помнят и знают, помнят ли о русских солдатах, хотя бы о тех из них, которые погибли на полях сражений?

В «Войсках свободной Франции» не было никакого набора по мобилизации, люди записывались в армию исключительно по убеждению⁷⁰⁶.

Пример этих эмигрантских сыновей, со всех концов света стремившихся к де Голлю, чтобы вступить в «Войска свободной Франции» после того, как Франция потерпела катастрофическое поражение, показывает, что в эмиграции еще было живо то мистическое вдохновение русской идеи, которое заставляло великих русских писателей и мыслителей, подобно пророкам Израиля, возвышать голос, когда где-нибудь в мире совершалась несправедливость, и которое вело смелых и жертвенных постоянно проявлявшихся в русском обществе людей повсюду, где шла борьба против угнетения, будь то революционное подполье, война за свободу славян, Трансвааль или Добровольческая армия. Эти люди, следуя таинственному призыву, не останавливались ни перед какими опасностями, наоборот, они словно искали смерти, не рассудком, а сердцем зная, что, только разделив страдания и гибель тех, кого убивают, человек перестает участвовать в несправедливости.

В вестибюле парижского Музея человека висит мраморная доска с гравированными портретами двух русских молодых людей.

Надпись под первым портретом:

«Борис Вильде (1908–42). Русский, принявший французское гражданство, окончил Историко-филологический факультет и Этнографический институт, работал при европейском отделе Музея человека, выполнил две научные ко-

мандировки в Эстонию и Финляндию. Был мобилизован в 1939–40 гг. Во время оккупации был судим по делу “Резистанс” и расстрелян на Мон-Валерьен 23 февраля 1942 года. Генерал де Голль наградил его медалью Сопротивления, согласно следующему приказу: “Вильде. Оставлен при университете, выдающийся пионер науки, целиком посвятил себя делу подпольного Сопротивления с 1940 г. Будучи арестован чинами Гестапо и приговорен к смертной казни, явил своим поведением во время суда и под пулями палачей высший пример храбрости и самоотречения. Алжир, 3 ноября 1943 г.”».

Надпись под вторым портретом:

«Анатолий Левицкий (1901–42). Русский, принявший французское гражданство, окончил Историко-филологический факультет и Этнологический институт, заведующий одним из отделов Музея человека; был одним из самых деятельных организаторов этого Музея, известен своими трудами о шаманизме. Был мобилизован в 1939–40 г. г. Во время оккупации был судим по делу “Резистанс” и расстрелян на Мон-Валерьен 23 февраля 1942 года. Генерал де Голль наградил его медалью Сопротивления, согласно следующему приказу: “Левицкий. Выдающийся молодой ученый, с самого начала оккупации в 1940 г. принял деятельное участие в подпольном Сопротивлении. Арестованный чинами Гестапо, держал себя перед немцами с исключительным достоинством и храбростью, вызывающими восхищение. Алжир. 3 ноября 1943 г.”»⁷⁰⁷.

В вышедшем после войны в Париже «Русском сборнике» Георгий Адамович писал:

«Бывают люди, которых всегда радостно встречать, хотя они ничего для этого не делают: что было в Вильде? Северная, будто скандинавская чистота, странно-светлый взгляд, крепкое пожатие руки. Он мог и не улыбнуться, здороваясь или прощаясь, как улыбались другие, но лицо его излучало благожелательность и готовность оказать любую услугу.

Если бы мы знали, что каждого из нас в жизни ждет, человеческие отношения складывались бы, вероятно, иначе, чем складываются они на деле. Если бы я знал, как Вильде умрет, я, конечно, помнил бы о нем больше, чем помню теперь. Несомненно, это был замечательный человек. Немецкий офицер, сказавший на суде, к смущению своих коллег, что если бы он не был врагом Вильде, то хотел бы быть его другом, не ошибся в оценке. Но все мы поражены слепотой. Вильде был для меня очень милым, очень приятным молодым человеком, только и всего. Чувствовался в нем искатель приключений, гумилевского романтического склада: мечты о походе в Индию или об охоте на белого носо-

рога. Но слишком часто такие мечты кончаются успешной, долголетней службой в нотариальной конторе, чтобы внушать доверие и внимание... Впервые я почувствовал, что Вильде не “просто приятный” молодой человек, весной 1940 г., неожиданно-негаданно получив от него на фронте длинное письмо. Ответить на это письмо я уже не успел, и никогда больше Вильде не видел. Писал он несколько простодушно по стилю — “я рад, что мы с вами оба боремся за культуру”; — но с такой прямоотой и простотой, с таким неподдельным подъемом, что представление о нем тогда же изменилось. Вполне верным, однако, оно стало лишь позднее, после его смерти»⁷⁰⁸.

Все, знавшие Вильде, согласятся, я думаю, с каждым словом Адамовича. На Монпарнасе Бориса Вильде, Дикого, действительно все любили, но вряд ли кто понимал. Любили за открытый, веселый и дружеский нрав. Он никогда не участвовал ни в каких ссорах, легко, даже в годы, когда сам нуждался, давал в долг и никогда потом не напоминал об отдаче. Был верный товарищ. Не понимали, так как он совсем не походил на монпарнасского героя, на одинокого неудачника и мечтателя, перекочевавшего, с удесяттерившимся в груди чувством отверженности, из Петербурга в Париж, из «Белых ночей» в романы Поплавского и Шаршуна. Нет, в Вильде не было и тени эмигрантской униженности. Он появился в Париже откуда-то из Прибалтики бесстрашным провинциальным русским мальчиком, «жадным к жизни и счастливым, несмотря на нищету и мировую скорбь»⁷⁰⁹. Ум, огромная воля, железная выносливость, смелость и дар нравиться людям открывали перед ним дорогу к завоеванию успеха на любом поприще. Науки давались ему необыкновенно легко. После пьяной бессонной ночи он шел на лекцию или на экзамен с головой совершенно ясной. Уже в тюрьме, в ожидании суда и казни, в течение восьми недель, занимаясь по 2 по 3 часа в день, научился по-древнегречески, достаточно, чтобы при помощи словаря разобрать любой текст. Но многие друзья Вильде чувствовали, что под этой поверхностью «умного человека», делавшего ученую и житейскую карьеру, в нем было что-то более глубокое и оригинальное, какое-то непосредственное интуитивное знание: как если бы ему что-то приоткрылось в загадке жизни и смерти. Он редко об этом говорил, никогда не вмешивался в монпарнасские беспардонные метафизические споры и не занимался формальной философией. Только по некоторым его замечаниям можно было догадаться об его «идее». Однажды он сказал мне: «Я всегда живу так, как если бы завтра я должен был умереть». Быть может, этим и объяснялось поражающее в нем соединение двух крайностей — жадной радости, с ка-

* Из предсмертных тюремных записок Вильде.

кой он дышал воздухом земли, и отрешенной готовности в любое мгновение все оставить. Невыносимая для большинства людей разумная очевидность, что наше существование ничем не охранено от произвола судьбы и смерти, казалось, не только его не пугала, а, наоборот, веселила опьяняющим сознанием, что все живое рождено для опасного приключения. Это освобождение от страха и инстинкта самосохранения и всегдашняя готовность идти на риск открывали перед ним возможность необыкновенного успеха.

После войны была опубликована его «духовная автобиография», написанная им по-французски в тюрьме. Автобиография эта начинается записью от 24-го октября 1941 г.^{710*}

«Этой ночью я размышлял о смерти. Это было нечто вроде внутреннего диалога между двумя я, обоими одинаково подлинными. Их трудно точно определить, поэтому я просто обозначаю их, как первое и второе я.

1. Итак, дорогой друг, нужно серьезно учесть возможность смертного приговора...

2. Нет, нет, я не хочу этого. Все мое существо этому противится, я хочу жить. Будем бороться, будем защищаться, попробуем бежать. Все, только не смерть»

Первое я старается убедить второе примириться со смертью.

«Тебе тридцать три года. Это прекрасный возраст для смерти... Редкие и краткие минуты — как блеск молнии, когда ты познавал “вечную жизнь” (я пользуюсь твоим выражением, за недостатком подходящих слов), только усилили твое равнодушие к земной жизни...»

Последние фразы в диалоге:

«1. Я ничего не знаю о потустороннем. У меня есть только сомнения. Жизнь вечная, однако, существует. Или это страх перед небытием заставляет меня веровать в вечность? Но небытие не существует. Что ты об этом думаешь?

2. Я? Я знаю лишь одно: я люблю жизнь.

1. Следовательно, существует любовь. Остальное неважно. Раз существует смерть, она не может быть ничем иным, как любовь».

Среди этих рассуждений дневниковые записи:

«29-ое октября.

Становится холодно и сыро. Дни делаются короткими, и нам не дают света. Я учусь спать двенадцать часов и более. Много снов. Синтетический характер людей, которых я вижу во сне. Вот уже четыре дня, как я с трудом пишу мой диалог. С трудом, так как холодно рукам, я должен беречь бумагу, у меня

* Цитирую по русскому переводу, помещенному в Вестнике русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции.

нет папирос, и, в особенности, потому, что трудно не впасть в литературность. Я не смог отделаться от этого искушения вначале. Не нужно писать много сразу и позволять себе увлекаться. А между тем я совершенно ясно вижу, что должен передать словами: это очень просто, несмотря на все противоречия в чувствах».

«31-ое октября.

Этой ночью мне снилось, что я посетил поле сражения. Между Меш и Шарлемон, там, где мы похоронили Dewailly, Gasture, Kohl. Я нашел лишь два креста, сделанных из досок от ящика со снарядами. На одном я прочел: Michael Devail (почему-то вместо Michel Dewailly), на другом, кстати без большего удивления, я прочел свое имя»⁷¹¹.

Последнее письмо Вильде к жене^{*712}, написанное им утром в день казни, является как бы продолжением и заключением диалога двух я:

«Простите, что я обманул Вас: когда я спустился, чтобы еще раз поцеловать Вас, я знал уже, что это будет сегодня. Сказать правду, я горжусь своей ложью: Вы могли убедиться, что я не дрожал, а улыбался, как всегда. Да, я с улыбкой встречаю смерть, как некое новое приключение, с известным сожалением, но без раскаяния и страха. Я так уже утвердился на этом пути смерти, что возвращение к жизни мне представляется очень трудным, пожалуй, даже невозможным. Моя дорогая! думайте обо мне как о живом, а не как о мертвом. Я не боюсь за Вас. Наступит день, когда Вы более не будете нуждаться во мне: ни в моих письмах, ни в воспоминаниях обо мне. В этот день Вы соединитесь со мной в вечности, в подлинной любви.

До этого дня мое духовное присутствие единственно подлинно реальное будет всегда с Вами неразлучно.

...Вы знаете, как я люблю Ваших родителей: они мне стали родными. Благодаря таким французам, как они, я узнал и полюбил Францию. Пусть моя смерть будет для них скорее предметом гордости, чем скорби.

...Постарайтесь смягчить известие о моей смерти моей матери и сестре. Я часто вспоминал о них и о моем детстве. Передайте всем друзьям мою благодарность и мою любовь...

...Моя дорогая, я уношу с собой воспоминание о Вашей улыбке. Постарайтесь улыбаться, когда Вы получите это письмо, как улыбаюсь я в то время, как пишу его (я только что взглянул в зеркало и увидел в нем свое обычное лицо). Мне припоминается четверостишие, которое я сочинил несколько недель тому назад:

* Ирэн Лот, дочь известного французского историка Ф. Лота и М. Лот-Бородиной, сотрудницы многих русских богословских и религиозно-философских журналов.

Comme toujours impassible
Et courageux mutilement,
Je servirai de cible
Aux douze fusils allemands*.

Да, по правде сказать, в моем мужестве нет большой заслуги. Смерть для меня есть лишь осуществление великой любви, вступление в подлинную реальность. На земле возможностью такой реализации были для меня Вы. Гордитесь этим. Сохраните, как последнее воспоминание, мое обручальное кольцо.

Умереть совершенно здоровым, с ясным рассудком, с полным обладанием всеми своими духовными способностями, — бесспорно, такой конец более по мне, разве это не лучше, чем пасть внезапно на поле сражения или же медленно угаснуть от мучительной болезни. Я думаю, это — все, что я хочу сказать. К тому же, скоро пора. Я видел некоторых моих товарищей: они бодры, это меня радует.

Бесконечная нежность поднимается к Вам из глубины моей души. Не будем жалеть о нашем бедном счастье, это так ничтожно в сравнении с нашей радостью. Как все ясно! Вечное солнце любви всходит из бездны смерти... Я готов, я иду. Я покидаю Вас, чтобы встретить Вас снова в вечности. Я благословляю жизнь за дары, которыми она меня осыпала...»⁷¹³

Диалог в тюрьме и это письмо, будто написанное героем какого-то романа Моргана⁷¹⁴ (к сожалению, русский перевод неверно передает интонации подлинника), несколько приоткрывают мирозерцание Вильде. Но если правда, что для того, чтобы узнать, что человек думает на самом деле, нужно обращать внимание не на его слова, а на его поступки, то, как умер Вильде, больше чем все им написанное, говорит нам о том, кем он был на самом деле, во что верил и что хотел сказать.

Возвращаюсь к статье Адамовича в «Русском сборнике»:

«Вильде не только мученик. Вильде — герой. При аресте, на судебных заседаниях, в тюрьме, перед самым расстрелом — он держался, по свидетельству очевидцев, с бесстрашием и каким-то сияющим спокойствием, всех поразившим. Ничего большего требовать от человека нельзя. Смерть Вильде, уже окруженная легендой, по-своему есть творческий акт, возвеличивающий и очищающий душу. За урок, за пример, за сохранение чести, за напоминание о том, что такое достоинство, — чем теперь отблагодарить его? Чем искупить прежнюю

* Невозмутимый как всегда,
С отвагой никому ненужной,
Так послужу мишенью я
Для дюжины немецких ружей.

рассеянность? «Он далеко, он не услышит». Услышит ли слова, которые не догадались мы сказать ему при жизни, ощутит ли запоздалое, «крепкое», хотя бы и мысленное только рукопожатие, в ответ на его подвиг, каждому из нас нужный?»

О «деле Музея человека» и в связи с этим делом о Вильде и Анатолии Левицком писали многие французские публицисты. Особенно интересны воспоминания Аньес Гюмбер⁷¹⁵, помогавшей Вильде и Левицкому составлять и распространять первую нелегальную газету «Резистанс» и приговоренной военным немецким судом к депортации в Германию на каторжные работы. В ее книге «Наша война» много волнующих записей о встречах с Вильде и Левицким. Вот несколько выдержек.

«Париж, 25-го сентября 1940 г. Доктор Ривэ* устроил мне встречу со своим помощником Борисом Вильде, зачинщиком всей антинемецкой деятельности в Музее человека.

Я уже раньше немного знала Вильде и ценила его холодный блестящий ум и всю исключительность его личности.

Русский — дитя революции — ему всего 33 года. Он зарабатывает на жизнь с 11-ти летнего возраста. Натурализованный француз, он проделал всю кампанию. Несмотря на ранение в колено, бежал из плена. Прошел 300 кил. пешком. Ривэ сказал мне: «Вильде сын революции... он знает революционную технику». Борис убедил меня, что, прежде всего, нужна газета. Жан Кассу будет главным редактором.

Жан Кассу очень сошелся с Вильде. Клод Авелин тоже с ним познакомился. Они оба, так же как и я, чувствуют, что Вильде связан с очень могущественной организацией. Может быть, это Интеллидженс Сервис, может быть, Второе Бюро или какая-то французская группа, порожденная событиями? Мы ничего не знаем. Мы доверяем Вильде, предоставляем ему нами руководить. Нашей верой в него мы заражаем и наших товарищей, которые его не знают». «Париж, конец ноября 1940 г. Редакционный комитет нашей газеты образован. Вильде говорит, что мы сможем располагать тремя страницами. Первая страница будет редактироваться таинственными людьми, предоставляющими бумагу и типографию. Какое название дать газете? «Мы решили, — говорит Вильде, — (кто это мы?... никто из нас не знает) — газета будет называться 'Резистанс'***».

В конце дня Вильде сказал мне, что за рукописями придет Левицкий. Левицкий? Ну, конечно, — говорит Вильде, — он с нами с самого начала. Меня это обрадовало. Я знала Левицкого по работе в Palais de Chaillot⁷¹⁶. Это к нему я

* Директор «Музея человека».

** Это придуманное Борисом Вильде название «Сопротивление» (Résistance) впоследствии было принято для обозначения всего французского партизанского движения.

обращалась всякий раз, когда мне нужны были справки от Музея человека. Я ценила его вежливость, умную вежливость русских».

Аньес Пюмбер и в голову тогда не приходило, что таинственные «мы», предоставлявшие бумагу и бравшие на себя печатание газеты, это и были Вильде и Левицкий, вдвоем собственноручно тайно набравшие и напечатавшие два первых номера «Резистанс» в типографии Музея человека.

Любопытно почти гипнотическое влияние, какое имел Вильде на французских интеллигентов, входивших в эту первую ячейку Сопротивления. Все эти люди были немного старше Вильде и «имели положение» во французской интеллигентской среде. Тем не менее они слепо подчинялись неизвестному молодому человеку, говорившему по-французски с сильным русским акцентом. Свое инстинктивное доверие и подчинение они, как мы видели, объясняли себе тем, что Вильде «дитя революции» и «знает революционную технику», хотя они должны были понимать, зная возраст Вильде, что в 1917 г. он не мог научиться революционной технике, так как в то время ему было всего 9 лет.

Аньес Пюмбер принимала участие в редактировании и распределении газеты «Резистанс», в разбрасывании ленточек и в расклеивании по стенам «бабочек», этикеток с надписью: «Да здравствует генерал де Голль» и в укрывании застрявших на севере англичан, которых Вильде переправлял в свободную зону. О других сторонах подпольной деятельности Вильде она только догадывалась.

«Париж, январь 1941 г.

Вчера Марсель Абрам показал мне номер «Утра». На первой странице известие об аресте адвоката Нордмана за распространение «Резистанс». Мы все волнуемся. Только что видела в кафе Вильде. Он сказал мне, что Нордман был действительно наш. Оставив меня на несколько минут, он подошел к молодому человеку маленького роста, явно его поджидавшему. Я наблюдаю за ними: Вильде дает ему приказания, маленький слушает его почтительно и внимательно. Вернувшись к моему столику, Вильде объясняет мне в нескольких словах, что молодой человек, с которым он только что разговаривал, известен под кличкой «Мальчуган»*.

«Мальчуган» доставляет документы англичанам. Завтра он уезжает в свободную зону.

Париж, 14-го февраля 1941 г.

Левицкий и его невеста Ивон Одон, библиотекарьша Музея человека арестованы**... Доктор Ривэ успел бежать. Он теперь в безопасности в свободной зоне.

* Рене Сенешаль.

** На допросах Левицкий подвергался жестоким избиениям и пыткам, но никого и ничего не выдал.

Париж, 18-го февраля 1941 г.

“Мальчуган” принес письмо от Вильде*. Узнав об аресте наших товарищей, Вильде просит меня продолжать выпускать газету, чтобы отвлечь от них подозрение.

Париж, март 1941 г.

Звонок. Открываю дверь: Вильде! Улыбающийся, не загримированный, не переодетый.

— Вы с ума сошли!

— Я должен был вернуться.

“Мальчуган” не появился в Тулузе, вероятно, арестован. Я продолжаю брать Вильде, умоляю его немедленно вернуться в Свободную Зону. Не объясняя подробностей, он говорит, что его присутствие в Париже абсолютно необходимо.

— Хорошо! Но если вас посадят в тюрьму?

Он засмеялся.

— Дорогая моя, нам всем не миновать тюрьмы, вы это знаете.

Париж, март 1941 г.

Вчера Пьер Вальтер завтракал в ресторане с Вильде. Во время завтрака Вильде вышел на несколько минут. Он должен был пойти за фальшивыми паспортами в кафе на площади Пигаль. Прошел час, Вильде не вернулся».

В первый раз после исчезновения Вильде Аньес Гюмбер увидела его в подвале Гестапо**.

«Дверь открылась: на пороге Вильде, окруженный несколькими людьми в штатском. Он похудел и кажется выше ростом. Его прекрасное лицо обрамлено отпущенной русой бородой, которая ему очень идет. Он похож теперь на Эдуарда Манэ в молодости. Его руки связаны за спиной. Он шел с трудом, точно потеряв чувство равновесия. Он посмотрел мне в глаза долгим взглядом, полным невыразимой грусти. Я никогда не забуду этого взгляда. Его втолкнули в соседнее бюро».

Потом еще одна короткая встреча в коридоре тюрьмы Фрэн накануне начала разбирательства дела Музея человека в военном немецком суде.

«Я вижу Вильде в полумраке. Он постарел, и его прекрасные русые волосы поредели. Левицкий похудел. “Мальчуган” выглядит хорошо. Его защитник уверяет, что ему не грозит расстрел — немцы примут во внимание его молодость.

Тюрьма Фрэн, 9 января 1942 г.

Председатель суда представляет обвиняемых прокурору — 18 французских “националистов”. Он говорит о них чрезвычайно лестно, особенно о

* Вильде находился в это время в свободной зоне.

** Вильде был вызван в Париж предателем Гаво.

Вильде. Отмечает, что Вильде имел силу духа изучать в тюрьме санскрит и японский язык.

Тюрьма Фрэн, 17 февраля 1942 г.

Наконец-то вердикт!

Председатель бледен, я никогда не видела человека, который был бы так бледен. Он говорит, как тяжел ему его долг немца. Сегодня несомненно чувствуется, что его слова искренни. Он страдает, что ему нужно произнести такой приговор. Он восхищается людьми, которых он должен был приговорить к смертной казни.

Освобожденным он объявляет, что они могут покинуть зал. Затем прочел имена приговоренных к каторге — Мюллер, Жан-Поль Каррье и я, — наконец, имена приговоренных к смертной казни: Ивон Одон, Сильветт Леле, Алис Симоннэ и семеро мужчин.

Вильде пользуется предоставленным ему последним словом, чтобы произнести прекрасную и гуманную речь в защиту Мальчугана. Он берет всю вину на себя. Мальчуган, — уверяет он, — не имел представления о содержании документов, перевозимых им в свободную зону. Вильде указывает также на молодость Мальчугана. О себе ни слова. У него только одна цель — выгородить Мальчугана, спасти его от смерти.

Полчаса спустя нас опять собрали в большой зале.

Вильде спрашивает меня о моих близких.

“Моя жена, — говорит он, — в курсе всего, пусть они всегда к ней обращаются. Пока вы будете в Германии, о вашей семье будут заботиться”. Он прибавляет: “Победа в 44 году”. Потом, взяв меня за руку и смотря на меня своими голубыми глазами, искрящимися лукавством: “У вас будет много работы, Аньеса, когда вы вернетесь...” Мы поцеловались. Потом я целую Левицкого, который, улыбаясь, разговаривает с Ивон. Нас разводят по нашим камерам. В коридоре я оборачиваюсь, чтобы еще раз взглянуть на Вильде. Судебный канцелярист, немецкий солдат, прерывающимся от волнения голосом говорит ему, что надо надеяться на помилование; Вильде смеется, пожимает ему руку и, как будто для того, чтобы отвлечь немца от грустных мыслей, как ребенку, раскачивает его руку справа налево. Оба громко смеются.

Тюрьма Фрэн, 18-го февраля 1942 г.

Адвокат Пьера Вальтера сказал мне: “Невозможно, чтобы Бориса Вильде расстреляли!” Из свободной зоны и из оккупированной зоны поступают петиции. Немцы не могут не считаться с просьбами о помиловании, подписанными

Франсуа Мориакон, Полем Валери и Жоржем Дюамелем. Если же помилуют Вильде, остальные будут помилованы автоматически»⁷¹⁷.

Пять дней спустя, 23 февраля 1942 года Борис Вильде, Анатолий Левицкий, Пьер Вальтер, Леон-Морис Нордман, Жорж Итье, Жюль Андриэ и Рене Сенешаль (Мальчуган) были расстреляны на Мон-Валерьян. У стены не было места, чтобы расстрелять всех семерых одновременно. Вильде, Левицкий и Вальтер попросили разрешения умереть последними и без повязок на глазах. Немецкий прокурор Готтлиб признал, что все семеро умерли героями, даже Нордман (Нордман был еврей).

Об этих людях, умерших с пением Марсельезы, в своих воспоминаниях Аньес Гюмбер говорит:

«Вильде и Левицкий были русские, Вальтер родился в Меце, в немецкой семье, Жорж Итье родился в Панамской Республике. Говорят, они умерли за Францию, я же думаю, что они умерли также и за Францию».

Перед казнью приговоренным разрешили написать прощальные письма. Я уже приводил выдержки из письма Вильде к жене, цитируя по русскому переводу в «Вестнике русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции». В этом же номере «Вестника» было приведено и последнее письмо А. Левицкого к родным и друзьям:

«Дорогие мои,

Пишу вам всем вместе, так как мне трудно написать каждому отдельно, да и, в сущности, это было бы ни к чему.

Знайте, что я люблю вас всей душой и жалею, что недостаточно вам это доказал, пока было еще не поздно.

Не могу себе простить горя, которое я вам причиняю, и умоляю вас простить меня всем сердцем, без всяких задних мыслей.

Я не ожидал столь быстрой развязки, но, быть может, лучше, что это так. Я готов уже давно и совершенно спокоен. Мне кажется, что душа моя в мире с Богом. Да исполнится Его воля.

Пусть возьмет Он и вас под свое высокое покровительство!

В последний раз от всей души обнимаю вас. Анатолий.

Фрэн, 22-е февраля 1942 г.»⁷¹⁸

Даже если бы ничего другого не было написано эмигрантскими сыновьями, этого письма достаточно, чтобы без колебаний утверждать, что лучшие люди этого выросшего в изгнании поколения сохранили в душе все самое хорошее, простое, подлинное, высокое и светлое, что было в русском народе и в русской культуре.

К числу самых первых и духовно самых доблестных «резистантов» принадлежала и княгиня Вера Аполлоновна Оболенская, рожденная Макарова.

Краткая биография:

Родилась в Москве 4-го июля 1911 г. Казнена в тюрьме Plötzensee в Берлине 4 августа 1944 г. Посмертно награждена орденом Почетного легиона, Военным крестом с пальмами и медалью Сопротивления. Выписка из приказа: «Младший лейтенант F.F.I., основательница, главный секретарь О.С.М.⁷¹⁹, участница Сопротивления с 1940 г. Будучи арестована, вывезена в Германию и расстреляна в Берлине, явила всем прекрасный пример преданности Франции и героизма в борьбе с гитлеризмом». (Подписи: Бидо и Мишле.) Из приказа фельдмаршала Монтгомери:

«Этим приказом я хочу запечатлеть мое восхищение перед услугами, оказанными Верой Оболенской, которая в качестве добровольца Объединенных Наций отдала свою жизнь, дабы Европа снова могла стать свободной» (6 мая 1946 г.).

Читая в «Вестнике русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции» воспоминания о Вере Оболенской другой русской резистантки С.В. Носович⁷²⁰, арестованной вместе с Оболенской по обвинению в шпионаже, несомненно чувствуешь, что не только в истории русского общества, но во всей истории человечества было не много таких женщин, как Оболенская, не много людей с таким сердцем.

Вот выдержки из этих, к сожалению, слишком коротких воспоминаний.

«Первое, что думалось, глядя на Вики: “какое милое русское лицо”, ясные, светлые, смеющиеся глаза, мягкие черты лица, что-то такое свое, дорогое, близкое. А потом, после ближайшего знакомства, открывалось и другое: ее сильная горячая любовь к жизни, ее ум, ее доброта. В ней была ширь во всем. Способна она была ко всему чисто по-русски; схватывала на лету; читала много, разбросанно, но с любовью и чутьем. Любила много выезжать, танцевать, веселиться; искала смеха, радости — брала жизнь легко и беззаботно.

Нужна была война, с разгромом ее любимой Франции, чтобы все, что в ней бродило, накалило, приняло наконец облик и определило бы ее путь к *службе*. Без всяких сомнений и колебаний сделала она свой выбор: активной борьбы с нацизмом, или лучше сказать, она сразу поняла, что даже вопроса о выборе поставлено быть не может. Всегда и во всем существом своим отвергала насилие. “Нельзя, исповедуя Христа и понимая сущность Его заветов — братство людей в Духе Святом, примириться с религией отбора людей по крови”.

Так же глубоко была русской. Любила Россию, как родину свою, любила ее культуру, ее великое прошлое, а с наступившей войной гордилась и радовалась ее победам, никогда не сомневаясь в конечном исходе борьбы.

Разгром Франции был тяжелым ударом для нее. Вся жизнь ее прошла в Париже. Все здесь она чувствовала своим: красоту города, весь уклад жизни, французов, французскую культуру, которую она хорошо знала и понимала. Франция была действительно ей второй родиной. Понятно, что такой цельной натуре бездействие было невмоготу. Не колеблясь пошла она в движение Сопротивления, в Réseau OSM. Arthys одним из первых начал формировать это движение. Уже в августе 1940 г. она стала его личной секретаршей и проработала с ним до его ареста в декабре 1941 г. Бедный Жак погиб в Германии, в концлагере, в 1943 году.

Организация OSM доставляла в Лондон военные сведения о немцах, набирала и группировала партизан для восстания в день высадки и формировала будущий гражданский аппарат власти для генерала де Голля.

Гибель Arthys и Simon, двух ее первых начальников, не обескуражила Вики, и она в 1943 г. продолжала свою работу как секретарша Maxim Blocq-Mascart и как агент связи между нами, Центром и другими организациями. Ею была снята квартира на rue Cassette, где она хранила архивы OSM, принимала ответственных работников нашего Движения, переписывала на машинке все приказы и тайные донесения в Лондон, снимала копии планов, схем мест высадки парашютистов и снабжения оружием.

Работала она толково, быстро, весело и без отдыха с раннего утра до позднего вечера; никогда не шифровала и не записывала ни одного имени, ни клички, ни номеров телефонов, не говоря уж об адресах. Эта невероятная память делала ее идеальным агентом и прекрасным секретарем. Как-то раз, в метро, Вики попала в облаву; при ней был чемодан, набитый планами и секретными документами. На вопрос полицейского, что в чемодане, она с веселой усмешкой ответила: "Mais une bombe, monsieur!" (Конечно, бомба, сударь!) Тот тоже рассмеялся и пропустил ее.

Арестована она была у меня на рю С. Флорентин утром 17 декабря 1943 г. Она зашла на минутку передать мне некоторые сведения и не очень важные документы. Накануне был арестован мой ближайший сотрудник по работе, он не выдержал допроса и дал мой адрес. В 11 ч. утра раздался стук в дверь, я пошла открывать и увидела перед собой револьвер, немца и трех французских милиционеров. Выход из моей комнаты был один; бегство Вики, уничтожение документов были

немыслимы. Арест сопровождался, как всегда, грубостью, окриками с неизменной игрой револьверами. Типично было поведение Руди, немецкого гестаписта, который при виде *carte d'identité* Вики завопил по-немецки и по-французски: “Eine echte Prinzessin, — une vraie princesse!” (Настоящая принцесса!) Найденные в ее сумке документы также немало порадовали его. Вики отвечала ему спокойно и с достоинством. Все это продолжалось недолго, видимо, Руди торопился нас поскорее увести, чтобы устроить в моей комнате засаду. Скованные одной парой наручников, мы спустились во двор, подняв руки над головой, чтобы предупредить друзей, живущих в этом доме, о нашем аресте. Никогда не забуду я, как Вики с веселой усмешкой сказала мне: “Сегодня нитью тонкою связала нас судьба”.

Повезли нас на авеню до Женераль Дюбай, в маленький особняк, где сразу же устроили очную ставку с моим товарищем по работе. Мы с Вики никогда не осуждали его, зная всю его храбрость и великолепную работу в Движении. Дюбаль, его кличка, опознал меня и отказался от Вики, что позволило ей при допросе скрыть и отрицать очень многое. Первой допрашивали меня. Допрос этот прошел гладко, и моя сплошь выдуманная история была принята немцами с таким комментарием: “Es ist ganz möglich”. Ночью же меня потащили в ванную*, и озверевший Руди долго бил меня по лицу. Не могу сказать, сколько времени, все это продолжалось. Не успела я вернуться в комнату, где меня ждала Вики, и прилечь рядом с ней на диван, как Руди ворвался к нам, и все началось сначала. Слава Богу, мне удалось промолчать. Вики лежала, закрыв лицо руками. Наконец Руди ушел, обещав нам смерть после долгих мучений. Вики, со слезами на глазах, перекрестила меня: “Ну, теперь моя очередь, ты отбыла свое”, — сказала она.

Боже мой, как страшна мысль, что не выдержишь их *мер воздействия*, что скажешь что-нибудь, — ведь за нами была цепь человеческих жизней. Меня и ее особенно беспокоила мысль, что немцам известны ее обязанности секретарши “резо”. Что тогда?.. Как жутко ожидать утром на рассвете скрип проклятого ключа и голос смотрительницы: “Оболенская, на допрос”.

И это случилось в конце февраля, в здании самой тюрьмы. Нас поочередно повели на допрос. Это был настоящий “*идеологический*” экзамен. Допрашивали нас 5 гестапистов с 2 переводчиками русского и французского языка. Играли они, главным образом, на нашем эмигрантском прошлом, почти что уговаривая нас отказаться от столь опасного Движения, шедшего рука об руку с коммунистами. На это им пришлось выслушать нашу правду. Ни на какие их “крестовые идеологические походы” против коммунистов Вики не поддавалась и подробно объяснила им их цели уничтожения России и славянства: “Я русская, жила всю свою

* Купание в ледяной ванне — особая форма пытки, изобретенная французом-коллаборантом.

жизнь во Франции; не хочу изменять ни своей родине, ни стране, приютившей меня. Но вам, немцам, этого не понять”. На их тупую антисемитскую пропаганду она отвечала: “Я — верующая христианка и поэтому не могу быть антисемиткой...”

Приезжаем вечером в полном смятении в Аррас, где было сосредоточено все наше дело. Там и начались главные допросы Вики. Ее допрашивали на протяжении 14 дней, с утра до вечера, и, несмотря ни на какие уговоры, она исполнила свой долг до конца. Военный следователь прозвал ее “Prinzessin ich Weiss-nicht” (“Принцесса *Ничего не знаю*”).

Не буду подробно описывать всех допросов. Приведу лишь одну сцену, рисующую ее мужественное поведение перед ними. Дело дошло до денег, — ее спрашивали о размере сумм, проходящих через ее руки. “Миллион, а иногда два”, — ответила она, понявши по предыдущим вопросам, что это им известно. — “Вы никогда ничего не взяли для себя из этих сумм?” — спросил ее немец. — “Вы спрашиваете у меня глупости, — ответила Вики по-немецки, — вы понимаете, глупости!” — и следователь замолчал.

Она возвращалась в тюрьму, изнемогая от усталости, с трудом проглатывала несколько ложек супа и после рассказывала мне обо всем. Немцы забыли нас разъединить, но, к сожалению, не надолго. Они вспомнили это сразу же после моего первого вопроса и, по приказанию моего следователя, перевели меня в другую камеру. Несмотря на всю измученность, Вики не теряла бодрости духа, была всегда такой же услужливой, доброй, делилась со всеми, чем могла. Во всех тюрьмах она всегда оставляла о себе самую светлую память. Ее муж все время получает письма от ее товарок по несчастью о том, как много дала она им своей духовностью и бодростью духа и какой неизгладимый след она оставила в их сердцах.

Тюрьма наша упиралась в зеленый холм, остатки старинных укреплений города. Он зарос деревьями и радовал нас своей ярко-весенней зеленью. Раз как-то смотрю в окно, вижу какие-то фигуры, как будто гуляют между деревьями. Но именно так *как будто бы...* Слежу за ними, они подходят все ближе и ближе. Наконец узнаю среди них Ник. Оболенского⁷²¹. Он ищет в бинокль за решетками Вики. Я кашляю, кашляю громко, упорно. Наконец Вики у окна. Я губами говорю: “Ника, Ника”, — и показываю. Она побледнела так, что я испугалась за нее.

В этот день была освобождена из тюрьмы Викина товарка по камере. Ей удалось увидеться с Оболенским в городе и передать ему очень толково составленный отчет Вики о своих допросах, что позволило спасти остатки нашего “резо” и оградить немало людей от ареста.

Вики приговорили к смерти военным судом в Аррасе. Обвинение: “Шпионка”. “Никаких смягчающих вину обстоятельств”. “Содержание документов ей было известно”. Конечно, суд сопровождался целой инсценировкой: красное знамя со свастикой, зеленая скатерть на столе, за ним 7 офицеров, помимо председателя, прокурора и адвоката, в стороне переводчик. Сперва был краткий допрос все о том же. Такой же сжатый отчетливый ответ. Энергичная речь прокурора и сонные слова без малейшей интонации адвоката о молодости подсудимой. Все это прошло очень быстро. Решение было принято заранее. Председатель торжественно объявил смертный приговор и спросил о последнем желании. Вики просила разрешения написать матери — отказали. О муже не смела и говорить, чтобы не подвести его: ведь она на всех допросах играла роль равнодушной жены.

В Берлине нас отвезли в открытом автомобиле в тюрьму Альт-Моабит. И там нас рассадили в разные камеры на режим приговоренных к смерти: ручные кандалы днем и ночью и зажженный в камере свет на всю ночь. Судьба нам помогла: наши камеры находились одна над другой. Я научила Вики системе Морзе, и мы с ней разговаривали, когда стихала беготня смотрительниц по тюрьме.

И в Берлине Вики приобрела верных друзей. Ее “штубенмедхен”, немка-арестантка, очень полюбила ее и не знала, чем только помочь ей. Она тихонько приносила ей хлеб с маргарином, газеты; закрывая шторы на ночь, шептала ей последние новости, подбадривала ее, как могла. Всем этим она сама очень рисковала: такие вещи строго карались в Германии. Спасибо ей. Вспоминаю всегда, как раз Вики с грустью сказала “по телефону”: “Я в горе: мою ‘штубенмедхен’ увозят в другую тюрьму”.

Вскоре и нас перевели в другую тюрьму. В тюрьме Барнимштрассе были сосредоточены все немецкие и иностранные смертницы. С первой же минуты я возненавидела ее. Весь персонал был подобран соответственный: смотрительницы грубые, с безжалостными холодными глазами. Одно только там нас радовало: мы спускались в погреб во время воздушных тревог. Тюрьма эта пострадала от бомбардировок и пожаров, и многим арестованным удалось бежать из нее, и, во избежание этого, нас запирали всех вместе в маленькую подвальную камеру. Первую тревогу мы провели вместе с немками, приговоренными к смерти. Камера была переполнена ими, сколько их там было, сказать трудно. Когда надзирательница открыла дверь, мы увидали фигуры сидящих на полу женщин, закутанных в одеяла. Тихо позвякивали цепи на их руках. Они мало говорили, неохотно отвечали на вопросы. Мы так и не узнали, за что были приговорены к смерти эти несчастные женщины. Казнили их по несколько сразу. Днем, после обеда, уводили их в черный подвал, где

они ждали до глубокой ночи часа смерти. Часто выли они, как звери. Вся тюрьма затихала в ужасе, прислушиваясь к их воплям смертной тоски...

Накануне ужасного дня исчезновения Вики, во время прогулки, смотрительница вызвала ее и о чем-то спросила. Мы вошли в тюрьму вместе, и она успела сказать мне: «Спрашивала, знаю ли я немецкий, и я сказала, что да».

В копии документа день ее смерти помечен 4 августа. Наутро нас повели брать душ. — Вики нет. «Вскоре прозвучала сирена. Спускаемся в подвал — ее нет. Плачу. Друзья успокаивают, да и у самой еще теплится надежда: может быть, она у доктора, или в бюро и там ее задержали. После обеда — прогулка без Вики. Ноги двигаются машинально в кругу со всеми — не вижу ничего и никого. Наконец я могу пробраться к ее товарке по камере, голландской проститутке. «Wo ist Wiki?» — «Weg». — «Wohin?» — «Ich weiss nicht»^{*)}. Маюсь по камере. Думаю только о ней. Одна она, одна перед смертью. Кругом ее не видно ни одного человеческого лица!

Я бросаюсь к смотрительнице, плачу, умоляю сказать мне про Вики... Злобный окрик в ответ — дверь захлопнулась. Все внутри рвется, чувства бьются одно о другое: ужас за Вики и страх, что на очереди я...

К вечеру, когда стемнело, сверху из окна кричат: «Послание Софке: видели Вики, выходящей из тюрьмы в кандалах. Проходя мимо, успела сказать: послали в лагерь переводчицей». Сначала я верю и засыпаю счастливой. Ночью внезапный ужас разбудил меня: «Где сейчас Вики? Что с ней?»

Днем — раздача книг. Раздает библиотекарша, говорящая по-французски. Лицо хорошее — говорю с ней с доверием о книгах. Вдруг быстро спрашивает меня: «Вы хотите, может быть, узнать что-нибудь?» — «Да. Где Вера Оболенская? Казнена?» — «Нет, она послана в лагерь переводчицей». — «Куда?» — «Не знаю». Тогда я этому поверила. Всюду, куда только не таскали меня по лагерям и тюрьмам, искала я Вики. Теперь я знаю, что нашла она в себе нечеловеческие силы, идя на ужас казни, думать о нас, оставшихся, обо мне. Последний раз поддержала своих товарищей по беде, своего друга. Ведь смертницам читают приговор заранее. Знала она, куда шла. Ответ библиотекарши — вечернее послание мне — все это святая ложь ее...

Последнюю просьбу приговоренного к смерти исполняют — даже в Германии.

До последней минуты Вики осталась верна своему служению»⁷²².

Если появится когда-нибудь поэт, который захотел бы написать продолжение поэмы «Русские женщины», он найдет в маленькой, изданной на правах рукописи книжечке «Вестника», кроме воспоминаний С. Носович о Вере Обо-

^{*)} «Где Вики?» — «Ушла». — «Куда?» — «Я не знаю» (нем.).

ленской, заметки еще о нескольких эмигрантках, достойных сестрах некрасовских героинь.

Сарра Кнут, рожденная Ариадна Скрябина, дочь известного композитора и жена русско-французско-еврейского писателя и поэта Довида Кнута, становится одной из основательниц крупной еврейской организации Сопротивления, вошедшей впоследствии в состав Ф.Ф.Л. под названием «Organisation juive de Combat»^{*)}. Известная в партизанском движении под кличкой «Режин», Сарра Кнут в июле 1944 г., за месяц до освобождения Тулузы, была убита в стычке с устроившими ей засаду милиционерами, своей смертью искупив подлость позорящего честь русского имени черносотенства некоторых эмигрантских кругов. Сарре Кнут поставлен в Тулузе памятник, и она была посмертно награждена Военным крестом и медалью Сопротивления⁷²³.

Мать Мария (Е.Ю. Скобцова) принадлежала к поколению несколько старшему, чем то эмигрантское поколение, которому посвящена эта книга. Но, деятельно участвуя в Русском студенческом христианском движении, в Православном Деле и в собраниях Фондаминского, она примером своего духовного героизма помогла многим эмигрантским молодым людям понять сущность «русской идеи». В «Вестнике» помещен записанный Н. Алексеевой короткий рассказ С.В. Носович о встрече с матерью Марией в лагере Равенсбрюк.

«В ноябре 1944 года я случайно узнала, что мать Мария находится в лагере Равенсбрюк, где я сама была уже несколько месяцев. Как-то одна французженка-коммунистка, которую я знала задолго до войны, сказала мне: *Vas voir la Mère Marie — elle est extraordinaire, cette femme!* (“Пойди взглянуть на мать Марию, она замечательная женщина!”) То же самое мне сказала и одна русская советская пленная, ветеринар по профессии: “Пойдите, познакомьтесь с матерью Марией, есть у нее чему поучиться”.

И вот как-то раз, воспользовавшись свободным днем, я пошла в 15-ый барак, где находилась мать Мария.

Я была в другом блоке, и частые встречи, конечно, были немислимы. Беседы наши всегда происходили во дворе лагеря. Матушка в легком летнем пальто, вся ежилась от холода, и физически, как и все, была измучена ужасными условиями жизни в Равенсбрюк. На это она, впрочем, мало жаловалась, а больше ее угнетала тяжкая моральная атмосфера, царившая в лагере, исполненная ненависти и звериной злобы. У матушки самой злобы не было — был гнев души: она пошла на борьбу против немцев как христианка и за самую сущность христианского учения и не раз повторяла: “Вот это у них и есть тот грех, который, по словам Христа, никогда не прощится — отрицание Духа Святого”.

^{*)} Еврейская боевая организация (фр.)

Как-то на переключке она заговорила с одной советской девушкой и не заметила подошедшей к ней женщины эс-эсовки. Та грубо окликнула ее и стеганула со всей силой ремнем по лицу. Матушка, будто не замечая этого, *спокойно закончила начатую по-русски фразу*. Взбешенная эс-эсовка набросилась на нее и сыпала удары ремнем по лицу, а та ее даже взглядом не удостоила. Она мне потом говорила, что даже в эту минуту никакой злобы на эту женщину не ощущала: “Будто ее совсем передо мной и нет”. В феврале меня, больную, эвакуировали в Маттаузен, а мать Мария, тоже больная, осталась в лагере Равенсбрюк, где потом трагически и погибла; она до конца осталась свободной духом, и не поддавалась рабской ненависти. Все те, кто ее знал или соприкасался с ней в тюрьме, надолго сохраняют ее яркий, незабываемый и столь редкий образ интеллигентной русской женщины, ставшей по-настоящему деятельной христианкой, расточавшей в самые горькие минуты духовную помощь и поддержку всем, кто только к ней приходил за ними»⁷²⁴.

Никакие испытания не могли сломить духа матери Марии, но она физически не выдержала страшных условий лагерной жизни. В последний раз ее видели живой в марте 1945 г. Во время проверки мать Мария, изнуренная голодом, простудой и дезинтерией, упала и не могла подняться без посторонней помощи. После проверки всем больным женщинам велено было выйти из барака без вещей.

В своих напечатанных в сборнике «Мать Мария» воспоминаниях о лагерных с нею встречах И.Н. Вебстер говорит:

«Матери было приказано оставить свои очки.

Когда она запротестовала, что без очков ничего не видит, их с нее сорвали. Пришел грузовик, и их всех увезли.

В середине апреля блоковая нашего транспорта и Кристина позвали меня и сказали, что видели лист газированных 31 марта, и там было имя матери Марии»⁷²⁵.

Об аресте матери Марии и ее несовершеннолетнего сына Георгия рассказывает в этом же сборнике ее мать, С.П. Пиленко:

«Утром, 8 февраля 1943 г., ко мне в комнату пришел мой внук Юра Скобцов, относившийся ко всем старикам с особенной внимательностью, а ко мне и с сильной любовью. Затопил мне печь, пошел вниз за углем и пропал. Я пошла вниз посмотреть, отчего он не идет (в это время столовая, как всегда, была полна бедняками, пришедшими обедать), и первый встречный сказал мне, что приехали немцы, арестовали Юру и держат его в канцелярии. Я побежала туда, Юра сидел в двух шагах от меня, но раздался окрик: “Куда, вы? Не смейте входить! Кто вы такая?” Я сказала, что я мать матери Марии и хочу быть с моим внуком, гестапист Гофман (он хорошо говорил по-русски) закричал: “Вон! Где ваш поп? Давайте его

сюда!” Потом, когда пришел о. Димитрий Клепинин, Гофман объявил, что они сейчас увезут Юру заложником и выпустят его, когда явятся мать Мария и Ф.Т. Пьянов. Я сейчас же послала за матерью Марией. Она и Ф.Т., узнав, что Юру отпустят, когда они явятся, — сейчас же приехали. Когда Юру увозили, мне позволили подойти к нему. Обняла я его и благословила. Он был общий любимец, удивительной доброты, готовый всякому помочь, сдержанный и кроткий. Если бы Юра не держался, а поехал бы с матерью в деревню, может быть, они избежали бы ареста. На другой день увезли о. Димитрия, замечательного священника и человека, допрашивали его без конца и посадили с Юрой в лагерь.

Когда мать Мария вернулась, приехал Гофман, как всегда, с немецким офицером. Долго допрашивал мать Марию, потом позвал меня, а ей приказал собираться (сначала ее обыскивал), потом начал кричать на меня: “Вы дурно воспитали вашу дочь, она только жидам помогает!” Я ответила, что это неправда, для нее “нет эллина и иудея”, а есть человек. Что она туберкулезным и сумасшедшим и всяким несчастным помогала. “Если бы вы попали бы в какую беду, она и вам помогла бы”. Мать Мария улыбнулась и сказала: “Пожалуй, помогла бы”. Я знаю много случаев, когда мать Мария помогала людям, причинившим ей зло. Пришло время моему расставанию с нею. Всю жизнь, почти неразлучно, дружно, прожили мы вместе. Прощаясь, она, как всегда, в самые тяжелые минуты моей жизни (когда сообщала о смерти моего сына, а потом внучки), сказала и тут: “Крепись, мать!” Обнялись мы, и я ее благословила, и ее увезли навсегда. На другой день приехал Гофман и сказал: “Вы больше никогда не увидите вашу дочь”. Как я узнала от некоторых из бывших с нею в лагерях и в Равенсбрюке, мать Мария утешала и, чем могла, помогала многим. Мать Мария еще в Равенсбрюке попросила одну даму, жившую с ней вместе, запомнить и передать мне ее слова (у них не было ни бумаги, ни карандаша), чтобы передать эти слова владыке Евлогию, о. Сергию Булгакову (мать Мария думала, что он еще жив) и нам. Вот эти слова: “Мое состояние это то, что у меня полная покорность к страданию, и это то, что должно со мной быть, и что, если я умру, в этом я вижу благословение свыше. Самое тяжелое, о чем я жалею, что я оставила свою престарелую мать одной”.

Когда Юру отправляли “в неизвестном направлении”, то случайно присутствовал при этом наш хороший знакомый, тоже отправленный в Германию. Юра был немного взволнован, но держался бодро, перед отправкой в Германию из Компена нам прислали Юрин чемодан с вещами, в которых мы нашли письмо от Юры к нам — мне и отцу.

“Дорогие мои, Дима (о. Димитрий) благословляет вас, мои самые любимые! Я еду в Германию вместе с Димой, о. Андреем и Анатолием. Я абсолютно спокоен, даже немного горд разделить мамину участь. Обещаю Вам с достоинством все перенести. Все равно рано или поздно мы все будем вместе. Абсолютно честно говоря, я ничего больше не боюсь: главное мое беспокойство это Вы, чтобы мне было совсем хорошо, я хочу уехать с сознанием, что Вы спокойны, что на Вас пребывает тот мир, которого никакие силы у нас отнять не смогут. Прошу всех, если кого чем-либо обидел, простить меня, Христос с Вами! Моя любимая молитва, которую я буду каждое утро и каждый вечер повторять вместе с Вами (8 час. утра и 9 веч.): ‘Иже на всякое время и, на всякий час...’. С Рождеством Христовым! Целую и обнимаю, мои ненаглядные. Ваш Юра”.

Я привела прощальные слова матери Марии и письмо Юры, которые меня поддерживают, чтобы многим, как и мне, они принесли утешение в вере в Бога. С Богом не страшны ни грядущая смерть, ни мучения.

У матери Марии в стихах есть такие строки:

Ослепшие, как много вас!
Прозревшие, как вас осталось мало!⁷²⁶

Этот безыскусственный трагический рассказ опровергает все разговоры об утрате русского духовного типа и о денационализации младших эмигрантских поколений. Сын, мать, бабушка, три разных характера и все-таки в основном, в последнем счете, какое поражающее сходство. Несмотря на галлицизмы — «немного горд разделить» — письмо Юры Скобцова, так же как письмо Анатолия Роголя-Левицкого, проникнуто таким русским, почти галлилейским духом простоты и смирения, что могло бы войти в любое собрание текстов, дающих «портрет» русского человека, начиная с летописного рассказа об убиении страстотерпцев христовых Бориса и Глеба.

Одновременно с Юрой Скобцовым и с матерью Марией были сосланы и все близкие ее сотрудники по «Православному Делу»: Ю.П. Казачкин, Ф.Т. Пьянов, А.А. Висковский и молодой священник о. Димитрий Клепинин⁷²⁷.

Мать Мария и эти люди не занимались ни шпионажем, ни террором. Их участие в Сопротивлении выразалось только в помощи всем преследуемым немцами, главным образом евреям. Именно за это «преступление» они все заплатили страшными мучениями в аду немецких концлагерей, а четверо — мать Мария, ее сын Юра, А. Висковский и о. Д. Клепинин — заплатили и жизнью. Вернулись из Германии только Ю.П. Казачкин и Ф.Т. Пьянов.

В «Вестнике русских добровольцев, партизан и участников Сопrotивления во Франции» свои воспоминания об о. Д. Клепинине Ф.Т. Пьянов начинает эпитафией из Евангелия от Марка:

«Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми Крест свой и следуй за Мною. Ибо, кто хочет душу свою обречь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее».

«Страшные таинственные слова Спасителя, — говорит Пьянов, — парадоксальные слова для естественного, грешного человека. Эти слова вполне применимы и приложимы к жизненному пути священника о. Димитрия Клепинина. В феврале месяце 1944 года, в концентрационном лагере “Дора”, отец Дмитрий погиб; он умер от воспаления легких на грязном полу, в углу так называемого “приемного покоя” лагеря, где не было ни лекарств, ни ухода, ни постелей. Вечером или ночью он умер и, вероятно, под утро был увезен с другими покойниками в крематорий лагеря Бухенвальд. В то время покойников из лагеря “Дора” сжигали в Бухенвальде.

Лагерь “Дора” был страшный лагерь. В 1944 году Бухенвальд поставлял в “Дору” живую силу. Нам говорили, что в 1944 г. из 1000 человек через 2-3 недели оставались живыми 200 человек, и то больные, остальные погибали от непосильного труда, скверного питания, обращения, отвратительных жилищных и санитарных условий. В то время (1944 год) в “Доре” строились подземные заводы для V-1.

Заклученные в Бухенвальде боялись отправки в “Дору”.

Люди в жизни крайне небрежны друг к другу. Мы обычно проходим мимо людей, не замечая их, потому, что они не представляют ничего примечательного — ни по внешности, ни по манере говорить: простые, обыкновенные люди, скромные, застенчивые. Таким был отец Дмитрий в жизни. Он был простой священник, не отличавшийся ничем от других. А между тем это был замечательный человек и священник. В чем же его замечательность? Я знал Диму Клепинина, а затем отца Дмитрия в течение 23 лет и узнал и понял его по-настоящему только за год до его смерти. Мы провели вместе около года в лагере Компьен. Без преувеличения скажу, что год, проведенный с ним, для меня была милость Божия; я не жалею этого года.

Основные, последние вопросы жизни человек решает сам лично, и только Бог может в этом помочь — Бог открывается человеку. Но из опыта с о. Дмитрием я могу спокойно утверждать, что Бог может говорить и через человека. Из опыта с ним я понял, какую огромную духовную, душевную, моральную помощь может оказать другим человек, как друг, товарищ и духовник. При помощи о. Дмитрия, а

может быть, и сам его простой образ дал мне ответы на многие мучительные вопросы жизни, которые казались раньше неразрешимыми или были простыми упражнениями ума, не претворенными в жизнь. Сейчас, на свободе, я часто скорблю о постепенной утере того, что Бог мне дал получить от о. Дмитрия.

В чем дело? Очень трудно объяснить все это, особенно же раскрыть внутренний образ и мир другого человека. Отец Дмитрий был человек глубочайшей веры в Живого Бога, именно Живого Бога. Я думаю, что есть вера в Бога, как отвлеченное, не живое понятие. Такая вера в приложении к жизни бывает иногда страшной, более того, такая вера может быть разрушительной, особенно для другой души. Дело в том, что живое отношение к Богу у отца Дмитрия непосредственно, просто переключалось в жизнь — к живому человеку — особенно к несчастному, ко всякой душе, “скорбящей и озлобленной”. В этом у него было много общего с покойной матерью Марией.

Мне скажут, что каждый христианин и священник должен так поступать. Верно. В том-то и дело, что мы, называющиеся христианами, так не поступаем. Те, кто знал отца Дмитрия, согласятся с тем, что о. Дмитрий отдавался другому человеку без остатка, и это было связано с его отношением к Богу — как Творцу, Живому Богу, Богу Любви. Другими словами, это была та самая любовь, о которой говорит св. Иоанн: “нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Иоанн. 15, 13).

Не случайно отец Дмитрий отдал свою жизнь, и именно он отдал свою жизнь за человека, за друзей своих, ибо такова была его вера в Бога. В этом случае образ Христа был для него жизненным, живым путем. Я помню, в конце февраля 1943 года нас привезли из крепости Романвиль в Гестапо на рю де Соссэ. Нас собрали около 400 человек во дворе, из окон выглядывали накрашенные стенографистки, немки, француженки, русские; отец Дмитрий в порванной рясе стал предметом насмешек, один из эс-эсовцев начал толкать и бить о. Дмитрия, называя его “иудэ”. Юра Скобцов, стоявший рядом, начал плакать. Отец Дмитрий, утешая его, стал говорить, что Христос претерпел большие издевательства. Если о. Дмитрий принимал личные оскорбления смиренно, наоборот, он мучительно, даже до физической боли, переживал оскорбления других. Часто и, может быть, больше мы все были оскорбляемы и избиваемы не только немцами, а и своими пленными товарищами. Это позор концентрационных лагерей.

По возвращении из лагеря я иногда слышу: “Как жалко, что он (о. Дмитрий) бессмысленно погиб, не подумав о семье, ни о приходе, ни о самом себе”. Для человека, не знающего Христа, простительно такое замечание, но для хрис-

тианина эти слова звучат кощунственно. Отец Дмитрий, мать Мария, Фондаминский, Юра и другие погибли, как мученики за веру в Бога, за то, что отдавали себя, свои души другому человеку. В том-то и бессмыслица в этом мире, что люди отдают свою жизнь за отвлеченные идеи, за иллюзорные призраки или за деньги, а не отдают ее Живому Богу. Церковь в этом мире существует и будет существовать, ибо она живет Кровью Праведника Христа и Кровью Его последователей — мучеников. В нынешнюю безрелигиозную, крайне дехристианизированную эпоху как раз Церковь и оживляется, ибо в ней есть мученики, память о которых так высоко чтилась и чтится Церковью и всем христианским миром.

Перед смертью отец Дмитрий в грязном арестантском халате, бритый, в руке держал открытку, в первый раз выданную для писания близким. Он уже писать не мог, но если бы и писал, то только выразил бы свою горячую любовь своей жене, своим маленьким детям. Как ни горячо он их любил, все же свой путь гибели он избрал по глубокой вере, любовно, добровольно, ибо в этом и был его Крест, заповеданный Христом»⁷²⁸.

О русских резистантах известно очень мало^{*729}. Многие из них вступали в подпольные боевые организации и в «Войска свободной Франции» под вымышленными иностранными именами. Под этими прозвищами их и похоронили. Многие бесследно исчезли в немецких концлагерях. После окончания борьбы, те, кто уцелел, вернулись к своей прежней жизни рядовых эмигрантов: «извозчиков», маляров, типографских наборщиков, мелких служащих. По большей части это были люди, никогда не занимавшиеся никакой общественной деятельностью. Им не приходило в голову требовать к себе внимания. Помню, как я только благодаря случаю узнал, что Н., с которым я познакомился в одном русском пансионе, был героем одной из самых знаменитых эпопей Сопротивления. Он сам никогда мне об этом не говорил. Он ни в какой партии не состоял. Когда началась немецкая оккупация, ушел в подпольное движение Сопротивления. После войны опять сел за руль такси, нигде не выступал, ничего о себе не писал. Таких, как он, было много. Их имена никогда не упоминались в эмигрантских газетах. Но только ли потому, что эти люди держали себя так скромно, эмиграция почти ничего о них не знает? В некоторых кругах о них и не хотели знать. Здесь на участие в Сопротивлении смотрели почти как на измену основному эмигрантскому делу борьбы с большевиками.

В сборнике, посвященном памяти матери Марии, Д.Е. Скобцов рассказывает, как после ее ареста он не встретил участия со стороны эмигрантов, которые могли бы помочь в хлопотах об ее освобождении:

* В «Героях и предателях» В. Гессена, единственной русской книге, посвященной «резистансу», о русских участниках резистанса ничего специально не говорится.

«Остался лишь осадок горечи от людского малодушия и безучастия.

Или вот еще: очень высокое лицо в эмиграции встретило меня словами:

— Язык ей следовало бы подрезать, болтала очень много, — а в дальнейшем разговоре это же лицо сказала: — У меня была оттуда (то есть из дома матери Марии) одна дама, которая сказала, что матери Марии, может быть, и по делом, а вот жалко о. Дмитрия»⁷³⁰.

Некоторые эмигранты даже помогали Гестапо в борьбе с Сопротивлением. В «Вестнике русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления», в заметке, посвященной герою Сопротивления Павлу Зиссерману, упоминается об одном из таких коллаборантов, Войцеховском, впоследствии убитом резистантами:

«22 июня 1941 года Зиссерман был арестован немцами, в числе многих других русских людей, и попал в концлагерь в г. Малинь — это, как во Франции, Компьенский лагерь для русских.

“Фюрер” русской эмиграции в Брюсселе, г. Войцеховский⁷³¹, был служака усердный, мстительный и злобный; он постарался создать в малинском лагере мрачные условия для заключенных, так, чтобы он ничем не отличался от “настоящего” примерного концлагеря в самом Рейхе. Тут было все, что нужно для издевательства: ежедневные избиения, голод, гнусные “капо” — и немцы, и уголовные, — ежeminутно преследовавшие людей. Зиссермана один из этих “капо” особенно облюбывал — верно, почувствовал в нем горячее сердце, а может быть, еще проще, судя по фамилии, принимал за еврея; он его бил, не просто, а каждый день по руке, всегда палкой, со всей силы по той же руке, старался попадать в то же место. Рука постоянно ныла, была вечная боль, слегка стихавшая к ночи, — потом появилась опухоль, рука онемела, стала безобразной...»⁷³²

Но не только коллаборанты смотрели на резистантов как на пособников коммунизма. После того как некоторые русские резистанты взяли советские паспорта, и среди демократической эмиграции, особенно в Америке, распространилось неверное представление, что все русские резистанты были советскими патриотами. В действительности большинство из них были не советскими, а русскими патриотами и патриотами человеческой правды. Вильде, Левицкий, Оболенская и много других начали борьбу с немцами, еще когда у Гитлера был пакт со Сталиным. Зная лично многих резистантов и многих коллаборантов, я глубоко убежден, что будь в Париже не немецкая, а советская оккупация, то очень многие русские участники резистанса против немцев пошли бы в резистанс и против Советов, а из тех эмигрантов, кто сотрудничал с немцами, очень многие

так же бы коллаборировали с большевиками. Не случайно среди лиц, взявших после «амнистии» советские паспорта, бывших коллаборантов было больше, чем бывших резистантов.

Из тех же, кто взял советские паспорта в надежде, что после победы в России наступят глубокие перемены, многие опять перешли на эмигрантское положение. Разочарование переживалось тяжело. Были случаи самоубийства.

В 1949 году в № 6 «Народной правды» было напечатано письмо в редакцию князя С. Оболенского⁷³³, чрезвычайно много объясняющее в трагической повести этих людей, под влиянием вызванного войной патриотического подъема поверивших, что советская власть в ходе войны начала превращаться в русскую национальную власть. Письмо это представляется мне настолько важным свидетельством, что я считаю необходимым привести его полностью:

«Милостивый государь, господин редактор,

Обращаюсь к Вам с просьбой опубликовать на страницах «Народной правды» откровенное высказывание русского человека, эмигранта, в течение трех с лишним лет преследовавшего иллюзию служить России под покровом советской власти, сотрудничавшего ближайшим образом в парижских «Русских новостях» и служившего постоянным переводчиком в Совинформбюро. За 20 лет журналистической деятельности я никогда еще не ощущал такой внутренней обязанности высказаться, как сейчас. Прежде всего, потому, что соблазн видеть в сталинской диктатуре «нормальную русскую государственную власть» не вполне еще изжит частью русской эмиграции, даже не определяющею признаком «советского паспорта». Я заранее допускаю, что, может быть, не все мои точки зрения будут соответствовать установкам Вашего журнала, но думаю, что с Вашей группой меня достаточно сближает основное: вера в живую Россию, которая постепенно находит себя в ходе революции и рано или поздно сбросит с себя путы коммунистической диктатуры.

То, что за рубежом вовлекло в сталинскую орбиту таких людей, как я, это — спекуляция, посредством которой сталинский режим переписал на себя преклонение перед живой Россией, представшей перед миром в подвигах Второй мировой войны. Тогда произошло то, что можно было предвидеть заранее: германская угроза разбилась об органические силы Русской Земли, о глубинные силы русской национальной традиции, и Сталинградская битва дала непревзойденный, но до очевидности традиционный пример исконного «стояния за Землю Русскую». Кроме этих сил, нечего было противопоставить германской опасности, и это было настолько ясно, что уже с 1943 г., с того весеннего дня, когда по советской печати

вдруг прогремело ранее запретное слово “Родина”, сталинский режим, под давлением возраставшей внешней угрозы, начал искать поддержки именно в этих силах, “реабилитируя” старую русскую культуру, “пересматривая” отношение к русской истории, ослабляя антирелигиозные преследования. Тогда режим должен был искать патриаршего благословения для русского оружия и “родительского благословения” для Русской Земли, — в точности по стихам Константина Симонова, кстати, выпавшим из последних изданий:

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих⁷³⁴.

То “великое русское слово”, на защиту которого звала тогда в своих патриотических стихах Анна Ахматова, не было пустозвонным и лживым официальным штампом, а было только таким, каким оно всегда понималось всей настоящей русской традицией и “правыми” славянофилами и “левой” общественностью: свободным творческим выражением свободного народного духа. В эти критические годы, находясь в смертельной опасности, режим должен был прятать подальше свою пресловутую “партийность” и свою мертвую абстрактную диалектику. И когда победоносные русские войска прошли наконец под Бранденбургскими воротами, офицеры армии Жукова, в оккупированной Германии, в беседах, которые тогда могли быть иной раз откровенными, говорили, что два зайца убиты единым махом: устранена германская угроза и кончен зажим партии с ее мертвой догматикой внутри.

Глядя назад, я и сейчас теоретически продолжаю считать, что было бы лучше, если бы в решительный исторический час, в 1945 г., сталинский режим оказался в состоянии переродиться, вполне переключившись на новые рельсы, — как я твердо уверен в том, что своевременную реформу императорского строя следовало бы предпочесть революции. Только теперь это — история, тактические рассуждения о прошлом, не более. И не в том, конечно, трагедия, что в дураках оказалась кучка эмигрантов, уставших от постоянного напряжения, которого требует состояние политического эмигранта; трагедия в том, что была обманута Россия.

Факт ныне общеизвестный: едва миновал кризис военного времени, как режим начал систематически и упорно восстанавливать по всей линии свой ослабевший партийный характер; к рукам прибирали постепенно и в самой России, и здесь. Вспоминаю первое отрезвляющее впечатление, произведенное

на прельстившуюся сталинизмом часть парижской эмиграции: дело Ахматовой-Зощенко, и, в частности, независимую статью, написанную по этому поводу покойным Н.А. Бердяевым, появившуюся в “Русских новостях”⁷³⁵ (в то время коммунистическая реакция только начиналась и просоветская пресса могла еще позволять себе подобные вольности). Составленный в консульстве косноязычный “ответ Бердяеву”, появившийся в “Советском патриоте”⁷³⁶, не мог, конечно, никого убедить; но сравнительная мягкость первоначальной реакции официальных советских кругов еще оставляла некоторую лазейку, позволяя толковать громы и молнии Жданова как “случайный зигзаг”. Того же Бердяева московская печать начала поносить последними словами значительно позже.

Но в этом первом отшатывании от сталинизма, вызванном историей Ахматовой-Зощенко, в той позиции, которую тогда определил Бердяев, наличествовал внутренний порок. Верно то, что коммунизм есть зло, прежде всего, духовное. Но по своей природе — это зло терзает и плоть, и душу России. Бердяев же, со свойственным ему отталкиванием от всего органического и от всякого историзма, усмотрел в отсутствии духовной свободы как бы единственный “недостаток” сталинизма (и в его вышедшей теперь “Философской автобиографии”, где он признает свое “разочарование”, речь опять идет только об этом). Отсюда — вывод, тогда же нашедший подражателей среди советофильствующей эмигрантской интеллигенции: “простые” люди в эмиграции пусть едут в СССР, а мыслителям лучше не ехать, за отсутствием там духовной свободы. Сочувствие страданиям живых людей, страдающих не только в области духа, но и плотью и душой, — это сочувствие, искони являющееся едва ли не самой ценной чертой русской культуры, — делось неизвестно куда. В кругах “умеренно-просоветских” людей можно вздыхать о литературных преследованиях, но говорить о концлагерях неприлично и некультурно.

Лично я, в течение трех лет переводя в Информбюро советскую пропагандную литературу на французский язык, не мог не констатировать, так сказать, “профессионально”, как эта словесность, в которой в 1945 году все же встречались мысли, высказанные человеческим языком, окончательно превратилась в сплошное нанизывание омертвевших казенных формул и клише, в которых переносилась, а часто и прямая бессмыслица немедленно бросалась в глаза при попытке перевести их на иностранный язык. Но иначе и быть не может: сталинский строй идеологически держится на подлоге, облыжно выдавая за выражение русского народного гения свою насильственно навязываемую систему “Государства Разума, основанного на научном социализме”, государства, где “жизнь должна быть

рассчитана по логарифмической таблице, определена молекулярно-атомно-электронными терминами”, по великолепному определению Корякова⁷³⁷.

Пусть нам теперь не говорят, что сталинизм со всеми его приправами нужно принимать “ради государства”. Не таюсь: государственнымником я был и таковым остался, но только на русский манер. Кровавая каша 17-го года меня не прельщает ничуть. Но нужно же понять: почти сто лет тому назад Юрий Самарин, именем русской традиции, пророчески разъяснял Александру II, что механическое единство пруссианизированной николаевской империи может породить лишь бунт и анархию. Не говоря уж о том, что Александр II вполне был в состоянии понять то, что писал Самарин, — даже в худшие периоды старой монархии в ней действовали смягчающие русские силы. Нужно было дожить до советской одержимости немецким “Государством Разума”, чтобы увидеть такой полицейский зажим и такое идолопоклонство, как сейчас, когда сталинизм, после войны, доказал окончательно, что ни на какое смягчение он органически не может пойти. И этот режим, вызвавший массовые сдачи в плен в 1941 г. и непрерывно вызывающий массовое невозвращенство, должен быть сломан для того, чтобы не рухнуло русское государство. Государство будет у нас действительно сильным тогда, когда оно наконец “сольется с народом”.

И вздор, когда “Русские новости”, обходя молчанием то, несусветимое, что творится внутри Советского Союза, все еще силятся выставить советское правительство защитником “государственных интересов России вовне”.

Зазывая эмигрантов “служить родному народу”, режим имел в виду заставить их служить международному коммунистическому империализму. Отсюда — прямое последствие: для новых “граждан”, признавших советскую власть, отрыв их от реальной России стал глубже, чем он был когда-либо. Все их попытки установить отсюда какое бы то ни было общение с какими бы то ни было кругами советской России (кроме кругов административных) упирались в глухую стену. Все свелось, исключительно, к контактам с советскими чиновниками, которые к тому же не проявляют особого рвения “везти на Родину” людей, все же способных сказать что-то лишнее о несоветском мире. Режим, не доверяющий своим собственным ученым, своим собственным писателям, своему собственному офицерству, своему собственному народу, разумеется, не может доверять и своим новоявленным зарубежным “гражданами”, кроме тех, которые дают определенные гарантии по линии МВД.

В 1945 г. я лояльно и честно хотел служить советской власти как правительству моей страны. Но, работая целыми днями в Информбюро, я не мог не

заметить, что для “начальства” французские коммунисты — “свои” в неизмеримо большей степени, чем я. Думал сначала: мало ли что, хоть я и не коммунист и никогда коммунистом не буду, а, может быть, ко мне присмотрятся, что я действительно лоялен. Но постепенно никаких сомнений не осталось — речь с самого начала шла о разных вещах: та лояльность из патриотизма, которую я сдурно предлагал сталинскому режиму, им ни к черту не нужна, а той лояльности коммунистической, которая одна им нужна, я дать не могу и не желаю.

И это как раз сближает меня с теми миллионами русских людей, которых режиму никогда не удастся “перековать”, чтобы быть внутренне с ними, с этими миллионами, я и ушел назад в эмиграцию.

Прошу Вас, принять господин редактор, уверения в моем совершенном к Вам уважении»⁷³⁸.

Подобно большинству эмигрантских сыновей, князь С.С. Оболенский не был до войны демократом. Он состоял в партии младороссов. Я уже говорил о «климатах мнений» среди довоенной эмигрантской молодежи. Так же, как и во всех других движениях этой молодежи, главным в идеологии младороссов были: патриотизм, понимание Русской правды как социального раскрытия христианства, опасное увлечение фашистским корпоративным строем и еще более опасная неясность в отношении к идеалу демократии. Именно эта неясность и объясняет, почему Оболенский мог взять советский паспорт, когда поверил в оптический обман национализации советской власти. Только увидав вблизи советскую администрацию, он понял значение свободы, не одной только духовной свободы, о которой говорил Бердяев, а «формальной», правовой свободы, которую Бердяев так презирал, но без которой гибнет и духовная свобода. Другие молодые эмигранты начали это понимать, столкнувшись с администрацией немецкой. В этом был главный урок войны и всего, что война открыла о природе тоталитарных обществ.

Послесловие

Во время войны центр культурной и общественной жизни эмиграции перемещается из Парижа в Нью-Йорк. Здесь теперь выходят «Социалистический вестник»⁷³⁹ и продолжение «Современных записок» — «Новый журнал», созданный М.А. Алдановым и М.О. Цетлиным; «Новое русское слово», пополнившись рядом сотрудников «Последних новостей», начинает приобретать в эти годы свой теперешний характер самой большой эмигрантской газеты и свободной трибуны для всех — кроме самых крайних — оттенков эмигрантского общественного мнения. Возникают и совсем новые литературные начинания. В связи со статьей Г.П. Федотова о «парижской школе» я упоминал уже о «Ковчеге». Под редакцией талантливой поэтессы Софьи Прегель выходил тут журнал «Новоселье»⁷⁴⁰, уделявший «молодым» писателям столько же места и внимания, как и старшим.

Во Франции под немецкой оккупацией жизнь замерла, ушла в подполье. После освобождения в Париже как будто началась новая весна. Выходят «Русский сборник», «Встреча», «Орион»⁷⁴¹. Но литературный круг трагически поредел: многие погибли, многие уехали, у оставшихся, у выживших уже не было прежних сил. Все яснее определялись глубокие изменения в жизни зарубежной России. Один за другим уходят последние отцы. В то же время состав эмиграции пополняется массой невозвращенцев и послевоенных беглецов, людей, выросших совсем в других социальных условиях, чем старые эмигранты. Представители этой новой эмиграции выдвигаются на авансцену общественной и литературной эмигрантской жизни. Первые книги, выпущенные Издательством имени Чехова, — книги «новых»: «Тайга» С. Максимова, «Летчики» С. Малахова и «Враг народа» С. Юрасова⁷⁴². Кроме этих трех писателей, получивших не только среди Ди-Пи, но и в старой эмиграции признание гораздо более широкое, чем кто-либо из прежних «молодых» писателей, нужно отметить еще целый ряд прозаиков, поэтов и публицистов, вышедших из среды новой эмиграции: Ольга Анстей, Юрий Галь, Глеб Глинка, Иван Ела-

гин, Юрий Елагин, П. Ершов, В. Завалишин, В. Каралин, Д. Кленовский, М. Коряков, И. Легкая, Вл. Марков, Н. Моршен, Н. Нароков, Л. Ржевский, Ю. Трубецкой, Н. Ульянов, Б. Филиппов и много других.

В заключительной главе своей книги «Встречи»* Юрий Терапиано говорит: «Началась новая эпоха в эмиграции, прежняя окончилась. Вновь пришедшие поэты и писатели создадут свою атмосферу, по-своему ощутят воздух эпохи»⁷⁴³.

Эта атмосфера, несомненно, будет совсем другой, чем атмосфера литературы поколения эмигрантских сыновей. Тут дело не только в разной школе и в разном понимании задач литературы, а в глубоком различии всего жизненного и духовного опыта. В то время как уделом эмигрантских сыновей были одиночество и устраненность, новые эмигранты — люди, вырвавшиеся из-под власти экспериментаторов тотальной социализации всей жизни. Здесь можно говорить о разнице почти такой же, как между существами, родившимися на разных планетах, под разным воздушным давлением. Но, может быть, в самом последнем итоге различие окажется не столь уж разительным. Одна из самых значительных и волнующих книг, написанных людьми этой новой эмиграции, названа ее автором, М.М. Коряковым, — «Освобождение души»⁷⁴⁴. Но не к этой ли последней цели, только в других условиях и в борьбе с другими препятствиями, были направлены и усилия эмигрантских сыновей? Вот почему теперь, на повороте дороги, прежде чем продолжать путешествие, стоит оглянуться назад.

Беспочвенность, отверженность — и все-таки «русские мальчики» сохранили на чужбине верность русской идее. Они с честью выдержали экзамен на гражданство вечной России. Но с экзаменом идеологическим дело обстояло хуже: срывались то в фашизм, то в советский патриотизм. Об этих провалах я рассказывал не в суд и не для злорадных разоблачений. Я был свидетелем зарождения идейных движений эмигрантской молодежи. Ошибки их участников всегда были ошибками суждения, а не ошибками сердца. Они не знали, что общий им всем идеал русской Правды и социального раскрытия христианства не осуществим без «формальной» демократии и правовых гарантий. Да и откуда им было это знать? Ведь их воспитывали в презрении к западной демократии.

Я уже об этом говорил: давняя война «славянофильства» и «западничества» была перенесена в эмиграцию и разгорелась здесь еще пуще. На демократическую интеллигенцию, «сделавшую» революцию, возлагалась теперь от-

* Издательство имени Чехова.

ветственность за гибель России. Поскольку интеллигентское мировоззрение было плодом западного просветительства, критика его в эмиграции повторяла темы романтической реакции. Эмигрантские штаббрианы, отвергая рационализм и наивный оптимизм просветительства, не почувствовали евангельское происхождение провозглашенного им идеала свободы, равенства и братства. Да что там просветительство! Уже Фома Аквинат «капитулировал» перед Аристотелем! Отсюда секуляризация всей культуры Запада: морали, искусства, права, науки, философии. Западная демократия тоже плод секуляризации, она, видите ли, не признает абсолютной истины! А Россия не знала отступления веры перед «естественным разумом». В России отпадение культуры от церкви было привитой извне болезнью. Чтобы излечиться от этой болезни, нужно вернуться к допетровскому русскому мировоззрению. Только тогда Россия не только сама спасется, а и Западу укажет путь спасения. Вера в призвание России сказать миру новое спасительное слово не только не была заглушена ужасом перед большевистской революцией, а, наоборот, разгорается в эмиграции с новой силой. В страданиях русского народа видели залог его мессианского избрания.

Критика «просветительства» была бы плодотворна, не обернись она в «Новом средневековье» Бердяева огульным осуждением всей западной демократической и научно-технической цивилизации, основанной на «компромиссе» между религией и просветительством.

Вслед за Бердяевым отвергли этот «компромисс» евразийцы, а за евразийцами и другие пореволюционные течения. Противопоставляя механистической и материалистической метафизике французских «философов» XVIII века примат духа, они проглядели, что демократия и научный машинизм были порождены христианством, той тенденцией христианства, которая подавлялась средневековым мироотрицающим аскетизмом. Они не допускали, им и в голову не приходило, что эти две тенденции, противоречие между которыми им было так очевидно, на самом деле развил одной и той же первоначально единой тенденции и что для возрождения христианства во всей его полноте необходимо «сотрудничество» этих двух в действительности дополняющих друг друга тенденций. Когда одна из них приводит к краю катастрофы, маятник откачивается, и тогда другая в свою очередь стремится занять все место. Но чтобы осуществлялся прогресс, недостаточно качания маятника, а нужно знаменитое «развитие по спирали»: победившая тенденция должна воспринять все ценное, что было достигнуто во время господства первой тенденции.

Я уже говорил об открытом Бергсоном таинственном взаимоотношении: мистика «призвала» механику. Теперь механика выполнила свою задачу. Научный машинизм открыл перед человечеством дорогу к победе над материальными препятствиями. Но как сделать, чтобы люди воспользовались своим новым могуществом для освобождения, а не для взаимного истребления? Для этого нужны, — говорит Бердяев, — новые резервуары энергии, на этот раз моральной. Теперь уже «механика призывает мистику».

Эмигрантская религиозная мысль прошла мимо сделанного Бергсоном открытия. Она тоже утверждала необходимость духовного возрождения, и в этом была ее правда, но мистика и механика представлялись ей двумя антагонистическими началами, никакого сотрудничества между которыми не может и не должно быть. Это привело к губительным последствиям. Была повторена ошибка свободолюбивого вначале славянофильства: русский народ, в отличие от западных народов, живет, дескать, не по «внешней», а по «внутренней правде» и поэтому не нуждается в правовых гарантиях. Еще трагичнее было необъяснимое заблуждение Бердяева. Вдохновенный глашатай свободы и верховной ценности личности, он был в то же время непримиримым врагом либеральной демократии. Он говорил: демократия основана не на истине, а на формальном праве избирать какую угодно ложь. Бердяев забывал при этом, что либеральная демократия начинается с императивного, как в Евангелии, утверждения абсолютной ценности личности и ее неотъемлемых прав: правовое государство — самая сущность демократии. Правда, демократия защищает политический релятивизм, но ведь политический релятивизм это совсем не то же самое, что философский релятивизм. Зачем же смешивать? Именно для того, чтобы дать абсолютному утверждаться в области абсолютного, нужно утверждать релятивизм в политике, то есть в области релятивного, относительного. Всякое другое решение ведет к тоталитаризму. Бердяев не хотел этого видеть и учил, что либерализм есть извращение принципа свободы и означает на практике уничтожение реальной свободы личности во имя формальной, отвлеченной свободы. Он дошел даже до априорного, ни на каком опыте не основанного вывода, что свобода и права могут осуществляться в обществах недемократических в большей мере, чем в демократиях. Все это толкало на покатый и опасный путь, на котором поскользнулось немало эмигрантских молодых людей.

Страшный опыт показал, что отречение от «формальной» демократии всегда ведет не к победе «внутренней правды», а к полному отрицанию христианства и к торжеству или просветительства, но теперь уже в крайней, марксист-

тской его форме — «религия — опиум народа», или нового язычества, культа крови и земли. И в России, и в Германии место отвергнутого «компромисса» занял чудовищный тоталитарный строй. Потребовался апокалипсис Второй мировой войны, чтобы все увидели: у человечества нет другого выбора — или либеральная демократия, или тоталитаризм, нечеловеческий мир концлагерей, террора, принудительного труда и принудительных идей и чувств. Война показала также, что демократия оказалась наиболее устойчивой как раз в странах, где настольными книгами были Библия и трактаты Джона Локка. Так идеологи американской революции определили кальвинизм Новой Англии и просветительство джефферсоновской Вирджинии. В наше время исполнилось пророчество Вашингтона: «От судьбы американского общества зависит сохранение священного огня свободы»⁷⁴⁵. Преобразованная Рузвельтом Америка оказалась достаточно сильной и великодушной, чтобы спасти всю демократическую Европу. Казалось бы, благодарить за это судьбу. Так нет же, именно на Америке сосредотачивается критика отрицателей основоположного для демократии сотрудничества религии и просветительства.

Христианство-де искажено в американской цивилизации отказом от аскетизма и приспособлением к новой естественнонаучной космологии;

в вероучении либеральных американских протестантских групп осталось слишком мало божественного, чудесного и трансцендентного;

социальная обязательность формального конформизма привела к развитию показной и лицемерной набожности. В воскресенье американский лавочник идет в церковь в невозмутимой уверенности, что между его верой в свободную борьбу за существование по Дарвину и христианским идеалом нет никакого противоречия;

Америка — это страна «Мэйн Стрит» и Баббита⁷⁴⁶, и американская культура и есть та «массовая культура», которую с легкой руки Ортега-и-Гассет не критиковал только ленивый. Это — кока-кола, чуть ли не официально принятый фрейдизм, синтетическое сентиментальное и вульгарное искусство Холливуда и телевидения, и наивная иллюзия, что технологический разум способен организовать не только промышленность, но и всю социальную и духовную жизнь человечества.

С другой стороны, в этом компромиссе искажено и просветительство — утратив свой резкоантихристианский характер, оно утратило и свой героический революционный динамизм. Вера в скорый приход демократического тысячелетия была подменена идеей постепенных и осторожных законодательных

преобразований. Но, в действительности, не демократические реформы, а только война и производство орудий уничтожения вывели Америку из хозяйственного и социального кризиса, и не только Сов. Россию, но и Америку экономическое положение подводит к новой войне как к единственному ответу на неразрешимые вопросы.

Если даже признать верность отдельных утверждений этой критики, по большей части слишком доктринерской и снобистической, нельзя не видеть, что, несмотря на все свои недостатки и опасности, демократическая американская цивилизация создала общество более свободное, более справедливое и более открытое для социального прогресса, чем какое-либо другое исторически известное общество, не считая британских и скандинавских стран, как и Америка, основанных на компромиссе просветительства и церковного христианства. Огромные реформы, произведенные Рузвельтом, явились настоящей бескровной революцией. В первый раз в истории человечества голод и нищета были почти полностью устранены и средний жизненный уровень поднят на неслыханную прежде высоту. Все это было достигнуто без нарушения социального мира, без насилия и террора и без того подавления свободы, которое в тоталитарных странах привело к умиранию творческой мысли. Америка, о которой рассказывали в 20-х годах американские «лишние люди», бежавшие с Мэйн Стрит на левый берег Сены, уже ушла в прошлое, и нужна действительно близкая к безумию степень максимализма, доктринерства, снобизма и недомыслия, чтобы ради какого-то утопического абсолютного совершенства отречься от этого, пусть и неполного, но реального осуществления свободы и справедливости. Мы знаем теперь, что на смену демократическому компромиссу приходит не «царство свободы» и не «рай на земле», а нечеловеческий мир концлагерей, и поэтому нужно благодарить Бога, что Америка, спасенная Рузвельтом от социальной катастрофы, оказалась достаточно могущественной и великодушной, чтобы спасти и всю демократическую Европу. Без Америки европейские демократии, с их неспособностью принимать быстрые решения, раздираемые глубоким социальным кризисом и борьбой партий, давно были бы поработаны национал-социализмом или большевизмом, сильными единой волей, совершенной дисциплиной и псевдомистическим завоевательным духом.

Значит ли все это, что нужно совсем отказаться от критики цивилизации демократического Запада? Нет, конечно. Апокалиптические войны и революции XX века слишком трагическое и убедительное свидетельство, что не все

в этой цивилизации благополучно. В чем же главная причина современного кризиса всех социальных, политических и международных отношений? Я уже говорил об открытом Бергсоном таинственном взаимоотношении: мистика «призвала» механику. Теперь механика выполнила свою задачу. Научный машинизм открыл перед человечеством дорогу полной победы над материальными препятствиями. Но как сделать, чтобы люди воспользовались своим новым дивным могуществом для освобождения, а не для взаимного уничтожения? Нужны, говорит Бергсон, новые резервуары энергии, на этот раз — моральной. Теперь уже механика «требует» мистики.

В сознании необходимости духовного возрождения была правда главного течения эмигрантской мысли. Приведу прекрасные слова проф. В. Зеньковского: «если развитие науки создает уверенность в себе, чувство власти над “слепой” природой, то в сердце живет трепет перед Вечностью, перед бренностью всего земного, сердцу нужно бессмертие, вечная жизнь. Сердцу нужен Бог, как Любовь и Правда, нужно Царство Божие»⁷⁴⁷. Правильно было и чувство, что «русская идея», русская религиозность и великая русская литература являются неиссякаемым источником христианского вдохновения, необходимого для этого возрождения. В чем же была незаметная поначалу ошибка при переводе стрелки, приведшая многих эмигрантов к срыву в фашизм или большевизм. Я говорил уже об этом. В увлечении критикой механистической и материалистической метафизики крайнего просветительства они проглядели, что демократия и машинизм рождены христианством, теми его тенденциями, которые не находили себе места в слишком схоластическом и пессимистическом мирозерцании позднего средневековья. Другими словами, они не поняли, что для возрождения христианского идеала во всей его полноте необходимо вовсе не огульное осуждение того компромисса организованной религии и просветительства, на котором основана западная демократическая цивилизация, а, наоборот, углубление этого компромисса до настоящего воссоединения двух противоположных как будто, но на самом деле дополняющих друг друга тенденций христианства.

Я знаю, как трудно воспринимается эта мысль. Между тем опыт показал, что отказ от демократии всегда приводит не к возрождению христианства, а к полному его отрицанию и к торжеству просветительства, но тогда уже в самой крайней большевистской его форме — «религия — опиум для народа», или, в соединении с новым язычеством, как в нацистском культе расы и государства. И в Германии, и в России этот отказ от западного «буржуазного»

компромисса привел к созданию чудовищного тоталитарного строя, одинаково противоположного и христианству и демократическому идеалу подлинного просветительства.

Но не будет ли признание необходимости этого «компромисса» отказом от морального максимализма русского сознания? В эмиграции особенно было принято подчеркивать все сближавшее русскую религиозную мысль с средневековым христианством. Одни — общественники-позитивисты — видели в этом признак ее схоластичности и отсталости, другие — русские мессианисты — залог того, что она укажет выход из духовного тупика, в который завела Запад гуманистическая и рационалистическая традиция.

Именно в таком стилизованном виде русская идея преподавалась эмигрантским сыновьям. Ни о каком компромиссе не могло тут быть и речи. На самом же деле, начиная с Соловьева, многие русские религиозные мыслители, вовсе не менее оригинальные и русские, чем евразийцы и мессианисты, понимали, что реакция против материализма и позитивизма не должна превращаться в реакцию против евангельского по своему происхождению реформаторского замысла просветительства и будет спасительной и созидательной, только если примет и сохранит этот замысел и все доброе, что было достигнуто в борьбе за его осуществление. В русских условиях это означало попытки примирения правд двух враждующих лагерей русской интеллигенции. Эти попытки продолжались и в эмиграции. За исключением Бердяева, все главные участники «Нового Града» — Булгаков, Федотов, Фондаминский, Степун, Вышеславцев, Лосский — были защитниками «формальной» демократии. В соединении этой верности декларации прав человека и гражданина с русским религиозным сознанием и было главное значение «Нового Града».

Я чувствую, что меня легко обвинить в упрощении и снижении темы. Как, после всех пророческих и гениальных русских разговоров о Боге, о правде, о слезинке ребенка, о Царствии Божьем на земле, напоминать о каких-то юридических гарантиях, о правовом государстве, о чем-то, может быть и полезном, но плоском и скучном, а главное, несвойственном русской душе?

И вовсе не обязательно эта вера в «субстанцию» демократии и борьба за нее будут означать снижение русской идеи. Я уже ссылался на имена Соловьева и новоградцев, для которых ценности, защищаемые современной демократией, были вечными ценностями, входящими «в самую идею Царства Божья». Тем, кого эти имена не убеждают, мне хочется напомнить еще одно имя. Это великое и бесспорное имя — Пушкин.

«Пушкин первый цельный выразитель нашей сущности»⁷⁴⁸, — скажет Аполлон Григорьев. Каждый русский инстинктивно и безошибочно знает, что Пушкин больше всех других великих русских деятелей — живой камень, на котором всегда будет стоять русская культура. Но, мудро храня культ Пушкина, помнила ли эмиграция, что в Пушкине наиболее полное выражение русского национального гения неразрывно соединялось с духом, создавшим демократический Запад, духом Возрождения и Просветительства, столь ненавистным эмигрантским почвенникам и мессианистам, считавшим три века европейской научной революции чем-то вроде второго грехопадения. А между тем, может быть, именно в этой двухсторонности Пушкина и заключалась та завещанная им тайна, о которой говорил Достоевский и которой не могли разгадать ни славянофилы, ни западники.

Но можно ли назвать Пушкина демократом? В статье «Закон и свобода» А.А. Гольденвейзер убедительно показал, что в основе общественного мировоззрения Пушкина лежали две идеи, составляющие самую сущность демократии, — «идея Закона (то есть того, что мы называем господством права или правовым строем) и идея Свободы (то есть гарантий прав личности)».

Вот знаменательная выдержка из этой небольшой, но чрезвычайно важной работы Гольденвейзера:

«В статье “Джон Теннер”, написанной в 1836 году для “Современника”, Пушкин упоминает о “славной книге Токвиля”. Очевидно, ему было знакомо вышедшее незадолго перед этим знаменитое произведение Токвиля “Демократия в Америке”. Воспитанный на политических идеях XVIII века, Пушкин — так же как обличитель тиранов Вольтер и как друг свободы Шиллер, — не мог иметь то представление о демократии, которое установилось лишь во второй половине XIX столетия. Но не остаются ли Закон и Свобода, которые воспел Пушкин, донныне тем идеалом, к которому должна стремиться истинная демократия?»⁷⁴⁹

Г.П. Федотов тоже говорил, что «свобода, столь обаятельная для Пушкина и его современников, есть дитя XVIII века, как французской революционной, так и германской гуманистической его традиции». Свою статью о Пушкине, «Поэт империи и свободы», Федотов заканчивает словами, обращенными ко всей эмиграции:

«Никогда сознательно Пушкин не переходил в стан врагов свободы и не становился певцом реакции. В конце концов кн. Вяземский был совершенно прав, назвав политическое направление зрелого Пушкина “свободным консерватизмом”. С именем свободы на устах Пушкин и умер: политической свободы в

своем “Памятнике”, духовной в стихах к жене о “покое и воле”. Пусть чаемый им синтез империи и свободы не осуществился — даже в его творчестве, еще менее в русской жизни; пусть Российская империя погибла, не решив этой пушкинской задачи. Она стоит и перед нами, как перед всеми будущими поколениями, теперь еще более трудная, чем когда-либо, но непреложная, неотвратимая. Россия не будет жить, если не исполнит завещания своего поэта...»⁷⁵⁰

Статья эта была напечатана впервые в «Современных записках» в 1937 г. Уже нет в живых самого Г.П. Федотова. С каждым годом круг людей, продолжавших в эмиграции дело защиты русской свободы, трагически сужается. Отцы умирают. Ответственность за сохранение памяти о пушкинской задаче переходит к эмигрантским сыновьям и к новой эмиграции.

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ
«НЕЗАМЕЧЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ»

Г.Я. Аронсон

Новый журнал. Книга 41

[Отрывок]

<...>

...Статьи в отчетной книге чрезвычайно разнообразны по теме, очень содержательны и порой талантливы. Таковы статьи А. К-го, Т. Манухиной, В. Варшавского, Д. Чижевского, Евг. Жукова в первую очередь⁷⁵¹.

<...>

Статья Вл. Варшавского «Незамеченное поколение» написана не только талантливо, но и от сердца. О парижской школе, о своих сверстниках-писателях и поэтах он пишет с трогательной теплотой и задушевностью. Варшавскому удалось во многих отношениях воссоздать атмосферу литературного Парижа, и нужно приветствовать выход в свет подготовленной им к печати новой книги. Однако эта общая оценка не исключает ряда недоуменных вопросов: почему это поколение литературной молодежи — «незамеченное»? Ведь ряд писателей и поэтов из числа наиболее талантливых получили признание. А жалобы на судьбу, на эмигрантские трагедии, на одиночество, — когда и где их не было?

<...>

М.Л. Слоним

«Незамеченное поколение»

Под этим заглавием В. Варшавский поместил в последней книге «Нового журнала» отрывок из готовящейся к печати книги о русских духовных течениях за рубежом. Будем надеяться, что книга эта скоро появится: у нас много говорят об эмиграции, но неохотно печатают материалы об ее литературе и быте. А между тем воспоминания и критические суждения тех, кто сам был участником культурной и политической жизни эмиграции, представляют большой интерес и для рядового читателя и для историка.

Автор «Семи лет»⁷⁵² — одного из самых правдивых и ярких документов эпохи 1938–1945 гг., В. Варшавский на этот раз дает характеристику парижских поэтов и прозаиков тридцатых годов: он пишет об этих своих современниках с большим литературным талантом, взволнованно и искренне. Статья его тем более ценна, что она спорна и поэтому вызывает ряд возражений. Я остановлюсь на двух-трех пунктах, которые показались мне особенно сомнительными.

Основная мысль Варшавского сводится к тому, что писатели, сложившиеся в эмиграции и по традиции называвшиеся за последние тридцать лет «молодыми», хотя боль-

шинству сейчас перевалило за пятый десяток, — были обречены на одиночество, отверженность и бедность и что эмиграция прошла мимо них. Речь идет о тех, кто попал в эмиграцию детьми и подростками, не получив литературной зарядки на родине, и приобщились к писательскому труду уже в Европе. Отцы и старшие братья не обратили на них внимания, не поддержали, не заметили их, и они зачехли в атмосфере пренебрежения, нужды и даже враждебности. Автор так усиленно на этом настаивает, что создается впечатление, будто главными причинами, помешавшими молодому поколению эмигрантов утвердить свои собственные художественные ценности, были материальные лишения и отсутствие внимания со стороны отцов и сверстников.

Мне кажется, что тут Варшавский совершает двойную ошибку: во-первых, категоричность его утверждения нуждается в значительных поправках, а во-вторых, он придает слишком большое значение побочным, а не основным причинам. Если целое поколение оказалось раздавленным историей, то объяснение его неудачи следует искать не в бедности и равнодушии отцов, а гораздо глубже. Уклоняясь от серьезного анализа той обстановки, в которой развивалась эмигрантская литература, Варшавский невольно искажает «перспективу» и впадает в странные преувеличения. (Так, пересказ газетной заметки превращается у него в «один из самых важных текстов не только эмигрантской, но и всей русской литературы»⁷⁵³).

Я совсем не собираюсь отрицать губительного влияния бедности на творчество эмигрантских или вообще писателей. Как и Ходасевич, с которым мне приходилось не раз беседовать на эту тему, я всегда возмущался лживой и лицемерной формулой, согласно которой поэтам и художникам очень полезно голодать. Но я не думаю, что эмигрантская молодежь обладала монополией на бедность и находилась в особом положении. Она разделяла судьбу своих семей, и ее борьба за существование, хотя и очень тяжелая, мало отличалась от того, что приходилось, напр<имер>, переживать молодым поэтам и прозаикам в Советской России двадцатых годов. Кроме того, эмиграция по своему составу никак не была однородной. Ее литературная молодежь в значительной части принадлежала к кругам обеспеченной буржуазии. В монпарнасских кафе, от Куполя до Наполи, обычно встречались люди, нужды не испытывавшие, и это были не только «старшие» — Адамович, Иванов, Одоевцева, — но и Фельзен, Берберова, Вейдле, Оцуп, Манделштам, Браславский, и многие другие, упоминаемые в статье Варшавского. И, несмотря на все житейские трудности, в категорию голодавших нельзя было зачислить М. Струве, Кнута, Кузнецову, Гингера, Смоленского. Очень бедствовал Поплавский, тяжело жилось Божневу, Сосинскому, Андрееву, но «молодые» не были исключением: я хорошо помню, в какой тягостной нужде жила Марина Цветаева. Повторяю: в материальном отношении молодые эмигрантские писатели не выходили из общего эмигрантского правила, никакой специальной группы не составляли, и поэтому выделять их бедность, как решающий фактор, никак невозможно.

Варшавский мог бы сказать другое: молодежь не могла существовать на литературный гонорар и поэтому принуждена была искать работы в самых разнообразных областях — от водительства легковых машин до службы в бухгалтерии. Но и здесь положение молодежи ничуть не отличалось от положения стариков (за немногими исключениями). Если бы широкая публика знала правду о тиражах книг — не только молодых, но и самых

знаменитых эмигрантских писателей, то стало бы ясным, что пером зарабатывали только журналисты, газетные сотрудники. Старые писатели с крупными именами либо получали финансовую поддержку от друзей, либо — в редких случаях — зарабатывали на переводах и иностранных изданиях.

Столь же шаткими кажутся утверждения Варшавского о том, что эмигрантскую молодежь «не заметили». Если идет речь о борьбе отцов и детей, то ведь это явление обычное и распространяется оно далеко за пределы эмигрантской действительности, у каждого поколения своя правда, и утверждать ее приходится, преодолевая сопротивление отцов. В качестве доказательства отверженности и одиночества «незамеченных» Варшавский вспоминает, что родной отец Поплавского не знал стихов сына⁷⁵⁴. Но ведь и отец Андрея Белого, профессор Бугаев, тоже не признавал стихов сына⁷⁵⁵ — как не признавали тысячи родителей во всех странах мира талантливых произведений своих детей.

Вопрос не в том, что «не заметили», а в том, что в эмиграции была очень ограниченная аудитория, что не хватало читателей, что не было литературного воздуха, что не удалось создать литературной среды, что за рубежом преобладала — и политически и художественно — русская провинция, консервативная и ленивая, что количественно эмиграция неизбежно шла на убыль и что искусством интересовался очень узкий круг людей.

Но в этом узком кругу молодых писателей читали и обсуждали, и утверждение Варшавского, будто их «не заметили», кажется мне фактически неправильным. Опять-таки, я не говорю о разладе с отцами, в котором не было ничего особого, специфически эмигрантского.

Я хорошо помню, как в конце 20-х и начале 30-х годов мы боролись за то, чтобы привлечь внимание публики к молодым писателям.

Мне не хотелось бы говорить о себе, но так как Варшавский укоряет меня в пренебрежении к молодым писателям, я считаю нужным напомнить ему некоторые факты, которые он, вероятно, отлично знает, но о которых почему-то предпочел умолчать. Начиная с 1925 года ежемесячный журнал «Воля России», где я заведовал литературным отделом, поставила своей задачей печатать именно молодых, — благодаря нашим усилиям читателям стали известны стихи Поплавского, рассказы Газданова и стихи и проза многочисленных парижских, берлинских, белградских и иных писателей, включая антиподов — А. Несмелова, жившего в Китае, и Ю. Иваска, жившего в Эстонии. «Воля России» открыла молодым дорогу в другие периодические издания, включая и типичный орган «отцов» «Современные записки». Всякий раз, как мне приходилось руководить каким-либо изданием, (напр[имер], «Новая газета»⁷⁵⁶), я тотчас же привлекал к сотрудничеству «молодых», а созданное мною в 30-х годах в Париже объединение «Кочевье» не только состояло из «молодежи», но и большинство своих ста лекций и собраний посвятило творчеству молодых эмигрантских писателей⁷⁵⁷. Я написал о молодых писателях множество статей не только в русской, но и в иностранной печати. Говорю о себе, но ведь были и другие, делавшие столько же или гораздо больше. Варшавский справедливо воздает должное Адамовичу и Ходасевичу, но он забывает упомянуть, что писатели старшего поколения тоже заботились о смене: вспомним Осоргина и особенно Ремизова, выпестовавшего целую группу молодых прозаиков.

Мало того, если перечислить все сборники, журналы, газеты и отдельные издания довоенного периода, то станет ясно, что, несмотря на все трудности, эмигрантским молодым писателям удалось «выразить» себя печатно и обратить на себя серьезное внимание эмигрантской общественности. Я не говорю уже о поэтах: почти все они выпустили свои сборники и помещали свои произведения в периодической печати, — но и прозаики тоже напечатали изрядное количество книг. Конечно, многие из них издали далеко не все свои произведения, и я все надеюсь, что, напр[имер], самый блестящий из них, Сирин-Набоков, опубликует что-нибудь не в переводе с английского, но я сомневаюсь, чтоб в эмиграции имелись какие-нибудь неведомые шедевры в рукописях, как об этом наивно мечтает Варшавский. Дело не в том, что кого-то обошли или не заметили или не дали возможности полностью высказаться, а в том, что поколение, о котором пишет Варшавский, не выдвинуло крупных писателей, и произведения «молодых», за очень редкими исключениями, не вызвали отклика, не создали литературного движения, не пробудили к жизни учеников и последователей. И дело тут не в количестве и не во «внимании», а в качестве.

«Молодые» писатели до сих пор страдают юношеским самомнением и самолюбием: они очень довольны, когда критикуют именитых, вроде Алданова, но обижаются, если те же требования художественного качества предъявляются к их собственным произведениям. К сожалению, критик и историк литературы не может отказаться от своего права разбирать и обсуждать не только замысел романа или поэмы и условия, в которых они написаны, но и их окончательное воплощение. Он судит не желания художника, а творческие результаты. Исторически и по человечеству чрезвычайно интересно знать, в каких условиях, преодолевая какие трудности, испытывая какие страдания, творили молодые писатели в эмиграции. Но они останутся «замеченными» только в том случае, если их творческие достижения достойны внимания. И именно об этом следовало бы разговаривать и спорить эмигрантским критикам.

Е.Д. Кускова

О незамеченном поколении

Памятка

1

Когда в № 41 «Нового журнала» я прочла статью В. Варшавского «Незамеченное поколение», сразу же хотелось на нее откликнуться: очень уж волнующая тема. Потом решила, что «заметить» эту статью должны прежде всего знатоки поэзии и литературы, они правильнее решат, чего именно не заметили.

Разобрал жалобы В. Варшавского именно знаток литературы, М.Л. Слоним («Нов[ое] рус[ское] слово», 31 июля). Он протестует против того, что эмиграция не заметила «молодых талантов», не дала им ходу и что жили они — вернее чахли — в атмосфере пренебрежения, нужды и даже враждебности. Я жила — как и М.Л. Слоним — вместе с этим поколением и многих из них знала лично. Что жили они в нужде — это верно. Достаточно прочитать анкету покойного редактора «Соврем[енных] записок», неутомимого заботника

о детях, школах, общежитиях, — Вадима Викторовича Руднева, — «Дети эмиграции»^{*758}, чтобы вспомнить, как это было. Условия часто были ужасающие, но не только у детей, но и у их родителей: скученность жилищ («негде книжку и тетрадку разложить»), недоедание и — самое главное — беспризорность. Родители были заняты работой из-за куска хлеба (шоферы, фабричные рабочие, поденщицы-матери, портнихи...), а кто будет смотреть за детьми и кто их вообще будет воспитывать?

«Нормальное явление, пишут в анкетах, что воспитанники эмигрантских школ 12–13 лет летом работают где-нибудь с целью заработка. Работы, которые выполняют учащими, самые разнообразные: на фабриках и шахтах, на постройках шоссе, на земляных работах и т.д. Вернее сказать, нет такой работы, где бы не было этих учеников. Оплата труда очень низкая. Проработав каникулы, воспитанники едва имеют возможность одеться (Болгария). Дети, находясь в школах, отыскивают себе посторонние заработки. Дети старших классов — чисто физическим трудом, а младшие, напр[имер], участием в гастрольных представлениях, в кордебалете или в качестве фигурантов. Последствием является преждевременное истощение организма, кроме того, упадок нравов (Сербия). Есть фабрики (напр[имер], фабрики кружев и шелковых лент), где иногда детский труд оплачивается выше труда взрослых, ибо ценится большая ловкость детских пальчиков и лучшее зрение детей. Увы!.. через 2–3 года зрение у детей слабеет (Венгрия). Мальчики-разносчики газет должны являться в редакции в 5 ч[асов] утра. Ученики, служащие приказчиками, готовят уроки у прилавка. А так как это запрещается, то урок выписывается на длинную полоску бумаги, которая прикалывается к внутренней стороне борта пиджака. Украдкой читают. (Польша)».

Это еще самое «невинное» в анкете, а есть вещи и похуже...

На летних работах дети грубеют, курят, пьют водку, ожесточаются. Под влиянием среды и рано начавшейся борьбы за существование и тяжелой нужды, молодежь грубеет, более сильные — *озлобляются*, более слабые — *впадают в отчаяние*...

Вот из этого поколения детей должны были вырасти поэты и беллетристы. Они и выросли... А где же родина для них?

Образ далекой родины большинству эмигрантских детей известен лишь по преданию отцов и из книг.

Конечно, были и дети состоятельных родителей. Но в массе своей, пока семьи бежавших не устроились и не осели где-нибудь прочно, участь детей была самая плачевная.

Ну и что же, эмиграция равнодушно смотрела на эти страдания будущих «борцов» за Россию? Нет, как раз на этой почве были просто самоотверженные работники. Сам автор анкеты, редактор «Сов[ременных] записок», — д-р В.В. Руднев, проф. С.И. Гессен, незабвенная А.В. Жекулина, проф. А.Л. Бем, — организации Земгора, члены Педагогического бюро (в Праге)⁷⁵⁹, Христианский союз молодых людей делали все что могли, чтобы вытащить детей из этого омула нужды, дать им образование, поднять их нравственность и искоренить озлобленность и отчаяние. Они насаждали школы, организовывали лагеря,

* «Условия жизни детей эмиграции», кн. 26 «Русской школы за рубежом», Прага 1928.

воспитывали бой-скаутов* и т.д. Сейчас с ужасом вижу, что все эти замечательные борцы с детским горем – уже в могилах... Но «дух» несчастного детства все же поража́л души, – всех спасти было нельзя.

Спать. Уснуть. Как страшно одиноким.
Я не в силах. Отхожу во сны
Оставляю этот мир жестоким,
Ярким, жадным, грубым, остальным.

(Поплавский)⁷⁶⁰

2

Все-таки и в этой атмосфере выросли поэты и писатели. Теперь г. Варшавский говорит, что их — не заметили. Какая досадная неправда... Их очень даже заметили. М.Л. Слоним правильно говорит, сколько труда положил он сам, чтобы дать увидеть свет их произведениям. Потом М.А. Осоргин, все жаждущий поднять их творчество, облагородить темы, приобщить к традициям русской литературы. Труднее было с такими газетами, как «Последние новости». П.Н. Милюков говорил:

Молодые. . До чего мрачны их темы Все о смерти, о кладбищах, об уходе «куда-то». Очень мрачно. А нам нужно дать читателю хоть немного простой человеческой радости, поднять дух, что ли... А у них все вычурно и даже страшно... Многого я просто не понимаю.

Суждение жестокое, но правильное. Г. Варшавский не говорит или говорит мало о темах этого поколения. И здесь хотелось бы вспомнить человека с судьбой трагической: профессора Карлова университета в Праге Альфреда Людвиговича Бема. Этот человек весь отдался литературному воспитанию молодежи. В Праге он организовал кружок поэтов, где я часто бывала⁷⁶¹. Там он вынянчил немало поэтов. На кафедре кружка выступала совсем юная тогда Анна Головина⁷⁶², Гессен (сын проф. Сер[гея] Иос[ифовича] Гессена и внук И.В. Гессена), оба чрезвычайно талантливые, но «раненые», как их называл Бем⁷⁶³, Татьяна Ратгауз, Вячеслав Лебедев, Владимир Мансветов, Вадим Морковин, Кирилл Набоков, Эмилия Чегринцева, талантливейший Анатолий Штейгер⁷⁶⁴ и др. Жили они дружно и были преданы А.Л. Бему. Чтобы появиться на свет — издавали сборнички «Скит»⁷⁶⁵. Первый вышел в 1933 г. Анна Головина в 1936 г. издала свой сборник в большом издательстве «Петрополис» (Берлин)⁷⁶⁶. Так что наиболее талантливым удавалось и печататься, никто их презрением не обдавал; напротив, все старались помочь этой новой поросли русской литературы.

Нет, впрочем, ошибаюсь. Если не презрением, то абсолютным равнодушием обдавали молодых поэтов их же собственные молодые товарищи. Помню публику в этом

* Недалеко от Праги этими деятелями была основана Тшебовская гимназия с обширным интернатом. Оттуда вышло несколько поэтов, в том числе Анна Головина. Об этой гимназии ею написан роман «Загржевский». Одна глава его недавно напечатана в № 1 «Опытов», — Ася [Головина А. Ася (Глава из романа «Загржевский») // Опыты. 1953. № 1. С. 53–64. — Сост.]. В гимназию и интернат дети принимались бесплатно. Много недостатков было в этом наскоро сколоченном учреждении. Прежде всего, трудно было найти хорошо подготовленный педагогический персонал. Но интернат спасал детей от беспризорности и тяжелых работ для заработка.

зальце чтения стихов. Кто сидит на стульях? Да вот мы, старики... Очень редко заходила Марина Цветаева. Она, действительно, «фыркала», как тогда называли ее суждения. Или почти вслух изрекала: «Какая тоскливая бездарь... Точно дрова рубят, да еще тупыми топорами!!»

Не помню, чтобы она сама читала на этих вечерах свои стихи.

3

Наше положение, стариков, было хуже: мы слышали слова, но никак не могли понять смысла. Вот возьму наугад стихотворение самой талантливой из пражан, Анны Головиной. Стоит на кафедре «статуэтка», как мы ее звали. Настоящая куколка — красавица и изрекает:

Распускают вокзалы вязальные петли,
И по рельсам расходятся, брызнув, дымки;
Ты проходишь по балу в звенящем рассвете
И в закинутых жерлах считаешь клубки.
Это птицы слетались на зов отовсюду
По железным межам с потревоженных скал, -
Но в привычном чаду окрыляется чудо
И живет, как платок, что в дверях заплескал⁷⁶⁷.
И т.д. и т.д. в этом роде.

Иногда встрепенется заснувшая соседка и спросит: Какой платок? Почему платок? Как ей объяснить, что я и сама ничего не поняла...

Или вот входит на кафедру толстенький Вадим Морковин:

Прощайте!.. Кончено!.. Четыре четких года
Мне сердце горячил горчичный газ волос...
Вотще!.. Как тяготит никчемная свобода...
Как сердце демпингом захлестывает злость⁷⁶⁸.

И опять соседка, очень бестолковая: Какой горчичный газ волос? Что это такое?

Я не выбираю: любое стихотворение на этом непонятном старикам языке... Только иногда прозвучит что-то понятное, но всегда – больное...

Какие мелкие страстишки
Волнуют бурями Парнас!
Какие тоненькие книжки
В несчастьях утешают нас!
Какое это утешенье!
Но больше ничего ведь нет —
Ни музыки, ни упоенья,
Ни упоительных побед.
Спроси рассудок о пареньи

(С волненьем и ломаньем рук),
 О смерти, о недоуменьи,
 С которым мы глядим вокруг.
 Он славит мускулы, щетину,
 Не терпит жалкой чепухи.
 В редакционную корзину
 Слетают с жалобой стихи.
 И все-таки болит, не спится.
 Тревожно жить, мой милый брат!
 Мир — не стеклянная темница,
 А совесть, нездоровье, ад.
 Чего-то в мире не хватает
 И в музыке чего-то нет.
 Нам успокоиться мешает,
 Закрыть глаза, прекрасный свет⁷⁶⁹.

Но это вполне понятное и прекрасное стихотворение принадлежит уже вполне сложившемуся писателю Ант[онину] Ладинскому. У него же рефрен:

Небо все ниже, чернее,
 Все безнадежней игра.
 Стихи — как свинец. Холоднее
 Мрамора руки... Пора!
 Воздух полон тревоги...
 Неточны рифмы, размер.
 И поздно говорить о Боге,
 Когда рушится мир...⁷⁷⁰

Ну а любовь? Личное? Лирика? У большинства — тоже больная:

Всего... Всего бы только раз
 Не глазом, нет, кусочком глаза
 Взглянуть на тебя сейчас –
 Всего бы только раз, полраза.
 Хоть краешками губ, чуть-чуть,
 Мне до волос твоих коснуться
 И тут бы, кажется, уснуть,
 Уснуть и больше не проснуться⁷⁷¹.

Сергей Зубарев. Да, любовь у молодых всегда с искрой безнадежности... Прикоснуться и... *Уснуть навсегда*. И всегда — вот это:

Пора расстаться нам. Давай рассудим трезво.
 Напрасно мы себя надеждой льстим.

Для жизни искалеченной протезов
 Еще не мог никто изобрести.
 Как объяснить тебе, чтоб поняла ты четко,
 Что мы не можем!.. Незачем вдвоем!⁷⁷²

Искалеченная жизнь. И... Искалеченное поколение. Именно *искалеченное*, а вовсе не незамеченное. Чего[-то] ищут, но чего? Холодно им и не трогает их их собственная поэзия.

Все, что я называл искусством —
 Мишура, ненужный хлам.
 Человечьи простые чувства
 Не умел я вверить словам.
 Никогда никто не заплачет
 Над моим чеканным стихом.
 Знаю, надо писать иначе,
 Всю красоту отдать на слом.
 Пусть стихи станут проще, тише,
 Пусть хромают на каждой стопе,
 Но пусть каждый, кто их услышит,
 В них найдет строфу о себе.
 К ним хочу придумать картинки
 Для больших и грустных детей.
 Что никак не найдут тропинки,
 Заблудившись в душе своей...⁷⁷³

Тоска по простым человеческим чувствам... Чтобы над стихом — о себе, о тебе — можно было заплакать или вызвать улыбку счастья на устах грустных детей... Но в мире все так грустно! Столько лжи и нет простоты. А кругом — войны, революции. И солдат, символ эпохи:

Таскал, как сивка,
 Пуды, пуды.
 Ему нашивка
 За все труды.
 Что жизнь солдата?
 Пошлют в пикет
 Или граната —
 И ваших нет!
 Лишь деревяшка
 Да глаз в бельме,
 Медаль, бумажка:
 Дано сие...

(Ан. Ладинский)⁷⁷⁴

Тяжкая, беспросветная, какая-то «не своя» жизнь. И прав был П.Н. Милюков: всю эту тоску по здоровой жизни, которой на этом свете нет, печатать было страшно...

4

А личная судьба даже вот тут — в узком кругу моих личных знакомств, — сколько трагедий, сколько смертей... Во время войны, убежав из Чехословакии от Гитлера, мы жили в Швейцарии. Через границы сюда же, в этот почти единственный приют в Европе, бежали отовсюду. Всегда ли удачно? Вот приходит ко мне знакомая. На лице — радость. Все приготовлено. Через несколько часов через границу Савойи придет к ней брат, видный поэт Юрий Фельзен... — «Как удалось вам спасти его и уверены ли вы, что он перейдет границу?» — «Совершенно уверена. Деньги. Деньги. Все оплачено... Сегодня вечером будем уже вместе... так счастлива... Пить чай будем...»

Вечером счастья не было... При переходе границы с контрабандистом, немцы, их патруль, остановили беглецов... Юрий Фельзен погиб... Его сестра была безутешна. Ведь все было приготовлено...

Анна Головина и ее родной брат, Анатолий Штейгер. Оба — швейцарцы, — одна из ветвей фон Штейгеров, знатной швейцарской семьи. Но они и русские — родились в России. А русских здесь, особенно в первые годы большевизма, не любили. И эти двое мало имели помощи от своих родных... Об Анне говорить не буду: она еще жива, но талант ее вряд ли жив. Жизнь была сумбурная, тяжелая, нездоровая, вот этот роман «Закржевский». «Асю» я читала еще во время войны, в рукописи. Но... Талант не развивался...

Ее брат, поэт Анатолий Штейгер, заболел туберкулезом и лежал в санатории Цейсин. Приезжал к нам, и мы много с ним говорили. Красивый, всегда элегантный, какой-то неземной от бледности и потухших глаз, он все же мог говорить «о мире, войнах, пропаже совести, оподлении людей и т.д.» — часами. Потом — неудержимый кашель, часто кровохарканье.

— Из своей опостылевшей санатории я приезжаю к вам подышать воздухом идей. И... другой эпохой... Наша эпоха — это гниль, кровь, мерзость, где нет «человека». Он пропал. Я не хочу больше жить. Не хочу, не хочу.

Говорили иногда целыми ночами. Талант, большое красноречие, но до чего же опущенная душа!

Думаете, от туберкулеза? Нет, нет. Я душевно болен давно. Ненавижу этот мир убийц и верю: спасенья этому миру — нет. Лучше уйти раньше, не видеть последнего крушения...

О гибели мира — любимая тема.

Приезжать к нам из «опостылевшей санатории» он мог лишь потому, что ему довольно щедро помогал наш нью-йоркский Литературный фонд. Он часто с улыбкой говорил:

Откуда эти люди? Разве есть еще такие, которые думают о человеке? Напишите им, что есть такой Анатолий Штейгер, который их безмерно благодарит и столь же безмерно удивляется: что они — люди другой эпохи? В нашу эпоху таких не бывает. И не может быть, — упорно твердил он.

Потом нам позвонил врач из Цейсин. Сегодня Штейгер умер. На столике нашли пустую коробку от снотворных пилюль... Обо всем этом и о его благодарности я писала тогда теперь тоже покойному В.М. Зензинову, в то время члену правления Фонда.

Поэт Гессен... Очень талантливый. Не бежал из Праги. Остался там со своей матерью (дочь известного московского психиатра Минора). Немцы не любят «еврейской поэзии»... Мать и сын были схвачены этими «цивилизованными» людоедами и увезены в Терезиен-лагерь. Там их и сожгли. Потомки Гете и Шиллера тысячелетнего рая построить на земле не смогли. Но ад крошечный, даже с поджариванием на огне «грешников» еврейской крови сумели организовать великолепно. Не прав ли был покойный Штейгер, ненавидевший эпоху, в которой возможно стало такое средневековье?

О других поэтах, застрявших в Праге во время прихода другой «цивилизации», — Красной армии и Чеки в 1945 г., пока говорить не буду. Но об их покровителе, профессоре Альфреде Людвиговиче Беме, старавшемся сделать это поколение «замеченным» и ценным для литературы, сказать уже могу.

Придя в Прагу, большевики, как известно, отобрали более 300 человек русских эмигрантов (большую частью левых) и куда-то увезли. О многих до сих пор нет никаких сведений. В числе увезенных был и А.Л. Бем... После него осталась жена, Антонина Осиповна, и две дочери⁷⁷⁵. Потом мы узнали, что А.Л. Бема никуда не увозили: он был расстрелян во дворе пражской тюрьмы Панкрас...⁷⁷⁶ Причина? Вероятно, она раскроется, если архивы Чеки попадут в руки другой власти, как попали в руки большевиков архивы царских охранок. Пока причина неизвестна, несмотря на все наши старания узнать ее. Жена его, Ант[онина] Ос[иповна], недавно скончалась в Хурдиме (недалеко от Праги) от воспаления мозга⁷⁷⁷. А смерть его прошла как-то «незамеченной»... Даже поэты, которых он нянчил, упорно молчали.

5

Эту памятку печальную о поколении искалеченном хотелось бы закончить чем-нибудь... Чем-нибудь, указующим нам — и старым, и особенно молодым — *верный* путь жизни.

Лучше всех других выразил лозунг современной жизни тоже павший под дикой и преступной пулей поэт Гумилев:

Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо⁷⁷⁸.

Да, не бояться и делать, что надо... В память об ушедших и убиенных.

В.С. Яновский

Мимо незамеченного поколения

Статья Е.Д. Кусковой — (Н[овое] р[усское] с[лово] — 9-11-55) — по поводу незамеченного поколения изобилует такими погрешностями, что оставить ее без ответа преступно; к тому же рассуждения ее чрезвычайно типичны, — они вполне созвучны высказываниям М. Слонима и вообще девяти десятых политической эмиграции.

— Во-первых, о поколении. О каком поколении идет речь?

Е. Кускова пространно рассказывает, что, как и Слоним, жила «вместе с этим поколением и многих из них знала лично»; затем ссылается на анкету покойного В. Руднева «Дети эмиграции»: «Нормальное явление, пишут в анкетах, что воспитанники эмигрантских школ 12–13 лет летом работают где-нибудь с целью заработка... На летних работах дети грубеют, курят, пьют водку, ожесточаются... Данные эти взяты Е. Кусковой из кн. 26 «Русской школы за рубежом», Прага, 1928 г.

— Вот из этого поколения детей должны были вырасти поэты и беллетристы, — восклицает Е.Д. Кускова: — Они и выросли!

В 1928 году никому из нас уже не было 12–13 лет. Г-жа Кускова путает поколения.

В 1928 г. Поплавский уже был известным поэтом на Монпарнасе (год рождения — 1902⁷⁷⁹); Гингер и Божнев выпустили уже свои книги⁷⁸⁰; Софиев, Ладинский, Смоленский работали и печатали стихи; я правил корректуры своей повести «Колесо» (изданной тогда благодаря М. Осоргину); Зуров был уже автором «Кадета», Газданов неутомимо печатался в «Воле России», Фельзен заканчивал «Обман»⁷⁸¹ и т.д. и т.д. ...Е.Д. Кускова ссылается на каких-то легендарных двенадцатилетних мальчиков.

Следует, пожалуй, определить это ускользающее поколение; как и все в эмиграции, оно не поддается классическому толкованию: это поколение писателей, не связанное с определенным возрастом. Отличительная черта: они все начали печататься за рубежом. Разумеется, часто это почти совпадало с одним возрастом; но были исключения: Гингер, Ладинский, Терапиано, Фельзен. Я утверждаю, что основной группе наших писателей к году революции было 12–15 лет; это значит, что в 1928 г. мы все без исключения достигли совершеннолетия. Вот поколение, которое должно было проложить себе дорогу в эмигрантских изданиях и которое встречали, как тень отца Гамлета, с недоверием и страхом. Ибо самим своим появлением эти молодые писатели отрицали все моралистические основы эстетики, не могущей, как уверяют, действовать в пустоте и развиваться из ничего.

Без денег, подчас голодные, бесправные, растеряв ломоносовскую пунктуацию, шарахаясь от культа Горького, с образом Гогена, с внутренним опытом Рембо, Блуа, Пруста, Джойса, Кафки и, пожалуй, Линдберга, эти русские призраки в порывевших туфлях и неглаженных брюках приносили неприличные рукописи в редакции эмигрантских изданий, где сидели честные и непримиримые враги сволочной, большевицкой идеологии в области политики, экономики, науки... но только не в искусстве!

В этом сущность разногласий. Спор об эмигрантской молодой литературе — это спор об искусстве! Это борьба вкусов. Надо решиться на это, иначе придется без конца топтаться на одном месте.

В Горьком всегда было нечто от партии Ленина-Сталина (никуда он не переметнулся), а Короленко кристальная личность, светлый русский интеллигент, неподкупный борец за бедных и бесправных... а все-таки есть нечто родственное в обоих этих писателях: они оба делали плохую литературу. А эмигрантский редактор сидел за своим подержанным письменным столом и предавался грустным размышлениям. С одной стороны, он знал, что эмигрантская литература не может существовать: нет установленных предпосылок; а с другой стороны, эти верзилы живут, ходят, носят рукописи, и рукописи эти ни на что не похожи, то есть не похожи на те образцы, которые всеми провинциалами почитались за идеал. Скверный анекдот. Тем сквернее, что арбитр отсутствовал. Обычно этот спор решает публика: покупают, значит, надо печатать. Но публикации не было; читателя не оказалось и не должно было оказаться. В этом диалектика эмиграции: без читателя, без солдат, без рабочих. Эмиграция — это писатели, офицеры, ученые экспериментаторы, работающие не на заводе, а в лаборатории. Одна тысяча русских студенток решила бы этот сложный спор, если б они завопили:

— Ах, Иванов, ах, Кнут, ах, Шаршун, как интересно!

Но у нас не было этой тыщонки студенток, и надо ли говорить, как мы всегда об этом жалели.

И все-таки мы победили; победили в том смысле, что нас печатали — но не любили, не признавали, не уважали, и кусков от разных казенных пирогов нам не уделяли.

Тут следует отметить коренное различие в судьбах эмигрантской поэзии и прозы: стихам было легче. Во-первых — портативность стихов: их и «написать» материально легче (за работой, крася галстуки, бреясь). Еще: русский редактор любит сонет, привык им разбивать текст в толстом журнале: вроде виньетки! И мало места занимает. Вопрос места мучительный вопрос для эмигрантских изданий; это понятно. Но как общее правило редактор жаловался еще на отсутствие материала. В этом таилось злостное противоречие; как редактору удавалось примирить это противоречие, трудно понять. Кому нынче придет в голову просмотреть томы «Воли России», выходящей ежемесячно в продолжении 15 лет... Кто разберется в этом туго нашпигованном хламе? А вместе с тем там не хватало места для Сирина, Зурова, Фельзена, Шаршуна, Варшавского, Яновского.

Но стихи другое дело; кто там разберется: все поэты немного сумасшедшие. И вот поэтов печатали довольно широко.

Но проза, о, прозу каждый русский школьник может редактировать и ни в чьих советах не нуждается. Прозу мы насквозь понимаем, и на мякине нас не проведешь. Эпигоны общественности требовали эпигонов литературы.

Е. Кускова пишет: «Теперь г. Варшавский говорит, что их не заметили. Какая досадная неправда. Их очень даже заметили. М. Слоним правильно говорит, сколько труда положил он сам, чтобы дать увидеть свет их произведениям». Неправда, Екатерина Дмитриевна, и не досадная, а легкомысленная. Посмотрите горы макулатуры «Воли России», и Вы увидите, что главный труд Слонима состоял в том, чтобы держать и не пущать. Там печатали поэтов (по причине уже указанной мною), но из всей группы прозаиков, работающих и по сей день, там сотрудничал один Газданов. Да и как могло быть иначе. В своей книге о русской современной литературе на английском языке, изданной как пособие для моло-

двух американских студентов, М.Л. Слоним⁷⁸² систематически старается представить советскую литературу как законное продолжение великой русской гуманитарной литературы XIX века; для этой цели ему приходится раздуть до смешных размеров роль Горького, являющегося, в представлении Слонима, мостиком между Толстым и Ягодой, что ли. Всей эмигрантской литературе Слоним уделяет 11 страниц, причем уверяет американских студентов, что она обращена целиком назад в прошлое. (Вот советские парнишки это аванпост — впереди огни.)

А Милюков в своем капитальном труде вообще об этой литературе не упоминает, но направление у него то же: Глебу Успенскому он посвящает больше места, чем Толстому⁷⁸³.

Были, разумеется, исключения. М. Осоргин, Бем, еще несколько джентльменов русских, светлых личностей. Осоргин считал литературу делом своей жизни и не мог понять, как это можно относиться с трепетным уважением к собственной рукописи, а чужую — трубочкой под стол! И адреса переводчиков давал верные — не мертвые души. Но неправда, что Осоргин стремился «облагородить темы»: на эмигрантском жаргоне это значило забраковать вещь и прочесть нотацию. Исправить, пресечь, научить, внушить и, главное, вернуть рукопись — это дело других шалунов.

Ек. Кускова повторяет слова Милюкова о молодых поэтах: «А у них все вычурно и даже страшно». Боже, какой ветхий упрек: его бросали пяти поколениям русских литераторов. А что Милюков пишет о символистах, декадентах, имажинистах и т.д.? Все вычурно, все страшно, то ли дело Надсон (и Демьян Бедный).

Даже длинное стихотворение Ладинского, явно нравящееся г-же Кусковой, не примиряет ее с «незамеченным поколением»; она оговаривается: «Но это понятное и прекрасное стихотворение принадлежит уже вполне сложившемуся писателю А. Ладинскому». Загадочная фраза. Значит ли это, что Ладинский не принадлежит к «незамеченному поколению»?

Антонин Ладинский стопроцентный эмигрантский поэт, типичный представитель именно той группы писателей, о которой пишет Варшавский. И пока этого не поймешь, весь наш спор будет походить на диалог: — Здорово, кума... — На базаре была...

Ладинский начал печататься в Париже вместе с Гингером, Терапиано, Кнудом — никак не раньше. Его первая книга «Черное и голубое» вышла в 1930 г. (на средства М. Осоргина)⁷⁸⁴. Ладинский, — которого Вы называете вполне сложившимся писателем, — сидел в приемной «Последних новостей» по 48 часов в неделю: дежурный у телефона. В комнатухе не было окон: день и ночь горела электрическая лампа. Поминутно звонил телефон, и Ладинский совал хоботок, соединяя линии. Когда мне случалось завернуть туда по делу, то я сразу шалел: от искусственного света днем, от звонков и ложного оживления. Чтобы подогнать еще сотню франков в месяц, Ладинский иногда, тут же между делом, стучал на машинке очередной подвал переводного авантюрного романа. Так жил этот вполне сложившийся писатель. И когда в 1945 г. парижская колония пошла на поклон на рю Гренель, Ладинский записался там один из первых⁷⁸⁵. На многолюдном, торжественном собрании, получая паспорт, Ладинский со слезою в голосе (как бывало о балеринах) огласил содержание выданного ему документа: гражданин СССР — не рефюже, писатель — не телефонист⁷⁸⁶. Такова история Ладинского, которого Е. Кускова и М. Слоним очень даже

заметили: хлопнул дверь. Как хлопнули дверь и ушли каждый по-своему Поплавский и Сирин. Пожалуй, надо условиться не только о каком поколении спор, но и о смысле слова «заметить».

Чтобы окончательно доказать всю величину падения этого поколения и его искаленность, г-жа Кускова прибегает к несколько странному приему: она перечисляет разные обстоятельства гибели эмигрантских писателей — в концлагере, в крематориях Германии, в больнице. Все это должно скомпрометировать молодую зарубежную литературу, показать, что у нее кишка тонка: ведь старики выжили. Гибель советских писателей в застенках — во славу их творений; гибель эмигрантских — позор.

Фельзен шел к границе Швейцарии, но его задержали и уничтожили — все это, кажется Е. Кусковой, лишний раз доказывает искаленность данного поколения. Иначе не понятно, зачем она об этом рассказывает. Сестра Фельзена все подготовила для благополучного перехода границы и вместе с Е. Кусковой ждут его за чайным столом. Но Николай Бернгардович⁷⁸⁷ не пришел. Какой из этого можно сделать вывод в нормальной среде? Вот г-жа Кускова упорно называет Фельзена поэтом, а он писал прозу: издал три романа. Вы их заметили? Может быть, после его смерти ознакомились? Кроме того, Фельзен оставил рукопись почти законченного романа «Повторение пройденного»⁷⁸⁸; казалось бы, дело близкого свидетеля трагедии заняться этой книгой. Ведь Вы поучаете искаленное поколение, ссылаясь на Гумилева: «Да, не бояться и делать, что надо... В память об ушедших и убиенных». (И живых, г-жа Кускова, нельзя и живых забывать.)

Рассказ об Анатолии Штейгере так же неубедителен... Туберкулез, кашель, кровохарканье, талант, большое красноречье, но до чего опустошенная душа! — заявляет Е. Кускова и приводит слова Штейгера:

— Думаете о туберкулезе? Нет, нет. Я душевно болен давно. Ненавижу этот мир убийц и верю: спасенья этому миру нет. Лучше уйти раньше, не видеть последнего крушения...

Казалось бы, талант, слава Богу: поэт! Чего же боле... Нет, извините, общественно-го экзамена не сдал: ненавидит этот мир убийц и хочет бежать из него. Опустошенная душа. А что ему делать? Резвиться? Здоровые шли в армию; были герои: Вильде, один из организаторов французского резистанса. А больному, кашляющему, с вечным обязательным термометром — противно жить. Побольше бы таких опустошенных душ. Забавно, что через несколько абзацев Е. Кускова, сообщая о расстреле большевиками А. Бема, заканчивает довольно неожиданно: «Не прав ли был Штейгер, ненавидевший эпоху, в которой возможно средневековье»... Или или? Либо Штейгер прав, либо не прав. Этот вопрос г-жа Кускова должна решить, прежде чем выносить свой приговор.

Заметили или не заметили это поколение, станет очевидным, только если разобрать по существу труды его писателей — каждого в отдельности. (Здесь основной порок статьи Варшавского, от художественной оценки эмигрантских книг сознательно уклоняющегося.) Если произведения нашей литературы представляют художественный интерес, то их безусловно не заметили; если же попытки этих авторов мало убедительны, то права Е. Кускова: «заметили и даже слишком». С этим в принципе согласен и М. Слоним; но почему-то всякий раз, когда у него есть возможность высказаться относительно зарубежных писателей, он вот уже 30 лет не уставая повторяет, что эмигрантская литература слиш-

ком обращена назад: эпигоны, певцы прошлого, ностальгия. Набоков эпигон, Алексей Толстой и Эренбург новаторы... С этим, право, пора покончить.

«Эмиграция не дала крупных писателей», — уверяет М. Слоним (Н.Р.С. 31-7-55). Такого рода утверждения современников почти всегда вызвали смех у потомков: тому в истории много примеров.

Уверены ли Вы, что в России не будет культа Поплавского? Не хорошо забегать вперед. «Произведения *молодых*, — пишет Слоним, — за очень редким исключением не вызвали отклика, не создали литературного движения, не пробудили к жизни учеников и последователей». Какой гладкий вздор. Эмиграция — это одно поколение, в отличие от беженства и плена; в эмиграции не может быть учеников и последователей! Дети эмигрантов уже не эмигранты. И не по откликам и немедленному резонансу судят о художественном произведении.

«Если целое поколение оказалось раздавленным историей, — поучает М. Слоним, — то объяснение его неудачи следует искать не в бедности и равнодушии отцов, а гораздо глубже»... Что ж, стало быть, исторический материализм. Но эмигрантская литература есть живое отрицание оного! Может быть, в этом ее высшее назначение. Существование *молодой* литературы в данных условиях сплошное чудо. Вопреки «предпосылкам» и другим идолам отставных генералов, агрономов и служителей политических культов, хоронивших ее ежечасно, эта литература вдруг зародилась, кое-как развивалась и уцелела по сей день. Никто из нас зеленых немецких мундирчиков не нашивал, в НКВД не хаживал, и за Бодлером, Кафкой и Прустом, пожалуй, пушкинское «и милость к падшим призывал» нам было ближе всего. Один из оставшихся островков великого христианского гуманизма. Это ли не чудо?

М.Л. Слоним

Вынужденный ответ

Есть два рода полемики: задача одной — выяснить разногласия, устранить недоумения, и для нее важны столкновения идей, оценка фактов, обоснование доводов. Другая стремится к заушению и опорочению противника и для этого прибегает ко всяким средствам, от брани до многозначительных намеков, от прикрашивания истины до тех хлестких фраз, которые, по словам поэта, написаны чернилами, разведенными «слюною бешеной собаки». Этого рода полемика широко распространена в коммунистической печати для расправы с инакомыслящими, но, к сожалению, за последнее время нередко встречается и в эмиграции. Типичный образчик ее — статья В.С. Яновского «Мимо незамеченного поколения» в «Н[овом] р[усском] с[лове]» от 2 октября.

Признаться, я сперва колебался, писать ли о ней: до такой степени неприличен весь ее тон и грубы личные нападки и на меня и на Е.Д. Кускову. В.С. Яновский нетерпим, неспособен даже себе представить, что и у других людей могут быть глубокие и серьезные убеждения, а зачастую и недобросовестен, так что настоящий спор с ним был бы так же безнадежен, как, например, игра в шашки с Ноздревым. Но некоторые вопросы, им

затронутые, представляют общий интерес, ряд его замечаний может ввести в заблуждение неискушенного читателя, — поэтому ответить приходится — хотя я и не предполагаю разбирать все пункты его длинной и довольно сумбурной статьи и оставляю в стороне его кавалерийские атаки против особенно ненавистных ему лиц: Е. Кускова ответит ему сама, если того пожелает.

Впрочем, на личных выпадах В.С. Яновского останавливаться не стоит: они носят такой пристрастный характер, так явно продиктованы болезненным самолюбием, что я все жду, когда он начнет «разносить» Г. Адамовича за то, что тот не посвятил ему особой главы в «Одиночестве и свободе»⁷⁸⁹, посвященной эмигрантской литературе⁷⁹⁰. Я ограничусь еще отдельными утверждениями В.С. Яновского, показавшимися мне особенно легковесными.

В.С. Яновский хочет доказать, что писателей его поколения держали в черном теле радикальные и социалистические редакторы эмигрантских изданий. О том, что газеты от парижского «Возрождения» до рижского «Сегодня» или журналы от «Звена» и «Русской мысли» до «Чисел» и «Иллюстрированной России» никакого отношения к радикализму и социализму не имели, В.С. Яновский, конечно, умалчивает. И хотя он сам же себя опровергает, добавляя «и все-таки мы победили, победили в том смысле, что нас печатали», это несколько не мешает ему обрушиться на одно издание — единственный упоминаемый им журнал — на «Волю России», одним из редакторов которого был пишущий эти строки.

В.С. Яновский утверждает, что «Воля России», «выходившая ежемесячно в продолжение 15 лет» — «туго нашпигованный хлам», «горы макулатуры». «Воля России», как ежемесячный журнал, выходила в Праге с 1923 по 1931 (закрылась в 1932 г.), т.е. восемь, а не пятнадцать лет. В этом общественно-политическом органе большинство статей было посвящено критике большевизма и основным проблемам русской и иностранной современности, причем сотрудничали в журнале не только русские эмигранты, но и крупные европейские деятели, от Бенеша до Эррио, от Вандервельде до Сноудена⁷⁹¹. Несмотря на то что «Воля России» не была литературным журналом, она отводила значительное место поэзии, прозе, литературной критике.

В том, что В.С. Яновский называет — хламом, были напечатаны лучшие поэмы и пьесы М. Цветаевой, романы и рассказы А. Ремизова, роман «Мы» и рассказы Е. Замятина, очерки А. Белого, статьи В. Ходасевича, И. Лапшина, В. Булгакова, рассказы Б. Зайцева, П. Муратова, С. Юшкевича⁷⁹² и десятков других поэтов и прозаиков старшего поколения. Для тех, кто никогда «Воли России» не видал, следует прибавить, что на ее страницах, впервые в эмиграции, появились переводы Пруста, Рильке, Аполлинера, Дюамеля, Ж. Ромэна, Ф. Верфеля, Т. Манна⁷⁹³ и ряда других европейских писателей. Очевидно, и это макулатура для В.С. Яновского, и тут я ему верю. Он говорит затем, что его поколение шло в эмигрантские издания к тупым редакторам «с образом Гогена, с внутренним опытом Рембо, Блуа, Пруста, Джойса, Кафки и, пожалуй, Линдберга». Тут я ему не верю: в конце двадцатых годов эмигрантские писатели, включая В.С. Яновского, ни Джойса, ни Кафки, и уж конечно Блуа, не читали, а почему сюда попал Линдберг — понятно только автору.

Но В.С. Яновский «обкладывает» «Волю России» и меня, как ее редактора, не за то, что мы печатали, а за то, чего мы не печатали: «Не хватало места для Сирина, Зурова, Фельзена, Шаршуна, Варшавского, Яновского».

В.С. Яновский снова не церемонится с фактами. Рассказ В. Варшавского «Шум шагов Франсуа Виллона» не только появился в «Воле России», но даже получил почетный отзыв на конкурсе рассказов, устроенном журналом в 1928 г.: жюри состояло из А. Ремизова, М. Осоргина и меня⁷⁹⁴. Не надо забывать, что «Воля России» начала печатать молодых в 1927 году, когда их еще нигде не печатали. Некоторые из тех, которых В.С. Яновский упоминает, в 1928 еще не сделали и первых шагов на литературном поприще — но он скрывает это за гладкими фразами («я правил корректуры своей повести "Колесо", Фельзен заканчивал "Обман"»; «Колесо», между прочим, появилось не в 1928, а в 1930 году. Шаршуну я устроил вечер для чтения его романа в «Кочевье» в 1929 году⁷⁹⁵. А что касается Сирина и Зурова, то, вероятно, ни тот, ни другой не изъявляли желания печататься в чуждом им политическом журнале — как и многие другие писатели, считавшие направление «Воли России» для себя не только не созвучным, но и неприемлемым. Об этом В.С. Яновский тоже был в свое время прекрасно осведомлен.

Но все же преступление остается: его в «Воле России» не печатали, и поэтому в его представлении пишущий эти строки оказывается каким-то литературным Держимордой: «...главный труд Слонима, — изрекает автор "Колеса", — состоял в том, чтобы держать и не пущать». И это пишет человек, который в одном месте своей статьи заявляет, что в 1928 году Поплавский был «уже известным поэтом на Монпарнасе» (как будто Монпарнас был и пупом земли, и центром русской эмиграции), а потом спрашивает, «уверены ли Вы, что в России не будет культа Поплавского», забывая прибавить, что в течение трех лет держиморда Слоним печатал Поплавского в «Воле России» и тем способствовал его известности за пределами Монпарнаса. Забывает он также, что «Воля России» не только помещала произведения десятков молодых эмигрантских поэтов и прозаиков, но и постоянно откликалась на все произведения «молодых», всячески их поощряла, устраивала критические собрания в Праге, Белграде, Париже, и постоянно выдвигала представителей «незамеченного поколения».

И так как негодующий борец за справедливость В.С. Яновский поминает о Зурове и Сирине, то не мешало бы ему вспомнить, что в 1927 подробный отзыв о Зурове написал я, что в 1928 году я прочитал доклад об его «Кадете» в парижском объединении «Кочевье»⁷⁹⁶, что в том же «Кочевье», под моим руководством, обсуждались произведения Фельзена и Сирина и что когда «парижане» не признавали Сирина, именно я указывал, что он самый крупный из молодых эмигрантских прозаиков, и в «Воле России» резко протестовал против недостойной заметки о нем Г. Иванова, помещенной в первом номере «Чисел»⁷⁹⁷.

Все эти и десятки других фактов отлично известны В.С. Яновскому, но он предпочитает не упоминать о них, зато приписывает мне прямо противоположное тому, что я говорил в печати. Так, напр<имер>, все о том же Сирине: В.С. Яновский пишет, будто я отрицаю новаторство Сирина и считаю его эпигоном. Я писал и в «Н[овом] р[усском] с[лове]», что Сирин — один из немногих русских сюрреалистов и в его романах гораздо больше стилистического новаторства, чем у других его эмигрантских современников. Между прочим, со свойственной ему словесной небрежностью В.С. Яновский путает понятия эпигонства, новаторства и культа прошлого в эмигрантской литературе. Также путает он и то, что я говорил о Горьком, утверждая, будто я «раздуваю до смешных размеров роль

Горького» в моей истории русской литературы на английском языке: тут возможны два предположения — либо В.С. Яновский моей главы о Горьком не читал, либо читал — но не понял. В последнем случае, надеюсь, что главной причиной непонимания было слабое знакомство с иностранным языком.

В.С. Яновский довольно странно относится к поэзии. По его мнению, поэтов в «Воле России» печатали только потому, что они занимают мало места. «Стихи и написать материально легче (за работой, крася галстуки, бреясь)», заявляет представитель поколения «с внутренним опытом Рембо». Опять-таки: не стоило бы на этом останавливаться, но именно в «Воле России» поэзии отводились не страницы, а десятки страниц: там были напечатаны целиком длинные поэмы и «молодых», и Цветаевой, и «Лейтенант Шмидт» Пастернака, помещенный в «Воле России»⁷⁹⁸ до появления его в Москве, и т.д.

В одном месте своей статьи В.С. Яновский справедливо замечает: «спор об эмигрантской литературе — это спор об искусстве». Но он сейчас же добавляет — «это борьба вкусов». Нет, спор об искусстве и борьба вкусов не одно и то же. Вопрос не в том, что мне нравится или не нравится, не в личном притяжении и отталкивании, а в сущности, характере и назначении искусства и степени художественности того или иного произведения.

В 1929 году в «Воле России» я выражал надежду, что «эмигрантской молодежи, с трудом вырастающей под хмурыми эмигрантскими небесами вдали от родной почвы в ненормальной и противоестественной атмосфере рассеяния и беженства, удастся выйти на волю из эмигрантского литературного музея и неподвижной академии»⁷⁹⁹. Если бы вместо полемических красот, лишенных всякой убедительности, и возмущения моими словами, что наиболее интересной оказалась эмигрантская поэзия, а крупных прозаиков, за исключением Сирина, молодые не выдвинули, — В.С. Яновский опроверг бы меня, назвав романы и повести, которые он считает выдающимися, заслуживающими пристального изучения, — вот тогда мы могли бы перенести спор на почву критических и художественных оценок.

Но этого В.С. Яновский сделать не может, и в качестве последнего прибежища обращается в загадочное будущее: «утверждения современников почти всегда вызывали смех у потомков». Слова эти и фактически неверны, да и смысла мало — спорить о том, что скажут потомки: об этом В.С. Яновский знает так же мало, как и я. Но он, очевидно, мнит себя великим и непризнанным и надеется, что его оценит и вознесет будущее. Я же в этом сомневаюсь, и причины моих сомнений совершенно ясны: я не слишком высокого мнения о художественной ценности его произведений.

Это не исключает, конечно, возможности, что будущий историк использует их в качестве документа и иллюстративного материала, как, впрочем, и другие данные об эмиграции.

В.С. Яновский заканчивает свою статью невнятными словами об историческом материализме, которых я так и не понял, и призывом к «великому христианскому гуманизму». Едва ли пристало говорить о христианстве, одна из добродетелей которого — смирение, человеку, обнаружившему в своих писаниях столько злобы и гордыни. В 1930 году я заметил: «Ряд молодых писателей навеки отравлен эмигрантщиной — этим соединением литературного шаблона с непомерным самомнением и ограниченностью»⁸⁰⁰. Слова эти через двадцать пять лет можно смело применить к В.С. Яновскому.

Е. Д. Кускова

Упреки не по адресу

I

Статья моя о незамеченном поколении («Н[овое] р[усское] с[лово]» от 2.10) чрезвычайно рассердила г. В.С. Яновского, и он сообщает, что «было бы преступно не отвечать на нее». Разумеется, я стала искать в его статье разоблачений моих преступлений. И никак не могла их найти. Во-первых, он не знает «о каком поколении» я говорю. И берет дату 1928 г., когда была в «Русской школе за рубежом» опубликована анкета о тяжелом положении детей 12–13 лет, вынужденных вместо спокойного обучения в школах искать заработка на неподходящих для детей работах. «В 1928 г. никому из нас не было уже 12–13 лет. Г-жа Кускова путает поколения», — пишет Яновский.

Но ведь дата 1928 г. относилась к опубликованию результатов анкеты. А производство такой анкеты потребовало времени. А затем я, конечно, статистикой не занималась и не писала, какому поэту, какому беллетристу было столько-то лет в таком-то году. Я писала о молодом поколении, сформировавшемся уже за рубежом. Вот как определяет это поколение редакция «Чеховского издательства», выпустившая книгу Яновского:

В.С. Яновский принадлежит к поколению «молодых эмигрантских писателей: писатели этого поколения оставили Россию подростками вскоре после Октябрьской революции и начали печататься уже за рубежом»⁸⁰¹.

Вот именно об этом поколении я и писала. Что же я «путаю»? Моя статья называлась «памяткой». В ответ на обвинения на Варшавского я — «по памяти» — указывала, как много эмигрантская общественность сделала для спасения этого поколения. Она его «заметила», хотя и сама-то она была тоже ведь в бедственном положении. Статья г. Яновского все же странная — сам себя опровергает:

Следует, пожалуй, определить это ускользающее поколение, как и все в эмиграции, оно не поддается классическому истолкованию: это поколение писателей, не связанное определенным возрастом. Отличительная черта: они все начали печататься за рубежом.

Это именно то, что я говорила. К чему же ставить какие-то даты вроде 1928 г., сюда совсем не относящегося?

Я писала далее, что их многие эмигрантские издания «заметили» и печатали. Указала, что не печатал лишь П.Н. Милюков, не любивший их мрачных тем и непонятного языка. Вот это-то и опровергает Яновский. Он пишет, что этих молодых писателей, «шарахавшихся от культа Горького» и от «плохой литературы» Короленко, в редакциях встречали «с недоверием и страхом». А люди эти — «призраки в порывевших туфлях и неглаженных брюках — приносили неприличные рукописи в редакции эмигрантских газет, где сидели честные и непримиримые враги сволочной, большевицкой идеологии в области политики, экономики, науки... но только не в искусстве». Одним словом, те, кто в искусстве ничего не понимал и потому не мог и оценить, и — главное — печатать вещи этих молодых.

Да простит мне г. Яновский... Он вычитал из моей статьи рассуждения о «падении этого поколения и об его искалеченности», о том, как гибли эти молодые в разных обстоятельствах (а старики уцелевали!), и все это я писала для того, чтобы «скомпрометировать молодую зарубежную литературу, показать, что у нее кишка тонка: ведь старики выжили. Гибель советских писателей в застенках — во славу их творений, гибель эмигрантских — позор!».

Надо просто удивляться, откуда взял г. Яновский всю эту с позволения сказать — белиберду? Я писала «памятку», то, что я видела — иногда с ужасом в душе. В застенках и в лагерях гибли не только эмигранты молодые, но и старые. И уж во всяком случае писала я эту памятку не затем, чтобы «скомпрометировать молодую литературу». Что за нелепость? Невольно ищу причины такого непонимания. И нахожу ее в том, что говорим мы с Яновским на совершенно различных языках. Позволяю себе сказать, что не я одна с трудом принимаю то, что пишет г. Яновский. Если о новой литературе судить по его писаниям, то...

Вот пример. Чеховское издательство выпустило его книгу — «Портативное бессмертие». В Женеве есть маленькая русская библиотечка при русской православной церкви. Чеховское издательство посылает ей все свои издания в дар, за что читатели ему чрезвычайно благодарны. Читатели — разные, и молодые, и старые. И те, и другие спрашивали — что это за заглавие — «Портативное бессмертие»? К стыду своему, мы — старые — не могли этого заглавия объяснить.

И далее: я не видела ни одного читателя, которые дочитал бы эту книгу даже до половины. Некоторые просто ругали издательство за то, что оно выпускает книги, написанные непонятным языком и на неизвестную тему. Возможно, что все это были люди, ничего не понимавшие в литературе. Но результат: книга стоит на полке, и *никто* ее больше не спрашивает...

Вот «плохая литература» Короленки читалась нарасхват. И все понимали ее заглавие, и ее язык, и ее смысл. А «Портативное бессмертие» не понимает никто. Не понимают и языка книги... Бестолочь, которая хочет скомпрометировать молодую литературу? Уж не знаю. Но могу предположить, что такую же литературу на непонятном языке приносили и в редакции эмигрантских газет и журналов. И что редактора могли от такой литературы шарахаться.

Не печатали не потому, что «не заметили», а потому, что «заметили» непонятный язык. А вот открыла первую попавшуюся книгу «Современных записок». Этот журнал задавал тогда в эмиграции тон и читался всеми. И что же? Там и Газданов, и Анна Головина⁸⁰², и Ан. Штейгер, и Смоленский, и Марина Цветаева. И все в одной книжке! Значит, «заметили» и молодых и печатали наравне со старыми — с Гиппиус и другими. И не только стихи. В том же журнале есть и проза самого г. Яновского. Следует, однако, сказать, что недовольство этой поэзией и прозой молодых было у очень многих — не только у тех, кто любил «плохую литературу» Короленко и Успенского («за их политическую направленность» говорили тогда молодые).

Обычно этот спор (о качестве) решает публика: покупают, значит, надо печатать. Но публики не было, пишет г. Яновский. Читателя не оказалось и не должно было оказать-

ся. В этом диалектика эмиграции: без читателя, без солдат, без рабочих... И все-таки мы победили; победили в том смысле, что нас печатали — но не любили, не признавали, не уважали и кусков от разных казенных пирогов нам не давали.

Но почему все-таки не любили? Кажется, признанным, прославленным писателем была Марина Цветаева. Ее и печатали. Но — это правда: *не любили, не восторгались*. Почему? Ну, вот — сад... Кажется, реальность?

За этот ад,
 За этот бред —
 Пошли мне сад
 На старость лет.
 На старость лет
 На старость бед:
 Рабочих — лет!
 Горбатых — лет.
 Для беглеца
 Мне сад пошли:
 Без ни — лица,
 Без ни — души.
 Сад: ни шажка!
 Сад: ни глазка!
 Сад: ни смешка!
 Сад: ни свистка!
 Без ни — ушка
 Мне сад пошли.
 Без ни душка!
 Без ни — души И т.д.⁸⁰³

Ведь все ее произведения таковы: звуки, звуки, — а что говорят эти звуки — *никто* не поймет! Их скандировали и... смеялись, — отгадайте, что это значит? Это объяснил человек, ее знавший, ее признававший большим поэтом, — А. Бахрах. Он предлагает не строить гипотез о том, что привело ее к трагическому концу. Но — преждевременно.

«Пресеклась ее жизнь, и ушел от нас замечательный человек и большой русский поэт, навеки оставляя в памяти людей, его знавших, облик, нестираемый смертью».

Ее поэзия — «звуковой ливень»... «Безмерность, внемерность, надмерность — основное в цветаевском творчестве... Она не считалась со смыслом, с весом слова, раболепно преклоняясь перед его звучанием, перед тем, что в данную минуту это слово могло ей раскрыть, точно замороженная его фонетической особенностью», — пишет А. Бахрах⁸⁰⁴.

Какая замечательная характеристика! Нет смысла, а есть звучание. Нужно ли осуждать публику, которая искала смысла и не удовлетворялась этим «звуковым ливнем», часто абсолютно *бессмысленным*? Знаю людей, понимавших поэзию, но с раздражением бросавших эти стихи Цветаевой! Звучит, брэнчит, а смысла нет... Характерно, что столкновение публики с молодой поэзией и прозой происходило именно на этой почве непонима-

ния смысла или же какого-то «заумного» толкования действительности. Теперь мода свергать Успенских, Короленок, Герценов, даже Буниных. Есть в эмиграции органы печати, поставившие себе задачей «свергнуть с пьедестала» Ивана Бунина. Опять-таки — в чем дело? Довольно верное объяснение дает этим явлениям литературный критик Г. Адамович:

«"Стиль — это человек". Когда читаешь Бунина, то в самом языке его, в складе каждой его фразы чувствуешь гармонию духовную, будто отражающую некий высший порядок и строй: все еще держится на своих местах, солнце есть солнце, любовь есть любовь, народ есть народ. Когда читаешь писателя молодого, даже самого талантливого, — будто тащишься по ухабам и рытвинам. О, тут не в словесной плавности дело, тут дело в том, что молодой писатель бредет по жизни ощупью, впотьмах, и чем он талантливее, чем проникает он дальше, тем тьма гуще» («Рус[ский] сборник, кн. 1»⁸⁰⁵).

Никто не обвиняет этих писателей в том, что солнце для них уже не солнце, любовь — не любовь. Жизнь современная потеряла духовную гармонию, отражающую какой-то порядок и строй. Все потеряло смысл, все сдвинулось со своих мест, — нигде нет ни порядка, ни строя. И не одни молодые «бредут ощупью, впотьмах». Это — беда века, но ее надо отметить именно *как беду*, а вовсе не как какое-то «новое слово», непонятное для тех, кто привык к словам старым. Думают многие, что этот «звуковой ливень» никогда не будет классическим. Не будет классической и молодая литература, авторы которой бродят впотьмах и дают произведения вроде «Портативного бессмертия», ни для кого непонятного даже по заглавию. Это все — временное, искалеченное... Это — пройдет, когда наступит какой-то порядок, пусть совсем новый, но порядок осмысленный — не та тьма крошечная, в которой мы все живем.

II

Есть в статье г. Яновского пассажи, которые можно было бы написать лишь в состоянии крайней запальчивости и раздражения. Я имела неосторожность похвалить ясность и талант Ан. Ладинского. Он тоже пессимист, мир ему не нравится: идет к крушению подобно третьему Риму. Так вот г. Яновский пишет:

Ладинский сидел в приемной «Последних новостей» по 48 час[ов] в неделю, — дежурный у телефона. В комнатухе не было окон: день и ночь горела электрическая лампа. Поминутно звонил телефон, и Ладинский совал хоботок, соединяя линии... Чтобы подогнать сотню лишних франков в месяц, Ладинский иногда, тут же между делом, стучал на машинке очередной подвал переводного авантюрного романа. Так жил этот вполне сложившийся писатель. И когда в 1945 г. парижская колония пошла на поклон на Рю Гренелль, Ладинский записался там один из первых... Такова история Ладинского, которого Е. Кускова и М. Слоним очень даже заметили.

Какая скверная последняя фраза... Заметили — почему? Потому что он «хлопнул дверь» и ушел туда? Нет, г. Яновский, не потому. А потому, что его писания были талантливы и вполне ясны. Что касается того, что он сидел в комнате без окон, около телефона, то ведь именно об этом я и писала. Литературой в эмиграции жить было нельзя. Бедствовали литераторы и новые, и старые — все те, кому не удалось устроиться при

редакциях. Да и сами эти издания были почти всегда бедны и часто подпитывались пожертвованиями. Но почему г. Яновский, описывая судьбу Ладинского, не дописал конца? Советы ему спальных вагонов не предоставили, как вот сейчас немцам военнопленным. Не предлагали и икры, — как им. Франция, узнав об его «паспорте», посадила его в камион и выбросила из своих границ. Дальше мы о его судьбе знаем лишь понаслышке. В Россию его не пускали. Он околачивался в восточной зоне Германии, перебиваясь — не литературой, о нет! — а какой-то черной работой, быть может, худшей, чем в «Последних новостях».

И далее: никогда и нигде в сов[етской] литературе не встречала ни его прозы, ни его стихов. Как и Марина Цветаева, тоже «хлопнувшая дверью» и ушедшая туда, он оказался «не созвучен» литературе советской. Судьба — страшная жизнь — *искаленная* и у Марины, и у Ладинского, и у оставшихся в эмиграции — Поплавского, Фельзена, Штейгера и других. Об этой искаленной жизни и — часто об искаленной психике я и писала. Солнце — не солнце, любовь не любовь — порядка никакого в жизни нет... Вот и выдумывают «Портативные бессмертия», которых никто не понимает (кроме Чеховского издательства), и с пеной у рта протестуют, когда кто-нибудь описывает *правду* и об этой страшной эпохе, и о поколениях с душами опустошенными... «Существование *молодой* литературы в данных условиях — чудо», пишет Яновский. Чудо и то, что мы все — *в данных условиях* — не задумались, не перестрелялись, а вот еще живем и... спорим! Но именно влияния-то этих «данных условий» на всю психику молодого поколения писатели типа Яновского и не хотят признать.

В.С. Яновский

«Спор о вкусах»

В моем ответе Е. Кусковой (Н[овое] р[усское] с[лово] — 10-2), я указал, что не следует ссылаться на М. Слонима как на друга зарубежной литературы, что независимо от намерений, сознательно или бессознательно, он систематически вредил ей. Это так очевидно для всякого знакомого с писаниями М. Слонима за последние 20 лет, что я ограничился несколькими частными примерами и личными воспоминаниями. Это обидело М. Слонима, который продолжает настаивать, что всегда «живо интересовался» эмигрантской словесностью и способствовал ее росту.

Передо мною книга М. Слонима (Модерн Рошен Литерэтур — Оксфорд)⁸⁰⁶, предназначенная для американских студентов. Подглавка в 11 страниц посвящена эмигрантской литературе.

Из нее мы узнаем, что расцвет эмигрантской литературы приходится на середину 20[-х] годов, — (стр. 398). Что литературные начинания эмиграции «продолжали существовать даже в конце 1930-х годов». Но «Вторая мировая война нанесла изгнанникам почти смертельный удар» (397). Почти! и дальше: «Приток тысяч беженцев из Сов. Союза в 1945–1950 гг. не обновил культурной жизни эмиграции». Привлекательное зрелище и, по-видимому, исчерпывающее предмет.

«Эмигранты, — пишет М. Слоним, — в большинстве случаев являлись консерваторами и цеплялись за традиции; какого бы они ни были в действительности происхождения, они в общем представляли те высшие классы царской России, — аристократы, дворяне, богатые буржуа, — которых революция смела в сорный ящик истории» (399)⁸⁰⁷. Я не думаю, чтобы на эмиграцию больше клеветали в учебниках литературы [С]ССР.

«Можно с уверенностью сказать, что литературные произведения эмигрантов состояли главным образом из реминисценций документального или беллетристического характера. Романисты и поэты громко тосковали о прошлых временах, о том, чему нет возврата» (399)⁸⁰⁸.

С какою целью М. Слоним писал все это, если не для того, чтобы скомпрометировать эмигрантскую литературу?

Бунина наш исследователь представляет в другой главе (167–173). Формальная красота писаний Бунина не подкреплена моральным или интеллектуальным величием... Он лишен теплоты, щедрости, человечности, и это накладывает на Бунина печать тусклой бесплодности... Бедность человеческих чувств тоже ограничивает его роль в русской литературе: это эпигон (172)⁸⁰⁹.

Зато масштабы Горького другие; ему М. Слоним посвящает 28 страниц, и он кажется вполне удостоверенным моральным и интеллектуальным состоянием автора: «Это объясняет двойную роль Горького, — поучает М. Слоним, — как блюститель национального, культурного наследства и учитель нового поколения, он является мостом между литературой имперской России и литературой Советского Союза» (152).

Зато советская литература начала новую главу, утверждает М. Слоним. Это, конечно, верно. Нехорошо только, что он тут же уверяет, что эта литература является единственной и законной наследницей великого русского гуманизма.

«Западные критики советской литературы, — начинает издали М. Слоним, — часто ошибочно объясняют то, чего они не любят или не понимают в советской литературе, коммунистическими концепциями и идеями; истина заключается в том, что много коммунистических лозунгов и принципов доктрины нашли сочувственный отклик в русских сердцах и соответствуют тенденциям или чертам национального характера» (389). Не понимаю: ведь именно это теперь утверждают враги России — «Не СССР, а Россия».

«То, что романтизм творческого труда и положительного усилия стал одной из главных тем советской литературы, не должно удивлять знатоков русской литературы XIX века. Разве осуждения лишних людей, мечта об активном герое, разоблачение паразитов, прославление производственных усилий (включая гимны ручному труду Льва Толстого) — разве все это не характерно для прошлого и не предсказало будущего?» (389). Толстой, тачавший сапоги по моральным соображениям, и сверхиндустриализация при участии Ежова!... Это говорится иностранцам, которые не знают ни России, ни Толстого, ни Слонима. Еще один мазок кисти, и М. Слоним подаст своим студентам советские концлагеря:

«Тема преобразования человека (которая, кстати, встречается повсюду в истории русской мысли), по-видимому, волновала читателей и вдохновляла писателей», — заявляет М. Слоним. И дальше излагает содержание пьесы Н. Погодина «Аристокра-

ты», посвященной теме преобразования проституток и кулаков на постройке Беломорского канала. «Величие труда, великолепие задания, общий порыв, азарт состязания увлекают членов пестрой артели и восстанавливают в них веру в себя, воспитывают уважение к человеку, превращая участников этих работ в социально полезных членов коллектива» (394). Таким образом преемственность между темой преобразования «в истории русской мысли» и Погодина — Ягоды установлена, причем все преимущества на стороне последней двойки, преобразующей пачками, а не кустарным образом, отдельных индивидуумов.

У М. Слонима была возможность ответить мне по существу; он этого не сделал, утверждая, что со мною спорить не стоит, посвятил мне, однако, целую статью (НПС-10-16). Свой «вынужденный ответ» М. Слоним начинает с ссылки на какого-то анонимного советского хама, который облыжно ведет дискуссии, прибегая «ко всяким образом прочное алиби, многозначительных намеков (так! — *Сост.*), от прикрашивания истины до хлестких фраз, которые, по словам поэта, написаны чернилами, разведенными слюною бешеной собаки». Создав себе таким образом прочное алиби, М. Слоним может уже не стесняясь начать поливать меня грязью, надеясь, что все его неприличия отнесут за счет подставного хама с усами.

Я обвинил М. Слонима в том, что он систематически душил и заживо хоронил эмигрантскую прозу (в стихах был другой режим), и перечислил ряд прозаиков, которых он не печатал.

— Но Сирин и Зуров, быть может, не желали печататься в «Воле России», из-за направления последней! — высказывает догадку М. Слоним (он мог бы тогда их спросить). Об этом-то и разговор: «Шаршуну я устроил вечер для чтения в 1929 г.» — защищается редактор. Шаршуну уже тогда было за 40: он все издавал свои произведения на ротаторе. Его надо было печатать, а не Панаит[а] Истрати⁶¹⁰.

«В.С. Яновский не церемонится с фактами, — заявляет М. Слоним, — рассказ Варшавского "Шум шагов" не только появился в "Воле России", но даже получил почетный отзыв на конкурсе рассказов, устроенном журналом в 1928 г.: жюри состояло из Ремизова, Осоргина и меня». Человек, не знающий иностранных языков, может из этой фразы понять, что рассказ «Шум шагов» сперва появился в «Воле России», а потом даже получил почетный отзыв. Дело обстояло иначе. Раньше был объявлен литературный конкурс, а затем был напечатан премированный рассказ Варшавского. Что это доказывает (кроме того, что М. Слоним неудачно передвинул факты?). Это доказывает именно то, что я утверждал в прошлый раз: редактор «Воли России» вел себя как жандарм, а жюри (все тот же М. Осоргин) иногда помогало писателям.

Спор этот, разумеется, перерастает М. Слонима и журнал «Волю России»; но тяжести и болезни зарубежной литературы этим спором определяются. Повторяю: в данной среде существование новой эмигрантской литературы — Чудо! Сознательно или бессознательно ее всегда душили, топтали, хоронили заживо.

М.Л. Слоним

Все о том же

По причинам, мне неизвестным, но, очевидно, не имеющим прямого отношения к литературе, В.С. Яновский продолжает свою демагогическую кампанию против меня. В своем последнем произведении «Спор о вкусах» («Н[овое] р[усское] с[лово]» от 30 октября) он пишет, что я «вел себя как жандарм» и «систематически душил и заживо хоронил эмигрантскую прозу», причем вместо доказательств указывает, что в 1928 году в «Воле России» не печатали тех, кого, по его мнению, следовало бы печатать, а если и помещали рассказы молодых, как, например, Варшавского, то под благотворным влиянием со стороны, напр[имер], Осоргина.

Отвечать на подобные выдумки, рожденные болезненным воображением, не имеет никакого смысла, как не стоит напомнить их автору, что редакционная коллегия «Воли России» не случайно печатала отдельных писателей, а единодушно осуществляла дело помощи молодой эмигрантской литературе. Об этом мог бы немало рассказать другой член этой коллегии В.И. Лебедев^{вн}, поддерживавший начинания молодых поэтов и прозаиков в Болгарии, Югославии, Чехословакии и Франции.

По-видимому, чувствуя, что вся его фантастика о «Воле России» не слишком убедительна, В.С. Яновский пытается атаковать меня с флангов и снова прибегает к своему любимому методу «опорочения противника». Он выдергивает без контекста цитаты на разные темы из моей книги «Современная русская литература» на английском языке и преподносит их читателю как свидетельство моих крамольных уклонов. Почему мои замечания об эмигрантской прозе, как, по преимуществу, литературе воспоминаний, или критическая оценка Бунина, или характеристика послереволюционной роли Горького, или соображения о связи ряда тем советской беллетристики с прошлым нашей словесности, в какой бы то ни было мере доказывают, будто я пытался «скомпрометировать эмигрантскую литературу», — остается для меня загадкой. Но разгадывать этой загадки я не собираюсь, потому что В.С. Яновский заинтересован не в справедливости или ошибочности моих утверждений и не в споре по существу, а только в собирании материалов о моей «эмигрантской неблагонадежности».

Хотя я и жандарм, по его словам, однако я не склонен следовать за ним на этом пути, который может завести его в область, весьма далекую от столбцов демократической печати.

Ю.К. Терапиано

По поводу незамеченного поколения

Далекая страна — Америка — для нас, живущих во Франции. Пока дойдет до Парижа американская газета или книга, злоба дня становится, большей частью, уже не злобой, а полемика — похожей на засушенные цветы. Но разговор о «Незамеченном поколении» своей остроты не теряет. Впрочем, мы не принадлежим к категории любителей полемики, в которой спорящие обыкновенно больше всего думают о том, чтобы оставить за собою последнее слово. Поэтому и в спор, возникший по поводу статьи В. Варшавского о

«незамеченном поколении», вмешиваться мы не будем. То, что удивило меня, — это фактические ошибки, которые рассыпаны в статьях всех лиц, высказавшихся о «Незамеченном поколении», начиная с самого В. Варшавского. Так, например, среди довоенных парижских прозаиков («Новый журнал», стр. 112) Варшавский поместил Анатолия Величковского, принадлежащего к послевоенному литературному поколению и до войны нигде не печатавшего ни стихов, ни прозы⁸¹². Точно так же Е.Ф. Рубисова, выступившая в нью-йоркской русской печати во время войны и автор двух книг об искусстве по-английски, не может быть названа участницей парижской довоенной литературы. Поэт Вл. Корвин-Пиотровский в довоенное время жил в Берлине, а не в Париже, куда приехал почти что перед самой войной, и, естественно, не мог принимать участия в жизни «парижан»⁸¹³. Выступивший после войны со стихами поэт Ю. Одарченко (сборник стихотворений «Денек», Париж, 1949), прозаиком назван быть не может, так как, за исключением, помнится, одного прозаического отрывка в № 1 «Ориона», проза его еще нигде не опубликована⁸¹⁴. Забегая вперед — об этом вопросе речь будет дальше, должен сказать, что у Ю. Одарченко в рукописи есть очень интересная проза, по свидетельству читавших ее, но по обстоятельствам «напечатать негде» эта проза пока что остается в рукописи⁸¹⁵. Без основания В. Варшавский пропускает имена некоторых парижских поэтов, например, С. Прегель, Ирины Кнорринг, Л. Кельберина и т.д.⁸¹⁶

Но самую большую неточность Варшавский допустил в отношении общей истории зарубежного литературного поколения, — говоря о пресловутой «парижской ноте».

О «парижской ноте», о духовной атмосфере, создавшейся в тридцатых годах в молодых литературных кругах Парижа, много писали и говорили — и верного и не верного. Но если у некоторых лиц, писавших после войны о «парижской ноте» и до войны в Париже не живших, могут быть весьма извинительные ошибки, парижанин и активный участник довоенной литературной жизни В. Варшавский, казалось бы, таких ошибок совершать не должен. Так, Варшавский совсем не прав, ссылаясь на позднюю, в 1943 году, и вне Парижа, в Нью-Йорке написанную статью Г. Федотова, в которой, по словам Варшавского, Федотов, «очень правильно приравняв "парижскую школу" к "школе Адамовича", отмечал...»⁸¹⁷ и т.д.

Во-первых, сам Г.В. Адамович — и в этом его несомненная заслуга перед всей тогдашней молодой литературой — никогда не стремился создавать школы, отрицательно относился ко всяким «измам» и постоянно боролся со всякими, слишком легкими, упрощениями и наклеиваньем этикеток. Во-вторых, при всем уважении к памяти Г.П. Федотова нужно отметить, что от литературных и особенно поэтических кругов Парижа он стоял довольно далеко, стихами не очень интересовался и, думаю, вряд ли читал сборники большинства тогдашних поэтов, зная о них, главным образом, понаслышке. Поэтому-то его перечень «наиболее парижских из всех парижских поэтов», как выразился Варшавский, весьма произволен. Ведь все-таки нельзя же включать «в школу Адамовича» Георгия Иванова! Борис Поплавский только в свой ранний период, т.е. до «Флагов», вызывал полное доверие у Г. Адамовича, после же выхода «Флагов», по-прежнему признавая его большой талант, Г. Адамович во многом был не согласен с поэтикой Б. Поплавского (см. статью о «Флагах» в «Последних новостях»⁸¹⁸), т.е. никак уж не принял бы его в свою (воображае-

ую) школу. Довид Кнут, поэт очень своеобразный, со всеми его достоинствами и недостатками, вообще был бы плохим участником любой «школы», Ю. Софиев⁸¹⁹, особой индивидуальностью никогда не отличавшийся, следовал, главным образом, Гумилевской школе, «акмеизму», — тут уже явная натяжка со стороны Федотова.

Если же говорить о «наиболее парижских из всех парижских поэтов», стремившихся осуществить в своей поэзии то, чего бы хотел Г. Адамович, то нужно назвать, во-первых, Анатолия Штейгера и Лидию Червинскую, а затем уже других.

Думаю также, что Г.П. Федотов просто не знал о существовании других поэтических течений в те годы, например, о «Перекрестке», близко связанном с 1926 по 1934 год с Вл. Ходасевичем⁸²⁰ и в значительной мере разделявшим его отношение к «делу поэта». В эту группу — из «парижан» — входили: гр. П. Бобринский, Довид Кнут, Ю. Мандельштам, Г. Раевский, В. Смоленский, Ю. Терапиано, к ней же примыкала Н. Берберова. «Перекресток» единственный пример объединения поэтов, находившихся в разных странах, имел еще Белградскую группу, в которую входили: И. Голенищев-Кутузов, Алексей Дураков, Екатерина Таубер (переехавшая потом во Францию) и К. Халафов.

Общая атмосфера, т.е. известный духовный климат, какой-то сговор о том «главном», к которому хотели прийти, о том враждебном, от чего отталкивались, создалась только в последние годы перед войной, именно в виде общей настроенности, но никак не в виде определенной поэтической школы, какого-нибудь «изма», как «акмеизм» или «символизм».

Нужно отметить также и группу, образовавшуюся по инициативе М. Слонима, — «Кочевье», объединившую поэтов и писателей формально более левых, чем, например, «Перекресток», в которой участвовали: Ант. Ладинский, Б. Поплавский, В. Андреев, А. Гингер, А. Присманова, — упоминаю лишь поэтов.

После этих необходимых фактических поправок, скажу несколько слов о том, в чем, на мой взгляд, заключалась главная беда, выпавшая на долю «незамеченного поколения».

Вл. Ходасевич, столь благородно — и не раз, и не два выступавший на защиту интересов тогдашних «младших», в своей статье по поводу смерти Б. Поплавского, которой тогда был потрясен, немного сгустил краски: «...на Монпарнасе порой сидят до утра потому, что ночевать негде»⁸²¹. — Кто же? Насколько мне известно, среди монпарнасцев-литераторов бездомных не было. Сказанное вовсе не означает, однако, что большинство из них жило сравнительно легко. Два-три указания на состоятельных лиц положения не изменят. Подавляющее большинство знало не только бедность, не только работу на фабрике или в бюро, но и длительную безработицу, с жалким пособием для безработных (эти годы были как раз годами большой безработицы во Франции и тяжелого положения иностранцев). Страдали также от хронического недосыпания те, которые имели работу: литературные собрания всякого рода начинались и кончались поздно, а утром нужно было рано вставать: так у меня, например, тянулось пять лет, пока я работал в бюро известной распространительной французской фирмы «Ашет». Трудно было также — работавшим — постоянно «переволочаться» из «трудящегося» в «писателя» или в «поэта» и обратно. Думаю, если бы такие переходы, — длительные, в течение многих лет, предложили бы проделать, например, «акмеистам» — Гумилеву, Ахматовой, О. Мандельштаму и другим, то их «продукция», вероятно, тоже

бы пострадала. Но молодежь, даже относительная, т.е. «перестарки», как шутила З. Гиппиус, насколько я знаю, страдала не столько от материальных трудностей, сколько от моральных. Легче плыть против течения в материальном смысле, чем плыть против течения (так! — *ред.*) (а все мы только это и делали!), находясь почти что в полном одиночестве. Да, у «незамеченного поколения» были друзья, которым оно навсегда останется признательным: Вл. Ходасевич, Г. Адамович, Г. Иванов, Н. Оцуп, З. Гиппиус, Д. Мережковский; И.А. Бунин порой поддерживал то одного, то другого «молодого», попадавшего в его поле зрения; И.И. Фондаминский то организовывал сборники «Круг», то просто помогал связями и деньгами, как и М. Цетлин. М. Слоним тоже поддерживал некоторых, так же как и М. Осоргин, А. Ремизов и Б. Зайцев. Но за пределами литературных кругов всякая опора, всякое внимание к «незамеченному поколению» кончались. Не было не только «тысячи русских студентов», о которых вздыхает в своей статье В. Яновский, но просто не было почти никого из «дальних». Между широкими кругами зарубежных читателей, в огромном большинстве состоявшими из людей культурных и даже квалифицированных, но желавшими видеть в новейшей литературе продолжения прежнего и требовавшими воспоминаний, а также гражданских мотивов, и «молодыми», желавшими во чтобы то ни стало «творить искусство», с первых же лет эмиграции образовалась пропасть.

«Непонятно», «отвлеченно», «мрачно» — «нытики какие-то, вещатели смерти!» — посыпалось на новых писателей и поэтов. Не стоит рассказывать, почему авторы коротких и удобных для подверстки «стишков», в смысле возможности печататься, получили преимущество перед прозаиками, а также подсчитывать, кто из тогдашних поэтов и прозаиков все-таки успел как-то заявить о себе. Самое страшное, с чем пришлось столкнуться «незамеченному поколению», — это ледяное равнодушие к ним. Ю. Фельзен был прозаиком, выпустил три книги, напечатал много критических статей, после его смерти о нем много писали, — и вот, может быть, нечаянная оговорка Е.Д. Кусковой: «Фельзен, известный поэт», и горе в том, что эту оговорку, — можно быть уверенным, большинство читателей просто не заметило. — «Небольшая книжка стихов, несколько напечатанных отрывков и дневник богоискателя с сомнительной моралью. Это слишком мало для духовного оправдания молодого поколения эмигрантских писателей, и это не есть литературное наследство», — пишет о Поплавском Андрей Седых в своей статье «Итоги Г.В. Адамовича», упрекая Адамовича за то, что наряду с «маститыми и знаменитыми» он вспомнил в своей книге Б. Поплавского, А. Штейгера и Ю. Фельзена⁸²². От Б. Поплавского, кстати, осталась не «одна», а три книги стихов: вышедшие при его жизни «Флаги» и две посмертных «Снежный час» и «Венок из воска», кроме того — два романа, напечатанные лишь в отрывках, — «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес» и замечательный своим религиозным напряжением и непосредственностью дневник, по отдельным фразам из которого трудно судить о нем, а тем более — осуждать. И.И. Фондаминский, друг «незамеченного поколения», прекрасно знал о существовании «подпольной» литературы в эмиграции: подпольной не потому, что ее нужно было скрывать, а потому, что ее негде было печатать. Не стану утверждать, конечно, что под спудом в портфелях представителей «незамеченного поколения» лежали или лежат только «перлы», но смею надеяться, что многие из погребенных рукописей, хотя

бы тех же Поплавского и Фельзена, не говоря уже о других, ныне здравствующих, не менее достойны издания, чем никому не нужные переводы с иностранных языков, переиздания каждому известных и не столь уж замечательных книг и т.п.

А так как поэтам, действительно, баловням судьбы в эмиграции, по сравнению с прозаиками, после войны опять повезло — их сборники вот уже пятый год (правда, только в три печатных листа) издает «Рифма»⁸²³, выразим пожелание, чтобы и проза «незамеченного поколения» постепенно увидела свет.

Ю.П. Трубецкой Недооцененное поколение

Что делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

*Александр Блок*⁸²⁴

В зарубежной литературе и поэзии «небольшие (но весомые) книжки изд[аний] «Рифма», «Новый журнал», воскресные номера «Нового русского слова» стараются заполнить зловещую пустоту. Разговором о ликвидации Чеховского издательства дополняют это довольно безотрадное положение.

Конечно, недаром появились статьи «О незамеченном поколении». Незамеченное? Да, конечно. Лежит ли вина на самих поэтах и писателях? «Мрачно. Безнадежно. Упадочно». Почему? Алфавитная истина: все лучшее в поэзии — и в музыке отмечено мрачностью, безнадежностью. Ек. Кускова в своей статье-памятке («Нов[ое] русск[ое] слово» 11 сент. 1955) присоединила к концу некий указующий перст, цитируя Гумилева:

Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо...

Гумилев шел на расстрел с улыбкой, курил. Улыбался и Леонид Каннегисер⁸²⁵, когда его везли в моторной лодке на расстрел. Каннегисер убил палача Урицкого. Гумилев никого не убивал. Научили они кого «не бояться и делать, что надо»? Нет. После Гумилева и Каннегисера расправились с миллионами.

«Слопала-таки нас слюнявая, гугнивая матушка Русь как чушка своих поросят»... (Блок)⁸²⁶. Слопала. Лопает и по сей день. Выходит (по Ек. Кусковой), что надо «организовать» особый полк поэтов, которые бы научили «не бояться и делать, что надо!».

А поколение, не успевшее, не смогшее сесть на пароходы в Одессе, в Крыму, в Новороссийске и оставшееся «там»? Исключаю приспособившихся вроде Городецкого, Тихонова и др.

Дело, в конечном счете, не в том, что *не заметили*, а в том, что *не умели и не умеют хранить!*

Вновь количество [не] напечатанных рукописей во много, много раз превышает то, что скудно просачивается в печать.

А Блок был так уж пристально отмечен? Ходасевич? А Иннокентий Анненский? Ведь «знаменитые» пародии Измайлова и фельетоны Буренина (Алексиса Жасминова) ценились больше, чем поэты, которых они высмеивали. Это все так же непреложно, как и то, что люди XX века более далеки от идеи добра, чем, скажем, во времена инквизиции. (Простая статистика: сравним сотни ведьм и еретиков, сожженных на кострах, с десятками миллионов гитлеровских жертв и жертв мирового коммунизма – Чека, ГПУ, НКВД, МВД.) Непреложно:

Пушкин при жизни мало кому был понятен и убит. Лермонтов («собаке — собачья смерть» — слова Николая I). Полежаев, Рылеев, Достоевский. А Осип Мандельштам? Какова судьба Анны Ахматовой? Что делает, что пишет Б. Пастернак? А последний замечен? Какова судьба Всеволода Рождественского, Георгия Шенгели? Не «The Double Life» (Г. Струве), а тройная жизнь русской поэзии и литературы⁸²⁷. Первая — зарубежная, вторая — официальная, советская, которую только с известной натяжкой можно назвать русской, и третья — подпольная, подстолярная, подматрасная — несомненно существующая за железным занавесом.

В доказательство приведу несколько эпизодов, тем или иным путем ставших мне известными⁸²⁸. *1-й эпизод.* Прежде всего хочу предварить: все фамилии в эпизодах вымышлены. Это понятно. Называю лишь фамилии тех, кто сейчас на Западе или в США. Но таких — единицы. В 1921 г. зимой существовал т[ак] наз[ываемый] Цех поэтов в г. Киеве. Он приютился при грузинском ресторанчике на б[ывшей] Думской площади. Существовал лишь несколько месяцев (до весны). В связи с началом НЭПа там допускалось некоторое свободомыслие. Читались стихи отнюдь не советские. Однако среди поэтов были чекисты (Ал. Кустов), пристально наблюдавшие за своими коллегами. Весной цех лопнул. Жертвой его пал прежде всего талантливейший Николай Федорович Бернер⁸²⁹, *уехавший* в Соловки.

Переживем как-нибудь и балаган недоучек,
Переживем палачей кисти, пера, резца⁸³⁰.

Однако Бог и музы хранили Н.Ф. Бернера. Он попал на Запад, пережил Соловки. Здесь, в свободном мире, знают, ценят Бернера? Мало знают, мало ценят. Он даже не издал своей книги за последние несколько лет. Не замечен. А если и замечен — вскользь, мимолетно.

Печальная судьба киевского молодого поэта Рябчинского. Он поплатился тюрьмой за свои стихи. Он перестал писать и убит — как передают — во время бомбежки Киева. Позже умер от туберкулеза талантливый и своеобразный поэт Игорь Юрков. Умер поэт Виктор Безродный.

Эпизод 2-й. Неистребима жажда общения между собой и вынесения творчества если не в печать, то в кружок избранных. Эта жажда вызвала к жизни объединение «Антарес». В этом объединении участвовали поэты, прозаики, музыканты, художники, философы.

Они собирались б[ольшей] ч[астью] в квартире поэтессы Кремер, позже в квартире профессора Лидарова. Писали, читали, обсуждали прочитанное. Кое-кто, приезжая из

столицы, посещал это объединение. Назову Осипа Мандельштама, Вс. Рождественского, С. Спасского. Но в «Антаресе» завелась червоточина. Проникли сотрудники ГПУ. «Антарес» распался. Кое-кто из членов содружества попал под объектив ГПУ.

Эпизод 3-й. Все же «внутренняя эмиграция», подпольная литературная жизнь продолжалась и после разгрома «Антареса». Из интересных поэтов уцелели еще несколько человек. «Антарес» преобразился в литературные «Среды». Собирались на квартире художника Ильяшенко. Читалась поэма Ал. Орлова «Самогон».

Петр велик, да тяжек,
Стонет Русь под бременем Петра,
Не моя ль сегодня ляжет
Голова под взмахом топора?

Читались лирические стихи Екатерины Лидаровой, Валерия Хозарова, Вс. Шманкевича и многих других. Читалась проза. Никто в печати не выступал. Ибо в объединении не находила отзвука коммунистическая идеология. Так же как в «Антаресе» — в «Средах» завелась червоточина. Всесильное ГПУ взяло «под объектив» и это содружество. Кое-кто уцелел. Но большинство было разослано по лагерям принудительного труда, после следствия, на котором «Среды», как ранее «Антарес», превращены были в «антисоветские контрреволюционные группировки, имеющие целью сорвать социалистическое строительство», и т.д. и т.п.

Эти три эпизода, случайно рассказанные или известные автору этих строк, являются той каплей воды, в которой отражается океан. Если такие объединения были в г. Киеве, то они были и в других городах. Очевидно, есть и по сей день.

И я уверен, что после освобождения России от ига большевизма Русская поэзия и литература, да, пожалуй, и искусство в самом широком понимании обогатится и зацветет. И мы прочтем, если доживем, многое, что спрятано в тайниках от «меча революции», от «недреманного ока» советской жандармерии.

Упреки в непонятности, упреки в стопроцентном пессимизме. Как же не отвернуться от этой «атомической» истерики, от пошлых джазов, от не менее пошлого «вагонного творчества», наводняющего книжный рынок? О лучшем поэте русского зарубежья Г. Иванове пишут: «его стихи пахнут парижским моргом» (Б. Ширяев — «Наша страна» — статья о «Лит[ературном] современнике») ⁸³¹. Нет никаких данных о «прियाтии мира сего». Хохотать, скалить зубы, похлопывая залихватски читателя по сытому брюху, — разве это цель поэзии и литературы? Эпатировать мы никого не собираемся. И если почему-либо г-же Кусковой не понятен Поплавский или кто-нибудь другой, из этого отнюдь не значит, что поэзия должна предварительно справляться со вкусами.

Поэзия (настоящая!) была, есть и будет достоянием немногих — т.е. сугубо камерна. Так же как сонаты Бетховена, прелюдии Шопена, Дебюсси, Равель в музыке. Судьба и мысли Б. Поплавского трагичны. И вместе с тем показательны как переживания истинного поэта. И его «монпарнасское» настроение не есть отрыв от Родины.

В. Варшавский об этом именно пишет и обещает в скором времени книгу. Очень уместно, очень своевременно. И собственно говоря, поколение не «незамеченное», а трагическое, недооцененное. Сейчас же, в зарубежье уже очерчиваются два направления,

если не говорить прямо — две группировки. Одна продолжает — или пытается продолжать «парижскую ноту» (изд[ательство] «Рифма», «Нов[ый] журнал», «Опыты»), другая резко отмежевывается от ценностей, созданных в зарубежье («Посев», «Грани»).

С другой стороны, «Возрождение» после ухода С.П. Мельгунова⁸³² стало каким-то (не пойму именно каким!) «партийным органом». Художественная сторона как-то поблекла, поблекла и политическая.

В конце концов рассуждения о «незамеченном поколении» должны вылиться в не-[что] определенное. Надеюсь, что будущая книга Варшавского эту задачу выполнит.

Н.Е. Андреев

Заметки о журналах. «Новый журнал». Книги 37–42

[Отрывок]

...Интересен, как обычно в «Новом журнале», отдел — Литература и искусство. Нет возможности отозваться на все статьи, но следует выделить хотя бы несколько тем.

<...>

* * *

В сорок первой книге журнала помещена статья В. Варшавского «Незамеченное поколение» — о так называемом «втором поколении» эмигрантских литераторов. Статья, как принято говорить, «нашумела», вызвав полемическую «бурю в стакане воды» (на страницах «Нового русского слова»). Сила статьи в том, что устами Варшавского глаголет «дева Обида»: не за себя лично, а за поколение своих сверстников, которое по воле судьбы оказалось жертвой «одиночества, отверженности и беспочвенности». Но полемика пошла, главным образом, вокруг вопроса, почему М.Л. Слоним в своей книге «Modern Russian Literature» уделил младшим эмигрантским писателям всем вместе только около двух страниц.

Не включаясь в полемику, скажем только, что роль Слонима во всем вопросе двойственная. В эсеровском журнале «Воля России» Слоним храбро печатал во второй половине двадцатых и в самом начале тридцатых годов совершенно никому не известных начинающих авторов («большая критика», видимо по политическим соображениям, на этот журнал рецензий обычно не давала, и потому шума вокруг напечатанных счастливых возникало мало). Слоним также пытался наладить в Париже литературную газету (вышло, кажется, пять или шесть номеров), где были — по тем временам неслыханно широко открыты двери для начинающих писателей⁸³³.

Он был единственным тогда из редакторов крупных органов, кто приезжал, например, в Прагу или в Брюссель, устраивал лекции об эмигрантской, в частности, парижской «молодой литературе». Он был единственный, кто собирал в той же Праге, кишмя кишевшей русскими студентами, на «литературные чаи» в редакции «Воли России» всех тех неизвестных молодых людей, которые, по завету Салтыкова-Щедрина, «звание литератора» предпочли бы всякому иному, но которые в большинстве своем становились химиками, врачами, агрономами, как, впрочем, всегда бывает во всех странах и во все времена.

Вспоминая те годы, видишь Слонима в роли не только защитника литературной молодежи, но и доброжелательного «пропагандиста» ее произведений.

Времена те в общем были странноватые, если судить о них с нынешних позиций. Теперь с литературной молодежью считаются. Весь вопрос — в наличии таланта и интереса. Тогда положение было совершенно иным. Помнится, например, в Союзе русских писателей и журналистов в Праге в правление почему-то входил одно время чудаковатый историк-юрист М.В. Шахматов. Он совершенно серьезно предлагал еще безусым стихотворцам подавать заявления о желании вступить в Союз, «приложив список ваших трудов, а также курикулум витэ с перечислением ученых степеней, гражданских и военных званий и административных постов, занимавшихся вами до Октябрьского переворота...». Вся эмигрантская пресса была тогда в руках «заслуженных», что, впрочем, было вполне естественным явлением.

На этом фоне литературных «послужных списков» Слоним был единственным вольнодумным исключением.

Однако, незадолго до закрытия «Воли России» (в связи с сокращением чехословацкой финансовой поддержки русской эмиграции), Слоним резко переменял свою точку зрения и в той же «Воле России» написал статью, в которой оценивал весьма пессимистически перспективы русской литературы за рубежом⁸³⁴. «...И ты тоже, Брут...» — сказал с горькой мрачностью, ознакомившись с «приговором», пражский остроумец, прозаик, подававший надежды, Василий Федоров⁸³⁵.

По-видимому, такая оценка Слонимом будущего эмигрантской словесности ишла отражение в тексте его английской книги.

При чтении статьи Варшавского возникает двойственное впечатление. Первый пласт его — сочувствие к поколению литераторов, оставшихся вне реальности. Второй пласт — сомнение в том, что их «труды» (говоря странным языком упомянутого ныне покойного Шахматова), действительно, были уже воплощены в «слово искусства». Не то что надо сомневаться в их «преданности литературе», в оригинальности их внутреннего мира, в глубине ощущений или идей. Но очень часто, слишком часто все это оказывалось лишь «записями из дневника», т.е. просто грудой психоаналитического материала.

«Сырье, безнадежное сырье», — говаривал А.Л. Бем, сокрушаясь при чтении подобных новинок.

«Беспомощная мегаломания», — ужасались люди, ценившие в литературе форму и мастерство. «Скука и болезненное ячество», — твердили рядовые читатели, возвращая с поклоном в библиотеки произведения «незамеченного поколения», и просили из новейших эмигрантских авторов книги Алданова, Сирина, Зурова, у которых — при всей разности характера и направленности дарований этих писателей — есть то, что превращает их страницы в высокое словесное искусство, поднимающее каждого читателя.

* * *

Статья Варшавского хорошо показывает внутренний мир представителей «незамеченного поколения». Но именно поэтому становится особенно ясным, что искусство неотделимо от мастерства, от овладения литературной техникой, от упорной работы над словом, над фразой, над архитектурой повествования, неотделимо от жанров. Иначе про-

изведения — в самом деле — превращаются в скопление исписанных листов, вмятых только автору и его ближайшему окружению. Литература, как искусство, рождается не при одном идейном озарении или при наличии личной искренности, но в поисках формы, в переключении материала личного переживания в объективизированное слово.

Трагедия «незамеченного поколения» — кажется — не только в том, что произведения его мало печатались, но и в том, что эти «труды» попадали в печать в состоянии «первообразного хаоса». Оттого и получился печальный парадокс: «плач» Варшавского привлекательнее и значительнее многих произведений, которые он называет. Таланты, как правило, из-за «злых редакторов» не погибают, но произведения, неоправданно претендующие на значительность, читателей не находят. Вина ли это читателей, или их здоровый инстинкт в борьбе с духовным распадом?

Варшавский, по доброте или из-за критического дальтонизма, смешал в своей статье, словно Ной, и «чистых и нечистых». Их когда-нибудь отделил друг от друга будущий историк русской литературы за рубежом. Вероятно, разбор его будет нелицеприятен. Можно опасаться, что на долю «незамеченного поколения» придется не только сочувственные вздыхания, но и слова суровой правды о его неумелости.

<...>

М.В. Вишняк

О «незамеченном поколении»

По «американскому» образцу начну с конца — с заключения. Прочтя книгу В.С. Варшавского «Незамеченное поколение», пришел к заключению: тема интересна и значительна; намерения у автора самые благие; самому ему сочувствую; но поставленная им задача выполнена неудачно.

И, прежде всего, «Незамеченному поколению» уделено в книге гораздо меньше места и внимания, чем положительной проповеди — или пропаганде — необходимости срастить демократию с иудео-христианским восприятием мира. В этом главный упор автора и главная его тема. Содержание книги не соответствует ее заглавию и состоит по преимуществу из цитат и ссылок. Даже незаурядную мысль автор предпочитает высказывать не от себя, а чужими словами, от имени тех, кто представляется ему авторитетом. Он перепечатывает иногда полностью весь этот замечательный материал.

В общем получилась даже не «антология» или собрание лучших образцов того, что автор хочет показать, а совершенно случайный сборник иллюстраций и доказательств, попавшихся автору под руку. Он называет свою книгу исследованием. Но это, конечно, не так. Это — импрессивное выражение чувств и взглядов «исследователя», нередко обходящего полным молчанием материал и факты, свидетельствующие против утверждаемой им тезы.

1. «Отцы» и незамеченные ими «дети»

Что и говорить, судьба, выпавшая на долю этого поколения, была незавидная. Но справедливо ли ответственность за это, хотя бы частично, возлагать на «отцов-общественников»? Справедливо ли вообще, а тем более огульно обвинять их в том, что они будто бы

советовали «исправиться, вернуться в социальную действительность и описывать ее в духе здорового реализма»? От имени своих сверстников автор рискует утверждать: «Мы видели, что в общем мире для нас не было места и, кроме унижения и невыносимого одиночества, нас там ничего не ждало».

Это подсказано горечью и смешано — с желчью.

Идейное недовольство автора направлено — справедливо — против «Нового средневековья» Н.А. Бердяева, но почему — не против предельно нетерпимой «Философии неравенства», в которой за одни скобки он взял большевиков и умеренных консерваторов, демократов и либералов, социалистов и анархистов. Всем им Бердяев провозгласил анафему: «Все вы, интернационалисты, уравниатели, упростили, сместители, все вы убийцы, у вас руки в крови»⁸³⁶. Вы убивали нашу родину, живое существо, носившее имя России». Мало того — «вы были убийцами всегда и повсюду».

Особенное негодование Варшавского возбуждает П.Н. Милюков, и он изображает его в мрачных красках, чуть ли не как гасителя духа и творчества молодых писателей. Это, конечно, не только преувеличено и несправедливо. Это просто неверно и подсказано пленной мысли раздражением.

П.Н. Милюков, воспитанный в другой среде и эпохе, конечно, был внутренне чужд литературному сюрреализму и «монпарнасскому мистицизму» В.С. Варшавского и его коллег. Достаточно, однако, напомнить ряд фактов, чтобы призрак, созданный воображением, рассеялся. Постоянным литературным критиком в газете Милюкова был не кто иной, как первоучитель В.С. Варшавского и «русского Монпарнаса» Г.В. Адамович. А представитель «здорового реализма» талантливый М.А. Осоргин был постоянно в «Последних новостях» в загоне, под неустанным надзором, казалось, конгениального Осоргину Милюкова. А в качестве редактора «Русских записок» Милюков печатал не только Шмелева и Алданова, но и Газданова, Сирина, Вейдле, если не ошибаюсь, самого В.С. Варшавского и даже мало кому понятное «Портативное бессмертие» В.С. Яновского⁸³⁷.

Особенно жалуется В. Варшавский на то, что не печатали или мало печатали трех молодых корифеев: Набокова-Сирина, Поплавского и Яновского.

К первому это ни в какой мере не применимо: он мог печататься где хотел, и страницы всех журналов и газет были ему открыты уже в 20-х годах. Поплавского и Яновского печатали и «Числа», и «Соврем[енные] записки», — может быть, не так часто, как они того желали. Напомню все же, что В.С. Яновский, в отличие от В.С. Варшавского, печатно признал, что «нас печатали», хотя «не любили, не признавали, не уважали и кусков от разных казенных пирогов нам не уделяли» («Нов[ое] р[усское] сл[ово]»). 2.10.55).

Последние слова характерны больше для В.С. Яновского и имеют к вопросу отдаленное отношение. Скорее наоборот: если не любили и все же печатали, так в чем дело?! Вопрос решался вовсе не тем, что «отцы-общественники» советовали молодым писателям «исправиться, вернуться в социальную действительность» и т.д. Нет, дело было вовсе не в этом, а в том простом и непреодолимом факте, что печатные возможности эмиграции даже в 20-х и 30-х годах сильно отставали от продукции эмигрантских литераторов! И от этого страдали одинаково и «старые», и «молодые».

Из практики «Совр[еменных] записок» знаю, что и писатели с громкими именами, как Мережковский, Бальмонт, Ремизов, Шмелев, Шестов, — я назвал не всех, — не пере-

ставали жаловаться, что их печатают недостаточно часто или не в тех размерах, на которые они считали себя вправе рассчитывать. Приходилось делать выбор и отбор. Может быть, он бывал несправедлив и, с иной точки зрения, неправилен. Но «незамеченность» тут не при чем: что-то, но о своем существовании новое тогда поколение заявляло довольно громогласно, чтобы не сказать бесцеремонно.

Мании преследования, как известно, сопутствует мания величия. И параллельно с огульным осуждением «отцов-общественников» В.С. Варшавский прославляет свое поколение и за литературные достижения, и за общественно-политические. Автор более чем либерально раздаёт патенты на гражданскую добродетель и демократизм. При этом демократию он понимает упрощенно, сводя ее к ее «субстанции» — к гражданским правам и свободам. Между тем ими одними, как они ни существенны, демократия не исчерпывается и не определяется. И просвещенный абсолютизм знал некоторые права, дарованные свыше Фридрихом, Терезой, Екатериной 2-й. Но то не было и намеком на демократию, которая связана непременно с той или иной формой участия народа в политической жизни, с народным волеизъявлением. Поэтому-то все, связанное с «ведущим слоем» или с единой партией, может именоваться «демократией» лишь по недоразумению, — это демократия наизнанку.

По Варшавскому, и солидаристы, и национал-максималисты, и евразийцы, и младороссы добрые демократы. При таком благодушии неудивительны и его описания «братства», царившего во время ночных бдений на «русском Монпарнасе». Несомненно, была у «русских мальчиков» жертвенная готовность борьбы за право и справедливость, и с Монпарнаса шли в резистанс и героически гибли. Все это было. Были и Борис Вильде, и Вера Оболенская, и Анатолий Левицкий, и мать Мария.

Но были в «Незамеченном поколении», как и во всех возрастных группах, и другие — предатели, сотрудники Гитлера не только по необходимости, но и по убеждению. Неужели В.С. Варшавский о них забыл? О них он почти не упоминает, а упоминая — милостив и благодушен.

Когда наш прародитель Авраам «торговался» с Богом, прося пощадить грешный Содом ради тамошних праведников, Господь Бог соглашался «не истребить» Содома, если бы там нашлось 50, 40, 30, 20, «даже ради десяти не истреблю». В. Варшавский не насчитал и десятка героев-праведников, но отпустил он грехи всему «Незамеченному поколению». Это великодушно, но — за чужой счет.

2. Миросозерцание и демократия

Но главная тема книги В. Варшавского — это проповедь демократам христианства, а христианам — демократии, ибо, оказывается, идеал правового демократического общества «мистического происхождения». Здесь главными героями автора являются творцы «Нового Града» — И.И. Фондаминский-Бунаков, Ф.А. Степун и Г.П. Федотов. Назад, к «Новому Граду» 1931–1940, сводится существо положительного утверждения Варшавского, прославляющего «встречу» Монпарнаса с «Нов[ым] Градом», — из которой, по мнению не одного только Г.П. Федотова, ровно «ничего не вышло».

Не стану воспроизводить, что, в числе других «отцов-общественников», пришлось мне писать о «Нов[ом] Граде» и что, конечно, могло остаться неизвестным В. Варшавско-

му или представиться ему неубедительным⁸³⁸. Приведу, что писал «созвучный» В. Варшавскому по сращению православия с демократией, близкий мне по политическим взглядам по редактированию «Совр[еменных] записок» В.В. Руднев. Это В. Варшавский уже обязан был знать, когда взялся за свою проповедь.

В. Руднев был солидарен с Бунаковым в признании необходимости связывать политику с мирозозерцанием и религией. Они были близки и по содержанию своего мирозозерцания. Однако сильно разнились в выводах, который каждый делал из примерно того же мировоззрения*. И Руднев, как его ни приглашали, не принял участия в «Нов[ом] Граде» ни как организатор, ни как сотрудник. Больше того, он отнесся к этому начинанию сначала критически, а потом и резко отрицательно⁸³⁹.

Он писал: «Не так давно в "Совр[еменных] зап[исках]" Ф. Степун еще весьма критически относился к противоречиям бердяевского мирозозерцания, пытаясь как-то различать "хорошего" Н.А. Бердяева от развиваемой им дурной, соблазнительной "бердяевщины". Времена меняются, и теперь Ф. Степун, уже вместе с Н. Бердяевым, недавно в "Утверждениях", а сейчас в "Новом Граде" ведут одну и ту же соблазнительную политическую линию... По различному отношению к принципу *свободы, демократии*, а не к абсолютной христианской истине или к интегральному социализму, оказываются сейчас люди в разных общественных лагерях, а нередко и по разные стороны баррикады. Общественные позиции Бердяева и Степуна в "Н[овом] Г[раде]" (будем надеяться, что не позиции самого "Н[ового] Г[рада]") также определяются не их социальным радикализмом, а кроющимся под ним отрицательным отношением к эмпирической демократии и свободе... Но что поистине становится далее непереносимым, так это постоянное стремление Бердяева и Степуна приписывать большевизму тоже религиозную природу: какая пустая игра слов, какая вредная схоластика!.. Небольшое словесное ухищрение — и большевики становятся *религиозно* утверждающими *атеистическую* цивилизацию (Степун)»⁸⁴⁰.

И в заключение: «Должны признаться, перед ужасом всего происходящего в России (это был 31-й год насильственной коллективизации и голода. — М[арк] В[ишняк]), нам трудно без очень тяжелого и горького чувства читать эти измышления об энтузиазме и религиозном пафосе у палачей, о неслыханной свободе коллективного творчества у обращенного в рабство народа».

Еще резче отозвался Руднев годом позже. «Нов[ый] Град», вопреки ожиданиям, «оказался как бы общественно изолированным. Оттолкнув от себя часть возможных друзей в среде демократической, приобретающей сомнительной ценности союзников в лице всяких национал-большевиков, младороссов и сменовеховцев, "Н[овый] Г[рад]" объединил в отрицательном отношении к себе чуть ли не подавляющее большинство политически оформленной эмиграции. В чем же дело?»⁸⁴¹

И ответ Руднева: «двусмысленное отношение к результатам и перспективам большевистского опыта в России и столь же двусмысленное отношение к основам "буржуазной" культуры — к свободе, демократии, к правовому государству». Едва ли не главный огонь Руднев сосредоточил на Бунакове: за его — и Степуна и Федотова — увлечение

* То же приключилось и с В. Варшавским. Защищая демократию на христианских путях, он защищает определенную разновидность христианства. Учение Маркиона он решительно отвергает, хотя как раз оно, по его же свидетельству, придало «некоторым стихам парижской школы неотразимое очарование и вместе с тем какой-то смущающий и порочный (!) привкус нигилизма (!)».

«пореволюционной» молодежи «не потому, что она права, а потому, что она обращена к новой жизни»; за недооценку «буржуазной» формальной свободы и капиталистического мира, который «умер в душах людей»; за утверждение будто «сам русский народ в своем безумном порыве к новой жизни поставил советскую власть над собой», — «это он в почти безумном порыве к будущему идет по пути ошибок, насилия и преступлений»; за умозаключение «Н[ового] Г[рада]» от факта длительности советского режима к утверждению, что душа русского народа с большевиками; что «строящая свои пирамиды советская власть не чужая русскому народу» и т.д.

И, как общее заключение: «после всего того положительного или исторически оправдываемого, что новгородцы находят в советском режиме, трудно понять, почему, собственно, они еще так непримиримо враждебны к советской власти?»

Не надо упрощать и, тем менее, вульгаризировать. Ни один из редакторов «Н[ового] Г[рада]» не сочувствовал, конечно, ни большевизму, ни фашизму. Но в стремлении «углубить» проблему до ее идейных первоисточков, проникнуть в «корень вещей», а главное, быть созвучным эпохе и пореволюционному поколению, они порою доходили до таких несуразностей, которые сейчас кажутся почти неправдоподобными.

Что другое скажешь, когда читаешь у Степуна: большевизм не только «злостный поджог и страшный пожар в России», но и светлая «утренняя заря» «нового дня истории»; «не только ложь, но, в известном смысле, и истина»⁸⁴². Или у Федотова: в пореволюционной России нет «народа», остались лишь «хлеборобы и работники земли и леса»; «свободы не хотят массы»; ее перестал «понимать» и класс полуинтеллигенции, сменивший былую интеллигенцию; «поколение, 13 лет пресмыкавшееся перед Чека, никогда не будет свободным. Свобода может быть лишь надеждой его детей»; «демократия сейчас в России возможна лишь методами диктатуры»⁸⁴³ и т.п.

В частном разговоре уже в Америке Г.П. Федотов точно определил, когда он окончательно порвал со своим «полуфашизмом». Это произошло с приходом к власти Гитлера, который сделал из фашизма все вытекавшие из него выводы, убедившие Федотова в имманентном и неискоренимом зле фашизма.

Трагически сложившаяся судьба Фондаминского не дала ему возможности пересмотреть свои взгляды и, в частности, отказаться от лозунга «Бог и Совесть», как я формулировал его программу по аналогии с программой младороссов «Царь и Советы»*.

В заключение повторю то, что доказываю вот уже десятки лет. Миросозерцание великая вещь. Но оно не всякому доступно. И оно индивидуальное достояние, тогда как политика, как и всякое общественное делание, предполагает множественность, сочетание людей разных душевных состояний, обладающих разными миросозерцаниями или ими не обладающими. Перефразируя известное заглавие книги Шопенгауэра: мир как пред-

* В книге В. Варшавского имеются фактические ошибки. Отмечу касающиеся только покойного Фондаминского. Он не «отдал в партию (с.р.) полученное от отца миллионное наследство», потому что отец был состоятельный коммерсант, но далеко не миллионер. И Фондаминский не «был приговорен к смертной казни» ни «при царской власти», ни «при советской». Советский суд его не судил, и «врагом народа» он стал без судебного разбирательства. Что же касается царского суда, то сенсационным было как раз обратное. Захваченный «на месте преступления» — на крейсере «Память Азова», — когда восстание было уже ликвидировано, и дважды судимый военным судом, Фондаминский оба раза был чудесным образом оправдан.

ставление — индивидуалистичен, мир как воля — соборен, коллективистичен. Всякое равенство многоголовой общественности или политики по определенному мирозозерцанию обедняет последнее и неизбежно приводит к той или иной форме идеократии.

Кому покажется это суждение слишком абстрактным, скажу, что и практически единство мирозозерцания ничего не обеспечивает. И вот наглядная тому иллюстрация. В эпоху «русского Монпарнаса» в Париже долгие годы дружно проповедовали общее им мирозозерцание Бердяев, Вышеславцев и Федотов. А когда с войной наступил «судный день» для политического самоопределения, Бердяев соблазнился *о* (как говорят на религиозном языке, по уверению З.Н. Гиппиус) Сталине, Вышеславцев о Гитлере и один только Федотов чем дальше, тем все определеннее и решительнее стал исповедовать и проповедовать демократию и демократический социализм.

Г.Я. Аронсон

«Русские мальчики» в эмиграции

В.С. Варшавский написал книгу о «русских мальчиках» в эмиграции, книгу интересную, талантливую, к тому же — искреннюю и горячую, и, как это часто бывает с авторами искренних и горячих книг, — у В.С. Варшавского получилась книга наивная и благодушная, в которой сущее подменяется чаемым, а действительность превращается в миф.

Характеристика «русских мальчиков» в эмиграции обоснована В.С. Варшавским огромным и ценным материалом, который для многих читателей его книги окажется, вероятно, новым или мало знакомым, — в свое время этот материал действительно «не заметили» и не оценили. Но в том-то и парадоксальность положения, что весь этот материал не только не совпадает с оптимистическими выводами автора, а, напротив, свидетельствует против него и решительно опрокидывает все его построения. Не ограничиваясь тезисом о пользе демократии, В.С. Варшавский тщательно подбирает доказательства того, что «эмигрантские сыновья» 20-х и 30-х годов, в активном своем слое прошедшие через искус фашизма и нацизма, — политически и идеологически, — ныне, в результате печального жизненного опыта, эволюционировали в сторону западных демократических идеалов. Между тем собранные им данные не подтверждают этой мысли, свидетельствуя бесспорно только о благих намерениях автора.

Кто такие «русские мальчики» по Достоевскому, хорошо известно. «Множество, множество самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековых вопросах говорят... Есть ли Бог, есть ли бессмертие? А которые в Бога не верят, те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца» — так определяет Достоевский характер «русского мальчика» в «Братьях Карамазовых» в разговоре Ивана с Алешей. И вот, по В.С. Варшавскому, оказывается, что в Париже на Монпарнасе эмигрантские сыновья из «незамеченного поколения» были одержимы тем же непреодолимым стремлением к разрешению «вековых вопросов», заняты «переделкой человечества по новому

штату». Их души «предрасположены к мистическому подвигу», и в сердцах их жива «готовность к борьбе за правду». Описывая собрания неудачливых молодых писателей и поэтов на Монпарнасе, — по сравнению с которыми, по словам В.С. Варшавского, «самые лишние из всех лишних людей русского прошлого кажутся глубокими почвенниками», автор уверяет, что в канун катастрофы, перед лицом мирового неблагополучия, эти «русские мальчики» «именно об этом говорили... об этом и о судьбе человеческого рода вообще, о справедливости, о Боге, о братстве...».

Но В.С. Варшавский, говоря о «русских мальчиках», не ограничивается этой непризнанной писательской молодежью. Он включает в стан «русских мальчиков» всю пеструю грудю многочисленных политических группировок, которые строили особенно в 30-х годах «эмигрантские сыновья». Кого только тут нет! Одно перечисление названий способно оглушить свежего человека: утверденцы, национал-максималисты, христианские анархисты, национал-христиане, нео-народники, нео-демократы, четвертороссы, национал-социалисты и, разумеется, младороссы, евразийцы, солидаристы и сменовеховцы. И хотя В.С. Варшавский свыше 100 страниц книги отводит характеристике политических воззрений и выступлений младороссов и солидаристов и со всей определенностью устанавливает их место в фашизме и даже национал-социализме тех лет, — он странным, почти непостижимым образом видит в них идеальный прообраз «русских мальчиков» Достоевского, болевших душой за человечество и готовых примириться только на вселенской гармонии. Эта мысль, что, несмотря на искус фашизма, через который они прошли, все они сохранили верность «русской идее» и лучшим традициям «духовного ордена русской интеллигенции» не только не верна, но отвергается всеми материалами, в изобилии приводимыми автором. Это, однако, не останавливает его от весьма рискованных утверждений к характеристике послереволюционных движений молодежи.

«Черносотенство многих, — пишет он, — было случайным и наносным», — на самом деле их чувства и идеи были «романтическими и человеческими». Говоря о младороссах, он утверждает, что «за явно фашистским фасадом в младоросской идеологии было очень много далекого от фашизма», хотя фактический материал об этом движении, обильно рассеянный в книге, дает возможность установить, что триединая формула их: «Бог, царь, родина», бесславно утонувшая впоследствии в национал-большевизме, в лоне которого младороссы окончательно упокоились, — оказалась целиком заимствованной из арсенала фашизма с его социальной демагогией и антисемитизмом. А благодушный автор уверяет читателей, что «никогда на младоросских собраниях не чувствовалось духа садистического (?) человеконенавистничества».

В еще большей мере идеализация политических движений «эмигрантских сыновей» дает себя знать у В.С. Варшавского, когда он говорит о солидаристах. «Солидаризм есть фашизм», — пишет он со всей определенностью. И тут же продолжает: «Но это утверждение, несомненно правильное, не дает верного представления о солидаризме», ибо... «каким-то образом, таинственным для человека демократического лагеря, солидаристы видели в тоталитаризме не более не менее как применение к социальной жизни начал абсолютной евангельской морали... Именно в этом состояла одна из главных идей, вдохновлявших НТС», — вопреки тому, что для них главными борцами «за новый социальный

порядок и прочный социальный мир стоят Гитлер, Муссолини, Салазар». Хорошо звучит это словосочетание: Гитлер и евангельская мораль!

Как было уже выше отмечено, Варшавский не столько пишет историю «незамеченного поколения», сколько преследует определенные положительные цели своей книгой. Центральной его мыслью является пропаганда — лицом к «эмигрантским сыновьям» — идеи демократии, — как ему кажется, идеи, вытекающей из их политического и жизненно-го опыта. Эта пропаганда демократии не может не вызывать сочувствия, но ввиду того, что она облечена автором в пышные религиозно-философские одежды и преподносится не просто как демократия политическая и социальная, а как «христианская демократия», на этом вопросе приходится несколько задержаться, — тем более что обоснованию этой идеи посвящено несколько глав книги, не меньше 100 страниц, в которых собран опять-таки довольно изобильный материал о религиозных движениях 30-х годов.

Правда, тут действует не столько молодежь, сколько старые эмигранты, испытанные в боях, — которым, казалось бы, не место в книге о «незамеченном поколении». Но В.С. Варшавскому они понадобились для того, чтобы установить «смычку» между поколениями, перебросить мост между ними, — отталкиваясь от одного полюса — от Бердяева с его «Новым средневековьем», своей борьбой против либерализма и демократии явившегося «злым гением» — совратителем «эмигрантских сыновей» в фашизм и национал-большевизм, и притягиваясь к другому полюсу — «Новому Граду» Федотова и Бунакова, — по мнению В.С. Варшавского, рыцарей «христианской демократии» перед эмигрантской аудиторией.

Самым слабым звеном книги Варшавского является сплетение в ней политической и религиозно-философской тематики, как и ее мировоззренческая целеустремленность. Я отдаю себе отчет, что многие именно этот метод предпочитают и в нем видят «углубление» проблемы. Но когда в главах, трактующих религиозные движения «русских мальчиков» эмиграции, наталкиваешься на сентенцию: «все страшные события последних лет произошли из-за того, что люди забыли Бога» или на другую сентенцию: «в катастрофе революции мы видели возмездие за дехристианизацию культуры», то склоняешься к мысли «народника-мессианиста» Бороневского, сказавшего, что из идеи христианизации культуры государства «никогда ничего не выходило» — «кроме делового извращения христианства и теологического осквернения жизни»⁸⁴⁴. Я вполне разделяю критическое замечание Г. Адамовича о «Новом Граде» как о «революции на лампадном масле»⁸⁴⁵.

И. М. Троицкий

Незамеченное поколение

М.Е. Вейнбаум в статье, посвященной Чеховскому издательству, отмечает, что эмигрантскую общественность всколыхнула книга В. Варшавского о «незамеченном поколении», о которой будут еще говорить и писать⁸⁴⁶. Предсказание оправдалось.

Уже появление в «Новом журнале» одной только главы этой книги вызвало острую полемику на страницах «Нов[ого] рус[ского] слова».

С поступлением «Незамеченного поколения» в продажу, интерес к этому произведению множится, а шум вокруг его актуальной тематики растет. В чем кроется причина успеха этой книги? Ответ на этот вопрос дал симпозиум, организованный обществом «Надежда»⁸⁴⁷, привлечший много публики. Большой зал Клуб Хауза был полон. Председательствовал Ю.И. Болотовский⁸⁴⁸.

Вступительное слово в форме краткого доклада сказал проф. М.М. Карпович⁸⁴⁹.

— Книга В. Варшавского, говорит он, написанная с волнением и горечью, уже много обсуждалась в эмигрантской печати, но обсуждение это было несколько односторонне, так как сосредоточилось на судьбе «незамеченного поколения». Между тем из опыта этого поколения автор сделал некоторые общие выводы, и для него эти выводы, несомненно, являются главным содержанием книги. В основе ее лежит идея о необходимости сближения между христианством и просвещенством: христианство должно стать социально более активным, а просвещенство — более духовным... — Докладчик в основе принимает эту идею. Его смущают, однако, некоторые неясности в их аргументации и трактовке. С одной стороны, Варшавский поддерживает мысль Вл. Соловьева о том, что разница в мировоззрении не должна служить препятствием к современной работе над осуществлением конкретных общественных задач. С другой, однако, он сочувствует идее покойного И.И. Фондаминского о воссоздании «ордена русской интеллигенции», основанного на общей вере. В «ордене русской интеллигенции» В. Варшавского привлекает больше всего его жертвенность. Мысль о жертвенности — лейтмотив его нового произведения. У автора, однако, нет ясного разграничения между готовностью к самопожертвованию и жаждою мученичества. Нет такого разграничения также между радикальным преобразованием человеческой жизни на земле и преображением в духе философии Н. Федорова, проповедовавшего даже воскрешение мертвых коллективными усилиями. Все эти «максималистские» уклоны носят отчасти эмоциональный и отчасти терминологический характер, несколько не умаляющий значения книги.

О. Александр Шмеман начинает с указания глубоких разногласий между автором «Незамеченного поколения» и традиционной церковной установкой. Разногласия эти затрагивают столь центральные вопросы, как учение о личном Боге, о грехе, спасении, эсхатологии и Церкви. Разногласие все же не должно скрывать и согласие. Автор ставит вопрос, которым христиане слишком часто пренебрегают: об участии в историческом «делании», о христианском происхождении и сущности тех ценностей, что защищались и провозглашались как бы наперекор историческому христианству. Это — свобода и ценность личности и общество, построенное на таком понимании личности.

Ю.П. Денике⁸⁵⁰ — третий из основных докладчиков — рекомендует себя как представителя «незамеченного поколения». Он признает, что не замечал многого, о чем узнал из книги Варшавского. Однако, как ни важна тема «незамеченного поколения», она далеко не исчерпывает проблемы отношения между поколениями в русской эмиграции. Взаимная отчужденность была гораздо сильнее, чем обычная рознь между «отцами» и «детьми». Между поколениями была не стена, которая мешала одному поколению видеть другое, а скорее колючая проволока, часто очень острая.

Это было следствием глубокого социально-психологического различия между «поколением побежденных», каким была демократическая эмиграция, и «поколением неудачников», как можно охарактеризовать значительную часть младшего поколения. Докладчик останавливается на роли, которую психология неудачников играла в фашистском и нацистском движении. Фанатически накаленная идея особой миссии России и русского народа-«богоносца» психологически близка корням «расизма». Варшавский хорошо показал в своей книге человеческую драму неудачников, миропонимание которых сложилось в результате родства этих двух концепций...

Коряков говорит о своем поколении, выросшем в России и соответствующем поколению, описанному в книге Варшавского. Какая разница в мироощущении между ними? Поколение, выросшее в России, это — поколение строителей. Его мироощущению присуща «вещность», конкретность в отличие от мистических устремлений ровесников от эмигрантских сыновей. Оратор ставит вопрос: возможна ли духовная встреча между ровесниками по обе стороны железного занавеса? Он не знает ответа на этот вопрос. Но, поскольку у одних есть «вещность», «земля», но нет духовности, а у других есть духовность, но нет «вещности», такая встреча была бы благотворна для обеих сторон. Не исключена, однако, опасность, что подобная встреча может вылиться в диалог глухих...

В.Н. Завалишин⁸⁵¹ находит, что книга В. Варшавского восполнила пробел в истории русской эмиграции. Утверждая отсутствие в мире новой идеи, способной действительно противостоять соблазну коммунизма и его влиянию на молодое поколение, В. Завалишин решительно возражает против «диалога глухих», которого опасается Коряков. Религиозные искания Варшавского не новы, но понятны, особенно в условиях, породивших огарничество «незамеченного поколения». Советская молодежь жаждет свободы, но ей чужды мистика и религиозные искания. Меж тем свободы без человечности и сострадания быть не может.

С суровой критикой «Незамеченного поколения» выступает Р.Б. Гуль. Он считает ценной основную идею книги Варшавского о сближении христианства и демократии, но возражает против метода разработки темы книги. Панорама эмигрантской политической мысли и эмигрантских организаций представлена в книге однобоко. В ней отсутствует демократический сектор эмиграции. Гуль объясняет это погоней автора за людьми и организациями целостного мирозерцания. Не убеждают Р. Гуля и утверждения Варшавского о глубине христианских настроений русского Монпарнаса.

И. Троцкий останавливается на главах книги, посвященных литературному Монпарнасу⁸⁵². И ему книга многое дала и объяснила, вскрыв психологию целого поколения, блуждавшего по социальной периферии эмигрантского быта, в поисках какой-то своей правды. Полемизуя с некоторыми слишком суровыми критиками, обрушившимися на автора «Незамеченного поколения» за недостаточную бдительность в подборе материала и щедрой раздаче патентов на демократию, он берет под защиту Варшавского, книга которого — явление желательное в эмигрантской литературе.

Выступление епископа Иоанна Сан-Францисского явилось сюрпризом для аудитории.

— В мире, — говорит владыка, — сейчас происходит борьба не идей, а духов. Поэтому необходимо от оценок «идейных» перейти к духовным. Попытку такого перехода

он и приветствует в книге Варшавского, — дух которой несомненно христианский, дух милосердия и братского отношения к людям.

Владыка Иоанн заключает пожеланием, чтобы автор вскоре выпустил новую книгу, написанную на уровне дарования, которым отмечено «Незамеченное поколение».

Г.Я. Аронсон⁸⁵³, не отрицая добрых намерений автора, сожалеет, что Варшавский вышел за пределы Монпарнаса, т.е. характеристики кружка литературных неудачников. Эту среду он знает, и о ней ему есть что рассказать.

Неправильной представляется Аронсону исторически запоздалая идея возрождения в эмиграции «духовного ордена русской интеллигенции». Этот «орден» уже после 1905 года прекратил существование. Говорить о нем сейчас — значит оставаться в мире фикций.

Д.Д. Григорьев, один из деятелей солидаризма⁸⁵⁴, выступил с покаяниями, пытаясь оправдать свою организацию в легкомысленном увлечении нацистской идеологией⁸⁵⁵.

Говоря о книге Варшавского, он свидетельствует, что последний беспристрастно и правильно обрисовал путь развития его организации, не скрывая ее увлечения тоталитаризмом.

— Казавшаяся сила, подчеркивает он, стройность и четкость фаланг новых цезарей пленила воображение новых эмигрантов, живших на обломках развалившейся империи, в часто недружелюбном мире. Эти юные эмигранты долго не замечали за стройными, стальными рядами нацистов черной духовной бездны.

Выступление Глеба Глинки⁸⁵⁶ трудно поддается передаче. Это была не конструктивная критика, а попросту сплошное охаивание, на которое аудитория реагировала свистом и возгласами «довольно».

Встреченный дружными аплодисментами В. Варшавский, отвечая оппонентам, благодарил их и общество за оказанное ему внимание.

Г.В. Адамович

О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем

Статью мою можно было бы назвать короче и проще: «По поводу незамеченного поколения», например, или «Еще о незамеченном поколении», в соответствии с названием книги В.С. Варшавского. Но за последние три-четыре месяца поколение «незамеченное» сделалось «замеченным», и столько о нем написано, что придется эпитет заменить другим. Да спор явно и не кончен. Страсти разгорелись, тема всех задела, а прийти к соглашению трудно. В сущности, никто к соглашению и не склонен.

В спор этот, — по крайней мере, в сегодняшней статье, — у меня нет охоты ввязываться, не потому, что он не был бы интересен, а потому, что в книге Варшавского самое значительное и важное — вовсе не характеристика отдельных эмигрантских группировок, а мысли автора о культуре и общественной жизни. Книга очень причудливо составлена. Сначала кажется, что это какой-то справочник: цитаты, имена, названия, ссылки, указания, — и только страниц через сто добираться до того, что, собственно говоря, автор думает сам, к чему и для чего он книгу свою написал, «како верует» он. В отзывах о книге промелькнуло слово «благодущие». Пожалуй, благодущие Варшавского сильнее всего ска-

зывается в его исключительной щедрости на комплименты современникам: слова «необыкновенный», «незабываемый», «глубокий», «превосходный», «удивительный» мелькают на каждой странице, попадаете даже раз или два слово «гениальный». Мне как будто не пристало на это сетовать, ибо Варшавский и в отношении меня лично оказался чрезвычайно любезен. Но, право, мысль его выделилась бы отчетливее, если бы он был в своих критических суждениях откровеннее и смелее.

Без малейшего желания обмениваться комплиментами должен сказать, что «Незамеченное поколение» — книга замечательная. Оценку такую я уже слышал от людей, с Варшавским почти ни в чем не согласных, и нахожу ее совершенно правильной. Вполне возможно, — как указал М.В. Вишняк, — что в книге много ошибок, пропусков, много фактически неверного: это недостатки второстепенные, относящиеся скорей к справочной части, чем к части идейной. Замечателен в книге общий дух ее, благородный, свободный, прекрасно-человечный, не благодушный, а чистый и светлый. «Средь лицемерных наших дел», да и «средь всякой пошлости и прозы» такую книгу отрадно читать. Ценно в ней и то, что она заставляет задуматься не о каких-либо повседневных пустяках, а о судьбе цивилизаций и о предметах не менее важных. Совсем другое дело, совсем другой вопрос, следует ли основные положения Варшавского признать правильными.

Основные положения эти сводятся к утверждению знака равенства между демократией и христианством. Устремление и воля автора направлены к реабилитации и даже обожествлению прогресса во всех его видах, политическом, моральном, техническом или ином. О связи техники с христианством Варшавский, вслед за своим учителем Бергсоном, говорит особенно настойчиво, договариваясь даже до «мистической природы машинизма».

Психологически, такая схема понятна. Даже больше, она в высшей степени привлекательна, и отчасти она-то и придает книге ее внутреннее благородство. Подобные схемы должны прийтись по душе «людям доброй воли», как пришлось она по душе покойному добрейшему Фондаминскому, кстати, одному из немногих, к кому автор «Незамеченного поколения» оказался не совсем справедлив, отказав ему в уме и таланте. Люди типа Фондаминского, как и автор книги, преданы христианству, а с другой стороны, им близок и дорог демократический идеал. Насчет же машин они готовы повторить слова Чехова о том, что в паре и электричестве больше любви к людям, чем в аскетизме⁸⁵⁷. Отсюда до знака полнейшего равенства — рукой подать.

Браво! — хочется воскликнуть. Браво! Все выяснено, остается только примкнуть к хорошему, доброму лагерю, верить в Бога, строить мирные, добрые атомные машины, возделывать усовершенствованными орудиями землю, пропагандировать парламентский строй. Все ясно, — но тут-то и запятая, как говорит Иван Карамзев. Что такое христианство?

Христианином считал себя Победоносцев. Христианином перед казнь назвал себя Желябов, убийца Александра Второго. Христианином был Соловьев. Христианином считал себя Лев Толстой. Белинский утверждал, что лучшим христианином следует признать Вольтера. Четыреста миллионов людей признают лучшим христианином римского папу, которого Достоевский обвинил в союзе с дьяволом. Христианином считал себя недавно скончавшийся епископ бирмингемский Барнс⁸⁵⁸, открыто заявивший, что не верит в воскресение

ние Христа, и при этом остававшийся епископом, — кстати, одно из самых удивительных явлений в новейшей истории церкви. Что же такое христианство?

На эту глубочайшую, важнейшую тему написано за две тысячи лет столько, что чувствуешь растерянность, едва коснешься ее. Кто прав, где истина? Может быть, вовсе не в том, где ее искали? Уводит ли христианство от мира, совпадает ли, наоборот, с его стремлениями? У нас в конце прошлого века возник спор о «розовом» и «черном» христианстве, спор, в котором Леонтьев оказался страстным противником Достоевского и Соловьева⁸⁵⁹. От всяких таких сомнений Варшавский далек, христианство у него даже не розовое, а малиново-радужное, и видит он в нем силу исключительно жизнеутверждающую. Народовластье, машины, прогресс, наука — все от христианства, к миру благосклонного и обещающего ему не только благополучье, но и счастье.

С некоторым раздраженьем автор упоминает о Маркионе, правда, только в связи с тем, что Маркионом будто бы увлекались на Монпарнасе. «Гностический соблазн» владел, по его мнению, монпарнасскими душами, и оттого в стихи «парижской школы» закрался «смущающий и порочный привкус нигилизма».

В размышлениях о том, что такое христианство, Маркион имеет очень большое значение, чего Варшавский, по-видимому, не хочет признать (да и излагает он в двух словах сущность его учения не совсем верно). Правда, о Маркионе мы мало знаем: писания его погибли, а о мыслях его можно судить лишь по текстам его обличителей, главным образом по Тертуллиану⁸⁶⁰. Маркион учил, что наш мир создан и управляется не тем богом, от имени которого говорил Христос. Тот, высший, далекий Бог зовет нас к себе из мира, сотворенного божеством, может быть, и справедливым, но в справедливости своей беспощадным, Богом законов, воздаяния, отмщения, суда, а не Богом любви и милосердия. Маркион был признан еретиком. Однако в середине второго века, когда он жил, слово «еретик» было еще термином произвольным. Не было установленных канонов, не существовало текстов, окончательно принятых или отвергнутых, многое в религиозном творчестве было еще импровизацией, а Маркион, кстати, для установления канона сделал больше кого бы то ни было. Несомненно, он был одним из великих учителей церкви, и если бы в истолковании некоторых поразивших его черт Евангелия ему, — под влиянием греческой метафизики, — не пришло в голову создать свою вдохновенно-колдовскую теорию, он учителем и остался бы. Но церковь устраивалась на прочное, многовековое существование, церковь не могла допустить мысли о двоебожии, о непоправимо-дурном мире, и Маркион должен был быть заклеямен. Разумеется, учение его фантастично. Не думаю, чтобы существовал в наше время человек, способный в реальность маркионовских домыслов уверовать. Но как ключ к христианству, как «рабочая гипотеза», это одна из самых удивительных догадок, которые когда-либо людей смущали! Да, не все в Евангелии с ней может быть согласовано, многое ей и противоречит. Но многое и отвечает ей, многое благодаря ей озаряется внезапно — ослепительной вспышкой света. Мне не хотелось бы в газетной статье приводить священные тексты, но не случайно Маркион выделил Евангелие от Луки, — и помнит ли Варшавский о том условии, без которого именно по этому Евангелию нельзя быть учеником Христа?⁸⁶¹ Как от таких слов прийти к парламентам и машинам, да и вообще к безмятежному строительству культуры, — понять невозможно!

Маркион важен не в качестве метафизика и гностика, а как человек, впервые над евангельской проповедью задумавшийся: что она, в конце концов, значит? Как с ней жить, работать, возводить города, заботиться о семье, вести какие-либо дела? Что значит хотя бы одно то, что девственность выше брака? Как согласовать это с любовью к жизни? В фантастическом полете мысли он и пришел к предположению о другом, сверхдуховном Боге и сделал прямой вывод: всякое плотское сношение, даже в браке, есть смертный грех, и чем скорей род человеческий иссякнет, тем вернее вернется на свою извечную родину. Бесспорно, это должно было быть отвергнуто.

Но вот прошло почти две тысячи лет, и в современной богословской науке то же недоумение отразилось по-новому. Варшавский, вероятно, знает, что виднейшие исследователи христианства объясняют теперь особенности евангельской морали ожиданием конца света в ближайшие годы, и утверждают они этот взгляд вовсе не на каких-либо вновь открытых данных, а на том, что иного объяснения не находят. Ренан еще колебался, но его ученики — Луази, Гиньебер и другие, выросшие и сложившиеся на католической почве, в противоположность, конечно, богословам протестантским, как Гарнак и его школа, исповедующим христианство «розовое», — пришли к мысли, по природе своей к маркионизму родственной⁸⁶². Добавлю, что у столь модного теперь Киркегарда есть удивительные, пламенные страницы о том же, т.е. во славу христианства, которое было и должно было бы остаться «не от мира сего».

Варшавский говорит о «порочном» привкусе монпарнасских стихов. Оставим Монпарнас, не такое это было замечательное явление, чтобы без конца им заниматься! Вспомним другое: вспомним стихи гениального шестнадцатилетнего мальчика об ангеле, летевшем «по небу полуночи», — есть ли что-нибудь более маркионское во всей русской литературе? А карамазовское возвращение билета на вход в жизнь? А конец мармеладовского рассказа? А бесчисленные страницы Толстого? А розановский «Темный лик» с лихорадочными примечаниями к статье Сикорского о сектантах-самосожженцах⁸⁶³? А все долготерпение, мучительные усилия Розанова отстоять брак, семью, деторождение от иных веяний, в тайне для него неотразимых?

Нет, отшвырнуть Маркиона в массу заурядных еретиков и перейти к христианству благодушно-земному, как переходят к «очередным делам», можно лишь ценой очень больших натяжек. Великие русские писатели о Маркионе, вероятно, не думали. Лермонтов вряд ли слышал самое имя его. Но одну из основных сторон христианства они уловили безошибочно, отчасти, пожалуй, потому, что «человеческая душа — христианка».

Все это я говорю вовсе не с целью подорвать построение Варшавского, а только для того, чтобы показать, как спорен поставленный им знак равенства. По мере разума моего, построение это следует всячески поддержать: достоинство его в том, что оно отвергает риск в исторической игре и делает ставку на ценности основательные, исключаяющие возможность внезапной катастрофы. Во многих христианских писаниях анти-«розового» склада этот риск присутствует постоянно, и чем писатель гениальнее, тем это очевиднее: у Паскаля, например. Бердяев утверждал, что и Толстой хотел «рисковать миром», т.е. взглянуть, что получится, если евангельскую мораль соблюсти⁸⁶⁴. Если подобный риск и можно оправдать, то лишь при неколебимой вере в абсолютность евангельской истины. При малейшей, при мил-

лионной доле сомнения лучше, конечно, «сеять разумное», по Некрасову, «делать дело» по Чехову, отстаивать прогресс, науку, машины, парламенты и прочее. Варшавский, кажется, не отдает себе отчета, насколько он в своих устремлениях близок к Милокову, на которого ожесточенно нападает. Разногласие скорей в именах и словах, чем в сущности вещей, да еще, пожалуй, в том, что Милоков отнюдь не думал, будто технический прогресс способствует углублению религиозного чувства. Варшавский твердо на это надеется и, по-моему, закрывает глаза на то, какая пропасть психологически отделяет одно от другого.

Однако при всех возражениях, при всех сомнениях, «Незамеченное поколение» — книга никак не из разряда тех, которые можно «почитывать», книга эта нужная, особенно в наше время. Она напомнила мне слова из толстовского «Люцерна»: «эти вопросы даны человеку только для того, чтобы они вечно оставались вопросами». Литературу же, как и всякое другое творчество, следует судить именно по уровню вопросов, а не по бесспорности или приемлемости ответов.

P.S. Статья моя непомерно разрослась, а хотелось бы сказать еще кое-что, в частности, по поводу Ницше, не без пренебрежения в книге упомянутого. Да и о Пушкине: «каждый русский», — по Варшавскому, — «безошибочно знает, что на Пушкине всегда будет стоять русская культура». Фраза по существу архи-знакомая, стереотипная и едва ли верная. Но начнешь о Пушкине говорить, так никогда и не кончишь.

Ограничусь Н.Ф. Федоровым, перед которым Варшавский преклоняется, с горечью указывая, что «не всеми он принят всерьез». Приводит он и известные слова Толстого «Я горжусь, что живу в одно время с таким человеком».

Федоров был святой, в полном смысле этого слова. Отзыв Толстого только это и значит, хотя отзывы Соловьева и Достоевского о нем значат не только это: те считали его великим мыслителем. В мыслях Федорова о природе и человеке действительно много замечательного, не говоря уже о том, что нравственная чистота и какое-то непрерывное горение светится в каждом слове. Но полностью принять его «всерьез» трудно, а если теперь безоговорочных почитателей Федорова появилось довольно много, то это скорей свидетельствует о растерянности наших современников, чем об их духовном просветлении и отрезвлении от позитивизма и базаровщины. Отцу С. Булгакову в этой области и книги были в руки, но другие...

Федоров, как известно, учил, что человечеству предстоит направить усилия науки на воскрешение предков: высокий моральный зародыш этой безумной идеи очевиден, и Булгаков с Бердяевым красноречиво и правильно его отметили. Но для научного магически-медицинского воскрешения предков придется собирать «рассеянные частицы усопших», а как поступить в том случае, если «частица» окажется принадлежащей не одному, а многим предкам, — что при смене поколений на земле должно бы произойти на каждом шагу «собрания», — остается загадкой. Федоров учил, что люди должны заселить все-ленную: не только нашу скромную Солнечную систему, но также и Млечный Путь со всеми его бесчисленными мирами. Если даже представить себе какую-нибудь сверхбыстроходную ракету, которая с пассажирами внутри вылетит в пространство, то лететь до ближайшей звезды ей пришлось бы тысячи и тысячи лет. Как при этом наладить заселение все-

ленной — тоже загадка. Право, сколь бы ни было велико уважение, которого нравственный, подлинно-подвижнический облик Федорова заслуживает, хочется воскликнуть, вспоминая подобный бред: да здравствует разум! Да здравствует рационализм, скептицизм, Милюков, шестидесятничество, все то вообще, что не дразнит нас волшебным духовным хлебом, оставляя в конце концов с камнем.

Кн. С.С. Оболенский

В.С. Варшавский: «Незамеченное поколение»

(Изд-во имени Чехова, Нью-Йорк, 1956 г.)

«Это не исторический очерк», — пишет В.С. Варшавский в своей вводной заметке «От автора». «Скорее, это опыт рассуждения о судьбе эмигрантских сыновей». Однако изложение судеб эмигрантского поколения, начавшего свою общественную жизнь «между двумя войнами», само по себе придает немалую ценность этой книге. Несмотря на справедливо отмеченное автором «почти полное отсутствие подготовительных работ», несмотря на очевидную трудность говорить о явлениях еще очень близких, еще ничуть не законченных, хотя и упершихся внешне в некоторые — частью, может быть, только кажущиеся — тупики, В.С. Варшавскому удалось, ярким подбором фактов и цитат, представить достаточно полную и в очень многом верную картину. Некоторые «рассуждения» сами собой возникают из этой объективно верной картины, — хотя именно в выводах я не во всем могу с В.С. Варшавским согласиться.

С полной ясностью и откровенностью В.С. Варшавский констатирует смерть безрелигиозного позитивистического мировоззрения старой «левой» русской интеллигенции. Все, что было живого в новом поколении эмиграции, полностью и навсегда отвернулось от этой «научнообразной» идеологии: ее последние представители, «руководя почти всей общественной и культурной жизнью эмиграции, за 30 с лишним лет не сумели завербовать ни одного молодого последователя». У них «остались только схемы, разработанные поколениями партийных авторитетов, и несколько закрытых клубов пожилых людей, посвятивших свою жизнь толкованию по этим схемам происходящих событий. В этом было разительное отличие демократических эмигрантских группировок от так называемых пореволюционных течений, искавших новых идеологических и мирозозерцательных схем. В области историософии и истории культуры все творчество ордена (русской интеллигенции) ограничилось, если не ошибаюсь, переизданием "Очерков русской культуры" П.Н. Милюкова и, по сравнению с идейной "вирулентностью" пореволюционных течений, публицистика ордена кажется чрезвычайно консервативной и догматической».

«Поверхностный атеизм "отцов" производил на сыновей, особенно при сравнении с их собственным мучительным внутренним опытом, странное впечатление невзрослости и чего-то несовместимого со всеми представлениями о человеческой жизни, вложенными в душу великой русской литературы».

Еще более ценно, что В.С. Варшавский совершенно правильно определяет основной импульс всех живых общественно-политических течений второго поколения эмиг-

рации: это была, без всякого сомнения, неотъемлемо-русская идея христианской теократии, устройства земного Града в соответствии с Божией правдой. В самой своей основе, это — мысль великого Сперанского, которую очень кстати цитирует В.С. Варшавский: «Ошибаются люди, утверждая, будто дух Царства Божия несовместим с началами политических обществ». На этой первооснове из русского культурного прошлого действовали и продолжают действовать, при всех их различиях и, конечно, со всяческими оговорками, — Гоголь, славянофилы, Достоевский, Владимир Соловьев, — меж тем как канонизированная коммунистической властью линия Белинского — Чернышевского — Добролюбова совершенно мертва. И из более близкого — из «отцов», оказавшихся в эмиграции, так или иначе влиять оказались в состоянии только те, кто стоял на основах религиозного мироощущения или к нему пришел, порвав с прежней атеистически-позитивистской идеологией.

Раскрыть подлинное содержание этой основной «идеи-силы» и облечь ее в новую историческую плоть — такова задача, принятая на себя вторым поколением эмиграции; и, кажется, В.С. Варшавский будет согласен со мной, если я скажу, что это, без сомнения, — основная задача всей современной истории, предельно заостренная и конкретизированная в России.

Вне сомнения также, что всякая подлинная христианская политика утверждает свободу и ценность человеческой личности. В недостаточном подчеркивании этого В.С. Варшавский правильно видит основную слабую сторону «пореволюционных» эмигрантских течений. И далее, он дважды прав: с одной стороны, отмечая вредоносность увлечений фашистским тоталитаризмом, с другой стороны, *не* преувеличивая размеров этих увлечений и, наоборот, вводя их в рамки того, что было на самом деле. (На эту двойную тему мне тоже довелось несколько месяцев тому назад писать нечто очень похожее в «Возрождении».)⁸⁶⁵

Разбирая без сомнения самое яркое из движений «второго поколения» — младоросское (которому он посвятил почти всю свою первую главу), В.С. Варшавский пишет совершенно справедливо:

«За явно фашистским фасадом в младоросской идеологии было много очень далекого по духу от фашизма и тем более национал-социализма и приближавшегося скорее к идеям "Нового града"... Разговоры младороссов о христианском государстве были, я думаю, очень искренни. В патриотической любви, из которой выросла вся младоросская "доктрина", Россия ощущалась неотделимой от "вселенского начала правды и добра" и стремление к христианскому государству соответствовало "издревле русской мечте: устройства всех людей в правде и братской любви"».

С такой же объективностью В.С. Варшавский ставит вопросительный знак там, где его поставить надлежит: насколько тоталитарная идеология однопартийной диктатуры изжита на сегодняшний день солидаристами? Благожелательность к честным представителям любых течений, составляющая особо привлекательную черту книги Варшавского, позволяет ему без полемических заострений вспоминать и такие темные пятна, как провозглашенный именно солидаристами, еще в начальном периоде их существования, принцип «Цель оправдывает средства», и несомненно связанные с этой психологической установкой провокации, и страшные по своим последствиям провалы, поныне остающиеся не вполне выясненными.

Верно бесспорно, что те «русские мальчики» — солидаристы, которые героически гибли в России в результате этих провалов, несли в себе тот же, общий всем пореволюционным течениям, основной импульс «христианского Града», ради которого только и может вестись осмысленная борьба с коммунизмом. Но если Варшавский прав и тогда, когда пишет, что *практически* этот героизм был, вероятно, бесполезен, то вряд ли то же самое можно было бы сказать об общественно-политических усилиях второго эмигрантского поколения в целом. В.С. Варшавский этого и не говорит прямо; но его последняя глава оставляет впечатление, что *весь* положительный баланс он видит в жертвенной смерти героев, будь то в России, в борьбе с коммунизмом, будь то на Западе в борьбе с гитлеровской Германией. Думаю, однако, что остается и многое другое.

Начну свои возражения Варшавскому с того, чем он кончает повествовательную часть своей книги: с моего открытого письма в «Народную правду», полностью им перепечатанного, о моем уходе от большевиков после внутреннего краха совпатриотических экспериментов. Мне кажется, в этом письме я сказал достаточно ясно не только о том, что разыгравшаяся в России, после войны, реакция тоталитарного коммунизма отвратительна сама по себе, но и о том, что она произошла вопреки историческому развитию, вопреки определившемуся во время войны новому самосознанию внутренней России. Выявление этой реальной России и ее освобождение от мертвого режима составляет тем самым реальную историческую задачу, подготовленную всем предыдущим развитием.

Но этот фон внутреннего развития России у Варшавского как раз отсутствует, — хотя только он мог придать вообще какой бы то ни было смысл любым политическим движениям в эмиграции. Рано или поздно, встреча с реальной Россией должна состояться, и она может быть плодотворной только в том случае, если она подготовлена. И надо сказать, что именно в подготовке встречи с реальной Россией был другой мощный импульс всех политических движений «второго поколения». В.С. Варшавский об этом как-то забывает. Между тем, перечитывая в его книге целый ряд цитат, начиная от первой цитаты Савицкого, или дальше «пореволюционные» оценки новых социальных групп в Советской России и возможного развития их настроений, я невольно поражаюсь: до чего же это оказалось правильным. Личная трагедия — что Савицкий после войны попал из Праги в советский концлагерь и, вероятно, там погиб: верность исторических предвидений остается, и их впитало в себя множество людей второго эмигрантского поколения, вовсе никогда и не бывших евразийцами. В одном месте В.С. Варшавский мельком упоминает: «Многие в эмиграции в то время надеялись, что новая (внутрироссийская) интеллигенция по мере своего культурного роста будет все больше расходиться с коммунистической властью». Но ведь эта надежда оправдалась в полной мере! И если я, или сам В.С. Варшавский, способны сегодня вполне продуктивно говорить хотя бы с интеллигентными людьми из новой и новейшей эмиграции, то это именно благодаря тому, что 25 лет тому назад мы были уверены в этой непрерывности русского духа и русской культуры на русской земле (меж тем, как и сейчас еще в эмиграции существуют остолопы, шарахающиеся от любого человека, если он вырос в СССР). И факт несомненный, что единственной эмигрантской организацией, получившей после войны мощный приток новых эмигрантов, оказался НТС — единственная «пореволюционная» группировка, находившаяся «на месте» в момент окончания войны.

Но тем самым и идейные искания «второго поколения» протекали не в безвоздушном пространстве: они имели и сохраняют смысл в той мере, в какой они приложимы к пореволюционной России. Иными словами, мы связаны не только абсолютной истиной, но и возможными формами ее воплощения в России после революции. И я боюсь, что чувства «плоти истории» в книге В.С. Варшавского недостаточно (в прямой связи с отсутствием в ней реальной России).

Во-первых, в области национальной и государственной революция не оказалась тем абсолютным разрывом, который в разных местах книги предполагается, как будто, В.С. Варшавским: разрыв был только на поверхности и на короткое время — сегодня советские романы и советские учебники истории прославляют эту же тысячелетнюю государственность. И ничего другого сделать не могут, потому что за нее, за эту государственность, люди четыре года подряд умирали на фронте. Пореволюционный христианский Град в России будет строиться не на пустом месте, а на основах государства, идущих от Владимира Святого, московских Иоаннов и Петра.

Не зря я с самого начала подчеркнул именно цитату Сперанского: ее одной достаточно, чтобы показать религиозные, теократические возможности, заложенные в исторической плоти Российского государства. Ибо ясно, несмотря даже на его близость к декабристам, что Сперанский во всяком случае строитель Империи, а не бунтарь. То же самое можно сказать и о «свободном консерватизме» Пушкина, на который, по Г.П. Федотову, Варшавский ссылается на последних страницах своей книги.

Таким образом, неверно, что русская религиозность в прошлом была только пассивной: она была исторически активной в той мере, в какой принимала теократический принцип и, с большим или меньшим успехом, с большими или меньшими ошибками и искривлениями, стремилась его осуществлять в государстве, Киевском, Московском и Петербургском. В.С. Варшавский подчеркивает всеми силами, что идея свободы и, с другой стороны, технический прогресс рождены христианством — и это исторически бесспорно; но столь же бесспорно, что наша государственная идея тоже рождена христианством. Необходимый синтез должен состоять, стало быть, в том, чтобы воссоединить и тем самым поднять на новую высоту эти распавшиеся и тем самым выродившиеся элементы христианской теократии, в том, чтобы полностью выявить, в соответствии с современными требованиями свободы и справедливости, заложенный в русском государстве теократический идеал, а не в том, чтобы примирить будто бы только пассивную, традиционную религиозность с исторически активными силами машинизма и демократии — на чем так настаивает В.С. Варшавский.

Что касается необходимости и оправданности технического прогресса, мне вообще неясно, с кем из пореволюционных течений спорит по этому поводу В.С. Варшавский: если и были в эмиграции мракобесы, отрицавшие науку и технический прогресс, то среди сколько-нибудь мыслящих представителей «второго поколения» я таких не видал. И надо сказать, что в этом мы также имели за собой традиции всех по-настоящему государственных русских людей, от Ивана III до Менделеева. Скорее мы соблазнились даже в обратную сторону — технократией и связанным с ней фашистским корпоративным строем. Впрочем, при моем вполне антигитлеровском прошлом я вполне согласен с мужественным

признанием В.С. Варшавского о том, что и в фашизме, при общей порочности идеологии, были отдельные положительные элементы.

Это, конечно, не ослабляет ничуть основного требования свободы, реальной и гарантированной. Но вопрос о реальной свободе и о ее действительных гарантиях ставится все-таки по-иному, чем это выходит в конце концов у В.С. Варшавского: кончить нашу тему просто апологией американской демократии — это все-таки бедно.

Верно, что христианские черты сохранились в американской демократии, рожденной из пуританизма и просвещенного деизма. Верно, что это гораздо лучше, чем тупо-позитивистский безбожный коммунизм. Но наш вопрос стоит не так, как его ставит В.С. Варшавский: не о том, можно ли в Америке на место существующей там демократии поставить что-либо, кроме ужасного коммунистического тоталитаризма. Наш вопрос о том, что поставить на место коммунизма в России. Ни пуританская мораль, ни просвещенный деизм к подлинной теократии, а следовательно, к проблеме послереволюционной России никакого отношения не имеют. Мистическая природа Церкви имеет касательство к русскому вопросу, а они — нет. Нужно понимать значение слов и сущность вещей. Есть одно единственное, но всеобъемлющее, что определяет теократию: присутствие Бога Живого. Мистицизм? Конечно! Но вместе с В.С. Варшавским мы начали с того, что первоосновы всех пореволюционных русских исканий мистичны. В редакции «Соц[иалистического] вестника» в Фаворский свет, понятно, не верят. А Сперанский верил самым настоящим образом. И я верю. Здесь — водораздел.

Это не значит, что не надо формальных гарантий свободы. Но это значит, что, с формальными гарантиями или без них, реальной свободы в России не будет без подлинно теократического ощущения, означающего присутствие Бога Живого. Не только психологический «климат» России, но и ее духовная заданность, как хотите, — не те, что в Америке.

И внутренний разрыв христианской культуры, который В.С. Варшавский правильно определяет где-то около XV века, произошел не совсем так, как он предполагает. Основная теократическая идея, первоначально, конечно, одна на Западе, как и на Востоке, отошла, сначала на Западе, и оставила отдельные распавшиеся элементы, потому что самое ее основание — ощущение присутствия Бога Живого — оказалось подмененным мертвыми рационалистическими схемами. Но это уже — огромный исторический вопрос, не укладывающийся в эту заметку.

Во всяком случае, очень хорошо уже то, что книга Варшавского и к таким вопросам подводит.

В.Л. Андреев

[О так называемом «незамеченном поколении»...]

О так называемом «незамеченном поколении» заговорили и, как часто бывает, заговорили и вкривь и вкось. О главном — что же в конце концов это поколение сделало, почему оно достойно внимания — ничего или почти ничего не было сказано. Написан уже добрый десяток статей — не много книг в нашей эмигрантской литературе удавалось

такой чести, — но во всех этих статьях главным образом говорится «по поводу» и «вообще» и очень мало по существу вопроса. Статья Г. Адамовича является лучшим тому примером. Следует также отметить, что из самих представителей этого поколения до сих пор еще никто ничего не сказал, если не считать статей В. Яновского, но они, к сожалению, мало принесли пользы, очень быстро выродившись в полемику с М. Слонимом и в такой обмен нелюбезностями, который не делает чести В. Яновскому. Статьи «отцов» свелись, увы, не к самооправданиям — трудно себе представить, чтобы, например, М. Вишняк начал в чем-нибудь самооправдываться — для этого он очень самолюбив и осторожен, — а к сведению неких счетов друг с другом и, в частности, с Бердяевым, огромное значение которого по-прежнему совершенно не понято в русской эмиграции. Публичное собрание, на котором мне довелось присутствовать⁸⁶⁶, показало, что из всех говоривших в тот вечер ораторов ни один не коснулся главной темы нашего поколения, не понял ее и даже, по видимому, не подозревает, в чем трагедия этих будто бы вечно молодых, будто бы «вечно начинающих» заключается. Разговоры же по поводу книги Варшавского поднялись только потому, что вдруг все заметили, что такое поколение существовало и существует, что о нем никто толком ничего не знает, но превратились в пустой обмен случайных мнений, так как сам Варшавский написал столь сумбурную книгу, что людей, никогда этим вопросом не интересовавшихся, она действительно ввела в заблуждение. В книге все планы смещены, незначительное вылезает вперед, о важном ничего не говорится, произвольно опущен ряд имен писателей, литературных и общественных организаций и так же произвольно упомянуты люди и организации, почти никакого значения в истории нашего поколения не игравшие. Вдобавок вся книга густо смазана, как некий черствый бутерброд, «малино-радужным» (по выражению Г. Адамовича) христианством, столь любезным самому Варшавскому, но и столь же чуждым большинству нашего поколения в действительности.

«Незамеченное поколение»... Кем незамеченное? Ведь в том-то и дело, что нас никому было заметить. Однако прежде всего нужно точнее определить, что такое это поколение, откуда оно взялось, что его объединяет, какие разногласия ему присущи, так как судя по целому ряду статей даже этот вопрос недостаточно выяснен В. Варшавским — ведь писала же Е. Кускова о каких-то плохо воспитанных гимназистах, отличавшихся в 1928 г.⁸⁶⁷

Обыкновенно поколение отмечается тем десятилетием, в течение которого оно, так сказать, «действует», окрашивая эти годы своим собственным, присущим только этому поколению цветом, — отсюда «люди сороковых годов», шестидесятники, семидесятники и т.д. Наше же поколение существует в эмиграции вот уже тридцать лет и все еще существует самобытно, не смешиваясь ни со старшими братьями и сестрами, ни с отцами и детьми. Мы объединены не годами нашей деятельности, а годом нашего рождения. Поколение, которое Варшавский назвал не слишком удачно «незамеченным», родилось в России в первое десятилетие этого века с возможно небольшими отклонениями в ту или в другую сторону. Нас объединяет то, что, родившись до революции, в самой революции по молодости лет мы участия не принимали. Однако, и это очень важно, многие из нас участвовали в Гражданской войне мальчиками и юношами, но тут мы уж расхлебывали не нами заваренную кашу. В большинстве случаев мы очутились за границей недоучившимися, с душой, выжженной не революцией, а Гражданской войной, и это очень важно отметить: нас отделяет от отцов бездна

ответственности за революцию, за ее удачу или за ее провал. Многие из нас в течение нескольких лет, уйдя с гимназической скамьи, боролись за некую мифическую Россию, так как настоящей России мы не успели [ни] узнать, ни осознать — чему, кроме как чисто эмоциональным ощущениям, могут помочь отрывочные детские воспоминания? Все же за границей мы оказались слишком взрослыми, для того чтобы мы могли забыть русскую культуру, на которой мы воспитывались, русскую землю и расстаться с мечтой о России, за которую мы сражались в донских степях и на горах Кавказа. Нам денационализироваться было труднее, чем поколению, родившемуся во втором десятилетии XX века и попавшему за границу детьми.

«Незамеченное поколение» никто не мог заметить — ни отцы в силу извечного отчуждения, которым характеризуются отношения между отцами и детьми во все времена и у всех народов, ни наши младшие братья и сестры, которые знали о России только по рассказам. О наших детях и говорить не приходится: многие из них даже не знают русского языка. Мы были поколением без будущего — и знали это. Мы жили и работали в безвоздушном пространстве. Мы абсолютно никому не были нужны. Отцы рассуждали об ответственности за революцию, мы этой ответственности не ощущали. Младшие братья и сестры становились французами, американцами, чехами — мы этого сделать не хотели. Вот в этом *не хотели* и лежит вся сущность трагедии нашего поколения, но кто сказал об этом хоть слово? Не говорит об этом ничего и В. Варшавский.

Здесь следует сделать одну, очень существенную оговорку: ряд наших сверстников все же слился с жизнью страны, их приютившей. Художники, вместе с нами оказавшиеся за границей, не связанные в их творчестве тайною родного языка, имевшие лишь слабую традицию русской живописи, стали французами: Сутину, Минчину, Терешковичу и многим другим это было не трудно — меняя свою национальность, никаких «заветов», никаких «завещаний» они не предавали. Русский балет (Лифарь, балеты Монте-Карло и т.д.) процвел за границей. Музыкантов (Набоков, Обухов и др.), имевших интернациональную аудиторию, причислить к незамеченным нельзя. Но были и другие — огромное большинство, непричастное ни к какому искусству, и те, кто был связан с русской литературой, с русским языком, — все, чувствовавшие свое кровное родство с Россией. В писавших на русском языке больше всего и бескорыстнее всего отразилась наша русскость, они не могли жить и работать вне русского «наследства».

Наше поколение оказалось как бы вырезанным из истории — и русской, и иностранной. Мечтатели и чернорабочие на заводах, бездельники и шоферы такси, монпарнаские «сидельцы» и наборщики, всю ночь напролет проводившие в типографиях, — всех нас объединяло лишь одно: верность русской культуре, русскому языку — наша русскость, никому кроме нас самих ненужная. Перед нами стоял соблазн денационализации — в конце концов легко было бы включиться в жизнь страны, нас приютившей, и кое-кто соблазнился: чуть не треть получивших за последние двадцать лет Гонкуровскую премию — писатели русского происхождения⁸⁶⁸. Казалось бы, нам легко было перестать быть «незамеченным поколением», а вот мы предпочитали остаться русскими, писать по-русски, думать по-русски, даже весь мир любить впустую — по-русски. В большинстве своем мы устояли перед соблазном денационализации. Почему? Об этом никто ничего не сказал, никому даже в голову не пришло поставить этот вопрос.

За тридцать пять лет нашей жизни за границей, т.е. за две трети вообще нашей жизни, мы остались верны нашей русскости. Такую верность можно было бы назвать подвигом, сознательной жертвой, приносимой неизвестно зачем и неизвестно кому, если бы эта верность не была самой нашей сущностью — в этом смысле мы несли в себе наследство нашей русской интеллигенции, ордена, столь дорогого Фондаминскому и столь ненавистного-го Вишняку, и были гораздо ближе к нашим отцам, чем думали это отцы, да и мы сами.

Отцы уж так устроены, что они не могли нас заметить. При нормальном течении событий у нового поколения всегда есть непобедимое преимущество — будущее. У нас его не было и не могло быть. Дело не только в том, что среди редакторов, нас не печатавших или печатавших по чайной ложке, были... Не называю имени, но вот привожу пример:

Прихожу в редакцию, где печаталась моя прозаическая вещь. За столом сидит редактор с лицом мрачным, как могильная плита.

— В чем дело? — спрашиваю.

— Ну как же. Фельетон Адамовича в «Последних новостях»⁸⁶⁹ читали?

— Читал.

— Цитату видели? Подумать только, ведь Адамович целое, да еще длинное стихотворение Тютчева привел!

— Ну так что же?

— Он же получит за цитату построчно. Безобразие — сам не писал, а деньги прикарманит.

— Но вы же, Н.Н., не редактор «Последних новостей» и даже не акционер этой газеты.

— Я не за себя волнуюсь, а из принципа — такую длинную цитату привести — это черт знает что такое!

Такие редактора, рассматривавшие цитаты не с точки зрения их содержания и необходимости для выяснения мысли, развиваемой автором, а лишь только подсчитывающие количество строк, за которые придется «даром» платить, вероятно, бывали и в России, но при нормальных условиях они не страшны — время идет, и глупый редактор сменяется другим — помоложе и поумнее. Дело не в редакторах, а в том, что мы действительно оказались совершенно одинокими, что перед нами не было будущего.

Между нашим поколением и отцами было еще поколение наших старших братьев, тех, кто мог бы нас «разъяснить» отцам, так как можно было думать, что разница в мироощущении Алданова, в сущности, начавшего печататься за границей, Ходасевича, написавшего свои лучшие стихи после революции и за границей в тот недолгий период, пока он еще писал стихи, Адамовича и Слонима, — эта разница, казалось, должна была быть меньшей чем, скажем, между нашим мироощущением и мироощущением Бунина, Ремизова или Милюкова. (Должен оговориться: среди отцов Гиппиус и Мережковский реально заинтересовались нашим поколением и до известной степени отнеслись к нам серьезно. Однако настоящего понимания между нами и Мережковскими получиться не могло — слишком уж определенной, с уклоном к фашизму и с ненавистью ко всему, что приходило из России, была их позиция. Кроме того, у Мережковских не было своего печатного органа, и единственным местом, где могло проявляться написанное или передуманное нами, была «Зеленая лампа»⁸⁷⁰.) Из перечисленных мною старших братьев трое явились как бы «вос-

приемниками» нашего поколения: Адамович еженедельно писал фельетоны на литературные темы в «Последних новостях», Ходасевич заведовал литературным отделом «Возрождения», Слоним был одним из редакторов «Воли России». Но, однако, с восприимчивыми нам не повезло. Между прочим, следует отметить, что никто из них участия в Гражданской войне не принимал, и поэтому многие наши настроения, многое в нашем мироощущении им оставалось чуждым.

Петербургская школа наложила неистребимую печать на все отношение Адамовича к литературе. Эстетизм «Цеха поэтов» мешал ему и до сих пор мешает «брать быка за рога», сказать прямо и твердо «да» или «нет». Помню, как Бердяев в шутку назвал его «кающимся эстетом», что вызвало протест со стороны Адамовича — таковым он себя никак не считал. Литературный критик, к голосу которого больше всего прислушивалась эмиграция, человек с большой эрудицией и, кроме того, умеющий всегда, о чем бы он ни писал, писать занимательно, Адамович был одним из тех немногих, кто имел право «выдать литературный патент». Однако следует отметить, что он никого не «открыл», никогда не был первым, сказавшим, что с тем или другим отныне нужно считаться. К парижской школе поэтов, в самый расцвет ее, он относился иронически, не доверяя ни школе, ни отдельным поэтам, ее составляющим. Даже о Поплавском по-настоящему, без обычных, все уничтожающих оговорок, он написал уже после смерти Бориса. Мне, бывшему еще в двадцатых годах одним из участников «борьбы за Поплавского» — была такая группа, поставившая себе целью выдвинуть Бориса, талант которого, большой и подлинный, у его сверстников никогда не вызывал сомнения, — памятно, как не признавал Поплавского Адамович⁸⁷¹, как мы добивались хоть какого-нибудь о нем отзыва, но ничего, кроме полупрезрительных слов, добиться не могли. Для того чтобы представить себе, каким литературным критиком был, был — и остался — Адамович, достаточно прочесть его статью, посвященную «Незамеченному поколению» Варшавского. Здесь все характерно: и то, что три четверти статьи посвящены Маркиону, христианству, Ренану, демократии, Федорову, евангелисту Луке (кстати, обо всем этом говорится очень интересно, и читатель узнает много вещей, для него неожиданных), в оставшейся четверти признается, что книга Варшавского «причудливо составлена», что она пристрастна, что в ней много ошибок, что Варшавский «перекомплиментил», что его философские рассуждения неосновательны и наивны, но зато где-то посередине статьи брошено одно слово, один эпитет — «замечательная» книга. Этот эпитет поддержан довольно туманными рассуждениями об общем духе книги, «светлом и благородном», но поддержан настолько необоснованно, что невольно закрадывается мысль — а не является ли этот эпитет попросту предохранительным клапаном, подготовкой позиций, на которые в случае чего можно было бы отступить? Несчастьем Адамовича, много сот фельетонов посвятившего разбору стихов, является то обстоятельство, что в сущности в самой поэзии он любит только полутона, только стихотворную «миниатюру»: темперамент Пастернака его раздражает, лирика Фета ему кажется банально-слащавой, «малиновые ритмы» Цветаевой (по выражению А. Белого)⁸⁷² вызывают в нем отвращение. Петербуржец, он не может в стихах допустить ни одной метрической шероховатости. Адамович любит только полустихи, сказанные полупепоном, да еще в полутьме. Но все же несколько учеников полупоэтов он «создал».

Совсем другим критиком был Ходасевич. Поблескивая очками, морща узкий лоб, перерезанный черной прядью прямых, невьющихся волос, резкий, злопамятный, несправедливо пристрастный — стоит хотя бы вспомнить его статью о Маяковском⁸⁷³, — но всегда язвительно вежливый, сидя за столиком в кафе, он любил и умел говорить о стихах. Часто он придирался к спорному ударению, к приблизительному эпитету, к глагольной рифме, показывал недостаток стихотворения как бы через лупу, исключаящую все, что в фокус лупы не попадает, — и безоговорочно отрицал все разбираемое им стихотворение. Большой поэт и верный ученик Брюсова, он подавлял своим опытом, необыкновенным умением писать стихи. Своих друзей он защищал с той же безапелляционностью, но все же «школы Ходасевича» создать не смог, как не смог он ее создать в России, несмотря на гордое свое утверждение: «привил классическую розу к советскому дичку»⁸⁷⁴. Школы создаются не мэтрами стиха, а теми, кто несет в себе эпоху, — Блоком, Мандельштамом или Пастернаком. Поплавского до самой смерти хвалили скупо и нехотя и только после [смерти] Бориса наконец «заметил»⁸⁷⁵ его.

М. Слоним, вероятно, сделавший больше всех для развития «парижской школы», к сожалению, не признавал самого основного — возможности существования эмигрантской литературы. Исходя из утверждения, что вне своей земли, вне родной почвы не может развиваться национальная литература, он охотнее всего занимался перепечатками из советских журналов. Тем не менее на страницах «Воли России» он первый стал широко давать место молодым писателям и поэтам. Он познакомил Париж с существованием «парижской школы», о работах которой без «Воли России» мы ничего не узнали бы. В борьбе за Поплавского он был первым из редакторов, сдавшим свои позиции, но, увы, только редактором, мнение которого не совпадало с мнением критика: лучшее, что он мог сказать о поэте, выросшем в эмиграции, — «неплохие стихи и не лишен дарования»⁸⁷⁶. О, это «неплохие», пишущееся в одно слово, так как никакого противопоставления (а хорошие) за ним не следует! Как это характерно для осторожных критиков — только бы себя не скомпрометировать, только бы не заподозрили в излишнем энтузиазме! С его непосредственной помощью было организовано «Кочевье», публичные литературные собрания, существовавшие много лет и сыгравшие гораздо большую роль, чем «Зеленая лампа», — на этих литературных собраниях участники были совершенно свободны, их ни в какой мере не ограничивала предвзятость старших руководителей. Но вот, например, о «Кочевье» Варшавский, приобретший ныне известность «монпарнасского знатока», ни словом не упомянул. Почему? Неужели же, сидя в «Ротонде», он не видел, что делается на противоположном тротуаре в «Доме»? Такая «забывчивость» (ведь встречался же я с ним в этом самом «Кочевье» и неоднократно) называется предвзятостью⁸⁷⁷.

Таковы были наши восприимчики, благодаря которым или, это будет точнее, помимо которых создалась «парижская школа» — несколько десятков русских поэтов, вот уже тридцать лет пишущих «для никого» русские стихи. Само по себе это уже редчайшее явление, что «парижская школа» является коллективным творчеством, несмотря на непохожесть друг на друга составляющих ее поэтов, разницу в их дарованиях и, вдобавок, крайних индивидуалистов, больше всего писавших о своем «я». Но есть во всех этих «я» нечто общее, и во всех стихах, написанных в Париже по-русски, звучит одна и та же, только этим стихам свойственная нота, по которой можно безошибочно узнать — это париж-

кий поэт. И самый факт, что такая школа существует, что у нее есть свое лицо, свой голос, что в будущем, хотя бы петитом, но в каждой истории русской литературы о ней придется упомянуть, — огромная удача, огромное достижение нашего поколения.

Эмигрантская школа прозаиков нами еще не создана. Правда, отцы и старшие братья написали целый ряд произведений, которых нельзя игнорировать, правда, и наше поколение кое-что создало. Однако специфическую пронзительную ноту, столь характерную для парижской поэзии, услышать в прозе, изданной за границей, гораздо труднее. Трудность найти этот общий множитель, на который делились бы писавшие прозу в эмиграции, объясняется тем, что голоса родившихся в первом десятилетии слышны лишь случайно (а ведь именно нашему поколению присуща эта нота): единственный писатель, рукописи которого не залеживались в столе, — Сирин — наименее характерен для нас. Его романы — превосходные переводы с иностранного языка на русский, их традиция — традиция Кафки, и Гоголь, как ни хочется этого самому Сирину, его романам чужд. Железный закон, требующий, чтобы писатель писал только на одном языке, и не допускающий почти никаких исключений, сказывается и на работе Сирина: за последние годы он все меньше пишет по-русски. То, что наше поколение сравнительно мало напечатало прозаических произведений, объясняется двумя, чисто материальными причинами. Во-первых, для писания прозы требуется гораздо больше свободного времени, чем для писания стихов, а у нас, живших всю жизнь на нелитературный заработок, этого времени просто физически не было и, во-вторых, прозу гораздо труднее напечатать, чем стихи. На издание стихотворного сборника еще можно наскрести денег, а на издание романа — куда там! Много рукописей, все же написанных наперекор всем трудностям, так и остались лежать в ящиках столов, многое потерялось, многое, вероятно, устарело.

Кто же был восприимчивым, кто из старших братьев и отцов помог нам определить самих себя, найти свой путь помимо литературы для тех, кто писателем не был? Я назову имена трех человек, замечательных, хотя совсем не похожих друг на друга: Бердяев, Осоргин, Фондаминский. Если бы Варшавский прочел не две книги, да и то невнимательно и пристрастно, из многих десятков, написанных Бердяевым, а хотя бы пять или шесть, то, может быть, он понял бы, что христианские устремления нашего поколения совсем не те, лимонадные, которые он прописал нам⁸⁷⁸. Они гораздо глубже, серьезнее и трагичнее, они уходят корнями в самую глубину русской стихии. О деятельности Осоргина, которую нельзя сравнивать с влиянием Бердяева, настолько она была в другой, более реальной плоскости, будучи в то же время неизмеримо уже, в маленькой заметке нет места рассказывать подробно, но Варшавский молчит о ней, хотя, конечно, кое-что об этой деятельности слышал и если бы хотел узнать подробнее, то для него это не составляло бы труда. Даже Фондаминский в книге Варшавского получился каким-то придурковатым Дон Кихотом. Говоря о кружке Фондаминского, вернее о «квадрате, вписанном в круг», как мы шутили называли сердцевину «Круга», Варшавский упоминает только о погибшем Вильде и умалчивает о других участниках и о дальнейшей судьбе их, тем самым сводя на нет всю работу нашего кружка, ибо один герой не есть еще свидетельство о целой группе. В свое время Варшавский был менее «сдержан»: в «Вестнике русских добровольцев, партизан и участников Соппротивления во Франции» во втором номере, в статье посвященной памяти Бо-

риса Вильде, он писал «...рискуя не только своей головой, но и жизнью своих жен и детей», они «принимают героическое участие в борьбе с врагами России и всего человеческого мира. Ни один из членов кружка не стал коллаборантом»⁸⁷⁹.

О том, что сделало наше поколение в литературе, я уже сказал. Что же оно сделало в общественной жизни? И что руководило им, когда оно совершало те или иные поступки? Всё в книге Варшавского смазано (особенно причины), и для восстановления полной картины об этом нужно сказать хотя бы несколько слов.

В каждой стране судьба нашего поколения шла двумя путями — искусство, главным образом литература, и деятельность общественно-политическая. К работе в земгорах и других подобных организациях взаимопомощи отцы нас не допускали. В Париже и, например, в Шанхае, несмотря на разницу в быте и различные формы общественной жизни, в общем судьба эмигрантского юношества в 20-х и 30-х годах складывалась очень похоже: стоит вспомнить «Семью» Федоровой, книгу, кстати, написанную по-русски, но на этом языке впервые изданную всего лишь года два тому назад⁸⁸⁰. И там и здесь мы делились и делимся на тот же основной множитель, на нашу любовь к России, на нашу тягу к ней, на нашу русскость, существующую наперекор всему — времени, событиям и даже политическим притяжениям:

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне⁸⁸¹.

Во Франции, в «лабораториях, создававших человека», какими в сущности были собрания, происходящие у Бердяева, Осоргина и Фондаминского (вероятно, и в других странах существовали подобные лаборатории), выкристаллизовалось наше мировоззрение. Долгие годы мы не могли ничем проявить себя. Наша общественная жизнь проходила впустую. Политические споры в большинстве случаев сводились к «бессмысленным мечтаниям» — ничего претворить в жизнь мы, конечно, не могли. Прокламации всевозможных политических партий — обыкновенно в такой партии было человек десять, да и то считая широко, — складывались в архивах любителей курьезов. Посвятить чуть не половину своей книги выдержкам из этих прокламаций и тем самым выдвинуть их на первый план, отдав при этом предпочтение партиям профашистским и забыв (совершенно!) о других, демократических, христианский демократ В. Варшавский (этакий новый де Гаспери!⁸⁸²) попросту фальсифицирует историю нашего поколения. Возможно, что он сделал это нечаянно, по забывчивости, ослепленный христианством, родившимся на бульваре Монпарнас, 10⁸⁸³, христианством, настоящим на игре в волейбол и душевспасительными пикниками в Медонском лесу, но от этого нашему поколению не легче: уж лучше было нам остаться «незамеченным поколением», чем гулять в недоразвившихся гитлеровцах.

Первое испытание, первая проба об оселок благородства (все ценности, увы, гибнут и изменяются, и лишь благородство, душевное достоинство человека и честность по отношению к самому себе, — неизменно и вечно) — выпало на долю нашего поколения во Франции во время испанской междоусобной войны. Целый ряд русских, несмотря на все сложности, связанные с эмигрантской беспаспортностью, грозившей невозможностью вернуться назад, приняли участие в этой борьбе. Приняли участие на стороне республи-

канских войск даже монпарнасцы, бывшие в том же кафе, где сидел Варшавский, но ни о А. Эйснере, ни о Л. Савинкове Варшавский не упоминает⁸⁸⁴. Л. Савинков написал об испанской войне несколько интересных рассказов и большую повесть⁸⁸⁵, — или о них тоже ничего не слышал Варшавский? Человеку, пишущему книгу о целом поколении, грешно ограничивать свое любопытство одними программками солидаристов, ибо в результате получается подделка, а не книга. Возможно, что у «кадильо» тоже служили русские, я лично не знаю ни одного имени, но, конечно, допускаю. Принадлежали они к группе будущих «жеребковцев», к группе не большой, но достаточно вредной. Кое с кем из них я в свое время встретился: когда меня в первый раз допрашивало Гестапо, еще в 1941 году, переводчиком, и довольно скверным (он перевел слово «писатель» словом *schreiber*^{*}) а не *schriftsteller*^{**}), оказался некий г-н Кузьмин, мой, так сказать, младший брат. Разделение нашего поколения на «жеребковцев» и на всех остальных произошло, когда наступило второе и самое большое испытание, испытание войной и оккупацией. И вот этот экзамен родившиеся в первом десятилетии нашего века выдержали, и выдержали хорошо: наша русскость указала нам единственно правильный путь — сопротивление, *résistance*. Одна из самых многочисленных правых организаций — не следует, однако, преувеличивать — несколько сот человек — младороссы — поголовно включились в борьбу с немцами. Но ни о Кривошеине, Угримове, Булацеле⁸⁸⁶ и десятках других, живых или погибших, как, например, о Павле Зиссермане⁸⁸⁷, убитом, когда он своим единственным пулеметом прикрывал отступление партизанской группы, к которой он принадлежал, ничего не сказано Варшавским. Нет ни слова о действиях русских партизан на Олероне, хотя об этом сам Варшавский писал когда-то⁸⁸⁸, нет, потому что, упомянув об оставшихся в живых участниках Сопротивления, он должен был бы сказать о причинах, толкавших их на борьбу с немцами, о том, что и после войны в большинстве остались они верны русскости, что они взяли советские паспорта, что некоторые из них вернулись в Советский Союз, — но все это никак не совпадает с лимонадно-волейбольным христианством. О мертвых упоминать было легче: эти, по крайней мере, никаких компрометирующих паспортов выбрать не могли.

Не случайно с теми, кто погиб во время оккупации, я встретился впервые — с матерью Марией у Бердяева, с Левицким — в кругах, близких Осоргину, с Вильде — у Фондаминского. А с целым рядом моих сверстников, тех, кто выжил, встретился в союзе «Сопротивления», и среди них были многие мои старые знакомцы, прошедшие ту же школу, что и я. Р. Гуль не без иронии и с некоторым смущением, как о вещи, о которой не принято упоминать в хорошем обществе, сказал, что «80 процентов монпарнасцев после войны пошли в "Советский патриот"». Это было бы совершенно правильным, если вместо монпарнасцев он сказал бы — «незамеченное поколение». Да, действительно, среди тех, кто после войны взял советские паспорта, огромное большинство было моими сверстниками. Впрочем, некоторые отцы, те, что вместе с нами пережил оккупацию, неожиданно оказались нам близки — неужели же все забыли о том, как в 1945 году целый ряд русских общественных деятелей во главе с Маклаковым пошли к Богомолову с обещанием прекратить антисоветскую деятельность⁸⁸⁹?

Все то, что я перечислил, забыл Варшавский. Ему, как христианскому демократу, больше чем кому-либо другому следовало бы помнить о зарубежном разделении церквей, о том, какая значительная часть эмиграции, и в том числе нашего поколения, оста-

*¹) автор (нем.).

**²) писатель (нем.).

лась верной Московскому патриархату, следовало бы подумать о том, почему не для всякого верующего человека безразлично, в какой церкви он молится. Следовало бы вспомнить о священниках, сосланных в лагеря, о священниках, принимавших участие в «Соппротивлении», о том, что побудило их, христиан, не принять немецкого ига.

Не только мать Мария, Вики Оболенская, Борис Вильде работали в «Резистансе». Перечисление забытых Варшавским имен и судьба этих людей гораздо больше может показать, как жило наше поколение, чем перечисление русских, погибших во французской армии, ибо в армию в большинстве случаев попадали по мобилизации — что, конечно, нисколько не уменьшает личной храбрости русского человека, — а вот в Соппротивление все, от священников до простых мирян, шли добровольно, рискуя вдобавок не только своей жизнью, но и жизнью своих близких.

Да, не только в литературе, но и в общественной жизни наше поколение выдержало экзамен. Потому таким нелепым кажется мне приклеенный к нам эпитет «неудачники». Мы — неудачники? Я думаю, что наша жизнь — большая удача и нам можно только завидовать, не сожалеть о нас. Так же неправилен эпитет «незамеченные». Как я уже сказал, нас некому было заметить — тем выше и достойней наша жизнь — не только для того, чтобы найти признание в фельетонах эмигрантских газет, мы писали и боролись, а потому, что иначе мы не могли поступить, — мы боролись в силу нашей русскости, потому что в нас живо наследие наших отцов и дедов, мы писали (к сожалению, не всегда даже можно сказать «в стол» — подчас и письменного стола у нас не было), ибо не писать не могли. Тридцать пять лет прожив за границей, мы остались русскими, и тем вреднее книга Варшавского, что он, наш сверстник, порочит и коверкает нашу жизнь и нашу веру.

Ю.К. Терапиано «Незамеченное поколение»

В конце прошлого года, по поводу главы из книги Вл. Варшавского «Незамеченное поколение», напечатанной в нью-йоркском «Новом журнале», возник оживленный обмен мнений, касавшийся главным образом вопроса о «праве на существование» писателей зарубежного поколения, которое Варшавский назвал «незамеченным», упрекая при этом представителей старшего поколения, особенно политические и общественные круги, в невнимательном и бессердечном отношении к «младшим».

Спор этот, принимавший порой, как всегда случается со спорами, резкие формы, ни к каким особым открытиям не привел, но шума получилось много, пожалуй, даже слишком много.

В номере от 27 ноября 1955 г. «Нового русского слова», в Нью-Йорке, мне пришлось тоже высказаться по поводу этого отрывка из книги, относившегося к истории литературного зарубежного поколения 20-х и 30-х годов, и указать на ряд неточностей и ошибок, содержащихся в этой главе.

Речь шла тогда только о судьбе молодых поэтов и писателей, и можно было подумать, что книга всецело посвящена им. Но, как оказалось по выходе «Незамеченного поколения»,

Варшавский не ограничился интересами своих литературных сверстников и поставил вопрос шире — обо всем том, чем «были живы» все оказавшиеся в эмиграции «младшие», — и те, кто в виде прапорщиков и подпоручиков принимал участие в гражданской войне, и те, кто, как сам Варшавский, выехал за границу детьми и получил образование уже вне родины.

Такая постановка вопроса оказалась интереснее и значительнее частного случая, то есть разговора о судьбе одного только литературного поколения в эмиграции. Не удивительно поэтому, что сейчас же по выходе книги вокруг нее вновь разгорелась полемика, а в Нью-Йорке, кроме того, состоялось даже специальное собеседование, посвященное разбору книги Варшавского⁸⁹⁰.

Читая статьи и отчет о собеседовании, мы замечаем, однако, что почти все высказывавшиеся, подвергая критике отдельные детали книги, оставили почему-то в стороне основной вопрос, поставленный Варшавским, — о духовной атмосфере, в которой развивались и вырабатывали свое мирозерцание тогдашние молодые поколения.

Разница между мирозерцанием «отцов» и «детей», порой — даже идейная вражда, разделявшая прежние и новые поколения на два непримиримых лагеря, в своей внутренней сути, как утверждает Варшавский, являлась все-таки проявлением той же самой русской души, души русской: молодежи, в основном стремившейся к такому же, как и прежде, бескорыстному, жертвенному служению во имя идеала и блага своего народа и всего человечества. Внутренняя музыка русской души оставалась прежней, и лишь формы, в которые выливался этот порыв, изменились — так можно резюмировать основное положение Варшавского. После крушения всех прежних идеалов и устоев, которыми жила русская интеллигенция, после Гражданской войны, в тяжелых материальных и моральных условиях жизни в эмиграции, опыт новых поколений оказался в полном противоречии с тем, чем жили старшие поколения, потерявшие после революции внешние возможности, сохранившие в неприкосновенности свою прежнюю веру.

Вместе с представителями интеллектуальной и творческой элиты дореволюционной России — писателями, поэтами, философами, богословами, учеными, музыкантами и артистами, в эмиграции оказались и остатки «ордена русской интеллигенции» — люди, оставшиеся верными прежним своим общественным и политическим убеждениям, — активные группы кадетов, эсеров и меньшевиков. — «Они издавали главные эмигрантские газеты и журналы, — говорит Варшавский, — и их публицистика и дискуссии занимали авансцену эмигрантской общественной жизни. Но, "по-настоящему", эти остатки демократической и социалистической интеллигенции не имели влияния и были окружены враждою огромного большинства эмигрантов».

Совершенно правильна та характеристика, которую дает Варшавский настроениям эмигрантской молодежи первых лет эмиграции и ее отношению к поколению «протавшихся отцов», на которое она возлагала ответственность за совершившуюся революцию, за все ее ужасы, за приход к власти большевиков.

Верно отмечено также отталкивание зарубежной молодежи от материализма и атеизма, царивших до революции среди интеллигенции, — того, с чем еще задолго до революции вела борьбу культурная элита начала столетия — символисты и модернисты, философы и богословы.

Отдав все свои силы борьбе за белый идеал, потерявшие все, в большинстве израненные, а иногда — совсем инвалиды, бывшие участники белых армий, естественно, были склонны к совсем иному миросозерцанию, чем «орден русской интеллигенции», — они искали различных вариаций правых, а не левых концепций.

Для того чтобы правильно понять состояние души тогдашних послереволюционных поколений, — отмечает Варшавский, — необходимо считаться с их чувством глубокого разочарования всяческими «словами с большой буквы и лозунгами», приведшими к катастрофе. С этим разочарованием соединялось вполне конкретное ощущение потери почвы под ногами, необходимость участвовать в жестокой борьбе за существование и чувство одиночества, переходившее иногда в отчаяние. Герой «Распада атома» Георгия Иванова, герои двух романов Б. Поплавского и др. молодых писателей все несут на себе эту «печать века».

Не удивительно поэтому, что те молодые эмигранты, «люди 20-х и 30-х годов», которые шли в тогдашние политические объединения зарубежной молодежи, главным образом в движения «младороссов» и «солидаристов», отталкиваясь от «отцов», увлекаясь идеей «сильной власти», не могли на первых порах понять, чем грозило бы миру воцарение повсюду тоталитаризма. Для этого, как полагает Варшавский, им нужен был новый опыт грядущих страшных лет — война и оккупация, — после которых многие — лучшие, самые искренние, осознали свои ошибки и обратились к идее демократии.

Не важно, с точки зрения самого существенного, то, что в поисках своих путей молодежь заблуждалась или увлеклась, важно то главное, внутреннее, что одушевляло ее. Поставив вопрос именно в этой плоскости, Варшавский действительно защитил и оправдал «незамеченное поколение» перед слишком строгими судьями, которые и по сей час не хотят простить некоторым группировкам их прошлого.

Варшавский отметил в судьбе своего поколения еще одну черту, общую русской идейной молодежи каждой эпохи, — способность претворять слова в дело, жертвовать своей жизнью, если это окажется необходимым. Поэтому шестая глава книги, в которой он приводит длинный список погибших на войне или во время немецкой оккупации в «résistance», придает столько веса «незамеченному поколению». Молодые ученые в Musée de l'Homme, положившие основание всему движению «Сопrotивления» во Франции, — Борис Вильде и Анатолий Левицкий, расстрелянные вместе со своей группой и героической встретившие смерть по свидетельству самих немцев, погибший в концлагере Дора молодой священник о. Дмитрий Клепинин, вышедший из среды той же зарубежной молодежи, княгиня Вера Аполлоновна Оболенская, казненная немцами, и длинный список других, павших на поле битвы, погибших в лагерях, — все эти «незамеченные» герои сумели подтвердить делом свои убеждения.

Интересна также глава о том мироощущении молодых эмигрантских литераторов, из которого возникла потом парижская атмосфера, или парижская школа. О ней, уже после войны, много писали и спорили. За исключением некоторых ошибок или неточностей (в статье моей от 27 ноября в «Новом русском слове» я уже указал на них и сейчас не хочу повторяться), Варшавский говорит много верного в смысле общей характеристики тогдашнего парижского «воздуха». В частности, он очень правильно подчеркивает, что «пари-

жане», «монпарнасцы» вовсе не были теми снобизирующими упадочниками-эстетам, не хотевшими ничего замечать вокруг себя, какими издаലെка представлялись они тогдашним зарубежным провинциалам.

И до сих пор еще некоторые журналисты из среды этих «провинциалов» нет-нет да снова и пристают к бывшим «парижанам» с теми же обвинениями. Им-то как раз было бы очень полезно прочесть книгу Варшавского и постараться понять, в чем заключалась суть «парижской ноты», только нет у меня уверенности, что они захотят понять — с прежним «багажом» им как-то удобнее нападать на «парижан».

В заключение необходимо сказать несколько слов о духовной жизни «незамеченного поколения», которой Варшавский уделяет много места. В сравнительно спокойный период 20-х и до середины 30-х годов во Франции вообще, в частности — и в эмиграции, действительно было много разговоров о духовных вопросах, о мистике, оккультизме, масонстве, теософии и антропософии, а с начала 30-х годов прошла особая волна какого-то повышенного интереса интеллигенции к христианству.

В русской эмиграции и ранее было много религиозных людей, всегда ходивших в церковь, веровавших «не мудрствуя лукаво». В начале же тридцатых годов обращавшиеся к христианству большей частью представители культурных слоев и элиты, внесли с собой много сложности и мудрствования. Серьезное отношение к христианской религии одних в этих кругах сталкивалось с «вдохновенной импровизацией» многих внезапно обратившихся, рассуждений, споров, попыток поучать и проповедовать свое собственное понимание христианства было множество.

От некоторых разговоров, от некоторых «христианских» концепций на Монпарнасе голова шла кругом, бежать хотелось прочь!.. Недаром Влад. Ходасевич со свойственной ему язвительностью высмеивал «моду на христианство», а З. Гиппиус — всяческих «ягнят подколодных»⁸⁹¹. Впрочем, не Мережковским было нужно протестовать — сколько речей и громких слов о христианстве произносилось и у них самих на «воскресеньях» и в «Зеленой лампе»! Было, конечно, и другое отношение, но я, вспоминая прошлое, никак не могу именно в этом плане до конца доверять «Незамеченному поколению».

Да, «Русское студенческое христианское движение за рубежом» сыграло, конечно, известную роль среди молодежи, но нельзя все-таки переоценивать значение этой организации, так как большинство молодежи за рубежом увлекалось другими интересами.

Плохо понятой молодежью оказалась также идея о социальной миссии христианства, выдвинутая группой представителей религиозно-философской мысли — о. Сергием Булгаковым, Н. Бердяевым и др. Утверждение о. С. Булгакова, например, о том, «что православие не может пониматься только как религия храмового благочестия и личного спасения, а должно быть направлено на творческое преображение жизни и на поиски ответов на все грозные и трагические вопросы, поставленные перед человечеством кризисом современной цивилизации»⁸⁹², и все подобные положения, рассчитанные на совершенно иной культурный и образовательный уровень, в среде зарубежной молодежи зачастую понимались слишком упрощенно, снижались.

Социальное значение христианства представлялось в виде отрицания другого, мистического его значения, слишком социализировалось, материализовалось, религия «лич-

ного спасения», подвиг святости казался якобы устарелым, отжившим. Другие же, наоборот, восставали именно против социального значения христианства, видели в нем «искажение христианства, вносимое бывшими марксистами», и объявляли себя представителями «мистического индивидуализма».

На собраниях общества «Круг», устроенного И.И. Фондаминским с целью сблизить представителей «Православного дела» с молодыми литераторами, сплошь и рядом возникали столкновения на этой почве. — «Если положить на одну чашу весов Евангелие, а на другую — 2000-летний опыт Церкви — какая перетянет?» Помню, какое негодование литераторов вызвал ответ одного из представителей «социального делания», избравшего вторую чашу.

Не уверен я также, что именно атмосфера «Круга» и влияние идей журнала «Новый Град» повлияли на некоторых поэтов и писателей в смысле их жертвенности во время войны и оккупации, — причины, вероятно, были другие. А пряное сочетание «Нового Града» с бергсоновским «машинизмом» и с полугениальным, полубезумным учением Федорова (о воскрешении научным путем всех умерших предков-неандерталей тоже?) вряд ли могло привести к принятию демократических убеждений теми из молодых людей, которые до войны увлекались «могуществом» или тоталитаризмом, — и тут причины должны быть более позитивными.

Но то, что дорого в книге Варшавского, — это его вера в человека, и одна уж эта вера заставляет приветствовать появление «Незамеченного поколения».

Н. И. Осипов

Право на доброе слово

Я вполне разделяю критическое замечание Г. Адамовича о «Новом Граде» как о «революции на лампадном масле» (Г. Аронсон «Русские мальчики за границей», [Н[овое] р[усское] с[лово]» от 4 марта 1956 г.⁸⁹³).

Как делаются революции без лампадного масла — мы это знаем отлично! Опыта у нас на сей счет хоть отбавляй. Девятьсот пятый год. Семнадцатый. Паки семнадцатый. Двадцать второй в Италии. Тридцать третий в Германии. Сорок девятый в Китае. Итоги таковы, что они не всегда приводят в восхищение даже г. Аронсона.

Я понимаю: «лампадное масло» звучит в высшей степени не «модерно». Куда модернее, напр[имер,] уран 235. Но это новомодное средство предназначается ведь для скорейшего и рациональнейшего уничтожения рода человеческого, а не для его спасения. И вопрос «в чем спастись» с каждым годом становится все безнадежнее.

Мир может спаян быть
Железом лишь и кровью⁸⁹⁴.

Была такая вера. Ни железа, ни крови верующие не жалели. Но сколько ни старались, цели не достигли. За что же теперь ухватиться? Уран 235? Но ведь для каждого ясно, это — не спасение, это — самоубийство.

Но вот смешное полупророчество, полунадежда.

«А мы попробуем спаять его любовью»... Смешно и глупо? Пусть. А что, если обратиться к этому средству, хоть бы с отчаяния? Ведь худа от него быть не может. А вдруг — это палка, которая выстрелит на удивление мудрецам. А не выстрелит, так ведь обратиться к урану 235 никогда не поздно.

Лампадное масло — это не уран 236 (так! — *Сост.*). Это всего лишь вера в исконные и благороднейшие инстинкты человеческой души. Они не всемогущи, но они вечны. Они, может быть, не спасут мира, но тогда не спасет его ничто.

Я читал «Новый Град» с величайшим вниманием и иногда с волнением. Я не во всем в этом замечательном журнале был согласен. Но всего больше я оценил в нем многими столь презираемое лампадное масло.

Лампадное масло — ведь это что такое? Выражаясь попросту — это христианский гуманизм. (Кстати: может ли быть в наши дни другой гуманизм, кроме христианского?) Еще проще: это человеколюбие, неразрывной связью соединенное с евангельской моралью. Без этой морали все наши благие порывы — это цветы, лишенные корней.

Цветы, опущенные в воду. Человеколюбия у нас всегда не хватало, и уж, конечно, всего меньше его было в социалистических партиях. Было у нас в избытке народолюбие социалистов народнического толка, очень искреннее, хотя и ложно направленное. Его тщились упразднить марксисты, с тем, чтобы заменить его своим «пролетариатолобием», гораздо менее искренним, ибо марксисты всегда почитали пролетариат больше средством, чем целью. А вот человеколюбие, никогда не превращающее человека в средство, почиталось лампадным маслом, т.е. материалом, ни для какой реальной политики непригодным.

В «Новом Граде» мотив человеколюбия прозвучал ясно и убедительно. Конечно, за ним стояла определенная метафизика, не для всех приемлемая.

«Новый Град» прав в одном: выбирать надо. И выбор в наши дни определился с полной беспощадностью: выбирать надо между лампадным маслом и ураном 235. Что выберет человечество, т.е. демократия, я не знаю. Вероятно, уран. Демократия, правда, великая охотница и мастерица уклоняться от выбора, но воздержание от выбора есть тоже выбор. Ни Ленин, ни Колчак⁸⁹⁵ — это значит Ленин. Ни лампадное масло, ни уран 235 — это значит уран 235.

В прекрасных мужественных статьях «Нового Града» (я делаю исключение для статей Бердяева, совсем не мужественных и, кроме того, фальшивых) нет и следа готовности поставить бесчеловечие на службу гуманизму (сильнейший соблазн незрелых юных тоталитарных утопий), но нет и доктринерского непротивления злу. Лампадное масло не исключает воли к борьбе со злом, оно ее предполагает. Есть в журнале решительное утверждение свободы, права, достоинства человеческой личности, т.е. того, что теперь иногда именуют «субстанцией» демократии.

Действительным недостатком журнала, но отнюдь не смертным грехом, было утверждение, что большевизм укоренен в русской истории и является в какой-то мере выражением духа русского народа. Иначе революция казалась сотрудникам «Нового Града» непонятной, но ни о каком капитулянтстве они не думали, они говорили о преодолении большевизма, а не о подчинении ему. Я думаю, что главным аргументом в пользу новгородского понимания революции была дорогая новгородцам мысль об ответственности

русского народа. Иначе как идеализацией большевизма это построение не назвать. Впрочем, в двух словах на эти новгородские построения не ответишь. К этой теме очень следовало бы вернуться.

Еще «Новому Граду» ставят в вину его отрицательное отношение «к эмпирической демократии и свободе» (М. Вишняк «О незамеченном поколении» «Н[овое] р[усское] с[лово]» от 2. 3. 56). Но ведь свобода принадлежит к «субстанции» демократии, а эмпирическая демократия — дело десятое, и я не понимаю, как можно их ставить рядом, будто вещи однородные. Эти вещи различных планов. Кроме того, в том и заключается сложнейшая и опаснейшая коллизия нашего времени, что те, кто чит «субстанцию», не могут не видеть, как часто эмпирическая демократия оказывается врагом «субстанции», а те, кто приемлют эмпирическую демократию, — изменяют «субстанции». Демократический сектор эмиграции этой коллизии просто не видит, таков уровень его демократического сознания. «Незамеченное поколение» коллизии не разрешило, оно ее, может быть, до конца даже не осознало, но оно ее очень скоро почувствовало. В приглашении стать под знамена демократии (эмпирической) оно верно улавливало призыв к измене «субстанции». Стоит это увидеть, и тогда легко будет разрешить недоумение В.С. Варшавского.

«Солидаристы каким-то образом, таинственным для человека демократического лагеря, видели в тоталитаризме не более не менее, как применение к социальной жизни начал абсолютной евангельской морали» (78).

Солидаристы (тогдашние) действительно видели приближение к их идеалам соборности, но не в тоталитаризме Гитлера, а в их национально-трудовом строе и дирижизме. Это было непонятно для демократического, может быть, лучше сказать, для стародемократического сознания. Спешу оговориться: я считаю эти настроения совершенно неправильными, о чем я имел случай высказываться печатно: именно, я утверждал, что никакого национально-трудового строя быть не может. Современное общество может быть в политическом отношении тоталитарным либо правовым. Солидаристы, как известно, стоят за правовое государство. В экономическом отношении общество может быть либо капиталистическим, либо социалистическим, либо компромиссом между двумя этими типами. Солидаристы стоят за компромисс. Солидаризм же это комплекс идей, веяние духа, а не политическая или экономическая категория, и он может окрашивать собой и компромиссное, и социалистическое, и даже капиталистическое общество. Тогдашние настроения солидаристов вытекали из их глубокого и, надо прямо сказать, — оправданного недоверия к демократии. В демократии их отталкивала ее перманентная измена собственным принципам, раблепное отношение к большевизму и слепая, иррациональная вражда к русскому народу.

Как примирить «субстанцию» с отталкивающими формами демократической практики? Бедные солидаристы, да и все вообще незамеченное поколение на этот вопрос ответить не сумело. Оно, по крайней мере, им мучилось. Но ведь и официальная демократия на вопрос не ответила и даже его не поставила, а полагала или делала вид, что полагает, будто никакого вопроса и не существует вовсе. И так даже до сего дня. Все это не могло способствовать увеличению авторитета в глазах незамеченного поколения.

В.С. Варшавский представляет историю «незамеченного поколения» как эволюцию от фашизма к демократии. Это, пожалуй, верно, но это поверхностно. Суть дела заключа-

лась в том, что не только фашизм враждебен «субстанции», враждебна ей на иной лад, но не в меньшей степени эмпирическая демократия. В конфликте между ними, не до конца осознанном, но тем более мучительном, изнемогало и изнемогало «незамеченное поколение». Оно конфликта не разрешило, билось оно именно над его разрешением.

Один из проклятых вопросов, мучивший «незамеченное поколение», был вопрос об общественных формах, соответствующих «субстанции». Теперь совершенно ясно, что этими формами не могут быть различные виды фашизма. Но слишком ясно и то, что между «субстанцией» и эмпирической демократией никакой предустановленной гармонии не существует. Люди «незамеченного поколения» почти все молодежь, искали напряженно и страстно. Они ошибались — о, разумеется, они ошибались. Но их ошибки были бесконечно значительнее и плодотворнее утверждения задов и бормотания формул, давно потерявших смысл. В отношении «русских мальчиков» и демократии могло быть много пристрастия, но и многое они подметили в ней верно. И уж, конечно, никогда не стояли они на макиавеллистической точке зрения Энгельса, который ценил демократию не самое по себе, а как средство борьбы с капитализмом и за то, что его партия на почве правового порядка нагуливала себе крепкие мускулы и румяные щеки. Такого рода утилитарные соображения просто не могли прийти в голову «русским мальчикам».

Их собственные формулы совершенно взрывают представление о них как фашистах. «Демократия, минус плутократия, плюс христианство» (стр. 47)⁸⁹⁶ — пусть это донкихотство и прекраснодушие, но что же тут фашистского?

Лозунги духовного, культурного, политического, экономического освобождения (стр. 50) — это лозунги, от которых новая эмиграция отказаться не может, и они не могут найти отклика и в России подъяремной.

Устроение всех людей в правде и братской любви (стр. 64), пусть это программа сверхмаксимум, маяк, недостижимый идеал и, конечно, лампадное масло, — но без нее нельзя удовлетворительно осуществить и самый скромный программный минимум. Без нее остается только классовая борьба и классовые торги с переторжками. И альтернатива: либо война всех против всех, либо опять-таки лампадное масло.

Русские мальчики говорят: «что же в самом деле мы обещали и понесем в Россию? Политическое освобождение, свободу совести, социальную справедливость, хозяйственную свободу, уважение к человеку и подлинную, а не сталинскую об этом человеке заботу... Что же это такое, как не все великие вековые идеи европейского гуманизма, плод христианского сознания. Вместо классовой борьбы и ненависти — классовое примирение на почве солидарности, вместо диамата — главенство духовного начала и вместо бюрократии Госплана — широкое поле для личной инициативы в рамках общенациональных интересов. И при этом поступательном движении к высотам духа есть ли место для другой морали, кроме христианской?» (стр. 78–79).

Да, конечно, так. Воля, прежде всего воля! Но:

Воля, братцы, это только
Первая ступень
В царство мысли, где сияет
Вековечный день⁸⁹⁷.

Неужели это фашизм? Если да, то до чего он, фашизм, — превосходная вещь!

Между большевизмом и нацизмом сходство огромное, почти тождество. Между нацизмом Гитлера и фашизмом Муссолини при несомненном сходстве очень большая разница. Между всеми видами фашизма и построениями «незамеченного поколения» (так! — *Сост.*).

Трубы пресловутой «Wille zur Macht»^{*1}¹⁸⁹⁸ не издавали звуков, когда русские мальчишки пытались в них дуть. Зато нежная свирель добрых человеческих чувств была слышна явственно для непредубежденного уха. Понадобился весь мертвый педантизм «демократического сектора эмиграции», чтобы этих звуков не услышать и создать легенду о природном фашизме «незамеченного поколения». И навсегда заветные чувства этого поколения останутся для официальной эмигрантской демократии запечатанной книгой и в то же время «укором справедливости».

Вообще мысли незамеченного поколения представляют большой теоретический интерес. Пусть в решении проклятых вопросов оно оказалось недостаточно сильным, в бесстрашной их постановке, в стремлении отыскать на них ответы прямые оно имеет неоспоримые заслуги. В их теоретической страде «русские мальчишки» не дождались ни малейшей помощи от демократического сектора. Там царило смешное и досадное демократическое местничество и полнейший теоретический застой, ярким выражением которого была поистине жалкая теория о непонятном вторжении средневековья в современную жизнь, чем будто бы и объясняется возникновение фашизма. «Незамеченное поколение» с его неутолимой жадой правды — истины, но не слишком большой ученостью было предоставлено всецело собственным силам.

Я совсем не хочу сказать, что никаких фашистских настроений у незамеченного поколения не было. Но сводить спор к этому «были-не были» — значит оставить в стороне самое существенное и значительное в жизни «незамеченного поколения». Были эти настроения и не могли не быть, а в наличии их более всего повинны и западная и отечественная официальная демократия. Но было и преодоление фашистских настроений, и оно не оказалось полным только благодаря слишком коротким срокам, отпущенным незамеченному поколению историей. Иногда, впрочем, фашизм «русских мальчишек» был просто мнимым, что совершенно ясно для непредубежденного взгляда. Движение от этого подобия фашизма совершалось, понятно, не к Энгельсу (да Энгельс к тому же завзятый фашист), а к светлому, широкому, гуманистическому мировоззрению. Процесс этот, как показывает прекрасная книга В.С. Варшавского, совершался во всех организациях молодого поколения. И он требовал от старшей политической эмиграции сочувственного внимания и понимания. Ничего этого у «стариков» не оказалось. Европейская демократия тоже представляла собой зрелище, ничуть не возвышавшее душу.

Русская демократическая эмиграция состоит теперь, главным образом, из людей уже очень преклонного возраста. А где же «смена»? Как это случилось, что из молодежи никто не перешел черты, которая отделяла нашу ветхозаветную демократию от тех, от кого она отделялась самым дешевым образом, чествуя их фашистами? Разрыв не между течениями, а между поколениями был очень глубоким. Случались ли переходы из одного лаге-

*1 Воля к власти (нем.).

ры в другой? Не слышал, и мне они представляются невозможными. Демократическая эмиграция была вполне изолирована от младших поколений и ревниво блюла эту изоляцию. Видела в блюдении этом, кажется, демократическую добродетель.

Непонятно, как они, эти демократические старики, думают завоевывать российский поколения. Свое-то, эмигрантское, ведь проглядели и брезгливо от него отмежевались: «народ сей невежда в законе: проклят он». Да ведь в России все такие же проклятые, как же быть с Россией-то? И нас, новых эмигрантов, встретили окриком: «Из Советской России, а туда же, о демократии рассуждать лезут». Неужели Россия ничего от этих людей не дождется кроме окрика? Вообще в дикой разногосице поколений немалая доля вины приходится на жестоковыйность представителей «демократического сектора».

А жизнь все-таки шла там, среди «фашистского» поколения. Настоящая жизнь с исканиями, с кипением мысли и страсти, с ошибками и даже падениями, жизнь, сдобренная даже чересчур страданием и иногда запечатленная героизмом. И отцам надо бы не поедать детей своих, да еще таких детей, ей-Богу, ребята, за которых краснеть России не приходится. Об этом поколении мало проболтаться добрым словом, оно заслуживает большего. И В.С. Варшавский сделал это большее. Нельзя не быть ему за это глубоко признательным.

М.М. Карпович

В.С. Варшавский: «Незамеченное поколение»

Изд-во имени Чехова, Нью-Йорк, 1956, стр. 387*

Книга В.С. Варшавского вызвала уже много откликов. И самое ее заглавие, и то, что часть, посвященная «Монпарнасу», появилась в печати еще до выхода книги, сосредоточили внимание критиков на судьбе «незамеченного поколения». В результате — первоначальный подход к книге получился несколько односторонний, и едва ли это могло обрадовать автора.

Не то чтобы он был к судьбе своего поколения равнодушен. Напротив, он пишет о ней с волнением и даже горечью. Иногда острота этих чувств ведет его к преувеличениям, в иных случаях — даже к некоторой несправедливости. Но было бы еще более несправедливо видеть в этой личной или групповой обиде главный стимул к написанию книги. Слишком очевидно, что для В.С. Варшавского «случай» с его поколением был только поводом для постановки гораздо более широких проблем. Из опыта своего поколения он сделал общие выводы, и этими-то выводами он и хочет, главным образом, поделиться с читателями. О них он тоже пишет с большим волнением, под явным давлением ощущаемой им нравственной потребности.

Конечно, самая широта поднятых им вопросов несколько затруднила обсуждение его книги. В ней говорится и о литературе, и о политике, и о философии, и о религии. Для документации автор ввел в текст обильные цитаты разнородного характера. Это неизбежно отразилось на структуре книги — некоторые критики уже жаловались на ее «хаотич-

* В следующих номерах журнала мы поместим ряд других статей о «Незамеченном поколении» и на темы, с этой книгой связанные (о судьбе и назначении эмиграции).

ность». Но думается, что при внимательном и сочувственном чтении (сочувствие здесь не равнозначно полному согласию) в ней можно усмотреть некоторое внутреннее единство. В конце концов общий замысел автора ясен, ясна и та задача, которую он себе ставил. Книга была написана в поисках синтеза — тоже многообъемлющего. В.С. Варшавский хочет примирить целый ряд «противоречий»: в плане мирозерцательном — христианство и «просветительство»; в плане общественном — христианство и демократию, политическую и социально-экономическую; в плане историческом — девятнадцатый век с двадцатым; в плане эмигрантском — поколение «отцов» с поколением «детей». Скажу сейчас же, что с его основными установками я вполне согласен. Но об этом я здесь говорить не буду. Для меня существеннее (да думаю, что и для автора это будет интереснее) сказать о том, что в его книге вызывает во мне сомнения.

Начну с «отцов» и «детей» — проблемы не только эмигрантской, но и тесно связанной с судьбами России. Читая книгу В.С. Варшавского, я почувствовал, что автор «Незамеченного поколения» сам не заметил еще одного поколения — моего собственного. Я не могу причислить себя ни к «отцам», символом которых для В.С. Варшавского является П.Н. Милюков, ни к «сыновьям», наряду с В.С. Варшавским и его ровесниками. Дело, конечно, не во мне лично, и не столько в биологической, сколько в культурно-исторической смене поколений. Я не могу отделаться от мысли, что В.С. Варшавский стилизовал эмигрантских «отцов» под «типично русского интеллигента» 60–80-х годов прошлого столетия. Всякая типология такого рода таит в себе некоторые опасности, но все же обойтись без нее трудно.

Несколько упрощая, можно сказать, что русский интеллигент того времени являл собой некий монолит. Как правило, он был в оппозиции к существующему строю, с той или иной степенью левизны, и в нем была сильна эгалитарная тенденция. Это соединилось в нем с позитивизмом и с непоколебимой верой во всемогущество науки. Он отталкивался от религии, от метафизики и всякой идеалистической философии. В искусстве и в литературе реализм был для него единственным законным (т.е. общественно-полезным) направлением, и он был равнодушен к эстетике. Для всякого «настоящего» интеллигента этот комплекс идей и настроений был обязателен. Но уже в 80-х годах в этом монолите обнаружились трещины, а к первому десятилетию двадцатого века — от него мало что осталось. К тому времени в сознании многих интеллигентов стерлись прежде ясно начертанные границы, и запретное стало не только желанным, но и дозволенным. Для людей с одинаковой политической ориентацией оказалось возможным соединять ее с различными религиозными, философскими и эстетическими взглядами. И наоборот — обнаружились политические расхождения среди приверженцев одной и той же религиозной и философской доктрины, одной и той же эстетической школы. На смену старой групповой монолитности стало выдвигаться разнообразие индивидуальных мыслей и чувств. Начался бракоразводный процесс между мирозерцанием и политикой.

По возрасту, В.С. Варшавский не мог лично пережить этот опыт, и боюсь, что он не оценил его исторического значения. Отсюда, может быть, и та двойственность, которую я нахожу в некоторых его высказываниях. Так, он с сочувствием цитирует слова Вл. Соловьева о возможности совместной общественной работы при отсутствии «метафизического

единомыслия» — и одновременно приветствует идею И.И. Фондаминского о воссоздании политического «ордена», с «целостным пониманием мира» и с «целостной верой». В «ордене» В.С. Варшавского несомненно привлекает больше всего жертвенность. Но у него нет ясного разграничения между самопожертвованием ради общего дела и жертвенностью как личной потребностью, как «духовным событием». Иначе он не одобрил бы заявление Г.В. Адамовича, что «ни из чего никогда ничего не выходит, все только приносится в жертву». Жертвенность — один из лейтмотивов книги В.С. Варшавского, но в этом лейтмотиве мне иногда слышится смущающий меня обертон — жертвенности как жажды мученичества, как своего рода самоцели. Но ведь это типично для аскетической религии личного спасения, В.С. Варшавским отвергаемой, и едва ли совместимо с тем целесообразным общественным делом (национальным, социальным), о котором он заботится. И еще одно разграничение отсутствует в его книге: между *преобразованием* человеческой жизни, хотя бы и самым радикальным, и ее *преображением* — в духе философии Н. Федорова, с его требованием «осуществления абсолютной жизни здесь на земле». Возможно, что для В.С. Варшавского это только различные ступени одного и того же «эволюционного процесса», но и тогда надо различать между ближайшими и отдаленными целями, в политических терминах — между «программой-минимум» и «программой-максимум». В своем заключении В.С. Варшавский стоит на почве «программы-минимум» — он с одобрением говорит о «спасительном компромиссе между просветительством и христианством», осуществленном, по его мнению, англосаксонскими странами. Но на иных страницах его книги — для моего слуха, по крайней мере, — звучит голос максималиста.

Отчасти эти недоумения вызваны, быть может, своеобразной терминологией автора: такие слова, как «мистика», «метафизика», «утопизм», не всегда употребляются им в общепринятом смысле. Но возможно, что есть для них и более серьезная причина — отталкивание В.С. Варшавского от всякой формы трансцендентализма. Я знаю, что он своей философии, опирающейся главным образом на Бергсона, никому навязывать не собирается. Но я боюсь, что отсутствие в его книге ясного разграничения между мирозозерцанием автора и теми конкретными общественными задачами, к решению которых он стремится, может несколько помешать успеху его «пропаганды». Как уже сказано, он стремится примирить христианство с просветительством. Он хотел бы, чтобы христианство стало социально более активным, а просветительство — более духовным. Но трудно представить себе, чтобы эта встреча могла произойти на его философской платформе. Между тем нигде в его книге не сказано с достаточной определенностью, что для неотложного общего дела это и не нужно.

Я надеюсь, что В.С. Варшавский сделает это ясным в процессе вызванного его книгой обсуждения. Но уже и сейчас мы должны быть ему признательны. Ему удалось не только сделать «незамеченное поколение» замеченным, но и привлечь внимание к ряду очень важных проблем — может быть, и не новых, но заново и с большой остротой им поставленных.

Ф.А. Степун

«Новоградские» размышления по поводу книги В.С. Варшавского «Незамеченное поколение» и дискуссии о ней

На долю В.С. Варшавского выпал, в известном смысле, большой успех: и несогласные с его мнениями и анализами критики подчеркивают свои симпатии к нему. Даже строгий М. Вишняк предваряет свой критический разбор работы Варшавского признанием «самых благих намерений автора» и заявляет, что он ему сочувствует.

Георгий Адамович в своем очень интересном фельетоне идет много дальше: он не только выражает сочувствие автору «Незамеченного поколения», но и восхищается им. Замечателен, пишет он, общий дух книги (общий дух книги в отличие ото всех ее частных особенностей есть неизбежно дух автора) благородный, свободный, прекрасно-человечный, а часто и светлый. Подчеркиваю, что я с этой характеристикой вполне согласен: получив книгу Варшавского, сам писал ему в том же роде⁸⁹⁹.

Но если Варшавский человек такого высокого духа, то как понять замечание Адамовича, что «мысль его (Варшавского) выделялась бы отчетливее, если бы он был в своих критических суждениях откровеннее и смелей». Предположение, что Адамович вопреки своему восхвалению Варшавского заподозривает его в лицемерии и карьеристической осмотрительности — недопустимо. А потому остается только гипотеза, что Адамович, пусть бессознательно, придерживается распространенного убеждения, что на добре культуры не построишь, что человек односмысленно-прекрасной души не призван к творчеству, что всякое благодушие наивно и подслеповато, что творческие дарования чаще чеканятся темными, чем светлыми силами.

Соображения, выдвинутые Адамовичем против утопически-прекраснодушной, христианской демократии (ради них я даже готов простить автору его полемически-дешевое определение «Нового Града» как «революции на лампадном масле»), выгодно отличаются от нападков Аронсона и Вишняка. Спорить с мнением Г. Аронсона, ссылающегося на Бороонецкого, что из идеи «христианизации культуры и государства никогда ничего не выходило кроме делового извращения христианства и теологического извращения жизни», не приходится. Достаточно хотя бы бегло просмотреть протоколы двух последних международных конгрессов по вопросам историософии и социологии культуры в Майнце и Риме, чтобы убедиться в расхождении «народника мессианиста» Бороонецкого с убеждениями подавляющего большинства крупных современных ученых.

Ошибка Бороонецкого и Аронсона заключается, как мне кажется, в слишком больших требованиях, предъявляемых ими к «христианизации» государства и культуры, в неразличении христианской политики и христианской культуры от политики и культуры христиан. Христианское государство, в точном смысле этого слова, конечно, утопия. Государство, которое отказалось бы от сопротивления злу силой и решило бы точно придерживаться евангельской этики, привело бы только к усилению зла в мире. Такого государства история не знала и знать не могла. Но она все же знала государства, во главе которых стояли христиане, устремленные к христианизации мира, и эти государства, несмотря на злодея-

ния, которые и в них творились, имели все же преимущества: Петр Великий — все же не Ленин и даже Грозный — не Сталин. Это очень большая тема, которую могу лишь сформулировать, но развивать не могу.

То же самое можно сказать и о культуре. Христианская культура вряд ли возможна. Культурный святой — невозможное словосочетание. Тем не менее культура христиан — высшая культура, которую знала Европа. Это так очевидно, что спорить против этого невозможно и напоминать читателю имена и образы излишне.

Статья М. Вишняка основных проблем книги Варшавского почти что не касается. Автора не интересуют ни очевидный кризис демократии, ни причины возникновения диктатур, ни явная ответственность демократии за то, что религиозная тема в психологии «незамеченного поколения» противоестественно срослась с фашистской.

Статья М. Вишняка есть в сущности слово присяжного поверенного в защиту своего клиента, главным образом редакции «Современных записок», «Русских записок», Милюкова, себя самого, т.е. поколения отцов. По его мнению, «отцами», вождями и вершителями эмигрантской литературы было сделано все, что можно было сделать. До некоторой степени я должен отдать ему справедливость: поколение, о котором пишет Варшавский, как в конце концов показывает и его книга, вовсе не было незамечено. Работа Варшавского могла бы быть названа и иначе и ничего бы от этого не потеряла, так как ее сущность заключается в анализе проблем, волновавших как замеченных, так и незамеченных детей и внуков старой эмиграции.

В самозащиту Вишняка естественно входят нападки на «Новый Град», в редакцию которого вошли И. Фондаминский — не только редактор «Современных записок», но и их живая душа, — а также и два ближайших сотрудника журнала — Федотов и Степун. Близко подошел если и не к самому «Новому Граду», политическую платформу которого он отчасти отрицал, то к его идеи христианизации демократии и старый соратник М. Вишняка — В. Руднев. Это развитие Вишняк ощутил как измену и этой измене еще не простил.

Входить ближе в рассмотрение наших старых разногласий с М. Вишняком я в этой заметке не могу, хотя мне и было бы важно показать, что фашистская диктатура, властвующая насильничеством и злом, является полной противоположностью мирозерцательно-обоснованной авторитарной демократии, царствующей силою и истиной. Всемогущий Бог не фашист и не диктатор. Фашистские диктаторы все так или иначе питаются верою в дьявола, в чем в полном согласии с М. Бакуниным Ставрогин, сам тому удивляясь, признается архиерею Тихону. Лишь недостаточно четким различением принципов авторитарной демократии, в которой нуждается и к которой стремится Запад, и фашистской диктатуры объяснимо замечание Вишняка, что только приход к власти Гитлера заставил Федотова порвать со своим «полуфашизмом». Ни полу- ни четверть-фашистом Федотов никогда не был. Верно лишь, что испуганный мирозерцательной диктатурой фашизма, он, человек более чуткий, чем стойкий, тактически попятился назад к «простой формальной демократии», только что позорно проигравшей Германию выпущенному ею из тюрьмы Гитлеру.

Присматриваясь к политической жизни русской интеллигенции XX века и невольно спрашивая себя — чем люди, сравнительно легко отрекающиеся от своих исходных

идеологических позиций, отличаются от тех, что до конца остаются верными своим точкам зрения, я пришел к заключению, что наименьшая идеологическая упорность, а потому и наибольшая духовная свобода скорее присущи людям религиозных убеждений, чем позитивистам-рационалистам. Доказательством верности этого наблюдения может служить то, что покинувшие ряды социал-демократической партии молодые ученые — Булгаков, Бердяев, Франк и Струве впоследствии существенно определили собою развитие русской религиозной философии. К движению «Нового града» тоже прежде всего примкнули ученые и политики, которым не хватало духовной пищи в «простой, политической и экономической демократии»: Бунаков, Федотов, Гессен, Степун; с некоторыми оговорками и Руднев.

Несравненно более крепкая привязанность позитивистически настроенных людей к своим исконным позициям и верованиям объясняется, как мне кажется, тем, что, не чувствуя глубокого дыхания вечности в истории, они смолоду проецируют вечное в будущее (рай на земле), с годами же заливают светом вечности и свое дорогое прошлое: годы веры, дружбы и борьбы. Во всех своих спорах с с-эрами и с-деками, преждевременно уволенными «объективным духом» в отставку, я всегда улавливал явно эмоциональный, я сказал бы даже, лирический оттенок. Страстно защищая свои программы и принципы, они защищали их как абсолютные ценности, не связывая их с постоянно меняющейся исторической обстановкой. Я же начиная с 1905-го года упорно доказывал товарищам-революционерам, среди которых вращался, что ценность всех политических форм и формул должна определяться исключительно их способностью к подчинению текущих событий требованиям высшего порядка.

На этой позиции застал меня и 1917-й год. Развитие событий показало мне, что я был не совсем неправ. Позволю уточнить свою мысль на близко касающемся всех нас примере.

С моей точки зрения, высшей идеей и высшей ценностью демократии является свободный и свободолобивый человек в свободном и свободолобивом обществе. Эта свобода как греко-римской мыслью (Платон, Аристотель, стоики), так и христианским учением согласно признавалась началом метаисторическим, вечным. Защиту этой свободы должно потому считать высшей задачей политической демократии, помнящей о своих корнях. Наряду с этой ценностью все остальные принципы и положения демократии имеют лишь подчиненное значение. Четыреххвостка, власть большинства, многопартийность, парламент и народоправство — все это только выработанный на Западе инструментальный для защиты свободы личности, который в ту же минуту лишается всякой ценности, как только он не спасает, а губит свободу. Неужели же нацистская Германия превратилась бы в демократию, если бы большинством немецкого народа в условиях свободного голосования приняла бы расовые законы? Неужели диктатор, который самочинно сверг бы Гитлера и восстановил бы правовой строй, заслужил бы осуждение как фашист?

Нет сомнения, что появление Ленина в Петербурге сразу же поставило под вопрос само бытие России и тем отодвинуло на задний план борьбу за формы ее политического

существования в будущем. Казалось бы, что людям, не лишенным интуиции и исторического глазомера, должно было бы быть ясным, что победы над Лениным не осилить, если у него не вырвать лозунга немедленного замирения с врагом, если его страстной, сектантской агитации немедленно же не противопоставить авторитарной воли, хотя бы и без достаточной юридической подготовки созванного Учредительного собрания, и сразу же самым радикальным образом не положить конца его злоупотреблениям демократической свободой.

Ни на одну из этих мер февральская демократия не решилась и за их явную антидемократичность решиться не могла. Заняв привычные ей партийно-обжитые, формально-демократические позиции, она, забыв о реальной России и реальной свободе, принялась страстно и многословно защищать принципологию демократии, параграфы Учредительного собрания и маячущую на горизонте тень демократической и социалистической республики, что в конце концов и привело к победе большевизма.

Трагедия русской демократии не была в достаточной мере понята и учтена Западом. Следя за политической жизнью Европы, трудно не видеть, что главными причинами все прогрессирующего преуспеяния большевиков являются: либеральная пустоградность, демократическая вера в свободу, не верующую в освобождающую истину, и слепая борьба непримиримых друг с другом точек зрения.

На первый взгляд, я в своих размышлениях как будто бы далеко отошел от Варшавского и «Незамеченного поколения». На самом же деле это не так.

В свое время я писал о том, что «Новоградство», которое выпестовало Варшавского и которое он в своей книге менее защищает, чем (как писатель) практикует, есть в гораздо большей степени замысел о новом пореволюционном человеке, чем новое учение; поскольку же оно есть и учение, то скорее антропологическое, чем социологическое и политическое. Сущность новоградской антропологии, в применении к процессу познания, о котором в связи с книгой Варшавского сейчас идет речь, может быть, сведена к требованию Достоевского («Хозяйка») мыслить не в отвлеченных понятиях, а в конкретных образах, что отнюдь не исключает систематичности мышления. «Бесы» тому убедительнейший пример. Все герои этого романа теснейшим образом связаны между собой, и эта связь таит в себе систематически законченную социологию большевицкой революции⁹⁰⁰.

Покойный Федотов был в этом смысле одним из самых талантливых последователей Достоевского. Свои мысли о России он последовательно раскрывал в образах русских людей и русской истории, правильно чувствуя, что художественно-интуитивное созерцание мира ведет к более глубокому постижению его, чем то доступно научно-рационалистическому познанию

К тому же методу исторического исследования влекся в своих «Путях России» и Фондаминский-Бунаков⁹⁰¹, у которого не было столь больших знаний, как у Федотова, и блеска федотовского пера, но была зато — по человеческой его скромности — большая ответственность перед объективностью. Все та же новоградская жажда уйти от научных

отвлеченностей привела и меня к мысли написать «молекулярную социологию» (Георг Зиммель) революции в форме воспоминаний⁹⁰².

Открыв книгу Варшавского, я сразу же почувствовал веяние новгородского духа, которому, конечно, новгородцы часто изменяли: ту широту, непредвзятость и доброжелательность, что так редко встречается у авторов, пишущих о своих современниках. О каких бы группах и школах «незамеченного поколения» Варшавский ни говорил, он, не отрицая их теневых сторон, все же старается выдвинуть на первый план их положительные начала. Не становясь на позицию Ницше, для которого нет разницы между добром и злом, Варшавский все же видит диалектическое сплетение этих начал: их всегда опасное, но часто творчески продуктивное сотрудничество.

Подробно описывая пути и перепутья таких полуфашистских организаций, как «Национальный трудовой союз» или «Союз младороссов», Варшавский не злорадствует, вскрывая идеологические противоречия их программ, не вскрикивает патетически: «Гитлер и евангельская мораль... хорошо звучит это словосочетание», но, внимательно всматриваясь в эти противоречия, старается понять их конструктивное значение в судьбах «незамеченного поколения». Понятно, что людям идейно-направленческого склада многомотивные социологические анализы Варшавского и снисходительность его нравственных оценок могут иной раз показаться печальными результатами неотчетливости мысли и некоторой нравственной беспринципности.

О разнице созерцательного постижения и рационального понимания, или, что то же самое, о разнице между мышлением в образах и мышлением в понятиях, я впервые писал в философском журнале «Логос» в 1910 г.⁹⁰³ Там я доказывал, что если строить культуру как некую иерархию образов, то ее неизбежно строить как культуру религиозную, так как нет высшего образа, чем Бог.

Исходя из этих положений, сложившихся у меня под влиянием Шеллинга, славянофилов и Соловьева в переключке с русским символизмом, я в ответ на обращенный «Парижским революционным клубом» к ряду русских писателей, в том числе и ко мне, вопрос: «Как правильнее всего формулировать российскую, национально-историческую идею?», отвечал («Новый Град» № 8), что русская идея не должна пониматься как историософски-идеологический монтаж, но как некое качество духа⁹⁰⁴. Наиболее существенными моментами, или несущими силами этой духовности, я считал (привожу цитату в несколько расширенном и уточненном смысле): «Божий лик, богоподобный образ человека; формы падения человеческого лица — личина и безликость, глаза — не точки зрения; предметность и конкретность познания, трезвенность и соборность духа, самопреодоление в святости вместо самоутверждения в геройстве»⁹⁰⁵.

В самом начале первой великой войны славянофил В. Эрн, предчувствуя, что война неизбежно подорвет общеевропейскую оптимистическую веру во всемогущество разума, в непрерывность прогресса и в близкое счастье «подавляющего большинства» людей, убежденно провозглашал, что «время славянофильствует»⁹⁰⁶. Славянство, по правде сказать, было упомянуто всуе, но начавшийся в европейском сознании и европейской

жизни поворот был Эрном — и не одним им — подмечен верно. Не думаю, чтобы кто-либо из объективных наблюдателей событий последних десятилетий мог бы не согласиться, что начиная с 1914-го года разум начал быстро терять свой кредит у масс и вождей, что разумные политики на всех революционных и пореволюционных фронтах один за другим «проваливались»: Милюков, Керенский, Штреземанн и Брюнинг в Германии, Масарик и Бенеш в Чехии⁹⁰⁷ и т.д. Безумцы же и утописты превозносились до небес: Ленин, Сталин, Муссолини, Гитлер, Геббельс и др.

Надо надеяться, что Запад еще не гибнет, но нельзя не видеть, что мысль о его гибели маячит в миллионах европейских умов, не исключая и тех, что работают над созданием новой, объединенной Европы. В непрерывно развивающийся прогресс уже давно никто не верит. Классический либерализм, создатель и носитель этой веры, сам идет на ущерб. Его слева быстро обходят якобински-руссоиская демократия и коммунизм под предводительством Москвы.

Первопричина все еще усиливающегося успеха большевизма налицо. Он явно объясняется идеократическим характером большевизмского коммунизма, т.е. тем, что коммунизм, в отличие от либерал-демократии всех оттенков, но в полном «формальном» согласии с христианством («Познайте истину и истина сделает вас свободными»), связывает свою свободу с универсальной и всеохватывающей истиной. Нет сомнения, что коммунистическая истина — ложь и коммунистическая свобода — рабство, но в том-то и трагедия, что широкие слои молодой европейской интеллигенции этого не видят. Отрицать популярность Советской России во всем мире, к сожалению, нельзя. Это становится особенно ясным, когда участвуешь в дискуссиях на всевозможных интернациональных конференциях и в особенности на международных студенческих съездах. Утверждение, что коммунистам есть что защищать, потому что они верят в свою идею, европейцам же защищать нечего, потому что Европа ни во что не верит, неизменно повторяется в речах наиболее горячих и, безусловно, идейных молодых европейцев, главным образом — французов и немцев.

В связи с таким весьма распространенным пониманием коммунизма как некой новой религии, способной пробуждать в людях веру и жажду подвига, учеными и политиками христианско-консервативного сознания, лучше разбирающимися в проблематике большевизма, чем демократы-позитивисты, уже не раз было высказано мнение, что пустующую о Боге европейскую душу ничем не спасти, кроме как заполнением этой пустоты живой и действительной верою, т.е. кроме как оздоровлением ее исторических корней. В осуществимости такого плана сомневаться вполне естественно, но не видеть, что другого выхода нет и что, по сравнению с положением вещей в конце XIX века, шансы на его реализацию все же увеличились — нельзя.

В восстановлении разгромленной войной Европы — главным образом Германии и Италии — христианские (новоградские) партии Аденауэра и Де Гаспери сыграли очень большую роль. Роль церквей в оформлении политического сознания Запада очевидно увеличивается: недаром патриаршая церковь спешит заявить о своем существовании как в Риме, так и в Экуменическом совете в Женеве. В вырвавшейся из-под власти расизма Германии церковные съезды католические, как и протестантские, собирают сотни тысяч

людей. Социал-демократия же, в особенности немецкая, видимо, освобождается от мешающего ей маневрировать материалистически-диалектического балласта и все ближе подходит к прагматизму англосаксонского рабочего движения.

Конечно, как всё в жизни, так и христианизация политики имеет свои отрицательные стороны. Самый значительный протестантский богослов, Карл Барт, немецкий пастор Нимёлер⁹⁰⁸, как и их многочисленные последователи и спутники, упорно держат курс на сближение с большевиками, что при той новой роли, которую церковь играет в политике, представляет собою большую опасность.

Увеличивающееся влияние религии замечается и в сфере культуры: связь естественных наук с атеизмом — порвана. Значение философии во всех странах Европы слабеет, значение богословия растёт. Связано это явление все с тем же уже отмеченным фактом разочарования в разуме. Философия чистого разума повсюду вытесняется философией жизненного опыта, так называемым «экзистенциализмом», который, согласно духу эпохи, живет борьбою двух начал — христианской религиозности и атеистического нигилизма, о чем по поводу Сартра хорошо писал преждевременно скончавшийся редактор «Эспри» Эмануил Мунье⁹⁰⁹.

Возвращаюсь к возражениям Г. Адамовича, вернее, к его сомнениям в осуществимости христианской демократии. Сомнений и у меня не мало. Тенденцию Адамовича к усложнению (так! — *Сост.*) проблемы я поэтому безоговорочно принимаю. Все же не могу не отметить, что Адамович видит трудности и там, где их, как мне кажется, нет. Так, ставя вопрос о природе христианства, он указывает на то, что Соловьев, Толстой, Достоевский, Леонтьев и Победоносцев понимали христианство весьма различно. Это, конечно, верно, но разве существовало когда- и где-либо учение, которое одинаково понималось бы всеми его последователями? В своей книге «Немецкий социализм» Вернер Зомбарт насчитывает более двадцати пониманий социализма⁹¹⁰. Многосмысленность и разнопонимаемость религиозных, нравственных и социальных учений явление столь общее, что считать его затруднением для реализации христианства вряд ли возможно.

Нет сомнения, что различные понимания христианства определяются разнообразием его переживаний; переживают же люди Христа и его учение по-разному потому, что они самим Богом созданы разными людьми. Нет спору — все люди созданы по образу и подобию Божию, но каждый человек запечатлен иным Богоподобием. Быть подлинно человеком, т.е. личностью, значит быть личным сходством связанным с Богом, быть исполненным индивидуального Богоподобия. Земною проекцией индивидуального Богоподобия является особость задания, которое Богом дается каждому человеку. Достоевский называет такое задание «идеей человека», но определяет эту идею не в платоновском, а в христианском смысле, как семя, бросаемое самим Богом в душу человека с требовательным ожиданием, чтобы он вырастил из него древо своей жизни. Из особого задания, с которым рождается каждый человек, вырастает его священное право требовать от ближних необходимой для осуществления этого задания свободы, а также и предоставления такой же свободы другим. Личность и

свобода не отделимы. В их нерасторжимом единстве и коренится та верховная идея демократии, о которой шла речь выше.

Думаю, что эти соображения в достаточной степени осмысливают разногласия в понимании христианства. На вопрос же: какое понимание должно быть положено в основу политики и культуры христиан, возможен только ответ — в принципе все, которые его утверждают, но не в их историей обусловленном взаимоотрицании и противоборстве, а в приближении к тому, метаисторическому, мистическому единству, что в образе Спасителя полностью живет и обретается лишь в церкви, в ее молитвах и таинствах.

В заключение только еще несколько слов о тягбе «черного» христианства Леонтьева с ненавистным этому эстету-византийцу «розовым» христианством Достоевского и Соловьева. Спор о том, должно ли христианство во имя личного спасения уводить верующего от мира и даже от служения ближнему или, наоборот, всеми помыслами устраивать мир и человеческую жизнь в нем — очень стар.

Мне лично правильное разрешение этого спора неожиданно подсказал великий аскет Исаак Сирийский.

Нет сомнения, что людям духовно малоопытным некоторые изречения великого учителя церкви могут показаться прямым соблазном: «Кто омертвляет сердцем», поучает он, «для своих ближних, для того мертв станет дьявол». «Как иней сжигает едва выходящую из земли зелень, так свиданье с людьми сжигает корень ума, начавшего производить злак добродетели»⁹¹¹.

Это еще можно понять. Но вот почти непонятная цитата: «Блажен, кто один ест хлеб свой. В те дни, когда имею беседу с кем-нибудь, съедаю по три или четыре сухаря и не могу вознести молитвы, теряю мужество ко Господу, не в силах направить на Него свои мысли. Когда же я в немоте отхожу от людей и молчанием привожу свой ум в оцепенение, то не могу съесть и единого сухаря и смело беседую с Богом»⁹¹².

Приводя в своих статьях «Религия и революция»⁹¹³ и «Последний святой» эти цитаты, Мережковский, убежденный проповедник социального христианства, «с ужасом» восклицает: «Что это — ангельская любовь к Богу или дьявольская жестокость к человеку?»⁹¹⁴ Не думаю, чтобы ужас Мережковского был оправдан. Оправдан он был бы лишь в том случае, если бы Исаак Сирийский советовал не снижать своего отношения с Богом заботами о ближнем всем без различия христианам, а не немногим только праведникам, сложными духовными путями восшедшим на вершину мистического созерцания. Но об этом не может быть и речи. В ответном письме епископу Симеону, который, ссылаясь на великих отцов церкви, спрашивал у Исаака, правильно ли ради сосредоточенности и длительности молитвы не слишком отдаваться заботам о больных и бедных, Исаак отвечал, что это правильно лишь для умерших для мира аскетов, но не для тех, что еще далеки от совершенства и многими чувствами и помыслами связаны с жизнью⁹¹⁵.

Думаю, что этот ответ Исаака Сирийского Симеону представляет собою единственно правильное разрешение спора между аскетическим и мироустроительным пониманиями христианства.

Согласно этому разрешению за святым Серафимом Саровским должно быть признано право ставить «избавление от греха выше освобождения народа», но согласно тому же разрешению это право не может быть использовано в качестве защиты мнения Победоносцева, что для каждого православного россиянина важнее заботиться о спасении своей души, чем о гражданских свободах в государстве Российском. В ответ на попытку реакции оправдать свою политику мистической аскетикой все защитники мироустроительного христианства имели бы полное право со ссылкой на письмо Исаака Сирина епископу Симеону напомнить Синоду и его главе, что им, как людям поставленным у власти, прежде всего надлежит заботиться о бедных и больных и не только в личном и филантропическом, но и в государственно-политическом порядке. Это одна сторона вопроса, но есть и другая: отрицая за реакционерами право ссылаться на отцов-аскетов, поборники христианской политики и социального христианства не должны были бы, как они это по примеру Мережковского часто делали и продолжают делать, ужасаться аскетами-отшельниками. Успешная защита «Нового Града» невозможна без преклонения перед градом вечным. Для каждого христианина, работающего под горой, мысль, что на горе за его дело молятся те, чьи молитвы по своей силе, ему не данной, способны сдвигать горы, может быть только утешительной. А потому и желание подойти под благословение церкви должно быть для него живою потребностью.

Но если иерархами, исполненными «черного» леонтьевского духа, в этом благословении будет отказано, то христианам-домостроителям ничего не остается, как со скорбью в душе идти своею дорогою.

Каждое время ставит церкви новые задачи, игнорировать которые она не может. Сейчас перед христианской совестью остро стоят социальный и политический вопросы. Спор между Леонтьевым и Соловьевым должен быть потому решен в пользу последнего.

Ю. П. Денике

В. С. Варшавский — Незамеченное поколение

Из[д]-во им[ени] Чехова, Нью-Йорк. 1956

В разгоревшихся спорах о книге Варшавского многие, даже и те, кто относится к ней отрицательно, называют ее «волнующей». Это оправдывается как остротой поставленных в книге вопросов, так и той глубокой, а порой и страстной, взволнованностью, с которой говорит об этих вопросах автор. Но задача рецензента, как я ее понимаю, не в том, чтобы «волноваться», а в том, чтобы прежде всего дать о разбираемой книге отчет, по возможности лишенный всякой эмоциональной окраски. И прежде всего надо поставить вопрос: о чем собственно эта книга? По отношению к книге Варшавского выяснить это особенно важно. В ней — и в этом, конечно, ее недостаток — нет твердой оси, благодаря которой главные и побочные темы выделялись бы сами собой. Их надо отыскивать и разграничивать, что не все читатели делают одинаково успешно. К тому же заглавие «Незамеченное поколение» далеко не покрывает содержание книги и направляет внимание одно-

сторонне на одну из тем книги — тему важную, но не центральную. Как ни близка автору печальная судьба эмигрантских писателей, не нашедших признания, основное содержание книги не в повести об этой судьбе.

По моему пониманию, книга Варшавского имеет три главные темы: 1) христианство и демократия, 2) христиане и демократы-позитивисты, 3) корни враждебности к демократии у младшего поколения эмиграции. Согласно Варшавскому, демократия не только совместима с христианством, но из христианства вытекает, являясь в данной исторической обстановке обязательным выводом из правильного понимания христианства. Чтобы быть верным подлинному учению Христа, христианин должен быть на стороне демократии и социального прогресса. Но, пишет Варшавский, «в историческом христианстве определенно обнаруживается сосуществование двух разных тенденций, почти даже двух разных религий — религии милосердной, сострадательной и деятельной любви, требующей тотальной самоотдачи и веры в человеческое действие, и почти ей противоположной... религии мироненавистнического аскетизма эсхатологического трансцендентизма» (стр. 279). В эмиграции, по словам Варшавского, «эсхатологические настроения были очень сильны... и возрождение религиозного чувства часто принимало опасную форму возвращения к средневековому пессимизму» (там же). Отмечу тут же, что у Варшавского остается недоговоренным, но, наверное, вполне соответствует его мысли. Из второй эсхатологической тенденции логически можно вывести только общественный индифферентизм и, стало быть, безразличное отношение к демократии. Но соответственно другой логике — логике общественных отношений — эта вторая тенденция если не всегда, то очень часто выражается в отрицании демократии и в реакционном изуверстве. Варшавский приводит слова Ивана Карамазова о «русских мальчиках», которые рассуждают о вопросах: есть ли Бог, есть ли бессмертие? «А которые в Бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это... все те же вопросы, только с другого конца». И Варшавский ставит вопрос: «почему тот, кто искал Бога и бессмертия, неизбежно оказывался в другом лагере, чем тот, кто хотел "переделки всего человечества по новому штату"? Ведь это же были "все те же вопросы, только с другого конца"». И по существу почти тот же вопрос ставится в приводимых Варшавским (стр. 160) словах о. А. Шмемана: «Не состоит ли трагедия новой истории прежде всего в том, что самая христианская из всех идей нашего мира, идея абсолютной ценности человеческой личности, исторически оказалась выдвинутой и защищаемой против церковного общества, роковым символом борьбы против Церкви?»⁹¹⁶

Из религиозной концепции Варшавского вытекает, что истинными носителями христианской — а по Варшавскому, и русской — идеи являются демократы-позитивисты нашей интеллигенции. Примыкая к Бергсону, Варшавский дает мистическое толкование тому, почему вообще, а не только в России, глубоко христианские идеи воплотились главным образом не в христианах, а в неверующих деятелях прогресса. А у нас «вся история "ордена русской интеллигенции", несмотря на материализм и позитивизм большинства орденских "целостных мирозозерцаний", есть история особой мистической христианской секты» (стр. 235). Область такого рода мистических толко-

ваний мне слишком чужда, но в этой чуждой мне форме Варшавский указывает на ту фактическую истину, что демократы-позитивисты в их практической деятельности часто были и бывают гораздо ближе к христианскому делу, как его понимает Варшавский, чем очень многие христиане. И книга Варшавского является призывом к участию христиан и демократов-позитивистов в общем демократическом деле, несмотря на все различия мировоззрений.

Но в эмиграции после Октябрьского переворота и Гражданской войны разрыв между лагерями оказался особенно резким. Мне не совсем ясно, в какой мере у Варшавского это «великое недоразумение» совпадало с враждебным отношением к демократии «эсхатологических христиан». Варшавский приводит и другие моменты. В этой части своей книги он, пользуясь большим обилием цитат, дает материал, очень ценный для понимания блужданий младшего поколения и психологических корней его тяготения к фашизму и нацизму. Он дает суровую оценку этих тенденций, но в то же время с глубокой человечностью говорит о рядовых участниках таких движений, являющихся для него заблудшими «русскими мальчиками». Это — тема, которая никак не может уложиться в рамки рецензии. По-моему, в суждениях Варшавского много правды, но также и слишком много доброты. Думаю, что во многих случаях дело обстояло хуже, чем он думает, в особенности поскольку речь идет не о рядовых участниках, часто обманутых, а о руководящих кругах, часто обманывавших.

В талантливом изложении Варшавского с большой силой выступает глубокая тревога за то, что он (вслед за Фондаминским) называет — по-моему, не слишком удачно, — «орденом русской интеллигенции», или, вернее, за постепенно вымирающие остатки этого ордена, ушедшие в эмиграцию. Разрыв между поколениями привел к тому, что у «отцов» — главным образом демократов-позитивистов — нет духовного и политического потомства. «С каждым годом, — пишет Варшавский на последней странице своей книги, — круг людей, продолжавших в эмиграции дело защиты русской свободы, трагически сужается». И ответственность за продолжение этого дела «переходит к эмигрантским сыновьям и к новой эмиграции».

Этот обзор главных тем далеко не исчерпывает всего содержания книги. Некоторые ее главы, хотя и связанные с основными мыслями автора, представлены настолько обособленно, что как бы являются отдельными книгами внутри книги. Такова та глава об эмигрантском Монпарнасе, в которой идет речь о «незамеченном поколении» эмигрантских писателей и которая вызвала особенно оживленную дискуссию. Есть в книге глава о «Русском студенческом христианском движении», глава о «Новом Граде», глава об участии эмигрантов младшего поколения в войне и во французском движении Сопротивления. Думаю, что для каждого читателя в книге будет много нового; для одного — одно, для другого — другое. Некоторые суждения будут оспариваться, некоторые факты иначе толковаться. Тем лучше. Это будет «столкновение мнений», которое может оказаться очень благотворным.

Варшавский написал книгу, не свободную от ошибок и по своей организации далеко не совершенную, но полезную и ценную. Ее ценность можно подчеркнуть двумя цитатами. Варшавский пишет (стр. 376): «В сердце многих эмигрантов христианство ужива-

лось с крайним шовинизмом, и несовместимость нравственных идеалов этих двух вер не доходила до их внимания». И еще (на той же странице): «Потребовалось страшное испытание войны, чтобы стало ясно, что у человечества нет другого выбора: или западная демократия, или мир концлагерей, террора, принудительного труда и принудительных идей и чувств. Усвоила ли эмиграция поучение этого трагического урока?»

Прот. В. Зеньковский

По поводу книги В.С. Варшавского «Незамеченное поколение»*

Книга В.С. Варшавского обратила на себя всеобщее внимание, — и, конечно, она вполне заслуживает его. Написанная живо и увлекательно, она дает очень много материала, неизвестного или мало доступного широкой публике, ставит целый ряд вопросов, которые выходят далеко за пределы той задачи, которую поставил себе В. Варшавский. Формально она посвящена «эмигрантским сыновьям», т.е. тому среднему поколению эмиграции, которое покинуло Россию в раннем детстве и которому сейчас от 35 до 50 лет.

Книга задумана как апология этого поколения и является ответом на поспешное обобщение известного писателя и публициста (из Д-П) Н. Ульянова, который заявил в своей нашумевшей статье «Культура и эмиграция», что «племя, выросшее в эмиграции, не выдвинуло ни одного имени, ни одного громкого дела»⁹¹⁷.

Г. Варшавский очень умело, обстоятельно и документально показывает необоснованность упреков г. Ульянова, — и если в его рассказе не упоминается о «громких делах и больших именах», то потому, что в трагических условиях эмиграции творческая активность русских людей обречена вообще на то, чтобы остаться «незамеченной». Можно только добавить: не только среднее, но и старшее поколение эмиграции («отцы») остается «незамеченным». Русское творчество в эмиграции с таким трудом находит свое публичное закрепление, столь многое остается неопубликованным или же рассеянным по иностранным журналам, что можно утверждать с уверенностью, что очень существенная часть этого творчества так и не увидела света. Вот пример: когда стараниями вдовы Б.П. Вышеславцева удалось издать несколько неопубликованных, в силу их напечатания в мало известных специальных журналах, статей (и то не всех) покойного философа отдельным сборником, то получился очень ценный и яркий памятник творчества Б.П. Вышеславцева... **

Мы хорошо знаем, сколько остается в рукописях (хотя и готовых к печати) книг, статей, написанных людьми, уже пользующимися известностью. И они тоже — «незамеченное поколение»! Что же сказать о тех, у кого еще нет имени, но кто заслуживает того, чтобы предстать перед широкой публикой?

Если эмиграция проходит свой горький путь «незамеченной» в своем творчестве и не дала много «больших имен и громких дел», то, конечно, дело здесь *не в отсутствии талантов*. Даже из того материала, который приводит г. Варшавский в своей книге, это

* Изд. имени Чехова, 1956.

** «Вечное в русской философии», изд. имени Чехова, 1955.

совершенно ясно, — а между тем он касается *лишь малой части* «дел» эмиграции. Не могу не вспомнить здесь одного характерного в этом отношении случая: лет десять назад проф. Е., обладавший тогда значительными средствами, затеял издание (в 9 больших томах) обзора того, что дало русское творчество за годы эмиграции, — в сфере науки, искусства, общественной деятельности. Нас было 9 человек на предварительном собрании — и сразу же стало ясно, что редакторам отдельных томов будет очень *тесно* каждому в своей области, чтобы толково рассказать о том, что было сделано русскими за годы эмиграции. Г. Ульянов, вероятно, с скептической улыбкой пожмет на это плечами, но так как весь этот план, по ряду причин, так и не осуществился, то нам, старым эмигрантам, нечем документально возразить на это. Увы, легло на эмигрантские плечи тяжкое бремя — и не только внешнее, связанное с тем, что мы оторваны от родной почвы, что мы всюду чужие, *но еще больше внутреннее*. Кое-что об этом говорит в своей книге Варшавский, но недостаточно, — а главное — он останавливается мало на том, что лежало и лежит в основе творческих исканий эмиграции. Эти искания, при всей их раздробленности, часто противоречивости и, так сказать, «нескладности», связаны с той темой, от которой убегают на Запад, которую всячески отбрасывают в Сов[етской] России и которую до последней глубины носит *в себе только одна русская эмиграция*. Дело здесь даже не в эмигрантском нашем положении, которое выросло до мировых размеров («перемещенных лиц» теперь насчитывают в мире до 40 миллионов), а в том, что только мы, русские, стали лицом к лицу с основной болезнью мира. Мировой кризис проступает везде, но только в сочетании с беспредельным аморализмом у советчиков, да еще в связи с тем, что история все время «улыбается» им, этот мировой кризис в его русском выражении обнажился до конца. Г. Варшавский во многом не осознал этого, как это видно из совершенно неверной и даже превратной оценки у него таких замечательных выявлений этого мирового кризиса, как «Новое средневековье» Бердяева и «Крушение кумиров» Франка. Г. Варшавский, может быть, и прав, что эти две книги могли иметь иногда «дурное» влияние (г. Варшавский считает его даже «гибельным») в диалектике русских исканий, но думать, что основной грех в русских исканиях (хотя он и «исправляется» в последние годы, по признанию самого Варшавского) лежит в непонимании правды демократизма и ценности правовой сферы, — это значит «отцеживать комара», исказить перспективу в уяснении того, что дает нам история последних четырех десятилетий.

Когда разыгралась Октябрьская революция в России, она первоначально казалась людям Запада «местным» трагическим событием и только. А те дикие формы, в которые она затем отлилась, все ужасы террора, массового истребления интеллигенции, неслыханное угнетение рабочих и крестьян — все это долго трактовалось на Западе, как чисто русское, даже — азиатское проявление большевизма. А между тем теперь уже и на Западе стало многим ясно, что в русском опыте решается *вовсе не русская тема*, а тема *общевропейская, тема всей современной культуры*. Отсюда надо истолковывать то, что западная интеллигенция, задыхающаяся сама в атмосфере духовной опустошенности, мучительно переживающая общий кризис современности, обращает свои взоры на Москву, думая, что именно там начинается «новый Эон». Развитие крайнего индивидуализма в современности усилило запросы личности, но и обнажило невозможность для современной культуры ответить на эти

вопросы. И тут важно одно: *никто, кроме русской эмиграции, не понимает по-настоящему, в чем самая основа современного кризиса.* Зрелище «обледенелой цивилизации» (выражение В.В. Розанова)⁹⁸ есть в действительности, прежде всего и больше всего, зрелище *предельной дехристианизации современной культуры.* Надо со всей силой осознать, что современное человечество живет и вдохновляется только тем благовестием, какое оставил нам Христос, но оно давно ушло от Него, отвернувшись от Церкви. Внешне это, пожалуй, не всегда заметно, но по существу творческие движения в современной душе зреют в отрыве от Христа и от Церкви.

Наше время есть *крайняя точка в развитии секуляризма*, т.е. того пафоса «автономии» всех сфер культуры, который определил ход новейшей истории. Наша современность в глухом тупике, и ей остается духовно поддерживать себя лишь разными утопическими планами, — так как и идеал свободы, и пути личности, и освобождение мира от социальной неправды могут быть обоснованы лишь на благовестии Христовом, а вне его они могут только духовно возбуждать нас, но не могут вдохнуть исторической силы. Самое показательное и самое важное в этом процессе — это *стремительное и буйное развитие аморализма*, в то время как моральная жизнь может быть реальной и полноценной только в живой связи с Христом и Его Церковью; наша современность, уйдя от Христа, обречена на аморализм. Все попытки «естественной» морали (Спенсер, Гюйо и tutti quanti) или фантазии об «трансцендентальном» обосновании морали («категорический императив» Канта и его последователей, им же несть конца) обнажились до донца в своей пустоте, претенциозности и бессилии. Только мы, русские, до конца вгляделись в темную духовность дехристианизированного человека, только мы до конца знаем, что исцеление мира возможно лишь при возврате к Тому, Кто был и есть «путь, истина и жизнь».

В этом глубочайшая правда этюда Франка, как это еще ярче выражено в его превосходной книге «Свет во тьме»⁹⁹. Демонический утопизм, от которого до последней глубины отвращается русская эмиграция, и есть тот ядовитый цветок, который растет ныне всюду. А что касается этюда Бердяева («Новое средневековье»), а также и его книги «Философия неравенства» (в которой бесконечно много ошибочного и в которой все же столько подлинной правды), то его борьба с атомизирующим индивидуализмом и нивелирующей все и вся шигалевщиной была и есть не что иное, как критика дехристианизированной культуры. Диалектика духовных исканий в русской эмиграции должна быть понята именно в этой перспективе. Здесь не место развивать подробнее эту тему (я ее коснулся отчасти в брошюре «Наша эпоха»⁹⁰). Потому мы и должны быть чрезвычайно благодарными г. Варшавскому, что он первый рассказал о различных духовных исканиях в русской эмиграции, и если все же он не до конца вскрыл диалектику этих исканий, не нащупал ее последнего основания, то все же он собрал очень много фактов, которые вплотную подводят нас к *центральной тематике* нашего времени.

Когда-то Чаадаев в письме к Пушкину выражал глубокое желание видеть его «*священным в тайну времени*»⁹¹. И для нас остается все еще задачей проникнуть в «тайну времени», чтобы понять, где бьется пульс истории, что стоит за внешними событиями, бросающимися всем в глаза. Если наша современность исключительно богата творчески-

ми силами, достигла прямо невероятных успехов в области чистого и прикладного знания, то все это само по себе не может выправить того трагического положения, в котором очутилось современное человечество. Смысл современной трагедии заключается именно в том, что пути культуры и Церкви разошлись чрезвычайно глубоко.

Отрицать этот факт или преуменьшать его значение было бы легкомыслием; тупики современной культуры становятся все более страшными, они давят и мучат людей, и потребность найти выход из создавшегося положения становится все более неотложной. Многое совершается в этом смысле в русской эмиграции, но все это еще очень раздроблено, молекулярно, остается непонятым. Но именно нам всем было дано испытать до конца этой горькой чаши, и то, что происходит в русской эмиграции, имело и имеет *мировое значение*. При чтении книги Варшавского постоянно встает сознание значения эмиграции, — и в этом едва ли не главная заслуга его книги, которая так хорошо вскрывает «мистическое, нравственное вдохновение в эмиграции» (стр. 109).

О Владимире Сергеевиче Варшавском
Биографический очерк

Владимир Сергеевич Варшавский родился в Москве 12 октября 1906 г. в семье присяжного поверенного Сергея Ивановича Варшавского (1879–1945?) и драматической актрисы Ольги Петровны Норовой (1875–1961). Отец — известный адвокат и журналист, один из первых парламентских корреспондентов, в газете «Русское слово» вел специальную рубрику «Из залы Государственной думы». В 1907 г. издал книгу «Жизнь и труды Первой Государственной думы России». Он также работал юрисконсультom торговой фирмы «И.Д. Сытин и К^о», входил в исполнительный комитет «Дня печати» (Москва, 1914–1915). Мать — актриса МХТ, по семейным воспоминаниям, была в дружеских отношениях с Марией Петровной Лилиной, женой и сподвижницей К.С. Станиславского. Она исполняла небольшие роли в пьесах «Царь Федор Иоаннович» и «Смерть Иоанна Грозного» А.К. Толстого, «Потонувший колокол» и «Одинокие» Г. Гауптмана, «Власть тьмы» Л.Н. Толстого, «Гедда Габлер» Г. Ибсена, «Снегурочка» А.Н. Островского¹. Владимир Варшавский в своем семейном альбоме хранил известную фотографию труппы МХТ во время гастролей в Ялте в 1900 г., где запечатлена его мать в группе с Вл.И. Немировичем-Данченко, А.П. Чеховым, А.М. Горьким, М.П. Лилиной, О.Л. Книппер, И.М. Москвиным, В.Э. Мейерхольдом и др.

В автобиографическом романе «Ожидание» Варшавский пишет, что отчетливее всего помнит свое детство уже после переезда семьи в Гранатный переулок. Так же как и Борис Поплавский, писавший о «несказанной грусти позднего вечера в Сокольниках» с его «непередаваемой синевой снега»², Варшавский рисует свою топографию Москвы из мира детства, совпадая с Поплавским в неизменном зимнем фоне этих видений: «Москва мне редко снится. Я вернулся. С трудом вспоминая дорогу и все больше волнуясь, иду от Никитских ворот к дому Армянских, где мы жили. Спиридоновка, Гранатный переулок, дом 2, квартира 20. Телефон 1-15-90. Здесь мое настоящее местожительство. <...> Москва почти всегда вспоминается мне в сугробах. Сугробы по обочинам тротуаров, сугробы на газонах бульваров. На дорожках утоптаный снег скрипит под ногами, сверкает на солнце бесчисленными блестками...»³

Владимир был младшим из трех детей. О своих отношениях с братом Юрой⁴ он вспоминал: «...мы одно двойное, неразлучное существо: “мы, мали”. У нас все общее: восхищения, воспоминания, понятия. Мне и в голову не приходило, что у него могли

¹ См.: Московский Художественный театр в иллюстрациях и документах. 1898–1938. М.: Изд-во МХАТ им. М. Горького, 1938.

² Поплавский Б. Домой с небес // Собр. соч.: В 3 т. Т. 2.: Аполлон Безобразов. Домой с небес: Романы / Подгот. текста, коммент А. Богословского, Е. Менегальдо. М.: Согласие, 2000. С. 321.

³ Варшавский В. Ожидание. Paris: YMCA-Press, 1972. С. 11.

⁴ Варшавский Георгий Сергеевич (1905, Москва – 1923, Моравская Тршебова).

быть другие, чем у меня мысли, другие чувства. Мы всегда вместе играли и нам читали те же книги. Нас даже одевают одинаково. Он только на год старше меня, но гораздо выше ростом и сильнее. Это не мешало полному равенству. Мы никогда не ссорились. Он всегда мне уступал. <...> Я никого так не любил»⁵. Братья Варшавские придумали свой условный язык. Частично он сохранился после эмиграции, многие домашние имена вошли в переписку: Пак — отец, Мак — мама, Тюп (чаще Тюпчик) — сестра Наталья⁶, Юк — брат Юра, Вук — сам Володя Варшавский. Об этих исключительных отношениях двух братьев писал потом в письме к Татьяне Георгиевне Варшавской, вдове писателя, друг семьи Юрий Павлович Иваск, знавший Варшавского с детских лет: «В.С. этого не помнит, а я хорошо помню его с братом. В Москве мы жили в том же доме Бурова⁷. На медной дощечке было написано: присяжный поверенный... Варшавский. Их было двое — похожих круглоголовых кареглазых мальчиков <...>. Я был у них в гостях и они у нас. Братья Варшавские очень дружили, и какой-то был у них свой язык — свои особые интересы. В свой счастливый мирок они никого не допускали. Дружбы не было, только знакомство. А я был единственный сын и жил в своей скорлупе, со своими мечтами, и ни с кем не сходил. Но мне братья очень нравились — вот и запомнил их»⁸.

Летом семья уезжала на Рижское взморье. В архиве Варшавского сохранилась фотография — абсолютное совпадение с картинкой, описанной в «Ожидании»: «У самой воды два маленьких мальчика в полосатых купальных костюмах, каких больше не носят, копают лопатками песок. Мальчик повыше — худенький, длинноногий — Юра. Другой — намного меньше ростом, но коренастее — я»⁹. На Рижском взморье Варшавские получили известие о начавшейся Первой мировой войне. Отец Варшавского принимал в войне участие как помощник начальника летучего санитарного отряда. Следующие годы семья отдыхала летом под Москвой, на даче в Болшево. В 1916 г. Владимир Варшавский поступил вслед за братом в Московскую мужскую гимназию А.Е. Флерова¹⁰. Гимназия Флерова у Никитских ворот (Мерзляковский пер., д. 11) была одним из лучших учебных заведений Москвы, куда определяли своих детей известные московские семьи. В эти годы Володя Варшавский увлекся рисованием, его способности были отмечены учителями в гимназии, он рисовал настолько хорошо, что родители наняли ему и брату учителя, «настоящего» художника»¹¹. Сегодня благодаря зарисовкам, сделанным уже в период отъезда семьи из Москвы в 1918 г., можно восстановить этапы его передвижения и те события, свидетелем которых он был. Бумаги, очевидно, не хватало, да и та, что была, — плохого качества; сделав одну зарисовку карандашом, Володя Варшавский стирал ее и накладывал поверх старого новый сюжет. Однако стертые рисунки проступали. Когда-то, как сказано в «Ожидании», осознав магическую силу кинематографа, он попытался еще маленьким мальчиком в Москве нарисовать мультфильм — раскадровку с конькобежцем. Рисунки подростка Варшавского, сделанные в дни бегства семьи от большевиков, — какой-то новый вид мультипликации с исчезнувшими

⁵ *Варшавский В.* Ожидание. С. 5.

⁶ Варшавская Наталья Сергеевна (в браке Фиалковская; 1903, Москва – 1990, Сент-Женевьев-де-Буа).

⁷ Большой Афанасьевский пер., д. 30. Архитектор К.Ф. Бузов.

⁸ Письмо от 8 марта 1978 г. // ДРЗ. Ф. 54.

⁹ *Варшавский В.* Ожидание. С. 11.

¹⁰ Сообщено Т.Г. Варшавской.

¹¹ *Варшавский В.* Ожидание. С. 32.

сюжетами и реалиями, просвечивающими, однако, сквозь новые реалии истории. Записки мирной жизни заменяются изображениями штыковых атак, допроса пленного, лезгинки казаков отряда генерала Шкуро, некоторые из них снова заменяются мирными картинками. Эту калейдоскопическую пестроту событий Варшавский отметил в своем автобиографическом романе. «Весной мы уехали в Киев. Все были уверены, мы скоро вернемся, большевики не продержатся и года. Так началась *временная ненастоящая* жизнь до скорого падения большевиков и нашего возвращения в Москву. <...> В Киеве были немцы, гайдамаки, Скоропадский, добровольцы с трехцветными углами на рукавах. После голодной Москвы нас поразило изобилие: белый хлеб, пирожные, никаких карточек. Потом немцы ушли, и пришел Петлюра. <...> Папа сказал, что петлюровцы недолго продержатся и через месяц в Киеве будут большевики. Мы уехали в Одессу. В Одессе были французы, добровольцы, поляки, грузины. Потом французы ушли, и пришел Григорьев. <...> Из Одессы мы бежали в Крым на *дубке*. Довольно большой, но без мотора трехмачтовый парусник. На второй день поднялась и долго не утихала буря. <...> В Евпатории был чудный пляж. Сады ломились от фруктов. Осенью мы переехали в Севастополь»¹². В 1920 г. Володя вместе с семьей навсегда покинул Россию. Ему шел четырнадцатый год, когда он уехал из Крыма в Константинополь.

Еще в России, в 1919 г. братья Варшавские становятся членами 3-го Одесского отряда бойскаутов, в феврале 1920 г. вступают в 1-й отряд Севастопольской имени Олега Пантюхова дружины скаутов. Оказавшись в эмиграции, братья Варшавские вступили в январе 1921 г. в Константинопольский отряд русских скаутов¹³. Насколько спасительным для детей русской эмиграции было скаутское движение, можно судить по дневнику Володи Варшавского, который он вел летом 1921 г. Наивно-пунктуальные и несколько корявые по стилю записи дают, однако, четкое представление о том, как в трагических условиях первых дней изгнания русские эмигранты пытались достойно организовать жизнь своих детей. «Поход с ночевкой 11–12 июня. В 4 часа 45 минут в субботу днем весь штаб был уже наполнен скаутами, обвешанными с ног до головы амуницией. Как всегда перед выступлением царила внешняя суматоха и беспорядок. Наконец раздалась команда “взять амуницию” и через пять минут отряд длинной вереницей двинулся из “Маяка”... Отряд быстро погрузился на готовый к отходу пыхтящий пароход... Мы подходим к Антигоне, конечному пункту нашего похода. <...> Наконец раздалась долгожданная побудка. Веселой гурьбой мы высыпали из палаток, и молчаливый ночью лагерь вдруг сразу закипел бурной и деятельной жизнью. После умыванья, которое, по правде сказать, прошло не совсем гладко, утренней молитвы и подъема флага началась чистка и приведение лагеря в порядок. Затем, напिताвшись горячим завтраком, мы принялись за патрульные занятия»¹⁴. В архиве Варшавского сохранилась фотография с дарственной надписью Старшего русского скаута Олега Ивановича Пантюхова, одного из основателей скаутского движения в России. В эмиграции свои первые шаги русское скаутское движение делало именно в Константинополе, где в 1920 г. О.И. Пантюхов инициировал создание Организации русских скаутов за границей, со временем переименованной в Национальную организацию русских скаутов (НОРС).

¹² *Варшавский В.* Ожидание. С. 35–36.

¹³ Документы Фонда В.С. Варшавского // ДРЗ. Ф. 54.

¹⁴ *Варшавский В.* [Скаутский дневник] // Там же.

В 1920 г. Варшавский становится также действительным членом спортивного кружка «Русский маяк» (членский билет № 32). В «Русский маяк» на улице Брусса в Константинополе ходили многие русские эмигранты — там была столовая, по вечерам проходили литературно-музыкальные вечера. Здесь же, в «Русском маяке», судя по роману «Ожидание», Варшавский впервые встретился с Борисом Поплавским, которого вывел в романе под именем Бориса Глебова.

6 июня 1921 г. Варшавский поступил в 1-ю Константинопольскую русскую гимназию¹⁵, созданную по инициативе Главного комитета Всероссийского союза городов при активном участии ее первого директора А.П. Петрова и председателя попечительского совета А.В. Жекулиной. Вскоре гимназия переехала в Чехословакию, в Моравскую Тршебову¹⁶. Семья оказалась разделена — Сергей Иванович Варшавский остался в Константинополе, а Ольга Петровна Норова вместе с детьми уехала в Моравскую Тршебову, но вскоре вместе с дочерью перебралась в Прагу. Братья Варшавские оказались предоставлены самим себе. «С отъездом мамы вы вступаете в полосу новой, самостоятельной жизни, — писал сыновьям С.И. Варшавский из Константинополя. — В добрый час! Знаю, что вы окажетесь хорошими, и прошу вас обо одном: писать мне обо всем решительно, обо всех сомнениях и переживаниях»¹⁷. В Моравской Тршебове Володя Варшавский пережил сильнейшее потрясение, которое во многом определило и его мироощущение, и его непростой путь богоискательства, и его «рассеянность», — «невыносимое чувство остановки жизни»¹⁸. Причиной этого душевного поворота была длительная болезнь брата Юры и его ранняя смерть во время эпидемии менингита. Болезнь распознали не сразу. В январе 1923 г. Володя Варшавский посылает отцу письмо: «Дорогой Папик! Поздравляю тебя с Новым годом и желаю, чтобы наступающий 1923 год положил конец нашим невзгодам, чтобы Юра выздоровел и чтобы ты мог наконец бросить Константинополь и приехать к нам. До сегодняшнего дня положение Юры все ухудшалось и ухудшалось, но сегодня температура начала спадать. Доктор сказал, что вероятно выздоровление пройдет без кризиса, а постепенно. Все три дня праздника меня к нему пускали, не знаю, пустят ли сегодня. Маме я ничего еще об его болезни не писал, так как жду твоего совета. Напишу же ей только тогда, когда выяснится определенно, что Юра начинает поправляться. Праздники в гимназии прошли довольно весело. Устраивались вечера, елки, спектакли. <...> Я вырубил в лесу две елки. Занял у одного приятеля десять крон и купил на них свечей, звезд, серебряного дождя и всяких других елочных украшений. Я разукрасил обе елочки и одну отнес к Юку в лазарет. Он был очень рад, так как ему очень скучно, ни читать, ни писать он не может. Другую елочку я поставил у себя на столе»¹⁹. Юры не стало 8 марта 1923 г. Значение этого события в романе «Ожидание» Варшавский попытался затушевать. Объяснение этому мы находим там же: «Не позволяя себе думать

¹⁵ Аттестат зрелости В. Варшавского-Норова гимназии ВСГ в ЧР (№ 2317) // ДРЗ. Ф. 54.

¹⁶ Последняя партия учащихся прибыла в Моравскую Тршебову из Константинополя 5 января 1922 г. (См.: Петров А. Материалы по истории русской школы за рубежом // Русская школа за рубежом. Кн. 9. Прага: Издание Объединения земских и городских деятелей в Чехословакии, 1924. С. 118).

¹⁷ Письмо от 21 января 1922 г. // ДРЗ. Ф. 54.

¹⁸ Варшавский В. Ожидание. С. 42.

¹⁹ Письмо от 19 января 1923 г. // ДРЗ. Ф. 54.

о смерти брата, так как я слишком его любил, я постепенно начал его забывать»²⁰. Свойственная Варшавскому эмоциональная сдержанность не позволяла ему, видимо, говорить об этой трагедии слишком открыто. Многие раскрывают архивы. Все, что было связано с братом Юрой, Владимир Варшавский бережно сохранил, и сама форма хранения говорит о том, что и вправду братья были «одно двойное, неразлучное существо». В архиве Варшавского в отдельном конверте лежат документы, выписанные на двоих — Владимира и Георгия — это постоянные пропуска на миноносец «Живой», стоявший в январе 1920 г. на рейде в Севастополе, удостоверения Севастопольской дружины и Константинопольского отряда скаутов, членские билеты «Русского маяка», отпускные билеты воспитанников константинопольской гимназии ВСГ, рисунки, ученические тетради из Моравской Тршебовы и др. Утрата этой части некогда единого целого была своеобразным подведением черты под детством, столкнувшимся с целой цепью утрат — отъездом из родного дома, распадом семьи, — началом «одиначества и свободы». То, что мысли о брате никогда не оставляли Варшавского, подтверждает дневник с символическим названием «Ионафан»²¹, который писатель вел с 1972-го по 1976 г.: «Вспомнил сон: улицы. Передо мной идет человек. Он остановился у двери трехэтажного дома. Вертит ручку двери, растерянно приговаривая: заперто, заперто. Но дверь открылась, человек вошел в дом, и дверь опять закрылась и все окна в доме погасли. И вдруг я понял: этот человек был мой брат, а дом могила: двери закрылись за ним навсегда, войдя в эти двери, он исчез, перестал быть» (запись от 3 декабря 1973)²².

22 сентября 1923 г. Варшавский окончил Русскую реальную реформированную гимназию в Моравской Тршебове и осенью того же года был зачислен на Русский юридический факультет в Праге. Во многом выбор был определен деятельностью отца, игравшего заметную роль в общественной жизни русской Праги²³. Владимир проучился 8 семестров, прослушав различные курсы по истории и теории права, судопроизводству, политической экономии, истории экономических учений, а также сверх того курс по русской истории²⁴. В мае 1926 г. он уехал на лечение во Францию. В октябре 1927 г. Варшавский вернулся в Прагу, чтобы сдать ряд экзаменов, после чего окончательно

²⁰ Варшавский В. Ожидание. С. 40.

²¹ В Ветхом Завете (Книга Судей) Ионафан — сын (потомок) Гирсона из колена Манассиина (в некоторых манускриптах — сын (потомок) Моисея), назначенный священником при истукане в Дане. «И поставили у себя сыны Дановы истукан, Ионафан же, сын Гирсона, сына Манассии, сам и сыновья его были священниками в коленах Дановом до дня переселения (жителей той) земли» (Суд. 18: 30).

²² ДРЗ. Ф. 54.

²³ С.И. Варшавский переехал из Константинополя в Чехословакию весной 1923 г. Преподавал на Русском юридическом факультете и в Русском народном (Свободном) университете. Был членом Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии (в 1924–1928 товарищ председателя, в 1934–1940 председатель Союза). В 1928 г. был делегатом от Союза на Съезде русских писателей и журналистов за границей (Белград), где выступил с докладом о печати в советской России. Состоял в Комитете русской книги. Сотрудничал с газетами и журналами как русскими, так и чешскими, напр., газетами «Народни листы», «Народни политика», «Венков», «Новое слово» (Берлин), с парижскими газетами «Россия и славянство» и «Возрождение», варшавскими «За свободу!» и «Меч» и др.

²⁴ Свидетельство Русского юридического факультета в Праге, выданное В. Варшавскому Норову (№ 254) от 30 июня 1929 г. // ДРЗ. Ф. 54.

покинул Чехословакию. Заключительных экзаменов он не сдавал²⁵. Вскоре состоялся его литературный дебют — в 1928 г. в пражском журнале «Воля России» рассказ «Шум шагов Франсуа Виллона» был удостоен почетного отзыва на литературном конкурсе «на лучший рассказ из эмигрантской жизни»²⁶. В 1929 г. рассказ был напечатан в № 7 того же журнала.

Варшавский переезжает в Париж и поселяется у матери на рю де л'Эсперанс (Rue de l'Espérance, 27, Paris, 13), поступает в Парижский университет, где изучает литературу. О том времени он вспоминал: «Почти все время я чувствовал беспричинную нервическую расслабленность. Не знаю, было ли это что-нибудь фрейдовское или, может быть, следствие эмигрантской отверженности и ослабления связей, которые соединяют человека с обществом, как пчелу с ульем. Говорят, пчелы чахнут вдали от родного улья. Я нигде не работал. Отец присылал мне из Праги немного денег, чтобы я мог продолжать учиться. Но вместо того, чтобы ходить на лекции, я просиживал все ночи в монпарнасских кафе»²⁷. Однако именно этот период — отверженности, безработицы, бедности — становится для Варшавского началом творческого взлета. Как многие русские парижане, Варшавский переплавил опыт одиночества и отверженности в особый вид философского усилия, что помогло ему с предельной проникновенностью передать в своей прозе атмосферу русского Монпарнаса. И в то же время Варшавский намечал исключительно свой путь творческого становления. Об этом самоопределении со временем напишет о. Александр Шмеман — друг семьи Варшавских: «Да, Варшавский был участником и завсегдатаем Монпарнаса, может быть, одним из самых подлинных, самых верных его участников. Да, и боль жизни, и слабость, и ненужность — все это он испытал, все это неотъемлемая часть того опыта бездомности, который дан был ему как первый и решающий опыт жизни. В том-то и все дело, однако, что то, что для других стало самим содержанием, самую тканью их творчества, Варшавский ощутил и осознал как соблазн, требующий преодоления, призывающий на подвиг, каковым стало для него его писательское творчество»²⁸.

Этапы парижской жизни Варшавского в немалой степени соответствуют главам его книги «Незамеченное поколение». Через Сергея Эфрона он сближается с евразийцами, но очень скоро отходит от этого течения. Увлекается философией Анри Бергсона. Бергсон во многом определил и философскую интуицию, и авторский стиль Владимира Варшавского, — его прозу вряд ли можно счесть за образец виртуозного остроумия или блеска стилистической игры. Скорее это трудное и медленное продвижение к истине. «Я знал, что мне самому никогда ничего не достигнуть, не сдвинуться с места, не сделать хотя [бы] шагу ни по пути творчества, ни по пути святости.

²⁵ Студенческое дело В. Варшавского // Национальный архив ЧР. Ф. Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов в ЧСР (Národní archiv ČR. F. Komitét pro umožnění studia ruských a ukrajinských studentů v ČSR). К. 183. Сообщено Л.Н. Белошевской.

²⁶ См.: Воля России. 1928. № 7. В следующем номере журнала были опубликованы подробные условия конкурса и объявлен последний срок сдачи рукописей — 15 декабря 1928 г. В жюри вошли М. Осоргин, М. Слоним и А. Ремизов. Результаты конкурса см.: Воля России. 1929. № 3. С. 144.

²⁷ Варшавский В. Ожидание. С. 45.

²⁸ Шмеман А., прот. Ожидание: Памяти Владимира Сергеевича Варшавского // Континент. 1978. № 18. С. 263.

Не хватало героизма, ума, энергии, страстного желания. Преображение, о котором говорит Бергсон, невозможно, это для нескольких героев, но он говорит о возможности «обходного пути». Но я все не мог представить себе, как же это может произойти. И вот: изменится «психическая температура» и все, что казалось невозможным, станет возможным. Когда я об этом читаю, о таком преображении, о возможности его, я всегда сразу чувствую, что именно этого я всегда хотел, что именно об этом всегда думал, что без этого я не мог согласиться на жизнь, на мироздание...»²⁹ — запишет он через много лет.

В Париже Варшавский посещает собрания основанного М.Л. Слонимом литературного объединения «Кочевье». С 1930 г. становится постоянным участником собраний «Зеленой лампы» — литературно-философского общества, созданного З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским, где выступает с докладами³⁰. Печатается в лучших эмигрантских литературных журналах Парижа — «Современных записках» и «Числах»³¹, становится членом Объединения русских писателей и поэтов. С 1935 г. он начинает посещать только что открывшееся литературно-философское общество «Круг» под руководством И.И. Фондаминского³², а с 1936 г. — публиковаться в журнале «Новый Град»³³. Роль новоградских идей в духовном становлении Варшавского была сродни роли «открытого» им Бергсона. «Историки подробно установят генезис новоградских идей, — писал он со временем. — Идеи эти уходят корнями в живое бессмертное начало русской европейской культуры, но они вдохновлены не сожалением о потерянном рае, а пророческим видением космического движения человечества к Новому Граду. Вот почему, перечитывая «Новый Град», все время чувствуешь удивление: до чего современны новоградские идеи, как будто не прошло четверти века, как будто это сегодня написано. Это не вчерашние, а завтрашние идеи. Новый Град впереди и с притягательной силой влечет вперед. Напомню самое основное: «Новый Град» — это русская ветвь социального христианства или христианской демократии»³⁴.

²⁹ *Варшавский В.* [Посредине века моя жизнь изменилась... (Заметки 1950–60-х гг.)] // ДРЗ. Ф. 54.

³⁰ 18 апреля 1931 г. участвует в собеседовании на тему «Что с нами будет?»; 19 января 1933 г. читает доклад «Другая сторона христианства» (о книге А. Бергсона «Два источника морали и религии»); 23 февраля 1934 г. произносит вступительное слово (вместе с З.Н. Гиппиус) на собрании на тему «Деньги, деньги, деньги...»; 29 марта 1938 г. читает доклад «Одиноким человек в эмиграции».

³¹ Назовем лишь некоторые публикации: Из записок бесстыдного молодого человека: Оптимистический рассказ // Числа. 1930. № 2/3. С. 55–70; Несколько рассуждений об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке // Числа. 1930/1931. № 4. С. 216–22; Уединение и праздность // Числа. 1932. № 6. С. 51–76; О «герое» эмигрантской молодой литературы // Там же. С. 164–172; О прозе «младших» эмигрантских писателей // Современные записки. 1936. № 61. С. 409–414 и др.

³² На заседаниях «Круга» В. Варшавский сделал, например, доклады: «Рамакришна и Вивакананда» (5 марта 1936), «Нравственность и литература» (5 января 1939). См об этом: *Хазан В.* Писатель «незамеченного поколения» (о прозе В.С. Варшавского) // Вторая проза: Сб. ст. / Под ред. И. Белобровцевой, С. Доценко, Г. Левинтона, Т. Цивьян. Таллин, 2004. С. 234–235.

³³ О происхождении и «общественном положении» человека // Новый Град. 1936. № 11. С. 127–131; Третья Россия («Орган осуществления нового синтеза»). № 8 // Там же. 1938. № 13. С. 175–179; Дневник безработного интеллигента // Там же. 1938. № 13. С. 179–183.

³⁴ *Варшавский В.* Перечитывая «Новый Град» // Мосты. 1965. № 11. С. 270.

В работах тех лет, служащих во многом преддверием «Незамеченного поколения», Варшавский одним из первых в литературной критике русского зарубежья вывел образ «эмигрантского молодого человека» — особый архетип души и сознания, рожденный исключительно опытом отверженности. «Это действительно как бы “голый” человек, и на нем нет “ни кожи от зверя, ни шерсти от овцы”. Вернее, это человек одетый как-то бесформенно, произвольно и случайно. В социальном смысле он находится в пустоте, нигде и ни в каком времени, как бы выброшен из общего социального мира и предоставлен самому себе. <...> И здесь опять эмигрантская литература касается чрезвычайно важного вопроса. Лишенная всего социального и внешнего она неизбежно обращается к “внутреннему” человеку»³⁵. В той же статье он предложит небезыңтересное для современного литературоведения деление литературы русского зарубежья на писателей «эмигрантских» и «эмигрировавших», отделив тем самым новейший опыт (социальный, языковой, философский, эстетический) младоэмигрантов от старшего поколения.

В 1939 г. Варшавский становится запасным военнотружащим французских войск. Причины, по которым он вступил в ряды французской армии, можно найти все в той же статье «О “герое” эмигрантской молодой литературы» — это было стремление преодолеть «давящее чувство небытия». Как французский солдат Варшавский становился неотъемлемой частью Франции — уже не изгой, не апатрид, не человек, «устраченный из истории»³⁶. Это чувство прочности своего существования, которое впервые абсолютно ясно было осознано им на поле боя, Варшавский описал в романе «Ожидание»: «В первый раз в жизни я делал что-то, признаваемое всеми нужным и важным, в первый раз у меня было место в человеческом обществе и я не испытывал моего всегдашнего страха, что я живу не так, как все. Наоборот, у меня было теперь спокойное чувство укрепления моей жизни в чем-то достоверном и прочном»³⁷.

За проявленное во время Второй мировой войны мужество Владимир Варшавский распоряжением военного министра Франции 8 января 1947 г. был награжден Военным крестом с серебряной звездой. В приказе по дивизии указывалось, что «Варшавский Владимир, солдат 2-го класса, великолепный боец, выдержавший с храбротью и преданностью все испытания. 14 мая 1940 г. остался последним на линии огня, чтобы прикрыть отступление своей роты... <...> Добровольно вызвался защищать Булонскую цитадель, вызвав в этом бою всеобщее восхищение своим презрением к опасности. Прекратил сопротивление лишь по приказу после истощения всех боевых запасов»³⁸. В «странной войне» Варшавский участвовал недолго, после разгрома французской армии в мае 1940 г. на границе с Бельгией и еще нескольких боев, завершившихся поражением, он разделил участь многих военнопленных. Долгое время Варшавский содержался в лагере Stalag II-B в Гаммерштайне (ныне г. Чарне, Польша)³⁹. Находившийся в те годы в Праге отец, Сергей Иванович Варшавский, узнав о том, что сын попал в плен,

³⁵ Варшавский В. О «герое» эмигрантской молодой литературы. С. 164–165.

³⁶ Там же. С. 164.

³⁷ Варшавский В. Ожидание. С. 113.

³⁸ Citation. Ordre № 1972/С. Le Ministre de la guerre, Paul Coste-Floret // ДРЗ. Ф. 54.

³⁹ Установлено по штампу на оборотной стороне фотокарточки, присланной из лагеря (ДРЗ. Ф. 54).

писал жене и дочери: «Дорогие мои! Живу постоянными мыслями о вас и о нашем дорогом Володе. Больше чем когда-либо чувствую крепость и неразрывность связывающих нас уз и мечтаю о том времени, когда Господь даст нам возможность всем вновь соединиться. Когда я получил, после ряда мучительных месяцев неизвестности, сообщение, что Володя остался жив и попал в плен к немцам, я просил владыку Сергия⁴⁰ отслужить благодарственный молебен, и владыка, так всегда хорошо относившийся к нашей семье, вместе со мной искренне порадовался. Жив и здоров — какое счастье!»⁴¹ Судя по роману «Ожидание», отец смог навестить сына в плену, между ними состоялся разговор, из которого Владимир Варшавский понял, что отец как-то связан с подпольной организацией чешских антифашистов⁴².

О своем участии в войне и о годах, проведенных в немецком плену, Варшавский написал повесть «Семь лет», которая вышла отдельным изданием в Париже в 1950 г. Появление повести предваряла публикация в эмигрантской печати ряда отрывков, точнее — рассказов на военную тему⁴³, значение которых в творческой судьбе Варшавского так оценил К.В. Мочульский: «Дорогой Владимир Сергеевич, спасибо за присланный рассказ⁴⁴: <...> С прежними, известными мне Вашими рассказами, это составляет уже “материал” <...>. Мне кажется, что до войны Вы жили как во сне. Унижение бедностью, робостью и *idée fixe* о *неудачливости* парализовали Ваши силы. Вы были замкнуты в самом себе, подавлены вопросом о *себе*, отрезаны от мира мукой о *своей* судьбе — и этот эгоцентризм казался безвыходным. И вот война Вас разбудила — удар был настолько силен, что тюрьма Вашего “я” оказалась взорванной. Вдруг Вы увидели мир и людей — удивлению Вашему не было конца. Из этого удивления (совсем по Платону) родилось Ваше творчество. Во всех Ваших рассказах есть много ужасов, смерть, кровь, бессмыслица страдания, но все же преобладающим чувством остается *удивление*. Вы смотрите на мир и людей, как слепой, недавно прозревший. Неужели это так? Это — жизнь, мир, люди? Неужели? И это становится “стилем”, т.е. придает Вашим писаниям их неожиданность, свежесть, странность — и *силу*. <...> я сейчас не настроен к литературной критике. Важно одно — Вы стали *человеком и писателем*. Какое великое событие и какое Божие чудо!»⁴⁵

⁴⁰ Владыка Пражский Сергий (Королев; 1881–1952).

⁴¹ Письмо от 25 января 1941 г. // ДРЗ. Ф. 54.

⁴² Сведение, вносящее любопытный диссонанс в биографию С.И. Варшавского — автора антисоветских аналитических исследований и лекций, тиражированных в военные годы Российским национал-социалистическим движением (РНСД). Его биографию военных лет см.: *Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydané v Československu 1918–1945*. Praha: Národní knihovna České republiky, 1996. Díl I, svazek 1. S. 114–116.

⁴³ *Варшавский В.* Младший лейтенант Данилов // Новоселье. 1946. № 24/25. С. 23–55; *Он же.* Первый бой // Новый журнал. 1946. № 14. С. 114–129; *Он же.* Прогулка в город: (Рассказ военнопленного) // Новоселье. 1946. № 29/30. С. 11–32; *Он же.* Командо // Там же. 1947. № 35/36. С. 3–31; *Он же.* В крепости // Там же. 1949. № 39/41. С. 50–70; *Он же.* Пролог // Там же. 1950. № 42/44. С. 110–138.

⁴⁴ Речь идет, скорее всего, о рассказе «Прогулка в город: (Рассказ военнопленного)».

⁴⁵ Письмо от 1 февраля 1947 г. // ДРЗ. Ф. 54. Схожую оценку дает Г.П. Федотов: «...недавно я прочитал два Ваших рассказа, или очерка, в [“Новоселье”] и [“Новом журнале”] и захотелось написать Вам. Прежде всего, чтобы сказать Вам, что они мне очень понравились, особенно в [“Новом журнале”]. Большая правдивость и объективность, даже какая-то прозрачность. Я думаю, что это должно было бы понравиться Толстому за абсолютную честность» (письмо от 16 января 1947 г.) // ДРЗ. Ф. 54.

После войны Варшавский сильно нуждался. Несмотря на периодическую поддержку нью-йоркского Литфонда и посильную помощь эмигрировавших в США друзей, денег не хватало, гонорары за публикации в американских журналах были настолько мизерные, что их предпочитали заменять продуктовыми посылками («Новый журнал» всем платит гроши <...> В.С. [Яновский] и я думаю, что Вам выгоднее получать свыше двадцати фунтов продовольствия, чем французский эквивалент 15 долларов», — замечает М.А. Алданов⁴⁶). Варшавский устроился в Париже ночным сторожем в гараже недалеко от Буживальской плотины. О своей послевоенной жизни он писал Василию Яновскому: «Для меня теперь наступило ужасное время, какой-то окончательной гибели всех чувств и надежд моей души. После 6-ти лет жизни в трагических условиях, когда мне казалось, что во мне подымает голову какое-то существо, каким бы я мог быть, я теперь впал в полное ничтожество и мерзость, но это необходимо, чтобы спастись в житейском смысле, то есть чтобы не умереть от нищеты. Надеюсь, надеюсь, что это временно и все как-нибудь устроится, и я смогу вернуться к человеческой жизни. Хотя мне страшно, что мне уже сорок лет, и я все больше сомневаюсь, буду ли когда-нибудь способен к творческой жизни»⁴⁷. Вскоре он сообщает Яновскому о своем желании уехать в США, где тот обосновался с 1942 г., а в 1947-м получил американское гражданство: «Желаю тебе сделать здесь карьеру. Когда укрепиться, устроишь и меня. Работа в таком международном борделе мне кажется все-таки интереснее всех других служб. Мой гараж мне опостылел. Холодно, уныло и беспокойно, и ездить в чертову даль, и для серьезной работы остается времени мало, а впечатлений и познания жизни никаких. Все надеюсь бросить»⁴⁸.

Одной из причин все растущей потребности покинуть Европу был страх перед «красной опасностью»⁴⁹. В прозе Варшавского, его письмах, дневниках, записных книжках постоянно сквозит органическая ненависть к рабству и насилию — будь то плен немецкий или советский, гестапо или НКВД. В атмосфере наступавшей холодной войны мысль о советском концлагере как вполне возможном повороте судьбы русского эмигранта имела массу оснований. Судьба отца была живым примером подобного сценария — в мае 1945 г., после вступления в Прагу Красной армии, он был арестован Смершем и депортирован в СССР. По крайней мере, такими сведениями располагал Владимир Варшавский. «Я уже давно потерял надежду, что отец жив, — писал он со временем в «Ожидании». — Как в его возрасте он мог выжить в концлагере? И все-таки, наперекор всем доводам, безумная вера: а может быть все-таки жив, нежданно придет от него известие. Но недавно я получил из Мюнхена письмо от одного старого друга моего отца»⁵⁰. Он писал, что виделся с каким-то Басановым, который был «взят» одновре-

⁴⁶ Письмо от 27 марта 1946 г. // ДРЗ. Ф. 54.

⁴⁷ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Columbia University. New York (далее – BAR). Vasilii Yanovsky Papers, Box 2. Письмо, как и большинство писем Варшавского, не датировано. Эта специфическая черта эпистолярия Варшавского вызвала порицание у Г.А. Хомякова: «...будущие Ваши биографы, очень может быть, будут поминать Вас не очень приличными словами: Вы не ставите в письмах дату – как же они будут разбираться, сортировать Ваши письма?!» (письмо от 25 мая 1969 г.) // ДРЗ. Ф. 54.

⁴⁸ BAR. Vasilii Yanovsky Papers, Box 2.

⁴⁹ См. об этом: *Хазан В.* «Семь лет»: история издания: Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом // Новый журнал. 2010. № 258. С. 183–184.

⁵⁰ Речь идет о Николае Александровиче Цурикове (1886–1957). Сообщено Т.Г. Варшавской.

менно с моим отцом в Праге, в 1945 году, а “теперь возвращен большевиками в Европу”. Басанов рассказывал, что мой отец умер в лагере, в Караганде. Никакой надежды больше не могло быть»⁵¹. Как и брат Юра, отец становится постоянным видением снов, о чем Варшавский пишет в «Ожидании» и в дневниках: «Все мы ждем, что должен придти мой отец. Я смотрю из другой комнаты на дверь. Дверь открывается, но все кто-то другой приходит. Я перестаю верить, что отец придет. И вдруг дверь опять отворяется и это он. Высокий, в пальто, сшитом из коричневого армяка. <...> Отец говорит: простите, что я задержался, но ко мне Тусенька⁵² приехала и так плакала. Говоря это, он сам плачет. Тут я проснулся и вспомнил, что он давно умер» (запись от 8 мая 1974 г.)⁵³.

Весной 1951 г. Варшавский уехал в Америку. 12 марта он прибыл в США⁵⁴ и в октябре того же года устроился на работу рассыльным в ООН — в его обязанности входило каждые полчаса разносить письма, книги, пакеты по канцеляриям. При всей несложности такой курьерской работы она выматывала Варшавского. Однако на фоне трудной социальной интеграции в американскую жизнь как писатель Варшавский быстро нашел поддержку. К моменту переезда он уже был автором нью-йоркских периодических изданий — «Новоселья» и «Нового журнала». Его первое большое произведение «Семь лет» именно в эмигрантской прессе США получило доброжелательные отклики⁵⁵. «Интерес, ценность и значение повести Варшавского в ее исключительной правдивости, притом правдивости прежде всего психологической», — писал Георгий Адамович. Михаил Коряков назвал повесть «одной из самых замечательных книг в русской эмигрантской литературе». Пожалуй, самый неллицеприятный отзыв прозвучал не в Америке, а в парижской «Русской мысли», где появилась язвительная рецензия Нины Берберовой: «Судьба писателя Варшавского довольно безрадостна: до войны он не успел выпустить ни одной книги и печатал случайные отрывки каких-то незаконченных вещей; пишет он уже лет двадцать, или больше, книга его “Семь лет”, наконец вышедшая, к сожалению, опоздала, и в 1950 г. представляет мало интереса...»⁵⁶ Реакция русской эмиграции в США была незамедлительной. Так, Елена Николаевна Федотова, суп-

⁵¹ *Варшавский В.* Ожидание. С. 164. В Центральном архиве ФСБ России документов, относящихся к С.И. Варшавскому, не обнаружено.

⁵² Скорее всего, имеется в виду сестра Владимира Варшавского Наталья.

⁵³ *Варшавский В.* Ионафан: Дневник // ДРЗ. Ф. 54

⁵⁴ Установлено по регистрационной карточке иностранного гражданина В. Варшавского по прибытию в США (Application for new aliens registration receipt card) // ДРЗ. Ф. 54. Переселению Варшавского в Соединенные Штаты способствовали Лев Иосифович Чеквер, муж Ирины Яссен (псевд. Рахили Самойловны Чеквер, создательницы издательства «Рифма») и д-р Джо-зеф Кодрэй (Codrau; Иосиф Вениаминович Кодрянский), муж детской писательницы Натальи Владимировны Кодрянской. Первый выслал приглашение в США, взяв на себя смелость представить Варшавского как кузена, а второй выступил поручителем. (American foreign service. Demande D'inscription / Varsavsky Vladimir. Le 8 juin 1948 // ДРЗ. Ф. 54). См. также: *Хазан В.* «Семь лет»: история издания: Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом. С. 184.

⁵⁵ См.: *Адамович Г.* «Семь лет» // Новое русское слово. 1950. № 14037. 1 окт. С. 8; *Иваск Ю. Д.* Кленовский. След жизни. 1950. Владимир Варшавский. Семь лет. Париж, 1950 // Новый журнал. 1950. № 24. С. 297–299; *Коряков М.* Дом русской культуры // Новое русское слово. 1950. № 14100. 4 дек. С. 4; *Александрова В.* Загадка советского человека // Социалистический вестник. 1950. № 10. С. 189–190, 200. См. также: *Л.Р.* [Л.Д. Ржевский]. Повесть о пережитом // Грани. 1951. № 11. С. 176–177.

⁵⁶ *Берберова Н.* Новые книги («Семь лет» В. Варшавского) // Русская мысль. 1950. 11 окт. № 283. С. 5.

руга Георгия Федотова, разослала ряду людей открытое письмо с броским заголовком «Рецензия или донос?»⁵⁷. Варшавскому она писала: «Дорогой Володя, посылаю Вам мой ответ “донне стервозе”. Я сделала это в такой форме, в какой она прислала сюда свои оправдания. <...> Володя, приезжайте поскорей. Тут Вы найдете друзей, все в восторге от Вашей книги»⁵⁸. Справедливость заверения «тут Вы найдете друзей» подтверждает устроенное 25 мая, вскоре после приезда Варшавского, собрание в Нью-Йорке, в зале Риверсайд-Плаза (273 West 73 Street), на котором прошло обсуждение повести «Семь лет»⁵⁹. В ООН в должности разносчика писем Варшавский проработал до 1954 г., после чего устроился внештатным корреспондентом русской службы «Радио Освобождение».

В 1955 г. в «Новом журнале» вышла статья Варшавского «Незамеченное поколение» (точнее, глава из будущей книги). Это название вошло в историографию русского зарубежья как определение молодого поколения первой волны эмиграции. Став почти сразу общепринятым, метафорический термин Варшавского вызвал, однако, массу контрдоводов и недоумений. В дискуссии, мгновенно разгоревшейся на страницах эмигрантской прессы, споры шли и вокруг понятия «поколение» («Следует, пожалуй, определить это ускользающее поколение; как и все в эмиграции, оно не поддается классическому толкованию», — призывал В. Яновский⁶⁰), и вокруг определения «незамеченное» («...шаткими кажутся утверждения Варшавского о том, что эмигрантскую молодежь не заметили», — считал М. Слоним⁶¹). Формально обсуждение статьи, развернувшееся в основном между Е.Д. Кусковой, М.Л. Слонимом и В.С. Яновским, быстро выродилось во взаимные попреки и инвективы. Так оценивал ее уровень Георгий Адамович: «Читал с раздражением и даже злобой статью Кусковой, плоскую и глупую. Не соваться бы ей не в свое дело, меньше бы молола самоуверенно вздора!»⁶² — и в следующем письме советовал: «...Вы — как причина и повод спора — должны бы, по-моему, написать в “Нов[ое] р[усское] с[лово]” заключение к перепалке Кускова — Слоним — Яновский»⁶³. В то же время полемика 1955 г. оказала немалое влияние на трактовку термина Варшавского. Феномен «незамеченного поколения» был сведен ее участниками исключительно к представителям молодой эмигрантской литературы. Не избежала этой тенденции и дальнейшая рецепция книги. Термин «незамеченное поколение» до сих пор у многих читателей ассоциируется прежде всего с младшим поколением писателей русского Парижа. Во многом усеченная трактовка переключалась и в современное литературоведение. В односторонности толкования немалую роль сыграла хронология появления книги в

⁵⁷ ДРЗ. Ф. 54. Авторизованная машинопись. Письмо не датировано. Его предвещает обращение, написанное от руки: «Берберовой, Цвибаку, Гулю, Зензинову, Карповичу, Цетлиной, Терентьеву, Слуцкой, Яновскому, Иваску, Керенскому. Всем... всем... всем».

⁵⁸ Там же. Приписка от руки на обороте письма.

⁵⁹ В обсуждении приняли участие В. Александрова, С. Максимов, М. Коряков, И. Тартак, А. Биск, И. Троцкий, И. Елагин. См.: Беседа и споры о книге В. Варшавского // Новое русское слово. 1951. 26 мая № 14275.

⁶⁰ Яновский В.С. Мимо незамеченного поколения // Новое русское слово. 1955. 2 окт. № 15436. С. 2.

⁶¹ Слоним М. «Незамеченное поколение» // Там же. 31 июля. № 15800. С. 8.

⁶² Письмо от 31 октября 1955 г. («Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) / Предисл., подг. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2010. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. С. 295).

⁶³ Письмо от 27 ноября 1955 г. // Там же. С. 296.

свет — в «Новом журнале» под общим названием книги была опубликована глава, посвященная литературному миру русского Монпарнаса.

Варшавский не последовал совету Адамовича и заключения к перепалке между Слонимом, Кусковой и Яновским писать не стал. В начале 1956 г. вышла книга «Незамеченное поколение». Выход издания в свет был своего рода ответом на полемику в «Новом русском слове». Становилось ясно, что идеи Варшавского лежали совершенно в иной плоскости, нежели спор о судьбах молодой эмигрантской литературы. Ю.К. Терапиано, сам участник дискуссии 1955 г., справедливо заметил: «Спор этот, принимавший порой, как всегда случается со спорами, резкие формы, ни к каким особым открытиям не привел, но шума получилось много, пожалуй, даже слишком много. <...> Речь шла тогда только о судьбе молодых поэтов и писателей, и можно было подумать, что книга всецело посвящена им. Но, как оказалось по выходе «Незамеченного поколения», Варшавский не ограничился интересами своих литературных сверстников и поставил вопрос шире — обо всем том, чем «были живы» все оказавшиеся в эмиграции «младшие», — и те, кто в виде прапорщиков и подпоручиков принимал участие в гражданской войне, и те, кто, как сам Варшавский, выехал за границу детьми и получил образование уже вне родины.

Такая постановка вопроса оказалась интереснее и значительнее частного случая, то есть разговора о судьбе одного только литературного поколения в эмиграции. Не удивительно поэтому, что сейчас же по выходе книги вокруг нее вновь разгорелась полемика...»⁶⁴

Русский Монпарнас (молодое поколение русской эмигрантской литературы) оказывался помещенным в книге в более широкий контекст политических, духовных, эстетических исканий младоэмиграции, и в этом широком контексте занимал определенную нишу, точнее — ступень. Понимание судьбы своего поколения как движения по некой символической лестнице проступает в этической системе Варшавского особенно явственно после войны. Он пишет из послевоенного Парижа Яновскому: «Скажу одно, что эти годы были как тяжкий млат. Ты знаешь у Пушкина: “дробя стекло, кует булат”. Но кроме булата и стекла оказались вещества еще разные... И в нашей среде амплитуда оказалась весьма значительная: одни оказались способными на святость и героизм, другие совсем на другое. Между этими крайностями много средних и смешанных, переходных явлений. Но, в общем, никакого Монпарнаса и никаких авангардных отклонений больше нету. Что появится нового, еще неясно»⁶⁵. Вершину лестницы, в книге соответствующую последней главе, Варшавский обозначил в послевоенной статье о Борисе Вильде, — герое Резистанса. Именно в этом пассаже статья резонирует с письмом к Яновскому: «Прошедшие годы были как страшный суд. Миллионы людей, и в их числе русские эмигранты, были подвергнуты испытанию: не на словах, а на деле, они должны были показать, чем в действительности они являются и что по-настоящему они думают. “Один берется, а другой оставляется”. <...> Теперь уже все забыто, мы снова с одинаковым равнодушием подаем руку и герою и подлецу, и восстановившейся “комнатной” повседневности, уже неловко говорить: между нами были мученики и герои. А между тем, мы знаем это и не должны забывать, как в эти годы расставились, на лес-

⁶⁴ Терапиано Ю.К. «Незамеченное поколение» // Русская мысль. 1956. 21 апр. № 889. С. 2.

⁶⁵ BAR. Vasilii Yanovsky Papers, Box 2. Письмо не датировано.

тнице восхождения личности: одни в самом низу, другие на средних ступенях, третьи — на верхнем конце, уходящем в открытую вечность жизни»⁶⁶.

О том, как Варшавский видел «восхождение личности», во многом говорит строение книги, которое четче просматривается в новой редакции — с главами, получившими названия, и добавленными историческими экскурсами. При этом «лестница восхождения» не статична, крайне подвижна, и именно подвижность «средних ступеней», взаимопроникновение «средних и смешанных, переходных явлений» — предмет исследования автора. Задавшись целью написать как можно более полную историю своего поколения, Варшавский вряд ли брал на себя миссию «расставить все по местам». Как исследователь, отдающий предпочтение эволюционной концепции Бергсона, он в различных самопроявлениях младоэмиграции видел возможность дальнейшего продвижения вверх — бергсоновского «преображения», или «обходного пути», как он отмечал в своих заметках 1950–60-х гг. Исключение писатель сделал для евразийства, которым увлекался в ранний парижский период. Знаменательно, что дописанную в начале 70-х гг. часть о евразийцах автор поместил в новой редакции в начало повествования (нижний этаж). Но уже на следующей ступени — в части, посвященной другим революционным течениям, он пытался разглядеть альтернативу радикальным доктринам. Во всяком случае, судьба национал-максималиста Ю.А. Ширинского-Шихматова — «русского предшественника» Гитлера (по определению самого Варшавского) — служила примером такого парадоксального «преображения». «Во время немецкой оккупации Ширинский хотел зарегистрироваться как еврей и носить желтую звезду. Он мученически погиб в гитлеровском концлагере: за попытку вступить за другого заключенного эсэсовцы затоптали его сапогами насмерть»⁶⁷.

Драматичный фон самореализации «незамеченного поколения» рождал не только атмосферу русского Монпарнаса — состояние человека, который «находится в пустоте, нигде и ни в каком времени», но и крайне жесткие модели и теории. Это был своего рода реванш, который пыталось взять у истории «уязвленное эмигрантское сердце» (определение Варшавского). Идейное становление молодых эмигрантов проходило в период расцвета национал-социализма, когда готовилась взять реванш «уязвленная» Первой мировой войной Германия. В те же годы набирал силу тоталитарный режим СССР. Агрессивные идеологии находили в эмигрантской среде благодатную почву. Об этом историческом периоде В.М. Байдалаков, один из лидеров НТС, писал: «Надо всем довлел соблазн фашизма-национал-социализма, выражавшийся в идеях “национальной диктатуры” на временный переходный период после освобождения, монопольной социальной роли трудовой организации, вспыхивавших порой, местами подражательных (мы обычно их называли “обезьяньими”) тенденциях: цветные рубашки, поднятие рук, вставание при появлении лидеров...»⁶⁸

В эпоху социальных катастроф и тоталитарных систем молодое поколение русской эмиграции искало свой ответ на неразрешимые вопросы истории. Как явление к кон-

⁶⁶ Варшавский В. Борис Вильде // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. 1947. Февр. № 2. С. 9–10.

⁶⁷ Варшавский В. Незамеченное поколение. Наст. изд. С. 50.

⁶⁸ Байдалаков В.М. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена...: Воспоминания председателя НТС. 1930–1960 гг. М.: [Б.и.], 2002. С. 14.

цу войны «незамеченное поколение» фактически исчезло⁶⁹, однако его трудный опыт писатель считал беспрецедентным — на фоне тотального кризиса гуманизма, охватившего Европу и Россию, младоэмигранты совершали обратный путь — это было обращение к человеку (свое место здесь занял и русский Монпарнас, с его обращением к «внутреннему» человеку»). По крайней мере, так видел искания «незамеченного поколения» автор книги — в младоросских доктринах он отслеживал движение к новоградским идеям, а в эволюции идеологии НТС — освобождение от расхожих националистических лозунгов и самобытный поиск «субстанции демократии». Очевидно, что предложенная Варшавским концепция «незамеченности» оказалась много сложнее и шире темы непризнанности молодого поколения писателей, и эта широкая постановка проблемы требует и более широкого толкования. В системе автора не все было бесспорно. Не случайно сразу после выхода книги в свет в эмигрантской прессе с новой силой разгорелась полемика. Марк Вишняк считал, что Варшавский отпустил грехи всему «незамеченному поколению» — «это великодушно, но — за чужой счет»⁷⁰. Спор вокруг книги идет до сих пор. Так, описание истории НТС, встреченное некогда с пониманием известным новопоколенцем Борисом Прянишниковым⁷¹, получило самую жесткую критику от старейшего представителя Союза Ростислава Полчанинова. В письме к автору этих строк от 4 августа 2010 г. он заметил: «В предисловии "Издательства [имени] Чехова" на С. 12 было сказано, что для В. Варшавского "Члены НТСНП были родными братьями младороссов". Это свидетельствует о его непонимании и одних и других. <...> Не знаю, откуда у В. Варшавского такая враждебность к НТСНП — ныне НТС. Думаю, что главная причина была в том, что члены НТС были не похожи на него. <...> Заявление В. Варшавского на С. 77, что "фашистский характер довоенного солидаризма ни у кого в эмиграции не вызывал сомнений", — настоящая клевета».

При очевидной документальности книги — обилии использованной литературы, кропотливом цитировании источников — она вряд ли может быть названа бесстрастной фотографией эпохи. Описанный поколенческий опыт Варшавский в немалой степени пропустил через себя и свои поиски, выступил в книге не только как писатель дневниково-документального жанра и как летописец русской эмиграции. Будучи правоведом по своему первому образованию, он предпринял оригинальное исследование по истории и философии права со своими построениями и концепциями. Писатель верил, что правовое демократическое государство как система способно противостоять инстинкту насилия. Именно в этой части книга вызвала наиболее активную дискуссию среди современников. Сам Варшавский оставался верен этой идее, постоянно развивал ее в статьях и книгах, дневниках и письмах⁷². Однако оговорка в новой редакции

⁶⁹ Деятельность после войны продолжил только НТС, претерпев, правда, ряд трансформаций и расколов.

⁷⁰ Вишняк М. О «незамеченном поколении» // Новое русское слово. 1956. 2 марта. № 15588. С. 3.

⁷¹ См. комментарий к настоящему изданию № 154.

⁷² Любопытно в этом контексте ответное письмо А. Шмемана В. Варшавскому, написанное как раз в момент создания новой редакции «Незамеченного поколения»: «Формулу согласования предлагаю такую: да, конечно, демократия. Да, конечно, демократия ("поиздержавшись в дороге") требует внутреннего очищения и обновления (солженицынский "нравственный этаж"). Поэтому, одновременно с защитой и проповедью демократии, нужно выяснить тот замысел о человеке, который демократией предполагается и без которого и она сама может стать — и, увы, становится "спекуляцией на понижение". Согласны?» (письмо от 13 августа 1974 г. // ДРЗ. Ф. 54).

«Незамеченного поколения», что «либерально-демократическое государство, строй наименее плохой из всех известных в истории»⁷³, говорит об амбивалентности его суждений. «Наименее плохой» — усеченная превосходная степень. Свой новоградский поиск Варшавский вел всю жизнь: «...как написать то, к чему пришло и все более приходит мое сознание: ужас истории, что можно сделать, что я должен сделать, чтобы история стала менее ужасной, можно ли что-нибудь сделать, можно ли надеяться, что дух любви победит инстинкт насилия, убийства, господства, — запишет он в дневнике 70-х гг. — Какие ценности все же были созданы в истории, которые нужно во что бы то ни стало сохранить: свобода и права личности, абсолютная справедливость. Как быть, что делать, чтобы самые светлые идеи не превращались в свою противоположность. Один источник любви — евангелие. Вопреки очевидности, вопреки всему, что подсказывает разум. Но не учение исторической церкви»⁷⁴.

Варшавский пробыл в США до 1967 г. На «Радио Свобода» под именем Владимир Норов он вел многолетние циклы («Современная мысль», «Новые Вехи», «Годы шестидесятые», «Культура и свобода», «Книжная полка», «Заметки читателя» и др.). Варшавский-журналист — тема отдельного исследования, в архиве писателя отложились сотни скриптов. Вот лишь несколько тем, к которым он возвращался на протяжении многих лет работы на радиостанции: философия Сартра и Камю, Тейяра де Шардена и Бергсона, творчество Джойса, Кафки, Брехта, биографии лауреатов Нобелевской премии, научно-технический прогресс (атомная энергия, освоение космоса, генетика и т.д.), политическое положение в Восточной Европе (в особенности — подавление восстаний в Венгрии в 1956-м и в ГДР в 1961-м; со временем одной из тем стала трагедия Пражской весны 1968 г.), правозащитная деятельность академика А.Д. Сахарова (особо Варшавский отмечал брошюру «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе») и, наконец, творчество А.И. Солженицына — одно из поворотных в судьбе и взглядах Варшавского явлений.

В 1957 г. в гостях у Марии Самойловны Цетлиной Варшавский познакомился со своей будущей женой — Татьяной Георгиевной Дерюгиной. Татьяна Дерюгина была младше Варшавского (она родилась уже в эмиграции, в Берлине в 1923 г.), как переводчица работала в то время сначала в Рокфеллер-центре, а потом в Госдепартаменте США. Вскоре после знакомства Варшавский запишет: «Самое симпатичное, нелепое и великодушное существо, которое я когда-либо встречал. Маленькая, худенькая, необыкновенно подвижная. В ней было все, чего не было во мне. Полная во всем противоположность: моей трусости в ней противостояло какое-то почти безумное бесстрашие; моим вечным беспокойствам — полная беспечность, полное презрение ко всяким благоразумным расчетам; моему страху перед жизнью — необыкновенная жадность к жизни, к людям, к вещам; моей замкнутости — необыкновенная общительность, открытость; моей подозрительности — почти какая-то невероятная доверчивость»⁷⁵. 28 июня 1959 г. в Свято-Серафимовской церкви в Нью-Йорке состоялось венчание (венчал прот. Александр Киселев). О зна-

⁷³ Этот пассаж из новой редакции книги перекликается со статьей В. Варшавского «К спорам о письме» (Русская мысль. 1974. 18 июля. № 3008. С. 4), посвященной обсуждению полемики вокруг «Письма вождям Советского Союза» А.И. Солженицына.

⁷⁴ Варшавский В. Ионафан: Дневник. Запись от 28 августа 1975 г.

⁷⁵ Он же. [Посредине века моя жизнь изменилась... (Заметки 1950–60-х гг.)].

чении поворотных 1950–60-х гг. в своей судьбе Варшавский делает запись: «Посредине века моя жизнь изменилась. Все то доброе, что я искал в жизни, я нашел в моей жене. Она не рассуждала о смысле жизни, а просто любила меня, своих родных, своих знакомых. В ней был тот источник добра и любви, который, несмотря на всю мою рассеянность, малодушие и эгоизм, я искал в жизни. Это изменило мою жизнь.

Появление А.И. [Солженицына]. Россия. Мне ничего не открылось как Фроссару⁷⁶, но я даже не жалел об этом. Это должно было случиться со всеми людьми на земле, в истории. Мне было утешение...»⁷⁷

В этот нью-йоркский период произошло еще одно событие, которое как нельзя лучше характеризует семью Варшавских — они взяли под опеку мальчика, выходца из Великобритании. Шестилетний Роланд Томлин проживал с матерью в том же доме под снос, что и Варшавские (153 East 54 Street — исключительный пример трущоб в престижном районе Манхэттена). Сегодня Роланда назвали бы ребенком из неблагополучной семьи. Варшавские по большому счету «переписали» судьбу мальчика заново. Они позаботились о том, чтобы дать Роланду достойное образование в США и со временем определили его в престижный колледж в Великобритании. О том, как сложилась дальнейшая судьба Роланда Томлина, можно судить по письму Романа Гуля: «Как хорошо, что Таня его спасла и теперь этот “ле сюже британик”⁷⁸ стал человеком, отцом семейства и офицером Королевских воздушных сил. Чудесно»⁷⁹.

В мае 1967 г. чета обосновалась в Мюнхене, где Варшавский продолжил работу на «Радио Свобода» как постоянный сотрудник⁸⁰. Несмотря на относительное благополучие, общий фон начала 70-х, отсутствие творческой свободы угнетали его: «Эмигрантское болото здесь, верно, еще хуже, чем в Париже, — писал он сестре Наталье. — Но моя цель написать то, что я хочу. Об успехе в эмиграции я не думаю. Огорчает меня другое: так мало свободного времени. Я стараюсь писать по вечерам после службы, но это очень трудно. У меня на службе очень тяжелые условия, и [я] очень устаю. Но все-таки я верю, что я смогу когда-нибудь написать, что я хочу»⁸¹. Речь в письме шла о романе «Ожидание», который вышел в 1972 г. в парижском издательстве «УМСА-Press». Того шума, который произвели когда-то повесть «Семь лет» (вошедшая в «Ожидание») и уж тем более «Незамеченное поколение», не последовало, что не отменило общей доброжелательности оценок критики⁸². Пожалуй, самая про-

⁷⁶ Фроссар Андре (Frossard; 1915–1995) — французский журналист, писатель, автор богословских, философских и публицистических трудов, посвященных католицизму. В 1935 г., когда Фроссар посетил католический храм, ему открылось христианство. Историю своего обращения он описал в книге «Бог существует, я встретил Его» (Dieu existe, je l'ai rencontré. Paris: A. Fayard, 1969).

⁷⁷ Варшавский В. [Посредине века моя жизнь изменилась... (Заметки 1950–60-х гг.).]

⁷⁸ «Ле сюже британик» («le sujet britannique») — «британский сюжет» (фр.).

⁷⁹ Письмо В.С. и Т.Г. Варшавским от 16 января 1977 г.

⁸⁰ В заявлении В.С. Варшавского на продление работы от 7 мая 1971 г. (Antrag auf Erteilung / Verlängerung einer Arbeitserlaubnis) отмечена дата приезда в Мюнхен: 8. V. 1967 // ДРЗ. Ф. 54.

⁸¹ Письмо не датировано. ДРЗ. Ф. 54.

⁸² См.: Адамович Г. Об «Ожидании» Варшавского // Новое русское слово. 1972. № 22615. 14 мая. С. 4; Иваск Ю. [Рец. на «Ожидание»] // Новый журнал. 1972. № 109. С. 300–302; Отиев К.В. «Ожидание» Владимира Варшавского // Грани. 1972. № 86. С. 219–223; Шмеман А., прот. Ожидание. Памяти Владимира Сергеевича Варшавского. С. 261–278;

никновенная принадлежит о. Александру Шмеману. В статье, написанной уже после смерти писателя, он дал глубокий анализ поэтики Варшавского, поставив при этом «Ожидание» выше «Незамеченного поколения». Работая над статьей, он записал в дневнике: «Перечитывая “Ожидание”, думал: это удивительно хорошая книга с “лица необщим выраженьем”, но как это показать, доказать? Полная, совершенно беззащитная правдивость, “сила, в слабости совершающаяся”, никакой подделки, никакого вопля, никакого самопревозношения»⁸³.

В штате «Радио Свобода» Варшавский работал до 1972 г., 31 марта он ушел в отставку, однако как внештатный обозреватель еще несколько лет продолжал вести ряд циклов⁸⁴. В 1972–1974 гг. Варшавские проживали в Париже у своего друга Бориса Юльевича Физа⁸⁵. В 1974 г., когда Татьяне Георгиевне предложили место переводчицы в международной организации в Женеве, семья поселилась в местечке Ферней-Вольтер на франко-швейцарской границе. Незадолго до переезда на одном из выступлений на «Радио Свобода» Варшавский заметил: «Каждый раз, когда мне случается бывать в Швейцарии, меня не оставляет чувство, что передо мною историческое чудо: как могла сохранить независимость эта маленькая страна, стиснутая между Францией, Германией, Италией и Австрией, и как среди страшных войн и революций двадцатого века и всего теперешнего мирового кризиса и атомных вооружений эта маленькая страна смогла сохранить не только свою независимость, но и социальный строй, основанный на благополучии всех граждан, на неприкосновенности прав человека и гражданских свобод, наконец на простой добропорядочности и соблюдении приличий»⁸⁶. Кажется символичным, что последние годы жизни русский эмигрант Владимир Варшавский провел в стране, которая по своему политическому и социальному устройству почти совпадала с идеалом мироустройства, который он искал.

В Ферней-Вольтер он завершает новую редакцию «Незамеченного поколения» и приступает к работе над исследованием «Родословная большевизма»⁸⁷. В дневнике отметит: «...среди массы чужих мыслей, теорий, утверждений, среди моей собственной неуверенности, среди усиливающегося чувства необъяснимости жизни, окружающей тайны, я все-таки образовался, как поднявшаяся со дна гранитная вершина — твердое убеждение, на котором я стою»⁸⁸. Замечание крайне важное — Варшавский всегда сомневался в себе. И то, что он сам отметил творческую удачу, — явление для него исключительное. При этом конспективно писатель обозначил особенности своего авторского метода: как исследователь он отдавал предпочтение не априорным суждениям, а познанию. «Твердое убеждение» выросло из фундаментального опыта, — отсюда такое внимание к «чужим мыслям, теориям, утверждениям». Путь трудный, но, видимо,

⁸³ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983 / Сост., подгот. текста У.С. Шмеман, Н.А. Струве, Е.Ю. Дорман; Предисл. С.А. Шмемана; Примеч. Е.Ю. Дорман. М.: Русский путь, 2007. С. 419.

⁸⁴ Варшавскому назначили пенсию в 359 долларов и 40 центов (сообщено Т.Г. Варшавской). Рассуждая совсем по другому поводу, он вскользь обмолвится в дневнике: «Я считаю себя нищим, теперь, когда вышел на пенсию» (Ионафан: Дневник. Запись от 13 июля 1973 г.).

⁸⁵ Физ Борис Юльевич (1904–1978) — инженер, редактор издательства «YMCA-Press», член РСХД, коллекционер работ постимпрессионистов.

⁸⁶ Норов. Цикл «Заметки читателя» (№15). Скрипт «Радио Свобода» № 70573 от 17/18. II. 1973 // ДРЗ. Ф. 54.

⁸⁷ Издана посмертно: Paris: YMCA-Press, 1982.

⁸⁸ Варшавский В. Ионафан: Дневник. Запись от 25 июня 1975 г.

наиболее честный для исследователя. Варшавский подготовил фрагменты будущей книги для публикации в «Новом журнале»⁸⁹. Роман Гуль в ответ на его предложение писал: «...Вы касаетесь таких тем, которые мне самому очень дороги. Апология свободы — и творческой, и политической, и гражданской — это одна из наших главных задач. Я презираю людей, в которых нет “инстинкта” свободы, а посему все Ваши статьи на эту и смежные с ней темы буду всегда с удовольствием печатать»⁹⁰.

О последней книге Варшавского и работе над ней так вспоминал Сергей Милич Рафальский: «Как он сам рассказывал — чем больше он погружался в историю и документацию, тем больше открывал истоков ленинского духа и одержимости “большевизмом” там, где их обычно не ищут, т. е. на Западе, и тем дальше и дальше отодвигались глубинные корни “Великого Октября” от несчастного российского чернозема. К величайшему огорчению всех его любивших, эту, более чем нужную, работу помешала ему закончить роковая болезнь сердца...»⁹¹ Операцию на сердце Варшавскому сделали в женеvской клинике 19 января 1978 г. Улучшения не последовало, вторая операция только усугубила тяжелое состояние. 22 февраля Владимира Сергеевича Варшавского не стало. Он был похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Пути перевоплощения исторического лица в знаковую фигуру своего времени трудно исследимы. Варшавский не был «успешным» автором, и уж тем более знаменитым. В этом есть некая закономерность. Вряд ли на громкое имя мог претендовать писатель, обративший столь пристальное внимание на явление незамеченности. Однако сегодня мы судим о «незамеченном поколении» ушедшего века по Варшавскому. Люди, хорошо его знавшие, не сговариваясь, совпадали в оценках значения его имени и его творческого опыта⁹². «Мне кажется, он всю жизнь себя немного недооценивал, — писал Кирилл Хенкин. — В далекие годы нашей молодости это было, во всяком случае, так. А для меня Володя был тогда и остался на всю жизнь моральным камертоном, меркой нравственной чистоты — одним из тех праведников, которые не позволяют, своим существованием, миру скатиться в бездну и погибнуть»⁹³. Вскоре после ухода Варшавского Александр Шмеман запишет в дневнике: «Варшавский — “рыцарь демократии”, потому что для него она прежде всего утверждение личности. По Варшавскому — демократия совсем не однозначна с верой в “народ”, не есть продукт “народничества”. Она, напротив, от веры в дух и личность. “Формальные” свободы имеют смысл, как и их защита, только при вере в личность»⁹⁴. Размышления, не потерявшие ни глубины, ни злободневности.

⁸⁹ См.: *Варшавский В.* Родословная большевизма // *Новый журнал.* 1976. № 125. С. 234–250; 1977. № 128. С. 198–223.

⁹⁰ Письмо от 6 июня 1975 г. // ДРЗ. Ф. 54.

⁹¹ *Ский [С. Рафальский].* Светлой памяти В.С. Варшавского // *Русская мысль.* 1978. 16 марта. № 3195. С. 10.

⁹² Кроме указанных выше статей прот. А. Шмемана и С.М. Рафальского, см. также: *Седых А.* Памяти Владимира Сергеевича Варшавского // *Новое русское слово.* 1978. 24 февр. № 24501. С. 2. *Шаховская З.* Смерть Владимира Варшавского // *Русская мысль.* 1978. 2 марта. № 3193. С. 2; *Терапиано Ю.* В.С. Варшавский // *Русская мысль.* 1978. 30 марта. № 3197. С. 10; *Фотиев К., прот. В.С. Варшавский* // *Новый журнал.* 1978. № 131. С. 271–276; *Он же.* Прощаясь с В.С. Варшавским // *Новое русское слово.* 1978. 2 марта. № 24506. С. 3.

⁹³ Письмо к Т.Г. Варшавской от 4 апреля 1978 г.

⁹⁴ *Шмеман А., прот.* Дневники. 1973–1983. С. 426.

Составители выражают благодарность коллегам, оказавшим помощь в подготовке издания: Л.Н. Белошевской (Славянский институт АН ЧР, Прага), А.Г. Гачевой (ИМЛИ РАН; Музей-библиотека Н.Ф. Федорова, Москва), О.Т. Ермишину (Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, Москва), И. Зайончек (Посольство Франции в России, Москва — Париж), М. Магидовой (Славянская библиотека при НБ ЧР, Прага), В.Г. Макарову (Центральный архив ФСБ России, Москва), В.П. Масловскому (Дом-музей Марины Цветаевой, Москва), Н.Г. Мельникову (Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, Москва), В.П. Нечаеву (Центральная научная библиотека Союза театральных деятелей, Москва), П.А. Трибунскому (Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, Москва), Т. Чеботаревой (Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета, Нью-Йорк).

Особую признательность хотелось бы выразить Р.В. Полчанинову (Нью-Йорк) и С.М. Пушкареву (Франкфурт-на-Майне), оказавшим неоценимую помощь в предоставлении материалов по истории НТС.

На протяжении всей работы над книгой неизменную помощь составителям оказывала Т.Г. Варшавская, вдова писателя, даритель архива В.С. Варшавского Дому русского зарубежья имени Александра Солженицына. Ей наши искренние слова благодарности.

КОММЕНТАРИИ

НЕЗАМЕЧЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Впервые «Незамеченное поколение» вышло в свет в 1956 г. в Нью-Йорке в «Издательстве имени Чехова». Из письма прот А Шмемана следует, что первоначально книгу предлагали в нью-йоркское издательство «Benzinger Brothers», публиковавшее большей частью духовную литературу и официальные документы Ватикана, и сам Шмеман выступил посредником между автором и издательством (письмо к Варшавскому от 13 августа 1974 г. // ДРЗ. Ф 54). Сотрудничество с «Издательством имени Чехова» оказалось более плодотворным. Оно приняло к рассмотрению и опубликовало книгу в короткие сроки. Договор с издательством был подписан 20 июля 1955 г. 9 октября 1955 г. Г.В. Адамович писал Варшавскому: «Да, я узнал, что Ваша книга наконец принята. Очень, очень рад, "душевно рад во всех смыслах", как писал Гоголь Правда! И денежно — за Вас, и литературно — за всех» («Я с Вами привык к переписке идеологической..» Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972). С. 293).

За год до издания книги Варшавский опубликовал фрагмент под названием «Незамеченное поколение» (Новый журнал 1955. № 41. С. 103–121), сопроводив публикацию примечанием: «Из книги, подготовляемой к печати». Другой отрывок, «О Поплавском и Набокове», появился в «Опытах» (1955. № 4 С. 65–72). И журнальные публикации, и выход самой книги вызвали в эмигрантской прессе оживленную дискуссию, которая дана в приложении под названием «Полемика вокруг "Незамеченного поколения"».

В настоящем издании впервые публикуется новая редакция «Незамеченного поколения». Решение не перепечатывать книгу 1956 г., а взять для издания последнюю редакцию не случайно. В новой редакции «Незамеченное поколение» было существенно дополнено и переработано автором. Варшавский обновил структуру книги, дал названия главам, написал новую часть, посвященную евразийцам, объединил главы, посвященные младороссам и Национальному союзу нового поколения (НСНП, впоследствии НТСНП, НТС), значительно расширив повествование об этой организации. Автор дополнил рядом уточнений главы о русском Монпарнасе и «Новом Граде». Перечень имен был также расширен, ряд биографических данных о своих современниках Варшавский исправил с учетом замечаний, высказанных в критических отзывах на книгу, или дополнил с учетом событий, произошедших уже после публикации книги.

Машинопись предоставлена для публикации вдовой писателя Татьяной Георгиевной Варшавской. Рукопись не датирована. По словам самой Варшавской, писатель работал над корпусом книги в 1973–1974 гг. 23 января 1974 г. Варшавский сделал доклад «Русский Монпарнас» на заседании «Русского кружка» в Женевском университете. Текст доклада во многом совпадает с новой редакцией книги. В том же году, видимо желая дополнить повествование новыми архивными материалами, он обращается за помощью к Н.Д. Татищеву, другу и душеприказчику Б.Ю. Поплавского. 19 августа 1974 г. Варшавский пишет ему: «Я не хочу беспокоить твоего сына, к тому же вижу, что могу обойтись без этих цитат из дневников Бориса. Ты, конечно, знал его лучше, чем кто-либо. Но он был такой многосторонний, полный метаний человек, что у каждого из нас свой Поплавский, каждый находит в нем близкого себе. Поплавский Карлинского не мой Поплавский, но мой Поплавский тебе, верно, так же чужд, как мне Поплавский Карлинского...» (ДРЗ. Ф 54).

В новой редакции «Незамеченное поколение» при жизни автора издано не было. Уже в год смерти писателя друг семьи Ю.П. Иваск ставил вопрос о переиздании, предлагая вдове свою посильную помощь; 19 июня 1978 г. он писал ей: «Хорошо будет, если переиздадите [“]Незамеченное поколение[“]. Нужная книга.<...> Запрошу Г.А. Хомякова, где дешевле издавать книгу. Можно дать именной указатель <...>. Желтым карандашом отмечаются все имена и переводятся на карточки в алфавитном порядке. Если пожелаете, мог бы приписать короткие данные о всех лицах» (ДРЗ. Ф. 54). Однако в те годы усилия Т.Г. Варшавской были брошены на подготовку к публикации книги «Родословная большевизма», которая вышла в парижском издательстве «YMCA-Press» в 1982 г.

Текст печатается в соответствии с современными нормами орфографии. Добросовестный летописец своего времени, Варшавский процитировал в книге массу литературы. Как правило, цитирование у Варшавского отличается точностью. Многочисленные цитаты, приводимые им в «Незамеченном поколении», по возможности были сверены с источниками. Исправления внесены в текст только в случаях очевидных типографских погрешностей, остальные разночтения оговорены особо в комментариях с приведением при необходимости цитаты по первоисточнику. Отдельные случаи недоступности первоисточника также оговорены в комментариях. Конъектуры в тексте и в комментариях помещены в квадратные скобки, сокращения обозначены угловыми скобками.

В новой редакции «Незамеченного поколения» Варшавский воспроизвел предисловие от издательства, которое предвзяло издание 1956 г. В данном издании мы сочли возможным его не воспроизводить.

¹ Новая редакция книги готовилась автором в 1973–1974 гг.

² Этому посвящен целый ряд работ, из них наиболее обстоятельная: Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ: 1921–1923 / Сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова. М.: Русский путь, 2005.

³ Если художественным произведениям младшего поколения русских эмигрантов в последнее время было уделено некоторое внимание (появились переиздания отдельных произведений и авторов, антологии, статьи и монографии), то публицистика их до сих пор остается почти не изученной.

⁴ Имеется в виду статья. *Вишняк М.* О «незамеченном поколении» // Новое русское слово. 1956. 2 марта № 15588. С. 3, 4. См. наст. изд., с. 350–355.

⁵ В первом варианте Варшавский писал о Фондаминском. «был приговорен к смертной казни и при царской, и при советской власти». Во втором: «при царской власти сидел в тюрьме, при советской — был заочно приговорен к смертной казни». Вишняк также указывал на ошибочность фразы «отдал в партию полученное от отца миллионное наследство», однако в рукописи эта фраза осталась (возможно, Варшавский только собирался вычеркнуть ее, но забыл или не успел).

⁶ У Достоевского Версиков заканчивает свою сентенцию следующим образом: «...а засим все те, которые никогда не имели акций, да и вообще ничего не имели, то есть все нищие, естественно не захотят участвовать в окислении .. Начнется борьба, и, после семидесяти семи поражений, нищие уничтожат акционеров, отберут у них акции и сядут на их место, акционерами же, разумеется. Может, и скажут что-нибудь новое, а может, и нет. Вернее, что тоже обанкрутятся. Далее, друг мой, ничего не умею предугадать в судьбах, которые изменят лик мира сего. Впрочем, посмотри в Апокалипсисе...» (*Достоевский Ф.М.* Подросток. Часть вторая. Глава первая).

⁷ Не вполне точная цитата из девятой главы «Других берегов». У Набокова: «Все это было давно, — задолго до той ночи в 1922-м году, когда в берлинском лекционном зале мой отец заслонил Милюкова от пули двух темных негодяев, и, пока боксовым ударом сбивал с ног одного из них, был другим смертельно ранен выстрелом в спину» (*Набоков В.* Другие берега. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954. С. 177).

⁸ Заключительная строка стихотворения М.И. Цветаевой «Дон» («Белая гвардия, путь твой высок...») (1918) из цикла «Лебединый стан».

⁹ В датированных 1903 г. «Отрывках из воспоминаний» А.С. Суворин записал свой разговор с Достоевским в день покушения Молодецкого на графа Лорис-Меликова 20 февраля 1880 г. Достоевский сказал, что «напишет роман, где героем будет Алеша Карамазов. Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы преступление политическое. Его бы казнили. Он искал бы правду и в этих поисках естественно стал бы революционером...» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстол. расшифровка Н.А. Роскиной; Подгот. текста Д. Рейфилда, О.Е. Макаровой. London: The Garnet Press; М.: Изд-во «Независимая газета». 1999. С. 454).

¹⁰ Свой роман «Конь рыжий» Р.Б. Гуль называл автобиографическим. (*Гуль Р.* Конь рыжий. Нью-Йорк, 1952).

¹¹ Варшавский цитирует (не оговаривая большие купюры) текст доклада Анатолия Алферова «Будни эмиграции. Куда мы идем?», прочитанного на собрании «Зеленой лампы» 28 апреля 1933 г. и опубликованного под названием «Эмигрантские будни» (Числа. 1933. № 9. С. 200–206). Варшавский принимал участие в прениях по этому докладу.

¹² *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Ч. 4. VI. Раннее развитие.

¹³ Костецкий Владимир Григорьевич (?–1962) — полковник, участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции во Франции, затем в Германии и в США. Литератор, журналист, сотрудник «Посева», «Граней», «Нового русского слова».

¹⁴ Лехович Дмитрий Владимирович (1901–1995) — участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Сербии, с 1925 г. в США, банковский служащий (до выхода на пенсию в 1966), историк, литератор, печатался в «Опытах», а также в англоязычных изданиях.

¹⁵ См. о нем: Иван Савин: Материалы к библиографии / Сост.; вступ. ст. Э. Каркконен // Диаспора: Новые материалы. Вып. 7. СПб.; Париж: Athenaeum-Феникс, 2005. С. 683–718.

¹⁶ Татищев Николай Дмитриевич, граф (1902–1980) — участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции во Франции, поэт, прозаик, критик, печатался в «Числах», «Круге», «Новом журнале», «Гранях», «Опытах».

¹⁷ Варшавский приводит цитату (с большими купюрами и рядом неточностей) из фрагмента романа Поплавского, опубликованного под названием «Бал» (Числа. 1934. № 10. С. 135–139) Фрагмент вошел в четвертую главу последней редакции романа «Аполлон Безобразов» (ср.: *Поплавский Б.* Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 2000. Т. 2: Аполлон Безобразов. Домой с небес: Романы / Подгот. текста, коммент. А. Богословского, Е. Менегадьо. С. 69–74).

¹⁸ Варшавский приводит почти целиком первые полторы страницы журнальной публикации повести: *Алферов А.* Дурачье // Числа 1933. № 7/8. С. 27–28.

¹⁹ Подробнее см.: *Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* Дроздовцы после Галлиполи. М.: Рейтарь, 2002.

²⁰ Варшавский цитирует с большими купюрами вступление к изданию: Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Кн. 1. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. С. IV, VI.

²¹ Из статьи Б. Шлецера, посвященной сборникам «На путях: Утверждение евразийцев» (М.; Берлин: Геликон, 1922) и «Освальд Шпенглер и закат Европы» (М.: Берег, 1922) *Шлецер Б.* Закат Европы // Современные записки. 1922. № 12. С. 344.

²² Варшавский не вполне точно цитирует статью П.Н. Савицкого «Подданство идеи» (Евразийский временник. Кн. 3. Берлин. Евразийское книгоиздательство, 1923. С. 12–13). У Савицкого: «Царская Москва и императорская Россия...»

²³ *Чебышев Н.* Впечатления // Возрождение. 1927. 16 февр. № 624. С. 3. Неточная цитата, у Чебышева: «Евразийство сгинет. Оно порождение эмиграции. Оно поддурманилось на маргарине деше-

вх столовок, вынашивалось в приемных в ожидании виз, загоралось после спора с консьержкой, взшло на малой грамотности...»

²⁴ *Антоний (Храповицкий), митр* Россия и латинство // Новое время. 1924. 1 февр. № 830. С. 2. Неточная цитата, в тексте: «Без всякого преувеличения заявляю, что у нас снова есть и Хомяковы, и Киреевские, и Аксаковы. Они воскресли на нашем безвременье; они открыли пред русским сознанием новую энциклопедию, новые перспективы мысли богословской, философской, общественной, даже экономической». Окончание статьи опубликовано 6 февраля 1924 г

²⁵ *Иванов В.Н.* Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин, 1926. С. XIII. Скорее всего, Варшавский цитирует Иванова по статье П.Н. Савицкого «В борьбе за евразийство: Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах» (Тридцатые годы: Утверждение евразийцев. Кн. 7. Париж: Издательство евразийцев, 1931. С. 11).

²⁶ *Садовский Я.Д.* Оппонентам евразийства: (Письмо в редакцию) // Евразийский временник. Кн. 3. С. 161.

²⁷ Варшавский с незначительными разночтениями цитирует статью П.Н. Савицкого «Два мира» (На путях: Утверждение евразийцев. Кн. 2. М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 10–12).

²⁸ Источник цитаты установить не удалось

²⁹ Неточная цитата, у Савицкого: «...значение Золотоордынской державы в русской истории не меньше значения империи Карла Великого в истории европейской» (*Савицкий П.* Геополитические заметки по русской истории // Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 258. Сн. 3. [Прилож.]); *Он же* Степь и оседлость // На путях: Утверждение евразийцев. Кн. 2. С. 342.

³⁰ Варшавский имеет в виду С.Я. Эфрона. Однако П.А. Судоплатов недвусмысленно пишет: «Слухи о том, что Сергей Эфрон, муж поэтессы Марины Цветаевой, был одним из тех, кто навел НКВД на Рейсса, являются чистым вымыслом. Эфрон, работавший на НКВД в Париже, не располагал никакими сведениями о местонахождении Рейсса» (*Судоплатов П.А.* Спецоперации: Лубянка и Кремль, 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997 Глава «Ликвидация троцкистов за рубежом»).

³¹ *Карамзин Н.М.* Мелодор к Филалету // Соч. В 2 т. Л.: Худож. лит., 1984. Т. 2. С. 179–180. Спустя полвека Герцен выразил карамзинскими словами разочарование нового поколения русской интеллигенции в революционном опыте Франции (см.. *Герцен А.И.* С того берега // Собр. соч.: В 30 т. М.: АН СССР, 1954–1966. Т. 6. С. 10–12).

³² Локк Джон (Locke; 1632–1704) — английский мыслитель второй половины XVII в. Его философское учение оказало решающее влияние на основные философские искания и дискуссии в XVIII в и послужило основой идеологии Просвещения. Варшавский отсылает к труду Локка «Два трактата о правлении» (1690)

³³ Куницын Александр Петрович (1783–1841) — юрист, преподаватель нравственных и политических наук в Царскосельском лицее (1811–1820), автор научных трудов по русскому праву и первого учебного пособия по нравственным наукам. В 1820 г. получил кафедру при Петербургском университете и должность начальника учебного отделения в дежурстве Пажеского и Кадетского корпусов, но после студенческих беспорядков уволен. С 1821 г. преподавал в Педагогическом институте, Пажеском корпусе. В 1826 г. по ходатайству М.М. Сперанского был определен в Собственную Его Императорского Величества канцелярию, участвовал в составлении Свода законов. В 1838 г. стал почетным членом Санкт-Петербургского университета, с 1840 г. — директором Департамента духовных дел иностранного вероисповедания.

³⁴ Не вошедшая в окончательный текст строфа стихотворения А.С. Пушкина «19 октября» (1825).

³⁵ Черновая запись Пушкина на рукописи «Путешествия из Москвы в Петербург»: «[Избави меня боже быть поборником и проповедником рабства] — [я говорю только, что] [но я говорю прямо, что состояние наших крестьян не есть] Благостояние наших крестьян тесно связано с пользой помещи-

ков — и это очевидно для всякого. Злоупотребления [есть] встречаются везде» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т. 11. С. 467).

³⁶ *Гольденвейзер А.А.* В защиту права: Статьи и речи. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952. С. 95–113

³⁷ А.П. Куницын на средства Лицея издал «Право естественное» (СПб., 1818), а через два года продолжение: «Право естественное. Ч. 2. Право прикладное» (СПб., 1820), в котором писал: «Употребление власти общественной без всякого ограничения есть тиранство, и кто оно производит, есть тиран...» После студенческих волнений и отставки Куницына тираж книги был изъят у книгопродавцев и уничтожен.

³⁸ Из официального постановления 1821 г.: «По принятым за основание ложным началам и выводу из них весьма вредному учению, противоречащему истинам христианства и клонящемуся к низвержению всех связей семейственных и государственных, книгу сию, как вредную, запретить повсюду к преподаванию по ней и притом принять меры к прекращению... преподавания естественного права по началам столь разрушительным, каковы оказались в книге Куницына!»

³⁹ См.. *Defourneaux M.* La vie quotidienne au temps de Jeanne d'Arc. Paris: Hachette, 1952. На русский язык эта книга была переведена гораздо позже: *Дефурно М.* Повседневная жизнь в эпоху Жанны д'Арк / Пер. Н.Ф. Васильковой. СПб.: Изд. группа «Евразия», 2002. В переводе Н.Ф. Васильковой приведенные Варшавским строки звучат так: «Времена скорби и искушения, / Век плача, ревности и мук».

⁴⁰ Из письма Томаса Джефферсона (Jefferson; 1743–1826) к Горацию Спаффорду (Spafford; 1778–1832) от 17 марта 1814 г. (*The Writings of Thomas Jefferson.* Washington, 1904. Vol. 14. P. 119).

⁴¹ Из реферата В.С. Соловьева, прочитанного на заседании Московского психологического общества 19 октября 1891 г. В печатном виде текст реферата появился в следующем году в Москве, изданный гектографическим способом и содержащий помимо самого текста семь тезисов Вл. Соловьева к чтению и стенограмму прений (*Соловьев Вл.* О причинах упадка средневекового мирозерцания. М., 1892), а позже был опубликован без названия в тематическом номере журнала, посвященном памяти В.С. Соловьева (*Вопросы философии и психологии.* 1901. № 56. С. 138–152). См.: *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 349.

⁴² См., например, статью Н.С. Трубецкого «Об идее-правительнице идеократического государства» (*Евразийская хроника.* Вып. 11. Берлин, 1935. С. 29–37). Статья начиналась постулатом. «Одною из основ евразийства является утверждение, что демократический строй современности должен смениться строем идеократическим». К статье примыкают также программные работы Н.С. Трубецкого по евразийству: «Европа и человечество» (София, 1920), «Об истинном и ложном национализме» (Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Кн. 1. С. 71–85) и др., где доказывалась невозможность органичного усвоения европейской культуры другими народами.

⁴³ *Садовский Я.Д.* Оппонентам евразийства. С. 169, 170–171, 173

⁴⁴ Якушев Александр Александрович (1876–1937) — дворянин, окончил Императорский Александровский лицей, работал в Министерстве путей сообщения, действительный статский советник. В годы Гражданской войны — участник антибольшевистского подполья. В 1921 г. арестован и завербован ОГПУ. Якушев (Федоров) стал одной из ключевых подставных фигур чекистской операции «Трест» (1921–1927), главой легендарной Монархической организации Центральной России (МОЦР) — подпольного «антисоветского правительства». После окончания операции «Трест» работал в Наркомате путей сообщения, в 1934 г. арестован, приговорен к 10 годам лагерей. Умер в ГУЛАГе.

Как агент ОГПУ в период проведения операции «Трест» Якушев неоднократно выезжал за границу для встреч с ответственными деятелями Высшего монархического совета (ВМС) и врангелевской Организации русской армии (ОРА), с генералом А.П. Кутеповым, с претендентом на царский престол великим князем Николаем Николаевичем и др. «Трест» распространил также свое влияние на евразийцев. Чекистам удалось внушить лидерам евразийства, что внутри МОЦР есть евразийская оппозиция во главе с Денисо-

вым (чекистом А.А. Ланговым). Очевидно, цель заключалась в установлении контактов с племянником Врангеля евразийцем П.С. Араповым. В 1924 г. Арапов тайно в сопровождении Якушева приехал в Москву и принял участие в инсценированном «евразийском» совещании. В 1929 г. Арапов примкнул к Клармарской группе евразийцев, неоднократно совершал секретные поездки в СССР, потом репатриировался в Советский Союз, погиб в Соловецких лагерях. Подробнее об этом см.: *Флейшман Л.* В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

⁴⁵ *Алексеев Н.Н.* Теория государства: Теоретическое государствоведение, государственное устройство, государственный идеал. Париж: Издание евразийцев, 1931. С. 169–170. Неточная цитата, у Алексеева: «Единство ведущего слоя должно покоиться... на единстве духовной жизни, на единстве убеждений и духовных устремлений».

⁴⁶ Милован Джилас (1911–1995) — югославский политический деятель, литератор, основные произведения: «Новый класс: Анализ коммунистической системы» (1957), «Беседы со Сталиным» (1961), «Несовершенное общество» (1969). Убежденный коммунист, соратник Тито во время Второй мировой войны, один из организаторов партизанского движения в Югославии, с 1953 г. один из вице-президентов Югославии. В 1953 г. выступил с критикой сталинского режима, в 1954 г. смещен со всех партийных и правительственных постов, в 1955 г. условно осужден. В декабре 1956 г. заключен в тюрьму на три года за поддержку венгерского восстания и резкую критику режима Тито. Рукопись книги «Новый класс: Анализ коммунистической системы», которую он написал в тюрьме, была тайно вывезена и опубликована в Нью-Йорке (*Djilas M.* The New Class: An Analysis of the Communist System. N.Y.: Praeger, 1957). После этого Джиласа приговорили к семи годам заключения. В книге «Новый класс...» утверждал: «...величайшей из иллюзий являлось то, что с индустриализацией и коллективизацией, то есть с уничтожением капиталистической собственности, Советский Союз превратится в бесклассовое общество. Когда в 1936 году Сталин, приурочив это к принятию новой советской Конституции, провозгласил, что в СССР нет больше эксплуататорских классов, на самом деле был завершён уже процесс не только уничтожения капиталистов и других классов прежней системы, но и сформирован класс, не виданный ещё до той поры в истории. И совершенно ясно, что этот класс, подобно любому до него, сам воспринял установление собственного господства и другим представил как окончательное торжество всеобщего счастья и свободы» (*Джилас М.* Новый класс // Джилас М. Лицо тоталитаризма / Пер. с сербохорватского: П.А. Щетинин, Е.А. Полак, О.А. Кириллова. М.: Новости, 1992. С. 197–198).

⁴⁷ *Бердяев Н.А.* Утопический этатизм евразийцев // Путь. 1927. № 8. С. 142–143.

⁴⁸ В цитате Варшавский сводит воедино две полемизирующие статьи — Н.А. Бердяева («Утопический этатизм евразийцев». С. 143) и П.Н. Савицкого («В борьбе за евразийство...»). Ср.: «Поскольку же Н.А. Бердяев рассматривает этатизм евразийцев как нечто всеобъемлющее — его критика бьет мимо цели. "Государство по природе своей ограничено и относительно, оно ограничено в принципе субъективными правами личности и свободой творящего духа, не поддающегося никакой организации". От этих формулировок веет интеллигентским страхом перед государством. Государство не только ограничивает себя субъективными правами личности, но и создает защиту этих прав» (*Савицкий П.* В борьбе за евразийство: Polemica вокруг евразийства в 1920-х годах // Тридцатые годы: Утверждение евразийцев. Кн. 7. С. 46).

⁴⁹ Об этом см.: *Алексеев Н.Н.* Теория государства (раздел «Государственный идеал»). О тоталитарном духе «Республики» Платона писал также Н.А. Бердяев в указанной Варшавским статье «Утопический этатизм евразийцев»: «Совершенное государство Платона есть абсолютная тирания. Правящий слой, который будет носителем истинной евразийской идеологии, и должен создать республику платоновского типа, управляемую "философами" (такими "философами" будет себя считать все евразийские молодые люди, никогда о философии не помышлявшие). У Платона была вечная и истинная аристократическая идея господства лучших, но платоновская утопия совершенного государства, очень живучая в истории, означает подавление личности и свободы» (С. 142).

⁵⁰ Варшавский, скорее всего, резюмирует центральную идею статьи Н.Н. Алексеева «К учению о "объективном праве"», обращая внимание на теоретическую значимость понятия «правомочие» в эτικο-правовой концепции Н.Н. Алексеева. «Установленное право — правомочие — обязанность (которая вытекает из понятия нормы) — вот основные понятия, от которых должна отправляться русская философия права и которыми она должна заменить привитую ей иностранную, по существу не соответствующую природе вещей и лишенную смысла терминологию. Принятие этой терминологии может быть одним из средств к осуществлению той основной задачи, которая стоит перед русской наукой. Мы говорим о борьбе со столь распространенной ныне в западной науке утратой самой идеи права. Утрата правовой идеи особенно характерна для преобладающей ныне на Западе "школы объективного права", которая, с одной стороны, совершенно отрывает право от метаюридических основ, а с другой — лишает право раскрывающегося в ней эйдоса. Для представителей этой школы совершенно не важно, чтобы в "объективном праве" устанавливались "права субъективные", — важно только, чтобы устанавливались "нормы". "Права", следовательно, являются несущественным придатком "норм" — и истинная правовая система ничего не теряет от того, что в ней совершенно отсутствует идея "правомочия"» (Тридцатые годы: Утверждение евразийцев. Кн. 7. С. 253). См. также вступление к сборнику «Тридцатые годы...»: «Н.Н. Алексеев <...> протестует против теории права, игнорирующей в праве личность, не прощупывающей той его стороны, которая *утверждает* личность, вооружая ее "правомочием". Право есть совокупность правомочий — таков основной тезис Н.Н. Алексеева» (С. IV)

⁵¹ Неточная цитата. В предисловии: «...личность в СССР лишена всяких "правомочий"» (Тридцатые годы: Утверждение евразийцев. Кн. 7. С. IV).

⁵² Там же. Неточная цитата. В предисловии: «Вся идеологическая система евразийства может быть выведена из идеи личности: идея Личного Бога, идея России-Евразии как "симфонической личности", идея личности как творца жизни».

⁵³ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека: Опыт персоналистической философии. Париж: YMCA-Press, [1939]. С. 37.

⁵⁴ Трубецкой Н.С. От автора // К проблеме русского самопознания: Собр. ст. Париж Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 3.

⁵⁵ Бердяев Н.А. Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. Берлин: Обелиск, 1923. С. 12–13. Не совсем точная цитата, у Бердяева: «Только эта реакция духовно вернула нас к тому, что просветительная эпоха преследовала и уничтожала...»

⁵⁶ Варшавский приводит основной тезис исторической школы права, для которой программной стала брошюра немецкого правоведа Фридриха Карла фон Савиньи (Savigny; 1779–1861) «О призвании нашего времени к законодательству и к правоведению» (1815).

⁵⁷ В период оккупации Германии французами Иоганн Готлиб Фихте (Fichte; 1762–1814) в 1807 г. прочитал в Берлинском университете, куда был приглашен преподавать, цикл лекций, в которых призвал немцев к моральному возрождению и объединению. На следующий год они были опубликованы под названием «Речи к немецкой нации» (Reden an die deutsche Nation) и сыграли значительную роль в политической жизни Германии.

⁵⁸ Шарнхорст Герхард Иоганн Давид (Scharnhorst; 1755–1813) — прусский военный деятель, генерал (1807), фактический руководитель прусского Генерального штаба; возглавляя военное министерство (с 1808), провел военную реформу.

⁵⁹ В 21 г. н. э. произошло одно из самых жестоких в истории римско-германского конфликта сражений — Варусская битва, описанная римским историком Тацитом. Германцы напали на легионы полководца Варуса, возвращавшиеся после похода за оборонительную линию около Рейна. Сражение длилось три дня, римляне упорно сопротивлялись, но из леса выходили все новые и новые германские воины. 25 тыс. римских солдат было убито. Человека, возглавившего германцев, Тацит назвал Арминию-

сом. Позже ученые предположили, что римский историк, не зная, как звали предводителя вражеских войск, назвал его просто «германец» (по-латыни «арминиус»).

⁶⁰ *Алексеев Н.Н.* Народное право и задачи нашей правовой политики // Евразийская хроника.

Вып. 8. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 40. У автора процитированная Варшавским фразой выделена курсивом.

⁶¹ Имеется в виду не Иван, а Константин Аксаков.

⁶² *Аксаков К.* Сочинения исторические. М., 1861. С. 9. *Он же* Сочинения. М., 1886–1887. Т. 1. С. 18.

⁶³ Репринтное воспроизведение издания 1939 г.: *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека: Опыт персоналистической философии. Paris: YMCA-Press, 1972.

⁶⁴ Там же. С. 23.

⁶⁵ *Бердяев Н.А.* О социальном персонализме // Новый Град. 1933. № 7. С. 44–45.

⁶⁶ *Он же.* Христианство и революция // Там же. 1937. № 12. С. 59.

⁶⁷ *Он же.* О рабстве и свободе человека. С. 11–12.

⁶⁸ *Он же.* Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923; *Он же.* Новое средневековье: Размышление о судьбе России и Европы. Берлин: Обелиск, 1924 (включало этюды «Новое средневековье», «Размышления о русской революции» и «Демократия, социализм и теократия»; далее ссылки даются по этому изданию).

⁶⁹ В своей книге Бердяев цитировал этот пассаж Леонтьева с восхищением, определяя его словами «гениально-остро»: *Бердяев Н.А.* Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Paris: YMCA-Press, 1926. С. 90.

⁷⁰ *Бердяев Н.А.* Новое средневековье: Размышление о судьбе России и Европы (этуд «Демократия, социализм и теократия»). С. 137.

⁷¹ Там же. С. 24.

⁷² Там же. С. 26.

⁷³ Варшавский последовательно цитирует из книги Бердяева «Новое средневековье» этюды «Размышления о русской революции» (С. 62–63) и «Демократия, социализм и теократия» (С. 121).

⁷⁴ *Карсавин Л.П.* Путь православия // София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии: Сб. ст. / Под ред. Н.А. Бердяева. Берлин: Обелиск, 1924. С. 59–60.

⁷⁵ Ярво выраженными сторонниками евразийства из пражских профессоров были Н.Н. Алексеев и Г.В. Вернадский

Алексеев Николай Николаевич (1879–1964) — философ, правовед, с 1920 г. в эмиграции. Один из идеологов евразийства, разработал социально-экономическую и политическую программу движения. В 1922–1931 гг. профессор Русского юридического факультета в Праге (занимал должность секретаря). Принимал активное участие в подготовке манифеста евразийства «Евразийство: Опыт систематического изложения» (1926), автор работ «На путях к будущей России. Советский строй и его политические возможности» (Берлин, 1927), «Собственность и социализм: Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства» (Париж, 1928) и др. В 1931 г. переехал в Париж.

Вернадский Георгий Владимирович (1888–1973) — историк, с 1920 г. в эмиграции. В 1922–1927 гг. профессор Русского юридического факультета в Праге. Участвовал в работе Семинария (впоследствии Института) Н.П. Кондакова. Обосновал историческую теорию евразийства. Основные труды, созданные в период евразийского движения: «Начертания русской истории» (1927), «Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени» (1934), «Звенья русской культуры» (1938). В 1927 г. уехал в США.

Сотрудниками Русского юридического факультета были также евразийцы П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский, К.А. Чхеидзе. О сочувственном отношении к евразийству руководителя Русского юридического факультета П.И. Новгородцева см.: *Колеров М.* Заметки по археологии русской мысли: Булгаков, Новгородцев, Розанов // Логос. 2001. № 4 (30). С. 65–85.

⁷⁶ Неточная цитата из этюда Н.А. Бердяева «Новое средневековье». У Бердяева: «Не эмансипированная и уподобленная мужчине женщина, а вечная женственность должна играть большую роль в грядущий период истории» (С. 56).

⁷⁷ Там же. С. 50.

⁷⁸ Там же. С. 50–51.

⁷⁹ Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. С. 121. Неточная цитата, у Бердяева: «Смерть одного человека, последнего из людей, есть более важное и более трагическое бытие, чем смерть государств и империй».

⁸⁰ Декларировано Н.А. Бердяевым в книге «О рабстве и свободе человека»: «Качественно различные, неравные личности не только в глубинном смысле равны перед Богом, но равны перед обществом, которому не принадлежит право различать личности на основании привилегий, т.е. на основании различия социального положения. Смысл социального уравнивания в направлении бесклассовой структуры общества как раз и должен заключаться в выявлении личного неравенства людей, качественного различения, не по положению, а по существу. Так прихожу я к антииерархическому персонализму. Личность не может быть частью какого-либо иерархического целого, она есть микрокосм в потенциальном состоянии» (С. 12).

⁸¹ Бердяев Н.А. Новое средневековье: Размышление о судьбе России и Европы (этюда «Новое средневековье»). С. 48.

⁸² Там же (этюда «Размышления о русской революции»). С. 80.

⁸³ Там же (этюда «Демократия, социализм и теократия»). С. 142.

⁸⁴ Булгаков С. На пиру богов: Pro и Contra. Современные диалоги. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. С. 30. Эта работа С.Н. Булгакова впервые опубликована в сборнике «Из глубины» (М., 1918), затем вышла отдельной брошюрой (Киев, 1918) и была переиздана в эмиграции (София, 1921).

⁸⁵ Ширинский-Шихматов Юрий (Георгий) Алексеевич, князь (1890–1942) — общественно-политический деятель, публицист, участник Первой мировой войны и Белого движения, с начала 1920-х гг в эмиграции в Париже, лидер движения национал-максималистов, издатель журнала «Утверждения» (1931–1932), один из руководителей Объединения пореволюционных течений, организатор парижского Пореволюционного клуба, в 1941 г. арестован нацистами, погиб в концлагере.

⁸⁶ Первая идеологическая формулировка национал-максимализма была дана в докладе Ю.А. Ширинского-Шихматова «Национал-большевизм и свободно-избранные Советы как путь к национализации революции» (Берлин, осень 1920). В журнале утвержденных «Завтра» отмечалось, что течение было основано «еще в Москве летом 1917 г. Александром Александровичем Штанге и Юрием Алексеевичем Ширинским-Шихматовым и еще третьим лицом, поныне занимающим в СССР видное служебное положение. За границей, сначала развивая свою деятельность гл[авным] обр[азом] под покровом других организаций, национал-максималисты (тогда именовавшиеся из конспиративных соображений "особой группой" — а при сношении с внутрироссийскими ячейками — "национал-большевиками") явились инициаторами почти всех попыток к объединению молодых поревол[юционных] сил, имевших место в эмиграции», «в Харбине это были устряловцы, в Софии — евразийцы, в Берлине — национал-большевики (национал-максималисты), в Париже — неонародники» (Хренников К. В борьбе за единство // Завтра. 1933. № 4. С. 10, 11). Национал-максималисты сотрудничали с евразийцами, «когда почти весь Совет Евраз[ийской] партии и самые видные члены течения (Сувчинский, Карсавин, Святополк-Мирский, Малевич-Малевский, Арапов, Эфрон и др.) примкнули к "левой" (впоследствии — сменовеховской) группе "Евразия" — только поддержка, оказанная национал-максималистами меньшинству (группе Савицкого — Алексеева) спасла остатки движения от окончательного развала: поддержка моральная (выступления на собраниях, сотрудничество в евраз[ийских] изданиях), денежная (участие в расходах типографских) и

организационная (выправление "левого крена" брюссельской евразийской группы) позволили "правым" постепенно выбраться из тины и кое-как консолидировать свое положение» (Там же. С. 13).

⁸⁷ Л.Б. Национал-максимализм и национал-большевизм. [Б.м.]: Изд. Ницкого кружка политического самообразования, 1927. С. 8–9. Основу брошюры составлял отчет о докладе Ю.А. Ширинского-Шихматова, прочитанном летом 1926 г. для студентов — делегатов конференции Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), где Ширинский-Шихматов выступил в качестве председателя Парижской группы русских национал-максималистов. (В тексте отчета слова «Православное», «История» даны с прописной буквы.)

⁸⁸ Там же. С. 10.

⁸⁹ Там же. С. 11.

⁹⁰ Там же. С. 12–13. Варшавский совмещает цитирование с пересказом текста. Более подробно эти тезисы были развернуты Ширинским-Шихматовым в статье «Два мессианизма» (Утверждения. 1932. № 3. С. 19–43).

⁹¹ «Утверждения» — «орган Объединения пореволюционных течений», выходивший в Париже в 1931–1932 гг. под редакцией Ю.А. Ширинского-Шихматова (всего вышло три номера).

⁹² Цифры тиражей приведены в третьем номере «Утверждений», где объявлялась подписка на четвертый номер (запланированным тиражом 2000 экземпляров), однако он так и не вышел. Вместо него с 1933 г. начал выходить журнал «Завтра». О тиражах и объеме «Утверждений» также сообщалось в журнале «Завтра»: «Убедителен язык цифр: книга 1-я — 100 страниц, 2-я — 150, 3-я — 200. Тираж: первая книга 600 экз., вторая — 1200, третья — 1800. Сейчас первые две книги уже редкость. И все это — без одного "мецената", без "жертвователей" — на гроши жертвенной нашей молодежи» (Хренников К. В борьбе за единство. С. 13).

⁹³ «Завтра» (Париж, 1933–1935) — «ежемесячник утверждenceв», выходивший «при ближайшем участии Ю.А. Ширинского-Шихматова». В редколлегию входили В.Л. Андреев, И.И. Ильинская, Л.Б. Савинков, А.И. Ярмидзе. Всего вышло 7 номеров.

⁹⁴ Ярмидзе Александр — идеолог группы молодых членов Объединения пореволюционных течений, основавших журнал «Завтра».

⁹⁵ Ярмидзе А. От права к правде // Завтра. 1933. № 3. С. 4.

⁹⁶ Речь снова идет о Константине Аксакове.

⁹⁷ Самая известная пародия Бориса Николаевича Алмазова (1826–1876) «По причинам органическим...». Все эти же тезисы (почти теми же словами) вместе с пародией приведены в сборнике «Вехи» Б. Кистяковским в статье «В защиту права», только у него идет речь о славянофилах XIX в.

⁹⁸ Былов Николай Николаевич (1897–1970) — представитель парижских пореволюционеров, идеолог неodemократии, правовед, писатель, литературный критик, заместитель председателя ОРЭСО (1921–1934). Окончил Франко-русский юридический институт, работал мойщиком вагонов, потом открыл предприятие по чистке стекол и малярным работам, сотрудник журналов «Третья Россия» и «Утверждения». Автор романа «Волчья тропа» (Париж, 1931) Участвовал в заседаниях «Зеленой лампы» (1932), в работе Пореволуционного клуба (1933–1934). В 1949 г. избирался председателем Российского монархического объединения. Уехал в Южную Америку, последние годы жизни провел в Бразилии.

⁹⁹ Былов Н.Н. Гражданские свободы // Завтра. 1933. № 3. С. 16.

¹⁰⁰ С осени 1929 г. по инициативе национал-максималистов был выдвинут проект не отдельных блоков, а широкого Объединения пореволюционных течений, «сверх-организации», способной объединить «представителей разных оттенков пореволюционной мысли — национал-максималистов, утверждenceв, неodemократов, националистов-христиан, четвертороссов, русских национал-социалистов...» (Хренников К. В борьбе за единство. С. 15). Организационно Объединение пореволюционных течений (ОПТ) было окончательно сформировано в 1933 г. на I съезде представителей пореволюционных тече-

ний, организаций и группировок. Съезд прошел 2 июля 1933 г. под председательством А.Н. Михеева (члена Группы националистов-христиан) в помещении парижского Музея Рериха. I съезду ОПТ был полностью посвящен специальный номер ежемесячника «Завтра» (1933. № 4), в котором были опубликованы отчет о работе съезда и совещания, резолюция и протоколы съезда, устав ОПТ (идеология, лозунги, организация), задачи Объединения (Ю.А. Ширинский-Шихматов), выдержки из писем пореволюционеров и др. материалы.

¹⁰¹ «Четвертая Россия» — группа лионских пореволюционеров. Свою идеологическую программу формулировала следующим образом: «Мы, пореволюционеры, должны помнить, что деление на три этапа — неправильно. Оно, конечно, очень заманчиво своей четкостью: Россия дореволюционная, Россия революционная, Россия пореволюционная. Однако дело в том, что сразу за Россией революционной ожидать непосредственный приход пореволюционной по меньшей мере наивно. <.. > Вот почему мы, лионские пореволюционеры, и приняли название, удивившее столь многих. Мы предвидим, что как *Первая Россия* была ложно-христианской и псевдо-национальной, а *Вторая* — анти-христианской и анти-национальной — так *Третья* будет хотя уже и национальной, но все еще анти-христианской; только *Четвертая Россия* явится Россией действительно пореволюционной: *истинно-христианской и подлинно-национальной*» (Беренс Б. Четвертая Россия // Завтра. 1933. № 4 С 26–27).

¹⁰² Наиболее известные группировки русских национал-социалистов были в то время в Китае и США. Из европейских групп на съезде присутствовали представители Российского освободительного национального движения (РОНД), основанного в Германии в апреле 1933 г и уже осенью того же года запрещенного гестапо в связи с протестами советских властей, а также зарождавшегося Российского национал-социалистического движения (РНСД; другое название — Партия русских освободителей), через несколько лет, в 1939 г., также запрещенного немецкими властями вместе с большинством других эмигрантских организаций. Принципиально выдвигали на первый план «религиозный момент» в противовес «исходной безрелигиозности» немецкого национал-социализма и итальянского фашизма. Выступали за национальную революцию в экономике, построение народного хозяйства на основе частной собственности и личной инициативы под контролем государства. Выдержки из краткой программы РНСД были опубликованы в ежемесячнике утвержденных «Завтра» (Былов Н. Р.Н.С.Д // Завтра. 1933. № 4 С 27–30).

¹⁰³ Варшавский с незначительными разночтениями приводит устав ОПТ (Завтра 1933 № 4. С. 6–8). В уставе, в § 3: «...нижеперечисленные положения признаются *руководящими*»; в уставе слова «Российская Национально-Историческая Идея» и «Идея» даны с прописной буквы.

¹⁰⁴ Крылатая фраза из «Кризиса духа» (1919) Поля Валери.

¹⁰⁵ Движение «пореволюционной молодежи» в эмиграции оформилось на мюнхенском Всеобщем съезде русской национально мыслящей молодежи 1923 г. в Союз молодой России; в 1925 г. переименован в Союз младороссов, в 1934 г. преобразован в Младоросскую партию, которая продолжала активную деятельность до конца Второй мировой войны. Союз состоял из движения (сочувствующие, соревнователи), партии (сотрудники, младороссы) и ордена (старшие и ответственные младороссы). Внешне младороссы подражали итальянским фашистам от униформы до приветствия вскидыванием правой руки с возгласом в честь Казем-Бека: «Глава!» Лозунг младороссов «Бог. Царь. Родина» постепенно трансформировался в лозунг «Царь и Советы», отразивший идею органического государства как социальной монархии, союза царя и Советов. Подробнее см.: *Петрович Р.* [Р.П. Рончевский]. Младороссы: Материалы к истории сменовеховского движения. London (Ont.): Заря, 1973; *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. Париж: YMCA-Press, 1984 (2-е изд.: М.: Русский путь, 1999); *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь: Кавказский край, 1992. С. 223–225; Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А.Ф. Киселева. М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 1999. С. 432–495; *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: СПб. ун-т культуры и искусств, 2008. С. 170–183.

¹⁰⁶ Термен Ричард Осипович (перейдя перед смертью в православие, принял имя Алексей; 1870–1937) — генерал-майор Генштаба, участник Русско-японской и Первой мировой войн, с 1918 г. в эмиграции в Болгарии.

¹⁰⁷ Варшавский выборочно цитирует, не всегда оговаривая большие купюры, брошюру: *Термен Р.* Кадетские традиции. София, 1930. С. 3–5. На титуле: 25 декабря 1930 г См материалы Объединения бывших кадет Суворовского корпуса (Белград. 1930–1935) // ГАРФ. Ф. Р–6808. Оп 1.

¹⁰⁸ Всеобщий съезд русской национально мыслящей молодежи проходил в Мюнхене 2–9 февраля 1923 г. под председательством С.М. Толстого-Милославского.

¹⁰⁹ Толстой-Милославский Сергей Михайлович, граф (1892–1938) — выпускник Императорского Александровского лицея, капитан лейб-гвардии с 1916 г., причислен к Государственной канцелярии, после революции в эмиграции в Праге, затем в Париже.

¹¹⁰ См.: Труды I Всеобщего съезда русской национальной молодежи. Мюнхен: Молодая Россия, 1923

¹¹¹ Декларация Первого всеобщего съезда представителей организаций национально-мыслящей молодежи // Молодая Россия / Под ред. С.М. Толстого-Милославского. Мюнхен, 1923. № 1. С. 6.

¹¹² Извлечение из Наказа Главному Совету Объединенной русской молодежи, утвержденного Первым Всеобщим съездом // Молодая Россия. 1923. № 3/4 С 34

Варшавский приводит документ не полностью. «Извлечение из Наказа. » в ежемесячнике «Молодая Россия» содержит 11 пунктов, в том числе: «9) Подготовка духовная и умственная укрепит нашу волю и дух, отточит оружие нашей мысли. Мы должны закалить наше тело, ибо только в здоровом теле здоровый дух. 10) Русской молодежи предстоит принять наиболее деятельное участие в этой борьбе. Не теряя времени, должны мы приступить к объединению наших сил и согласованию всех наших действий. 11) Проведение в жизнь этого положения возможно лишь при условии создания хорошо снабженного духовными силами и материальными средствами исполнительного Центрального органа, составленного из лиц, достаточно авторитетных в глазах молодежи, утратившей доверие к старшим поколениям» (Там же)

¹¹³ Казем-Бек Александр Львович (1902–1977) — политический деятель, с 1920 г. в эмиграции, жил в Сербии, Венгрии, с лета 1923 г. во Франции, лидер движения младороссов (с 1923), в 1937 г. уличен в связях с советским посольством и отстранен от должности, с 1942 г. жил в США, в 1956 г. вернулся в СССР, работал в Издательском отделе Московской патриархии. Подробнее о нем см.. *Massip M* La vérité est fille du temps: Alexandre Kasem-Beg et l'émigration russe en Occident: 1902–1977 / Préf. de M Raeff. Genève: Georg éd., 1999.

¹¹⁴ Источник цитаты установить не удалось.

¹¹⁵ Имеется в виду состоявшееся 2 июня 1931 г. в парижском Salle de Photographie открытое собрание Союза младороссов на тему «К молодой России или к советской Европе?», на котором помимо А. Казем-Бека выступали М. Штенгер и А. Ляпунов.

¹¹⁶ Речь А.Л. Казем-Бека // К Советской Европе или к Молодой России? (Проблема «человеческого фактора»): Речи А.Л. Казем-Бека и М.В Штенгера на открытом собрании Парижских очагов Союза младороссов 2 июня 1931 года. Париж: [Б.и.], 1931. С. 27–29. Варшавский цитирует со значительными купюрами, не всегда их оговаривая. В тексте слова «Царь-Освободитель», «Царь-Плотник», «Царь-Преобразователь», «Царь Трудящихся» даны с прописной буквы.

¹¹⁷ Тезисы собрания // Там же. С. 30–31 Документ включал 31 пункт. Варшавский приводит, не оговаривая нумерацию, пункты 22–31.

¹¹⁸ «Младоросская искра» — двухнедельный орган Союза младороссов во Франции, выходивший в 1931–1940 гг. Секретарь редакции П.А. Васильев, фактический редактор Я.Н. Горбов.

¹¹⁹ *Казем-Бек А.* Будь Россия красной, будь Россия белой, она — Россия Оборона отечества — первый долг русских. Судьба страны всегда важнее судьбы власти Надо помнить: Младороссы — ни красные, ни белые, а русские // Младоросская искра. 1934. 20 сент. № 41. С. 1.

¹²⁰ Эрдели Иван Егорович (Георгиевич) (1870–1939) — генерал от кавалерии (1917), участник Первой мировой войны и Белого движения, с 1920 в эмиграции во Франции, председатель Союза офицеров — участников войны (с 1930), начальник 1-го отдела РОВСа (с 1934).

¹²¹ *Любимов Л.* Доклад главы младороссов // *Возрождение*. 1935. 29 янв. № 3527. С. 4.

¹²² «Бодрость!» («Courage!») — газета партии младороссов, выходившая в Париже с ноября 1934 г. по февраль 1940 г. (до декабря 1939 г. еженедельно, в 1940 г. два раза в месяц). Секретарь редакции П.А. Васильев, с 1935 г. — С.А. Булацель.

¹²³ Кадомцев Борис Петрович (1887–1969) — экономист, публицист, общественный деятель. В 1930-х гг. участник движения младороссов во Франции. Выступал с докладами на собраниях Российского торгово-промышленного и финансового союза, в Союзе русских инженеров, Научно-философском обществе и др. Печатался в газетах «Бодрость!», «Россия и славянство». С 1952 г. Генеральный секретарь комитета Российского национального союза в Париже. В 1953 г. работал в Мюнхене на радиостанции «Свобода». С 1954 г. редактор еженедельной газеты «Русская правда».

¹²⁴ Не оговаривая большие купюры, Варшавский приводит статью Б. Кадомцева «1938 год» (*Бодрость!* 1938. 16 янв. № 160. С. 2–3).

¹²⁵ *Тавастшерна А.* Россия и Династия // *Бодрость!* 1938. 23 янв. № 161. С. 4.

¹²⁶ Вероятно, речь идет о еженедельных «Обедах за круглым столом», которые Казем-Бек устраивал с декабря 1938 г. для диалога с разными эмигрантскими группировками. На них присутствовали среди прочих и Фондаминский с Керенским.

¹²⁷ Варшавского подводит память, первые номера «Нового Града» появились в 1931–1932 гг., а «Бодрость!» начала выходить только с 1934 г.

¹²⁸ Сведений найти не удалось.

¹²⁹ Варшавский цитирует с небольшими разночтениями статью И. Кара [И. Карузо ?] «В поисках правды. "Новый Град" № 13» (*Бодрость!* 1938. 24 июля. № 185 С. 1). В тексте статьи: «...ибо свобода личности есть соборное служение истине»; «"идеократия" есть метод служения не столь объективной истине, сколь определенной идеологии».

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

¹³² Варшавский цитирует одну из первых работ Г.П. Федотова: «Немецко-бюрократическая по своей природе, власть впервые чеканит формулу реакционного народничества: "православие, самодержавие и народность". Но дух, который вкладывается в эту формулу, менее всего народен» (*Богданов Е.* Трагедия интеллигенции // *Версты*. 1927. № 2. С. 165).

¹³³ *Элита-Вильчковский Кирилл Сергеевич* (1904–1960) — общественный деятель, публицист, один из основных идеологов младоросского движения (см., напр.: *Элита-Вильчковский К.* О младоросской идеологии. Париж, 1936). Генеральный секретарь Союза младороссов, заместитель председателя, управляющий делами главного совета, руководитель информационного центра, сотрудник журнала «Младоросс» (1930–1932), фактический редактор газеты младороссов «Бодрость!» (1934–1940). Член Объединения русских писателей и поэтов в Париже. В 1939 г. арестован французскими властями. После войны читал лекции в Католическом университетском центре в Париже (1945), выступал в Обществе духовной культуры (1946–1948), сотрудничал с журналами «Возрождение», «Опыты».

¹³⁴ В первом сборнике «Православное дело» (Париж, 1939) приняли участие Н.А. Бердяев, К.В. Мочульский, Г.П. Федотов, мать Мария и Лев Жиллэ.

¹³⁵ В имеющихся в России (очень неполных) комплексах «Бодрости!» не удалось отыскать этот материал.

¹³⁶ *Казем-Бек А.* «Русская дружба ценна — русская вражда страшна» // *Бодрость!* 1939. 27 авг. № 240. С. 1.

¹³⁷ Бодрость! 1939. 3 сент. № 241. С. 1.

¹³⁸ Имеется в виду телеграмма, посланная Казем-Беком премьер-министру Франции Эдуарду Даладьё 3 сентября 1939 г. — в день, когда правительства Великобритании и Франции объявили Германии войну (см.: *Telegramme adressé par le President du parti Jeune-Russe à Monsieur le President du Cosiel le 3 septembre 1939 // Бодрость! 1939. 10 сент. № 242. С. 1*). В телеграмме Казем-Бек сообщал, что отдает младоросскую партию в полное его распоряжение, но во французском МВД предпочли распустить партию. Казем-Бек перевел ее на нелегальное положение, в 1940 г. начались аресты младороссов. 18 мая «глава» объявил о роспуске своей партии и вступлении во французскую армию. В ответ 3 июня он и множество младороссов были схвачены французской полицией и отправлены в концлагерь Берне д'Арьеж. Вскоре большинство из них было освобождено. Во время войны многие младороссы приняли участие в движении Сопротивления. Подробнее об этом см.: *Hayes N. Kazem-bek and Young Russians' Revolution // Slavic Review. 1980. № 2. P. 267; Климович Л. Европейский фашизм и русская эмигрантская молодежь // Неприкосновенный запас. 2008. № 5 (61). С. 143–151.*

¹³⁹ В 1939 г. редакция «Бодрости!», рассчитывая на скорое закрытие «Последних новостей», планировала выйти за рамки партийного издания и стать ежедневной общеэмигрантской газетой, в связи с чем максимально расширила программу. Последние четыре номера «Бодрости!», вышедшие в январе — феврале 1940 г., были гораздо больше по объему и содержали значительно больше литературных материалов. В эти месяцы в «Бодрости!» печатались, помимо вождя младороссов А.Л. Казем-Бека и редактора газеты К.С. Елиты-Вильчковского, также Н.И. Алексеев, Н.Н. Берберова, Р.Б. Гуль, В.Л. Корвин-Пиотровский, С.С. Оболенский, А.И. Угримов, В.В. Вейдле, К.В. Мочульский, Ю. Фельзен, А.С. Штейгер. Планам этим, однако, не суждено было осуществиться. «Последние новости» почти на полгода пережили «Бодрость!», закрывшуюся в феврале 1940 г от недостатка средств.

¹⁴⁰ Национальный союз русской молодежи (НСРМ) возник в 1930 г., объединив группы русской молодежи в Югославии, Болгарии, Франции, Чехословакии. В 1931 г. название было изменено на Национальный союз нового поколения (НСНП), а в 1936 г. — на Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП). Название неоднократно менялось и позже (с 1942 г. — Национально-трудовой союз, с 1945 г. — Национально-трудовой союз российских солидаристов, с 1957 г. — Народно-трудовой союз российских солидаристов; помимо того, в 1950-е гг. от него откололись несколько групп, образовав ряд новых организаций: в 1949–1950 гг. — Демократический союз российских солидаристов во Франции, в 1954 г. — Инициативная группа по созданию организации свободных солидаристов в Нью-Йорке, в 1956 г. — Российский национально-трудовой союз, в 1966 г. — Российский демократический союз за веру и свободу). В 1992–1994 гг. руководящие органы НТС, редакции журналов и издательство были переведены из Франкфурта-на-Майне в Москву. По словам Г.П. Струве, НСНП и НТС играли «политически наиболее видную роль» в массе симпатизирующих итальянскому фашизму пореволюционных течений (*Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. С. 154*). Об истории НТС см.: *Столыпин А.П. На службе России: Очерки по истории НТС. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1986; Прянишников Б.В. Новопоколенцы. Силвер Спринг, Мэриленд, США, 1986; Романов Е.Р. В борьбе за Россию: Воспоминания. М.: Голос, 1999; Байдалаков В.М. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена...: Воспоминания председателя НТС. 1930–1960 гг. М.: [Б.и.], 2002; Рар Л.А., Оболенский В.А. Ранние годы (1924–1948). М.: Посев, 2003; Наука, культура и политика русской эмиграции: Сб. ст. и мат-лов всерос. науч. конф.: Санкт-Петербург, 24–26 июня 2002 г. СПб., 2004 и др.*

¹⁴¹ Зекрач (Зеркач) Александр Александрович (1905–1979) — общественно-политический деятель. Во время Гражданской войны воевал в сводном Полтавско-Владикавказском корпусе, который был переименован приказом ген. Врангеля в Крымский кадетский корпус. С ним же эвакуировался из Ялты в Словению. В 1925 г., по получении аттестата, служил в военной авиации в г. Нови-Сад. Во время войны работал в Вене. После войны уехал в Сидней. Принимал активное участие в создании в 1972 г. в Мель-

бурне Отдела Объединения российских кадетских корпусов зарубежья. С 1973 г. бессменный секретарь Сиднейского отдела Общекадетского объединения в Австралии.

¹⁴² «За Родину» — газета НТС, выходявшая в Софии ежемесячно с марта 1932 по декабрь 1940 г. и неоднократно менявшая название, как и сама партия: сперва называлась «За Россию» (в 1932–1935), потом «За новую Россию» (1935–1937), «За Родину» (1937–1940) и, наконец, в 1940 г. с № 98 (1) опять выходила под названием «За Россию», но уже в Белграде. Соответственно, менялись и редакторы: Ф.А. Мельников в 1932–1933 гг., Н.И. Плавинский в 1933–1935 гг., Д.М. Завжалов в 1936–1939 гг., А. Степанов в 1940 г., последние номера редактировал А. Казанцев.

¹⁴³ *Зекрач А.* Наша романтика и наше сегодня // За Родину. 1939. 1 июня. № 82. С. 3.

¹⁴⁴ *Бабкин Н.* Социальный пафос // За новую Россию. 1935. Ноябрь. № 43 (8). С. 4.

Бабкин Николай Ефремович (1912–1973) — литератор, политический деятель. Родился в зажиточной кубанской семье. После эвакуации учился в гимназии в Белграде, в лицее в Ницце. Окончил экономический факультет в Лувене. С начала 1930-х до 1938 г. был членом НТСНП, вел идеологическую работу, печатался в газете «За Россию». Член белградского Союза писателей и журналистов, член «Книжного кружка» и молодежного объединения «Новый Арзамас». В 1944 г. был арестован и вывезен в Москву. Приговорен к 10 годам лагерей. После освобождения уехал в Париж. С 1957 г., став сотрудником «Радио Свобода», проживал в Мюнхене.

¹⁴⁵ *Невский.* Значение идеи // За Родину. 1935. Июнь. № 68 (10). С. 6

¹⁴⁶ *Вергун Кирилл Дмитриевич* (1907–1945) — инженер-строитель, политический деятель. С 1930 г. член Совета НСРМ, до 1935 г. председатель Чехословацкого отдела НСНП. В 1936 г. переехал в Югославию. Был избран членом Исполнительного бюро Союза. Осенью 1941 г. переехал в Берлин. Летом 1944 г. арестован гестапо, находился в заключении в концлагере Заксенхаузен, затем в одиночной камере тюрьмы на Александрплац, в апреле 1945 г. освобожден. Погиб при бомбежке.

¹⁴⁷ *Вергун К.* На переломе эпох // За Россию. 1940. 18 июля. № 12 (103). С. 1.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Как бороться // За Россию. Специальный лист для России. 1934. Авторы статей в издании не указаны.

¹⁵⁰ *Мосли Освальд Эрнальд* (Mosley; 1896–1980) — британский политический деятель, основатель (1932) и бессменный лидер Британского фашистского союза. Весной 1940 интернирован как явный пособник Германии.

¹⁵¹ *Георгиевский М.* Эмиграция и революция // За новую Россию. 1936. Ноябрь. № 54. С. 1.

¹⁵² Варшавский неверно указывает фамилию автора статьи. *Заборовский Д.* Новая Германия. Современный солидаризм // За Родину. 1937. № 62 (4). С. 5.

¹⁵³ *Бабкин Н.* Фашизм и освобождение России // За Россию. 1934. Июнь. № 28. С. 3.

¹⁵⁴ *Георгиевский Михаил Александрович* (1888–1950) — политический деятель. С конца 1919 г. в эмиграции. Преподавал в Белградском университете (1920–1929) и в 1-й русско-сербской гимназии в Белграде (1920–1939). На II съезде НСРМ, переименованном тогда же в НСНП (Белград, 25–28 декабря 1931 г.), был избран генеральным секретарем Исполнительного бюро Совета Союза. При создании НСНП поставил задачу вести против советской власти идеологическую борьбу, отличную от деятельности промонархического РОВСа, за создание другого государства на иной социальной основе (Протокол допроса М.А. Георгиевского от 1 ноября 1944 г. // Кентавр. 1994. № 4. С. 116–122). Союз был переименован в Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП) во многом благодаря его программной статье «Наше Национально-трудовое движение» (За Россию. 1935. Июль. № 39 (4) С. 1). С 1941 г. отходит от политической деятельности. В октябре 1944 г. при приближении Красной армии пытался уйти в Венгрию, в Батайнице был схвачен партизанами Тито, передан Смершу и вывезен в СССР. На закрытом заседании в Москве 25 июля 1950 г. был приговорен к смертной казни, 12 сентября 1950 г. расстрелян (см.: *Трушно-*

вич Я. «Кентавр» о расстрелянном руководителе НТС // Посев. 1995. № 5. С. 103). В статье «Светлой памяти М.А. Георгиевского» Борис Прянишников писал: «По довольно справедливому мнению моего друга по "Радио-Свободе" В.С. Варшавского, написавшего книгу "Незамеченное поколение", наше поколение и впрямь не было замечено старшим поколением. Мало кто из них обратил внимание на искания тогдашней молодежи. Раньше всех заметили не отцы и потенциальные друзья, но политики левого лагеря, проворонившие хилую российскую демократию и отдавшие ее в руки Ленина. Заметили и сразу же заняли враждебную новому поколению позицию. В среде старшего поколения понял и по-настоящему оценил стремления молодежи лишь один человек — профессор Михаил Александрович Георгиевский. По духу новопоколенец, он вступил в Союз, сделав в него огромный вклад своими большими знаниями, опытом и острым творческим умом» (Кадетская переписка. Нью-Йорк. 1988. № 44. С. 89).

¹⁵⁵ *Георгиевский М.А.* Единая Трудовая Организация Нации // За Родину. 1938. Дек. № 73 (15). С. 1, 3.

Глава Российского фашистского союза К.В. Родзаевский (1907–1946) в «Приветствии от IV Съезда РФС» по поводу этой статьи писал: «На нашем Съезде <...> было еще раз закреплено единство идеологии, программы и тактики наших организаций, и Съезд единогласно вынес постановление о дальнейшем углублении этого единства. С большим интересом делегаты узнакомились со статьей проф. Георгиевского в № 73 "За Родину" — "Единая Трудовая Организация Нации", отмечая полное совпадение этой статьи с принятыми Съездом дополнительными программами РФС о своеобразной форме будущего корпоративного строя России» (Там же. 1939. Март. № 76 (18). С. 7).

¹⁵⁶ *Невский.* Значение идеи // Там же. 1938. Июнь. № 68 (10). С. 4.

¹⁵⁷ Завершающие строки статьи М.А. Георгиевского «Затишье перед грозой» (Там же. 1939. 15 марта. № 77 (19). С. 5).

¹⁵⁸ *Георгиевский М.* Чем победим // Там же. 1 окт. № 90. С. 2.

¹⁵⁹ *Байдалаков В.* Наша оценка событий // Там же. С. 1.

¹⁶⁰ Русская фашистская партия (РФП), ядро которой составили члены Российской фашистской организации (РФО), создана 26 мая 1931 г. в Харбине на I съезде русских фашистов. IV съезд (последний) прошел 21–23 января 1939 г. (Харбин). В середине 1930-х гг. РФП стала одной из самых влиятельных организаций в Маньчжоу-го, к 1937 г. насчитывала 50 тыс. чел., 48 представительств, отделов и очагов в 18 странах. Девиз — «Бог, Нация, Труд». Глава (генеральный секретарь) — Константин Владимирович Родзаевский — впоследствии был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Печатные органы: газета «Наш путь» (1933–1938, 1941–1943), общественно-политический журнал «Нация» (Шанхай, Харбин; 1932–1938), газета «Нация» (Харбин, 1938–1943) и др. В конце 1933 г. в Иокогаме русская фашистская партия и Всероссийская фашистская организация образовали Всероссийскую фашистскую партию, однако в июне 1935 г. союз распался. В январе 1938 г. ВФП была переименована в Российский фашистский союз (РФС). В 1943 г. запрещена японскими властями. О Русской фашистской партии см.: Звезда и свастика: Большевизм и русский фашизм (*Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма; *Тараданов Г., Кибардин В.* Азбука фашизма / Под ред. и с доп. К. Родзаевского) / Общ. ред., сост. и послесл. С. Кулешова. М.: ТЕРРА, 1994; *Онегина С.В.* Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 150–160; *Огороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция (1920–1945). М.: Русаки, 2002; *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: СПб. ун-т культуры и искусств, 2008. С. 253–280 и др.

¹⁶¹ Байдалаков Виктор Михайлович (1900–1967) — политический деятель. Хорунжий Донского казачьего войска. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище. Участник Белого движения. После эвакуации из Крыма поселился в Королевстве СХС. Окончил химическое отделение Белградского университета. Основатель и бессменный председатель (1931–1955) НСНП, впоследствии — НТС. Во Вторую мировую войну работал над созданием подпольного российского национального движения среди советских воен-

нопленных и на оккупированной территории СССР. Летом 1944 г. был арестован гестапо и с другими сотрудниками направлен в концлагерь. Освобожден по настоянию ген Власова. В 1955 г. после раскола НТС ушел с поста председателя и основал Российский национально-трудовой союз, переименованный впоследствии в Российский демократический союз за веру и свободу. Последние годы жил в Вашингтоне. Издавал журнал «Вольная мысль». См.: *Байдалаков В.М. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена...*

¹⁶² На это событие младороссы отреагировали статьей «Срамники»: «С 21 по 25 января в Харбине имело место событие, прошедшее незамеченным у нас в Европе, но получившее в Манчжоу-Ти-Го широкую огласку Дело идет о 4-м съезде Всероссийской фашистской партии, теперь переименованной в Российский фашистский союз Излишне напоминать об "идейных основах" этой организации. Достаточно привести из ее органа печати "Нация", 1 февраля 1939 г. список "почетных гостей" на открытии съезда. Налицо были: "представители всех ниппонских и манчжурских учреждений, в том числе ниппонской военной миссии, ниппонского консульства, ниппонского жандармского управления, государственной организации Се-Хе-Хой, городского управления Харбина, департамента полиции, управления железных дорог, ниппонской и манчжурской прессы". Дополним эту живописную картину перечнем почетного президиума: "Архиепископ Мелетий, Мицуру Тояма, капитан Онозаки, Юлиус Штрейхер, маркиз Паулучи, Рафаэль Дуйос, Карлос Рибера, атаман Семенов, ген В. Кислицын, герцог Лейхтенбергский, архиепископ Нестор, епископ Димитрий, епископ Серафим Потсдамский, Борис Коверда, кап. Ларионов, ген. Туркул, проф. Байдалаков, полк. Скалон и мн. др. <...>. мы были неприятно удивлены, найдя в пестрой интернациональной компании президиума имя председателя НТСНП Байдалакова. До сих пор мы думали, что эта организация, хоть и не очень твердо, но все же стоит на оборонческой позиции <...> Так почему же "Генеральный представитель НТСНП в Маньчжурской Империи" К. Алексеев счел нужным посылать приветствие от имени своей организации господам "фашистам" и "с жаром говорить" на открытии их съезда? <...> Отказать "фашистам" в решительности нельзя. "Имперская Россия" напечатала нечто, оказавшееся им не по вкусу. Съезд ознакомился с "провокационной стряпней" и, недолго думая, "постановил объявить организацию Имперский Союз органом НКВД"» (*Г. В-В. Срамники // Бодрость! 1939. 5 марта. № 216. С. 4*)

¹⁶³ Алексеев Константин Алексеевич (1912–1995) — представитель НТСНП в «Маньчжурской империи», особо уполномоченный НТСНП при РФС. Родился в Харбине. Получил русское среднее образование. В 1929 г. стал участником скаутского движения. С 1933 г. член НСНП (ныне НТС). В 1935 г. был назначен Генеральным представителем НСНП на Дальнем Востоке (Маньчжурия, Тяньцзин и Шанхай), занимался также распространением газеты «За Россию» и других изданий Союза, присылавшихся из Белграда. В 1945 г. был арестован большевиками и осужден по статье 58, пункт 2 (подготовка вооруженного восстания) на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Отбывал срок в колымском концлагере. В 1954 г. выпущен на спецпоселение в поселке Усть-Омчуг. Работал вольнонаемным, вышел на пенсию в 1970 г. и переехал в 1977 г. в Тирасполь. Похоронен на тираспольском Западном кладбище. См. о нем: *Полчанинов Р.В. Константин Алексеевич Алексеев (1912–1995). К 15-летию со дня смерти // Страницы истории разведчества-скаутизма. 2010. Дек. № 146.*

¹⁶⁴ «Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена!» — девиз НТС, заключительная фраза песни «Молодежная», автор слов Павел Николаевич Зеленский (1904–1978). См.: *Полчанинов Р.В. «Посев» и подпольные издания НТС в 1945–1951 гг. // За свободную Россию: Сообщения местной организации НТС на Востоке США. 2005. Сент. № 65.*

¹⁶⁵ Варшавский цитирует с незначительными разночтениями приветственное письмо председателя IV Съезда, главы РФС К.В. Родзаевского и секретаря К.В. Арсеньева, опубликованное в разделе «От Исполнительного бюро Совета Национально-трудового союза нового поколения» (За Родину. 1939. Март. № 76 (18). С. 1). В письме слова «Национальная Революция», «Национальное Созидание», «Российский Корпоративный Строй» даны с прописной буквы. В том же номере газеты было опубликовано «Приветствие от IV Съезда РФС» от имени К.В. Родзаевского и К.В. Арсеньева (С. 7).

¹⁶⁶ Георгиевский М. Задачи, работа, борьба и цели Союза // За Россию. 1940. 15 марта. № 4 (101). С. 4.

¹⁶⁷ Б. Ч. К Национально-Трудовому Солидаризму // Там же. 16 окт. № 17 (114). С. 4.

Скорее всего, за инициалами Б. Ч. стоит член Союза из Словакии Борис Владимирович Чеботарев.

¹⁶⁸ Цицерошин Н «Орден чести» // За Родину. 1938. Дек. № 73 (15). С. 6. В статье: «...что же это такое, как не все те же великие, вековые идеи европейского гуманизма».

Цицерошин Николай Николаевич (1907–?) — член НТСНП из Болгарии. Родился в Риге, работал врачом. По неустановленным данным, в конце войны был арестован органами НКВД или Смерша, осужден, отбывал срок в советских лагерях на севере СССР. После освобождения остался жить в СССР. Связи с Союзом больше не поддерживал.

¹⁶⁹ М. Г [М.А. Георгиевский]. Критика и библиография Проф. И.А Ильин. [Отзыв на кн. И.А Ильина «Творческая идея нашего будущего» (1937) и «Основы борьбы за национальную Россию» (1938)] // За Родину. 1938. Ноябрь. № 72 (14). С. 3.

¹⁷⁰ Байдалаков В. Приказ себе // Там же. Окт. № 71 (13). С. 1.

¹⁷¹ Сведений найти не удалось.

¹⁷² Георгиевский М. На далеком пути Могильщики капитализма // За Россию. 1940. Июль. № 13 (110). С. 2

¹⁷³ Байдалаков В Новый человек // Там же 1940 Дек. № 20 (117). С. 2.

¹⁷⁴ Из цикла статей М.А. Георгиевского «На далеком пути» (Там же. 18 сент. № 15 (112). С. 2).

¹⁷⁵ Георгиевский М. На далеком пути. Личный эгоизм и общественная солидарность // Там же. Февр. № 2 (99). С. 3.

¹⁷⁶ Скорее всего, имеется в виду статья Геббельса «Страна Бога» (*Goebbels J. Aus Gottes eigenem Land // Das eherne Herz. München: Zentralverlag der NSDAP, 1943. P. 421–427*).

¹⁷⁷ См.: Алексеев Н.Н. Теория государства. Париж: Изд. евразийцев, 1931 (особенно: глава III «Народ», § 2 «Народ как органическое единство». С. 43–53).

¹⁷⁸ Источник цитаты установить не удалось.

¹⁷⁹ Зекрач А К вопросам оформления нашего мировоззрения // За Родину 1939 1 дек. № 94. С. 3.

¹⁸⁰ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. С. 144.

¹⁸¹ Б. Ч. К Национально-Трудовому Солидаризму.

¹⁸² Возможно, речь идет о собрании «Революция и младороссы», которое состоялось 11 марта 1938 г. в зале «Ош» (15, авеню Ош).

¹⁸³ Источник цитаты установить не удалось.

¹⁸⁴ Источник цитаты установить не удалось.

¹⁸⁵ Байдалаков В Борьба за Россию // За Россию. 1940. 1 янв. № 1 (98). С. 1.

¹⁸⁶ Георгиевский М. Смысл происходящего // За Родину. 1939. 15 дек. № 95. С. 3.

¹⁸⁷ От исполнительного бюро совета НТСНП // За Россию. 1940 15 мая № 8 (105). С. 1.

¹⁸⁸ Варшавский допускает неточность. Цитируемое им издание в 1936 г. носило название «За новую Россию». См.: Толубаев М. Союз растет // За новую Россию. 1936. Окт. № 53. С. 1. Второй из цитируемых Варшавским материалов в сохранившихся комплексах газеты не выявлен.

¹⁸⁹ Петрович Р. (наст. имя и фам. Ростислав Петрович Рончевский; 1899–1966) — штабс-капитан (1919), участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Болгарии, с 1925 г. во Франции, общественный деятель, публицист

¹⁹⁰ Варшавский цитирует, не всегда оговаривая небольшие купюры: От Двуглавого Орла к красному знамени (Открытое собрание Парижского отделения НСНП 18 июня 1935 г.) // За новую Россию. 1935. Авг № 40 (5) С. 4.

¹⁹¹ Завжалов Д. № 100 // За Россию. 1940. 1 марта. № 3 (100). С. 4.

¹⁹² Неймирок А. Лжеучители в эмиграции // За новую Россию. 1935. Июль. № 39 (4). С. 3.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Вергун К. Порочный круг // За Родину. 1938. Дек. № 73 (15). С. 1.

¹⁹⁵ Российский имперский союз создан в октябре 1929 г. в Париже полк. Николаем Николаевичем Рузским (1897–1962) и русскими офицерами-монархистами. Лозунг: «Мы русские, с нами Бог!» Главный печатный орган в Париже — газета «Имперский клич» (1932–1936) под редакцией В.А. Мишанецкого, а затем Н.А. Кикина, выпускались также другие периодические издания. В 1935 г. Н.К. Глобачев организовал отдел Союза в США. В первой половине 1930-х гг. Союз выступал единым фронтом с НСНП и РОВСом, а в 1937 г. совместно с Русским национальным союзом участников войны (РНСУВ) и НТСНП образовал Национальный центр в Париже. После решения Верховного совета РИС в 1939 г. выразить полную поддержку российскому императорскому дому (великому князю Владимиру Кирилловичу) в Союзе произошел раскол. После прихода немцев в Париж руководство было перенесено в Брюссель, а затем в США. С 1940 г. руководителем Союза стал Н.К. Глобачев, он добавил в название Союза слово «Орден». В 1959–1964 гг. начальником РИС-О был Н.Н. Воейков, в 1964–1982 гг. Н.И. Сахновский, с 1982 г. К.К. Веймарн. В 2003 г. генеральным представителем РИС-О в России был назначен И.В. Артемов.

¹⁹⁶ Скорее всего, Варшавский цитирует по газете «За Родину», где в разделе «Курьезы» приводятся выдержки из «манифеста Имперского Союза, возвещенного под общим заглавием "За Русскую Россию"» (см.: Прорвало... // За Родину. 1938. Май. № 67 (9). С. 3).

¹⁹⁷ Георгиевский М. Задачи, работа, борьба и цели Союза // За Россию. 1940. 15 марта. № 4 (101). С. 4.

¹⁹⁸ Элита-Вильчковский К. Время революционеров. 6. Наше бессилие и наша сила // Бодрость! 1938. 21 авг. № 189. С. 2–3.

¹⁹⁹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Ч. I. V. Старцы.

²⁰⁰ «Исторические письма» — наиболее известная работа идеолога народничества Петра Лавровича Лаврова (1823–1900) — сначала печатались под псевдонимом Миртов в журнале «Неделя» (1868–1869); вскоре вышло отдельное издание (СПб., 1870), много позже полное издание (СПб., 1905).

²⁰¹ Варшавский имеет в виду статью Г.П. Федотова «Любовь и социология» (Православное дело. Сб. 1. Париж, 1939. С. 62–83).

²⁰² Зеньковский В.В., прот. История русской философии: В 2 т. Париж: YMCA-Press, [1948–1950].

²⁰³ «В русской литературе XVI века настойчиво проводится мысль о свободе, дарованной Богом своим людям. <...> Близкие мысли находим мы и у одного из первых русских "вольнодумцев", Матвея Башкина (XVI в.), который с чрезвычайной силой восстает против рабства (писано еще до закрепления крестьян). Башкин всецело ссылается на заветы Евангелия: "Христос всех братией называет, а у нас кабалы" (т.е. держим рабов)» (Зеньковский В.В., прот. История русской философии. Т. 1 С. 52).

²⁰⁴ Там же. С. 164–165.

²⁰⁵ Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — государственный деятель. С 1808 г. ближайший советник Александра I, автор плана либеральных преобразований, инициатор создания Государственного совета (1810). В 1819–1921 гг. генерал-губернатор Сибири. С 1826 г. при Николае I фактический глава Второго отделения, где руководил работами по кодификации Основных государственных законов Российской империи (1832), а также подготовкой «Полного собрания законов» и «Свода законов».

²⁰⁶ Цейер Франц Иванович (1780–1835?) — действительный статский советник (1820), близкий друг и помощник М.М. Сперанского

²⁰⁷ Зеньковский В.В., прот. История русской философии. Т. 1 С. 123.

²⁰⁸ Варшавский неточно цитирует первое из «Философических писем». У Чаадаева: «В мире христианском все должно непременно способствовать установлению совершенного строя на земле, да и ведет к этому на самом деле. В противном случае дела опровергли бы слова Спасителя. Он бы не был среди своей церкви до скончания веков. Новый строй — царство Божье, который должен наступить благодаря

искуплению, — не отличался бы от старого строя, — от царства зла, — который должен быть искуплением искоренен...» (Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. М.: Наука, 1991. Т. 1. С. 323).

²⁰⁹ Бунаков И. Пути освобождения: (Доклад) // Новый Град. 1931. № 1. С. 47–48.

²¹⁰ М.Г. [М. Георгиевский]. Критика и библиография. Проф. И.А. Ильин. [Отзыв на книги И.А. Ильина «Творческая идея нашего будущего» (1937) и «Основы борьбы за национальную Россию» (1938)].

²¹¹ Байдалаков В. В чем подвиг? // За Россию. 1933. Окт. № 20. С. 1.

²¹² Соколов И. Нужна боевая организация // Там же. Авг. № 18. С. 3.

²¹³ Варшавский допускает неточность. В 1934 г. Союз носил название НСНП. Материалы III съезда НСНП были опубликованы в газете «За Россию» (1934. Май. № 27).

²¹⁴ Георгиевский М. Итоги Съезда // За Россию. 1934. Май. № 27. С. 1.

²¹⁵ Лозунг партии эсеров. Автором фразы обычно считают Иоганна Готлиба Фихте (см., например: Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953), иногда называют также немецкого юриста Рудольфа фон Йеринга (1812–1890).

²¹⁶ От Исполнительного бюро Союза. К новому поколению России // За Россию. 1933. Июнь. № 16. С. 1. В тексте: «Семь студентов когда-то присудили смерть царю Александру II, и они убили его».

²¹⁷ Варшавский не вполне точно приводит первый параграф. «Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией». Текст написан Сергеем Геннадьевичем Нечаевым (1847–1882) под влиянием трудов Бакунина и Ткачева и напечатан летом 1869 г. в типографии Чернецкого (Женева) в нескольких экземплярах (для распространения не предназначался). Затем под названием «Катехизис революционера» был напечатан в приложении к стенографическому отчету о процессе нечаевцев (Правительственный вестник. 1871. № 162). Полностью текст опубликовали К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих» (1873).

²¹⁸ За Россию. 1936. № 44. Страничка агитатора-инструктора № 4 (приложение к газете «За Россию», имело свою нумерацию). Сперва Варшавский цитирует статью «Будь готов!» (С. 1), потом с небольшими сокращениями «Кто правит Россией?» (С. 4).

²¹⁹ Зекрач А. Наша романтика и наше сегодня // За Родину. 1939. 1 июня. № 82. С. 3.

²²⁰ «6 декабря в 20 часов (по средневропейскому времени) радиостанция Москва-Коминтерн (волна 1752–1762) передала следующее сообщение: «Захвачено в Москве 8 диверсантов Национально-трудового союза нового поколения. У них найдены программы и летучки Союза». Исполнительное Бюро оповещает Группы Союза, что захваченная в Москве группа членов Союза создалась под влиянием нашей пропаганды на родной земле самостоятельно из подсоветской молодежи и никакой организационной связи с зарубежными Отделами Союза не имела. Их героизм и муки спаяют еще крепче каждого из нас с нашими подсоветскими братьями, с восстающей Россией» (От Исполнительного бюро Совета Национально-трудового союза нового поколения. Группам Союза // За Родину. 1939. Янв. № 16 (74). С. 1).

Видный представитель НТС Аркадий Петрович Столыпин писал об этом событии: «6 декабря 1938 года (в самую пору возвращения из России Околовича и Колкова) раздается сообщение радиостанции Москва-Коминтерн. Диктор заявляет: «В Москве захвачено восемь диверсантов Национально-трудового союза нового поколения. У них найдены программа и летучки Союза». <...> Имена их останутся неизвестными. Имевшаяся у них литература — достояние Лубянки (кстати, никакой Программы НТС в те времена еще не существует; в своем сообщении московское радио переусердствовало). Известие о гибели восьми больно ударяет, разумеется, по организации» (Столыпин А.П. На службе России: Очерки по истории НТС. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1986. С. 42).

²²¹ Перфильев Георгий Павлович (1908–?) — общественно-политический деятель. Уроженец Читы. В 1919 г. поступил в Хабаровский гр. Муравьева-Амурского кадетский корпус. В 1920 г. вместе с кадетс-

ким корпусом эвакуировался в Дальний Восток. В 1922 г. эмигрировал в Китай. С 1924 г. обосновался в Королевстве СХС. В 1930 г. становится активным членом НСРМ (НТС). С 1934 г. председатель Всеюгославянского отдела НСНП. Арестован в ноябре 1944 г. в Белграде сотрудниками опергруппы Главного управления контрразведки «Смерш». За участие в антисоветской террористической организации 8 сентября 1945 г. приговорен Особым совещанием при НКВД СССР к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован. В книге «Новопоколенцы» Борис Прянишников пишет: «В июне 1934 года председателем Отдела Союза в Югославии был назначен Георгий Павлович Перфильев, забайкальский казак, окончивший кадетский корпус в Югославии. В связи с назревшей потребностью перехода "За Россию" на двухнедельное издание, Исполнительное бюро сообщило группам Союза о том, что все статьи и материалы для газеты следовало направлять секретарю редакционной комиссии. Этим секретарем был тогда Перфильев. Кроме того, в соответствии с уставом Союза, был Перфильев и членом Совета НТСНП. <...> А вскоре... Исполнительное бюро узнало о том, что "Гошка" (как звали Перфильева еще в кадетском корпусе) оказался осведомителем чекистов. <...> Его без шума исключили из Союза. <...> Когда осенью 1944 года войска маршала Толбухина выбили немцев из Белграда, "Гошка" помогал чекистам и титовцам вылавливать русских "контрреволюционеров". В числе многих Перфильев был вывезен в Советский Союз» (Прянишников Б. Новопоколенцы. С. 58).

²²² Перфильев Г. Светлой памяти друга // За Родину. 1937. Июль. № 61 (3). С. 3.

²²³ Георгиевский М. Активизм и провокация // За Россию. 1933. Нояб. № 21. С. 1. Первые строки статьи.

²²⁴ Публикаций на эти темы великое множество, перечисление даже самых главных заняло бы слишком много места. Назовем лишь некоторые: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж: УМСА-Press, 1980; Гладков Т. Награда за верность — казнь. М.: Центрполиграф, 2000; Флейшман Л. В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М.: Новое литературное обозрение, 2003; Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / Сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова; Комментар. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. М.: Русский путь, 2010 и др.

²²⁵ Нольде Леонид Николаевич, барон (1899–1962) — участник Белого движения, литератор, художник. Родился в семье кадрового офицера, с 1919 г. в эмиграции в Латвии, в 1920-е учился в Рижской и Берлинской академиях художеств. В 1920-е был активным членом латвийского отдела РОВСа. Автор романа «Не ржавели слова» (1930). Из членов военно-политической организации Братство Русской Правды (БРП) создал группу НСНП в Латвии. После войны обосновался в Сан-Паулу в Бразилии, где печатался под псевдонимом Авдей Староверцев. По мнению ряда исследователей, «латвийский филиал» БРП был организован, скорее всего, при поддержке ГПУ. См.: Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford: [Berkeley Slavic Specialties], 1997. Кн. 1. С. 129–131; Кн. 3. С. 65–67, Будницкий О. Братство Русской Правды — последний литературный проект С.А. Соколова-Кречетова // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 114–143. Член НТС Ростислав Полчанинов, опираясь на материалы НТС, пишет: «В 1932 г. шесть человек по собственному почину попытались проникнуть в СССР через Латвию, воспользовавшись каналами БРП. Вся группа погибла». И резюмирует: «Судя по всему, они обратились за помощью к барону Л.Н. Нольде, о котором сказано в книге Варшавского "Незамеченное поколение"...» (Полчанинов Р. Русские сокола. БРП и НТСНП в Режице // Новый журнал. 2002. № 227. С. 274).

²²⁶ Кольберг Александр Николаевич (псевд. Верный; ?–1942) — военный следователь, в эмиграции в Берлине, секретарь Верховного круга Братства Русской Правды (Брат № 14), хранитель архивов, с 1924 г. агент Коминтерна. Разоблачение Кольберга привело к разоблачению в 30-х гг. агента ОГПУ — НКВД в РОВСе и других эмигрантских организациях. «В сентябре 1932 г. вскрылось предательство одного из руководителей БРП А. Кольберга, осведомлявшего ОГПУ о деятельности Братства на направлении

Латвия — Белоруссия. С Кольбергом работал барон Л.Н. Нольде, создавший из нескольких "Братчиков" группу Союза в Латвии. По уставу 1931 г. выборный председатель каждого отдела становился членом Совета НСНП. Чтобы защититься от советской агентуры, группа Нольде была распущена и на III съезде НСНП 15–19 апреля 1934 г. выборное начало упразднено. Совет сам определял свой состав. За раскрытием предательства Кольберга последовало разоблачение чекистской агентуры во "Внутренней линии" — контрразведке РОВС. Печальный опыт заставил Союз отказаться от оперативных связей с любимыми эмигрантскими организациями и начать поиск собственных путей в Россию» (НТС: Мысль и дело: 1930–2000. М. : Посев, 2000. С. 15–16).

²²⁷ Варшавский с небольшими разночтениями и раскрывая сокращения приводит цитату из статьи: От Исполнительного бюро Совета Союза По поводу разоблачений бар. Л.Н. Нольде // За Россию. 1933. Ноябрь. № 21. С. 1. В тексте статьи: «Кому-то из нашей среды надо было доверять, иначе зачем же было пытаться втягивать нас в общую работу»

²²⁸ С небольшими разночтениями приводится цитата из статьи М.А. Георгиевского «Активизм и провокация» (С. 1, 3).

²²⁹ Варшавский, не оговаривая большие купюры, цитирует статью: *Заборовский И.* Горький опыт // За Родину 1937 Июнь. № 60 (2) С. 3–4.

²³⁰ Двинов (Гуревич) Борис Львович (1886–1968) — социал-демократ, меньшевик, член Московского совета рабочих депутатов, затем Бюро ЦК партии, затем ЗД (Заграничной делегации РСДРП), сотрудник «Социалистического вестника». В эмиграции с 1921 г., сначала в Берлине, затем в США. Автор книги «Власовское движение в свете документов (С приложением секретных документов)» (Нью-Йорк, 1950).

²³¹ *Двинов Б.* О провокации барона Л.Н. Нольде // Новое русское слово. 1952. 13 мая № 14626. С. 3 К этой статье примыкает также статья Двинова «О бар. Л.Н. Нольде» (Там же. 7 нояб. № 14804. С. 6).

²³² Деникина Ксения Васильевна (урожд. Чиж; 1892–1973) — вдова ген. А.И. Деникина. До революции училась в Институте благородных девиц в Варшаве, потом переехала в Петроград. В 1918 г. вышла замуж за А.И. Деникина. В 1920 г. Деникины эмигрировали в Бельгию, в 1922–1925 гг. жили в Венгрии, в 1926 г. переехали во Францию. В 1941 г. Деникина арестована немцами, но вскоре освобождена. Покинула с семьей Францию 21 ноября 1945 г. и после краткого пребывания в Англии уехала в Америку. Работала в Славянском отделе Колумбийского университета (Нью-Йорк). Писала о Белом движении. Последние годы жизни провела во Франции.

²³³ *Деникина К.* О «Братстве Русской Правды» // Новое русское слово. 1952. 21 мая. № 14634. С. 3–4

²³⁴ Опровержение Постоянного совещания русских православно-национальных деятелей в г. Сан-Паулу было опубликовано в разделе «Письма в редакцию» О бароне Нольде // Новое русское слово. 1953. 9 февр. № 14898. С. 4.

²³⁵ «Пользуясь языком старых философов, я скажу, что в демократии есть "субстанция" и "акциденция". Демократия — это, с одной стороны, свобода во всех ее видах: свобода совести, свобода мысли, свобода слова, уважение к правам человека. С другой стороны, это народное волеизъявление, — скажем упрощенно: всеобщее избирательное право. Это два кита, на которых демократия стоит издавна. В течение очень долгого времени считалось, что они неразрывно между собой связаны: где нет одного, там нет и другого. ...Признавалось существование "предустановленной гармонии": где есть выборное начало, разумеется правильно и честно осуществляемое, там есть и свобода. <...> Теперь этот вид "предустановленной гармонии" оказался совершенно несостоятельным: киты не были родными братьями, один даже не без успеха пытался съесть другого» (*Алданов М.* Ульямская ночь: Философия случая. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 308–309).

²³⁶ Программа Национально-трудового союза (российских солидаристов) [Б.м.: Б.и.], 1951. С. 31. Варшавский цитирует главу 14 («Законодательная, исполнительная и судебная власть»).

²³⁷ Там же. С. 12. Цитируемый Варшавским подраздел «Социальные идеи» из Введения в Программу НТС содержал характеристики либерализма, социализма, коммунизма, фашизма и солидаризма.

²³⁸ В 1950-е гг. в НТС произошел ряд расколов, вследствие чего образовались несколько новых организаций. В 1949–1950 гг. отколовшаяся группа членов французского отдела НТС образовала Демократический союз российских солидаристов; в 1954 г. 23 члена нью-йоркского отделения подали коллективное заявление о выходе из Союза и создали Инициативную группу по созданию организации свободных солидаристов; апофеозом стал раскол 1955 г., приведший к выходу из организации многолетнего председателя Исполнительного бюро Совета НТС В.М. Байдалакова, в 1956 г. на IV съезде НТС большая группа членов Союза под председательством Байдалакова создала в Мюнхене Российский национально-трудовой союз, который, в свою очередь, постепенно «эволюционировал» в Российский демократический союз за веру и свободу. Осложнение внутренней жизни НТС многие члены Союза восприняли прежде всего как столкновение интересов двух поколений — представителей «первой» и «второй» волн эмиграции. Раскол в рядах Союза в 1950-е гг. его видный представитель «новопоколенец» Б. Прянишников охарактеризовал как «духовный, идеологический, структурный и общий кризис НТС». Подробнее об этом см.: *Прянишников Б.* Новопоколенцы, *Столыпин А.П.* На службе России; *Байдалаков В.М.* Да возвестится Россия. Да гибнут наши имена...

²³⁹ Прянишников Борис Витальевич (1902–2002) — политический деятель. Происходил из потомственных дворян Области Войска Донского станицы Новочеркасской. 15-летним кадетом Донского кадетского корпуса принял участие в 1917 г. в боях с большевиками. Летом 1918 г. поступил добровольцем в Партизанский пеший казачий полк (впоследствии Алексеевский). В августе 1920 г. награжден Георгиевским крестом IV степени. В 1922 г. эвакуировался (Лемнос, потом Болгария), в мае 1925 г. переехал во Францию. В феврале 1933 г. вступил в НСНП, стал членом правления Лионской организации. В начале 1938 г. по заданию НТСНП переехал в Германию для создания подпольного издательства «Льдина», в 1939 г. — в Белград как помощник редактора «За Россию», в 1940 г. — в Бухарест для работы на «Льдине-2». В 1942 г. член берлинского подполья НТС. В 1944 г. вступил в Комитет освобождения народов России (КОНР). В августе 1945 г. в беженском лагере Менхегоф зарегистрировал еженедельник «Посев», до октября 1946 г. был его главным редактором (под псевдонимом Б. Серафимов). Впоследствии поселился в Регенсбурге, издавал газету «Эхо». В августе 1949 г. переехал в США. С 1949 по 1951 г. председатель нью-йоркского отделения НТС. В 1954 г. вместе с рядом членов нью-йоркского отделения НТС вышел из Союза и некоторое время печатал на ротаторе «Трибуну свободных солидаристов». Автор книг «Незримая паутина» (1979) и «Новопоколенцы» (1986). В середине 1990-х гг. передал свой архив в ГАРФ (Ф. 10032).

²⁴⁰ *Прянишников Б.* Ответ на недоуменные вопросы // Новое русское слово. 1955. 11 марта. № 15685. С. 2–3.

²⁴¹ Слепухин Юрий Григорьевич (1926–1998) — писатель. В 1942 г. был угнан на принудительные работы в Германию. В конце войны вступил в Германии в НТС. После войны вышел из организации, получил статус перемещенного лица, жил в Бельгии, затем в Аргентине, в 1957 г. добился получения советского паспорта и вернулся в СССР, жил в городе Всеволожск под Ленинградом. В 1958 г. дебютировал в советской литературной периодике повестью «Расскажи всем...». Более 30 лет руководил секцией прозы литературного объединения Ленинградского дома ученых. Автор тетралогии, куда вошли романы «Перекресток» (1962), «Тьма в полдень» (1968), «Сладостно и почетно» (публ. 1985) и «Ничего, кроме надежды» (журнальный вариант под названием «Час мужества» опубликован в 1991). О расколе НТС 1955 г. Слепухин писал, в частности, в романе «Ожный крест» (1981).

²⁴² 1955 г. прошел под знаком широкого обсуждения программы НТС, оно началось в «Посеве» (1955. 23 янв № 4 (455)) рубрикой «Начинаем обсуждение программы НТС» и далее продолжалось под рубриками «Обсуждаем программу НТС», «К обсуждению программы НТС». В № 7 «Посева» (13 февраля

1955 г.) была помещена «Резолюция Совета НТС о пересмотре Программы НТС», в которой говорилось: «В связи с назревшими потребностями в ходе развития дела Союза, Совет Союза считает своевременным провести пересмотр Программы НТС. Совет призывает весь кадр Союза принять активное участие в этой работе и тем самым сделать 1955 год годом творческого пересмотра этого основного документа Союза <...> Совет постановляет: Идеологической комиссии Совета организовать и провести дискуссию по программе НТС с таким расчетом, чтобы представить Совету в этом году отчетный материал о работе над Программой. К дискуссии привлечь не только членов Союза, но и широкие круги российского революционного движения» (С. 9). Вот лишь некоторые статьи этих рубрик «Посева»: *Арсеньев А.* Идея и общество (23 янв. № 4 (455). С. 11); *Караваев А.* Программа — душа революции (Там же. С. 11–12); *Григорович-Барский К.* Ценность личности — главное. Не следует ли остановиться на республике? (20 марта. № 12 (463). С. 11); *Кунгурцев В.* Ошибочные положения: По поводу статьи С. Кирсанова «На второй день после революции..» (Там же. С. 11–12); *Артемов А.* Поиски решений (27 марта. № 13 (464). С. 9); *Зальцберг Л.* Народное хозяйство — на новые рельсы (10 апр. № 15 (466). С. 9); *Артемов А.* Некоторые замечания по ходу дискуссии (15 мая. С. 11); *Б.К.* Утопия и действительность: (О проблеме партий и статье И.А. Ильина) (Там же); *Караваев А.* Экономика солидаризма (3 июля. № 27 (478). С. 9–10); Деятели эмиграции о программе НТС (31 июля. № 31 (482). С. 5); *Гинс Г.* Принципы и программа солидаризма (Там же. С. 4; [продолжение] 7 авг. № 32 (483). С. 11–12); *Веселовская Н.* От капитализма к солидаризму: Опасность отвлеченных построений (14 авг. № 33 (484). С. 5–6); *Бояринов Д.* Современный капитализм и справедливость (21 авг. № 34 (485). С. 11); *Славинский М.* Слово «Молодой России» (Там же); *Кунгурцев В.* О собственности (30 окт. № 44 (495). С. 11); *Он же.* Направляемое хозяйство (20 нояб. № 47 (498). С. 11; 27 нояб. № 48 (499). С. 11) и др.

²⁴³ Зайцев (Артемов) Александр Николаевич (1909–2002) — политический деятель. Родился в 1909 г. в Рязанской губернии в семье служащего. В 1930 г. исключен из ВЛКСМ за критику коллективизации. Проходил службу на Дальнем Востоке. После демобилизации окончил биологический факультет МГУ и поступил в аспирантуру АН СССР. Как лейтенант запаса участвовал в походе в Польшу в 1939 г. В августе 1941 г. в Эстонии, будучи старшим лейтенантом Красной армии, попал в немецкий плен. Содержался в различных лагерях военнопленных. Член НТС с 1942 г. В 1943 г. как старший преподаватель читал лекции по идеологическим вопросам на курсах фашистских пропагандистов РОА в Дабендорфе. Один из авторов «Пражского манифеста». После войны в лагере Менхегоф под Касселем избран в Совет НТС. В 1965–1967 гг. главный редактор журнала «Посев», в 1972–1984 гг. председатель НТС. Избирался членом Исполнительного бюро, его председателем, председателем Идеологической и Политической комиссий Совета НТС.

²⁴⁴ О духе «тоталитаризма», привнесенного новым поколением членов НТС, так писал представитель «отколовшейся» части НТС Борис Прянишников. «Превратившись в "партию нового типа", с тоталитарной структурой, НТС франкфуртского направления переименовал себя в "Народно-трудовой союз российских солидаристов". По существу, уже в начале 50-х годов он перестал быть политической организацией и превратился в один из многочисленных "подсобных" привесков к западным разведкам. Да и сами разведки не считали НТС политической организацией, для них члены НТС — агенты разведок, и только» (*Прянишников Б.* Новопоколенцы. С. 276).

²⁴⁵ Варшавский цитирует с сокращениями и небольшими разночтениями статью А.Н. Артемова «Поиски решений» (Посев. 1955. 27 марта. № 13 (464). С. 9). «Яд партийности» — название статьи И.А. Ильина (впервые: Русский колокол. 1928. № 3), помещенной в том же номере «Посева» на одной полосе со статьей Артемова.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Неймирок Александр Николаевич (псевд. А. Немиров; 1911–1973) — журналист, политический деятель. В 1920 г. эмигрировал с семьей в Королевство СХС. В 1930–1936 гг. учился в Белградском уни-

верситете на факультете сельского хозяйства и лесоводства. Принимал деятельное участие в идеологической работе НТСНП – НТС. В 1942 г. по заданию НТС работал на Украине. С 1943 г. жил в Берлине. В том же году арестован гестапо, находился в различных тюрьмах и лагерях, в том числе в лагере Дахау. В 1945–1949 гг. находился в лагере ди-пи в Менхегофе, участвовал в основании журналов «Посев» и «Грани». В 1962 г. перешел в русский отдел «Радио Свобода».

²⁴⁸ *Неймирок А.* НТС и еврейский вопрос. Ответ г-ну Яковлеву // *Посев*. 1955. 29 мая. № 33 (473). С. 12. Ответ на статью А. Яковлева «НТС и еврейский вопрос» (Там же. 22 мая. № 21 (472). С. 10).

²⁴⁹ Осипов Николай Иванович (наст. фам. Поляков; 1889–1963) — публицист, член НТС с 1944 г., власовец. Зимой 1944–1945 гг. читал лекции по истории и идеологии российского освободительного движения в лагере Санкт-Йоганн-им-Вальде. Был одним из составителей, подготовивших совместно с Р.Н. Редлихом работу «Очерки большевизмоведения» (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1956). Сотрудничал в газете «За Россию». В 1951 г. избран в Совет Союза. В 1954 г. из-за разногласий вышел из НТС. Автор книги «Клевета друзей» (Мюнхен: ЦОПЭ, 1958), посвященной творчеству Н.А. Бердяева. В 1954 г. в заявлении о выходе из НТС Осипов, подробно объясняя причины своего разрыва с Союзом, писал о «несомненном отходе руководства НТС от идейных основ солидаризма, что в условиях структуры Союза влечет за собой опасность перерождения Союза в организацию тоталитарного типа» (опубликовано в приложениях к книге Б. Прянишникова «Новопокolenцы». С. 280–281).

²⁵⁰ Виссарионов Александр Сергеевич (?–1984) — врач, член НТС. Перед войной проживал в г. Брно. Один из руководителей Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Словакии. Затем проживал в Праге. В конце войны вместе с женой и сыном переехал в Германию, проживал до 1951 г. во Франкфурте-на-Майне. Был там представителем издательства «Посев». У него на квартире собирались члены НТС, пока в 1950 г. не образовался союзный центр в Бад-Гомбурге. В начале 50-х А.С. Виссарионов получил разрешение на выезд в США, проживал в Нью-Йорке, был членом Нью-Йоркского отделения НТС. В 1954 г. во время раскола в Союзе ушел в оппозицию, поддержал сторонников В.М. Байдалакова. В 1955–1956 гг. состоял в редколлегии журнала «Трибуна свободных солидаристов» — издания Инициативной группы по созданию организации свободных солидаристов, возглавляемой Б.В. Прянишниковым.

²⁵¹ Хомяков Геннадий Андреевич (псевд. Геннадий Андреев; 1904–1984) — литератор, общественный деятель. В 1927–1935 гг. находился в заключении, в том числе на Соловках. В 1942 г. в Крыму попал в плен. Член НТС. После войны был редактором «Посева» и членом Совета НТС. Вышел из Союза в 1954 г., во время раскола. Автор запрещенного франкфуртским руководством НТС доклада «Выход из союзного кризиса» (изд.: Нью-Йорк, 1954). В 1962–1970 гг. редактировал литературный альманах «Мосты» (Мюнхен). В 1975–1976 гг. входил в редакционную коллегию «Нового журнала». В 1980–1981 гг. главный редактор журнала «Русское возрождение» (Париж, Москва, Нью-Йорк). Умер в США. В заявлении о выходе из НТС Хомяков писал Байдалакову: «...анализируя состояние Союза и его деятельности, как и положение в Совете, я прихожу к выводу, что под влиянием нынешнего правящего руководства Союз уже прошел процесс перерождения его в проникнутую духом нетерпимости организацию, в которой служение России и солидаризму подменено службой "генеральной линии" его руководства» (опубл. в приложениях к книге Б. Прянишникова «Новопокolenцы». С. 279).

²⁵² Одинец Михаил Дмитриевич (1913–2005) — инженер, лейтенант французской армии, политический деятель. Сын историка и общественного деятеля Д.М. Одинца. В эмиграции в Польше, затем во Франции. Скаут с 1925 г. в дружине Гренобля. В 1937 г. окончил Высшую школу авионавтики. Учился в школе офицеров в Сен-Мексан под Парижем. Лейтенант пехотного полка. С 1935 г. член НТС. В 1943–1944 гг. по поручению В.М. Байдалакова заведовал финансами НТС. Во время войны воевал, был тяжело ранен в ногу. По поручению НТС был агентом в Берлине. В 1944 г. арестован гестапо и заключен в концлагерь Заксенхаузен. Награжден Военным крестом и орденом Почетного легиона. После войны

работал инженером в авиации. В период раскола НТС в 1949–1950 гг. возглавил в Париже Демократический союз российских солидаристов. С 1954 по 1959 г. начальник Французского отдела Национальной организации русских скаутов (НОРС). В 1973 г. организовал выборы старшего русского скаута.

²⁵³ Масштабный труд П.Н. Милокова «Очерки по истории русской культуры», печатавшийся первоначально в виде статей в журнале «Мир Божий», был опубликован в трех частях (четыре книги) в 1896–1903 гг. и неоднократно переиздавался. В 1930 г. в Париже вышли первые тома дополненного юбилейного издания: *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Париж: Изд-во «Современные записки», 1930–1937.

²⁵⁴ *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. 1931. Т. 2. Ч. 1. С. 2–3.

²⁵⁵ *Weidlé W.W.* La Russie absente et présente. Paris: Gallimard, 1949.

²⁵⁶ *Кистяковский Б.А.* В защиту права: (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во В.М. Саблина, 1909. С. 126; факсимильное издание НТС: Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967.

²⁵⁷ *Струве П.Б.* Право и права // На разные темы (1893–1901 гг.): Сб. ст. СПб.: Тип. А.Е. Колпинского, 1902. С. 524.

²⁵⁸ Там же. В тексте статьи: «...с такой же ясностью, с такими же резкими, всеми мыслящими людьми до боли ощутимыми гранями, как некогда — идея освобождения крестьян».

²⁵⁹ Гаранин Евгений Иванович (наст. фам. Синицын; 1915–1973) — юрист, общественно-политический деятель. В СССР получил юридическое образование. Участник Второй мировой войны. В 1942 г. попал в плен. Участник власовского движения. Работал в лагере для перемещенных лиц Менхегоф под Касселем. Эмигрировал в Марокко. Организовал геодезическую фирму. В 1954 г. возвратился в Германию, где был избран в Совет НТС. Возглавлял службу пропаганды и информации НТС. Редактор журнала «Наши дни» (издавался в 1955–1966 гг.). Сотрудник журнала «Посев». Последние годы руководил русской редакцией «Радио Свобода» (Мюнхен).

²⁶⁰ Конгресс за права и свободу в России был проведен в 1957 г. в Гааге по инициативе НТС. В нем приняли участие около 80 представителей различных групп российской эмиграции из 16 стран. Подробнее об этом см.: Конгресс за права и свободу в России: Сборник материалов Конгресса, состоявшегося 25–27 апреля 1957 г. в Гааге. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1958.

²⁶¹ Доклад Е.И. Гаранина «Советское государство и право и народные требования» был прочитан во второй день работы конгресса на секции по вопросам государства и права. См.: Конгресс за права и свободу в России. С. 97–129. К публикации примыкают краткие выводы, прения по докладу и заключительное слово докладчика (С. 129–132).

²⁶² О работе Конгресса председатель Высшего суда чести и совести НТС Аркадий Столыпин писал: «В Гааге выработано 130 пунктов частичных требований. В них охвачены, в значительной мере, все виды социальной, экономической, культурной жизни современной России. Вскоре хрущевская власть с этим документом ознакомится и некоторые пункты примет к сведению. Давление, произведенное из Гааги, окажется не напрасным» (*Столыпин А.П.* На службе России. С. 202).

²⁶³ Варшавский с незначительными сокращениями и не оговаривая рубрику документа на тематические подзаголовки цитирует «Резолюцию Конгресса о народных требованиях данного этапа» (См.: Конгресс за права и свободу в России. С. 252–264).

²⁶⁴ Стратегические проблемы освободительной борьбы. [Б.м.: Б.и.], 1972. С. 87, 107. Сперва Варшавский цитирует главу «Роль Зарубежного центра НТС», потом «Резолюцию Совета НТС о власти, освободительном движении и НТС». Брошюра (датированная 31 января 1972 г.) была реакцией на XXIV съезд КПСС.

²⁶⁵ *Нарымов М.* Неспетая песня: Повесть // Грани. 1960. № 48. С. 5–113. Журнал «Грани» и ранее нередко печатал рукописи, присланные из России (№ 43, 47).

²⁶⁶ Список опубликованных «Посевом» книг см.: Свободное слово «Посева»: 1945–1995: Сборник статей и библиографический указатель / Сост. М. В. Горбаневский и др. М., 1995.

²⁶⁷ Выпущенная НТС брошюра «Реши по совести» (1958) выходила для русской эмиграции в обычном виде и для нелегального провоза в СССР в виде книжек-обманок, оформленных как советские издания, например: Ведущая роль передовых идей: Вводная лекция к циклу «Становление и развитие общественной мысли в России». М.: Правда, 1958; *Ланова В. Сережа*. Л.: Советский писатель, 1957. Варшавский цитирует вторую главу «Порочность капитализма» (подзаголовок «Что такое фашизм»). С. 32–33).

²⁶⁸ Клепинин Николай Андреевич (1899–1941) — участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции в Белграде, участник Русского студенческого христианского движения (РСХД). С 1926 г. во Франции, литературный редактор и секретарь по продажам в издательстве «YMCA-Press» в Париже, присоединяется к евразийскому движению. Вернулся в Россию в 1937 г., арестован в 1939 г., расстрелян 28 июля 1941 г.

²⁶⁹ *Клепинин Н.А.* Мысли о религиозном смысле национализма // Путь. 1927. № 6. С. 69

²⁷⁰ *Езерский Николай Федорович* (1870–1938) — журналист, общественно-политический деятель, лидер пензенской группы партии кадетов (с ноября 1905), депутат I Государственной думы (1906), соиздатель (с В.Н. Ладыженским) пензенской еженедельной газеты «Перестрой», участник Белого движения, с 1919 г. в эмиграции в Королевстве СХС, затем во Франции, принял сан священника, назначен настоятелем православного прихода в Гренобле, с 1932 г. в Будапеште, позднее переведен в Берлин.

²⁷¹ *Езерский Н.* Два принципа христианского возрождения // Вестник РСХД. 1927. № 2. С. 7.

²⁷² Подробнее см.: *Гуревич А.Л.* История деятельности Русского студенческого христианского движения: 1923–1939 гг. М.: Компания Спутник+, 2003. Библиографию о движении см. в книге: *Попов А.В.* Российское православное зарубежье: История и источники. С приложением систематической библиографии. М.: ИПВА, 2005.

²⁷³ V всеобщий съезд (конференция) РСХД в г. Клермон-ан-Аргон (Франция) прошел 12–18 сентября 1927 г. О работе съезда см.: *Зандер Л.А.* Клермонтский съезд // Путь. 1927. № 6. С. 91–94; *В.З.* [В.В. Зеньковский]. Перед Съездом // Вестник РСХД. 1927. № 9. С. 19; *Четвериков С.* После Съезда // Там же. № 11. С. 3–4; *Скобцова Е.Ю.* В дни годового Съезда РСХД // Там же. С. 12–17; № 12. С. 18–22; *Хроника жизни Движения* // Там же. № 11. С. 26–30. Варшавский имеет в виду «Основные положения Р.С.Х. Движения за рубежом. (Принятые V Общим съездом. Сентябрь, 1927 г.)» в публикации Н. Зернова (Там же. 1927. № 10. С. 26–28).

²⁷⁴ Варшавский неточно цитирует первый пункт (из четырнадцати) «Основных положений Р.С.Х. Движения за рубежом». В документе: «Оно стремится помочь своим членам выработать Христианское мировоззрение и ставит своею задачей подготавливать защитников Церкви и веры...» (С. 26).

²⁷⁵ *Зеньковский В., прот.* Русское студенческое христианское движение: История, деятельность, задачи // Вестник РСХД. 1949. № 7/8. С. 11. Полностью работа Зеньковского опубликована: Вестник РСХД. 1949. № 7/8. С. 3–19; № 9/10. С. 21–33.

²⁷⁶ V годовой съезд РСХД во Франции прошел в Клермоне 15–21 июля 1928 г., в истории РСХД известен как «Третий Клермон»

²⁷⁷ *Федотов Г.П.* Третий Клермон // Вестник РСХД. 1928. № 9. С. 26.

²⁷⁸ *Пьянов Федор Тимофеевич* (1889–1969) — один из руководителей РСХД сначала в Германии (1923–1927), а затем во Франции (1927–1935). В 1930-е гг. руководил студенческими лагерями РСХД. Секретарь РСХД во Франции (до 1935 г.). Один из инициаторов создания Кружка русской культуры в Париже (1933). К середине 30-х гг. стал помощником матери Марии и секретарем организации «Православное дело». 20 сентября 1941 г. был арестован и заключен в лагерь Компьен, из которого через некоторое время ему удалось выйти 8 февраля 1943 г. вновь арестован гестапо вместе с о. Димитрием Клепининым и находился в подземном лагере «Дора» (Бухенвальд). В 1945 г. освобожден из лагеря. Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

²⁷⁹ Пьянов Ф. Наша молодежь // Вестник РСХД. 1928. № 11. С. 20.

²⁸⁰ Троянов Игорь Иванович (1900–1976) — участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Белграде. Окончил богословский факультет Белградского университета. С 1924 г. чтец Свято-Троицкой церкви, участник съездов православной русской молодежи. С 1945 г. в Швейцарии, принял сан священника. Служил помощником настоятеля (с 1951 настоятелем) церквей в Лозанне и Веве.

²⁸¹ Татаринов Н. Мысли о Движении // Вестник РСХД. 1928. № 5. С. 22.

²⁸² Савченко И. В Клермоне // Там же. № 8/9. С. 48–49.

²⁸³ Е.К. Значение кружка в моей жизни: (К пятилетию существования Русского студенческого кружка в Праге) // Там же. 1926. № 12. С. 22–23.

²⁸⁴ Флоровский Г.В. О патриотизме праведном и греховном // На путях: Утверждение евразийцев. Кн. 2. С. 292–293. Неточная цитата, у Флоровского: «...творчество в духе и под сенью Церкви есть в наши дни праведное русское дело».

²⁸⁵ Зеньковский В., прот. Русское студенческое христианское движение: История, деятельность, задачи // Вестник РСХД. 1949. № 9/10. С. 29.

²⁸⁶ Скорее всего, Варшавский отсылает к статье Ф.А. Степуна «“Бесы” и большевистская революция». Впервые: Степун Ф.А. Встречи: Достоевский — Л. Толстой — Бунин — Зайцев — В. Иванов — Белый — Леонов Мюнхен: Т-во зарубежных писателей, 1962. С. 38–57.

²⁸⁷ Зеньковский В., прот. Русское студенческое христианское движение: История, деятельность, задачи // Вестник РСХД. 1949. № 9/10. С. 25.

²⁸⁸ Варшавский допускает неточность. Имеется в виду Марков Николай Евгеньевич (1866—1945) — политический и общественный деятель, один из лидеров крайне правых политических кругов, публицист. До революции один из основателей и лидеров Союза русского народа. Избирался от Курской губернии в III и IV Думы (1907 и 1912), где был ведущим оратором фракции правых, демонстрировал крайне экстремистские националистические взгляды. В 1918–1920 гг. участник Белого движения на северо-западе России, затем в эмиграции. С 1921 г. председатель Высшего монархического совета. В 1921–1931 гг. выпускал православно-монархический журнал «Двуглавый орел». Автор работ: «Войны темных сил» (Париж, 1928–1930), «Про дом свой» (1930), «Отреченные дни Февральской революции» (Харбин, [1938]) и др.

²⁸⁹ Марков Н.Е. Реформаторы Православия // Двуглавый орел. 1927. 15 (28) янв. № 3. С. 31, 33.

²⁹⁰ Братство преподобного Серафима Саровского было создано группой однокурсников М.Б. Максимовича (будущего архиепископа Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского) по богословскому факультету Белградского университета. Деятельность кружка эмигрантской молодежи, образовавшей ядро Братства, приходилась на 1922–1925 гг. В Братство также входили П.С. Лопухин (руководитель кружка), К.Э. Керн (будущий архимандрит Киприан), В.В. Зеньковский, князь Д.А. Шаховской (будущий архиепископ Иоанн Сан-Францисский), Л.Г. Барташевич (будущий епископ Леонтий Женевский), Л.Г. Иванов (будущий архиепископ Серафим Чикагский и Детройтский), некоторые ученики архиепископа Феофана Полтавского и ряд других известных церковных деятелей. См.: Лопухин П.С. Беседы с еп. Гавриилом. Монреаль, 1964.

О выходе Братства из Движения Н.М. Зернов писал: «Перед началом пятого общего съезда, проходившего в Клермоне (Аргон, Франция) 12–19 сентября 1927 г., секретари Студенческого движения получили письмо от Братства препод. Серафима в Белграде, объявлявшего о своем решении выйти из РСХД. С количественной точки зрения это не было большим ударом. ...Потеря 50 членов была не столь болезненной. Но раскол изнутри существенно изменил характер Движения» (Зернов Н.М. Русское религиозное возрождение XX века. Париж: YMCA-Press, 1991. С. 245–246). Переписка руководства РСХД с Братством препод. Серафима Саровского опубликована в приложении к «Вестнику РСХД» (1927. № 12). О выходе белградского Братства из РСХД см. также: Струве Н.А. РСХД как пророческое явление в Церкви // Вестник РХД. 2003. № 185 С. 331, Гуревич А.Л. История деятельности Русского студенческого христианского движения. С. 22.

²⁹¹ Статья Н.А. Бердяева «Церковная смута и свобода совести» (Путь. 1926. № 5. С. 42–54) была реакцией на Архиерейский собор в Сремских Карловцах (13–18 июня 1926 г.), приведший к формальному разрыву между митрополитом Евлогием и карловацким центром. Осознавая полемичность статьи, редакция журнала сопроводила публикацию комментарием: «Ответственность за эту статью, хотя и принадлежащую перу редактора, падает на ее автора и не распространяется на журнал "Путь" в его целом и на ближайший круг его сотрудников».

²⁹² Заявление Братства имени преподобного Серафима Саровского // Голос верноподданного 1927. 16 окт. № 21. С. 3.

Цитируемые Варшавским положения заявления были приняты Братством 1 августа 1927 г. В том же заявлении отмечалось: «В течение полугода Совещание и Секретариат не сочли возможным не только исключить г. Бердяева, но даже как-либо официально реагировать на его неслыханно грубое и резкое выступление против иерархов, фактически с призывом к расколу». В ответ на это требование Секретариат Движения в письме к Братству сообщал: «Секретариату остается только с глубоким горем констатировать невозможность нашей общей работы при настоящем положении» (Там же. С. 3), тем самым отказав Братству в приглашении на V всеобщий съезд РСХД в Клермоне в 1927 г.

Публикация полного текста заявления: Голос верноподданного. 1927. 2 окт. № 20. С. 2–4; 16 окт. № 21. С. 2–3.

²⁹³ Струве Константин Петрович (архимандрит Савва; 1900–1949) — участник Белого движения, эмигрировал во Францию, окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (первый выпуск). Основал Сергиевское братство в Париже, издавал «Сергиевские листки». После окончания института принял монашество с именем Савва и подвизался в монастыре Преп. Иова Почаевского в г. Ладомирово (Чехословакия). В 1944 г., когда ладомировское братство покинуло свою обитель, остался в Словакии. Принял на себя подвиг юродства. Погребен на кладбище в Ладомирово.

²⁹⁴ Струве К.П. Новая эпоха или церковная беда: (По поводу статьи Н.А. Бердяева) // Вестник РСХД. 1927. № 1. С. 20–21.

²⁹⁵ Неточная цитата со значительными купюрами. Ср.: Булгаков С., прот. Церковь, мир, движение: (Доклад о. Сергия Булгакова — в записи слушателей) // Там же. 1929. № 11. С. 5.

²⁹⁶ Езерский Н. Два принципа христианского возрождения // Там же. 1927. № 2. С. 7.

²⁹⁷ Варшавский имеет в виду статью В.В. Зеньковского «Очерки идеологии Русского студенческого христианского движения» (Там же. 1929. № 5. С. 20–24, № 6. С. 20–24). К ней примыкает статья Зеньковского «Очерки идеологии РСХД.» (Там же. № 8/9. С. 44–48), написанная уже после статьи Бердяева «К вопросу об идеологии РСХД.» (Там же. № 7. С. 9–13), о которой пишет ниже Варшавский.

²⁹⁸ Зеньковский В., прот. Очерки идеологии Русского студенческого христианского движения // Там же. № 5. С. 21. Неточная цитата, у Зеньковского. «...и несколько более "практичной" и реалистичной, чем это бывало раньше».

²⁹⁹ Там же. С. 24

³⁰⁰ Бердяев Н.А. К вопросу об идеологии РСХД. С. 12.

³⁰¹ Там же. С. 11.

³⁰² Франк С.Л. Крушение кумиров. Берлин: YMCA-Press; Американское изд-во, 1924.

В предисловии к изданию С.Л. Франк пишет: «Поводом к составлению этой книжки послужила речь, произнесенная на съезде русских студентов в Германии, созванном в Сарове под Берлином в мае 1923 г. Американским союзом христианской молодежи (American Y.M.C.A.). Эта речь, в значительной мере импровизованная, встретила отклик среди студенчества, присутствовавшего на съезде. При письменной переработке ее мне казалось необходимым значительно расширить и дополнить ее, сохранив, однако, основное ее идейное содержание» (С. 7).

³⁰³ Там же. С. 7.

³⁰⁴ Там же. С. 8.

³⁰⁵ Там же. С. 44–45. Варшавский приводит цитату, не оговаривая значительную купюру.

³⁰⁶ Там же. С. 47–48.

³⁰⁷ Здесь и выше Варшавский приводит цитаты из главы «Духовная пустота и встреча с живым Богом» (С. 82–83).

³⁰⁸ Варшавский приводит цитату из работы Вл. Соловьева «Оправдание добра» (1897, 1899), глава 8 «Безусловное начало нравственности» (*Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 256–257*).

³⁰⁹ Франк С.Л. Крушение кумиров. С. 85.

³¹⁰ См.: Розанов В.В. На панихиде по Вл.С. Соловьеве // Розанов В.В. Собр. соч. [Т. 5]: Около церковных стен. М.: Республика, 1995. С. 134. (Впервые: Новое время. 1901. 1 авг. № 9126.)

³¹¹ См.: Федотов Г.П. Об антихристовом добре // Путь. 1926. № 5. С. 55–66.

³¹² Там же. С. 64.

³¹³ Имеются в виду статьи П.Б. Струве «Интеллигенция и революция» (Вехи: Сборник статей о русской революции. М., 1909. С. 156–174) и С.Л. Франка «Этика нигилизма» (Там же. С. 175–210). Неточная цитата, в статье Струве: «Правда, в русской литературе с легкой руки, главным образом, Владимира Соловьева установилась своего рода легенда о религиозности русской интеллигенции. Это, в сущности, — применение к русской интеллигенции того же самого воззрения, — на мой взгляд, поверхностного и не выдерживающего критики, — которое привело Соловьева к его известной реабилитации, с точки зрения христианской и религиозной, противорелигиозных мыслителей» (С. 161).

³¹⁴ Франк С.Л. Крушение кумиров. С. 66.

³¹⁵ Карташев А.В. Еще об идеологии // Вестник РСХД. 1929. № 11. С. 17–20. Статья Карташева была ответом на статью Н.А. Бердяева «К вопросу об идеологии РСХД.».

³¹⁶ Варшавский совмещает цитирование статьи с пересказом.

³¹⁷ «Православное дело» — благотворительная и культурно-просветительская организация, созданная в середине 1930-х матерью Марией на ул. Лурмель в Париже. Первый духовник — священник Димитрий Клепинин, затем архиепископ Павел (Голышев); секретарь — Ф.Т. Пьянов. В «Православном деле» принимали участие И.И. Бунаков-Фондаминский, Г.П. Федотов, В.В. Руднев, К.В. Мочульский, С.П. Жаба и др. Подробнее см.: *Гаккель С., прот. Мать Мария. Париж: YMCA-Press, 1992.*

³¹⁸ Варшавский цитирует с незначительными разночтениями: *Мать Мария. Предисловие* [к сб. «Православное дело»] // Православное дело. Париж, 1939. Сб. 1. С. 8.

³¹⁹ Романов Леонид — представитель политических правых течений в РСХД, приведших к кризису в Движении середины 1930-х гг. Перед войной фактически отошел от Движения, в конце 1930-х гг. уехал в Германию. Дочь Романова во время войны погибла в Берлине при бомбардировке.

³²⁰ Никитин Александр Иванович (1889–1949) — активный член общества «Маяк» и Христианского союза молодых людей (УМСА) в России. В эмиграции в Болгарии, затем во Франции. Секретарь Болгарского студенческого христианского движения (ок. 1922). Один из организаторов и руководителей РСХД в эмиграции. В 1923 г. один из организаторов первого организационного съезда РСХД в Пшерове (Чехословакия) Старший секретарь РСХД (1931).

³²¹ *Зеньковский В., прот. Русское студенческое христианское движение: История, деятельность, задачи* // Вестник РСХД. 1949. № 7/8. С. 12.

³²² Федоров Николай Федорович (1895–1984) — участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции в Эстонии, член (позже руководитель) Христианского союза русской молодежи, активный участник Русского студенческого христианского движения. В 1928 г. по приглашению РСХД переезжает в Париж, где приступает к созданию юношеского отдела РСХД — организации «витязей». В 1934 г. вместе

с организацией витязей по политическим соображениям выходит из состава РСХД и создает Национальную организацию витязей с отделениями во Франции и других странах, свои печатные издания и детские лагеря. В 1942–1944 гг. деятельность «витязей», запрещенная немецкими оккупационными властями, продолжалась в подполье, а после войны вновь широко развернулась как во Франции, так и в Бельгии, Австрии, Аргентине.

³²³ Имеется в виду статья В.В. Зеньковского «Русское студенческое христианское движение: История, деятельность, задачи».

³²⁴ Там же // Вестник РСХД. 1949. № 9/10. С. 30.

³²⁵ Зандер Лев Александрович (1893–1964) — доцент философии Пермского (1918) и Владивостокского (1919–1920) университетов, с 1922 г в эмиграции в Китае, с 1923 г. в Чехии. В 1923 г. принимал участие в работе первого организационного съезда РСХД в Пшерове. Секретарь РСХД, работал в РСХД во Франции, Латвии и Эстонии. С 1926 г. преподаватель и библиотечарь Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. Генеральный секретарь РСХД (1936–1952).

³²⁶ Лаговский Иван Аркадьевич (1889–1941) — выпускник духовной семинарии (1908) и Киевской духовной академии, кандидат богословия (1913). С 1919 г. в эмиграции в Константинополе, затем во Франции, с 1926 г. ассистент кафедры психологии и педагогики Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. Член центрального секретариата (секретарь) РСХД в Париже (1929–1933), первый соредaktor (с Н.М. Зерновым) «Вестника РСХД». В 1934–1939 гг. возглавлял РСХД в Эстонии. После вступления Красной армии в Прибалтику в 1940 г. арестован и расстрелян.

³²⁷ Зеньковский В., прот. Русское студенческое христианское движение: История, деятельность, задачи // Вестник РСХД. 1949. № 7/8. С. 9–10.

Позже этим темам было посвящено немало публикаций, из них наиболее обстоятельная: *Плюханов Б.В.* РСХД в Латвии и Эстонии Paris: YMCA-Press, 1993.

³²⁸ Выпущенный отдельной брошюрой сборник «Двадцатипятилетний юбилей Православного богословского института в Париже. 1925–1950» (Paris, 1950) представляет собой оттиск из «Церковного вестника Западно-Европейского экзархата» (№ 4 (25), июнь – июль 1950 г.).

³²⁹ Архимандрит Киприан (Керн Константин Эдуардович; 1899–1960) — выпускник Императорского Александровского лицея в Петербурге. С 1919 г в эмиграции в Сербии, окончил юридический (1922) и богословский (1925) факультеты Белградского университета. С 1925 г. преподавал в православной духовной семинарии в г. Битоль (Сербия). В 1920-е гг. принимал участие в работе РСХД. В 1927 г. принял монашество, рукоположен в иерея. В 1928–1931 гг. начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме. С 1936 г. в Париже, преподаватель Свято-Сергиевского православного богословского института (в 1936–1960). В 1944–1947 гг. инспектор Института.

³³⁰ Киприан, архим. Четверть века // Двадцатипятилетний юбилей Православного богословского института в Париже. 1925–1950. С. 10–12. Неточная цитата, в тексте: «...это требование и от нас стоять на высоте философской подготовленности и научных достижений нашего времени и не убояться принять, когда это нужно, Канта и Фихте, творческую эволюцию и психоанализ, биологию и сравнительное языкознание. Нельзя укрываться в пустыню своего интеллектуального невежества, чтобы тем спастись какую-то религию трусости и мракобесия и ради неверно понимаемого "смирения" вести войну против культуры и творчества. Надо помнить, что добросовестная критика в наших руках не страшна, но та же критика "прелазящая инуде" может легко разрушить и то, что пытается пугливо еще оберегать гносимахия».

³³¹ Там же.

³³² Верховской (Верховский) Сергей Сергеевич (Verhovskoy Serge; 1907–1986) — один из руководителей РСХД. Увезен из России в 1921 г., учился в Братиславе (Чехословакия), окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (1936), преподавал в Институте догматическое и нравственное богословие, историю философии, а также богословие Католической церкви (1944–1951).

С 1952 г в США, проректор (provost) и профессор философии и сравнительного богословия в Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке (1952–1981).

³³³ Статья состояла из двух частей, см.: *Верховской С.С.* Пути Православия. I. Православие как Истина // Вестник РСХД. 1953. № 3. С. 19–25; *Он же.* Пути Православия. II. Православие и свобода // Там же. 1954. № 34. С. 4–11. Варшавский цитирует вторую часть статьи (С. 10).

³³⁴ Со значительными купюрами Варшавский цитирует: *Верховской С.С.* Христианство // Православие в жизни: Сб. ст. / Под ред. С.С. Верховского. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 313, 315–316.

³³⁵ Шмеман Александр Дмитриевич (1921–1983) — клирик Православной церкви в Америке, протопресвитер, богослов, историк. Родился в Ревеле (Таллине), среднее образование получил в Париже. Окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (1945), преподавал в нем церковную историю (1945–1951). В 1946 г. принял священство. С 1951 г. в США, преподаватель (с 1962 декан) Свято-Владимирской духовной семинарии.

³³⁶ Речь о поколении, родившемся в первой половине 1920-х, в годы начала эмиграции.

³³⁷ *Шмеман А., прот.* Богослужение и время [Суточный круг] // Вестник РСХД. 1953. № 29. С. 8.

³³⁸ С большими купюрами Варшавский цитирует: *Верховской С.С.* Христианство. С. 298–299, 318.

³³⁹ Варшавский цитирует с незначительными разночтениями не заключительную, а предпоследнюю главу статьи С.С. Верховского (С. 325–326).

³⁴⁰ Миланский эдикт был направлен главам провинциальных администраций Римской империи от имени императоров Константина и Лициния в 313 г. В соответствии с этим эдиктом все религии уравнивались в правах, таким образом, традиционное римское язычество теряло роль официальной религии. Эдикт особенно выделял христиан, предусматривал возвращение христианам и христианским общинам всей собственности, которая была у них отнята во время гонений, и явился важным шагом на пути превращения христианства в официальную религию империи. Подробнее см.: *Бриллиантов А.И.* Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г. Пг., 1916.

³⁴¹ *Шмеман А., прот.* Исторический путь православия. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954. С. 104–105.

³⁴² Источник цитаты установить не удалось.

³⁴³ Самарин Юрий Федорович (1819–1876) — мыслитель, историк, общественный деятель и публицист. Упомянутая фраза содержится в его письме брату, написанном 27 февраля 1876 г., за три недели до кончины (*Самарин Ю.* Сочинения: В 10 т. М., 1887. Т. 6. С. 485).

³⁴⁴ Подробнее см.: *Гуревич А.Л.* История издательства «УМСА-Press» (с приложением подробной библиографии книг, опубликованных издательством). М.: Компания Спутник+, 2004.

³⁴⁵ Роспись содержания журнала межвоенного периода опубликована: Вестник РСХД (1925–1939): Роспись содержания / Сост. Н. Голубкова // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2003 год / Ред. М.А. Колеров. М.: Модест Колеров, 2004. С. 641–733. Роспись содержания журнала послевоенного периода подготовлена к публикации: Вестник РСХД (1949–2000): Роспись содержания / Сост. А.Л. Гуревич.

³⁴⁶ См.: Вестник РСХД. 1971. № 101/102 (К столетию О. Сергия Булгакова (1871–1971): Статьи, свидетельства, материалы к биографии, из неизданного).

³⁴⁷ *Струве Н.* К столетию со дня рождения прот. Сергия Булгакова. От редакции // Там же. С. 3.

³⁴⁸ Андроников Константин Есеевич (Ясеевич), князь (1916–1997) — родился в Петрограде в грузинской аристократической семье, увезен из России в 1920 г. Окончил Сорбонну в 1941 г. и Свято-Сергиевский православный богословский институт в 1944 г. Главный переводчик при французском Министерстве иностранных дел. Профессор литургического богословия и методологии Свято-Сергиевского института. Декан Института (1991–1993). Перевел на французский язык богословские труды о. Сергия Булгакова.

³⁴⁹ *Андроников К.Я.* «Ревность по дому Твоем» // Вестник РСХД. 1971. № 101/102. С. 45–55.

³⁵⁰ *Шмеман А., прот.* Три образа // Там же. С. 9.

³⁵¹ Князев Алексей Петрович (1913–1991) — родился в Баку, увезен во Францию в 1923 г. Окончил юридический факультет Парижского университета (1935) и Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (1943). Рукоположен в 1947 г. С 1943 г. преподаватель Богословского института, с 1962 г. декан, в 1965–1991 гг. ректор.

³⁵² Князев А., прот. Памяти о. Сергия Булгакова // Вестник РСХД. 1971. № 101/102. С. 57.

³⁵³ Сериков Георгий Сергеевич (1902–1991) — видный член РСХД, лектор, проповедник, композитор. Родился в Москве, с 1920 в эмиграции во Франции. Окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже в 1938 г. Диакон (1938). Священник (1940). С 1953 г. служил в храме Христа Спасителя в Аньере. Позднее был настоятелем ряда приходов во Франции. Член Свято-Троицкого братства. Автор многочисленных статей на богословские и литургические темы в «Вестнике РСХД», журнале «Вечное», «Вестнике Русского Западно-Европейского экзархата» и др.

³⁵⁴ Апокатастасис (др.-греч ἀποκατάστασις — восстановление) — богословское понятие, связанное с учением о всеобщем спасении грешников. Упоминается у Иустина Философа († ок. 165), св. Иринея Лионского († 200), дальнейшее развитие получает у Климента Александрийского († 215) в «Строматах» и далее у его ученика Оригена († 254) в трактате «О началах». Развиваемые Оригеном идеи были осуждены II Константинопольским собором 553 г. В отличие от идей Оригена, учение св. Григория Нисского († ок. 395) об апокатастасисе («Слово о душе и воскресении», «О жизни Моисея», «Слово на святую Пасху» и др.) осуждено Церковью не было. Вопрос об апокатастасисе активно обсуждался русской религиозной философией первой половины XX в (см., например: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства: В 2 ч. Paris: YMCA-Press, [1927–1928]; Булгаков С., прот. Свет Невечерний. М.: Путь, 1917; Он же. Проблема условного бессмертия // Там же. 1937. № 52. С. 3–23; Он же. Невеста Агнца. Париж: YMCA-Press, 1945; Он же. Апокалипсис Иоанна: Опыт догматического истолкования. Париж: YMCA-Press, 1948; Лосский Н. Бог и мировое зло: Основы теодицеи. Берлин. За церковь, 1941; Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Тип. Т-ва Д. Сытина, 1918; Флоровский Г. Противоречия оригенизма // Путь. 1929. № 18. С. 107–115; Он же. О воскресении мертвых // Переселение душ. Проблема бессмертия в оккультизме и христианстве. Сб. ст. Париж: YMCA-Press, 1936. С. 135–167 и др.).

³⁵⁵ Сериков Г., прот. Учение об апокатастасисе (всеобщем восстановлении) у «Отца Отцов» (святителя Григория Нисского) и у прот. Сергия Булгакова // Вестник РСХД. 1971 № 101/102. С. 25–35. В статье Георгий Сериков замечал: «...огромная масса православных людей ничего не знает о величайшем из Отцов Церкви, ни о его учении; а некоторые даже думают, что учение об апокатастасисе "еретично" и было осуждено Церковью. Не знаю, нужно ли тут говорить, что учение о всеобщем восстановлении всех людей в Боге <...> никогда не было соборно осуждено Церковью, что еще до III Вселенского Собора (431 г.) святитель Григорий Нисский был признан Церковью святым, на VII Вселенском Соборе он был назван "Отцом Отцов"» (Там же. С. 25).

³⁵⁶ Струве Петр Алексеевич (1925–1968) — родился в Париже, с юных лет участвовал в работе РСХД (впоследствии был вице-президентом Движения). В годы Второй мировой войны начал изучать медицину и позже стал врачом. В 1964 г. принял священство. Один из организаторов (середина 1960-х) и первый настоятель франкоязычной церковной общины Святой Троицы в крипте Свято-Александровского собора в Париже. Протоиерей. Издатель и соредатор серии книг на французском языке «Eglises en dialogue». Погиб в автомобильной катастрофе 3 декабря 1968 г. в г. Монфермей (Франция).

³⁵⁷ Варшавский приводит цитату не вполне точно, у Толстого: «Ему казалось, что он ни о чем не думает; но далеко и глубоко где-то что-то важное и утешительное думала его душа» (Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 4. XIII).

³⁵⁸ Оцуп Н. Дневник в стихах: 1935–1950. Париж, 1950. С. 333.

³⁵⁹ «Ротонда» («Le Rotonde» — 105, Bd du Montparnasse) — одно из старейших кафе Монпарнаса, существует с 1911 г. и еще до Первой мировой войны прославилось своими экстравагантными посе-

тителями. Вскоре после окончания Первой мировой войны «Ротонду» перестроили и расширили, превратив в огромный по тем временам комплекс (бар, гриль-зал, ресторан, танцзал на втором этаже), и к тому времени, когда центр литературно-художественной жизни Парижа переместился с Монмартра на Монпарнас, именно «Ротонда» была одним из главных мест встреч богемы. См. об этом, например: *Могиланский Н.* «Ротонда» // Последние новости. 1922. 17 июня № 664. С. 3. О русских эмигрантах в «Ротонде» см.: *Богомалов Н.А.* Из истории одного культурного урочища русского Парижа // Новое литературное обозрение. 2006. № 81 (5). С. 143–163.

³⁶⁰ Помимо «Ротонды» популярностью у русских эмигрантов пользовались расположенные неподалеку «Селект» («Le Select» — 99, Bd. du Montparnasse), «Куполь» («La Coupole» — 102, Bd. du Montparnasse), «Дом» («Le Dôme» — 108, Bd. du Montparnasse) и «Клозери де Лиля» («Closierie de Lilas» — 171, Bd. du Montparnasse).

³⁶¹ Кафе «Хамелеон» («Caméléon» — 146, Bd. du Montparnasse, угол rue Campagne-Première) было дешевым заведением, не приспособленным для выставок и многолюдных литературных вечеров. О причинах выбора именно этого места для еженедельных собраний участников «Палаты поэтов» и «Гатарапака» см.: *Ливак Л.* «Героические времена молодой зарубежной поэзии» Литературный авангард русского Парижа (1920–1926) // Диаспора. Вып. 7. СПб., 2005. С. 131–242. Варшавский не застал не только эти собрания, но и само кафе, поскольку в конце 1922 г. «Хамелеон» закрылся на ремонт, а открылся заново в 1923 г. уже как ночной клуб и «американский бар» «Жокей» («Le Jockey»).

³⁶² Помимо упомянутых Валентина Яковлевича Парнаха (1891–1951), Сергея Ивановича Шаршуна (1888–1975) и Александра Самсоновича Гингера (1897–1965) в число основателей «Палаты поэтов» входили Марк-Мария-Людвиг Талов (1892–1969) и Георгий Сергеевич Евангулов (1894–1967). Собрания «Палаты поэтов» проводились в кафе «Хамелеон» еженедельно (иногда раз в две недели) по воскресеньям на протяжении всей второй половины 1921 г. (первый вечер «Палаты» состоялся 7 августа 1921 г., последнее упоминание в печати — «семнадцатый вечер» 5 января 1922 г.). С отъездом Парнаха в Берлин собрания прекратились. Хронике мероприятий см. в приложении к публикации: *Ливак Л.* «Героические времена молодой зарубежной поэзии...».

³⁶³ «Бал Жюль Верна» («Bal Jules Verne») Союз русских художников устроил в зале Бюлье 12 апреля 1929 г. Приписываемый Поплавскому французский текст программы и репродукцию афиши см.: *Гейро Р.* «Твоя дружба ко мне — одно из самых ценных явлений моей жизни» // Поплавский Б. Покушение с недобрыми средствами / Ред. Р. Гейро. М.: Гилея; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1997. С. 20–25.

³⁶⁴ *Ходасевич В.* О смерти Поплавского // Возрождение. 1935. 17 окт. № 3788. С. 4.

³⁶⁵ *Гиппиус З.Н.* Опыт свободы // Литературный смор: Свободный сборник / Ред. З. Гиппиус, Д. Мережковский. Париж: Дом книги, 1939. С. 11–12.

³⁶⁶ Первые строки стихотворения Владимира Федоровича Мансветова (1909–1974) «Призрак» (1932), впервые напечатанного Скит: Стихи и проза. Вып. 1 / Под ред. В.М. Лебедева, В.В. Морковина. Прага, 1933. С. 10.

³⁶⁷ Рене Декарт (Descartes; 1596–1650) провел в Нидерландах наиболее плодотворные годы своей творческой жизни и именно в Амстердаме написал свои знаменитые «Начала философии». Скорее всего, Варшавский имеет в виду письмо Декарта к французскому писателю Жану Луи Гезу Бальзаку от 5 мая 1631 г. Письма Декарта вышли во французском издании: *Correspondance publiée avec une introduction et des notes par Ch. Adam et P. Milhaud.* Vol. 1–8. Paris, 1936–1963. Ср.: *Декарт Р.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 595.

³⁶⁸ *Ходасевич В.* Литература в изгнании // Возрождение. 1933. 27 апр. № 2886. С. 3–4; 4 мая. № 2893. С. 3.

³⁶⁹ Заглавная строчка стихотворения Г.В. Адамовича (впервые опубл.: Круг. 1936. № 1. С. 111).

³⁷⁰ Пика это достигло под пером капитана К.С. Полова, который, вступив в полемику с Г.В. Адамовичем, сравнившим две эпопеи не в пользу П.Н. Краснова, посвятил целую книгу доказательству того,

что эпопея генерала Краснова во всех отношениях превосходит «Войну и мир» (Лопов К.С. «Война и мир» и «От двуглавого орла к красному знамени» в свете наших дней. Париж: Возрождение, 1934).

³⁷¹ Поплавский Б Вокруг «Чисел» // Числа. 1934. № 10. С. 204.

³⁷² Эту инвективу против символистов Золя провозгласил в беседе с журналистом Жюлем Юре (Huret; 1863–1915), который публиковал получивший большую популярность цикл интервью с французскими писателями под общим названием «Тревога за развитие литературы» («Enquête sur l'évolution littéraire»; (1891). Уже на следующий год Мережковский процитировал эту фразу Золя в своей знаменитой лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892), сделав ее тем самым известной и в России

³⁷³ 12 декабря 1930 г. в Зале Дебюсси (Salle Debussy) состоялся организованный редакцией «Чисел» диспут на тему «Искусство и политика», в котором приняли участие З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, П.Н. Милоков, Г.П. Федотов, Г.В. Адамович. Вступительное слово произнес Н.А. Оцуп. Отчет о диспуте см: Политика и искусство: Вечер «Чисел» // Числа. 1930/1931. № 4. С. 259–261. Фрагмент выступления П.Н. Милокова Варшавский приводит по этому изданию.

³⁷⁴ «Воля России» уже начиная с 1925 г. публиковала большие коллективные подборки стихов молодых поэтов — «Скит поэтов» (1925. № 11. С. 51–58), «Парижские поэты» (1926. № 3, 6/7), «Пражские поэты» (1928. № 1. С. 21–39).

³⁷⁵ Подборки стихов Поплавского начали появляться в «Воле России» лишь с 1928 г., причем далеко не в каждом номере (1928. № 2, 7; 1929. № 1, 3, 5/6, 10/11; 1930. № 3, 9). В общей сложности за три года в восьми подборках было напечатано 26 стихотворений, что могло считаться успехом для начинающего поэта в эмиграции.

³⁷⁶ В 1928 г. журнал «Воля России» (№ 7, июль) объявил литературный конкурс «на лучший рассказ из эмигрантской жизни размером не свыше 1½ печатных листов». В следующем номере журнала были опубликованы подробные условия конкурса и объявлен последний срок сдачи рукописей — 15 декабря 1928 г. В жюри вошли М. Осоргин, М. Слоним и А. Ремизов. На этом конкурсе рассказ Варшавского «Шум шагов Франсуа Виллона» получил почетный отзыв. Подробнее о конкурсе см. наст. изд.: Слоним М. Вынужденный ответ; Яновский В. «Спор о вкусах».

³⁷⁷ Первая целенаправленная публикация молодых писателей в «Современных записках» была осуществлена в 1926 г. (в № 29 опубликованы рассказы «Корень жизни» Михаила Щербакова и «Смерть Джона Хоппуса» Георгия Евангулова), причем критики особо отметили этот факт: Крайний Антон [З.Н. Гиппиус]. «Современные записки». Книга XIX // Последние новости. 1926. 11 нояб. № 2059. С. 3; Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1926. 28 нояб. № 200. С. 1–2. Позже такие публикации стали явлением хоть и не слишком частым, но вполне обыденным. В частности, в 1934 г. «Современные записки» (№ 56), как когда-то «Воля России», опубликовали большие подборки молодых поэтов, предоставив выбор стихотворений объединениям.

³⁷⁸ Источник цитаты установить не удалось.

³⁷⁹ Первые журналы молодых возникли одновременно с упомянутыми публикациями их в толстых журналах: «Новый дом» (1926–1927) и «Новый корабль» (1927–1928). Позже возникли «Числа» (1930–1934) и «Встречи» (1934). Под сборниками Варшавский, вероятно, имеет в виду «Круг» (1936–1938) и «Литературный смотр» (1939).

³⁸⁰ Варшавский приводит фрагмент с большими купюрами: Поплавский Б. Домой с небес // Круг. Берлин: Парабола, 1937. № 2. С. 52. Впервые три отрывка из романа «Домой с небес» появились в альманахе «Круг» (1936. № 1. С. 3–21; 1937. № 2. С. 3–55; 1938. № 3. С. 97–121).

³⁸¹ «Среди парижан определенно выделяется Борис Поплавский. Некоторые из его стихов <...> заставляют остановиться и с удивлением прислушаться к голосу настоящего и нового поэта. Интересно в Поплавском, однако, то, что он совершенно оторвался от русской поэтической тематики. Это первый

эмигрантский писатель, живущий не воспоминаниями о России, а заграничной действительностью. Эволюция, неизбежная для всей эмиграции. Если, однако, исключить этого, скорей парижского, нежели эмигрантского поэта <...>» (*Святополк-Мирский Д.* Заметки об эмигрантской литературе // *Евразия.* 1929. 5 янв. № 7. С. 6–7).

³⁸² Карлинский много раз писал о Поплавском начиная с 1950 г., выпустил его трехтомное собрание сочинений и неоднократно высказывал подобные суждения о нем. См., например: «Литературное наследие Поплавского не русское, а французское. За исключением того факта, что он писал по-русски, он мог бы совершенно естественно занять свое место в ряду "проклятых поэтов"» (*Karlinsky S.* *The Alien Comet* // Поплавский Б. Собр. соч. Т. 1. *Флаги* / Под ред. С. Карлинского, А. Олкотта. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1980. P. IX–XII (пер. К.Ю. Аликина). См. также: *Idem.* *Surrealism in Twentieth-Century Russian Poetry*: Churilin, Zabolockii, Poplavskii // *Slavic Review.* 1967. Dec. Vol. XXVI. № 4. P. 605–617; *Idem.* *Poplavsky yesterday and today* // *The Bitter Air of Exile: Russian Writers in the West, 1922–1972* / Ed. by S. Karlinsky, A. Appel, Jr. Los Angeles: University of California Press, 1977. P. 326–332. *Idem.* *In Search of Poplavsky: A Collage* // *TriQuarterly.* 1973. Vol. 27. P. 342–364.

³⁸³ Стихотворение Поплавского «Артуру Рембо» (1926–1927). Впервые без заглавия опубликовано в сборнике «Стихотворение» (Вып. 2 / Под ред. Б. Божнева. Париж, 1928), затем вошло в сборник: *Поплавский Б.* *Флаги.* Париж: Числа, 1931. С. 28–29.

³⁸⁴ *Olcott A.* *Poplavsky: The heir presumptive of Montparnasse* // *TriQuarterly.* 1973. Vol. 27. P. 305–319.

³⁸⁵ Варшавский имеет в виду следующее рассуждение Адамовича: «Русская литература моложе западноевропейской по своему культурному возрасту и лишь в самое последнее десятилетие, чуть-чуть ослабев и растерявшись, она принялась ее спешно догонять и перенимать ее темы и мотивы. Поплавский был не только сыном этих десятилетий, но и детищем Запада, — по своей оторванности от России, по навязанному ему судьбой эмигрантски-парижскому положению. Для него Артур Рембо был по меньшей мере столь же дорог и близок, как и Пушкин, — потому что он во Франции вырос, во Франции сложился и ее веяниями был пронизан. Духовная раздробленность новой западной культуры в его душе осложнилась еще тем, что попала она на психологически чуждую почву, и Поплавский, неуравновешенный по природе, метался, не зная, куда пристать» (*Адамович Г.* *Памяти Поплавского* // *Последние новости.* 1935. 17 окт. № 5320. С. 2).

³⁸⁶ *Поплавский Б.* *Домой с небес* // *Круг.* № 2. С. 6. Согласно древней легенде корень мандрагоры кричит и стонет, когда его вырывают из земли, и тот, кто слышит эти крики, вскоре умрет или сойдет с ума.

³⁸⁷ Из восемнадцатой главы романа Поплавского «Аполлон Безобразов» (Числа. 1930. № 2/3. С. 104). Это была действительно самая первая публикация фрагментов романа Поплавского, в которую вошли главы 1, 2, 11 и 18 (С. 84–109). В последней редакции романа — глава 11 (см.: *Поплавский Б.* *Собр. соч.*: В 3 т. М.: Согласие, 2000. Т. 2. С. 155).

³⁸⁸ Из стихотворения Поплавского «Снова в венке из воска» (1931–1934). Впервые: *Поплавский Б.* *Снежный час: Стихи, 1931–1935.* Париж, 1936. С. 50.

³⁸⁹ Наиболее открыто оба оппонента высказались на этот счет в статьях: *Ходасевич В.* *Книги и люди. Новые стихи* // *Возрождение.* 1935. 28 марта; *Адамович Г.* *Жизнь и «жизнь»* // *Последние новости.* 1935. 4 апр. № 5124. С. 2; *Ходасевич В.* *Книги и люди. Жалость и «жалость»* // *Возрождение.* 1935. 11 апр.

³⁹⁰ Газета Милюкова отозвалась на гибель поэта рядом заметок и статей: *А.С.* [Я.М. Цвибак]. *Трагическая смерть поэта Б. Поплавского* // *Последние новости.* 1935. 10 окт. № 5313. С. 4; -ь. *Трагическая смерть Бориса Поплавского* // *Там же.* 11 окт. № 5314. С. 3; *Ладинский Ант.* *Памяти Бор. Поплавского* // *Там же.* 13 окт. № 5316. С. 4; *Адамович Г.* *Памяти Поплавского* // *Там же.* 17 окт. № 5320. С. 2.

³⁹¹ См. примеч. к эпиграфу к этой главе.

³⁹² Из стихотворения Ходасевича «Перед зеркалом ("Я, я, я! Что за дикое слово!..")» (1924).

³⁹³ Из того же стихотворения Ходасевича.

³⁹⁴ Ходасевич В. Книги и люди. Два поэта // Возрождение. 1936. 30 янв. № 3984. С. 3; Он же. В венке из воска // Там же. 1938. 14 окт. № 4153. С. 9.

³⁹⁵ См. об этом: Янгиров Р. «Пример тавтологии»: Заметки о войне Владимира Набокова с Георгием Ивановым // Диаспора. Вып. 7. СПб., 2005. С. 594–618.

³⁹⁶ Ходасевич В. О смерти Поплавского // Возрождение. 1935. 17 окт. № 3788. С. 3.

³⁹⁷ Ходасевич В. Подвиг // Там же. 1932. 5 мая. № 2529. С. 3.

³⁹⁸ «L'Ère du soupçon» («Эра подозрения») — вышедший в 1956 г. сборник критических эссе Натали Саррот (Sarraute; 1900–1999) о современном романе.

³⁹⁹ Адамович не только вел беседы на эти темы, но и не раз писал об этом в своих «Комментариях», см., например: «Всех, кому хоть вдалеке мерещится "непоправимо белая страница", после которой еще можно жить, но уже нельзя писать» (Адамович Г. Комментарии // Числа. 1930. № 1. С. 143).

⁴⁰⁰ Адамович Г. Несостоявшаяся прогулка // Современные записки. 1935. № 59. С. 288–296.

16 декабря 1935 г. статья обсуждалась на пятой беседе «Круга», где среди прочего о ней было сказано: «В статье Г.В. Адамовича можно уловить новый звук, чуждый его прежним писаниям. В ней чувствуется новый поворот к жизни через любовь к ней. <...> В настроениях Г. Адамовича не "amor fati", а мучительное искание. Душа, самоуслаждающаяся ощущением гибели, не могла бы быть столь ищущей и беспокойной» (Новый Град 1936 № 11. С. 138–139). В переработанном виде статья вошла под названием «Сомнения и надежды» в книгу Адамовича «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. С. 295–314).

⁴⁰¹ Из стихотворения Лермонтова «Ангел» (1831).

⁴⁰² Из стихотворения Блока «Все на земле умрет — и мать, и младость .» (1909).

⁴⁰³ Из стихотворения Георгия Иванова «В глубине, на самом дне сознания...» (1929).

⁴⁰⁴ Адамович Г. Комментарии // Современные записки. 1935. № 58. С. 323–324. В «Легенде о святом Юлиане Странноприимце» («La legende de Saint-Julien l'hospitalier»; рус. пер. «Католическая легенда о Юлиане Милостивом», 1877) Г. Флобера, построенном как житие, героя — Юлиана постигает кара за его жестокость и лишь служением людям он искупает свой грех.

⁴⁰⁵ Варшавский с небольшими неточностями цитирует статью не из первого, а из второго номера «Чисел»: Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Числа. 1930. № 2/3 С. 311. У Поплавского: «...грязь и гадость, что одна отдаленная заячья лапа важнее Лувра и Пропилеев».

⁴⁰⁶ Варшавский неточно цитирует стихотворение Блока «Болотный попик ("На весенней проталинке...")» (1905) из цикла «Пузыри земли» (1904–1905). У Блока: «И лягушке хромой, ковыляющей, / Травой исцеляющей / Перевяжет болящую лапу. / Перекрестит и пустит гулять». У Поплавского цитата из Блока приведена с теми же неточностями, так что для Варшавского, скорее всего, источником послужил в данном случае именно дневник Поплавского, а не сам Блок.

⁴⁰⁷ Из диалога Оскара Уайльда «Критик как художник» («The Critic as Artist», 1890). «All bad poetry springs from genuine feeling. To be natural is to be obvious, and to be obvious is to be inartistic». Ср. в пер. с англ. А. Зверева: «Вся скверная поэзия порождена искренним чувством. Быть естественным — значит быть очевидным, а быть очевидным — значит быть нехудожественным» (Уайльд О. Избранные произведения: В 2 т. М.: Республика, 1993. Т. 2. С. 315).

⁴⁰⁸ Сведений найти не удалось.

⁴⁰⁹ С этого начинались «Комментарии» Адамовича в «Числах». «После всех бесед, споров, острот, бездомничества, гаданий, обещаний, после евразийцев, после русского шпенглеризма, всплывшего и погасшего в берлинских и парижских кофейнях, после всех наших крушений, когда, как ни разу еще в памяти нации, оставался человек один, наедине с собой, вне общества, и лишь с насмешливо-ядовитым сознанием, что вот и вне общества может еще существовать человек, любить, думать, жить, — все-таки и после всего этого не поздно и не лишне повторить, что главный для нас вопрос "современно-

сти», над личными темами, есть общерусский вопрос о востоке и западе, о том, с кем нам по пути и с кем придется разлучиться» (Адамович Г. Комментарии // Числа. 1930. № 1. С. 136).

⁴⁰ Андреев Вадим Леонидович (1902–1976) — поэт, мемуарист, прозаик, в октябре 1917 г. с отцом Л.Н. Андреевым уехал в Финляндию, участник Белого движения, с 1922 г. в Берлине, участник литературной группы «Четыре плюс один» (1923–1924), с осени 1924 г. в Париже, один из организаторов Союза молодых поэтов и писателей (1925), участник литературного объединения «Кочевье» (с 1928), в 1940–1944 гг. жил на острове Олерон, участник французского Сопротивления, член Союза советских патриотов (с 1945). В 1946 г. получил советский паспорт. С 1949 г. сотрудник отдела ООН в Нью-Йорке. Только в 1957 г., когда В. Андреев уже был советским представителем в издательском отделе ЮНЕСКО, ему разрешили поездку на родину, где он встретился со своим родным братом, известным писателем Даниилом Андреевым. С 1959 г. жил в Женеве, где продолжал работать в ООН до пенсии. В СССР благодаря К.И. Чуковскому были изданы его книги «Детство» (М.: Советский писатель, 1963), «История одного путешествия» (М.: Советский писатель, 1966), «Дикое поле» (М.: Советский писатель, 1967) и др. О своем восприятии «Незамеченного поколения» Вадим Андреев написал Варшавскому в развернутом письме-отзыве. См. наст. изд. С. 369–378.

⁴¹ Федотов Г.П. О парижской поэзии // Ковчег: Сборник зарубежной русской литературы. Нью-Йорк: Изд-во Объединения русских писателей, 1942. № 1. С. 189–198.

⁴² Якорь: Антология зарубежной поэзии / Сост. Г.В. Адамович, М.Л. Кантор. [Берлин]: Петрополис, 1936.

⁴³ На Западе: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Ю.П. Иваск. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

⁴⁴ Белоцветов Николай Николаевич (1892–1950) — поэт, антропософ, в 1921 г. эмигрировал в Берлин. Участник берлинского Кружка поэтов (1928–1933). С 1933 г. жил в Эстонии, Латвии. В 1941 г. вернулся в Германию. Автор сборников «Дикий мед» (Берлин, 1930), «Шелест» (Рига, 1936), «Жатва (Париж, 1953, издан посмертно), автор журналов «Числа», «Современные записки», «Русские записки» и др.

Браиловский Александр Яковлевич (1884–1958) — журналист, литератор, за участие в революционном движении приговорен к смертной казни, затем помилован, бежал из ссылки за границу, жил в Италии, Франции, позже в Нью-Йорке, работал в газете «Русский голос», редактировал коммунистическое издание «Новый мир»; порвав с коммунизмом, в 1930-х гг. уехал в Калифорнию; по возвращении в Нью-Йорк стал сотрудником «Нового русского слова». Выпустил книгу переводов «Из классиков» (Нью-Йорк, 1943). Автор книг «Дорогою свободной» (Нью-Йорк, 1955), «Временщики в Кремле. Политические басни, пародии» (Нью-Йорк, 1956).

Булич Вера Сергеевна (1898–1955) — поэт, детский писатель, переводчик. После революции вместе с семьей эмигрировала в Хельсинки (1920). Сотрудник славянского отдела университетской библиотеки. Автор «Современных записок», «Журнала Содружества», «Нового журнала» и др. Сборники стихов: «Маятник» (Гельсингфорс, 1934), «Пленный ветер» (Таллин, 1938), «Бурелом» (Хельсинки, 1947), «Ветви» (Париж, 1954).

Гершельман Карл Карлович (1899–1951) — художник-график, поэт. Участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции. Сначала жил в Турции, потом осел в Эстонии. Чертежник эстонского Министерства земледелия, член Таллинского цеха поэтов, автор «Нови», «Журнала Содружества».

Гомолицкий Лев Николаевич (1903–1988) — поэт, прозаик, литературный критик. В эмиграции жил в Вольни, с 1931 г. в Варшаве, секретарь варшавского Союза русских писателей и журналистов, автор «Нови», «Меча», «Журнала Содружества», с 1945 г. жил в Лодзи. Издания: «Миниатюры: Стихи 1919–1921» (Варшава, 1921), «Дуновение» (Варшава, 1932), «Дом» (Варшава, 1933), «Варшава: Поэма» (Варшава, 1934), «Цветник» (Таллин, 1936), «Сотом вечности» (Варшава, 1937) и др.

Кроткова Христина Павловна (1904–1965) — поэт, литературный критик, переводчик, журналист. В 1922 г. эмигрировала в Чехословакию, училась в политехническом институте в Праге, окончила химический факультет Карлова университета. Член литературного кружка «Скит поэтов». Публиковалась в журналах «Студенческие годы», «Своими путями», «Перезвоны», «Воля России», «Годы» под псевдонимами К. Франкфурт и К. Ирманцева. В 1929 г. переехала во Францию. Посещала собрания «Кочевья». Автор «Современных записок» и «Русских записок». В 1937 г. переехала в Канаду, в 1939 — в США. Работала диктором в русской редакции «Голоса Америки», сотрудник газеты «Новое русское слово», автор сборника «Белым по черному» (Париж, 1951).

Лебедев Вячеслав Михайлович (1896–1969) — участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции, сперва жил в Болгарии, Сербии, Австрии, с 1922 г. в Чехословакии. Участник литературного объединения «Скит поэтов» и литературного кружка «Далиборка» (1924–1933). Автор поэтического сборника «Звездный крен» (Прага, 1929). Печатался в «Воле России», «Центральной Европе», «Современных записках» и др.

Мансветов Владимир Федорович (1904–1974) — поэт, литературный критик, журналист. С 1922 г. в эмиграции в Праге, член «Скита» (с 1928) и литературного кружка «Далиборка». С 1939 г. в США, редактор «Нового русского слова» (1940–1943), русской службы «Голоса Америки» (1947–1974). Печатался в «Воле России», «Русской жизни», «Новом журнале» и др.

Несмелов Арсений (наст. имя и фам. Митропольский Арсений Иванович; 1889–1945) — поэт, прозаик, журналист. В 1924 г. эмигрировал в Харбин. Автор «Воли России», «Современных записок», «Русских записок», харбинской периодики. В 1945 г. арестован и отправлен в СССР. Умер в Гродековской пересыльной тюрьме близ Владивостока. Участвовал в поэтических сборниках «Кровавый отблеск» (Харбин, 1929), «Без России» (Харбин, 1931), «Только такие» («Шанхай, 1936), «Полустанок» (Харбин, 1938) и др.

Новосадов Б. (наст. имя и фам. Борис Христианович Тагго; 1907–1945) — поэт, журналист. С 1920 г. жил в Пярну, член Юрьевского цеха поэтов, участник собраний Ревельского цеха поэтов, печатался в сборниках «Новь», русской и эстонской периодике, автор книг «Шершавые вирши» (Таллин, 1936) и «По следам бездомных Аонид» (Таллин, 1938). С приходом советской власти работал переводчиком в Наркомате госконтроля. Во время фашистской оккупации Эстонии был редактором газеты «Новое время». В 1944 г. арестован органами НКВД, умер от туберкулеза в тюремной больнице. См. о нем: *Пономарева Г.М.* Б. Тагго-Новосадов в газете «Новое время» (1941–1944) // Балтийский архив. Таллинн, 1996. Т. 1. С. 252–260.

Остроумова Татьяна Иосифовна (1901–1969) — поэт, переводчик, преподаватель. Эмигрировала в начале 1920-х гг. в Эстонию, затем переехала во Францию. После Второй мировой войны переехала в США, преподавала русский язык на славянском отделении Университета штата Колорадо. Автор «Современных записок», «Новоселья», «Нового журнала», поэтических антологий «Эстафета», «Ковчег», «На Западе», «Содружество».

Пастухов Всеволод Леонидович (1894–1967) — пианист, музыкальный деятель, поэт, прозаик. Молодость провел в Петербурге, посещал «Бродячую собаку» и «Привал комедиантов», был знаком с И. Репиным, М. Кузминым, Г. Ивановым и др. Выпускник Петроградской консерватории (1917). С 1921 г. жил в эмиграции в Риге, где открыл музыкальную школу, сотрудничал в газете «Сегодня». Концертировал в Европе. В 1944 г. покинул Ригу, а после войны переехал в США. Автор поэтического сборника «Хрупкий полет» (Нью-Йорк, 1967). Соредатор первых трех номеров журнала «Опыт».

Ратауз Татьяна Даниловна (в первом браке Асеева, во втором Клименко; 1909–1993) — с 1921 г. в эмиграции в Берлине, с 1923 г. в Праге, член литературного объединения «Скит» (с 1930). В 1935 г. уехала в Ригу. Актриса Рижского театра русской драмы (1935–1941, 1944–1946). Автор «Современных записок», «Русских записок», «Последних новостей», «Меча», «Возрождения».

Рубисова Елена Федоровна (урожд. Гейтман; 1897–1988) — художник, поэт, искусствовед. Эмигрировала в 1920 г. в Германию. Училась в Берлинской академии художеств. С 1921 г. жила в Париже. Занималась книжной иллюстрацией. В 1939 г. переехала с семьей в США. Вернулась во Францию. Автор «Русской мысли», «Нового русского слова», «Нового журнала», «Опытов», «Новоселья». Автор книг «Искусство России» («Art of Russia»; New York: Philosophical Library, 1946) и «Искусство Азии» («Art of Asia»; New York: Philosophical Library, [1954]), поэтического сборника «Дуэль» (Париж. Дом книги, 1946), сборника рассказов «Нью-Йорк» (Париж: Дом книги, 1958), «Разговор с зеркалом: Рассказы» (Париж: Les Press du Temps Present, 1977) и др.

Струве Глеб Петрович (1898–1985) — поэт, литературовед. С 1918 г. в эмиграции в Англии, с 1922 г. в Праге, потом переселился в Берлин, Париж. С 1927 г. член редакции газеты «Россия», затем «Россия и славянство» (1928–1932). С 1932 г. более десяти лет преподавал русскую литературу в Лондонском университете. Преподаватель Калифорнийского университета в Беркли (1947–1967). Автор сборника «Утлое жилье: Избранные стихи 1915–1949 гг.» (Вашингтон, 1965, 1978).

Тимашева Татьяна Николаевна (урожд. Рузская; 1891–1950). В 1921 г. эмигрировала вместе с мужем Н.С. Тимашевым (1886–1970) из России в Финляндию. Затем переехала в Берлин. С 1923 г. жила в Праге. В 1927 г. переехала в Париж. С 1936 г. в США.

Толстая Мария Андреевна (в первом браке Ваулина, во втором Мансветова; 1908–1993) — дочь Андрея Львовича Толстого (1877–1916), сына Л.Н. Толстого. В 1924 г. выехала из Москвы в Чехословакию. Поступила в русскую гимназию в Моравской Тршебове, где училась до 1928 г. С 1937 г. участница пражского «Скита». В 1939 г. стала членом Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. С 1940 г. в США. Работала на «Радио Свобода», преподавала русский язык в Корнельском, Колумбийском и др. университетах. Ее стихи были включены в антологии «Эстафета» (1948), «На Западе» (1953).

Чегринцева Эмилия Кирилловна (урожд. Цегоева; 1904–1989) — поэт. С 1920 г. оказалась «вне России» в результате Бессарабского протокола, по которому Кишинев, где проживала семья Цегоевых, отошел к Румынии. С 1927 г. в Праге. В том же году принята в «Скит поэтов». Соредатор совместно с А. Головиной и В. Морковиним сборников «Скит» II (1934) и совместно с Е. Гессеном сборника «Скит» IV (1937). С 1934 г. член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В 1946 г. получила советское гражданство. Автор поэтических сборников «Посещения: Стихи. 1929–1936» (Прага, 1936) и «Строфы» (Варшава, 1938).

Чехонин Михаил Георгиевич (1907–1962) — уроженец Петрозаводска. Основную часть жизни прожил в Нью-Йорке. Единственный сборник: «Стихи» (Нью-Йорк, 1946).

Шумаков Юрий Дмитриевич (1914–1997) — поэт. Жил в Тарту, печатался в сборниках «Новь», член Таллинского цеха поэтов, автор поэтических сборников «Третья встреча» (Братислава, 1934), «Вне» (Белград; Тарту, 1935), «Около» (Белград; Тарту, 1937).

Яссен Ирина (наст. имя и фам. Рахиль Самойловна Чеквер; 1893–1957) — автор сборников «Земной плен» (Нью-Йорк, 1944), «Дальний путь» (Нью-Йорк, 1946), «Лазурное око» (Париж, 1950), организатор издательства «Рифма».

⁴⁵ Георгий Адамович в одних только «Последних новостях» дал два десятка отзывов. Наиболее значительны: статья «Памяти Поплавского» (Последние новости. 1935. 17 окт. № 5320. С. 2), а также рецензии на книги Поплавского «Флаги» (Последние новости. 1931. 16 апр. № 3676. С. 2), «Снежный час» (Последние новости. 1936. 30 апр. № 5516. С. 2), «В венке из воска» и «Из дневников» (Последние новости. 1938. 29 дек. № 6485. С. 3). См. также: Иванов Г. Борис Поплавский «Флаги» // Числа. 1931. № 5. С. 231–233; Ходасевич В. Книги и люди: «Круг» [Кн. 1] // Возрождение. 1936. 18 июля. № 4035. С. 5.

⁴¹⁶ Главы из романа Поплавского «Аполлон Безобразов» печатались в «Числах» (1930. № 2/3. С. 84–109; 1931. № 5. С. 80–107; 1934. № 10. С. 133–149) и «Встречах» (1934. № 6. С. 250–265), после войны в «Опытах» (1953 № 1. С. 65–77; 1955. № 5. С. 20–38; 1956. № 6. С. 5–17), главы из романа «Домой с небес» публиковались в альманахе «Круг» (1936. № 1. С. 3–21; 1937. № 2. С. 3–55; 1938. № 3. С. 97–121). Первое книжное издание появилось лишь в конце века: *Поплавский Б.* Домой с небес: Романы / Сост., вступ. ст., примеч. Л. Аллена. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993.

⁴¹⁷ *Гершельман К.* О «Царстве Божиим» // Опыты. 1955. № 4. С. 76–86; *Он же.* Об игре // Там же. 1956. № 6. С. 18–24; *Он же.* Самоубийца и звезды // Там же. 1958. № 9. С. 68–73. Совсем недавно его произведения были собраны в отдельную книгу: *Гершельман К.К.* «Я почему-то должен рассказать о том...»: Избранное / Сост., вступ. ст., примеч. С.Г. Исакова. Таллин: INGRID, 2006.

⁴¹⁸ *Поплавский Б.* Среди сомнений и очевидностей // Утверждения. 1932. № 3. С. 99.

⁴¹⁹ Одарченко Юрий Павлович (1903–1960) — поэт, прозаик, литературный критик, дизайнер. В 1920 г. эмигрировал с родителями во Францию. Жил в Ницце, затем переехал в Париж. Учился в художественном училище. В 1934 г. основал в Париже ателье дамской моды, как дизайнер сотрудничал с крупными европейскими фирмами. В 1938 г. организовывал в своем доме литературные собрания и концерты. С 1930 г. занимался живописью. Печататься начал в 1940-е гг. Член Союза русских писателей и журналистов. В 1950 г. в Объединении русских писателей и поэтов провел свой вечер. Покончил с собой. При жизни отдельным изданием вышел только сборник стихотворений «Денёк» (Париж, 1949).

⁴²⁰ Котрянская Наталья Владимировна (1901–1983) — детский писатель, литературовед, мемуарист, биограф А.М. Ремизова. В 1919 г. эмигрировала в Женеву, в 1927 г. переехала в Париж, с 1940 г. в Нью-Йорке. Книге «Сказки» (Париж, 1950, иллюстрации Н. Гончаровой) было посвящено одно из собраний Объединения русских писателей и поэтов в Париже. Автор «Возрождения», «Нового журнала», «Граней», «Русской мысли».

⁴²¹ Руссо Анри Жюльен Феликс (Rousseau; 1844–1910) по прозвищу Таможенник (Le Douanier) — французский художник-самоучка, создатель примитива (Art Naïf) во французском искусстве.

⁴²² Варшавский приводит не выше, а ниже цитату из предисловия Иваска к изданию: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Ю.П. Иваск. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 7.

⁴²³ Из пушкинского «Влаха в Венеции» («Как покинула меня Парасковья...») (1835) цикла «Песни западных славян».

⁴²⁴ Блез Паскаль. «Мысли о религии». Ср.: *Паскаль Б.* Мысли о религии / Пер. с фр. С. Долгова. 2-е изд. М., 1902. С. 157 (Статья V: «Жалкое состояние человека», IX).

⁴²⁵ Запись Поплавского в дневнике от 9 августа 1935 г. приведена в статье: *Татищев Н.* О Поплавском // Круг. 1938. № 3. С. 161.

⁴²⁶ Из незаконченного стихотворения Пушкина «Когда владыка ассирийский...» (1835), содержащего строки: «Стоит, белеясь, Ветилуя / В недостижимой вышине». В неканонической Книге Юдифи рассказывалось, как Навуходоносор отправил своего полководца Олоферна наказать непокорных иудеев, которые укрепились в Ветилуе. Юдифь спасла город, отрубив Олоферну голову.

⁴²⁷ Отсылка к роману «Домой с небес»: «Старые друзья, старые счета, старые самолюбия, старые унижения, и со всеми, решительно со всеми у Олега были сомнительные, невыясненные отношения. Всем им он в свое время или перехаил, или перекланялся, на тех сердился, стыдился этих...» (Круг. № 2. С. 6). Эту же фразу Поплавского упоминают И. Одоевцева в «На берегах Сены» и В. Яновский в «Полях Елисейских».

⁴²⁸ Из стихотворения Поплавского «Il neige sur la ville» («Страшно в бездне. Снег идет над миром...») (1931), включенного в сборник «Снежный час: Стихи, 1931–1935» (С. 48–49).

⁴²⁹ *Поплавский Б.* Аполлон Безобразов (Гл. I) // Числа. 1930. № 2/3. С. 87–89.

⁴³⁰ *Цветаева М.* Пленный дух (1934). У Цветаевой: «Затравленность и умученность ведь вовсе не требуют травителей и мучителей, для них достаточно самых простых нас, если только перед нами — не-

свой: негр, дикий зверь, марсианин, поэт, призрак. Не-свой *рожден* затравленным» (Собр. соч. : В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 265).

⁴³¹ *Шаршун С.* Долголиков. Париж: Числа, 1934. С. 124. Помимо этого издания, выпущенного тиражом в 100 экземпляров, фрагменты поэмы в прозе печатались в журнале (Числа. 1934. № 10. С. 187–197) и много позже вышли отдельным изданием: *Шаршун С.* Долголиков: Поэма. Париж, 1961.

⁴³² *Поплавский Б.* Вокруг «Чисел» // Числа. 1934. № 10. С. 206. Варшавский немного отредактировал цитату. У Поплавского: «железная яма одиночного заключения».

⁴³³ Роман В.В. Сирина (Набокова) «Приглашение на казнь» впервые был опубликован в журнале «Современные записки» (1935. № 58. С. 5–56; № 59. С. 45–97; 1936. № 60. С. 59–119).

⁴³⁴ *Сирин В.* Приглашение на казнь // Современные записки. 1935. № 59. С. 57–58.

⁴³⁵ Из стихотворения Поплавского «Как холодно. Молчит душа пустая...» (1932), сборник «Снежный час: Стихи, 1931–1935» (С. 36).

⁴³⁶ Из стихотворения Поплавского «Не говори мне о молчаньи снега...» (1932). Первое стихотворение из цикла «Над солнечною музыкой воды» (Снежный час: Стихи, 1931–1935. С. 77).

⁴³⁷ Из стихотворения Поплавского «Il neige sur la ville» («Страшно в бездне. Снег идет над миром...»).

⁴³⁸ Из стихотворения Поплавского «Не смотри на небо, глубоко...» (1931), сборник «Снежный час: Стихи, 1931–1935» (С. 28).

⁴³⁹ *Ходасевич В.* О смерти Поплавского // Возрождение. 1935. 17 окт. № 3788. С. 3.

⁴⁴⁰ Первые строки отзыва на книгу Мережковского: *Поплавский Б.* По поводу «Атлантиды — Европы» // Числа. 1930/1931. № 4. С. 161.

⁴⁴¹ *Федотов Г.П.* О парижской поэзии // Ковчег: Сборник зарубежной русской литературы. Нью-Йорк: Изд-во Объединения русских писателей, 1942. № 1. С. 195.

⁴⁴² См. примеч. 373.

⁴⁴³ *Поплавский Б.* Аполлон Безобразов (Гл. I) // Числа. № 2/3. С. 91.

⁴⁴⁴ Варшавский с купюрами цитирует фрагмент рассказа: *Ставров П.* Арман Лекляр // Встреча. 1945. № 1. С. 13–14.

⁴⁴⁵ *Газданов Г.* Водяная тюрьма // Числа. 1930. № 1. С. 34–35.

⁴⁴⁶ Там же. С. 46.

⁴⁴⁷ Первая строфа стихотворения Боратынского «Последняя смерть» (1827).

⁴⁴⁸ *Сирин В.* Приглашение на казнь // Современные записки. 1935. № 59. С. 55. Неточная цитата, у Набокова: «...они содержат в себе, в очень смутном, разбавленном состоянии, — больше истинной действительности, чем наша хваленая явь...»

⁴⁴⁹ Из одиннадцатого параграфа первого раздела трактата: *Гершельман К.* О «Царстве Божиим» // Опыты. 1955. № 4. С. 78. Несколькими годами позже Ю. Терапиано посвятил отдельную статью этому трактату Гершельмана: *Терапиано Ю.* «О царстве Божиим» // Русская мысль. 1961. 21 янв. № 1633. С. 6–7.

⁴⁵⁰ Варшавский цитирует здесь параграфы из разных мест трактата.

⁴⁵¹ Фрагмент романа Яновского «Любовь вторая» был впервые напечатан под названием «Преображение: Парижская повесть» (Современные записки. 1933. № 53. С. 113–145). Целиком роман вышел в Издательстве Объединения писателей (Париж, 1935). Ниже Варшавский приводит фрагменты из полной версии.

⁴⁵² Первую цитату Варшавский приводит не из дневников, а из романа «Домой с небес» (Круг. № 2. С. 18–19).

⁴⁵³ Отдельные фрагменты из книги: *Поплавский Б.* Из дневников: 1928–1935. Париж: Т-во объединенных издателей, 1938. С. 31–32, 39, 55–56, 58–59.

⁴⁵⁴ Варшавский приводит обрывки фраз из разных мест статьи: *Бердяев Н.* По поводу «Дневников» Б. Поплавского // Современные записки. 1939. № 68. С. 441–446. Неточная цитата, у Бердяева: «Это

книга очень значительная, и над ней стоит задуматься. Печальная, мучительная книга. Документ современной души, русской молодой души в эмиграции <. > Б. Поплавский, который был настоящий страдалец, в значительной степени есть жертва стремления к святости, к ложно понятой максималистской святости» (С. 441, 443).

⁴⁵⁵ Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Париж: Изд-во «Современные записки», 1931. Т. 2. Ч. 1. С. 351

⁴⁵⁶ Слова Татищева Варшавский приводит по памяти. У Татищева. «Так трагически в "ничто" вылился этот длительный "роман с Богом"» (Татищев Н. О Поплавском // Круг. 1938. № 3. С. 160).

⁴⁵⁷ Сирин В. Приглашение на казнь // Современные записки. 1936. № 60. С. 119.

⁴⁵⁸ Гершензон М. Исторические записки: О русском обществе. М., 1910.

⁴⁵⁹ Из статьи И.В. Киреевского «О верующем разуме»: «Главный характер верующего мышления заключается в стремлении собрать все отдельные части души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объем ума сливается в одно живое единство и таким образом восстанавливается существенная личность человека в ее первозданной неделимости» (Киреевский И. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1861. Т. 2. С. 336).

⁴⁶⁰ Поплавский Б. Человек и его знакомые // Числа. 1933. № 9. С. 138.

⁴⁶¹ Он же. Вокруг «Чисел» // Там же. С. 204.

⁴⁶² Он же. Из дневников: 1928–1935. [Запись от 4 августа 1933]. С. 44.

⁴⁶³ Александрова Вера (псевд.; наст. имя и фам. Вера Александровна Шварц, урожд. Мордвинова; 1895–1966) — литературный критик, литературовед, публицист, мемуаристка в эмиграции — с 1922 г., сначала проживала в Берлине, потом в Париже, с 1940 в Нью-Йорке. В 1946–1948 сотрудник редакции русскоязычного журнала «Америка». В 1952–1956 гг. главный редактор «Издательства имени Чехова» Автор воспоминаний «Пережитое (1917–1921)» (Нью-Йорк, 1962). Не раз печаталась в «Новом русском слове». Источник цитаты установить не удалось.

⁴⁶⁴ Газданов Г. О Поплавском // Современные записки. 1936. № 59. С. 463.

⁴⁶⁵ См. об этом в публикации. Поплавский Б. Берлинская выставка 1922 года / Публ. Э. Менегальдо, предисл. Э. Менегальдо, Ж.-К. Маркадэ, примеч. Ж.-К. Маркадэ // Диаспора. Вып. 7. 2005. С. 553–570.

⁴⁶⁶ Кузнецова Г. На вершине холма // Пестрые рассказы: Сборник эмигрантской прозы / Под ред. В. Александровой. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 137–146. В том же сборнике был опубликован рассказ Варшавского «Первый бой» (С. 29–42).

⁴⁶⁷ Из стихотворения Марины Цветаевой «Поэты» (1923).

⁴⁶⁸ Из приложения Спинозы к «Основам философии Декарта» («Приложение, содержащее метафизические мысли», или «Cogitata Metaphysica». Вторая часть. Глава XI: О содействии Бога). В переводе В.В. Соколова: «Знание бога так же мало похоже на знание человека, как созвездие Пса на лающее животное».

⁴⁶⁹ Источник цитаты установить не удалось, возможно, устное высказывание.

⁴⁷⁰ Из рецензии Георгия Иванова на книгу Поплавского «Флаги» (Числа. 1931. № 5. С. 232)

⁴⁷¹ К Джойсу Поплавский относился с восхищением: Поплавский Б. По поводу Джойса // Числа. 1930/1931. № 4. С. 170–175.

⁴⁷² Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Числа. 1934. № 10. С. 205.

⁴⁷³ Из черновой заметки Пушкина 1824 г., печатающейся без названия по первым словам: «[Причинами, замедлившими ход нашей словесности...].»

⁴⁷⁴ Ходасевич В. О Сирине // Возрождение. 1937. 13 февр. № 4065. С. 9.

⁴⁷⁵ Отсылка к главе V «Приглашения на казнь»: «Цинциннат опять опустился на койку и сказал: — Да, это хорошо. Благодарю вас, кукла, кучер, крашенная сволочь... Простите, я немножко...

Тут стены камеры начали выгибаться и вдавливаться, как отражения в поколебленной воде; директор зазыбился, койка превратилась в лодку...» (Современные записки. 1935. № 58. С. 40).

⁴⁷⁶ Шестов Л. На весах Иова. Париж: Изд-во «Современные записки», 1929. С. 101–102. (Из главы «На страшном суде: Последние произведения Л Н Толстого» III.)

⁴⁷⁷ Сирин В. Приглашение на казнь // Современные записки. 1935. № 58. С. 16.

⁴⁷⁸ Там же. № 59. С. 55.

⁴⁷⁹ Там же. С. 53. Неточная цитата, у Набокова: «...я снимаю с себя оболочку за оболочкой, и наконец .. не знаю, как описать...»

⁴⁸⁰ Из незаконченных «Писем о материализме» (1861) Ю. Самарина (*Самарин Ю* Сочинения: В 10 т М., 1887. Т. 6. С. 551). Варшавский, судя по всему, приводит эту цитату (как и многие другие) по книге В.В. Зеньковского «История русской философии» (Париж: YMCA-Press, [1948]. Т. 1 С. 242. Глава «И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, К.С. Аксаков»).

⁴⁸¹ Набоков В. Другие берега. С. 253.

⁴⁸² В рецензиях на «Числа» сравнение с «Аполлоном» звучало не раз, но этот тезис Варшавского больше всего похож на начало статьи Г.П. Федотова: «Когда вышла первая книга "Чисел", в широких кругах читателей смотрели на новый журнал, как на воскресший "Аполлон". В этом убеждали и имена многих авторов, связанных с петербургским акмеизмом, и внимание, уделяемое вопросам искусства, прекрасные иллюстрации и совершенство типографской техники» (*Федотов Г.* О смерти, культуре и «Числах» // Числа. 1930/1931. № 4. С. 143).

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Варшавский не совсем точно цитирует «Путешествие из Петербурга в Москву». У А.Н. Радищева: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

⁴⁸⁵ Мюнцер Томас (Фома) (Müntzer, Münzer; ок. 1490–1525) — радикальный проповедник времен Реформации, духовный лидер социального движения, проповедовавшего всеобщее равенство на основе евангельских идеалов и террор против традиционной церкви и дворянства.

⁴⁸⁶ Из стихотворения Е.А. Боратынского «Недоносок ("Я из племени духов...")» (1835).

⁴⁸⁷ См. примеч. 405.

⁴⁸⁸ Ходасевич В. Кровавая пища // Возрождение. 1932. 21 апр. № 2515. С. 3.

⁴⁸⁹ Диксон Владимир Васильевич (1900–1929) — поэт, прозаик, с 1917 г. жил в США, служил переводчиком в американской армии, потом работал в компании Зингера в США, а с 1923 г. во Франции. Выпустил сборники стихов «Ступени» (Париж, 1924) и «Листья» (Париж, 1927). Скончался от эмболии после операции. Посмертно вышла (с предисловием А.М. Ремизова) книга «Стихи и проза» (Париж: Вол, 1930).

⁴⁹⁰ Шарнипольский Соломон (Зяма) Петрович (1901–1929) — член Союза сионистов-ревизионистов, сотрудник журнала «Рассвет», автор вышедшей посмертно книги «Стихотворения» (Париж, 1930). Погиб в автокатастрофе, см. в воспоминаниях Сосинского: «Нас в Париже было множество. Вокруг альманаха "Стихотворение" под редакцией Бориса Борисовича Божнева и ежемесячника "Воля России", где редактором по поэзии и прозе был Марк Львович Слоним, бушевали Вадим Андреев, Александр Гингер, Анна Присманова, Борис Поплавский, Владимир Познер... Был среди нас самый молодой С. Шарнипольский. Он любил нас всех, и мы у него пользовались сокрушительным авторитетом. Ах, какая жестокая судьба! Из США уже плыла к нему его семья: родители, сестра, братья, которых он не видел много лет. Это был день моей свадьбы. Он был моим шафером, — страшный день! Не хватило за новобрачным столом вина; Шарнипольский вызвался привезти и на велосипеде помчался в город. Попал под тяжелый грузовик и погиб за два дня до прибытия в Париж его любимой семьи, по которой так скучал» (*Сосинский В.* Конурка // Вопросы литературы 1991. № 6. С. 187–188).

⁴⁹¹ Болдырев И. (наст. имя и фам. Иван Андреевич Шкотт; 1903–1933) — прозаик, автор единственной книги «Мальчики и девочки» (Париж: Новые писатели, 1929). Будучи студентом Московского

университета, организовал независимую студенческую группу, весной 1924 г. был арестован и после восьми месяцев тюрьмы сослан в Нарымский край, откуда бежал и в октябре 1925 г. пересек советско-польскую границу. «В Польше Шкотта арестовали, затем выпустили, и он смог добраться до Франции, где начал работать чернорабочим. <...> Условия побега тяжело отразились на его здоровье, он начал глухнуть, боялся, что потеряет и зрение» (*Шаховская З.А.* В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 157) Боясь наступления полной глухоты, покончил с собой, приняв смертельную дозу веронала.

⁴⁹² Агеев М. (наст. имя и фам. Марк Лазаревич (Людвигович, Леонтьевич) Леви; 1898–1973) — прозаик, с 1925 г. в эмиграции в Константинополе. В 1934 г. был опубликован его «Роман с кокаином» (отдельное издание — 1936), получивший одобрительные отзывы Г.В. Адамовича, Д.С. Мережковского, В.В. Вейдле, П.М. Пильского. Вернулся в СССР в 1942 г. См. о нем: «Был такой писатель Агеев...»: Версия судьбы, или О пользе наивного биографизма / Публ. Г.Г. Суперфина и М.Ю. Сорокиной // *Минувшее*. Вып. 16. М.; СПб.: Феникс-Атенеум, 1994. С. 265–285.

⁴⁹³ Буткевич Борис Васильевич (1895–1931) — прозаик, участник Первой мировой войны и Белого движения, в эмиграции с 1921 г., жил в Харбине, Шанхае, с 1924 г. в Сербии, затем во Франции, работал грузчиком, пастухом, носильщиком, кочегаром. Печатался (в том числе под псевдонимом Борис Бета) в «Возрождении», в журналах «Новый дом», «Новый корабль» и «Числа». Скончался от туберкулеза в марсельской больнице.

⁴⁹⁴ Гессен Евгений Сергеевич (1910–1944?) — поэт, сын философа и педагога С.И. Гессена. Эмигрировал в 1921 г. вместе с семьей из России в Финляндию, в 1922 г. переехал в Берлин, учился в берлинской русской гимназии. В 1924 г. перебрался в Прагу, где отец Гессена в 1923 г. получил профессию в Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского. С 1924 г. учился в пражской Русской реформированной реальной гимназии. По окончании гимназии учился в Лувенском католическом университете (1929–1930) и пражском Политехническом институте (1934–1939). Член объединения «Скит» с 1932 г., с 1935 г. печатался в сборниках «Скита», в «Мече», «Нови», «Журнале Содружества» и «Современных записках». Соредактор (с Э. Чегринцевой) четвертого сборника «Скита». В 1942 г. отправлен в рабочий лагерь Терезин, в 1944 г. транспортирован в Освенцим, откуда уже не вернулся. О нем см.: *Каменская В.* О Евгении Гессене // *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии... [В 2 ч.]*. Прага, 1995. Ч. 1. С. 274–283. См. также: «Скит». Прага 1922–1940: Антология Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л.Н. Белошевской; Сост., биографии Л.Н. Белошевской, В.П. Нечаева. М.: Русский путь, 2006. С. 587–589

⁴⁹⁵ *Адамович Г.* Довид Кнут и П. Ставров // *Новое русское слово*. 1955. 29 мая. № 15737. С. 8.

⁴⁹⁶ Варшавский неточно цитирует стихотворение Н.А. Некрасова «В больнице» («Вот и больница. Светя, показал...») (1855). У Некрасова: «в нашей судьбе».

⁴⁹⁷ Емельянов Виктор Николаевич (1899–1963). Родился в Екатеринбурге, учился на медицинском факультете Таврического университета в Симферополе, участвовал в Гражданской войне, служил на Черноморском флоте, был ранен. Из России выехал в 1920 г., два года провел в Болгарии. Во Франции с 1923 г. Работал на автомобильном и химическом заводах полуквалифицированным рабочим. В 1934–1937 гг. был безработным. Впервые повесть «Свидание Джима» была напечатана в сокращенном виде под названием «Люль» в первой книге альманаха «Круг» (1936), в 1938 г. вышла в Париже отдельным изданием, переиздана после смерти автора в 1964 г.

⁴⁹⁸ *Газданов Г.* О Поплавском // *Современные записки*. 1936. № 59. С. 464.

⁴⁹⁹ Шаршун Сергей Иванович (1888–1975) — художник, писатель, с 1912 г. жил в Париже, участник литературных объединений «Палата поэтов» (1920–1921), «Гатаралак» (1921–1922), «Через» (1923–1924), «Кочевье» (1928–1934), «Круг» (1935–1939). См. о нем: *Bosquet A., Guerra R.* Charchoune — une archéologie de l'âme. Paris: Galerie de Seine, 1973.

⁵⁰⁰ Ю. Терапиано и Ю. Иваск были после войны главными пропагандистами «парижской ноты» и посвятили ей десятки статей. См. подробнее: *Коростелев О.А.* «Парижская нота» // *Русская литература*

1920–1930-х годов: Портреты поэтов: В 2 т. / Ред.-сост. А.Г. Гачева, С.Г. Семенова. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Т. 2. С. 500–552.

⁵⁰¹ Горбов Яков Николаевич (1896–1981) — писатель, участник Первой мировой войны и Белого движения, поручик-танкист во врангелевской армии, в эмиграции с 1920 г. Окончил Высшую текстильную школу и отделение политических наук Католического университета во Франции, одно время работал водителем такси; монархист, член Союза младороссов, редактор «Младоросской искры» (Париж). В 1940 г. воевал в составе французской армии, награжден Военным крестом за храбрость. Автор нескольких романов на французском языке, переведенных им же на русский: «Второе пришествие» (1960), «Все отношения» (1964) и др.; член Союза русских писателей и журналистов в Париже, соредaktor журнала «Возрождение» в 1960–1974 гг., печатался также в «Новом журнале» и «Новом русском слове». Русская версия романа «Асунта» в 1966 г. была опубликована в «Возрождении» в номерах 169–175, а затем вышла отдельным изданием (Париж, 1967).

⁵⁰² До выхода «Асунты» была рецензия на роман Якова Горбова «Второе пришествие» (французское издание в авторском переводе): *Адамович Г.* «Второе пришествие» // Новое русское слово. 1951. 12 авг. № 14353 С. 8.

⁵⁰³ *Террапиано Ю.* О творчестве Якова Горбова // Русская мысль 1974. 31 янв. № 2984. С. 8–9. Частично вошла под названием «Яков Горбов» в издание: *Террапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека: 1924–1974. Эссе, воспоминания, статьи. Париж: Альбатрос; Нью-Йорк: Третья волна, 1987. С. 299–303.

⁵⁰⁴ Шувалов Иван Павлович, граф (1903–1980) — прямой потомок старинного дворянского рода, ведущего свое начало от императора Петра III. Сын генерал-майора, московского полицмейстера Павла Петровича Шувалова (убит в 1905). В России граф И.П. Шувалов был близок к царской семье, лично знал цесаревича Алексея Николаевича. После революции вместе с семьей покинул Россию, сначала провел некоторое время в Афинах, где учился в католическом лицее, потом осел во Франции. В эмиграции сдружился со многими известными людьми, в том числе с С.И. Шаршуном.

⁵⁰⁵ *Шувалов И.* Хлеб и молоко. Париж: Сета, 1973. См.: *Иваск Ю.* [Рец. на кн.: Шувалов И. Хлеб и молоко] // Новый журнал. 1973. № 113. С. 290–291.

⁵⁰⁶ *Татищев Н.* Письмо в Россию. Париж: YMCA-Press, 1972; *Он же.* В дальнюю дорогу. Париж: YMCA-Press, [1973].

⁵⁰⁷ Рафальский Сергей Милич (Милиевич) (1896–1981) — литератор, журналист, участник Белого движения, в 1921 г. после присоединения Волыни к Польше оказался на польской территории. С 1922 г. в Праге, один из организаторов объединения «Скит поэтов», близок к сменовеховскому движению, с 1929 г. в Париже. Подробнее о нем см. в издании: «Скит». Прага 1922–1940: Антология. С. 91–94.

⁵⁰⁸ *Прегель С.* Мое детство: В 3 т. / Подгот. к печати В.Л. Андреевым. Париж: Новоселье, 1973–1974.

⁵⁰⁹ Фраза известна со слов самой Одоевцевой. В сохранившихся письмах Адамовича к ней такое выражение не встречается (во всяком случае, в письмах, отложившихся в фондах Адамовича (Gen MSS 92) и Одоевцевой (Gen MSS 101) в библиотеке Йельского университета Beinecke Rare Book and Manuscript Library, New Haven, USA). См.: «Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды»: Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее. 1997. Вып. 21. С. 391–501; «Верной дружбе глубокий поклон»: Письма Георгия Адамовича Ирине Одоевцевой (1958–1965) / Публ. Ф. Черкасовой // Диаспора. 2003. Вып. 5. С. 558–608.

⁵¹⁰ Предположение Варшавского о том, что Адамовичу нравились стихи Софии Прегель, основано лишь на печатных отзывах, в письмах друзьям тот высказывался более критично, например, в письме Бахраху 10 мая 1953 г. Адамович писал: «На днях выходят "Берега" — Софи Ровницкой-Прегель! Я чувствую некую растерянность, оттого что придется высказаться, а *entre nous* [между нами (*фр.*)], большей поэтической дребедени на свете не существует» (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History

and Culture. Columbia University. New York. MS. Coll Bacherac). В печати, однако, и об этом сборнике (Адамович Г. Новые стихи // Новое русское слово. 1953. 4 окт. № 15135. С. 8), и о других книгах Прегель Адамович высказывался одобрительно и советовал Одоевцевой поступать так же. Прочитав рецензию Одоевцевой (Русская мысль. 1960. 23 февр. № 1490. С. 6, 7) на сборник Софии Прегель «Встреча: Пятая книга стихов» (Париж: Новоселье, 1958), Адамович писал Одоевцевой 8 марта 1960 г.: «О Прегельше Вы написали хорошо, и, верно, она довольна. Как говорил Пушкин, литература пройдет, а дружба останется» («Верной дружбе глубокий поклон»: Письма Георгия Адамовича Ирине Одоевцевой (1958–1965) // Диаспора. 2003. Вып. 5. С. 580).

⁵¹¹ Из того же письма Одоевцевой к самой Прегель, из которого известно и о «директрисе эмигрантской литературы».

⁵¹² Муравьев Петр Александрович — экономист, литературовед, писатель, живописец. Родился в Белграде, учился в Мюнхене, потом переехал в США, где получил в Нью-Йорке докторскую степень. Автор романов «Время и день» (1974), «Полюс Лорда» (1990).

⁵¹³ Муравьев П. Время и день. Нью-Йорк: Континент, 1973–1974.

⁵¹⁴ Иоанн, архиепископ (Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902–1989) — церковный деятель, литератор, с 1920 г. в эмиграции, редактор журнала «Благонамеренный» (Брюссель, 1926). Принял монашеский постриг на Афоне (1926), рукоположен в священника (1927). С января 1946 г. в США, ведущий религиозной программы русского отдела радиостанции «Голос Америки» (1946–1986), епископ Бруклинский (с 1947), декан Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке (с 1948), архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский (с 1961). Публиковал стихи под псевдонимом Странник.

⁵¹⁵ Странник. Упразднение месяца: Лирическая поэма. Нью-Йорк: Изд. «Нового журнала», 1968 (в 1977 г. опубликовал вторую редакцию под названием «Поэма о русской любви»).

⁵¹⁶ Ульянов Н. Десять лет // Новое русское слово. 1958. 18 дек. № 16709. С. 2. То же: Русская мысль 1959. 17 февр. № 1331. С. 4–5.

⁵¹⁷ Приводимый список отражает скорее «удельный вес» перечисленных писателей в послевоенную эпоху, чем реальную историю эмигрантской литературы, начало которой Варшавский по возрасту не захватил. И Гуль, и Андрей Седых не имели никакого отношения к «старой писательской среде Петербурга и Москвы», да, в сущности, Берберова и Бахтин тоже всерьез писать начали лишь в эмиграции.

⁵¹⁸ Имеется в виду книга: Русская литература в эмиграции: Сб. ст. / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972.

⁵¹⁹ Варшавский с купюрами цитирует фрагмент предисловия: На Западе: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Ю.П. Иваск. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 7.

⁵²⁰ Тургенев относит этот разговор к лету 1844 г.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1967. Т. 15. С. 29.

⁵²¹ Балмашёв Степан Валерианович (1881–1902) — эсер, студент Казанского, а затем Киевского университетов. 2 апреля 1902 г. в знак протеста против правительственных репрессий застрелил в Мариинском дворце в Петербурге министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Повешен в Шлиссельбургской крепости.

⁵²² Калыев Иван Платонович (1877–1905) — террорист. Родился в Варшаве. В 1899 г. принимал активное участие в студенческих волнениях Санкт-Петербургского университета. После трехмесячного ареста отбывал ссылку в Екатеринославе. Там участвовал в деятельности социал-демократических и марксистских групп. Пытался эмигрировать в Германию, но был выдан российским властям. После освобождения из варшавской тюрьмы и ссылки в Ярославль все же уехал за границу, где примкнул к эсерам. Под влиянием своего старого друга детства Б.В. Савинкова стал членом Боевой организации. Принимал участие в подготовке покушения на В.К. Плеве. 4 февраля 1905 г. совершил убийство московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. 5 апреля 1905 г. суд вынес Калыеву смертный приговор, по которому он был казнен в Шлиссельбургской крепости.

⁵²³ Бюхнер Людвиг (Büchner; 1824–1899), Молешотт Якоб (Moleschott; 1822–1893) — немецкие физиологи и философы, представители вульгарного материализма, чьи идеи были весьма популярны в среде радикально настроенной молодежи 1860-х.

⁵²⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Ч. 2. Кн. 5. III.

⁵²⁵ В эмиграции эту сцену часто вспоминал в своих статьях Адамович. См., например: Адамович Г. Парижские впечатления // Последние новости. 1934. 12 апр № 4767. С. 2; глава «Мережковский» книги «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955); «Комментарии» и др.

⁵²⁶ Определение вошло в широкий оборот благодаря известному библиофилу, другу А.С. Пушкина Сергею Александровичу Соболевскому (1803–1870), который именовал так группу молодых дворян-любомудров», служивших в 1820-х гг. в Московском архиве Министерства иностранных дел. К «архивным юношам» относились сам С.А. Соболевский, поэт Д.В. Веневитинов, литераторы С.П. Шевырев, В.Ф. Одоевский, братья И.В. и П.В. Киреевские.

⁵²⁷ Варшавский приводит цитату из VI главы «Рудина» с большими купюрами.

⁵²⁸ Имеется в виду книга: Зензинов В. Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953.

Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) — один из лидеров эсеров. С 1906 г. член Боевой организации эсеров, в 1917 г. сотрудник редакции газеты «Дело народа», после Октябрьской революции член Уфимской директории. С 1919 г. за границей. Член фонда «Afran Foundation». В Нью-Йорке издавал журнал «За свободу». Член нью-йоркской группы эсеров, Лиги борьбы за народную свободу, один из руководителей общества «Надежда». Похоронен в Нью-Йорке.

⁵²⁹ Варшавский приводит фразы из разных мест главы «Годы юности».

⁵³⁰ Иоанн Сан-Францисский, еп. О нерелигиозном использовании религии // Новое русское слово. 1953. 29 нояб. № 15191. С. 3.

⁵³¹ Мать Мария. Вторая заповедь // Православное дело. Париж, 1939. Сб. 1. С. 30. Под названием «Вторая евангельская заповедь» переиздано в сборнике. Мать Мария. Стихотворения, поэмы, мистери, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. Paris: La presse française et étrangère; Oreste Zeluck, [1947]. С. 95–113

⁵³² Источник цитаты установить не удалось.

⁵³³ Варшавский с небольшими разночтениями приводит цитату из «Литературных мечтаний» (1834) В.Г. Белинского. У Белинского: «...отрекись от себя <...> тяжким крестом выстрадай твое соединение с Богом, твое бессмертие, которое должно состоять в уничтожении твоего я, в чувстве беспредельного блаженства!..» (Белинский В.Г. Собр. соч.: В 3 т. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 1. С. 17–18).

⁵³⁴ Запись Герцена в дневнике от 24 марта 1844 г.

⁵³⁵ Варшавский ошибается, К.В. Мочульский скончался 21 марта 1948 г.

⁵³⁶ Мочульский К. Идея социального христианства и русской философии // Православное дело. Париж, 1939. Сб. 1. С. 45.

⁵³⁷ Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи: Сборник статей о русской революции. М., 1909. С. 161.

⁵³⁸ Хомяков А.С. Полн. собр. соч. В 8 т. М., 1900. Т. 2. С. 229–230.

⁵³⁹ Варшавский приводит фрагмент с большими купюрами: Богданов Е. Трагедия интеллигенции // Версты. 1927. № 2. С. 170–171.

⁵⁴⁰ Роман Алданова печатался в «Новом журнале» (1943–1946. № 4, 6–13), а позже был выпущен двухтомником (Париж: YMCA-Press, 1950).

⁵⁴¹ Гриневицкий Игнатий Иоахимович (1856–1881) — революционер-террорист, студент Санкт-Петербургского политехнического института (в 1875–1880), член «Народной воли» с 1879 г., принимал участие в подготовке покушения на императора. 1 марта 1881 г. метнул бомбу, от взрыва которой погиб Александр II, сам при этом был смертельно ранен.

⁵⁴² Желябов Андрей Иванович (1851–1881) — революционер-народник, член Исполнительного комитета «Народной воли», сторонник политики террора. Один из активных организаторов покушения на Александра II 1 марта 1881 г., накануне которого, 27 февраля был арестован. Потребовал приобщения себя к делу 1 марта. Произнес на процессе программную речь. Казнен с другими первоартовцами 3 апреля 1881 г.

⁵⁴³ Текст речи до революции публиковался дважды: Правительственный вестник. 1881. № 75; Процесс 1 марта 1881 г. СПб., 1906. С. 216–224. В советском переиздании приведенных Варшавских слов нет: Революционное народничество 70-х годов XIX века: Сборник документов и материалов: В 2 т. / Под ред. С.С. Волка. М.; Л.: Наука, 1965.

⁵⁴⁴ Климова Наталья Сергеевна (1885–1918) — революционерка, член партии эсеров-максималистов (с 1906). 30 ноября 1906 г. арестована за участие в покушении на Петра Столыпина (взрыв на Аптекарском острове). В казематах Петербургского ДПЗ Наталья Климова написала знаменитое «Письмо перед казнью». В 1907 г. приговорена военно-полевым судом к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. В 1909 г. бежала, в эмиграции в Париже, член Боевой организации эсеров и подруга Бориса Савинкова. В 1912 г. отошла от революционной деятельности

⁵⁴⁵ Сазонов (Созонов) Егор Сергеевич (1879–1910) — террорист-эсер, дважды арестовывался за участие в революционном движении, в 1903 г. отправлен в ссылку сроком на пять лет в Якутск, откуда бежал за границу, в эмиграции стал членом Боевой организации эсеровской партии. 15 июля 1904 г. по заданию Боевой организации совершил убийство министра внутренних дел В.К. Плеве. Был приговорен к каторжным работам, которые отбывал в Шлиссельбургской крепости и Акатуйских рудниках. В ноябре 1910 г. покончил жизнь самоубийством в знак протеста против издевательств тюремных властей над политзаключенными.

⁵⁴⁶ Бенеvская Мария Аркадьевна (1882–1942) — революционерка, член Боевой организации эсеров, изготавливала бомбы для террористических актов. Верующая христианка, не расстававшаяся с Евангелием, она, по мнению Б. Савинкова, верила в террор с какой-то религиозной фанатичностью.

⁵⁴⁷ Егор Сазонов. Материалы для биографии: Воспоминания. Письма. Документы. Портреты. М., 1919. С. 35–36.

⁵⁴⁸ Из предсмертной записки Сазонова: «Товарищи! Сегодня ночью я попробую покончить с собою. Если чья смерть и может приостановить дальнейшие жертвы, то прежде всего моя. А потому я должен умереть. Чувствую это всем сердцем; так больно, что я не успел предупредить двух умерших сегодня» (Там же. С. 100).

⁵⁴⁹ Бардина Софья Илларионовна (1853–1883) — революционерка-народница, одна из организаторов революционного женского кружка («Фричи») и наборщица в типографии журнала «Вперед!» П.Л. Лаврова. В 1872 г. уехала в Цюрих. В 1874 г. вернулась в Россию, стала активным членом народнического кружка в Москве. В 1875 г. арестована, судилась по «процессу 50-ти» (1877). На суде произнесла революционную речь, приговорена к 9 годам каторги, замененной ссылкой в Сибирь. Бежала оттуда в 1880 г., поселилась за границей, где вследствие тяжелой болезни покончила жизнь самоубийством.

⁵⁵⁰ Ульянов Александр Ильич (1866–1887), Генералов Василий Денисович (1867–1887), Андреюшкин Пахомий Иванович (1865–1887), Осипанов Василий Степанович (1861–1887) — революционеры-народники, входили в террористическую фракцию «Народной воли», готовили покушение на Александра III. 1 марта 1887 г. арестованы. Судом Особого присутствия Правительствующего сената приговорены к повешению и казнены 8 мая в Шлиссельбургской крепости.

⁵⁵¹ Валентинов Н. Ранние годы Ленина // Новый журнал. 1955. № 40. С. 213–214.

⁵⁵² Альбер Камю писал о Каляеве в своей книге «L'homme revolte», а кроме того, вывел его в своей пьесе: *Camus A. Les Justes*. London, 1960. См. также его рассуждения о разных типах русских революционеров: *Camus A. The Rebel*. Harmondsworth, 1965. С. 118–145.

⁵⁵³ Булгаков С. Героизм и подвижничество: Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции // Вехи: Сборник статей о русской революции. М., 1909. С. 29.

⁵⁵⁴ Из этюда Н.А. Бердяева «Новое средневековье» (Берлин: Обелиск, 1924. С. 16). Неточная цитата, у Бердяева: «...мир новой истории с его рационалистическим просвещением, с его индивидуализмом и гуманизмом, с его либерализмом и демократизмом».

⁵⁵⁵ Соловьев В.С. Письма: В 4 т. СПб.; Пг., 1908–1923. Т. 4. С. 34.

⁵⁵⁶ «Невскими скептиками» называли редакторский и авторский коллектив «Вестника Европы».

⁵⁵⁷ Соловьев Вл. Об упадке [О причинах упадка] средневекового миросозерцания (Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 350). Неточная цитата, у Соловьева: «Попробуйте сами сделать лучше, создать христианство живое, социальное, вселенское».

⁵⁵⁸ Источник цитаты установить не удалось.

⁵⁵⁹ Свою «Краткую повесть об Антихристе» Вл. Соловьев читал на публичной лекции в 1900 г. О восприятии ее публикой см. у С.М. Соловьева: «Часть публики аплодировала Соловьеву, но Розанов демонстративно свалился со стула, газеты наполнились глумлением, а студенты Московского университета прислали Соловьеву письмо, смысл которого сводится к следующему: "Скажите, сумасшедший вы или нет?"» (Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель: Жизнь с Богом, 1977. С. 352).

⁵⁶⁰ В конце 1904 г. по инициативе бывших участников «Астровских сред» В.П. Свенцицкого, С.Н. Булгакова, В.Ф. Эрна, П.А. Флоренского, А.В. Ельчанинова, А.С. Петрова и А.С. Волжина был основан Союз христианской борьбы (Христианское братство борьбы), ставивший себе целью радикальное, по существу революционное, обновление общественного строя, однако не в духе социализма, а в духе соловьевской теократии, при «свободном подчинении» государства Церкви. Одной из ближайших целей этого сообщества была религиозно-революционная проповедь среди рабочих. Но вскоре — не без влияния событий 1905 г. — отдельные участники (в том числе Флоренский) поняли утопичность этого начинания, и организация распалась.

⁵⁶¹ Булгаков С. Что дает современному сознанию философия Владимира Соловьева? // Вопросы философии и психологии. 1903. Янв.–февр. С. 52–96; Март–апр. С. 125–166.

⁵⁶² О журнале «Новый Град» (Париж, 1931–1939. № 1–14) существует уже некоторая литература: Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington: Indiana University, 1957, 2-е изд. / Вступ. ст. Л. Аллена. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. С. 216–225; Сафронов Р.Ю. «Новый град» и идеи преобразования России // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П. Чельшева, Д.М. Шаховского. М.: Наследие, 1994. Кн. 1. С. 101–107; Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 191–196; Указатель содержания журнала «Новый град» // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1998. Вып. 11. С. 168–172; Ермичев А.А. «Новый град» // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2: Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 261–263. Варшавский несколько лет спустя опубликовал о нем отдельную статью: Варшавский В. Перечитывая «Новый Град» // Мосты. 1965. № 11. С. 267–285.

⁵⁶³ Булгаков С. Два Града: Исследования о природе общественных идеалов: В 2 т. М.: Путь, 1911. Т. 2. С. 48.

⁵⁶⁴ Варшавский приводит цитату из Бергсона, скорее всего, в собственном переводе. В оригинале эта фраза звучит так. «Cet idéal n'en subsistait pas moins, mais il apparaissait comme un astre qui aurait toujours tourné vers l'humanité la même face: on commençait à entrevoir l'autre, sans toujours s'apercevoir qu'il s'agissait du même astre» (Bergson H. Les Deux Sources de la Morale et de la Religion. Paris: Librairie Félix Alcan, 1932. P. 333–334). Ср. в переводе А.Б. Гофмана: «Этот идеал сохранялся таким же, но он выступал как небесное светило, всегда обращенное к человечеству одной стороной; люди начинали понемногу

видеть другую сторону, не всегда замечая, что речь шла о том же самом светиле» (Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994. С. 336).

⁵⁶⁵ Бердяев Н.А. Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. Берлин: Обелиск, 1923. С. 139–140. Варшавский цитирует, не всегда оговаривая большие купюры.

⁵⁶⁶ Источник цитаты установить не удалось.

⁵⁶⁷ Варшавский имеет в виду работу В.В. Зеньковского «Об участии Бога в жизни мира» (Православная мысль. 1947. Вып. 6. С. 74–88).

⁵⁶⁸ Варшавский вновь приводит собственный перевод рассуждения Бергсона, который в оригинале выглядит так: «L'homme ne se soulève au-dessus de terre que sé un outillage puissant lui fournit le point d'appui. Il devra peser sur la matière s'il veut se détacher d'elle. En d'autres termes, la mystique appelle la mécanique. <...> Ne nous bornons donc pas à dire, comme nous le faisons plus haut, que la mystique appelle la mécanique. Ajoutons que le corps agrand; attend un supplément d'âme, et que la mécanique exigerait une mystique» (Bergson H. Les Deux Sources de la Morale et de la Religion. Paris: Librairie Félix Alcan, 1932. P. 334, 335. Ср. перевод А.Б. Гофмана: «Человек возвысится над землей только в том случае, если хорошее снаряжение обеспечит ему точку опоры. Он должен оказать давление на материю, если он хочет оттолкнуться от нее. Иными словами, мистика требует механики. <...> Не станем поэтому ограничиваться высказанным выше утверждением, что мистика требует механики. Добавим, что увеличенное тело ждет увеличенной души и механика требует мистики» (Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994. С. 336, 337). К этой же теме Варшавский возвращается в книге «Родословная большевизма» (Париж: YMCA-Press, 1982. С. 162). В автобиографическом романе «Ожидание» Варшавский писал о «монпарнасском» периоде своей жизни: «Но в аду моей отверженности я все-таки помнил о человеческом деле на земле. Как раз в то время я открыл Бергсона. Меня взволновали его слова о возможности победы над смертью <...> Особенно повлияла на меня книга Бергсона «Два источника морали и религии»» (Варшавский В. Ожидание. Париж: YMCA-Press, 1972. С. 52).

⁵⁶⁹ Возможно, Варшавский имеет в виду труд Льва Шестова «На весах Иова» (Париж: Изд-во «Современные записки», 1929). «...Когда я теперь, приехав за границу, получил наконец возможность ознакомиться с книгами Бергсона, я был неслыханно поражен. Какой-то рок тяготеет над философией. С Бергсоном повторилось то же, что было и с Декартом. И ему блеснул свет великой истины — но он захотел отдать ее людям — забыл все, что видел. Истина не выносит общего владения — и обращается в невидимку при первой попытке извлечь из нее пользу, включив ее в «общий для всех мир». Бергсон и это знал: оттого он так часто и настойчиво повторяет в своих сочинениях, что только великие художники, освободившиеся от власти общих понятий, могут проникнуть и правдиво изобразить внутреннюю жизнь человека. Но тогда ведь у них — и только у них — философия должна искать «непосредственного данного», и соблазн внешне убедительной очевидности разумных обоснований должен быть во что бы то ни стало преодолен» (Ч. I: Откровения смерти. С. 120–121).

⁵⁷⁰ Флоровский Г.В. Хитрость разума // Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Кн. 1. 1921. С. 32.

⁵⁷¹ До революции в Петербурге Бергсон был весьма моден в акмеистских кругах (см. об этом в работе: Rusinko E. Acmeism, Post-symbolism and Henri Bergson // Slavica Review. 1982. Vol. 41. № 3. P. 494–510). Из эмигрантского окружения Варшавского по крайней мере двое — Оцуп и Адамович — знакомство с идеями Бергсона считали для себя событием. Адамовичу, однако, увлечение Варшавского Бергсоном казалось чрезмерным. Как мыслитель и художник Варшавский искал опору в Бергсоне: «Когда я шел и смотрел, я знал — это правда, я вижу правду и должен так писать, это дойдет когда-нибудь до людей. Но когда я попадал в среду людей, моя уверенность пропадала. Они так уверенно судили о том, что важно, что неважно, и это было так не похоже на мое понимание, что я сразу чувствовал как бы стыд, какую-то виноватость за мои картины, большую частью незаконченные, без всякого блеска, без всякого таланта,

какие-то неуклюжие. Я ясно вдруг понимал, что такие картины не могли занять уважительного места в их мире. Но теперь я вспоминаю: людей уверенных в своем мнении слишком много и их способность критиковать не только мои картины сокрушает, но и самое великое. Я особенно это почувствовал, когда читал критику на Бергсона. Людей, способных построить стройную систему мысли, очень много, и вот эти искусные строители карточных домиков воображают, что они поняли больше гения, обладавшего великим даром интуиции, и развязно указывают на недостатки его мысли» (*Варшавский В.С.* [Посредине века моя жизнь изменилась... (Заметки 1950–60-х гг.)] // ДРЗ. Ф. 54).

⁵⁷² Очень похоже на полемику с Адамовичем, который не раз перефразировал по разным поводам афоризм Ницше из книги «Так говорил Заратустра» (1883–1885): «Из всего написанного люблю я только то, что пишется своей кровью. Пиши кровью — и ты узнаешь, что кровь есть дух» (*Ницше Ф.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 28). См., например: «Если Владимир Соловьев со всем своим умом и талантом так померк для нас теперь, то именно поэтому: нет крови, одни только чернила» (*Адамович Г.* Комментарии // Числа. 1931. № 5. С. 147).

⁵⁷³ Не вполне точная цитата из письма А.П. Чехова к А.С. Суворину от 27 марта 1894 г.

⁵⁷⁴ *И-рь*. [А.И. Герцен]. Константин Сергеевич Аксаков // Колокол. 1861. 15 янв. № 90. С. 1.

⁵⁷⁵ *Вышеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 281.

⁵⁷⁶ Тейяр де Шарден Пьер (Teilhard de Chardin; 1881–1955) — французский философ, ученый и католический теолог. Стремился обновить христианское вероучение в соответствии с современной наукой. Выделял три стадии эволюции: «преджизнь» (литосфера), «жизнь» (биосфера) и «феномен человека» (ноосфера). Появление человека считал не завершением эволюции, а ключом к предстоящему совершенствованию мира. Один из авторов, наряду с Бергсоном, которого постоянно читал Варшавский: «За чтением Тейяра. Рост сознания. Изменение температуры. Да, замечательно, как просто. Мне не приходило в голову. (Посмотреть как там у него.) И вдруг снова надежда. Я знал, что мне самому никогда ничего не достигнуть, не сдвинуться с места, не сделать хотя шагу ни по пути творчества, ни по пути святости. Не хватало героизма, ума, энергии, страстного желания. Преобразование, о котором говорит Бергсон, невозможно, это для нескольких героев, но он говорит о возможности "обходного пути". Но я все не мог представить себе, как же это может произойти. И вот: изменится "психическая температура" и все, что казалось невозможным, станет возможным. Когда я об этом читаю, о таком преобразении, о возможности его, я всегда сразу чувствую, что именно этого я всегда хотел, что именно об этом всегда думал, что без этого я не мог согласиться на жизнь, на мироздание... Я не мог примириться, что такого преобразования не может быть, я всегда ждал, что мне откроется вдруг понимание, как оно может произойти, я вдруг увижу...» (*Варшавский В.С.* [Посредине века моя жизнь изменилась... (Заметки 1950–60-х гг.)] // ДРЗ. Ф. 54).

⁵⁷⁷ Римский клуб — основанная в 1968 г. международная неправительственная некоммерческая организация, объединяющая в своих рядах бизнесменов, политических деятелей и ученых из нескольких десятков стран мира, занимающаяся обоснованием перспектив развития человечества. В первом докладе Римскому клубу, подготовленном группой ученых из Массачусетского технологического института во главе с Д. Медоузом под названием «Пределы роста» (1972), был дан неутешительный прогноз: при сохранении существующих тенденций границы экономического роста на Земле достигнут предела в ближайшие сто лет.

⁵⁷⁸ Лепренс-Ренге Луи (Leprieux-Ringuet; 1901–2000) — французский физик, член Парижской академии наук (1949), профессор Политехнической школы (1936–1969) и Коллеж де Франс (1959–1972). Работал в Комиссариате по атомной энергии (1951–1971).

⁵⁷⁹ Кожевников Владимир Александрович (1852–1917) — историк культуры, публицист, последователь Н.Ф. Федорова (с 1875), автор работ о нем, редактор-издатель (совместно с Петерсоном) рукописи Н.Ф. Федорова «Философия общего дела» (название было предложено Кожевниковым).

⁵⁸⁰ Из предисловия В.А. Кожевникова к изданию: *Федоров Н.Ф.* Философия общего дела: Статьи, мысли и письма: В 2 т. / Под ред. В.А. Кожевникова, Н.П. Петерсона. Верный, 1906. Т. 1. С. II–III.

⁵⁸¹ Амвросий (Ключарев Алексей Иосифович; 1820–1901) — архиепископ Харьковский и Ахтырский, духовный писатель и проповедник. Приведенная фраза содержится в заключительных словах его проповеди, произнесенной в церкви Харьковского университета 17 января 1872 г.: «Не гордитесь перед православным народом, молящимся Господу на сухих своих полях о ниспослании дождя: он знает, что делает, а бойтесь этой дерзости, которая хочет привлечь дождь с неба пушечными выстрелами» (Прибавления к «Церковным ведомостям». 1892. № 5. С. 174).

⁵⁸² Федоров Н.Ф. *Философия общего дела*. Т. 1. С. 32, 4. Не оговаривая купюры, Варшавский приводит сперва цитату из примечаний, а потом непосредственно из первой части «Вопроса о братстве...».

⁵⁸³ Там же С. 3, 38.

⁵⁸⁴ Запись в дневнике Л.Н. Толстого от 5 октября 1881 г.

⁵⁸⁵ Из письма А.А. Шеншина (Фета) к Н.Ф. Федорову от 6 декабря 1887 г. (Кожевников В.А. Николай Федорович Федоров: Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. М., 1908. Ч. 1. С. 320).

⁵⁸⁶ Из письма Ф.М. Достоевского к Н.П. Петерсону от 24 марта 1878 г. (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30 (1). С. 14).

⁵⁸⁷ Из письма В.С. Соловьева к Н.Ф. Федорову от 12 января 1882 г. (Кожевников В.А. Николай Федорович Федоров. С. 318).

⁵⁸⁸ Булгаков С. Душа социализма // Новый Град. 1931. № 1. С. 56.

⁵⁸⁹ Варшавский приводит цитату из главы «Н.Ф. Федоров» (Зеньковский В.В., прот. История русской философии Т. 2. С. 131).

⁵⁹⁰ Этому посвящена отдельная глава его известной книги: Флоровский Г. Пути русского богословия. VI. Философское пробуждение. 12. Николай Федорович Федоров — «блеск мечты не есть пламень благодати»...

⁵⁹¹ Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-Press, 1946. С. 213. У Бердяева: «Я не знаю более характерно русского мыслителя, который должен казаться чуждым Западу».

⁵⁹² Зеньковский В.В., прот. История русской философии. Т. 2. С. 142.

⁵⁹³ Неточная цитата из работы М.В. Ломоносова «Явление Венеры на Солнце, наблюдаемое в Санкт-Петербургской Императорской академии наук» (СПб., 1761). У Ломоносова: «Правда и вера суть две сестры родные, дочери одного всевышнего Родителя, никогда между собою в распрю прийти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и наказания своего мудрования на них вражду всклеплет» (Ломоносов М.В. Сочинения. М.; Л.: Наука, 1961. С. 496).

⁵⁹⁴ Федоров Н.Ф. *Философия общего дела*. Т. 1. С. 32.

⁵⁹⁵ См. об этом: Hagemester M. *Das Studien zu Leben, Werk und Wirkung*. München, 1989; Кнорре Б.К. Федоровское религиозно-философское движение. Дисс. ... канд. филос. наук. М., 2003.

⁵⁹⁶ Кельберин Л. Федоров и современность (А. Остромиров. Харбин) // Числа. 1933. № 9. С. 181–183.

⁵⁹⁷ Яновский В. *Общее дело* // Новый Град. 1938. № 13. С. 172–174.

⁵⁹⁸ Неполный журнальный вариант романа появился в «Русских записках» (1938. № 10; 1939. № 15, 17), глава «Доклад Свифтсона», отвергнутая главным редактором П.Н. Милоковым, была опубликована отдельно (Новый Град. 1939. № 14). Целиком книга вышла уже после войны (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953).

⁵⁹⁹ Яновский В.С. Портативное бессмертие. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 247–250.

⁶⁰⁰ Там же. С. 259–260, 269.

⁶⁰¹ Соловьев В.С. *Оправдание Добра* // Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 256.

⁶⁰² Там же. С. 303. Цитата приводится с сокращением.

⁶⁰³ Из неоконченных толстовских «Воспоминаний (1903–1906)», см.: Толстой Л.Н. ПСС: В 90 т. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 34. С. 387.

⁶⁰⁴ Боронецкий (Боранецкий) Петр Степанович (ок. 1900 — не ранее 1965) — философ, публицист. В 1930 г. бежал из СССР. Глава группы «народников-мессианистов», главный идеолог пореволюционного журнала «Третья Россия» (Париж, 1932–1939. № 1–9). Подробнее о нем см. в предисловии к публикации его переписки с К.А. Чхеидзе: В поисках нового синтеза: Пореволюционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Г. Гачевой // Диаспора. Вып. 7. 2005. С. 437–487. См. также о нем и его журнале: *Варшавский В.* «Третья Россия» («Орган осуществления нового синтеза») № 8 // Новый Град. 1938. № 13. С. 175–179.

⁶⁰⁵ *Боранецкий П.* О юродивых чудачествах Федорова и о замысле преодоления смерти // Третья Россия. 1938. № 8. С. 113.

⁶⁰⁶ Там же. С. 75.

⁶⁰⁷ От группы Народников-мессианистов // Там же. 1932. № 1. С. 13.

⁶⁰⁸ *Боранецкий П.* О новом человеке // Там же. 1934. № 4/5. С. 51. Цитата приводится Варшавским с купюрами.

⁶⁰⁹ См. об этом: *Иванов Г.* О новых русских людях // Числа. 1933. № 7/8. С. 184–194.

⁶¹⁰ Образ Кириллова сам П.С. Боранецкий воспринимал с удовлетворением: «Не Богочеловек, а Человекобог. В этом больной гений Достоевского, хотя и в извращенных патологических соотношениях, прозревал подлинные просветы новой зари» (*Боранецкий П.С.* О новом жизненном идеале // Третья Россия. 1932. № 2. С. 55).

⁶¹¹ Именно так охарактеризовал Боранецкого К.А. Чхеидзе в письме Н.А. Сетницкому от 28 февраля 1932 г.: «Он вроде Шатова из “Бесов”, но еще черноземнее» (Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 1. С. 390).

⁶¹² Об этом см.: *Генис В.* Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933): Опыт документального исследования: В 2 кн. М., 2009. Кн. 1: «Бежал и перешел в лагерь буржуазии ..» (1920–1929).

⁶¹³ *Иванов Г.* О новых русских людях // Числа. 1933. № 7/8. С. 192.

⁶¹⁴ *Федотов Г.П.* Тяжба о России // Современные записки. 1936. № 62. С. 362–363.

⁶¹⁵ Б. [П.С. Боранецкий]. О гордости творян // Третья Россия. 1938. № 8. С. 61–62.

⁶¹⁶ *Боранецкий П.С.* О новом жизненном идеале // Там же. 1932. № 2. С. 48.

⁶¹⁷ К организации мира // Там же. 1938. № 8. С. 19.

⁶¹⁸ Имеются в виду слова апостола Павла: «В Церкви Христовой несть еллин, ни иудей, обрезание и необрезание, варвар и скиф, раб и свобода, но всяческая и во всех Христос» (Кол. 3: 11).

⁶¹⁹ Из стихотворения Пушкина «Безверие» («О вы, которые с язвительным упреком...») (1817).

⁶²⁰ *Булгаков С.* Героизм и подвижничество: (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи: Сборник статей о русской революции. М., 1909. С. 31. Неточная цитата, у Булгакова: «... русский атеизм отнюдь не является сознательным отрицанием, плодом сложной, мучительной и продолжительной работы ума, сердца и воли, итогом личной жизни. Нет, он берется чаще всего на веру и сохраняет эти черты наивной религиозной веры, только наизнанку, и это не изменяется вследствие того, что он принимает воинствующие, догматические, наукообразные формы. Эта вера берет в основу ряд не критических, непроверенных в своей догматической форме, конечно, неправильных утверждений, именно, что наука компетентна окончательно разрешить и вопросы религии, и притом разрешить их в отрицательном смысле, к этому присоединяется еще подозрительное отношение к философии, особенно к метафизике, уже заранее отвергнутой и осужденной».

⁶²¹ Пфуль — персонаж романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (1868), немецкий генерал на русской службе, составлявший план кампании 1812 г. против Наполеона: «Die erste Kolonne marschieret, die zweite Kolonne marschieret» [«Первая колонна марширует, вторая колонна марширует»] (Т. 1. Ч. 3. Гл. 12), синоним «головного» руководства, не учитывающего реальности. Прототипом был прусский генерал Карл Людвиг

Август Фуль (Phull; 1770–1840), перешедший на русскую службу в 1806 г., ставший военным советником Александра I и разработавший крайне неудачный план ведения оборонительной войны с французами, который был отвергнут военным советом 13 июля 1812 г.

⁶²² П.Б. [П.С. Боранецкий]. На полемическом фронте // Третья Россия. 1933. № 3. С. 60.

⁶²³ Имеется в виду основанное Фондаминским в 1935 г. религиозно-философское объединение «Круг», которое стало местом встреч двух поколений — эмигрантских писателей младшего поколения с религиозными мыслителями старшего.

⁶²⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Париж: Изд-во «Современные записки», 1937. Т. 1. Ч. 1. С. 4.

⁶²⁵ Булгаков С. Душа социализма. Ч. 1 // Новый Град. 1931. № 1. С. 56

⁶²⁶ [От редакции]. Новый Град // Там же. № 1. С. 4–5

⁶²⁷ Булгаков С. Душа социализма. Ч. 1. С. 53, 54, 57.

⁶²⁸ Степун Ф. Путь творческой революции // Новый Град. 1931. № 1. С. 18

⁶²⁹ Он же. О человеке «Нового Града» // Там же. 1932. № 3. С. 19.

⁶³⁰ Федотов Г. Основы христианской демократии // Там же. 1934. № 8. С. 3.

⁶³¹ Бердяев Н. Христианство и революция // Там же. 1937. № 12. С. 57.

⁶³² Федотов Г. Христианин в революции // Там же. С. 65–66.

⁶³³ Степун Ф. Еще о «человеке Нового Града» // Там же. 1932. № 4. С. 66.

⁶³⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры Париж: Изд-во «Современные записки», 1937. Т. 1. Ч. 1. С. 4.

⁶³⁵ Небольшая неточность. Имеется в виду работа Лосский Н. Свобода и хозяйственная демократия // Новый Град. 1932. № 3. С. 57.

⁶³⁶ Редакция. Новый Град // Там же. 1931. № 1. С. 6

⁶³⁷ Вышеславцев Б. Социальный вопрос и ценность демократии // Там же. 1932. № 2. С. 45–46.

⁶³⁸ Бердяев Н. О социальном персонализме // Там же. 1933. № 7. С. 54.

⁶³⁹ Федотов Г. Ответ Н.А. Бердяеву // Там же. С. 87.

⁶⁴⁰ Он же. В плену стихии // Там же. 1932. № 4. С. 13.

⁶⁴¹ Он же. Основы христианской демократии // Там же. 1934. № 8. С. 3–14; Он же. Наша демократия // Там же. № 9. С. 11–25.

⁶⁴² Он же. Основы христианской демократии. С. 4.

⁶⁴³ Редакция. Нашим критикам // Новый Град. 1932. № 2. С. 90.

⁶⁴⁴ Бердяев Н.А. Выдержки из писем к г-же Х. // Новый журнал. 1946. № 36. С. 190.

⁶⁴⁵ Федотов Г. Эсхатология и культура // Новый Град. 1938. № 13. С. 46.

⁶⁴⁶ Варшавский цитирует статью Вл. Соловьева «О подделках» (1891). У Соловьева: «.. к обязанности действовать — в пределах своего призвания — для реализации христианских начал...» (Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 314).

⁶⁴⁷ Булгаков С. Душа социализма. Ч. 2 // Новый Град. 1932. № 3. С. 44–45.

⁶⁴⁸ Федотов Г. Основы христианской демократии // Там же. 1934. № 8. С. 13.

⁶⁴⁹ «Уничтожит Он смерть навеки» (Исайя 25: 8). В Новом Завете см. обращение апостола Павла к церкви в Коринфе: «Последний же враг истребится — смерть» (1 Кор. 15. 26).

⁶⁵⁰ По-видимому, Варшавский цитирует один из переводов «Майн кампф», в современном переводе встречается похожая фраза: «Недаром же наш народ видит олицетворение самого дьявола в еврее» (Гитлер А. Майн кампф М.: Т-ОКО, 1992. Гл. XI: Народ и раса).

⁶⁵¹ Редакция. Новый Град // Новый Град. 1931. № 1. С. 6.

⁶⁵² Бердяев Н. О социальном персонализме // Там же. 1933. № 7. С. 57.

⁶⁵³ Феодосий Косой — монах Кирилло-Белозерского монастыря, из беглых холопов. С 1551 г. распространял «Новое учение». Отвергал феодальную церковь, основные догматы, обряды и таинства,

проповедовал социальное и политическое равенство людей. В 1553 г. привлечен по делу М. Башкина, осужден на Соборе 1554 г., бежал в Литву.

⁶⁵⁴ Деян. 10: 35.

⁶⁵⁵ *Степун Ф.* О человеке «Нового Града» // Новый Град. 1932. № 3. С. 12.

⁶⁵⁶ *Он же.* Путь творческой революции // Там же. 1931. № 1. С. 19.

⁶⁵⁷ *Он же.* Задачи эмиграции // Там же. 1932. № 2. С. 25.

⁶⁵⁸ *Он же.* Еще о «человеке Нового Града» // Там же. № 4. С. 63–64.

⁶⁵⁹ *Бердяев Н.* О смене поколений и о вечном возвращении: (К спорам о личности и о коллективе) // Там же. № 5. С. 39.

⁶⁶⁰ *Бунаков И.* Пути освобождения. С. 47.

⁶⁶¹ *Федотов Г.П. И.И.* Фондаминский в эмиграции // Новый журнал. 1948. № 18. С. 320.

⁶⁶² Там же. С. 328.

⁶⁶³ *Бунаков И.* Пути освобождения. С. 48.

⁶⁶⁴ Основные выступления Фондаминского межвоенных лет зафиксированы в издании: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция: В 4 т. / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. М.: Эксмо; Paris: YMCA-Press, 1995–1997.

⁶⁶⁵ Перечисление всех затей Фондаминского и впрямь заняло бы слишком много места. Яновский почти не иронизировал, когда писал: «Фондаминский ежедневно затевал новое эмигрантское объединение» (*Яновский В.* Поля Елисейские: Книга памяти. Нью-Йорк: Серебряный век, 1983. С. 56). Из самых главных стоит назвать прежде всего журналы «Современные записки», «Новый Град», «Русские записки», «Круг», издательство «Современные записки», объединения «Православное дело», «Круг», а также Русский драматический театр, ставивший в Париже пьесы в 1936–1938 гг.

⁶⁶⁶ Сборники серии «Русские поэты» выпускались издательством «Современные записки» (часто совместно с парижским «Домом книги») в 1938–1939 гг. Первой в марте 1938 г. вышла книга стихов Смоленского «Наедине», за ней последовали книги З.Н. Гиппиус, Ю.К. Терапиано, Б.Ю. Поплавского, Г.В. Адамовича, А.С. Гингера, Амари (М. Цетлина), С.Ю. Прегель, В.И. Иванова (всего до лета 1939 г. удалось напечатать 9 выпусков серии). Подробнее см.: *Шруба М.* К истории издательства «Современные записки»; Аннотированный список книг издательства «Современные записки» (Париж, 1928–1940) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сборник статей и материалов / Под ред. О. Коростелева, М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 275–296, 516–522.

⁶⁶⁷ *Набоков В.* Другие берега. С. 242.

⁶⁶⁸ Извольская Елена Александровна (Hélène Iswolsky; 1896–1975) — публицист, переводчица; основательница экуменического общества «Третий час» и главный редактор одноименного журнала.

⁶⁶⁹ *Жаба Сергей Павлович* (1894–1982) — журналист, публицист, философ, педагог. До революции примкнул к партии эсеров. Эмигрировал в Эстонию, с 1922 г. во Франции. Посещал лекции в Сорбонне, преподавал иностранные языки в колледжах, участвовал в деятельности студенческих организаций, автор брошюры «Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу» (1923). Участник собраний литературного объединения «Круг», автор «Нового града» и «Современных записок». Секретарь объединения «Православное дело», член правления Объединения русских эмигрантов для сближения с советской Россией (1945). Составил и издал антологию «Русские мыслители о России и человечестве» (Париж, 1954). Многолетний сотрудник «Русской мысли». Секретарь, затем председатель (с 1979) Союза русских писателей и журналистов в Париже.

⁶⁷⁰ *А. Савельев* (наст. имя и фам. Савелий Григорьевич Шерман; 1894 — после 1946) — общественный деятель, литературный критик, с 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Берлине, сотрудник экономического кабинета С.Н. Прокоповича, в 1933 г. переехал в Париж.

⁶⁷¹ Вдохновителю «парижской ноты» Г.В. Адамовичу доводилось полемизировать с редакторами и авторами «Нового Града», и те отвечали ему взаимностью. В своих «Комментариях» он отозвался об идеологии журнала весьма скептически: «Еще гораздо страннее (если бы не была так давно знакома) — добродетельная новоградско-утвержденская модернистическая кашка из приторного нестеровского православия и социалистических «достижений», вся эта вообще революция на лампадном масле» (Адамович Г. Комментарии // Числа. 1933. № 7/8. С. 155). На это и некоторые другие высказывания Адамовича в «Числах» (а также опубликованные в «Числах» статьи Варшавского «О "герое" эмигрантской молодой литературы» и Ю. Терапиано «Человек 30-х годов») откликнулся Ф.А. Степун, найдя, что все эти попытки «выдать асоциальное "я" человека за некую подлинную духовную реальность <...> духовно все же явно ошибочны и культурно-политически вредны» (Степун Ф.А. Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы // Новый Град. 1935 № 10. С. 23). Адамович назвал эту статью Степуна «приказом по литературе» и заявил в ответ: «Если у эмигрантской литературы есть назначение (не "задачи", конечно), то оно в том, чтобы противопоставить искаженному, нестерпимому большевистскому представлению о жизни и о человеке — понятие подлинное, высокое, чистое. Это и есть наша "пропаганда", а переход к другим методам был бы отказом от существа и смысла нашего дела» (Адамович Г. Приказ по литературе // Последние новости. 1935. 19 дек. № 5383. С. 2).

⁶⁷² Творческое наследие одного из ярчайших представителей раннехристианского гностицизма Маркиона Синопского не сохранилось. Его этическое учение было реконструировано по свидетельствам ересиологов. Большой вклад в реконструкцию текстов Маркиона (прежде всего Маркионова евангелия и «Антитез») внес немецкий историк и богослов Адольф Гарнак. Литературная работа Маркиона, по Гарнаку, датируется 139–144 гг. См.: *Harnack A. Marcion: Das Evangelium vom fremden Gott: Eine Monographie zur Geschichte der Grundlegung der katholischen Kirche.* Leipzig, 1924.

⁶⁷³ Федотов Г. О смерти, культуре и «Числах» // Числа. 1930/1931. № 4. С. 146.

⁶⁷⁴ Адамович Г. Комментарии // Там же. 1933. № 7/8. С. 156.

⁶⁷⁵ Степун Ф.А. Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы // Новый Град. 1935. № 10. С. 21.

⁶⁷⁶ Имеется в виду четвертая беседа «Круга», прошедшая 2 декабря 1935 г., на которой К.В. Мочульский выступил с сообщением на тему «Христианство и мир». Среди присутствовавших преобладали литераторы-монпарнасцы (Г. Адамович, В. Варшавский, Г. Иванов, Л. Кельберин, Д. Кнут, Ю. Терапиано, Ю. Фельзен, Л. Червинская и др.), из людей «ордена» были только И. Бунаков-Фондаминский, мать Мария и Г.П. Федотов. Подробный отчет см.: Новый Град 1936. № 11. С. 136–138.

⁶⁷⁷ Федотов Г.П. О парижской поэзии // Ковчег: Сборник зарубежной русской литературы. Нью-Йорк: Изд-во Объединения русских писателей, 1942. № 1. С. 189–198.

⁶⁷⁸ «Русский временник» (Париж, 1937–1939) — «орган революционной монархической мысли» (подзаголовок третьего номера — «орган независимой монархической мысли»), издававшийся группой младороссов. Председатель редакционной коллегии К.Г. Шевич. Всего вышло 3 номера.

⁶⁷⁹ От редакции // Русский временник. 1937. № 1. С. 2–3.

⁶⁸⁰ Горбов Я.Н. В защиту монархии // Там же. 1938. № 2. С. 52–53, 58.

⁶⁸¹ Закутин Л. Фашизм. Монархизм. Социализм // Там же. 1937. № 1. С. 11, 13.

⁶⁸² Он же. Спор о демократии // Там же. 1938. № 2. С. 63–64, 65.

⁶⁸³ Вадвич Н. Русская интеллигенция // Там же. С. 76, 80, 81, 82.

⁶⁸⁴ Федотов Г.П. И.И. Фондаминский в эмиграции // Новый журнал. 1948. № 18. С. 326.

⁶⁸⁵ Алексинский Владимир Иванович (1910–1955) — инженер-агроном, журналист. Сын хирурга Алексинского. Был вывезен в 1923 г. родителями во Францию. Получил высшее образование, работал лаборантом в Мукомольном институте в Париже. Был членом группы молодых монархистов-легитимистов. Был знаком Варшавскому по «Кругу» И.И. Бунакова-Фондаминского. С 1937 г. участвовал в собрани-

ях журнала «Новая Россия», сотрудничал в Социально-философском объединении, выступал с докладами. Публиковался в парижском журнале «Русский временник». В годы Второй мировой войны доброволец «Войск свободной Франции» (Forces Française Libres, FFL). В 1946 г. избран в правление Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Помогал правлению Содружества резервистов французской армии в составлении списков русских, погибших в рядах французской армии. См.: *Алексинский В.И.* Несколько слов о русских добровольцах в рядах «Войск свободной Франции» // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947. Февр. № 2. С. 23–27.

⁶⁸⁶ Угримов Александр Александрович (1906–1981) — агроном, переводчик, покинувший Россию в 1922 г. вместе с отцом А.И. Угримовым, высланным на «философском пароходе». Жил в Германии, с 1929 г. во Франции. В 1941–1944 гг. активный участник Сопротивления (создатель и руководитель Дурданской группы). С октября 1944 г. товарищ председателя Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. В ноябре 1947 г. арестован и выслан из Франции. В марте 1948 г. возвращается в Россию, в июне арестован, приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. В 1954 г. после пересмотра дела освобожден, в 1957 г. реабилитирован. После выхода на пенсию в 1967 г. работал над мемуарами, которые вышли посмертно: *Угримов А.А.* Из Москвы в Москву через Париж и Ворукуту / Сост., предисл. и коммент. Т.А. Угримовой. М.: РА, 2004.

⁶⁸⁷ Имеется в виду первая книга стихов Е.Ю. Кузьминой-Караваевой «Скифские черепки» (СПб., 1912).

⁶⁸⁸ От редакции // Новый Град. 1939. № 14. С. 14–15.

⁶⁸⁹ Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 4. Ч. I. VII.

⁶⁹⁰ Адамовичу в это время было 47 лет.

⁶⁹¹ Из стихотворения Н.А. Некрасова «Поэт и гражданин» (1855–1856).

⁶⁹² «Je crois volontiers les histoires dont les témoins se font égorger» (*Pascal B.* Pensées. Paris, 1870. P. 375). Ср.: *Паскаль Б.* Мысли о религии / Пер. с фр. С. Долгова. 2-е изд. М., 1902. С. 157 (Статья XXII: «Различные мысли о религии»).

⁶⁹³ См.: Прощальное письмо родным и друзьям А. Левицкого // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. № 2 С. 16–17.

⁶⁹⁴ Варшавский имеет в виду воспоминания: *Humbert A.* Notre guerre. Paris: Emile-Paul, 1946; *Носович С.В.* Вики Оболенская // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. № 2. С. 38–47.

⁶⁹⁵ Список погибших (с дополнениями и уточнениями) воспроизведен в издании: В память павших воинов / Сост. Н.В. Вырубов. [Париж, 1991].

⁶⁹⁶ Оболенский Николай Николаевич, князь (1905–1993) — поэт, генеалог, окончил Специальную военную школу в Сен-Сире и Свободную школу политических наук. Во время Второй мировой войны, не будучи французским гражданином, поступил добровольцем в армию, был лейтенантом 21-го маршевого полка Иностранного легиона, тяжело ранен. Награжден Военным крестом, кавалер ордена Почетного легиона (1965).

⁶⁹⁷ Четверостишие Н.Н. Оболенского «И вот несут — глаза в тумане...» (1938) опубликовано в «Сборнике стихов поэтов "Объединения молодых деятелей русского искусства и науки"» (Париж: Дом книги, 1947. С. 40).

⁶⁹⁸ «Информационный бюллетень Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления в Западной Европе» (1945. Дек. № 1), а затем «Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции» (1946. Июль. № 1; 1947. Февр. № 2) были выпущены в Париже Содружеством русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции, которое и было основано 23 октября 1945 с целью сбора сведений о русских участниках Сопротивления (председатель И.А. Кривошеин; зам председателя Ю.С. Монтуляк, генеральный секретарь Н.С. Качва, председатель

архивной комиссии А.И. Уgrimov, председатель редакционной комиссии С.А. Булацель). О двух номерах «Вестника» см.: Русское Сопротивление во Франции // Русские новости. 1947. 20 июня. № 107. С. 6–7. Нью-йоркские эсеры оценивали это по-иному: «НКВД держит под своим контролем так называемое "Содружество Русского Сопротивления во Франции", группирующее русских эмигрантов, бывших членов подпольной работы во время немецкой оккупации. Председателем этой организации является И. Кривошеин (масон), ставший советским гражданином по указу 14 июля, а фактическим "контролером" со стороны посольства является его заместитель Монтуляк, старый коммунист, играющий также роль в "Союзе патриотов"» (А.Б.В. Сеть НКВД во Франции // За свободу. 1947. № 18. С. 113).

⁶⁹⁹ ФФИ (FFI — Forces Françaises de l'Intérieur) — французские внутренние силы, созданные в начале 1944 г. путем слияния различных подпольных групп Сопротивления. Изменения в названии этих сил от движения Сопротивления к FFI произошли с переходом статуса Франции из оккупированной страны к статусу страны, освобождаемой союзными войсками. В октябре 1944 г. насчитывали около 400 тыс. чел. В русской группе отряда «Русский патриот» вместе сражались эмигранты, участники Белого движения и Добровольческой армии Врангеля и советские солдаты и офицеры, бежавшие из немецкого плена. FFI сыграли важную вспомогательную роль в период высадки союзных войск в Нормандии и Провансе. С октября 1944 г. подразделения FFI были сведены во французские регулярные силы.

⁷⁰⁰ Алексинский В.И. Несколько слов о русских добровольцах в рядах «Войск свободной Франции» // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. № 2. С. 23–27.

⁷⁰¹ ФФЛ (FFL — Forces Françaises Libres, Войска свободной Франции) — части добровольцев, созданные генералом де Голлем в 1940 г. после капитуляции Франции. FFL стали формироваться после знаменитой речи Шарля де Голля на лондонском радио 18 июня с призывом продолжать сопротивление Германии. В 1942 г. антинацистское Сопротивление во Франции было размещено под командованием де Голля в Национальном комитете Сопротивления (CNR). Войска де Голля приняли участие в боях в Северной Африке (1942), принимали участие в освобождении Италии (1943). В 1944 г. FFL приняли участие в освобождении Франции.

⁷⁰² Амилахвари Дмитрий Иванович (Димитрий Зедгинидзе-Амилахвари; 1906–1942) — грузинский князь, с 1921 г. в эмиграции в Турции, с 1922 г. во Франции. Окончив Сен-Сир, вступил в Иностранный легион, принимал участие во многих боевых операциях, дослужился до подполковника. 24 октября 1942 г. погиб под Эль-Аламейном, командуя 13-й полубригадой Легиона.

⁷⁰³ Возможно, речь об этом издании: *Boussard L. La 1-re DFL: épopée d'une reconquête juin 1940-mai 1945. Bobigny (Seine): L'Imprimene de Bobigny, 1946.*

⁷⁰⁴ *Glarnier A. De Montmartre a Tripoli: journal du correspondant de guerre de l'échange telegraph. 1939–1943. Le Caire: Middle East Publications, [1943].*

⁷⁰⁵ Библиографию отзывов и упоминаний о полковнике Амилахвари в мемуарах ветеранов см. на специальном сайте *Amicale des Anciens de la 1ère Division Française Libre*: <http://1dfl.jimdo.com/>.

⁷⁰⁶ Варшавский цитирует статью Алексинского с незначительными разночтениями, заменой написания FFL на ФФЛ и не оговаривая большие купюры. У Алексинского: «Об участии русских людей в рядах Войск свободной Франции (Forces Françaises Libres — FFL)»

⁷⁰⁷ Текст памятных досок был воспроизведен на наклейках «Вестника русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции» (1947. № 2).

⁷⁰⁸ *Адамович Г. Смерть и время // Русский сборник. Кн. 1. Париж, 1946. С. 178–179.*

⁷⁰⁹ См.: *Noguères H. Histoire de la Résistance en France. Paris: Robert Laffont, 1967, 1969. Vol. 1, 2; Blumenson M. The Vildé Affair: Beginnings of the French Resistance. Boston: Houghton Mifflin Company, 1977; Райт-Ковалева П.Я. Человек из музея человека: Повесть о Борисе Вильде. М.: Советский писатель, 1982.*

⁷¹⁰ Варшавский имеет в виду публикацию: *Вильде Б. Диалог в тюрьме // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. № 2. С. 17–22 (перевод публикации. Europe.*

1946. № 5) Полная публикация: *Vildé B. Journal et lettres de prison: 1941–1942*. Paris: Ed. Alia, 1997; *Вильде Б. Дневник и письма из тюрьмы: 1941–1942* / Пер. с фр. М.А. Иорданской. М.: Русский путь, 2005.

⁷¹ С купюрами и незначительными разночтениями Варшавский цитирует: *Вильде Б. Диалог в тюрьме* // *Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции*. № 2. С. 17–21.

⁷² Ирен Лот (Lot; ?–1987) — дочь известного французского историка Фердинанда Лота (Lot; 1866–1952), вышла замуж за Бориса Вильде 27 июля 1934 г. Работала библиотекарем в Национальной библиотеке Франции.

⁷³ Варшавский полностью приводит в русском переводе «Последнее письмо Бориса Вильде к жене» (*Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции*. № 2. С. 15–16).

⁷⁴ Морган Чарльз (Morgan, 1894–1958) — английский писатель, драматург, литературный критик. Приобрел известность после романа «Портрет в зеркале» (1929). Особую популярность его творчество обрело во Франции. Варшавский точно отметил близость между настроением тюремного дневника Вильде и произведениями Моргана. По признанию самого Вильде, роман Моргана «Спаркенброк» (1936) он перечитывал неоднократно. Этот роман был первой книгой, которую принесла в тюрьму Борису Вильде его жена Ирен. К сопоставлению стиля тюремного дневника Бориса Вильде и прозы Чарльза Моргана Варшавский обращается в 1947 г. в статье «Борис Вильде»: «На первый взгляд может показаться: эти строки, в своей возвышенной поэтичности сравнимые в современной литературе, пожалуй, только с некоторыми страницами Моргана, говоря нам о самом главном "открытии", сделанном Вильде в предсмертном усилии интуиции, и бесконечно важные для наших мыслей о последней борьбе, ждущей душу каждого из нас, — в то же время ничего нам не объясняют в политической работе Вильде, приведшей его под дула двенадцати немецких винтовок. Но, думается, это действительно только на первый, поверхностный взгляд. Если же взглядеться, то станет понятным, что именно из этого глубинного стремления человеческой души к любви и вечной жизни вытекает та не случайная и временная, а абсолютная непримиримость к фашизму, которая определяет все политические поступки Вильде» (*Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции*. № 2. С. 15).

⁷⁵ Гюмбер Аньес (Humbert, 1894–1963) — историк искусства, сотрудник парижского Музея искусств и народных традиций, участница французского Сопротивления, входила в группу Музея человека вместе с Борисом Вильде, Анатолием Левицким, Жаном Кассу и Ивон Одон, принимала участие в выпуске первых номеров подпольной газеты «Résistance». Автор книги «Наша война» (*Humbert A. Notre guerre*. Paris: Emile-Paul, 1946).

⁷⁶ Во дворце Шайо (Palais de Chaillot), построенном на площади Трокадеро к Международной парижской выставке 1937 г. на месте одноименного с площадью дворца Трокадеро, находился Музей человека (Musée de l'Homme), где работали А. Левицкий и Б. Вильде.

⁷⁷ Здесь и ниже Варшавский цитирует книгу: *Humbert A. Notre guerre*.

⁷⁸ Варшавский приводит полностью «Прощальное письмо родным и друзьям А. Левицкого» (*Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции*. № 2. С. 16–17).

⁷⁹ ОСМ (Organisation Civile et Militaire — Гражданская и военная организация) основана в 1940 г. в Париже путем слияния группы Жака Артюиса EFOR (Equipe française d'organisation du redressement) и Конфедерации работников умственного труда (Confédération des travailleurs intellectuels) под руководством Максима Блок-Маскара. Оболенская была генеральным секретарем организации. ОСМ занималась разведывательной деятельностью и передачей секретных сведений в Лондон, организовывала побег и вывоз за границу британских военнопленных, в ее ведении находилась связь с другими подпольными группами и координация совместных действий. Подробнее об этом см.: *Calmette A. L'«O.C.M.»*, Organisation Civile et Militaire; *Histoire d'un Mouvement de Résistance de 1940 à 1946*. Paris: Presse Universitaire de France, 1961; *Флам Л.С.* Вики: Княгиня Вера Оболенская. 3-е изд., испр., доп. М.: Русский путь, 2010.

⁷²⁰ Носович Софья Владимировна (ок 1898–1978) — участник Сопrotивления, в годы Гражданской войны была сестрой милосердия в Добровольческой армии ген. Врангеля, с армией эвакуировалась в Галлиполи. Позднее жила в Париже. Стала ведущей манекенщицей известного русского дома моды «Итеб». Вместе с Вики Оболенской вступила в организацию ОСМ. Участвовала в движении Сопrotивления. Одновременно с Оболенской была арестована, заключена в тюрьму г. Аррас, затем в тюрьму Моабит в Берлине, затем в лагеря Равенсбрюк и Маутхаузен. Награждена семью орденами, в том числе крестом Почетного легиона, Военным крестом и медалью Сопrotивления

⁷²¹ Оболенский Николай Александрович, князь, протоиерей (1900–1979) — воспитанник Пажеского корпуса, затем кадет императорской гвардии. После революции 1917 г. бежал в Финляндию. В начале 1920-х гг. учился в Женевском университете. Жил в Бельгии и в Париже. В 1937 г. женился на Вере Аполлоновне Макаровой. Работал в журнале «Матч». Во Вторую мировую участвовал в движении Сопrotивления. В 1944 г. арестован и отправлен в лагерь Бухенвальд. 11 апреля 1945 г. освобожден американцами. Узнав о смерти жены (4 авг. 1944 г.), стал священником. Был настоятелем собора Александра Невского в Париже. Митрофорный протоиерей. Вице-председатель Общества христианско-иудейской дружбы во Франции. Награжден орденом Почетного легиона, Военным крестом и медалью Сопrotивления с розеткой.

⁷²² Варшавский цитирует с некоторыми разночтениями и не оговаривая купюры статью С.В. Носович «Вики Оболенская» (Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопrotивления во Франции. № 2. С. 38–47)

⁷²³ Варшавский практически полностью воспроизводит сведения из «Вестника русских добровольцев, партизан и участников Сопrotивления во Франции» (№ 2. С. 49).

⁷²⁴ Варшавский с некоторыми разночтениями цитирует статью: *Носович С.В.* (записано Н. Алексеевой). Встреча с матерью Марией в лагере Равенсбрюк // Там же. С. 47–48.

⁷²⁵ Из воспоминаний И.Н. Вебстер // *Мать Мария: Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк.* Paris: La presse française et étrangère; Oreste Zeluck, [1947]. С. 165.

⁷²⁶ Варшавский полностью (с небольшими разночтениями) приводит текст «Из воспоминаний С.Б. Пиленко» (Там же. С. 151–153). В воспоминаниях дана неточная цитата из произведения матери Марии «Духов день» (1942): «Ослепшие, как много вас теперь, / Прозревшие, как вас осталось мало» (*Мать Мария.* Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. С. 34).

⁷²⁷ Об аресте участников «Православного дела» см.: *Гаккель С., прот.* Мать Мария. Париж: YMCA-Press, 1992, о пребывании в концлагере Компьен см.: *Костицын В.А.* Воспоминания о Компьенском лагере (1941–1942) / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент., аннот. им. указ. В.Л. Гениса. М., 2009.

Казачкин Юрий Павлович (1899–1968) — один из участников церковной организации помощи русским эмигрантам «Православное дело». Был освобожден из нацистского концлагеря в 1945 г. Вернулся в Париж с подорванным здоровьем. Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Клепинин Димитрий Андреевич (1904–1944) — священник. В 1920-е гг. был членом кружка православных студентов, основанного Н.М. и М.В. Зерновыми. Окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (1929 г., первый выпуск). Священник с 1937 г. Один из основателей организации «Православное дело», настоятель домового храма общегития для русских эмигрантов на ул. Лурмель в Париже. Принимал участие в деятельности Сопrotивления. 8 февраля 1943 г. вместе с другими сотрудниками «Православного дела» был арестован гестапо и заключен в нацистский концлагерь Компьен, а затем в подземный лагерь «Дора» (Бухенвальд). Погиб в лагере Бухенвальд 8 февраля 1944 г.

Висковский Анатолий Васильевич (?–1945) — сотрудник и духовный сын матери Марии. Выполнял послушание на кухне на ул. Лурмель в Париже. «Этот кроткий, молчаливый, худощавый человек был одним из тех (несчастный садовник в Нуази был вторым), кого освободили из психиатрических лечебниц

на поруку матери Марии» (*Гаккель С., прот.* Мать Мария. С. 109). Был арестован вместе с матерью Марией. Погиб 23 апреля 1945 г., незадолго до освобождения узников лагеря.

В 2004 г. мать Мария (Скобцова), о. Димитрий Клепинин, Юрий Скобцов и Илья Фондаминский были канонизированы Константинопольской Православной Церковью.

⁷²⁸ Варшавский с незначительными разночтениями полностью приводит статью: *Пьянов Ф.Т.* Памяти отца Дмитрия Клепинина // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопrotивления во Франции. Париж, 1946. Июль. № 1. С. 6–8.

⁷²⁹ См. об этом, в частности: *Гессен В.И.* Герои и предатели. Нью-Йорк, 1951; *Durand P.* Vivre debout, la Résistance. Paris, 1982; *Résistants et collaborateurs: Les Français dans les années noires.* Paris, 1985; *Francois A.* Il était des femmes dans la Résistance. Paris, 1985; *Kedward H.R.* Naissance de la Résistance dans la France de Vichy (1940–1942). Paris, 1989; *Fishman S.* The power of myth: Five recent works on Vichy France // *Journal of Modern History.* Chicago, 1995. Vol. 67. № 3. P. 666–673; *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. М.: Русский путь, 1999; *Ковалев М.В.* Участие русской эмиграции во Франции в борьбе с фашизмом // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 305–318 и др.

⁷³⁰ Из воспоминаний Д.Е. Скобцова (*Мать Мария*. Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. С. 157).

⁷³¹ Войцеховский Юрий Львович (1900–1944) — с 1920 г. в эмиграции в Варшаве, председатель Объединения русской молодежи в Польше. 4 мая 1928 г. выстрелил в Варшаве в советского торгового представителя Лизарева, легко его ранил и был приговорен за это к десятилетнему, позже сокращенному заключению, которое отбыл в мокотовской тюрьме. Когда в 1941 г. в Брюсселе был образован «Русский комитет самопомощи для Бельгии» (*Russischer Selbsthilfeausschuß für Belgien*), стал его главой. Все русские беженцы в стране должны были обратиться к нему за особым удостоверением (*Volkstumbescheinigung*), подтверждающим их происхождение.

⁷³² *Алексеева Н.* Памяти Павла Зиссермана // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопrotивления во Франции. № 1. С. 32–33. Цитата приводится с небольшими разночтениями.

⁷³³ Оболенский Сергей Сергеевич, князь (1908–1980) — журналист, историк, общественный деятель, в 1920 г. увезен из России, жил в Венгрии, Германии, затем во Франции. Участник младоросского движения (в 1930-х входил в руководство). В 1940-х гг. участник Сопrotивления, член Союза советских патриотов, сотрудник «Русских новостей». Соредатор журнала «Возрождение» (в 1958–1974).

⁷³⁴ Из посвященного А.А. Суркову стихотворения К.М. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» (1941).

⁷³⁵ *Бердяев Н.А.* О творческой свободе и фабрикации душ // Русские новости. 1946. 4 окт. № 73. С. 5.

⁷³⁶ См.: *Советский гражданин.* О свободе творчества. Ответ г-ну Бердяеву // Советский патриот. 1946. 8 нояб. № 107. С. 3–4.

⁷³⁷ Коряков Михаил Михайлович (1911–1977) — член советской военной миссии в звании капитана, невооруженный (1946), сотрудник «Нового журнала» и «Мостов», литератор, мемуарист.

⁷³⁸ *Оболенский С.* Письмо в редакцию // Народная правда. 1949. Дек. № 6. С. 39–40. Варшавский приводит письмо целиком (с незначительными разночтениями).

⁷³⁹ «Социалистический вестник» (Берлин, с 1933 Париж, с 1940 Нью-Йорк, 1921–1963. № 1–784) — «орган Заграничной делегации РСДРП», основанный Л. Мартовым. В Нью-Йорке журнал просуществовал до 1963 г., после чего еще до 1965 г. выходил в виде сборников. См. о нем: *Хейфец М.* «Социалистический вестник» и «социалистическая» страна // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. 1: 1919–1939 гг. / Сост. М. Пархомовский. С. 203–218. См. также: Указатели журнала «Социалистический вестник», 1921–1963 / *Etablie par M.A. Lande, Preface A. Liebich.* Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1992.

⁷⁴⁰ «Новоселье» (Нью-Йорк, с 1949 Париж, 1942–1950. № 1–42/44) — «литературно-художественный журнал под редакцией Софии Прегель». См. о нем: *Юниверг Л.* «Скромное, но полезное русское

дело»: (Из истории журнала «Новоселье») // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. IV: 1939–1960 гг. / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1994. С. 229–245; *Трубилова Е.М.* «Новоселье» // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2: Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 543–546.

⁷⁴¹ Первые послевоенные литературные сборники: Встреча: Сборник Объединения русских писателей во Франции. Париж, 1945. № 1, 2; Русский сборник. Париж: Подорожник, 1946. Кн. 1; Орион: Литературный альманах под ред. Ю. Одарченко, В. Смоленского и А. Шайкевича. Париж, 1947.

⁷⁴² «Издательство имени Чехова» с самого начала одной из своих главных задач считало публикацию произведений новых эмигрантов. Упомянутые Варшавским книги действительно были выпущены одними из первых: *Максимов С.* Тайга: Рассказы. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952; *Малахов С.* Летчики: Пьеса. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952; *Юрасов С.* «Враг народа»: Роман. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952.

⁷⁴³ *Терапиано Ю.* Встречи. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 154. Варшавский приводит строки из главы «Расставание с эпохой» первой части мемуаров. Книга Терапиано состоит из двух частей: «Встречи» и «Опыт поэтов».

⁷⁴⁴ *Коряков М.М.* Освобождение души. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952.

⁷⁴⁵ Из первой инаугурационной речи Джорджа Вашингтона (Washington; 1732–1799), произнесенной 30 апреля 1789 г. в здании Федерал-холла (Нью-Йорк). Более точный перевод: «Сохранение священного огня свободы и участь республиканской модели правления справедливо считаются, возможно столь же основательно и определено, зависящими от эксперимента, вверенного рукам американского народа».

⁷⁴⁶ Имеется в виду мир романов Синклера Льюиса (Lewis; 1885–1951) «Главная улица» (1920) и «Бэббит» (1922), описывающих быт американских обывателей.

⁷⁴⁷ *Зеньковский В., прот.* Наша эпоха. Париж: Изд. Религиозно-педагогического кабинета при Православном богословском институте в Париже, 1952. С. 14.

⁷⁴⁸ *Григорьев А.* Мои литературные и нравственные скитальчества. Часть первая. V: Литературные стремления начала тридцатых годов.

⁷⁴⁹ *Гольденвейзер А.А.* Закон и свобода: Проблема права в мировоззрении Пушкина // Новое русское слово. 1949. 6 марта. № 13463. С. 8. В расширенном и дополненном виде статья вошла в книгу: *Гольденвейзер А.А.* В защиту права: Статьи и речи. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952. С. 95–113.

⁷⁵⁰ *Федотов Г.* Певец империи и свободы // Современные записки. 1937. № 63. С. 196–197.

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ «НЕЗАМЕЧЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ»

Полемика вокруг «Незамеченного поколения» началась в 1955 г., после того как фрагменты из книги были опубликованы в нью-йоркских «Новом журнале» (1955. № 41. С. 103–121) и «Опытах» (1955. № 4. С. 65–72). Журнальные публикации вызвали дискуссию между представителями двух поколений — это был спор «отцов» и «детей», представителей старшего поколения и младоэмигрантов. Фрагменты, вынутые из контекста книги, на целый год направили дискуссию в русло обсуждения исключительно судеб эмигрантской литературы.

Первые критические отзывы, посвященные публикации в «Новом журнале», появились на страницах нью-йоркской газеты «Новое русское слово» под рубрикой «Литература и искусство». Начало полемики отличалось особой остротой. Основными участниками дискуссии выступили М.Л. Слоним, Е.Д. Кускова и В.С. Яновский. Однако, с точки зрения В.Л. Андреева, вопросы, поднятые Яновским в его статьях, так и остались открытыми, «быстро выродившись в полемику с М. Слонимом и в такой обмен нелюбезно-

стями, который не делает чести В. Яновскому» (*Андреев В.Л.* [О так называемом «незамеченном поколении»...] // Наст. изд. С. 369–378). Роль Яновского в полемике иначе рассматривал Г.В. Адамович. В письме к Варшавскому от 27 ноября 1955 г. он писал: «Прав-то, конечно, Яновский, если не на 100, то на 99%, но тон у него напрасно грубый. Было бы убедительнее, если бы он писал спокойнее, без злобы, без всяких намеков. Впрочем, и Слоним груб. Вообще эта история — не к чести нашей литературы, и Вы должны бы именно об этом написать, посадив, конечно, на место и Кускову, которая ведь сказала кому-то, что теперь к ней ездят в Женеву, "как прежде ездили в Ясную Поляну". Кроме старости, за ней заслуг мало». В том же письме он заметил: «В Париже, кстати, тоже волнения по поводу "Незамечен[ного] поколения". Вы взбудоражили все умы, и даже такой сверхспокойный ум, как Гингера» («Я с вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича к В.С. Варшавскому (1951–1972) С. 296). В дискуссии 1955 г также участвовали Г.Я. Аронсон, Ю.К. Терапиано, Н.Е. Андреев. Сегодня эти статьи представляют очевидный исследовательский интерес. По-своему этот спор подводил черту под яркими полемиками межвоенного периода вокруг судеб молодых писателей русской эмиграции.

С новой силой полемика вспыхнула в 1956 г., когда появилось отдельное издание «Незамеченного поколения». После выхода книги стало очевидным, что автор задался целью наиболее полно описать политические, духовные, эстетические течения, в которые была вовлечена молодая эмиграция первой волны. Глобальная постановка вопроса заставляла иначе отнестись и к самой книге, и к проблеме «незамеченного поколения», поднятой В.С. Варшавским. Poleмика развернулась на страницах «Нового русского слова», «Возрождения», «Русской мысли», «Опытов», «Нового журнала», «Вестника РСХД». Предположение главного редактора «Нового русского слова» М.Е. Вейнбаума, что о «книге Варшавского <...> будут еще говорить и писать», оказалось верным (*Вейнбаум М.Е.* «Издательство имени Чехова» // Новое русское слово. 1956. 29 февр № 15586. С. 3). Poleмика теряла свой эмоциональный запал, но приобретала глубину и масштаб и сама становилась важнейшей частью не только литературного процесса, но и общественно-политической жизни послевоенной русской эмиграции. Частью дискуссии стало также обсуждение книги 9 марта 1956 г. в обществе взаимопомощи «Надежда» в помещении нью-йоркского Клуб-Хауз (New York, 150 West 85 Street), чему был посвящен отчет И.М. Троцкого «Незамеченное поколение» (Новое русское слово. 1956. 16 марта. № 15602. С. 7). Как составляющую полемики можно рассматривать и статью В.Л. Андреева, присланную Варшавскому в виде авторизованной машинописи по почте. Эта статья была любезно предоставлена вдовой писателя Т.Г. Варшавской и публикуется в настоящем издании впервые.

Сам Варшавский за полемикой внимательнейшим образом следил, собирал отзывы критики в отдельное «дело», наклеивая вырезки на листы формата А3. Некоторые фрагменты статей подчеркнуты или обведены его рукой синим или красным карандашом. К настоящему времени вырезки сильно пострадали, многие фрагменты статей осыпались. Однако собранное Варшавским «дело» оказало большую помощь в составлении данного приложения

Г.Я. Аронсон. Новый журнал. Книга 41

[Отрывок]

Впервые: Новое русское слово. 1955. 24 июля. № 15793. С. 8. Подп.: Гр. Аронсон.

⁷⁵¹ Речь идет о статьях: А К-й. [А.А. Койранский]. О Качалове. С. 122–136; Манухина Т. Мать Мария. С. 137–157; Чижевский Д. Три книги о Гоголе: [Рец.]. С. 277–288; Жуков Е. Последние дни Даху. С. 158–175.

М.Л. Слоним. «Незамеченное поколение»

Впервые: Новое русское слово. 1955. 31 июля. № 15800. С. 8. Подп.: Марк Слоним.

⁷⁵² Повесть В.С. Варшавского «Семь лет» (Париж: [Б.и.], 1950) частично вошла в автобиографическую книгу «Ожидание» (Париж: YMCA-Press, 1972).

Об истории создания повести см.: *Хазан В.* «Семь лет»: история издания: Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом // Новый журнал. 2010. № 258. С. 177–224.

⁷⁵³ Речь идет о той части «Комментариев» Г. Адамовича, где рассказывается о мадам Гранье (Современные записки. 1935. № 58. С. 323–324). Этому пассажи Варшавский придавал особое значение, ввел его в журнальную публикацию «Незамеченного поколения»: «... этот отрывок, состоящий из пересказа прочитанной во французской газете заметки и примечания, с которым я не совсем согласен, являются, по моему глубокому убеждению, одним из самых важных текстов не только эмигрантской, но и всей русской литературы» (Новый журнал. 1955. № 41. С. 110–111). В ответ на это замечание Адамович в письме к Варшавскому от 8 августа 1955 г. писал: «Что же до того, с чем Вы "не согласны", о М-ме Grenier, т.е. о "сосрадании" — о котором я писал, что "не в нем дело" — то, конечно, Вы правы. Дело и в нем (но не только в нем). Ведь оставаясь в области сострадания, она могла эту старуху обеспечить, вылечить и т.д. — а не обязательно целовать. Все-таки сострадание роль сыграло, и это очень верно. А если я о нем сказал не то, что следовало, то потому, что, будучи лично бревном, как-то неловко о сострадании писать. Я это очень чувствую, как и чувствую, что я бревно, притом непоправимо. Я боюсь "слюней" в литературе, у Вас это все вышло иначе, именно потому, что вышло естественно, без опасений и всяких словечек» («Я с вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича к В.С. Варшавскому. С. 292) Пассаж о мадам Гранье Варшавский ввел потом в книгу и снова вернулся к нему в докладе «Русский Монпарнас (русская литературная жизнь в Париже 30-х годов)» (ДРЗ. Ф. 54). Доклад был прочитан 23 января 1974 г. в Женевском университете на заседании «Русского кружка». М. Слоним присутствовал на этом докладе, в письме к Варшавскому от 24 января 1974 г. он писал: «Дорогой Владимир Сергеевич, <...> Ваш доклад был великолепен. Вы захватили слушателей своей искренностью, неподдельным чувством и внутренней правдой, а кроме того, дали отличный и трогательный портрет Поплавского и защитили его память от домыслов американских профессоров, делающих карьеру на русских эмигрантах. Доклад Ваш прекрасно написан, его надо обязательно напечатать.

Я "монпарнасцем" не был, и "нота" Адамовича — Иванова мне всегда была чужда и неприятна, они были певцами и идеологами уныния, безверия, поражения и разложения. Марксисты скажут, что они отражали психологию "побежденного класса". Монпарнас погиб не только во времени, но и в тех, у кого была душа жива и кто не хотел терять связи с Россией. И хотел на — Россию, для — России (а не эмиграции) работать. И исторически — оказались правыми — противники Монпарнаса — даже в области литературы, — потому что из России пришел и Пастернак, и Заболоцкий, и молодежь послевоенная, и Паустовский, и Некрасов, и Солженицын, и все те, кто страдал, мучился, но не сдался. Вот в чем спор о Монпарнасе. Поговорим об этом когда-нибудь без толпы, с глазу на глаз — и говорить будет легко, потому что Вы сами Монпарнас преодолели и с ним — в нем — не остались» (ДРЗ. Ф. 54).

⁷⁵⁴ Имеется в виду пассаж из «Незамеченного поколения»: «Борис Поплавский почти с восхищением рассказывал мне, что его родной отец, который, впрочем, очень его любил, никогда не читал его стихов, ни одной строчки».

Поплавский Юлиан Игнатьевич (1871–1958) — музыкальный деятель. Происходил из польских крестьян. Окончил в 1894 г. Московскую консерваторию (классы В. Фитценгагена и А. Глена). Его высоко ценил П.И. Чайковский. Ради благополучия семьи устроился в Общество заводчиков и фабрикантов Московского округа. В эмиграции принимал участие в работе Русской консерватории в Париже. О своей

семье Борис Поплавский писал в письме к Ю.П. Иваску от 19 ноября 1930 г.: «Отец мой по образованию дирижер, полурусский, полулитовец. Занимался промышленными делами. Мать — из дворян. Жили богато, но детей притесняли и мучили, хотя ездили каждый год за границу и т.д. Дом был вроде тюрьмы, и эмиграция была для меня счастьем» (см.: Гнозис. 1979. № 5/6. С. 201–211). Однако «притесняли и мучили» имеет отношение скорее к враждебным отношениям между сыном и матерью, Софьей Валентиновной (урожд. Кохманской). С отцом у Бориса Поплавского сложились теплые и доверительные отношения

⁷⁵⁵ Бугаев Николай Васильевич (1837–1903) — математик, профессор Московского университета. Его отношение к творчеству сына нельзя, однако, назвать полным «непризнанием». В книге воспоминаний «На рубеже двух столетий» (1931) А. Белый писал: «Но я, подрастая, непонятым был; и отец боролся с идеологией моею, вкусами в искусстве, "мистикою", которую ненавидел он, но сквозя "при" он разглядывал уже непонятого и во мне в последние два года жизни; и даже: со страхом, с соболезнованием, с жалостью нежной поглядывал он на меня, когда я стал уже "притчею во языцех"... <...> с благодарностью вспоминаю, что в эти именно месяцы всяческих расхождений во взглядах подчеркивал он: безотнотительно к "что" он доволен моим методологическим оформлением иных из мыслей; была напечатана только что статья моя "Формы искусства", построенная на своеобразном преломлении взглядов Оствальда и Шопенгауэра, которого ненавидел отец.

Тем не менее, прочтя статью, он сказал:

— Прекрасная статья: прекрасно оформлена!» (Белый А. На рубеже двух столетий. М.: Худож. лит., 1989. С. 52–53).

⁷⁵⁶ «Новая газета» — двухнедельник литературы и искусства под редакцией М.Л. Слонима, выходил с 1 марта по 1 мая 1931 г. Вышло 5 номеров. Из молодого поколения писателей русского зарубежья здесь печатались Б.Б. Божнев, Г.И. Газданов, А.П. Ладинский, Ю.К. Терапиано и др.

⁷⁵⁷ «Кочевье» — литературное объединение, основанное в Париже М.Л. Слонимом в 1928 г. Вечера проходили в Таверне Дюмениль (Taverne Dumesnil) на Монпарнасе. На вечерах «Кочевья» обсуждались новые произведения не только эмигрантских, но и советских писателей. Участниками «Кочевья» были В.Л. Андреев, Б.Б. Божнев, В.С. Варшавский, Б.Ю. Поплавский, Б.Б. Сосинский, С.И. Шаршун и др. В статье «Молодые писатели за рубежом» из цикла «Литературный дневник» Слоним заметил: «Года три тому назад, когда "Воля России" раскрыла свои страницы начинающим авторам, она была единственным в эмиграции толстым журналом, осмелившимся на такой еретический шаг. Когда два года назад в Париже создавалось литературное объединение "Кочевье", ставившее себе целью стать в известной мере духовным центром "молодых", ему предсказывали бесславный провал» (Воля России. 1929. № 10/11. С. 106)

Е.Д. Кускова. О незамеченном поколении. Памятка

Впервые: Новое русское слово 1955. 11 сент. № 15842. С. 2. Подл.: Екатерина Кускова.

⁷⁵⁸ Руднев Вадим Викторович (1874–1940) — политический деятель, журналист, эсер. В дни Февральской революции возглавил Московский комитет ПСР. С ноября 1917 г. председатель бюро фракции эсеров в Учредительном собрании. Участвовал в работе Союза возрождения России. Переехал в Киев, был направлен вместе с И.И. Фондаминским на Северный Кавказ для связи с генералом Деникиным. В конце 1918 г. переехал в Одессу, возглавил бюро земств и городов Союза городов. В апреле 1919 г. эмигрировал. С 1919 г. секретарь редакции газеты М.М. Винавера «Еврейская трибуна». С 1920 г. стал одним из пяти редакторов одного из наиболее влиятельных толстых журналов эмиграции — «Современные записки» (1920–1940). В 1920 г. при его участии в Лозанне вышли 12 номеров газеты «Родина». С 1921 г. член Комитета Земгора по оказанию помощи российским гражданам за границей. Более 10 лет

занимался попечением о нуждах русской школы. 10 июля 1925 г. сделал доклад «Финансовое положение и перспективы беженской школы» на II Педагогическом съезде в Праге. Опубликовал несколько книг, брошюр и статей о русской школе за рубежом (Русское дело в Чехословацкой республике. Париж, 1924; Судьбы эмигрантской школы. Прага, 1930 и др.).

Далее Кускова цитирует с разночтениями и не оговаривая купюры статью В.В. Руднева «Условия жизни детей эмиграции» (Русская школа за рубежом. 1927/1928. № 26. С. 182–196). В основу этого очерка были положены данные анкет, присланных постоянными сотрудниками Земгора из 12 стран Западной Европы. Анкеты касались детей из 80 различных детских учреждений, принадлежащих Земгору.

⁷⁵⁹ Жекулина Аделаида Владимировна (урожд. Евреинова; 1866–1950) — педагог, общественный деятель, член партии кадетов. Окончила историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов в Санкт-Петербурге. В Киеве основала частную гимназию и Высшие женские курсы. В 1920 г. эмигрировала в Константинополь. Благодаря ее усилиям русская гимназия была переведена из Константинополя в Моравскую Тршебову (в этой гимназии обучались братья Юрий и Владимир Варшавские). Вместе с П.П. Юрениным в 1920 г. возглавила Временный комитет Союза городов. В 1922 г. в Париже во Всероссийском земско-городском комитете (Земгор) выступила с докладом «О положении русского студенчества в Европе и, в частности, во Франции». С 1922 г. жила в Чехословакии. Заместитель председателя Русского педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей (председатель В.В. Зеньковский). Председатель Объединения русских учительских организаций за границей. В 1933 г. учредила в Праге Общество попечения о русских детях. В 1949 г. переехала в Бельгию.

Гессен Сергей Иосифович (1887–1950) — философ, публицист, педагог. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1910 г. защитил в Германии докторскую диссертацию «Об индивидуальной причинности». Один из инициаторов создания международного журнала «Логос» (1910–1914). В 1913–1917 гг. приват-доцент Санкт-Петербургского университета. В 1917–1920 гг. профессор Томского университета. В 1922 г. эмигрировал. С 1924 г. профессор Русского педагогического института им. Я.А. Коменского в Праге. Под его редакцией (совместно с С.И. Карцевским и др.) выходил пражский журнал «Русская школа за рубежом» (1923–1931) — периодическое издание Объединения земских и городских деятелей в Чехословакии. В 1934 г. переехал в Польшу, где преподавал в университетах Варшавы и Лодзи. Основные педагогические сочинения: «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» (Берлин, 1923), «Образовательная политика в Советской России», (на англ. яз. совместно с Н. Ганцем; Лондон, 1930), «Государство и школа во Франции и Англии» (Рига, 1934), «О противоречиях и единстве воспитания. Задачи педагогики личности» (на польск. яз.; Львов; Варшава, 1939) и др.

Бем Альфред Людвигович (1886–1945?) — историк литературы, литературный критик. Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. До революции — сотрудник Библиотеки Академии наук. В 1919 г. эмигрировал, жил в Варшаве. В начале 1922 г. переселился в Прагу, преподавал русский язык в Карловом университете, русскую литературу в Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского. Бессменный руководитель пражского литературного объединения молодых поэтов «Скит» (1922–1940). Организатор Семинария по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге (1925–1943). Секретарь Русского педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей и редактор «Вестника Педагогического бюро» (1927–1931). Сотрудничал с журналом «Русская школа за рубежом», участвовал в подготовке и работе съездов деятелей русской зарубежной школы.

Возникший в феврале 1921 г. в Париже объединенный Всероссийский комитет Земского и Городского союзов (Земгор) стал центром, организующим и финансирующим учебную и культурно-просветительную деятельность педагогических организаций на местах. Пражский Земгор был создан 17 марта

1921 г. В 1924 г. правительство Чехословакии по ходатайству князя Г.Е. Львова согласилось включить в так называемую русскую акцию также помощь школам вне Чехословакии.

В апреле 1923 г. в Праге состоялся I съезд деятелей русской школы за границей, на котором было создано Объединение русских учительских организаций за границей. Одним из результатов работы Объединения было создание Русского педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей (1923–1933) под председательством В.В. Зеньковского. Особое внимание оно уделяло выработке школьных программ, которыми занимались специальные комиссии (В.В. Зеньковский, А.В. Жекулина, А.Л. Бем, С.И. Гессен и др.).

⁷⁶⁰ Из стихотворения Бориса Поплавского «Il neige sur la ville» («Страшно в бездне. Снег идет над миром...») (1931), сборник «Снежный час: Стихи, 1931–1935».

⁷⁶¹ Литературное объединение молодых поэтов Праги «Скит поэтов» (с 1928 «Скит») просуществовало с 26 февраля 1922 г. по 6 февраля 1940 г.

⁷⁶² Неточность: Алла Сергеевна Головина (урожд. баронесса Штейгер, во втором браке — де Пелиши; 1909–1987) — младшая сестра поэта Анатолия Штейгера. Эмигрировала из России с семьей в 1919 г., в 1920 г. снова вернулась с семьей на родину, в конце того же года покинула ее навсегда. В 1923 г. поселилась в Чехословакии, училась в русской гимназии в Моравской Тршебове. В 1928 г. поступила в Карлов университет, в 1929 г. вышла замуж за скульптора А.С. Головина (1904–1968). Член «Скита» с 1929 г. Соредатор совместно с В.В. Морковинным и Э.К. Чегринцевой сборника «Скит» II (1934). В 1935 г. уехала вместе с мужем в Париж. В 1939 г. переехала в Швейцарию, в 1955 г. — в Бельгию.

⁷⁶³ Так, например, в статье «Наблюдения и выводы» Бем писал о двух типах детей в эмиграции — это «сохранившиеся и душевно-раненые; дети и дети-взрослые» (Дети эмиграции: Сб. ст. / Под ред. В.В. Зеньковского. Прага: Изд. Педагогического бюро, 1925. С. 216).

⁷⁶⁴ Морковин Вадим Владимирович (1906–1973) — в 1923 г. выехал вместе с матерью по советским паспортам в Прагу. В 1924 г. поступил в русскую гимназию в Моравской Тршебове. В 1926 г. поступил на инженерно-строительное отделение Чешского высшего технического училища (Политехнический институт). Член «Скита» с 1931 г. Знал лично М.И. Цветаеву и в 1969 г. подготовил к изданию ее переписку с А. Тесковой. В том же году вместе с дочерью А.Л. Бема Ириной предпринял подготовку сборника к 50-летию «Скита», однако издание не вышло в свет.

Набоков Кирилл Владимирович (1911–1964) — младший сын В.Д. Набокова, брат писателя В.В. Набокова. В эмиграции с 1919 г. Член «Скита» с 1931 г. В 1935 уехал в Бельгию. Печатался в «Руле», «Воле России», «Современных записках».

Штейгер Анатолий Сергеевич, барон (1907–1944) — поэт. С 1919 г. в эмиграции. В 1923 г. вместе с сестрой, будущей поэтессой А.С. Головиной, поступил в Чехословакии в русскую гимназию в Моравской Тршебове. Потом переехал во Францию и с 1931 г. стал жить в Швейцарии. А. Штейгер был гостем «скитников», но членом «Скита» не был. Напротив, как один из ярчайших представителей «парижской ноты», с которой полемизировал А.Л. Бем, подвергался с его стороны критике. Сборники стихов Штейгера: «Этот день» (Париж, 1928), «Эта жизнь» (Париж, 1931), «Неблагодарность» (Париж: Числа, 1936), «Дважды два четыре» (Париж: Рифма, 1950, издано посмертно; 2-е изд. Нью-Йорк: Russica Publishers, Inc., 1981).

Подробнее об участии русских пражан в литературном содружестве «Скит» см.: «Скит». Прага 1922–1940. Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л.Н. Белошевской; Сост., биографии Л.Н. Белошевской, В.П. Нечаева. М.: Русский путь, 2006.

⁷⁶⁵ Четыре поэтические тетради под общим названием «Скит: непериодический сборник» были выпущены объединением в 1933, 1934, 1935 и 1937 гг.

⁷⁶⁶ «Лебединая карусель» (Берлин: Петрополис, 1935) — единственный прижизненный поэтический сборник Аллы Головиной. Следующие два сборника «Городской ангел» (Брюссель, 1989) и «Ночные птицы» ([Printed in West Germany], 1990) вышли посмертно.

⁷⁶⁷ Из стихотворения «Расставание» (1933). Вошло в первый сборник «Скит» (1933) и в книгу «Ночные птицы» (1990).

⁷⁶⁸ Из стихотворения «Прощайте... Кончено! Четыре четких года...». Вошло в первый сборник «Скит» (1933. С. 11).

⁷⁶⁹ Стихотворение Антонина Петровича Ладинского (1896–1961) «Какие мелкие страстишки...» (1934) из сборника «Стихи о Европе: Третья книга стихов» (Париж, 1937)

⁷⁷⁰ Из стихотворения А. Ладинского «Небо все ниже, чернее...» из цикла «Стихи о Европе» (1932), вошедшего в одноименный сборник стихотворений.

⁷⁷¹ Стихотворение Сергея Федоровича Зубарева «Всего... всего бы только раз...». Вошло в коллективный поэтический сборник «Стихи» (Мюнхен: [Б.и.], 1947).

⁷⁷² Из стихотворения Сергея Романовича Бонгарта (1918–1985) «Г.В.Н.». Вошло в сборник «Стихи» (Мюнхен, 1947).

⁷⁷³ Из стихотворения Владимира Львовича Гальского (1908–1961) «Все, что я называл искусством...». Вошло в коллективный сборник «Стихи» (Мюнхен, 1947).

⁷⁷⁴ Из стихотворения «История солдата» (1934), вошедшего в сборник А. Ладинского «Стихи о Европе: Третья книга стихов».

⁷⁷⁵ Речь идет об Антонине Иосифовне Бем (урожд. Омельяненко; 1885–1951) и дочерях Ирине Альфредовне (Алексеевне) Бем (в браке Голикова; 1916–1981) и Татьяне Альфредовне (Алексеевне) Бем (в первом браке Давыдова, во втором Рейзер; 1919–1984).

⁷⁷⁶ Специально об этом Е.Д. Кусова писала в письме к В.В. Мияковскому от 10 апреля 1952 г., публикацию письма см.: Сообщения и заметки // Новый журнал. 1984. № 154. С. 272–273.

О невыясненных обстоятельствах гибели А.Л. Бема см.: *Рейзер (Бем) Т.* В водовороте... Русская Прага // Записки Русской академической группы в США. 2001–2002. Т. 31. С. 330–358 (особенно С. 341), *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний: В 2 т. Таллин. Авенариус, 1996. Т. 2. С. 195; *Зеньковский В.В.* Мои встречи с выдающимися людьми // Записки Русской академической группы в США. 1994. Т. 36. С. 11; *Шаховская З.А.* Таков мой век. М.: Русский путь, 2006. С. 608. См. об этом также: *Нечаев В.П.* К вопросу о гибели А.Л. Бема // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения / Сост., науч. ред. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2008. С. 333–338. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования; Вып. 9).

⁷⁷⁷ См. об этом: *Бем-Рейзер Т.* Украденное счастье [: Воспоминания] // Новый журнал. 2009. № 254. С. 252; *Доскочилова-Голикова М.* Мои воспоминания // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья. С. 474.

⁷⁷⁸ Из стихотворения Н.С. Гумилева «Мои читатели» [1920].

В.С. Яновский. Мимо незамеченного поколения

Впервые: Новое русское слово. 1955. 2 окт. № 15436. С. 2. Подп.: В.С. Яновский.

⁷⁷⁹ Неточность, Борис Юлианович Поплавский родился в 1903 г.

⁷⁸⁰ Имеются в виду книги стихов Александра Гингера «Свора верных» (Париж: Палата поэтов, 1922), «Преданность: Вторая книга стихов» (Париж: Канарейка, 1925) и книга стихов Бориса Божнева «Борьба за несуществование» (Париж: [Б.и.], 1925).

⁷⁸¹ *Яновский В.* Колесо. Париж; Берлин: Новые писатели, 1930; *Зуров Л.* Кадет. Рига: Саламандра, 1928; *Фельзен Ю.* Обман. Париж: Изд-во Я. Поволоцкого, 1930.

В «Воле России» были напечатаны рассказы Г. Газданова «Повесть о трех неудачах (1927. № 2), «Рассказы о свободном времени» (1927. № 8/9), «Общество восьмерки пик» (1927. № 11/12), «Товарищ Брак» (1928. № 2), «Превращение» (1928. № 10/11), «Мартын Расколинос» (1929. № 8/9), «Гавайские гитары» (1930. № 1), «Черные лебеди» (1930. № 9), «Великий музыкант» (1931. № 3/4, 5/6), эссе «Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане» (1929. № 5/6).

⁷⁸² См.: *Slonim M. Modern Russian literature: From Chekhov to the present.* New York: Oxford University Press, 1953.

⁷⁸³ Имеются в виду «Очерки по истории русской культуры», в которых П.Н. Милоков посвятил Глебу Успенскому довольно большой пассаж (см.: *Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры:* В 3 т. Париж: Изд-во «Современные записки», 1931. Т. 2. Ч. 1. С. 340–345).

⁷⁸⁴ *Ладинский А.* Черное и голубое. Париж: Изд-во «Современные записки», 1930.

⁷⁸⁵ А. Ладинский был в числе тех людей, которые получали из рук советского посла А.Е. Богомолова «несколько первых заготовленных для бывших эмигрантов советских паспортов» на торжественном собрании 30 июня 1946 г. в зале театра «Иена», участники которого выразили «глубокую благодарность Родному Народу и Советскому правительству за предоставленное право восстановления в советском гражданстве и в твердом сознании своих новых обязанностей» (*С.Е. Выдача паспортов // Советский патриот* 1946 5 июля. № 89. С. 2).

О просоветских, «возвращенческих» настроениях Антонина Ладинского, его участии в Союзе русских патриотов, работе в газете «Русский патриот» (с 24 марта 1945 г. «Советский патриот», закрыта 20 января 1948 г. решением французского Министерства внутренних дел), высылке в сентябре 1950 г. из Франции в ГДР см.: *Коростелев О.А.* Лирический театр Антонина Ладинского // *Ладинский А.* Собрание стихотворений / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Викмо-М; Русский путь, 2008. С. 13–21.

⁷⁸⁶ Известно выступление А. Ладинского 21 июля 1946 г. в зале «Мютюоалитэ» на торжественном собрании, главным событием которого был доклад А.Е. Богомолова «О советском гражданстве» (см.: *Советский патриот.* 1946. 26 июля. № 92. С. 1). Краткая речь Ладинского изобиловала указаниями на его писательское призвание: «Если кому нужно быть вместе со своим народом <...> так это писателю и поэту. Пропать между нами и советскими писателями теперь исчезает. Слово «эмигрантский» уже отходит в область предания. От имени всех писателей, которые думают как я, я могу сказать: как можно не ликовать, когда мать протягивает нам руки! Все, что отпущено нам в таланте, отдадим честно нашему народу! Пусть процветает русская литература, которая всегда была защитницей бедных и угнетенных! Пусть Советское правительство мудро ведет государственный корабль среди бурь и опасностей! (аплодисменты). Пусть множится слава России! Да здравствует Советская Россия! Да здравствует великий русский народ!» (*М.С.* Собрание русской эмиграции в Париже 21 июля // Там же).

⁷⁸⁷ Фрейдентштейн Николай Бернгардович — настоящие фамилия и имя писателя Юрия Фельзена (1894–1943).

⁷⁸⁸ Местонахождение текста неизвестно. Библиографию писателя см.: *Ливак Л.* Юрий Фельзен: Материалы к библиографии // *From the Other Shore.* 2002. № 2. P. 115–124. Одноименный рассказ был опубликован в альманахе «Круг» (1938. № 3. С. 75–96) и вызвал ряд откликов в эмигрантской прессе. О нем положительно отозвался в рецензии на «Круг» — в целом достаточно скептической — В. Ходасевич. «В начале этой статьи я упомянул о том, что Фельзен отчасти выпадает из «круга». Отчасти — потому что есть и в его романах чрезвычайно опасная близость к человеческому документу: по нынешним временам и при нынешних влияниях литературной среды становится опасна уже даже сама эпистолярная форма. Тем не менее Фельзен стоит особняком. Сложный sentimentalный узор, который его герой не устает вышивать в своих кропотливых письмах к Леле, основан на том, чего нет и чего не хотят иметь авторы человеческих документов: на вымысле. Если самые письма фельзенского героя порой несколько однообразны, — за ними, тем не менее, чувствуется целый мир, однажды созданный авторским вообра-

жением, мир, где действительность непрестанно подвергается той своеобразной переработке, переплавке, тому преобразению, которое специфично для искусства и наличием которого искусство прежде всего отличается от документа. Будем надеяться, что Фельзен сумеет удержать за собой это преимущество» (*Ходасевич В.* Книги и люди «Круг», книга третья // Возрождение. 1938. 14 окт. № 4153. С. 9). Об этом же романе Яновский снова упомянет в книге «Поля Елисейские». «Во время "смешной" войны он работал над новой книгой, предполагая ее назвать "Повторение пройденного".

— Я сообщил Адамовичу про это заглавие, и он сказал: "Оригинально", — говорил Фельзен.

Разумеется, он не врал, но я догадывался, что если бы Георгий Викторович отозвался неодобрительно, то Фельзен бы промолчал» (*Яновский В.* Поля Елисейские: Книга памяти. Нью-Йорк: Серебряный век, 1983. С. 46). В «Полях Елисейских» Яновский упомянул также и свою полемику с Кусковой: «Фельзена ждали к чаю в Женеве, так утверждает Е. Кускова в ее споре со мною ("Новое русское слово", 1955 г.)... Но не дождалось. С тех пор след его не отыскался. По-видимому, немецкий дозор задержал всю группу; впрочем, если бы Николай Бернгардович оказался в плену, то дал бы о себе знать хоть раз. Думаю, он там же погиб, на границе» (Там же. С. 51–52).

М.Л. Слоним. Вынужденный ответ

Впервые. Новое русское слово. 1955. 16 окт. № 15450. С. 2. Подп.: Марк Слоним.

⁷⁸⁹ Адамович Г. Одиночество и свобода Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955.

⁷⁹⁰ Подобную претензию Яновский предъявил со временем к «Незамеченному поколению». В письме к Т.Г. Варшавской от 9 октября 1986 г. В.С. Яновский писал: «Володя обо мне не упоминает в своих описаниях Монпарнаса, Парижа, "Круга", а за что он мне мстит?.. Один Бог ведает. Он мог быть очень мстительным: как он расправился с Керенским?.. О Бубе (Ирине) Гржебиной он даже не упоминает, а бывал там со всеми нами каждую субботу и ел борщ (или щи). Почему Володя Вас не познакомил? Почему со мной и Изабеллой Михайловной вы не встречались? Чего он боялся? — тут какой-то невроз. А между тем мы все его любили, замечали мелкие, бытовые недостатки...» (Авторизованная машинопись. ДРЗ. Ф. 54).

⁷⁹¹ Выдающийся государственный деятель Чехословакии Эдуард Бенеш (Beneš; 1884–1948), будущий президент Чехословакии, а в годы сотрудничества с «Волей России» — министр иностранных дел (1918–1935), опубликовал в русском эмигрантском журнале ряд программных статей: «Славяне и Западная Европа» (1923 № 15), «Смысл чешской революции» (1923. № 6/7, 8/9), «Иностранная политика и демократия» (1923. № 12, 13), «Чехословацкая интервенция в России» (1924. № 10/11), «Затруднения демократии» (1924. № 16/17, 18/19) и фундаментальную работу «Проблема славянской политики», печатавшуюся на протяжении почти всего 1926 г. (№ 2–11).

Эррио Эдуар (Herriot; 1872–1957) — лидер французской партии радикалов, премьер-министр (в 1924–1925, 1926, 1932 гг.), в 1947–1954 гг. председатель (затем почетный председатель) Национального собрания. В «Воле России» опубликовал «Нож за сорок су» — заключительную часть книги «В нормандском лесу» (1926. № 4–6/7).

Вандервельде Эмиль (Vandervelde; 1866–1938) — бельгийский социалист, реформист, занимавший в бельгийском правительстве с 1914 по 1937 г. неоднократно пост министра (иностраннных дел, юстиции и др.), с 1900 г. председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. Был известен в кругу эсеров как один из защитников, выступивших в 1922 г. на процессе эсеров в Москве. Часто печатался в «Воле России», здесь появились его статьи «Как мы вошли в бельгийское правительство и как мы из него

вышли» (1922. № 3), «Интернационал» (1924. № 14/15), «Социализм и крестьянство» (1926. № 1), «Участие бельгийских солидаристов в правительстве» (1927. № 2), «Социалистический рабочий интернационал и Га-агская конференция» (1929. № 8/9), «Бельгийские выборы 26 мая» (1929. № 5/6), «Первомайские размышления» (1930. № 4), «Г. Бриан и Европейский федеральный союз» (1930. № 5/6).

Сноуден Филипп (Snowden; 1864–1937) — министр финансов в первом (1924) и втором (1929–1931) лейбористских правительствах Великобритании. В 1931 г. перешел на сторону консерваторов, заняв пост лорда-хранителя печати в национальном правительстве Дж. Макдональда, в 1931 г. получил титул виконта, с 1932 г. в отставке. Опубликовал в еженедельнике «Воля России» статью «Рабочее движение в Великобритании» (1922. 16 янв. № 2).

⁷⁹² М.И. Цветаева и А.М. Ремизов публиковались в «Воле России» особенно часто. Назовем лишь некоторые из публикаций. Это поэмы Цветаевой «Поэма лестницы» (в журнальном варианте: Лестница. 1926. № 11), «Попытка комнаты» (1928. № 3), «Поэма воздуха» (1930. № 1), «Крысолов: Лирическая сатира» (1925. № 4–7/8, 12; 1926. № 1), пьесы «Приключение» (1923. № 18, 19), «Феникс» (1924. № 8/9).

В «Воле России» печатались отрывки из романов Ремизова «Взвихренная Русь» (1926. № 2, 3) и «Ров львиный» (1926. № 5), фрагменты повести «Учитель музыки» (1931. № 1/2, 7/9, 10/12), цикл «Русские повести», рассказы «Покажу вам дьявола», «Адам», «На землю» и др. из цикла «Цепь золотая» (1926. № 6/7), «Тридцать снов Тургенева» (1930. № 7/8) из книги «Огонь вещей», «С огненной пастью» — часть трилогии «Оля» (1924. № 14/15–18/19; 1925. № 1–3).

Роман Е.И. Замятина «Мы» был опубликован в 1927 г. (№ 2–4). Редакция журнала сопроводила публикацию следующим примечанием: «Одно из интереснейших произведений современной русской литературы, роман Е. Замятина "Мы", изображающий жизнь людей в 26-м веке, до сих пор еще не появлялся... на русском языке. Желая ознакомить читателей "Воли России" с романом, мы воспользовались тем, что в газете "Лидовы Новины", издающейся в г. Брно, помещен чешский перевод "Мы". С любезного согласия редакции помещаем извлечения из романа. Для большей точности и приближения к подлиннику мы постоянно сличали чешский перевод с английским, вышедшим в 1925 г. в Нью-Йорке» (№ 2. С. 3).

В «Воле России» были также опубликованы рассказ «Икс» (1926. № 8/9) и отрывок из повести «На куличках», вызвавшей некогда возмущение у царской цензуры (публ. в петербургском журнале «Заветы» (1914. № 3). Под названием «Божий зевок» фрагмент был опубликован наряду с рассказом «Письменно» (1923. № 15).

В «Воле России» были напечатаны очерк А. Белого «Кайруан» (1923. № 1), главы из книги В.Ф. Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина» — «Молитва Иосифу» (1924. № 1/2) и «Гробница поэта» (1924. № 8/9); статьи И.И. Лапшина «Умирание искусства» (1924. № 16/17), «О двух "планах" реальности — житейском и художественном» (1926. № 10), «"Красный кабачок" Бальзака и "Братья Карамазовы" Достоевского» (1927. № 2), «Эстетика Толстого» (1928. № 8/9), «"Бессознательное" в научном творчестве» (1929. № 1–3) и др.; статьи В.Ф. Булгакова «Новые рукописи Толстого» (1924. № 1/2), «Встреча с Р. Ролланом» (1926. № 1), «Лицо и лик Толстого» (1930. № 9).

Под обобщающим определением «рассказы» Слоним имеет в виду рассказ Б.К. Зайцева «Новый день» (1923. № 5) и его пьесу «Дон-Жуан» (1922. № 4), эссе П.П. Муратова «Очерки трех литератур (Театр Пиранделло)» (1926. № 2, 4) и пьесу С.С. Юшкевича «Страсти. (Драматические сцены)» (1923. № 10).

⁷⁹³ Имеются в виду: неизданный отрывок «Смерть Альбертины» из романа М. Пруста (1925. № 11), публикация Р.-М. Рильке «Из писем к молодому поэту» (1929. № 2), рассказ Г. Аполлинера «Пражский прохожий» (1925. № 5), рассказ Ж. Ромэна «Двадцать второе января» из книги прозы «Белое вино Ла Виллет» (1924. № 3), повесть Ф. Верфеля «Дом скорби» (1929. № 10/11, 12) и эпод Т. Манна «Гёте и Толстой», появившийся в еженедельнике «Воля России» (1922. 10 мая. № 18; 19 мая. № 19; 27 мая. № 20).

⁷⁹⁴ Объявление о конкурсе «на лучший рассказ об эмигрантской жизни» см.: Воля России. 1928. № 7. Со временем Слоним писал: «Не так давно "Воля России" устраивала литературный конкурс, на

который было прислано 94 рассказа молодыми авторами из десятков европейских и заокеанских стран Пишущий эти строки взял на себя тяжкий труд прочитать все эти произведения, и его поразила именно эта черта — литературной отсталости. Огромное большинство рассказов было написано так, как писали лет двадцать пять тому назад, все они казались призраками давно исчезнувшего прошлого» (Литературный дневник: Молодые писатели за рубежом // Воля России. 1929. № 10/11. С. 103).

⁷⁹⁵ Это собрание «Кочевья» состоялось 22 февраля 1929 г. в Париже, в Таверне Дюмениль на Монпарнасе. В «Литературной хронике» журнала «Воля России» было отмечено, что «вечер С. Шаршуна, на котором автор прочитал отрывки из своего романа, вызвал оживленные споры о сюрреализме в искусстве» (Вечера «Кочевья» // Воля России. 1929. № 2. С. 168).

⁷⁹⁶ Скорее всего, имеется в виду благосклонный отзыв о «Кадете» в статье «Молодые писатели за рубежом», в которой Слоним заметил: «Среди молодых писателей, связанных с бунинской традицией, в первую очередь следует назвать действительно талантливого Леонида Зурова. Его повесть "Кадет" и мелкие рассказы написаны очень свежо и ярко. Это реалистические картины Гражданской войны в сдержанной манере "литературной живописи". Еще не отчетлив психологический рисунок, еще нет уверенности в построении, но уже имеются все отличия старого реализма: тщательно выписанный пейзаж, стремление к сухому объективизму, любовь к зрительным и чувственным впечатлениям» (Воля России. 1929 № 10/11. С. 113). Это не помешало Слониму в 1931 г. припечатать: «Создался даже особый род литературного штампа — рассказ-воспоминание, непременно о старой России, с лирическими березками — совершенно в стиле тех романсов, которые исторгают слезы у посетителей русских ресторанов.

Влияние этого штампа так велико, что он разъедает и губит самых талантливых из молодых: так, очевидно, совершенно «погиб для литературы» хорошо начавший Л. Зуров; так не могут «взлететь» многие из малых сих» (Слоним М. Заметки об эмигрантской литературе // Воля России. № 7/9. С. 622).

⁷⁹⁷ Упомянув о «недостойной заметке», Слоним имеет в виду статью Г. Иванова «В. Сирин. "Машенька". "Король, дама, валет". "Защита Лужина" "Возвращение Чорба"» (Числа. 1930. № 1. С. 233–236). «Неприятное впечатление производит заметка Г. Иванова о творчестве Сирина. Отзывы могут быть и резкими, и беспощадными: но нельзя допускать того, чтобы они были злобными. А именно такое впечатление производит заметка Г. Иванова, и жаль, что тонкий поэт и интересный писатель унизил себя до нее» (М.Сл. [М.Л. Слоним]. Среди книг и журналов Новый эмигрантский журнал «Числа» № 1. Париж 1930 // Воля России. 1930. № 3. С. 298).

⁷⁹⁸ См.: Воля России. 1927 № 2. С. 34–48. Редакция журнала сопроводила публикацию следующим примечанием: «За последнее время приезжие из России часто привозят произведения, по большей части поэтические, современных писателей, распространяющиеся в списках до напечатания в российских изданиях. Приводим полученную нами таким образом поэму Б. Пастернака "Лейтенант Шмидт", до сих пор еще не появившуюся в печати» (С. 34).

⁷⁹⁹ Не совсем точное цитирование статьи «Молодые писатели за рубежом» из цикла «Литературный дневник» (Воля России. 1929 № 10/11. С. 100–118). «Я не знаю, какова будет в дальнейшем судьба этих молодых сил, с трудом вырастающих под хмурыми эмигрантскими небесами, вдали от родной почвы, в ненормальной и противоестественной атмосфере рассеяния и беженства. Но я твердо убежден, что этой молодежи удастся во всяком случае выйти на волю из эмигрантского литературного музея и неподвижной академии» (С. 118).

⁸⁰⁰ Неверная дата. Имеются в виду «Заметки об эмигрантской литературе» (Воля России. 1931. № 7/9. С. 616–627) — одна из наиболее скептических статей Слонима в адрес молодой эмигрантской литературы. «Ряд молодых писателей навеки отравлен эмигрантщиной — этим соединением литературного шаблона с непомерным самомнением и ограниченностью. Они ничего *начать* не могут: они только продолжают неудачное, заведомо проигранное дело отцов» (С. 624). Приводимые Слонимом строки, однако, не являются исключением в оценке молодых писателей-эмигрантов. В цитируемой выше статье

«Молодые писатели за рубежом» (1929) он также отзывался о молодых писателях весьма критически: «Литературная молодежь в эмиграции, подобно своим русским собратьям, слишком часто поражает своей некультурностью и даже невежественностью. Она мало читала, мало знает, мало работает над собою, но отличается безапелляционностью суждений и принимает свой ранний жизненный опыт за мудрость и художественную значительность. Ко многим из ее представителей применимы слова Ремарка: "мы стали грубыми, скорбными и поверхностными: я думаю, мы погибли"». Это, однако, не отменяло призыва: «И все же к этой молодежи следует отнестись с особенным вниманием и заботой» (С. 104–105).

Е.Д. Кускова. Упреки не по адресу

Впервые: Новое русское слово. 1955. 19 окт. № 15453. С. 4–5. Подп.: Ек. Кускова.

⁸⁰¹ От издательства // Яновский В. Портативное бессмертие. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 5.

⁸⁰² Характерная ошибка в статьях Е. Кусковой. Писательницу звали Алла Головина.

⁸⁰³ Из стихотворения М.И. Цветаевой «Сад» из цикла «Куст» (1934).

⁸⁰⁴ Бахрах А. Звуковой ливень // Русский сборник. Париж: Подорожник, 1946. Кн. 1. С. 184.

⁸⁰⁵ Адамович Г. Бунин // Там же. С. 6.

В.С. Яновский. «Спор о вкусах»

Впервые: Новое русское слово. 1955. 30 окт. № 15464. С. 5. Подп.: В.С. Яновский.

⁸⁰⁶ Яновский снова имеет в виду издание: *Slonim M. Modern Russian Literature: From Chekhov to the Present* New York: Oxford University Press, 1953.

⁸⁰⁷ Указанный фрагмент см.: *Slonim M. Modern Russian Literature...* P. 398–399.

⁸⁰⁸ Свой взгляд на будущее эмигрантской литературы Слоним откровенно высказывал еще на страницах «Воли России». Помещенные здесь литературно-критические статьи, как и многочисленные отзывы на советскую литературу, явились своеобразным прологом к книгам «Портреты советских писателей» (Париж: Парабола, 1933), «Modern Russian Literature...» (1953) и др. Так, еще в 1925 г. в статье «Литература эмиграции» (Воля России. № 2. С. 174–182; № 4. С. 182–192) он писал: «Литература эмиграции именно поражает отсутствием каких-либо, хотя бы формальных достижений; в ней совершенно не проявляются те упорные и очень любопытные искания в области слова, которые идут в России и наложили свою печать на творчество прозаиков, начиная от Пильняка, кончая Леоновым, и поэтов, начиная от Маяковского и кончая Тихоновым и Пастернаком. Искания эти завещаны нам символизмом и проникают и весь предреволюционный период нашей литературы. В эмиграции их наблюдать не приходится — и она не может назвать ни одного взлелеянного ею талантливого поэта» (№ 2. С. 177). Отрыв «от почвы» Слоним расценивал как основной источник неудачи эмигрантской литературы: «Выход — только в одном: в преодолении провинциальной эмигрантской гордыни, в отказе от иллюзий мнимой державности, от противоположений "нас" и "их", в сознании своей общности и единства с русской литературой не как с абстрактным понятием, а как с совершенно реальной и конкретной современной действительностью.

И если нет у нас возможности быть на родной земле, то надо стремиться, по крайней мере, жить ее духовной жизнью, ощутить своими и близкими ее волнения и перемены, восполнить физический отрыв постоянной обращенностью к России и связью с ней» (*Слоним М. Литературный дневник // Воля России. 1928. № 7. С. 65*).

⁸⁰⁹ Отношение к Бунину было сформировано у Слонима также задолго до появления «Modern Russian literature...». Так, в статье «Литература эмиграции» (Воля России. 1925. № 4) Слоним писал: «Мы часто забываем, что Бунин, Мережковский, Чириков и другие крупные и малые эмигрантские писатели-старика — не современность, а история. Они — прошлое. Не в них и не с ними — возрождение русского искусства. Они — на том берегу не только фактически (потому что эмигранты), но и художественно, потому что принадлежат к завершенному литературному периоду, к перевернутой странице истории. Под их камень вода не течет» (С. 183). В статье «Литературные отклики» (Воля России. 1926. № 8/9) он заметил: «Бунин очень хороший писатель, хотя для меня мертвый, потому что не двигающийся, застывший и принадлежащий к завершенной главе истории русской литературы. Она давно уже дописана, а Бунин к ней только приписывает» (С. 88).

⁸¹⁰ Истрати Панаит (наст. имя Герасим Истрати; 1884–1935), румынский писатель, выходец из низов. Писал на французском языке. Долго жил в Швейцарии и во Франции. Опубликовал повести «Кира Киралина» (1923), «Дядя Ангел» (1924), книги «Мои странствия» (1928), «Ловец губок» (1930) и др. В 1927, 1928 гг. посетил СССР. В 1929 г. выпустил книгу очерков «К другому огню: Исповедь проигравшего», где негативно обрисовал советскую действительность, чем вызвал нападки просоветски настроенной интеллигенции в Западной Европе. В «Воле России» был напечатан роман Истрати «Репейник Барагана» (авторизованный пер. З. Журавской. 1930. № 2–7/8). Очевидно, редакция «Воли России» придавала большое значение этой публикации, анонсируя ее на обороте титула журнала (1930. № 1–4).

М.Л. Слоним. Все о том же

Впервые: Новое русское слово. 1955. 13 нояб. № 15478. С. 8. Подп.: Марк Слоним.

⁸¹¹ Лебедев Владимир Иванович (1883–1956) — российский революционер, эсер. Во время революции 1905 г. член Боевой организации партии эсеров. После 1908 г. в эмиграции во Франции. Один из редакторов эсеровского журнала «За народ». Во время Первой мировой войны вступил добровольцем во французскую армию, лейтенант французской службы. После Февральской революции вернулся в Россию. С мая 1917 г. помощник военного и морского министра А.Ф. Керенского. В июле – августе 1917 г. управляющий морским министерством. В 1918 г. в Самаре был одним из организаторов Народной армии Учредительного собрания. Участник Государственного совещания в Уфе. С 1919 г. снова в эмиграции. С 1921 г. в Праге. Член редколлегии журнала «Воля России» (1921–1932). В Париже участвовал также в собраниях «Кочевья». Затем жил в Белграде, где был одним из руководителей Земгора, организатором и директором журнала на сербохорватском языке «Руски архив» (1938–1939). С 1936 г. в США, редактировал в Чикаго газету «Рассвет», сотрудник редакции газеты «Новое русское слово».

Ю.К. Терапиано. По поводу незамеченного поколения

Впервые: Новое русское слово. 1955. 27 нояб. № 15492. С. 8. Подп.: Ю. Терапиано.

⁸¹² В последней редакции «Незамеченного поколения» Варшавский делает уточнение: «Некоторые авторы незамеченного поколения могли издать свои первые книги, только достигнув "третьего возраста". В 1972 году вышла в Париже повесть А. Величковского "Богатый"».

Величковский Анатолий Евгеньевич (1901–1981) — поэт, прозаик, офицер Добровольческой армии. В 1919 г. эмигрировал из России. В 1926 г. переехал во Францию, работал чернорабочим, затем шофером такси. Печтаться стал только после войны, первый поэтический сборник — «Лицом к лицу» (Париж: Рифма, 1952). Сатирическая повесть «Богатый» (Париж, 1972) — единственная прозаическая книга Величковского.

⁸¹³ Корвин-Пиотровский Владимир Львович (1891–1966) — поэт, прозаик, драматург. Участник Гражданской войны. С 1920 г. обосновался в Берлине, где в 1921–1923 гг. был редактором отдела поэзии журнала «Слово», опубликовал книги стихов «Полынь и звезды» (Берлин: Книгоиздательство писателей, 1923), «Святогор-скит: Поэмы» (Берлин: Манфред, 1923), «Каменная любовь» (Берлин: Волга, 1925), роман «Атлантида под водой» (Берлин: Polyglotte, 1928), драматическую поэму «Беатриче» (Берлин: Слово, 1929) и др. В Париж переехал в 1939 г. В годы Второй мировой войны участник движения Сопротивления. В 1944 г. был арестован нацистами, несколько месяцев провел в тюрьме. С ноября 1944 г. член правления Объединения русских писателей и поэтов во Франции. После войны сотрудник газеты «Советский патриот». С 1953 г. в США. Его книги были напечатаны в Париже в издательстве «Рифма» после войны: «Воздушный змей» (1950), «Поражение: Поэмы и стихи о России» (1960).

⁸¹⁴ Речь идет о неоконченной повести «Детские страхи», первая глава которой «Псёл» была опубликована в «Орионе» (1947. № 1. С. 65–82). «Орион», где Одарченко выступил в роли соредактора наряду с В. Смоленским и А. Шайкевичем, далее не издавался. Терапиано, однако, допускает неточность, до 1955 г. Одарченко опубликовал еще одну главу из этой повести под названием «Папоротник» (Возрождение. 1948. № 2. С. 32–51). Проза Одарченко вошла в сборники: *Одарченко Ю. Стихи и проза / Сост и предисл. В. Бетаки. Париж: La Presse Libre, 1983; Он же. Сочинения / Общ. ред., сост. и коммент. С.В. Ивановой. М.: СПб : Летний сад, 2001).*

⁸¹⁵ Возможно, речь идет все о той же повести «Детские страхи» или о неоконченной книге «Истоки смеха» (Возрождение. 1957. № 69. С. 103–107). По мнению В. Бетаки, «подзаголовок "Пролог" свидетельствует о том, что это лишь часть большого эссе, задуманного автором, но, видимо, так и не написанного. Может быть, Одарченко предполагал написать даже целую книгу, если учесть объемность и серьезность проблем, затронутых автором в "Прологе"» (Примечания // Одарченко Ю. Стихи и проза. С. 257–258).

⁸¹⁶ Имена этих поэтов упоминаются Варшавским как в издании 1956 г., так и в последней редакции «Незамеченного поколения».

⁸¹⁷ Имеется в виду статья: *Федотов Г.П. О парижской поэзии // Ковчег: Сборник зарубежной русской литературы. Нью-Йорк, 1942. № 1. С. 189–198.*

⁸¹⁸ Речь идет о статье Г.В. Адамовича «Литературные заметки» (Последние новости. 1931. 16 апр. № 3676. С. 2). «Отвечают ли "Флаги" тому, что от Поплавского ждали? Мне кажется, нет. В сборнике есть стихи небрежно-пленительные, как "Роза смерти", есть вещи почти совсем-совсем уже "настоящие", чистые, как "Стоицизм". Но автор больше, чем стихи. Он в них не укладывается. Несмотря на то что у Поплавского создалась репутация поэта *par excellence* [по преимуществу (*фр.*)], ему, может быть, не в стихах суждено окончательно высказаться. Что такое поэзия? Не мысль и не музыка, но и то и другое вместе. Поэзия возникает из стихов только тогда, когда в них и мысль и музыка насквозь друг в друга проникли. У Поплавского избыток музыки, подлинный "пир" ее, и именно потому, что музыка эта не пропитана мыслью, не "стерилизована" разумом, — она превращается в какой-то скоропортящийся продукт»

⁸¹⁹ Софиев Юрий Борисович (наст. фам. Бек-Софиев; 1899–1975) — поэт. В чине поручика участвовал в Белом движении. В 1920 г. со своим отцом, также принимавшим участие в боевых действиях, эвакуировался вместе с остатками Добровольческой армии. Поступил на историко-филологический факультет Белградского университета, продолжил образование во Франко-русском институте в Париже. Избирался председателем Союза молодых поэтов и писателей Франции. Работал мойщиком витрин. Первая поэтическая книга «Годы и камни» (Париж: Изд. Объединения русских писателей и поэтов, 1937). В 1942 г. стал участником движения Сопротивления. После окончания войны взял советский паспорт и в 1946 г. вместе с другими репатриантами вернулся в СССР. Поселился в Казахстане, работал художником-анималистом в Институте зоологии АН КазССР. Написал книгу стихов, которая вышла посмертно: *Софиев Ю. Парус: Стихи. Алмааты, 2003*). В последней редакции «Незамеченного поколения» Варшавский о Софиеве не упоминает.

⁸²⁰ О литературной группе «Перекресток» (1928–1937) Терапиано написал подробно в книге воспоминаний «Встречи» в главе «Перекресточная тетрадь» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953 С. 104–111). Здесь же он назвал другую, общепринятую дату создания группы: «Группа "Перекресток", образовавшаяся в 1928 году, была в ту пору одним из самых активных литературных объединений в Париже <...> Особенно-стью "Перекрестка" являлось то, что в нем участвовали поэты, находившиеся в двух различных странах: во Франции и в Сербии — единственный пример такого широкого объединения. Парижскую группу "Перекрестка" составляли: гр. П. Бобринский, Довид Кнут, Ю. Манделштам, Г. Раевский, В. Смоленский и я, белградскую: И. Голенищев-Кутузов, А. Дураков, Е. Таубер (переехавшая потом во Францию) и К. Халафов.

В. Ходасевич и Н. Берберова, не принадлежа официально к "Перекрестку", участвовали не только в его литературных выступлениях, перекресточники бывали у Ходасевича, который входил в их поэтические, а порой и личные дела, и участвовал не только в литературных беседах "Перекрестка", но и в некоторых "эскападах" (С 104–105).

⁸²¹ Ходасевич В.Ф. О смерти Поплавского // Возрождение. 1935. 17 окт № 3788. С 3

⁸²² Седых А. Итоги Г.В. Адамовича // Новое русское слово. 1955. 2 окт. № 15436. С. 8. В рецензии на книгу Адамовича «Одиночество и свобода» (1955) А. Седых заметил: «Из этого молодого, "забытого", по словам В. Варшавского, второго поколения наш критик выбрал три имени, причем выбор сделан по признаку странному: все трое — покойники. Я давно заметил эту нашу типично русскую черту. ни о ком не пишем мы так охотно и хвалебно, как о покойниках, в этом не нуждающихся, а о живых, которым весьма нужна здоровая, благожелательная критика, часто забываемая.

И выбор троих — Поплавский, Штейгер, Фельзен — нельзя признать особенно удачным или характерным для эмигрантской литературы второго поколения.

Признаюсь, я никогда не мог понять внезапной славы Поплавского, принявшей после его ранней и случайной смерти размеры воистину удивительные».

⁸²³ «Рифма» — парижское издательство, создано летом 1949 г. поэтессой из Нью-Йорка Ириной Яссен (наст имя и фам. Рахиль Самойловна Чеквер; 1893–1957). Издательство появилось на основе возродившегося Союза писателей и поэтов в Париже при салоне Анны Морисовны Элькан (урожд. Абельман). Редакционная коллегия состояла из Г.В. Адамовича, С.К. Маковского, Г.А. Раевского, П.С. Ставрова, Ю.К. Терапиано, А.М. Элькан, И. Яссен. Сергей Константинович Маковский (1877–1962) был председателем редколлегии, А.М. Элькан — секретарем издательства. После смерти И. Яссен и С.К. Маковского их функции возложила на себя поэтесса София Юльевна Прегель (1904–1972). С 1972 г. и до конца существования «Рифмы» ее возглавлял Терапиано. Первой книгой издательства был сборник стихотворений А.С. Штейгера «Дважды два четыре» (1950). Последнее издание — сборник И. Одоевцевой «Златая цепь» (1975). «Появление "Рифмы" в смутную эпоху послевоенной жизни, — писал Терапиано, — само по себе явилось большим событием, свидетельствующим о большой жизнеспособности русских поэтов, об их верности идее свободного творчества и лучшим традициям нашего прошлого» (Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека: 1924–1974: Эссе, воспоминания, статьи. Париж: Альбатрос; Нью-Йорк: Третья волна, 1987. С 191).

Ю.П. Трубецкой. Недооцененное поколение

Впервые: Новое русское слово 1955 11 дек. № 15506. С. 8. Подп.: Юрий Трубецкой.

⁸²⁴ Из стихотворения А.А. Блока «Друзьям» (1908).

⁸²⁵ Каннегисер Леонид Иоахимович (1896–1918) — поэт, эсер, студент Петербургского политехнического института, юнкер Михайловского артиллерийского училища. Начал печататься с 1914 г., дружил

с Сергеем Есениным, в стихах близок к младшим акмеистам. Утром 30 августа 1918 г. в Петербурге Л. Каннегисер убил народного комиссара Северной коммуны, председателя Петроградского отдела Чрезвычайной комиссии М.С. Урицкого. Расстрелян в сентябре 1918 г.

⁸²⁶ Имеется в виду письмо А.А. Блока к К.И. Чуковскому от 26 мая 1921 г. Неточная цитата, у Блока: «...слопала-таки поганая, гуннивая родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка» (*Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 8. С. 537*).

⁸²⁷ См.: *Struve G. The double life of Russian literature // Books Abroad. Norman: University of Oklahoma Press, 1954. Vol. 28. № 4. P. 389–406*. В журнальной публикации «Незамеченного поколения» В. Варшавский по поводу этой статьи заметил, что «несравненно более справедливая оценка "молодой" эмигрантской литературы дана Глебом Струве», нежели М. Слонимом, который «в своей работе "Modern Russian Literature" (том чуть ли не в 500 страниц) уделил "младшим" эмигрантским писателям всем вместе около двух страниц» (*Новый журнал. 1955. № 41. С. 103*).

⁸²⁸ Сам автор этих строк принадлежал к числу поэтов, попавших под каток репрессий.

Трубецкой Юрий Павлович (наст. фам. Нольден; 1898–1974) — поэт, прозаик, литературный критик. В 1930-е гг. подвергался репрессиям (отбывал заключение в лагере). С середины 1940-х гг. жил в Германии. Сборники стихов: «Петербургские строфы» (Бавария, 1946), «Двойник» (Париж: Рифма, 1954), «Терновник» (Париж: Рифма, 1962); повесть «Нищий принц» (Возрождение. 1951. № 15. С. 36–52) и др. Автор «Нового русского слова», «Русской мысли», «Возрождения», «Нового журнала».

⁸²⁹ Бернер Николай Федорович (псевд. Божидар, Дир; 1890–1969) — поэт. Родился в Киеве. Учился на юридическом факультете Московского университета. Псевдоним Николай Божидар взял в память о покончившем с собой в 1914 г. поэте-футуристе Богдане Гордееве, имевшем такой же псевдоним. Учителем в поэзии считал В. Брюсова. Участник Гражданской войны. В Киеве познакомился с О. Мандельштамом. Участвовал в организации журнала «Гермес» (Киев). Издал сборники стихов «Одиннадцать» (М.: Жатва, 1915), «Осень мира» (Киев: Изд. И.М. Слущкого, 1922). В 1923 г. вернулся в Москву. В 1925 г. арестован и сослан на 5 лет на Соловки. В 1933 г. по приговору ОГПУ Московской области был на 3 года лишен права проживания в ряде городов и районов СССР. После войны остался жить на Западе. Скончался под Орлеаном (Франция).

⁸³⁰ Из посвящения В. Брюсову в сборнике стихов «Осень мира» (1922): «Брюсов — певец, из мастеров терпеливейший...» Трубецкой приводит цитату, скорее всего, по предисловию, написанному Н. Бернером к его небольшой подборке стихов в мюнхенском «Литературном современнике»: «Поистине нелепа и странна в наше время судьба отдельного человека, а в особенности — человека творческого начала. Пять лет промаяться неизвестно почему и зачем в австрийском лагере Зальцбурга, после мрачной и причудливой полосы.

Из советского заточенья — пройдя Соловки и ряд высылки, напечатав там свой фрагмент книги стихов (вся книга взята при аресте и уничтожена) — Осень мира.

В ней осмелился сказать громко:

Переживем как-нибудь и балаган недоучек,

Переживем палачей кисти, пера и резца.

и... после большого жизненного пути — ринувшись жадно на Запад — очутиться в новом плену (диплийском), быть прикрепленным к месту, желая притом работать, думать, писать, верить, бороться. ВОТ И ВСЕ!» (1952. № 3. С. 36)

⁸³¹ Ширяев Борис Николаевич (1887–1959) — русский писатель второй волны эмиграции. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В Первую мировую войну ушел добровольцем на фронт, служил в Черниговском гусарском полку. В 1922 г. как белый офицер приговорен к расстрелу, который заменили 10 годами каторги на Соловках. В 1929 г. отправлен в ссылку в Ташкент. В 1932 г. в Москве снова арестован, в 1936 г. после тюремного заключения сослан в Ставропольский край.

Работал учителем русского языка и литературы. Во время Второй мировой войны с приходом немцев в Ставрополе издавал антибольшевистскую газету «Утро Кавказа». В 1944 г. переселился в Берлин. В 1945 г. переехал в Италию. Печатался в журналах «Грани», «Возрождение», «Часовой», в газете «Наша страна» (Буэнос-Айрес). Автор книг «"Ди-Пи" в Италии: Записки продавца кукол» (Буэнос-Айрес: Наша страна, 1953), «Светильники Русской Земли» (Буэнос-Айрес: Наша страна, 1953), «Неугасимая лампада» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954) и др.

⁸³² Выдающийся русский историк и политический деятель Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956) был редактором журнала «Возрождение» в 1949–1954 гг. По замечанию современников, «когда <...> С.П. стал редактором ежемесечника "Возрождение", он быстро поднял его на высокий уровень, в особенности своими статьями о Февральской революции» (Тимашев Н.С. Встречи с С.П. Мельгуновым // Новый журнал. 1957. № 48. С. 247). См. о нем: Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М.: Едиториал УРСС, 1998.

Н.Е. Андреев. Заметки о журналах. «Новый журнал». Книги 37–42
[Отрывок]

Впервые: Русская мысль. 1956. 24 янв. № 851. С 4–5 (окончание обзора; начало обзора: Русская мысль. 1956. 10 янв. № 849. С. 4–5). Подп.: Ник. Андреев.

⁸³³ Речь идет о двухнедельнике литературы и искусства «Новая газета». См. примеч. 756.

⁸³⁴ Имеется в виду статья «Заметки об эмигрантской литературе» (Воля России. 1931. № 7/9. С. 616–627), в которой Слоним, в частности, писал: «Несчастье в том, что <...> работы впрок эмигрантские писатели не производят; и если бы завтра предстояло им вернуться в Россию, то оказалось бы, что никаких новых идей, никаких новых слов они в изгнании не нашли. Оказалось бы, что "воздух свободы", которым мы здесь дышим, почти не пошел нам на пользу без воздуха родины — и за тринадцать лет эмигрантского блуждания мы не создали ни одного литературного направления, ни одной крупной художественной ценности и не выдвинули ни одной живой идеи» (С. 619). Истоки этой «пессимистической перспективы» Слоним находил в том, что «большинство эмигрантских писателей духовно оторвано от России, чуждо ее жизни, отрезано от ее истоков, утратило чувство русской жизни. А это — смерть для русского писателя — именно потому, что традиция русской литературы — почвенность» (С. 621).

⁸³⁵ Федоров Василий Георгиевич (1895–1959) — поэт, прозаик Эмигрировал в 1922 г. Обосновался в Чехословакии. В 1924 г. становится участником литературного кружка «Далиборка», в 1926 г. — «Скита поэтов». «Скит» посвятил свой первый вечер в Союзе русских писателей и журналистов (20 января 1928 г.) творчеству Федорова. Печатался в сборниках «Скит», журналах «Годы», «Родное слово», «Воля России». Отдельными изданиями вышли «Суд Вареника» (Прага: Скит, 1930), «Прекрасная Эсмеральда» (Ужгород: Школьная помощь, 1933), «Канареечное счастье» (Ужгород: Школьная помощь, 1938). Автор статьи «Бесшумный расстрел: Мысли об эмигрантской литературе» (Меч. 1934. 8 июля. № 9/10. С. 8–9) о судьбах молодой эмигрантской литературы, вызвавшей острую полемику с участием Д. Мережковского, Д. Философова, А. Бема.

По воспоминаниям самого Н. Андреева, Слоним особо отмечал литературный талант В. Федорова. «В том же 1929 г. началось мое личное общение с Марком Львовичем Слонимом. Он уже не жил в Праге, где был раньше литературным редактором эсеровского журнала "Воля России". <...> Наше знакомство произошло на одном из литературных собраний в Земгоре. В тот раз он говорил о советской и эмигрантской литературе. <...> Главная идея у него была: смотрите, как это здорово — какая плеяда прозаиков и поэтов возникает в Советском Союзе, несмотря на сложности с режимом, а

в эмиграции молодых очень мало. Он назвал Сирина-Набокова, назвал Газданова и, между прочим, Василия Федорова, пражанина. Заседание проходило в читальне Земгора, пришло много народа, Слоним был известен как хороший докладчик и интересный обозреватель советской литературы, которой все страстно интересовались, но не все успевали читать. Василий Федоров был в зале, даже покраснел и чуть не заплакал от удовольствия, что его тоже назвали среди актива молодой эмигрантской прозы» (*Андреев Н. То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний: В 2 т. Таллин: Авенариус, 1996. Т. 1. С. 303–304.*)

М.В. Вишняк. О «незамеченном поколении»

Впервые: Новое русское слово. 1956. 2 марта. № 15588. С. 3, 4. Подп.: М. Вишняк.

⁸³⁶ *Бердяев Н.А.* Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923. С. 87.

⁸³⁷ В. Варшавский в «Русских записках» не публиковался.

В журнале «Русские записки» были опубликованы: главы из романа И. Шмелева «Иностранец» (1938. № 4, 5); пьеса М. Алданова «Линия Брунгильды» (1937. № 1), его эссе «Роже Мартэн дю Гар» (1938. № 4), «Пуншевая водка (сказка о всех пяти земных счастьях)» (1938. № 7, 8/9), философская сказка «Могила воина» (1939. № 13, 15, 16), некролог «В.Ф. Ходасевич» (1939. № 19); рассказы Г. Газданова «Бомбей» (1938. № 6), «Хана» (1938. № 11), «Вечерний спутник» (1939. № 16) и часть романа «Полет» (1939. № 18–20/21); рассказы В. Сирина «Озеро, облако, башня» (1937. № 2), «Истребление тиранов» (1938. № 8/9), «Лик» (1939. № 14), драмы «Событие» (1938. № 4), «Изобретение Вальса» (1938. № 11); эссе В. Вейдле «Из жизни искусства» (1939. № 15), «Тютчев и Россия» (1939. № 18), а также ряд его рецензий; «Портативное бессмертие» В. Яновского (1938. № 10; 1939. № 15, 17) было опубликовано не полностью — глава «Доклад Свифтсона» вышла в «Новом Граде» (1939. № 14).

⁸³⁸ С критикой идейного направления «Нового Града» и публичных выступлений И.И. Фондаминского М.В. Вишняк выступил в еженедельнике А.Ф. Керенского «Дни». Так, например, в статье с символическим названием «Орфей в аду» он писал: «Увы, нового или "пореволюционного" слова И.И. Бунаков не сказал. Он только взял необычайно большой разбег для утверждения довольно старого и уже известного до революции.

Судя по заявлению от редакции только что вышедшего «Нового Града», редактируемого Бунаковым, совместно с Ф.А. Степуном и Г.П. Федотовым, задача его состоит в том, чтобы сростить социализм с христианством.

Что же: христианство есть новая, "пореволюционная" идея? Или такая новая идея — социализм? Или сочетание того и другого не было известно в дореволюционное время? Или необычен призыв к свободе?..

И о какой свободе идет речь у Бунакова? Надо помнить и знать, что если "социализм понятие слишком многосмысленное", как утверждает редакция "Нового Града", то не одномысленно ведь и понятие свободы. <...> Новое у И.И. Бунакова состоит в том, что, прежде чем прийти к весьма скромным и умеренным выводам, он производит весьма радикальную разрушительную работу» (*Современник*. [М.В. Вишняк]. Орфей в аду // Дни. 1931. 22 нояб. № 143. С. 14)

⁸³⁹ См.: *Руднев В.* Новый Град. Кн. 1-я // Современные записки. 1932. № 48. С. 504–509; *Он же.* Политические заметки: (Еще о «Новом Граде») // Там же. № 50. С. 439–455.

⁸⁴⁰ Здесь и далее цитируется статья. *Руднев В.* Новый Град. Кн. 1-я.

⁸⁴¹ Здесь и далее цитируется статья: *Он же.* Политические заметки: (Еще о «Новом Граде»).

⁸⁴² Степун Ф. Задачи эмиграции // Новый Град. 1932. № 2. С. 20.

⁸⁴³ Федотов ГП И есть и будет: Размышления о России и революции. Париж: Новый Град, 1932. С. 177–178.

Г.Я. Аронсон. «Русские мальчики» в эмиграции

Впервые: Новое русское слово. 1956. 4 марта. № 15590. С. 8. Подп.: Григорий Аронсон.

⁸⁴⁴ См.: Боранецкий П О юривых чудачествах Федорова и о замысле преодоления смерти // Третья Россия. 1938. № 8. С. 113.

⁸⁴⁵ Адамович Г. Комментарии // Числа. 1933. № 7/8. С. 156.

И.М. Троцкий. Незамеченное поколение

Впервые: Новое русское слово. 1956. 16 марта. № 15602. С. 7. Подп.: Илья Троцкий.

⁸⁴⁶ Главный редактор «Нового русского слова» Марк Ефимович Вейнбаум (1890–1973) писал. «За короткое время своего существования Чеховское издательство наделало немало промахов и ошибок, вызывавших справедливые нарекания. <...> Пришло время отметить и положительные стороны этого издательства — они значительны и разнообразны. В этом убеждает даже беглый только просмотр каталога выпущенных им книг, содержащего сто пятьдесят изданий. <...> Оно же подарило нам новейшие произведения Алданова, Ремизова, Вл. Набокова и многих других; дало нам замечательную серию воспоминаний о прошлом; ряд интересных переводных книг; обрадовало такими шедеврами, как "Ульмская ночь" Алданова и "Встречи с Лениным" Юрьевского; взволновало "Путешествием в страну Зе-ка" Юлия Марголина, всколыхнуло книгой Варшавского о незамеченном поколении, о которой будут еще говорить и писать» (Вейнбаум М.Е. «Издательство имени Чехова» // Новое русское слово. 1956. 29 февр. № 15586. С. 3)

⁸⁴⁷ Собрание общества взаимопомощи «Надежда» прошло 9 марта 1956 г. в помещении нью-йоркского Клуб-Хауса (New York, 150 West 85 Street).

⁸⁴⁸ Болотовский Юлий Ильич (?–1957) — адвокат. Член правления и юрисконсульт Литературного фонда. Активный деятель Общества друзей русской культуры.

⁸⁴⁹ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) — политический деятель, историк, публицист. Сотрудник русского посольства в Вашингтоне (1917–1922). В 1918–1919 гг. представлял интересы России на Версальском конгрессе в Париже. С 1923 г. жил в Нью-Йорке. С 1927 г. профессор Гарвардского университета, в 1949–1954 гг. директор славянского отдела. С 1943 г. соредатор, в 1945–1959 гг. главный редактор «Нового журнала». Автор исторических трудов «Imperial Russia, 1801–1917» (New York: Henry Holt & Co, 1932), «A History of Russia» (New Haven: Yale University Press, 1953) и др.

⁸⁵⁰ Денике Юрий Петрович (1887–1964) — историк, журналист. Член РСДРП. В 1917 г. зам. председателя Казанского совета рабочих депутатов. В 1920 г. профессор Московского университета по кафедре истории. В 1922 г. уехал из России. Обосновался в Берлине, где публиковался в «Социалистическом вестнике», после 1933 г. переехал в Париж, в 1941 г. — в США. Входил в состав редакции «Нового журнала» (1959–1964) и «Социалистического вестника» (1954–1963). Сотрудник «Радио Свобода».

⁸⁵¹ Опечатка в инициалах Завалишин Вячеслав Клавдиевич (1915–1995) — поэт, журналист, переводчик. Родился в Петрограде. Окончил историко-филологический факультет Ленинградского университета.

Был призван в армию. Попал в плен к немцам, бежал, был арестован немцами по обвинению в партизанской деятельности и отправлен в штрафной лагерь в Латвии. После войны остался в Западной Германии. Автор книги «Андрей Рублев. Из эпизодов о русской иконописи» (Мюнхен, 1946). В 1951 г. переехал в США. В 1951–1958 гг. работал в Колумбийском университете над книгой «Ранние советские писатели» (Early Soviet Writers. New York. Praeger Publishers, 1958). С 1947 г. сотрудник и в 1951–1987 гг. постоянный корреспондент «Нового русского слова». С 1952 г. сотрудник «Нового журнала». В 1958–1976 гг. сотрудник «Радио Свобода».

⁸⁵² Троицкий Илья Маркович (1879–1969) — литератор, журналист. В 1914–1918 гг. жил в Копенгагене, затем переехал в Стокгольм. Член русского Литературно-художественного кружка (Берлин, до 1925), датский корреспондент рижской газеты «Сегодня» (1926–1937), член правления парижского Союза русских журналистов и литераторов (1928). В 1935–1946 гг. проживал в Южной Америке, с 1946 г. в США

⁸⁵³ Аронсон Григорий Яковлевич (1887—1968) — меньшевик, общественно-политический деятель, журналист. В 1922 г. выслан из советской России. Жил в Германии, потом во Франции. Член ЦК Бунда (1920–1951), генеральный секретарь «Орт-Юнион» (1926–1931), с 1940 г. в США. Сотрудник редакции «Нового русского слова» (1944–1957).

⁸⁵⁴ Григорьев Дмитрий Дмитриевич (1919–2007) — родился в Англии, в семье эмигрировавшего из России действительного статского советника. Вскоре семья через Канаду переехала на Дальний Восток и проживала в Японии, по окончании Гражданской войны переехала в Латвию, где Григорьев окончил Русскую православную гимназию и рижский Православный богословский институт (1937–1940) Уехал во Владивосток, откуда с началом Второй мировой войны, как подданный Великобритании, был эвакуирован в Австралию. В конце войны уехал в США, где продолжил обучение в Йельском и Калифорнийском университетах. В 1945 г. помощник редактора журнала «Америка» С октября 1950 г. стал членом НТС. В период раскола Союза в 1954–1955 гг. от деятельности НТС отошел и прекратил в нем свое членство. В 1958 г. получил ученую степень доктора Пенсильванского университета. С 1959 г. читал лекции по истории русского языка и литературы в Джорджтаунском университете в Вашингтоне, где в 1964 г. стал профессором. Завершил свое духовное образование в Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке с присвоением степени кандидата богословия. В 1969 г. рукоположен в сан священника, с 1976 г. протоиерей. В 1986 г. назначен настоятелем храма Святителя Николая в Вашингтоне. В 1998 г. патриарх Алексей II наградил его орденом Св. Иннокентия.

⁸⁵⁵ Д. Д. Григорьев обратился к главному редактору газеты М.Е. Вейнбауму с опровержением: «Глубокоуважаемый Марк Ефимович, в отчете Ильи Троицкого о симпозиуме, устроенном обществом "Надежда" по поводу книги В. Варшавского "Незамеченное поколение" ("Новое русское слово", 16 марта 1956 г.), говорится, что я как "один из деятелей солидаризма выступил с покаяниями, пытаясь оправдать свою организацию в легкомысленном увлечении нацистской идеологией". Это заявление г-на Троицкого ошибочно, с "покаяниями" я не выступал, а сказал, что автор беспристрастно и правильно обрисовал путь развития организаций, созданных его поколением, в частности, НТС, не скрыл и их увлечения тоталитаризмом, но отметил извечное мистическое стремление русской студенческой молодежи служить высшему общечеловеческому идеалу и высшей Правде» (Григорьев Д. Письмо в редакцию // Новое русское слово 1956 22 марта. № 15602. С. 4).

⁸⁵⁶ Глинка Глеб Александрович (1903–1989) — поэт, прозаик, литературовед. Родился в Симбирске. В 1925 г. окончил Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова. Участник литературной группы «Перевал». Автор книг «Времена года» (Л.: Радуга, 1929), «Эшелон опаздывает» (М.: Федерация, 1932) и др. В 1941 г. ушел на фронт, попал в плен, содержался в концентрационных лагерях. После войны жил в Брюсселе, затем в Нью-Йорке. Выпустил сборники стихотворений «В тени: Избранная лирика» (Нью-Йорк, 1968), «Было завтра» (Нью-Йорк, 1972). Постоянный сотрудник «Нового журнала». На книгу В.С. Варшавского опубликовал отклик «Всем сестрам по серьгам: (О книге В.С. Варшавского "Незамеченное поколение")» (Русская жизнь. 1956. 7 апр.). Из-за недоступности материала приводим здесь фрагменты статьи с

копии, предоставленной Т.Г. Варшавской. «По своему душевному складу Варшавский — типичное дитя иммиграции (так! — Ред.). Все проблемы в его книге не выходят из узких рамок "апатридовского" мироощущения. Отсюда — постоянное искажение исторической перспективы. Например, былой спор западников и славянофилов, перенесенный в иммиграцию, теряет здесь не только весь свой аромат, но и обычный смысл. Русские западники на Западе и почвенники без почвы похожи на детей, которые, надев дедушкину шляпу, воображают себя взрослыми. То же относится и к размышлениям над ветхой проблемой лишних, на этот раз "о самих лишних людях". Да и сама тема "отцов и детей" (в рассеянии сущих) не имеет ничего общего ни с Тургеневым, ни с той же проблемой за железным занавесом.

Одна из наиболее распространенных болезней в иммиграции это — восприятие культуры как музея восковых фигур, как мертвого книгохранилища. <...> Не спасает книгу и столь характерная для автора романтизация материала. Хочешь верить Варшавскому, но чувствуешь, что все это было много пошлее, мельче и меркантильнее, нежели он изображает.

Варшавского не заинтересовала советская литература, даже во времена ее сравнительного расцвета. <...> Допустим, что большинство из монпарнасских апатридов были очаровательными людьми, с хорошей душой, но, к сожалению, этого для литературной работы недостаточно. Для признания и замеченности одних благих порывов мало. Нужен талант, мастерство или хотя бы просто умение.

Дело, конечно, не в том, чтобы любить или не любить советских писателей, но в те годы, о которых пишет Варшавский, там был все же тот профессионализм, которого так недостает незамеченному поколению. <...>

Для того чтобы перечислить все приведенные Варшавским цитаты и имена, потребуются десятки страниц. Тут и попытки оправдать участников бесчисленных политических партий, и рецензии на книги Яновского и "литературно-гениального" Набокова-Сирина, и Пушкин как демократ, и Вейдле, и философия Бергсона, и журнал "Новоселье" под редакцией "талантливой поэтессы", и "волнующее" освобождение коряковской души, и прочее, и прочее.

Удержать весь этот разнородный материал на одной, даже большой четкой идее невозможно. Но вместо такой основной идеи, которая могла бы хоть как-то связать отдельные суждения и рассуждения автора, Варшавский, желая запустить своего публицистического змея как можно выше, смело прилаживает мочальный хвост политической демократии к христианскому Мысу Доброй Надежды. <...>

Но, заканчивая свои замечания об этой книге, я не хотел бы быть понятым превратно, будто я считаю автора "Незамеченного поколения" писателем слабым. Скорее наоборот. После первой книги — "Семь лет", многие из нас невольно ждали от него настоящего романа, повести или сборника рассказов. Я хочу сказать только, что эта вторая книга Варшавского доказывает, что публицистика ни в коей мере не является его призванием».

Г.В. Адамович. О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем

Впервые: Новое русское слово. 1956. 25 марта. № 15611. С. 8. Подп.: Георгий Адамович.

⁸⁵⁷ «Теперь же во мне что-то протестует; расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса» (из письма А.П. Чехова к А.С. Суворину от 27 марта 1894 г. // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1977. Письма. Т. 5. С. 283–284).

⁸⁵⁸ Барнс Эрнест Уильям (Barnes; 1874–1953) — англиканский епископ Бирмингемский, теолог, математик. В 1898 г. удостоен математической Смитовской премии. В 1907 г. получил степень доктора наук в Кембриджском университете. В 1902 г. рукоположен во диакона, в 1919 г. — в сан священника, стал

каноником в Вестминстере. С 1924 г. епископ Бирмингемский Как теолог полемизировал с англокатоликами по вопросу о реальном присутствии Христа в евхаристических хлебе и вине, видя в этом элементы идолопоклонства. Как ученый отстаивал эволюционную теорию происхождения человека, считал, что религии необходимо считаться с открытиями в науке. В последней книге «Возникновение христианства» (The Rise of Christianity. London; New York, 1947) ставил под сомнение рождение Иисуса Христа от Девы и Его Воскресение. Традиционалисты жестко критиковали деятельность Барнса и требовали его отставки.

⁸⁵⁹ Одна из основных тем полемики К.Н. Леонтьева и В.С. Соловьева. Берет начало с двух полемических очерков Леонтьева о Ф.М. Достоевском и Л.Н. Толстом, вышедших отдельной брошюрой «Наши новые христиане» (М., 1882). В них нашла свое выражение строго православная доктрина писателя, его полное неприятие «розового христианства», далекого, с точки зрения Леонтьева, от истинного православия. Эта брошюра во многом послужила началом идейного размежевания В.С. Соловьева и К.Н. Леонтьева. Статья Вл. Соловьева «Заметка в защиту Достоевского от обвинения в "новом" христианстве» вошла в брошюру «Три речи в память Достоевского: 1881–1883» (М., 1884. С. 49–55). Спор вокруг «розового» и «черного» христианства стал одной из активно обсуждаемых тем в русской эмиграции (П.Б. Струве, С.И. Гессен, В.В. Зеньковский, Г.В. Флоровский и др.).

⁸⁶⁰ Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (Tertullianus; ок. 160 — ок. 220) — выдающийся раннехристианский апологет, автор 40 трактатов (сохранилось 32). Получил юридическое образование, принял христианство, около 200 г. стал пресвитером в г. Карфагене, позже, около 210 г., уклонился в монтеизм. Полемике с маркионизмом был посвящен его фундаментальный трактат в пяти книгах «Против Маркиона», критика маркионитской доктрины присутствует также в его работах «О прескрипциях [против] еретиков», «О плоти Христовой», «О воскресении мертвых».

⁸⁶¹ Скорее всего, имеются в виду строки из Евангелия: «Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк. 14: 33).

⁸⁶² Ренан Жозеф Эрнест (Renan; 1823–1892) — французский писатель, историк и филолог. Член Французской академии (1878). Обучался в католической семинарии. Автор «Сравнительной истории семитических языков» (1855), «Истории происхождения христианства» (1863–1883), переводов библейских текстов с комментариями и др. В критике Библии придерживался выводов Тюбингенской школы. В «Жизни Иисуса» (1863) изобразил Христа не божеством, а идеализированным человеком, чем навлек на себя нападки священнослужителей. Свои социально-этические взгляды выразил в «Философских диалогах и фрагментах» (1876) и примыкающих к ним «философских драмах»: «Калибан» (1878), «Живая вода» (1881), «Священник из Неми» (1885) и «Жуарская настоятельница» (1886).

Луази Альфред (Loisy; 1857–1940) — представитель исторической школы христологии. Его произведения, содержащие критическое изучение Библии, в большинстве своем были обвинены в антикатолицизме и запрещены Ватиканом. Считал Иисуса лишь проповедником, а не Богом. Большой резонанс получила его работа «Евангелие и церковь» (1902), ставшая своего рода ответом на лекции теолога А. Гарнака «Сущность христианства» (1900).

Гиньебер Шарль (Guignebert; 1867–1939) — французский историк религии, возглавлял кафедру христианства Сорбонны (с 1919), излагал историю становления христианства с рационалистической точки зрения. Адамович, по всей вероятности, имеет в виду его книгу «Проблема Иисуса» (Le probleme de Jesus. 1914).

⁸⁶³ См.: Розанов В.В. Темный лик: Метафизика христианства. СПб., 1911 (глава «Русские могилы»).

⁸⁶⁴ «Очень легко критиковать толстовское учение о непротивлении злу насилеи, легко показать, что при этом восторгается зло и злые. Но, обыкновенно, не понимают самой глубины поставленной проблемы. Толстой противопоставляет закон мира и закон Бога. Он предлагает рискнуть миром для исполнения закона Бога» (Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-Press, 1946. С. 153).

С.С. Оболенский. В.С. Варшавский: «Незамеченное поколение» (Изд-во имени Чехова, Нью-Йорк, 1956 г.)

Впервые: Возрождение 1956. № 51. С. 143–147. Подл.: Кн. С. Оболенский.

⁸⁶⁵ Имеется в виду статья «В поисках христианской политики» (Возрождение. 1955. № 38. С. 123–132). В этой статье кн. С. Оболенский, в частности, писал: «Что касается наций, то древняя христианская традиция заключается в том, что каждый народ, как каждый отдельный человек, имеет своего ангела и своего беса. Поэтому каждый национализм может стать бесовским; это то, что мы с предельной ясностью видели в гитлеризме. Но возможна и такая концепция, где мир является обществом наций и культур, которые сохраняют свои различия, признавая, однако, царскую власть Христа. Тогда культура и политика освобождаются от своего идолопоклоннического и демонического аспекта». <...> По элементарному здравому смыслу, ни с какой иной духовной концепцией, кроме этой, Запад к русскому вопросу не может подойти. Всякая попытка национально обезличить Россию обречена на провал: патриотическое сознание сейчас в России, может быть, сильнее, чем когда-либо за всю нашу многовековую историю» (С. 132).

В.Л. Андреев. [О так называемом «незамеченном поколении»...]

ДРЗ. Ф. 54. Публикуется впервые. Подл.: Вадим Андреев.

Авторизованная машинопись (второй экземпляр). Без названия. Статья датирована 31 марта 1956 г. Прислана по почте в фирменном конверте ООН. Адрес отправителя: United Nations. New York. V. Andreyev, room 1772. На адрес: Mrs. N. Kodrey for Mr. V. Varshavsky. 263 West-End ave. New York. N.Y. На конверте рукой Т.Г. Варшавской написано: «Единственная отвратительная рецензия — Вадим Андреев. Советский паспорт ООН». К статье приложена записка от руки: «Дорогой Володя, резкость моей статьи вызвана содержанием твоей книги, но отнюдь не моим личным отношением к тебе. Для меня наши встречи у Ильи Исидоровича [Фондаминского] незабываемы. Надеюсь, что ты поймешь меня правильно и не припишешь того, о чем я пишу, каким-нибудь личным обидам — их нет. Жму твою руку. Вадим». Записка датируется 10 апреля 1956 г. (по штемпелю).

⁸⁶⁶ Имеется в виду собрание общества «Надежда» в марте 1956 г. См. об этом: *Троцкий И.М.* Незамеченное поколение // Наст. изд. С. 357–360.

⁸⁶⁷ Речь идет о статье Е.Д. Кусковой «О незамеченном поколении. Памятка», где приводится статья В.В. Руднева «Условия жизни детей эмиграции» (Русская школа за рубежом. 1928. № 26. С. 182–196).

⁸⁶⁸ Труайя Анри (Troyat; наст. имя и фам. Лев Асланович Тарасов; 1911–2007) — французский писатель. В 1938 г. за роман «Паук» был удостоен Гонкуровской премии. Так, например, отреагировал на это событие Г.В. Адамович: «Как могло случиться, что Тарасов стал Труайя и для русской литературы, очевидно, навсегда потерян? <...> Нам повезло — мы оказались во Франции. И не повезло. В другой стране — за исключением, может быть, Англии — культурной «денационализации» не было бы или во всяком случае ей было бы легко противостоять» (Из мира литературы // Русские записки. 1939. № 13. С. 194).

Гари Ромен (Gary; наст. имя и фам. Роман Кацев; 1914–1980) — французский писатель. Стал единственным литератором, получившим Гонкуровскую премию дважды — в 1956 г. за роман «Корни неба» и в 1975 г. под именем Эмиль Ажар за роман «Вся жизнь впереди».

⁸⁶⁹ Так, в статье «Тютчев» Г.В. Адамович привел целиком стихотворение поэта, предварив цитату словами: «Есть у него стихотворение, которое, помнится, особенно восхищало Гумилева и постоянно цитировалось им в качестве величайшего образца словесной живописи — "Проезжая через Ковно". Для

ясности лучше привести его целиком» (Последние новости. 1938. 13 окт. № 6409. С. 3 (продолжение статьи); начало статьи: 6 окт. № 6402. С. 3).

⁸⁷⁰ «Зеленая лампа» (1927–1939) — парижское общество, созданное З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским на основе «воскресений». «Зеленая лампа» оказалась одним из наиболее влиятельных литературных центров межвоенного Парижа, смогла привлечь литераторов и общественных деятелей различных поколений и взглядов. По замечанию Ю. Терапиано, «Мережковские решили создать нечто вроде "инкубатора идей", род тайного общества, где все были бы между собой в заговоре в отношении важнейших вопросов — "воскресения", и постепенно развить внешний круг "воскресений" — публичные собеседования, чтобы "перебросить мост" для распространения "заговора" в широкие эмигрантские круги» (Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. С. 46). Председателем общества был Г.В. Иванов, секретарем В.А. Злобин. Стенограммы первых пяти бесед были опубликованы в журнале «Новый корабль» (1927. № 1, 2; 1928. № 4).

⁸⁷¹ См.: Адамович Г.В. Литературные заметки // Последние новости. 1931. 16 апр. № 3676. С. 2.

⁸⁷² Из стихотворения А. Белого «Марине Цветаевой» (1922). Не совсем точная цитата, у А. Белого:

Ваши молитвы —
Малиновые мелодии
И —
Непобедимые ритмы!

⁸⁷³ Имеется в виду статья «О Маяковском» (Возрождение. 1930. 24 апр. № 1787. С. 3–4), где Ходасевич, в частности, писал: «Грубость и низость могут быть сюжетами поэзии, но не ее внутренним двигателем, не ее истинным содержанием. Поэт может изображать пошлость, грубость, глупость, но не может становиться их глашатаем. Маяковский первый сделал их не материалом, но целью своей поэзии. Пустоту, нулевую значимость заумной поэзии он заполнил новым содержанием: звериным "простым, как мычание". <...> "Маяковский — поэт революции". Ложь. Он так же не был поэтом революции, как не был революционером в поэзии. Его истинный пафос — пафос погрома, то есть насилия и надругательства над всем, что слабо и беззащитно, будь то немецкая колбасная в Москве или схваченный за плечо буржуй» (С. 3). Этот очерк стал переработкой статьи «Декольтированная лошадь» (Возрождение 1927. 1 сент. № 821. С. 2–3).

⁸⁷⁴ Из стихотворения В.Ф. Ходасевича «Петербург» (1927) цикла «Европейская ночь». Не совсем точная цитата, у Ходасевича: «Привил-таки классическую розу / К советскому дичку».

⁸⁷⁵ См.: Ходасевич В. О смерти Поплавского // Возрождение. 1935. 17 окт. № 3788. С. 3.

⁸⁷⁶ Не совсем справедливое замечание М. Слоним дал развернутую и более чем положительную характеристику творчества Поплавского, в статье «Литературный дневник. Молодые писатели за рубежом» он, в частности, писал: «У него несомненный подлинный лирический дар, тот поэтический голос, в котором нельзя ошибиться и который звучит подлинным звуковым и мелодическим очарованием даже в самых неудачных его стихах. Фантастический поэт, склоняющийся к неясному сюрреализму. <...> Неразоблаченность поэзии всегда сопутствует Поплавскому. Порою не разберешь в нем — действительно ли глубоко то, что он говорит, или просто темно. Я знаю, что эти мои слова могут вызвать смех: но ведь у Поплавского есть не мнимые, а подлинно глубокие стихотворения» (Воля России. 1929. № 10 /11. С. 109)

⁸⁷⁷ Андреев имеет в виду кафе «Дом» («Le Dôme» — 108, Bd. du Montparnasse). Однако заседания «Кочевья» проходили в Таверне Дюмениль («Taverne Dumesnil» — 73, Bd. du Montparnasse).

⁸⁷⁸ Замечание о «двух книгах», очевидно, субъективно. В новой редакции «Незамеченного поколения» Варшавский подчеркивает, что следил за творчеством Бердяева и постоянно бывал у него в Клараме. В передаче на «Радио Свобода» он скажет: «...книгу Бердяева "О рабстве и свободе человека" я перечитывал с глубоким волнением. Николая Александровича я знал лично, бывал у него, не пропускал ни одного его

выступления на собраниях, читал все его книги и все, что он печатал в русских журналах, которые выходили в то время в Париже. Я вовсе не был безоговорочным последователем идей Бердяева. Многие в его утверждениях было мне внутренне непонятно и чуждо. Но во всем, что он писал и говорил, всегда чувствовалась необыкновенная и очень благородная духовная энергия. Встреча с Бердяевым, его мыслью пробуждала в сознании и совести каждого тысячи вопросов. Его высказывания заставляли задуматься человека и над своей жизнью и помогали почувствовать свое человеческое призвание, свои обязанности перед самим собой, перед Богом, перед другими людьми. Перед обществом, перед государством, пред человечеством. В этом смысле Бердяев был продолжателем пророческого духа русской литературы XIX в. Для моего поколения и для новых русских молодых людей Бердяев — учитель.

Русский эмигрант и солдат французской армии, я шел на войну с памятью о его утверждении достоинства и свободы человеческой личности. Повторяю — я вовсе не все принимал в его метафизических и тем более политических рассуждениях. Но зато всем существом я чувствовал правду его безоговорочного утверждения абсолютной ценности человеческой личности, ценности не соизмеримой ни с какими другими ценностями...

Бердяев утверждал эту ценность личности без всяких доводов, без всяких доказательств, утверждал, как утверждают аксиомы. Именно в этом, мне кажется, была сила и правда того, что он говорил о личности. Вне зависимости от тех или иных метафизических взглядов человека, независимо от того, материалист он или спиритуалист, верующий или неверующий, каждый человек при решении всех вопросов своей личной, социальной или политической жизни должен помнить об этой абсолютной ценности личности и свободы. В этом вопросе я всегда был и останусь последователем Бердяева» (*Варшавский В.* Цикл «Заметки читателя» (№ 10) Скрипт «Радио Свобода». № 70110 от 13/14. I. 1973 // ДРЗ. Ф. 54)

⁸⁷⁹ *Варшавский В.* Борис Вильде // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947. Февр. № 2. С. 13.

⁸⁸⁰ См.: *Федорова Н.* Семья. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952.

Роман Нины Федоровой (наст. имя и фам. Антонина Федоровна Рязановская; 1895–1980) был написан на английском языке, в 1940 г. издан в США и получил большой резонанс, выдержал в США более 18 изданий и был переведен на 12 языков.

⁸⁸¹ Из стихотворения А.А. Блока «Грешить бесстыдно, непробудно...» (1914)

⁸⁸² Де Гаспери Альчиде (De Gasperi; 1881–1954) — премьер-министр Италии (1945–1953). Один из основателей Итальянской народной партии (1919), впоследствии — ее генеральный секретарь, с 1921 г. член парламента. За антифашистские выступления отбыл 16-месячное тюремное заключение. В 1943 г. основал Христианско-демократическую партию Италии, находившуюся некоторое время на нелегальном положении. В 1944 г. стал министром иностранных дел, с 10 декабря 1945 г. премьер-министр. Будучи лидером крупнейшей политической партии парламентского большинства, сформировал восемь коалиционных и однопартийных правительств подряд, занимая пост премьер-министра самый долгий срок в послевоенной истории Италии. Де Гаспери после отречения короля Умберто II стал регентом (1 июня – 1 июля 1946). В 1952 г. получил в Ахене международную премию Карла Великого (Karlspreis). В 1953 г. ушел в отставку. В 1954 г. избран вторым председателем Европейского парламента.

⁸⁸³ По адресу Монпарнас, д.10 с середины 1920-х гг. находился так называемый Русский дом, где размещались центральный секретариат РСХД, редакции журналов «Путь», «Вестник РСХД», издательство «УМСА-Press», Религиозно-философская академия Н.А. Бердяева.

⁸⁸⁴ Эйснер Алексей Владимирович (1905–1984). Учился в 1-м кадетском корпусе в Петрограде. В 1920 г. эмигрировал с отчимом из России. Продолжил свое обучение в Константинопольском кадетском корпусе. В 1925 г. переехал в Прагу. В 1926–1928 гг. учился на филологическом отделении философского факультета Карлова университета, но не завершил обучения. Стал членом литературного кружка «Далиборка» и объединения «Скит поэтов». В 1928 г. был принят в Союз русских писателей и журналист-

тов. В 1929 г. принял участие, как и В.С. Варшавский, в литературном конкурсе журнала «Воля России» и получил вторую премию (повесть «Роман с Европой (Записки художника)»). В 1930 г. уехал в Париж. Работал мойщиком витрин. Посещал объединение «Кочевье», Объединенный клуб пореволюционных течений. С 1934 г. активно участвовал в работе Союза возвращения на родину. В 1936 г. вступил во Французскую коммунистическую партию и обратился в советское консульство с просьбой о предоставлении гражданства. В 1936 г. уехал в Испанию, стал добровольцем XII интернациональной бригады. В начале 1940 г. уехал в СССР. Работал в Наркомате обороны. В том же году был арестован по обвинению в шпионаже и приговорен к 8 годам ИТЛ. Отбывал срок в Воркуте. В мае 1956 г. реабилитирован, вернулся в Москву. Продолжил литературную деятельность, в основном писал об испанской войне. О себе писал в воспоминаниях *Эйснер А.* Путь в эмиграции: Сербия. Прага // Русская эмиграция в Европе: 20–30-е гг XX в М.: ИВИ РАН, 1996. С. 222–226.

Савинков Лев Борисович (1912–1987) — сын знаменитого террориста Бориса Викторовича Савинкова, поэт, журналист, член редколлегии ежемесячника утвержденных «Завтра» (1933–1935). Сотрудник журнала «Новоселье», автор книги стихов «Аванпост» (Париж: [Б.и.], 1936). Во Франции работал шофером. С началом гражданской войны в Испании отправился туда добровольцем сражаться в составе XII интернациональной бригады. В 1937 г. стал капитаном республиканской армии, чему поспособствовал советский военный советник XIV корпуса республиканской армии Григорий Сергеевич Сыроежкин, некогда принимавший участие в операциях ГПУ «Синдикат-2» и «Трест». В 1938 г. Григорий Гранде (партизанская кличка Сыроежкина) переправил Льва Савинкова во Францию, где тот в годы Второй мировой войны воевал в рядах Сопротивления. В августе 1944 г. Лев Савинков в составе группы Союза русских патриотов водрузил красный флаг в Париже над зданием посольства СССР.

⁸⁸⁵ См. его повесть об Испании: *Савинков Л.* Октябрьский вечер // Новоселье. 1948. № 37/38. С. 94–106.

⁸⁸⁶ Кривошеин Игорь Александрович (1897–1987). В составе Добровольческой армии участвовал в Гражданской войне. В октябре 1920 г. эмигрировал из России, вскоре переехал во Францию. Окончил физико-математический факультет Сорбонны (1922), Высшую электротехническую школу в Париже (1923), получил диплом инженера. Был членом совета Российского торгово-промышленного и финансового союза. В 1941 г. был арестован, находился в лагере Компьен, освобожден. Участник движения Сопротивления, организатор Комитета помощи русским заключенным лагеря Компьен. В июне 1944 г. снова арестован, отбывал заключение в Бухенвальде и Дахау. В мае 1945 г. освобожден американскими войсками. Вернулся во Францию, был награжден медалью Сопротивления. После войны принял советское гражданство. Активный сторонник возвращения эмигрантов в СССР В 1945–1947 гг. председатель Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. В 1947 г. один из основателей общества «Русская помощь». В том же году был председателем учредительного съезда Союза советских граждан 25 ноября 1947 г. с группой руководящих членов Союза советских граждан арестован и депортирован из Франции. Сперва находился в советской оккупационной зоне Германии, затем репатриирован в СССР. В 1948–1949 гг. жил и работал в Ульяновске. В сентябре 1949 г. был арестован, обвинен в шпионаже и приговорен к 10 годам лишения свободы. Находился вместе с А.И. Солженицыным в «марфинской шарашке», потом переведен в Озерлаг и далее на Лубянку. В 1954 г. освобожден. В 1974 г. вместе с женой выехал во Францию к эмигрировавшему ранее сыну. Подробно о нем см.: *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. М.: Русский путь, 1999.

Угримов Александр Александрович (1906–1981) В 1922 г. вместе с семьей (его отец Александр Иванович Угримов (1874–1974) был выслан из СССР на «философском пароходе») уехал в Германию. В 1925 г. поступил в Высшую сельскохозяйственную школу в Берлине, в 1926–1929 гг. учился на сельскохозяйственном отделении Высшей технической школы «Вайхенстефан» в Мюнхене. Переехал во Францию,

где работал в Высшей французской мукомольной школе в Париже. Принял участие в движении младороссов (до 1937 г.). В 1940 г. с началом немецкой оккупации перешел на работу на мельницу в г. Дурдан, был заведующим производством. В 1941–1944 гг. участвовал в организации Дурданской группы Сопротивления. В 1944 г. стал товарищем председателя Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. В 1946 г. награжден французским Военным крестом. В 1947 г. председатель отделения Союза советских граждан во Франции в г. Аннеш. 25 ноября 1947 г. арестован и выслан из Франции в составе группы руководящих членов Союза советских граждан. Сперва находился в группе высланных в советской оккупационной зоне Германии. В марте 1948 г. переехал в СССР. Работал главным инженером мельничного комбината № 2 Саратовского треста 15 июня 1948 г. — арест Угрюмова и членов его семьи. После тюремного заключения был приговорен к 10 годам ИТЛ. Отбывал срок в лагерях особого режима в Воркуте, Инте, Караганде. 5 июля 1954 г. дело в отношении А.А. и И.Н. Угрюмовых было прекращено. 1 августа 1954 г. супруги Угрюмовы переехали в Москву. В 1954–1967 гг. работал переводчиком во Всесоюзной торговой палате, Внешторгиздате и др. Описал свою жизнь в книге воспоминаний: *Угрюмов А.А.* Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту / Сост., предисл. и коммент. Т.А. Угрюмовой. М.: РА, 2004.

Булацель Сергей Александрович (1905–1970) — младоросс. В 1930-х гг. работал в редакции младоросской газеты «Бодрость!». Участник французского Сопротивления. Председатель редакционного отдела и редактор «Информационного бюллетеня» (1945) и «Вестника Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления» (1946–1947), исполнял обязанности казначея. После войны член Союза русских патриотов, затем Союза советских граждан во Франции. Был одним из представителей русских резервистов французской армии на торжественной церемонии перезахоронения останков русских, павших во время Второй мировой войны в рядах французской армии. В 1947 г. выслан из Франции. В СССР был определен с семьей на жительство в Кемерово, затем жил в Казани, где преподавал французский язык в Суворовском училище.

⁸⁸⁷ Зиссерман Павел (?–1943) — служил в туристическом агентстве в Брюсселе. 22 июня 1941 г. арестован немцами, попал в концлагерь в г. Малинь. Подвергался пыткам. Весной 1942 г. освобожден. В начале лета перебрался в Париж. Переехал в свободную зону в Марсель, потом в Гренобль, чтобы оттуда попасть в союзную армию. В Гренобле был арестован полицией Петэна и снова оказался в лагере. Бежал и перебрался в Швейцарию. В 1943 г. снова вернулся во Францию и поступил в отряд ФФЛ. Героически погиб под Бонвилем 23 декабря 1943 г., прикрывая собой отходящий отряд «маркизаров». Основным источником информации о нем остается статья *Алексеева Н.* Памяти Павла Зиссермана // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1946. № 1. С. 32–35

⁸⁸⁸ Остров Олерон в Бискайском заливе был важным звеном в цепи немецких укрепленных пунктов на атлантическом побережье Франции. Гарнизон острова составлял 2 тыс. чел. На Олероне активно использовался труд советских военнопленных. В середине 1943 г. усилиями русских эмигрантов, проживавших в то время на Олероне, была создана группа Сопротивления (основными инициаторами выступили В.Л. Андреев и В.Б. Сосинский). Самой крупной операцией стал взрыв оружейных складов в Ла-Перрош 24 ноября 1944 г. Нацисты незамедлительно отреагировали, произведя аресты, среди арестованных подозреваемых были В.Л. Андреев и А.А. Ранета. Их перевезли на материк в тюрьму Боярдвиль, где они находились вплоть до освобождения в начале 1945 г. В.Б. Сосинский сумел избежать ареста. Он был выслан вместе с семьей с Олерона в начале 1945 г. В конце апреля — начале мая 1945 г. остров был полностью освобожден. Со временем В.Л. Андреев сам писал об Олероне, см.: *Андреев В.Л., Сосинский В.Б., Прокша Л.Я.* Герои Олерона. Минск: Беларусь, 1965.

⁸⁸⁹ 12 февраля 1945 г. делегация русских эмигрантов во главе с бывшим послом Временного правительства во Франции В.А. Маклаковым посетила советского посла А.Е. Богомолова. В состав эмигрантской группы, помимо Маклакова, вошли А.С. Альперин, А.А. Титов, А.Ф. Ступницкий, М.М. Тер-Пого-

сян, Е.Ф. Роговский, Д.Н. Вердеревский, В.Е. Татаринов и адм. Кедров. На этой встрече А.Е. Богомолов заявил: «Те изменения, которые произошли в эмиграции, мы считаем положительным явлением и относимся к ним с симпатией. Ваше заявление о прекращении борьбы с сов[етской] властью мы рассматриваем как положительный факт. Он глубже, чем будущая судьба эмиграции. Но некоторое недоверие эмиграции вполне понятно. Мы должны к вам присмотреться, вас изучить, убедиться в вашей искренности. Если мы в этом убедимся, то отношение к эмиграции будет изменено. Не берусь предсказывать сроков, но во всяком случае на огульные решения, на всеобщую амнистию, как говорят в эмиграции, нельзя рассчитывать. Если изменения, происшедшие в эмиграции, не поверхностны, то перед эмиграцией откроются интересные перспективы. Вполне возможно, что те, кто хотят вернуться на родину, смогут это сделать» (Эмигранты у Богомолова // Новый журнал. 1970. № 100. С. 277–278). См. об этом: Будницкий О.В. Попытка примирения // Диаспора 2001. Вып. 1. С. 179–240

Ю.К. Терапиано. «Незамеченное поколение»

Впервые: Русская мысль. 1956. 21 апр. № 889. С. 2–3. Подп.: Ю. Терапиано.

⁸⁹⁰ Имеется в виду собрание общества «Надежда» в марте 1956 г. См. об этом: Троцкий И.М. Незамеченное поколение // Наст. изд. С. 357–360.

⁸⁹¹ Прозвище, которое не раз использовала З.Н. Гиппиус. Об этом, в частности, пишет И. Одревцева: «Она, как Адамович и Георгий Иванов, тоже любила давать людям клички. Так, одного христианского философа она прозвала "подкольным ягненком"» (Одревцева И. На берегах Сены. Париж: La Presse Libre, 1983. С. 200). В данном случае речь идет о Г.П. Федотове. См. об этом, например. Лахмус Т. Из архива Мережковских: Письма З.Н. Гиппиус к И.А. Бунину // Cahiers du monde russe et soviétique. 1981. № 22 (4). Р. 456.

⁸⁹² Терапиано допускает неточность, приписывая слова Варшавского С.Н. Булгакову. Приводимые строки — размышления Варшавского в книге «Незамеченное поколение» по поводу доклада о. С. Булгакова «Церковь, мир, движение» (Вестник РСХД. 1929. № 11. С. 2–5).

Н.И. Осипов. Право на доброе слово

Впервые: Новое русское слово. 1956. 17 июня. № 15695. С. 8. Подп.: Н. Осипов.

⁸⁹³ Имеется в виду статья Г.Я. Аронсона «"Русские мальчики" в эмиграции».

⁸⁹⁴ Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Два единства» (1870). У Тютчева: «Единство, — возвестил оракул наших дней, — / Быть может спаяно железом лишь и кровью...»

⁸⁹⁵ «Ни Ленин, ни Колчак!» — лозунг эсеро-меньшевистского Политического центра, пришедшего в начале января 1920 г. к власти в результате восстания в Иркутске и свержения главы Сибирского правительства, Верховного правителя России А.В. Колчака.

⁸⁹⁶ Лозунг идеолога неodemократии, представителя парижских пореволуционероv Николая Николаевича Былова (1897–1970), провозглашенный в его статье «Гражданские свободы» (Завтра. 1933. 1 июня. № 3. С. 16).

⁸⁹⁷ Из стихотворения А.Н. Майкова «Картинка. (После манифеста 19 февраля 1861 г.)» (1861).

⁸⁹⁸ Незавершенный трактат Фридриха Ницше «Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей» («Der Wille zur Macht — Versuch einer Umwertung aller Werte», 1886–1888), издан в реконструкции Элизабет Ферстер-Ницше и Петера Гаста (1-е изд. — 1901., 2-е изд. — 1906).

М.М. Карпович. В.С. Варшавский. Незамеченное поколение.
Изд-во имени Чехова, Нью-Йорк, 1956, стр. 387

Впервые: Опыты. 1956. № 6. С. 101–104. Подп.: М. Карпович.

Ф.А. Степун. «Новоградские» размышления по поводу
книги В.С. Варшавского «Незамеченное поколение» и дискуссии о ней

Впервые: Опыты. 1956. № 7. С. 45–57. Подп.: Федор Степун.

⁸⁹⁹ В письме от 18 марта 1956 г. Ф.А. Степун писал В.С. Варшавскому: «Дорогой "собрат по перу" (не зная Вашего имени-отчества, не нахожу другого обращения), получил оба Ваши письма. Почти одновременно и письмо Иваска с просьбой написать о Вашей книге не рецензию, а статью-отклик. Вместе с этим письмом Вам отвечаю ему, что напишу с удовольствием. Считаю Вашу книгу весьма полезной, весьма нужной и уверен, что она не пройдет незамеченной. Вы коснулись темы, над которой будут в будущем работать многие историки и социологи русской эмиграции. Очень приятно ощутил я в Вашей книге столь редкую в наше время доброжелательность и многосторонне ориентированную справедливость. Но распространяться на эту тему сейчас не буду, так как о ней придется писать в статье. Согласен с Вами, что ответ Вишняку в "Новом русском слове" имел бы значение. Но отвечать сейчас мне некогда, да и спорить против предвзятости Вишняка — не хотелось бы, так как не хотелось бы снижать этим спором сложную тему "Нового Града". Неприятна и перспектива Вишняка на мой ответ, который вызовет необходимость моей второй статьи в "Новом русском слове". Все это не имеет ничего общего с боязнью Марка Вениаминовича. В конце концов, он человек, давно отошедший в прошлое. Все его мирозерцание представляется мне неким революционно-демократическим пошехонием. Идеология "Нового Града" как раз сейчас оправдывается в европейском масштабе. Германию, как-никак, ведут сейчас христианские демократы, можно сказать, новоградцы. Де Гаспери тоже — христианский демократ. Немецкая социал-демократия резко переменяла свое отношение к религиозным вопросам. Такие люди, как католик Диркс и другие сотрудники франкфуртских "тетрадей", играют в ней большую роль. Министр народного просвещения в Гессене, мой большой друг, старый социал-демократ, написал совершенно новоградскую книгу о трагедии безрелигиозного либерализма и безрелигиозного социализма. Немецкая социал-демократия очень быстро сдала свои позиции Гитлеру. Действительную борьбу против него вели христиане и коммунисты. Мне бы хотелось написать о Вашей книге в такой, более расширенной связи, а спорить с Марком Вениаминовичем — мне лично не стоит.

Что касается "Нового журнала", то писать и в "Опытах", и в "Новом журнале" мне не представляется удобным, ибо вторая рецензия могла бы быть только вариацией первой, но, может быть, я мог бы написать для "Нового журнала", если этого захочет М.М. Карпович, нечто вроде заключения к перекрестной полемике по поводу Вашей книги. В этих целях хотел бы получить №№ "Нового русского слова", в которых будет отчет о публичном обсуждении Вашей книги.

Я Вас помню не очень отчетливо, но все же помню. Очень хорошо зато помню Вашего отца, моего присяжного оппонента справа на всех моих новоградских выступлениях в Праге. В свое время с интересом прочел Вашу первую книгу "Семь лет". Рад, что снова поднялась беседа о "Новом Граде". Недавно я выписал себе из здешней государственной библиотеки все 14 №№ и, просмотрев их, убедился, что это все же был весьма талантливый журнал, в котором билось живое сердце.

Шлю сердечный привет и крепко жму Вашу руку.

Ваш Федор Степун» (ДРЗ. Ф. 54).

⁹⁰⁰ Это станет одной из центральных мыслей Ф.А. Степуна в работе «Бесы» и большевистская революция»: «В замечательном рассказе "Хозяйка", который не разобравшийся в нем Белинский легкомысленно объявил "страшною ерундою", герой рассказа, скупаемый жаждой знания, писатель Ордынов в скупых, но глубокомысленных словах рисует образ художника, устремленного не к изображению цветущей плоти мира, но к постижению его идейных первооснов, вскрывавшихся ему иной раз совершенно случайно в связи с какой-нибудь жизненной мелочью. Отрицая порядок научного мышления, Ордынов все же стремится к постижению идей и даже к созданию своей собственной философской системы, не системы отвлеченных понятий, а системы конкретных образов» (*Степун Ф.А. Встречи. Достоевский — Л. Толстой — Бунин — Зайцев — В. Иванов — Белый — Леонов. Мюнхен: Т-во зарубежных писателей, 1962. С. 39.*)

⁹⁰¹ «Пути России» — фундаментальный труд И.И. Бунакова-Фондаминского — был опубликован в 17 номерах «Современных записок», отдельным изданием не выходил.

⁹⁰² Имеется в виду мемуарный двухтомник Ф.А. Степуна «Бывшее и несбывшееся» (Нью-Йорк. Изд-во имени Чехова, 1956). В письме к Татьяне Сергеевне Франк (вдове Семена Франка) от 15 августа 1952 г он писал: «В моих воспоминаниях, которые пытаются объяснить нашу революцию, неизбежен некоторый мрак. Ведь я описываю не все, что довелось пережить и продумать, а главным образом то, из чего родилась революция. Если хотите, мои воспоминания можно, пользуясь термином Зиммеля, определить как "молекулярную социологию большевизма"» (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture Columbia University, New York. Ms Coll Frank. Box 2 Stepun, Fedor Avgustovich. To Semen Ljudvigovich Frank. a l s 2 p. Цит. по: *Кантор В. Как издают шедевры О публикации русского варианта мемуаров Ф. Степуна «Бывшее и несбывшееся». Письма Федора Степуна в издательство им. Чехова // Вопросы литературы. 2006. № 3. С. 284–285.*)

⁹⁰³ Речь идет о статье «Трагедия творчества: Фридрих Шлегель» (Логос. 1910. № 1. С. 171–196). Вошла в книгу: *Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Берлин: Обелиск, 1923*

⁹⁰⁴ *Степун Ф. Идея России и формы ее раскрытия (Ответ на анкету Пореволюционного клуба) // Новый Град. 1934. № 8. С. 15–27.*

⁹⁰⁵ Вольный пересказ. В самой статье мысль выражена пространнее: «Пореволюционному поколению необходимо сердцем продумать и жизнью понять, что идея подлинного народоправства сводится всего только к двум положениям: во-первых, к утверждению абсолютной ценности всякой человеческой личности, которая, принадлежа Богу (как аргументировал еще в 1687 году Локк), а не себе, может лишь делегировать свои права другому человеку, но не может отдать себя в полное распоряжение, а во-вторых, к утверждению народа не как атомизированного коллектива, а как соборной личности, т.е. как коллектива, собранного в живую личность Божьим замыслом о нем. Я очень хорошо понимаю, что такое ощущение демократии чуждо как беспозвоночному европейскому демократу-парламентарии, не помнящему в своей душе религиозных корней своего собственного учения, так и жестоковому фашисту, склонному к цезаристскому обожествлению диктатора; но я уверен, что оно лишь по недоразумению может отрицаться русским религиозно-национальным пореволюционным сознанием, исповедующим реальность Божьего лика, лицо человеческое, как образ и подобие Божие, и соборность, как внутреннюю сущность и истину всех коллективных форм человеческого общества» (С. 23).

⁹⁰⁶ Имеется в виду брошюра В.Ф. Эрнэ «Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия» (М., 1915) Название книги Эрнэ стало лозунгом наиболее резко выражавших антинемецкие настроения членов Московского религиозно-философского общества.

⁹⁰⁷ Штреземанн Густав (Stresemann; 1878–1929) — министр иностранных дел Германии (1923–1929), лауреат Нобелевской премии мира (1926). Брюнинг Генрих (Brüning; 1885–1970) — политический деятель периода Веймарской республики, рейхсканцлер (1930–1932), в 1934 г. эмигрировал в США. Масарик Томаш Гарриг (Masaryk; 1850–1937) — философ, социолог, первый президент Чехословакии (1918–1935). Бенеш Эдвард (Beneš; 1884–1948) — второй президент Чехословакии (1935–1948).

⁹⁰⁸ Барт Карл (Barth; 1886–1968) — швейцарский кальвинистский теолог, один из основателей «диалектической теологии» (теологии кризиса, неоортодоксии). В 1909 г. помощник пастора реформатской общины в Женеве, а в 1911 г. пастор в Зафенвиле. Автор толкования на Послание апостола Павла к Римлянам («Der Römerbrief», 1919). В 1921 г. стал внештатным профессором в Геттингене, в 1925 г. — ординарным профессором догматики и новозаветной экзегезы в Мюнстерском университете, а затем профессором систематической теологии в Боннском университете. В 1934 г. лишился кафедры из-за отказа принести обязательную для государственных служащих присягу на верность Гитлеру. В 1935 г. вернулся в Швейцарию. Был идеологом «Исповеднической Церкви» («Bekennende Kirche», «Bekenntnis-Kirche»), не принявшей нацистский режим. Лидером «Исповеднической Церкви» был пастор Мартин Нимёллер (Niemöller; 1892–1984). Настроенный сперва антикоммунистически, приветствовал приход Гитлера к власти, но вскоре радикально пересмотрел свои взгляды и стал лидером группы немецких священнослужителей, не принявших политику Гитлера. В 1937–1945 гг. находился в заключении в концлагерях. В 1961–1968 гг. один из президентов Всемирного совета церквей. Проявлял лояльность к коммунизму. В 1967 г. был награжден Международной Ленинской премией

⁹⁰⁹ Мунье Эмманюэль (Mounier; 1905–1950) — основатель и глава французского персонализма, организатор и руководитель журнала «Эспри» («Esprit», основан в 1932). Мунье полемизировал с Ж.-П. Сартром, в частности, во «Введении в экзистенциализм» («Introduction aux existentialismes». Paris, 1947). О полемике Э. Мунье с Ж.-П. Сартром писал, например, Поль Рикёр в книге «История и истина» (Histoire et vérité. Paris, 1955), см.: *Рикёр П.* История и истина / Пер. с фр. СПб. Алетейя, 2002.

⁹¹⁰ Зомбарт Вернер (Sombart; 1863–1941) — немецкий экономист, историк и социолог, философ культуры. Взгляды Зомбарта эволюционировали от марксизма к фашизму. В работе «Немецкий социализм» (1934) дает подробную характеристику социализма и формулирует социальный идеал для Германии в виде государственного социализма, который у него близок к плановому, или организованному, капитализму.

⁹¹¹ Степун цитирует по работе Мережковского «Последний святой». Ср.: Преподобного Исаака Сириня Слова подвижнические (Слово 89, Слово 69).

⁹¹² Там же. Слово 8.

⁹¹³ Степун допускает неточность. Название работы Д. Мережковского — «Революция и религия» (Русская мысль. 1907. № 2, 3). В той же «Русской мысли» вышло исследование о Серафиме Саровском «Последний святой» (1908. № 8, 9)

⁹¹⁴ Неточная цитата, у Мережковского: «Хочется кричать от ужаса. Что же это такое? Ангельская любовь к Богу или дьявольская жестокость к человеку?» (*Мережковский Д.С.* Последний святой // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. Т. 13. С. 114).

⁹¹⁵ См.: Аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911. С. 246.

Ю.П. Денике. В.С. Варшавский — Незамеченное поколение.
Из[д]-во им[ени] Чехова. Нью-Йорк. 1956

Впервые: Новый журнал. 1956. №. 44. С. 293–296. Подп.: Ю Денике. В настоящей публикации исправлена неточность, допущенная в названии статьи — Ю.П. Денике датирует выход книги В.С. Варшавского в свет 1955 г.

⁹¹⁶ *Шмеман А., прот.* Исторический путь православия. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954. С. 104–105.

Прот. В. Зеньковский. По поводу книги В.С. Варшавского
«Незамеченное поколение»

Впервые: Вестник РСХД. 1956. № 42. С. 34–37. Подп.: Прот. В. Зеньковский.

⁹¹⁷ Ульянов Н. Культура и эмиграция // Новый журнал. 1952. № 28. С. 261–272.

Ульянов Николай Иванович (1904–1985) — историк, представитель второй волны эмиграции. Речь «Культура и эмиграция» на Дне русской культуры в Касабланке 5 августа 1951 г., где Ульянов впервые публично выступил под своей настоящей фамилией, принесла ему широкую известность. В ней, в частности, Ульянов заявлял: «Но вот мы дожили до времени, когда эмиграция уже не может сказать: "Русская культура — это я". Почувствовалось это особенно после войны. На довоенный период сейчас уже смотрят как на золотой век. <...> Дело в том, что эмиграция, подобно рантье, проживала капитал, вывезенный из России, не производя ничего нового. <...> Все значительное, что делалось и делается сейчас, принадлежит им — выходцам из старой России. Племя, выросшее в изгнании, не выдвинуло ни одного имени, ни одного громкого дела» (С. 265–266) Скорее всего, Зеньковский цитирует по статье Варшавского «Незамеченное поколение». В журнальном варианте Варшавский выбрал статью Н.И. Ульянова отправной точкой для своих размышлений. «В основном соглашаясь с Ульяновым, — писал он, — я все-таки чувствую, что не все его утверждения я могу принять. Так, он говорит: "...племя, возросшее в изгнании, не выдвинуло ни одного имени, ни одного громкого дела". <...> Ульянов — Ди-Пи, и не его вина, что в той эмигрантской среде, куда он попал, никто не смог ему рассказать о судьбе целого поколения молодых апатридов, прошедших в изгнании страшную школу одиночества, нищеты и отверженности и все-таки в условиях необычайно трудных пытавшихся сохранить "русскую идею"» (Новый журнал. 1955. № 41 С. 103).

⁹¹⁸ Имеется в виду статья «Христианство активно или пассивно?» (Новое время. 1897. 28 окт. № 7784. С. 2–3), в которой В.В. Розанов писал: «Чудовищный эгоизм, неслыханный холод отношений... да оглянемся же: все это — вокруг нас, это и есть зрелище обледенелой, в сущности, христианской цивилизации, где есть все в добродетели, но все — номинально; и если мы подумаем: да почему? — то источник этого и откроем именно в этом безнервном понимании христианства».

⁹¹⁹ Франк С. Свет во тьме: Опыт христианской этики и социальной философии. Париж: YMCA-Press, [1949].

⁹²⁰ См.: Зеньковский В., прот. Наша эпоха. Париж: Изд. Религиозно-педагогического кабинета при Православном богословском институте в Париже, 1952.

⁹²¹ Письмо датируется мартом — апрелем 1829 г. Ср.: «Мое пламеннейшее желание, друг мой, видеть вас посвященным в тайну времени. Нет более огорчительного зрелища в мире нравственном, чем зрелище гениального человека, не понимающего свой век и свое призвание» (Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма В 2 т. М.: Наука, 1991. Т. 2. С. 66. Пер. с фр. Г.А. Рачинского). К этому письму Зеньковский обращался и в своем фундаментальном труде «История русской философии» (1948–1950).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А.К-й. — см. Койранский А.А.
А.Б.В. 485
А.С. — см. Цвибак Я.М.
Абрам М. 280
Абызов Ю.И. 447
Августин Блаженный 240
Авелин К. 279
Авторханов А.Г. 111
*Агеев М. (Леви М.Л.) 158, 189, 471
*Агранов Я.С. (Сорензон Я.Ш.) 85
Агурский М.С. 447
Адамович Г.В. 7–10, 13, 150–156, 158, 171, 178, 191–193, 248–251, 260, 274, 275, 278, 316, 317, 331, 337, 342–344, 351, 360, 370, 372, 373, 382, 389, 390, 396, 415–417, 421, 427, 460–464, 466, 471–474, 477, 478, 482–485, 490, 491, 497, 500, 502, 503, 507, 509–512, 516
Аденауэр К. 395
Аитов С. 264
Аксаков И.С. 28, 30, 40, 48
Аксаков К.С. 98, 434, 436, 470, 478
*Алданов (Ландау) М.А. 91, 140, 193, 201, 237, 303, 318, 349, 351, 372, 414, 448, 474, 506, 507
Александр I, российский император 445, 481
Александр II, российский император 84, 201, 301, 361, 446, 474, 475
Александр III, российский император 475
*Александрова В. (Шварц В.А.; урожд. Мордвинова) 175, 415, 416, 469
Алексеев К.А. 68, 443
Алексеев М.В. 21
Алексеев Н.И. 440
Алексеев Н.Н. 30, 35, 36, 39, 74, 111, 248, 432–435, 444
Алексеева Л.А. 192
*Алексеева Н. — см. Кривошеина Н.А.
Алексей Николаевич, цесаревич 472
Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси 508
Алексинский В.И. 257, 271, 272, 483–485
Алексинский И.П. 483
Аликин К.Ю. 462
Аллен Л. 467, 476
Алмазов Б.Н. 48, 436
Алферов А.В. 21, 25, 157, 429
Альперин А.С. 515
*Амари — см. Цетлин М.О.
Амвросий (Ключарев А.И.), архиеп. Харьковский и Ахтырский 215, 479
Амилахвари Д.И. (Зедгинидзе-Амилахвари) 273, 485

- Андреев В.Л. 156, 157, 316, 343, 369, 436, 464, 470, 472, 490, 492, 511, 512, 515
Андреев Д.Л. 464
Андреев Л.Н. 464
Андреев Н.Е. 10, 11, 192, 194, 348, 490, 495, 505, 506
Андреюшкин П.И. 202, 475
Андрие Ж. 283
Андроников К.Я. 143, 458
Анненков Ю.П. (*Темирязов Б.) 193
Анненский И.Ф. 346
*Анстей О. (Штейнберг О.Н.) 303
Антоний (Храповицкий А.П.), митр. 30, 430
Аполлинер Г. 331, 498
Арапов П.С. 432, 435
*Аргус (Айзенштадт М.К.) 157
Аристотель 305, 392
Арминиус 39, 433–434
Аронсон Г.Я. 8, 9, 315, 355, 360, 382, 390, 490, 507, 508, 516
Арсеньев А. 450
Арсеньев К.В. 443
Арсеньев Н.С. 73, 111, 121
*Артемов А.Н. – см. Зайцев А.Н.
Артемов И.В. 445
Артюис Ж. 486
*Астров И. (Ястребцов И.Н.) 157
*Ахматова (Горенко) А.А. 299, 300, 343, 346
- *Б.Ч. (Чеботарев Б.В.) 69, 72, 76, 444
Бабкин Н.Е. 63, 65, 441
Базанов П.Н. 437, 442
Байдалаков В.М. 68–71, 76, 82, 83, 86, 89, 90, 418, 440, 442–444, 446, 449, 451
Бакунин М.А. 391, 446
Бакунина Е.В. 157, 158
Балицкий В.А. 85
Балмашёв С.В. 195, 473
Бальзак О. 498
Бальзак Ж.-Л.-Г. 460
Бальмонт К.Д. 351
Бардина С.И. 202, 475
Барнс Э.-У., еп. Бирмингемский 361, 509, 510
Барт К. 396, 519
Басанов 414, 415
Бахрах А.В. 336, 472, 500
Бахтин Н.М. 193, 473
Башкин М.С. 81, 445, 482
*Бедный Д. (Придворов Е.А.) 328
Безродный В. 346
Бек А.А. 111
Белавина Н.С. 192
Белинский В.Г. 12, 195, 199, 203, 361, 366, 474, 518
Белобровцева И.З. 192, 411
Белоцветов Н.Н. 157, 464
Белошевская Л.Н. 424, 471, 494
*Белый А. (Бугаев Б.Н.) 317, 331, 373, 454, 492, 498, 512, 518
Бем А.И. (урожд. Омеляненко) 325, 495

- Бем А.Л. 319, 320, 325, 328, 329, 349, 493–495, 505
Бем И.А. (в браке – Голикова) 494, 495
Бем Т.А. (в первом браке – Давыдова; во втором – Рейзер) 495
Беневская М.А. 201, 475
Бенеш Э. 331, 395, 497, 518
Берберова Н.Н. 11, 157, 158, 193, 316, 343, 415, 416, 440, 473, 503
Бергсон А. 8, 176, 207, 209–211, 214, 217, 231, 243, 306, 309, 361, 389, 399, 410, 411, 418, 420, 476–478, 509
Бердяев Н.А. 36–38, 40–45, 48, 59–61, 73, 75, 96, 114, 118–121, 123–125, 128, 129, 131, 141, 172, 203, 206, 208, 232, 233, 235–237, 241, 242, 244, 248, 300, 301, 305, 306, 310, 351, 353, 355, 357, 363, 364, 370, 373, 375–377, 381, 383, 392, 402, 403, 432–435, 439, 444, 451, 455, 456, 459, 468, 469, 476, 477, 479, 481, 482, 488, 506, 510, 512, 513
Беренс Б. 437
Берия Л.П. 85
Бернер Н.Ф. (*Божидар, *Дир) 346, 504
Бертранд А. 265
Бетаки В. 502
Бетховен Л., ван 347
Бидо Ж.-О. 284
Биск А.А. 416
Бицилли П.М. 30
Блок А.А. 12, 154, 155, 345, 346, 374, 463, 503, 504, 513
Блок-Маскар М. 486
Блох Р.Н. 157, 190
Блуа Л. 326, 331
Бобринский П.А., гр. 343, 503
*Богданов Е. — см. Федотов Г.П.
Богомолов А.Е. 377, 496, 515, 516
Богомолов Н.А. 7, 460
Богословский А.Н. 405, 429
Бодлер Ш. 330
Божнев Б.Б. 157, 316, 326, 462, 470, 492, 495
Болгов А. 265
*Болдырев И. — см. Шкотт И.А.
Болотов В.В. 134
Болотовский Ю.И. 358, 507
Бонгарт С.Р. 495
Боратынский Е.А. 169, 468, 470
Борис, святой благоверный кн. 246, 293
Боровский К.К. 27
Боронецкий (Боранецкий) П.С. 221–226, 228, 357, 390, 480, 481, 507
Бояринов Д. 450
Браиловский А.Я. 157, 464
Браславский А.Я. (*Булкин А.) 157, 316
Брехт Б. 420
Бриан А. 498
Бриллиантов А.И. 458
Брюнинг Г. 395, 518
Брюсов В.Я. 374, 504
Бугаев Н.В. 317, 492
Будницкий О.В. 447, 516
Булацель С.А. 377, 439, 485, 515
Булгаков В.Ф. 331, 498

- Булгаков М.А. 111
Булгаков С.Н., прот. 45, 111, 114, 118, 121, 131, 134–136, 138, 141, 143, 202, 205–207, 216, 217, 227, 230, 231, 238, 292, 310, 364, 381, 392, 434, 435, 455, 458, 459, 476, 479–481, 516
Булич В.С. 157, 189, 464
*Булкин А. — см. Браславский А.Я.
Булюбаш В. 264
*Бунаков И. — см. Фондаминский И.И.
Бунин И.А. 156, 158, 193, 337, 339, 341, 344, 372, 454, 500, 501, 516, 518
Буренин В.П. (*Алексис Жасминов) 346
Буров К.Ф. 406
Буткевич Б.В. (*Борис Бета) 189, 471
Бухарин Н.И. 442
Былов Н.Н. 48, 436, 437, 516
Бэкон Ф. 232
Бюхнер Л. 195, 474
- Вагнер О. 27
Вагнер Р. 209
Вадвич Н. 256, 483
Валентинов Н.В. 202, 475
Валери П. 51, 283, 437
Вальтер П. 281–283
Вандервельде Э. 331, 497
Варшавская Н.С. 406, 415, 421
Варшавская Т.Г. (урожд. Дерюгина) 13, 191–193, 406, 414, 420–423, 424, 427, 428, 490, 497, 509, 511
Варшавские, братья 406–408
Варшавские, семья 410, 421
Варшавский Г.С. (Юра) 405, 408, 409, 415, 493
Варшавский С.И. 405, 408, 409, 412, 415
Васильев П.А. 438, 439
Васильева М.А. 405, 495
Василькова Н.Ф. 431
Вашингтон Дж. 307, 489
Вебстер И.Н. 291, 487
Вейдле В.В. 97, 98, 193, 316, 351, 440, 471, 506, 509
Веймарн К.К. 445
Вейнбаум М.Е. 357, 490, 507, 508
Величковская Т.А. 157
Величковский А.Е. 157, 191, 342, 501
Веневитинов Д.В. 474
Вергун К.Д. 63, 78, 441, 445
Вердеревский Д.Н. 516
Верлен П. 150
Верн Ж. 145, 460
Вернадский Г.В. 30, 430, 434
Вернежуль А., де 268
Верфель Ф. 331, 498
Верховской (Верховский) С.С. 135, 136, 138–140, 457, 458
Веселовская Н. 450
Вики — см. Оболенская В.А.
Виллон (Вийон) Ф. 151, 332, 410, 461

- Вильде Б.В. (*Дикой Б.) 190, 257, 258, 260, 262, 273–275, 277–283, 297, 329, 352, 375–378, 380, 417, 418, 485, 486, 513
- Винавер М.М. 492
- Висковский А.А. 293
- Висковский А.В. 487
- Виссарионов А.С. 96, 451
- Вишняк М.В. 8, 10, 18, 194, 350, 353, 361, 370, 372, 384, 390, 391, 419, 428, 476, 506, 517
- Владимир Кириллович, вел. кн. 445
- Владимиров Л.В. 111
- Власов А.А. 443
- Войков Н.Н. 445
- Войцеховский Ю.Л. 297, 488
- Волжин А.С. 476
- Волк С.С. 475
- Вольтер 311, 361
- Врангель П.Н. 432, 485, 487
- Врасский А.Е., протопресвитер 293
- Вырубов Н.В. 272, 484
- Вышеславцев Б.П. 30, 111, 114, 121, 212, 235, 310, 355, 401, 478, 481
- Вяземский П.А., кн. 311
- Гаво А. 281
- Гавриил (Чепура Г.М.), еп. 454
- Гагарин Г. 265
- Газданов Г.И. 156, 168, 175, 190, 317, 326, 327, 335, 351, 468, 469, 471, 492, 496, 506
- Гай Юлий Цезарь 34
- Гаккель С., прот. 456, 487, 488
- Галич А.А. 111
- Галь Ю.В. 303
- Гальской В.Л. 495
- *Ганский Л. (Гатинский Л.И.) 157
- Ганц Н. 493
- *Гаранин (Синицын) Е.И. 99, 452
- *Гари Р., *Ажар Э. (Кацев Р.) 511
- Гарнак А. 363, 483, 510
- Гароди Р. 111
- Гаспери А., де 376, 395, 513, 517
- Гаст П. 516
- Гауптман Г. 405
- Гачева А.Г. 424, 472, 480
- Гebbельс Й. 74, 395, 444
- Гегель Г.В.Ф. 38
- Гейро Р. 460
- Генералов В.Д. 202, 475
- Генис В.Л. 480, 487
- Георгиевский М.А. (*М.Г.) 66, 68, 69, 71, 72, 76, 79, 83, 87, 88, 90, 441, 442, 444–448
- Гердер И.Г. 38
- Герцен А.И. 28, 29, 199, 211, 337, 430, 474, 478
- Гершельман К.К. 157, 158, 169, 170, 189, 464, 467, 468
- Гершензон М.О. 174, 469
- Гессен В.И. 296, 488
- Гессен Е.С. 157, 190, 320, 325, 466, 471
- Гессен И.В. 320, 392
- Гессен С.И. 319, 320, 471, 493, 494, 510

- Гёте И.-В. 325, 498
Гингер А.С. 145, 157, 316, 326, 328, 343, 460, 470, 482, 490, 495
Гинс Г. 450
Гиньебер Ш. 363, 510
Гиппиус З.Н. (*Крайний А.) 146, 193, 335, 344, 355, 372, 381, 411, 460, 461, 482, 512, 516
Гитлер А. 6, 32, 39, 50, 58, 61, 62, 65, 67, 241, 258, 259, 297, 324, 352, 354, 355, 357,
384, 386, 391, 392, 394, 395, 418, 481, 517, 519
Гладилин А.Т. 111
Гладков Т.К. 447
Глен А. 491
Глинка Г.А. 303, 360, 508
Глобачев Н.К. 445
Гоген П. 326, 331
Гоголь Н.В. 28, 31, 181, 186, 187, 203, 366, 375, 427, 490, 496
Голенищев-Кутузов И.Н. 157, 343, 503
Голль Ш., де 62, 263, 270, 272–274, 280, 285, 485
Головин А.С. 494
Головина А.С. (урожд. Штейгер; во втором браке — Пелиши, де) 157, 158, 320, 321,
324, 335, 466, 494, 500
Голубкова Н.В. 458
Гольденвейзер А.А. 33, 311, 431, 489
Гомолицкий Л.Н. 157, 464
Гончарова Н.С. 467
Горбаневская Н.Е. 111
Горбаневский М.В. 453
Горбов Я.Н. 191, 253, 256, 438, 472, 483
Гордеев Б.П. 504
Горлин М.Г. 157, 190
Городецкий С.М. 345
*Горская А. (Гривцова А.А.) 157
*Горький М. (Пешков А.М.) 12, 326–328, 332–334, 339, 341, 405
Готтлиб, немецкий прокурор 283
Гофман А.Б. 476, 477
Гофман, гестаповец 291, 292
Гранье, мадам 154–156, 491
Гржебина И.З. 497
Григорий Нисский 143, 459
Григорович-Барский К. 450
Григорьев А.Г. 311, 489
Григорьев Н.А. 407
Григорьев Д.Д. 360, 508
Гринберг Р.Н. 9, 414, 415, 491
Гриневицкий И.И. 201, 474
Гронский Н.П. 157, 189
Гроссман В.С. 111
Гуль Р.Б. 21, 23, 157, 193, 194, 359, 377, 416, 421, 423, 429, 440, 473
Гумилев Н.С. 325, 329, 343, 345, 495, 511
Гуревич А.Л. 453, 454, 458
Гус Ян 240
Гуйо М.-Ж. 403
Гюмбер А. 279–283, 486

Даладьё Э. 62, 440
Данилевский Г.П. 42

- Данте Алигьери 154, 190
Дарвин Ч. 307
*Двинов (Гуревич) Б.Л. 89, 90, 448
Дебюсси К. 347
Декарт Р. 147, 209, 261, 460, 469, 477
Денике Ю.П. 358, 398, 507, 519
Деникин А.И. 448, 492
Деникина К.В. (урожд. Чиж) 89, 448
*Денисов (Ланговой А.А.) 431–432
Дерибас Т.Д. 85
Дерюгина Т.Г. — см. Варшавская Т.Г.
Дефурно М. 431
Джефферсон Т. 34, 431
Джилас М. 36, 111, 432
Джойс Дж. 165, 179, 326, 331, 420, 469
Дзержинский Ф.Э. 40
Диксон В.В. 189, 470
Димитрий (Вознесенский), еп. Хайларский 443
Диркс В. 517
Добролюбов Н.А. 31, 366
Долгов С. 467, 484
Дорман Е.Ю. 422
Доскочилова-Голикова М. 495
Достоевский Ф.М. 21, 31, 32, 39, 42, 48, 70, 80, 141, 144, 146, 163, 177, 186, 187, 196,
209, 211, 215, 223, 242, 311, 346, 355, 356, 361, 362, 364, 366, 393, 396, 397, 428,
429, 445, 454, 474, 479, 480, 493, 498, 510, 518
Доценко С.Н. 411
Дряхлов В.Ф. 157, 192
Дуйос Р. 68, 443
Дураков А.П. 343, 503
Дураков П.А. 270
Дюамель Ж. 283, 331

Е.К. 116, 454
Евангулов Г.С. 157, 460, 461
Евлогий (Георгиевский), митр. 119, 292, 455
Ежов Н.И. 339
Езерский Н.Ф. 113, 122, 453, 455
Екатерина II, российская императрица 55, 352
*Елагин (Матвеев) И.В. 303, 416
Елагин Ю.Б. 304
Элита-Вильчковский К.С. 61, 79, 80, 439, 440, 445
Ельчанинов А.В. 476
Емельянов В.Н. 158, 190, 471
Емельянов Ю.Н. 505
Ермичев А.А. 476
Ермишин О.Т. 424
Ершов П.Е. 304
Есенин С.А. 504

Жаба С.П. 248, 456, 482
Жданов А.А. 300
Жекулина А.В. (урожд. Евреинова) 319, 408, 493, 494
Желудков С.А., свящ. 111

- Желябов А.И. 201, 361, 475
Жеребков В.С. 130
Жид А. 411
Жиллэ Л. 439
Жуков Г.К. 299
Жуков Е.А. 315, 490
Журавская З.Н. 501
- Заболоцкий Н.А. 491
Заборовский Д. 65, 441
Заборовский И. 448
Заборский Д. — см. Заборовский Д.
Завалишин В.К. 304, 359, 507
Завжалов Д.М. 441, 444
Зайончек И. 424
Зайцев А.Н. (*Артемов А.Н.) 94, 95, 450
Зайцев Б.К. 193, 331, 344, 454, 498, 518
Закович Б.Г. 157
Заковский Л.М. 85
*Закутин (Отоцкий) Л.Г. 192, 193, 254, 256, 483
Зальцберг Л.Л. 94, 450
Замятин Е.И. 331, 498
Зандер Л.А. 131, 453, 457
Зарубин Г. 266
Зверев А. 463
Зекрач (Зеркач) А.А. 62, 67, 74–75, 440, 441, 444, 446
Зеленский П.Н. 443
Земцов 27
Зензинов В.М. 197, 198, 248, 325, 416, 446, 474
Зеньковский В.В., прот. 81, 82, 111, 114, 117, 118, 121–123, 130, 131, 141, 208, 216, 217, 309, 401, 445, 453–457, 470, 477, 479, 489, 493–495, 510, 520
Зернов М.В. 487
Зернов Н.М. 453, 454, 457, 487
Зиммель Г. 394, 518
Зиссерман П. 297, 377, 488, 515
Злобин В.А. 512
Золя Э. 148, 461
Зомбарт В. 396, 519
Зорин А. 111
Зощенко М.М. 300
Зубалов К. 266
Зубарев С.Ф. 322, 495
Зубов И. 28
Зуров Л.Ф. 23, 156, 326, 327, 331, 332, 340, 349, 495, 499
- Ибсен Г. 209, 405
Иван III Васильевич, вел. кн. московский 368
Иван IV Васильевич Грозный, русский царь 32, 391, 405
Иванников М.Д. 157
Иванов В.И. 193, 454, 482, 518
Иванов В.Н. 430
Иванов Г.В. 152–154, 158, 171, 178, 193, 223, 316, 332, 342, 344, 347, 380, 463, 465, 466, 469, 472, 480, 483, 491, 499, 512, 516
Иванова С.В. 502

- Иванов-Тринадцатый К.К. 270
Иванов-Тринадцатый К.П. 270
Иваск Ю.П. 7, 157, 158, 190, 194, 317, 406, 415, 416, 421, 428, 464, 467, 471–473, 492, 517
Йеринг Р., фон 446
Яновская И.М. (урожд. Ливитина) 497
Извольская Е.А. 248, 482
Издебская Г.С. 157
Измайлов А.А. 346
Ильин В.Н. 30, 217
Ильин И.А. 94, 114, 121, 129, 444, 446, 450
Ильинская И.И. 436
Ильяшенко, художник 347
Иоанн (Максимович М.Б.), архиеп. Шанхайский 454
Иоанн (Шаховской Д.А., *Странник), архиеп. Сан-Францисский 192, 198, 359, 360, 454, 473, 474
Иоанн Богослов 229
Иоанн Лейденский 240
Иорданская М.А. 486
Иринеи, еп. Лионский 232, 459
Ирошников П.И. 86, 87
Исаак Сирин 397, 398, 519
Исаков С.Г. 467
Истрати П. (наст. имя Герасим) 340, 501
Итье Ж. 283
Иустин Философ 459
- Кадомцев Б.П. 58, 439
Казанцев А.С. 441
Казачкин Ю.П. 293, 487
Казем-Бек А.Л. 54–57, 58, 61, 62, 437–440
Калыев И.П. 84, 87, 195, 201, 202, 473, 475
Каменская В.А. 471
Камю А. 202, 420, 475
Каннегисер Л.И. 345, 503, 504
Кант И. 403, 457
Кантор В.К. 518
Кантор М.Л. 10
*Кар И. (Карузо И.) 59, 60, 439
Караваев А. 450
Каралин В. 304
Карамзин Н.М. 32, 430
Каркконен Э. 429
Карл Великий, король франков, римский император 32, 430
Карлинский С.А. 149, 155, 166, 462
Карпович М.М. 358, 387, 416, 507, 517
Каррье Ж.-П. 282
Карсавин Л.П. 30, 43, 434, 435
Карташев А.В. 30, 114, 121, 129, 131, 135, 141, 456
Карцевский С.И. 493
Кассу Ж. 279, 486
Кафка Ф. 326, 330, 331, 375, 420
Кац Б. 190
Качалов В.И. 490
Качва Н.С. 484

- Кедров М.А. 516
Кельберин Л.И. 157, 217, 342, 479, 483
Керенский А.Ф. 23, 43, 59, 248, 395, 416, 439, 497, 501, 506
Кибардин В.В. 442
Кикин Н.А. 445
Киприан (Керн К.Э.), архим. 132, 454, 457
Киреевский И.В. 174, 175, 228, 469, 470, 474
Киреевский П.В. 474
Кириллова О.А. 432
Киркегард, Киркегор С. 363
Кирсанов С. 450
Киселев А.Н., прот. 420
Киселев А.Ф. 437
Кислицын В.А. 68, 443
Кистяковский Б.А. 98, 436, 452
*Кленовский Д. (Крачковский Д.И.) 304, 415
Клепинин Д.А., свящ. 292–297, 380, 453, 456, 487, 488
Клепинин Н.А. 113, 453
Климент Александрийский 133–135, 459
Климова Н.С. 201, 475
Климович Л.В. 440
Книппер О.Л. 405
Кнорре Б.К. 479
Кнорринг И.Н. 157, 189, 342
*Кнут Д. (Фиксман Д.М.) 190, 290, 316, 327, 328, 343, 471, 483, 503
Кнут С.А. (урожд. Скрябина А.А.) 290
Князев А.П., прот. 143, 459
Кобяков Д.Ю. 157
Ковалев М.В. 488
Коверда Б.С. 443
Кодрэй Д. (Кодрянский И.В.) 415
Кодрянская Н.В. 158, 415, 467
Кожевников В.А. 214, 478, 479
Койранский А.А. (*А.К-й) 315, 490
Колеров М.А. 434, 458
Колков А.И. 446
Колчак А.В. 383, 516
Кольберг А.Н. (*Верный) 87–90, 447, 448
Константин Великий, римский император 140, 141, 458
Конт О. 134, 216
Корвин-Пиотровский В.Л. 157, 342, 440, 502
Корнилов Л.Г. 21
Короленко В.Г. 12, 327, 334, 335, 337
Коростелев О.А. 5, 7, 8, 10, 193, 416, 471, 472, 482, 496
Коряков М.М. 301, 304, 359, 415, 416, 488, 489
Косиор С.В. 85
Костецкий В.Г. 23, 156, 429
Костицын В.А. 487
Крайний А. — см. Гиппиус З.Н.
*Краснов А. (Левитин А.Э.) 111
Краснов П.Н. 148, 460, 461
Кремер И.Я. 346
Кривошеин И.А. 377, 484, 485, 514
Кривошеина Н.А. (*Алексеева Н.) 290, 437, 487, 488, 514, 515

- Кроткова Х.П. (*Ирманцева К., *Франкфурт К.) 157, 465
Кузмин М.А. 465
Кузнецова Г.Н. 157, 158, 176, 316, 469
Кузьмина-Караваева Е.Ю. — см. Мария (Скобцова Е.Ю.), монахиня
Кулешов С.В. 442
Кунгурцев В.А. 450
Куницын А.П. 33, 430, 431
Куприн А.И. 193
Кускова Е.Д. 11, 12, 318, 326–331, 334, 337, 338, 344, 345, 347, 370, 416, 417, 489, 490, 492, 493, 495, 497, 500, 511
Кустов Ал. 346
Кутепов А.П. 87, 431
- Л.Б. 436
Л.Р. — см. Ржевский Л.
Лавров П.Л. (*Миртов) 80, 200, 201, 445, 475
Лаговский И.А. 132, 457
Ладинский А.П. 157, 322, 323, 326, 328, 337, 338, 343, 462, 492, 495, 496
Ладыженский В.Н. 453
Лакордэр Ж.Б.А. 236
Ламеннэ Ф.Р., де 236
Лапшин И.И. 331, 498
Ларионов, капитан 443
Лебедев В.И. 341, 501
Лебедев В.М. 157, 320, 460, 465
Левентон 266
Левинтон Г. 411
Левицкий А.Н. 262, 274, 279–283, 293, 297, 352, 377, 380, 484, 486
Левицкий С.А. 111, 192
Легкая И.И. 304
Леклерк Ж.-Ф. 264, 265, 270
Леле С. 282
*Ленин (Ульянов) В.И. 55, 98, 202, 253, 254, 327, 383, 391–393, 395, 442, 475, 507, 516
Леонид (Барташевич Л.Г.), еп. Женевский 454
Леонов Л.М. 454, 500, 518
Леонтьев К.Н. 30, 32, 39, 42, 70, 126, 362, 396–398, 434, 510
Лепренс-Ренге Л. 213, 478
Лермонтов М.Ю. 154, 346, 363, 463
Леру П. 216
Лехович Д.В. 23, 156, 429
Ливак Л. 460, 496
Лидаров 346
Лидарова Е. 347
Лизарев А.С. 488
Лилина М.П. 405
Линдберг Ч. 326, 331
Лифарь С.М. 371
Лициний, римский император 458
*Лойола И. (Иниго Лопе де Рекальдо) 81
Локк Дж. 33, 34, 307, 430, 518
Ломоносов М.В. 217, 479
Лопухин П.С. 454
Лорис-Меликов М.Т. 429
Лосский Н.О. 111, 234, 310, 481

- Лот И. 277, 486
Лот Ф. 277, 486
Лот-Бородина М.И. 277
*Лотреамон, гр. (Дюкасс И.) 165
Луази А. 363, 510
Лука, еванг. 362, 373
Львов Г.Е., кн. 494
Льюис С. 489
Любимов Л.Д. 439
Лютер М. 208
Ляпунов А. 438
- М.Г. — см. Георгиевский М.А.
М.С. 496
М.Сл. — см. Слоним М.Л.
Магидова М. 424
Майков А.Н. 516
Макаров В.Г. 424, 428, 447
Макарова В.А. — см. Оболенская В.А.
Макарова О.Е. 429
Макдональд Дж. 498
Макиавелли Н. 81
Маклаков В.А. 377, 515
Маковский Г. 263
Маковский С.К. 503
*Максимов В.Е. (Самсонов Л.А.) 111
Максимов С.С. 303, 416, 489
Малахов С.С. 303, 489
Малевич-Малевский С.С. 435
Мальбранш Н. 209
*Мальчуган — см. Сенешаль Р.
Мамченко В.А. 157
Мандельштам О.Э. 343, 346, 347, 374, 504
Мандельштам Ю.В. 157, 190, 316, 343, 503
Манн Т. 331, 498
Мансветов В.Ф. 146, 157, 320, 460, 465
Манухина Т.И. 315, 490
Манэ Э. 281
Марголин Ю.Б. 507
Мария (Скобцова Е.Ю.), монахиня (мать Мария; урожд. Пиленко; в первом браке — Кузьмина-Караваева) 61, 130, 156, 199, 248, 257, 258, 290–293, 295–297, 352, 377, 378, 439, 453, 456, 474, 483, 484, 487, 488, 490
Марк, еванг. 294
Маркадэ Ж.-К. 469
Маркион Синопский 7, 8, 249, 250, 353, 360, 362, 363, 373, 483, 510
Марков В.Ф. 7, 10, 193, 304
Марков Н.Е. 118, 454
Маркс К. 32, 38, 111, 232, 446
*Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 488
Марченко А.Т. 111
Масарик Т.Г. 395, 518
Масловский В.П. 424
Маяковский В.В. 374, 500, 512
Медоуз Д. 478

- Межлаук В.И. 85
 Мейерхольд В.Э. 405
 Мелетий, архиеп. 443
 Мельгунов С.П. 348, 505
 Мельников Н.Г. 424
 Мельников Ф.А. 441
 Менделеев Д.И. 368
 Менегальдо Е. 405, 429, 469
 Мережковские 146, 372, 381, 512, 516
 Мережковский Д.С. 193, 344, 351, 372, 397, 398, 411, 460, 461, 468, 471, 474, 501, 505, 512, 519
 Местр Ж., де 32
 Миллер Е.К. 87
 Милюков П.Н. 6, 12, 20, 23, 43, 96, 113, 149, 151, 167, 172, 177, 229, 230, 234, 251, 257, 320, 323, 328, 334, 351, 364, 365, 372, 388, 391, 395, 428, 452, 461, 462, 469, 479, 481, 496
 Минор Л.С. 325
 Минчин А. 371
 Митропольский А.И. – см. *Несмелов А.
 Михаил Александрович, вел. кн. 257
 Михайловский Н.Г. 31
 Михеев А.Н. 437
 Мишле Э. 284
 Мияковский В.В. 495
 Млодецкий И.О. 429
 Мнухин Л.А. 482
 Могиланский Н. 460
 Можайская О.Н. 157
 Моисей (*библ.*) 409, 459
 Молешотт Я. 195, 474
 *Монклар (Магрэн-Вернере Ш.Р.) 272
 Монтгомери Б.-Л. 284
 Монтескье Ш.Л., де 33
 Монтуляк Ю.С. 484, 485
 Мопассан Г., де 496
 Морган Ч. 278, 486
 Мориак Ф. 283
 Морковин В.В. 320, 321, 460, 466, 494
 Моршен Н.Н. 304
 Москвин И.М. 405
 Мосли О.Э. 64, 441
 Моцарт В.-А. 155
 Мочульский К.В. 61, 121, 193, 199, 248, 251, 413, 439, 440, 456, 474, 483
 Мунье Э. 396, 519
 Муравьев П.А. 192, 473
 Муратов П.П. 331, 498
 Муссолини Б. 39, 65, 67, 357, 386, 395
 Мхитарянц-Мхитаров Н. 266, 267
 Мшанецкий В.А. 445
 Мюллер, заключенный 282
 Мюнцер Т. (Ф.) 188, 240, 470
- Набоков В.В. (*Сирин В.) 20, 157, 164, 166, 169, 173, 180, 181, 185, 186, 194, 248, 318, 327, 329–333, 340, 349, 351, 375, 427, 428, 463, 468–471, 482, 494, 499, 506, 507, 509

- Набоков В.Д. 20, 494
 Набоков К.В. 320, 494
 Набоков Н.Д. 371
 Надсон С.Я. 328
 Назаров М.В. 437
 Наполеон I, французский император 38, 480
 Нарича М.А. (*Нарымов М.) 111, 452
 *Нароков (Марченко) Н.В. 304
 *Нарымов М. — см. Нарича М.А.
 *Невский (Кривообоков Ф.И.) 63, 441, 442
 Неймирок А.Н. (*Немиров А.) 78, 95, 157, 444, 450, 451
 Некрасов Н.А. 146, 260, 364, 471, 484
 Некрасов В.П. 491
 Немирович-Данченко Вл.И. 404, 405
 *Несмелов А. (Митропольский А.И.) 157, 317, 465
 Нестор, архиеп. 443
 Нечаев В.П. 424, 471, 494, 495
 Нечаев С.Г. 84, 446
 Никитин А.И. 130, 456
 Николай I, российский император 346, 445
 Николай Николаевич, вел. кн. 431
 Нимеллер М. 396, 519
 Ницше Ф. 209, 364, 394, 478, 516
 Новак Т. 197
 Новгородцев Н.И. 114
 Новгородцев П.И. 121, 434
 *Новосадов Б. — см. Тагго Б.Х.
 Ножин 267
 Нольде Л.Н., барон (*Староверцев А.) 87–90, 447, 448
 Нордман Л.-М. 280, 283
 Норова О.П. 405, 408
 Носович С.В. 284, 289, 290, 484, 487

 Оболенская В.А., кн. (Вики; урожд. Макарова) 262, 284–289, 297, 352, 378, 380, 484, 486, 487
 Оболенский В.А. 440
 Оболенский Н.А., кн., прот. 287, 487
 Оболенский Н.Н., кн. 262, 263, 484
 Оболенский С.С., кн. 298, 302, 365, 440, 488, 511
 Обухов Н.Б. 371
 Одарченко Ю.П. 157, 158, 342, 467, 489, 502
 Одинец Д.М. 451
 Одинец М.Д. 96, 451
 Одоевский В.Ф. 28, 42, 474
 *Одоевцева И.В. (Иванова И.Г.; урожд. Гейнике) 11, 158, 192, 193, 316, 467, 472, 473, 503, 516
 Одон И. 280, 282, 486
 Околович Г.С. 446
 Огороков А.В. 442
 Окуджава Б.Ш. 111
 Олкотт А. 150, 462
 Онегина С.В. 442
 Онозаки Х. 68, 443
 Опперпут Э.О. 87

- Ориген 459
Орлов А. 347
Ортега-и-Гассет Х. 307
Оствальд В.Ф. 492
Осипанов В.С. 202, 475
*Осипов (Поляков) Н.И. 96, 382, 451, 516
*Осоргин (Ильин) М.А. 317, 320, 326, 328, 332, 340, 341, 344, 351, 375–377, 410, 461
Островский А.Н. 405
*Остромиров А. — см. Федоров Н.Ф.
Остроумова Т.И. 157, 465
Оцуп Н.А. 145, 152, 193, 316, 344, 459, 461, 477
- Павел, ап. 198, 226, 239, 241, 242, 480, 481, 519
Павел (Голышев), архиеп. 456
Павлова А.П. 155
Панин Д.М. 111
Панова В.Ф. 453
Пантюхов О.И. 407
Парнах В.Я. 145, 460
Пархомовский М.А. 488, 489
Паскаль Б. 159, 261, 363, 467, 484
Пастернак Б.Л. 333, 346, 373, 374, 491, 499, 500
Пастухов В.Л. 157, 465
Паулучи, маркиз 68, 443
Паустовский К.Г. 491
Пахмус Т.А. 516
Перелешин В.Ф. 192
Перретт, капитан 264
Перфильев Г.П. 86, 446, 447
Песец В. 70
Петерсон Н.П. 478, 479
Петлюра С.В. 407
Петр I Великий, российский император 32, 347, 368, 391
Петр III, российский император 472
Петров А.П. 408
Петров А.С. 476
*Петрович Р. (Рончевский Р.П.) 77, 437, 444
Петэн А.Ф. 63, 515
Пиленко С.Б. 487
Пиленко С.П. 291
*Пильняк (Воган) Б.А. 500
Пильский П.М. 471
Писарев Д.И. 31
Плавинский Н.И. 441
Платон 36, 134, 261, 392, 413, 432
Плеве В.К. 201, 473, 475
Плотин 134, 261
Плюханов Б.В. 457
По Э. 175, 496
Победоносцев К.П. 361, 396, 398
*Погодин (Стукалов) Н.Ф. 339, 340
Познер В.С. 470
Полак Е.А. 432
Полежаев А.И. 346

- Полторацкий Н.П. 473
 Полчанинов Р.В. 419, 424, 443, 447
 Померанц Г.С. 111
 Померанцев К.Д. 192, 193, 208
 Пономарева Г.М. 465
 Поплавская С.В. (урожд. Кохманская) 492
 Поплавский Б.Ю. 11, 12, 23, 25, 145, 146, 148–153, 155, 158–161, 163–166, 171–175,
 178–180, 187–189, 194, 249, 275, 316, 317, 320, 326, 329, 330, 332, 338, 342–345,
 347, 351, 373, 374, 380, 405, 408, 427, 429, 460–463, 466–471, 482, 491, 492, 494,
 495, 502, 503, 512
 Поплавский Ю.И. 491
 Попов А.В. 453
 Попов К.С. 460, 461
 Поремский А.В. (*Арсеньев Вл.) 111
 Постышев П.П. 85
 Прегель С.Ю. 157, 192, 303, 342, 472, 473, 482, 488, 503
 Преображенский Е.А. 442
 Присманова А.С. 157, 343, 470
 Прокопович С.Н. 482
 Прокофьев Г.Е. 85
 Прокша Л.Я. 515
 Пруст М. 145, 326, 330, 331, 498
 Прянишников Б.В. (*Серафимов Б.) 93, 94, 96, 419, 440, 442, 447, 449–451
 Пугачев Е.И. 270
 Пухляков В.К. 267
 Пушкарев С.Г. 30
 Пушкарев С.М. 424
 Пушкин А.С. 12, 33, 154, 196, 310, 311, 346, 364, 368, 403, 417, 430, 431, 462, 467, 469,
 473, 474, 480, 489, 498, 509
 Пьянов Ф.Т. 115, 292–294, 453, 454, 456, 488

 Равдин Б.А. 447
 Равель М. 347
 Радищев А.Н. 187, 258, 470
 Раев М.И. 476
 *Раевский Г.А. (Оцуп Г.А.) 157, 343, 503
 Райс Э.М. 192, 193
 Райсфельд Л. 190
 Райт-Ковалева Р.Я. 485
 Ранета А.А. 515
 Рар Л.А. 440
 Расловлев М. (Михайлов-Расловлев) 267, 268
 Ратгауз Т.Д. (в первом браке Асеева, во втором — Клименко) 157, 320, 465
 Ратынский 89
 Рафальский С.М. 157, 192, 423, 472
 Рафаэль 190
 Рачинский Г.А. 520
 Реденс С.Ф. 85
 Редлих Р.Н. 111, 451
 *Рейсс И. (Порецкий Н.М.) 32, 430
 Рейфилд Д. 429
 Ремарк Э.М. 500
 Рембо А. 150, 326, 331, 333, 462
 Ремизов А.М. 158, 186, 193, 317, 331, 332, 340, 344, 351, 372, 410, 461, 467, 470, 498, 507

Ренан Ж.-Э. 363, 373, 510
Репин И.Е. 465
Репников А.В. 447
Ржевский Л. (*Л.Р.) 304, 415
Рибера К. 68, 443
Ривэ П. 279, 280
Рикёр П. 519
Рильке Р.-М. 331, 498
Рогачевский А.Б. 192
Роговский Е.Ф. 516
Родзаевский К.В. 69, 442, 443
Рождественский В.А. 346, 347
Розанов В.В. 28, 126, 209, 249, 251, 363, 403, 434, 456, 476, 510, 520
Рокфеллер Д.-Д. 146
Роллан Р. 498
Романов Е.Р. 440
Романов Л. 130, 456
Романовы, дом 53
Ромэн Ж. 331, 498
Роскина Н.А. 429
Рубисова Е.Ф. (урожд. Гейтман) 157, 158, 342, 466
Руди, гестаповец 286
Руднев В.В. 319, 353, 391, 392, 456, 492, 493, 506, 511
Рузвельт Ф. 307, 308
Рузский Н.Н. 445
Руссо А.Ж.Ф. (*Таможенник) 158, 467
Руссо Ж.-Ж. 213
Рылеев К.Ф. 346
Рябчинский 346
Рязанов В.И. 263

С.Е. 496

*Савельев А. (Шерман С.Г.) 248, 482
Савин И.И. 23, 156, 189, 429
Савинков Б.В. 87, 473, 475, 514
Савинков Л.Б. 377, 436, 514
Савиных Ф.К., фон 38, 433
Савицкий П.Н. 29–33, 367, 429, 430, 432, 434, 435
Савонарола Д. 218
Савченко И. 115, 454
Садовский Я.Д. 30, 35, 430, 431
Сазонов (Созонов) Е.С. 201, 202, 475
Салазар А. 65, 357
Салтыков-Щедрин М.Е. 348
Самарин Ю.Ф. 142, 184, 228, 301, 458, 470
Саррот Н. 153, 463
Сартр Ж.-П. 396, 420, 519
Сафронов Р.Ю. 476
Сахаров А.Д. 111, 214, 420
Сахновский Н.И. 445
Свенцицкий В.П. 476
Святополк-Мирский Д.П. 30, 149, 435, 462
*Седых А. — см. Цвибак Я.М.
Семенов Г.М. 68, 443

- Семенова С.Г. 472
 Сенешаль Р. (*Мальчуган) 280, 282, 283
 Сен-Симон А. 216
 Серафим (Иванов Л.Г.), арх. Чикагский и Детройтский 454
 Серафим, еп. Потсдамский 443
 Серафим Саровский 398, 519
 Сергей Александрович, вел. кн. 473
 Сергей (Королев А.Д.), архиеп. Пражский 413
 Сериков Г.С., прот. 143, 459
 Сетницкий Н.А. 480
 Сечкарев В.М. 192
 Сидов Э., фон 172
 Сикорский И.А. 363
 Симеон, еп. 397, 398
 Симоннэ А. 282
 Симонов К.М. 299, 488
 Сипягин Д.С. 473
 *Сириин В. — см. Набоков В.В.
 Скалон Н.Д. 443
 Скобцов Д.Е. 296, 488
 Скобцов Г.Д. (Юра) 291–293, 295, 296, 488
 Скобцова Е.Ю. — см. Мария (Скобцова Е.Ю.), монахиня
 Скоропадский П.П. 407
 Скрыбин К. 26
 Славинский М.А. 450
 Слепухин Ю.Г. 94, 449
 Слоним М.Л. 12, 13, 149, 193, 194, 315, 318, 320, 326–330, 332, 337–341, 343, 344, 348, 349, 370, 372–374, 410, 411, 416, 417, 461, 470, 489–492, 497–501, 504–506, 512
 Смоленский В.А. 316, 326, 335, 343, 482, 489, 502, 503
 Сноуден Ф. 331, 498
 Соболевский С.А. 474
 Соколов В.В. 469
 Соколов И. 84, 87, 446
 Соколов-Кречетов С.А. 447
 Сократ 183
 Солженицын А.И. 111, 142, 193, 420, 421, 491, 514
 Соловьев В.С. 31, 32, 34, 39, 117, 126, 127, 141, 200, 203–206, 212, 215, 220, 225, 231, 232, 236, 238, 310, 358, 361, 362, 364, 366, 388, 394, 396–398, 431, 456, 476, 478, 479, 481, 510
 Соловьев С.М. 476
 Сорокина М.Ю. 471
 Сосинский Б.Б. (В.Б.) 157, 316, 470, 492, 515
 Софиев (Бек-Софиев) Ю.Б. 326, 343, 502
 Спасский С.Д. 347
 Спаффорд Г. 431
 Спенсер Г. 403
 Сперанский М.М. 81, 82, 366, 368, 369, 430, 445
 Спиноза Б. 177, 469
 Ставров П.С. 157, 167, 190, 468, 471, 503
 Сталин И.В. 32, 55, 58, 61, 62, 85, 101, 111, 258, 297, 327, 355, 391, 395, 432
 Станиславский К.С. 405
 Станкевич Н.В. 199
 Стасюлевич М.М. 204
 Степанов А. 441

- Степун Ф.А. 32, 59, 78, 117, 121, 206, 229, 232–234, 242–244, 251, 310, 352–354, 390,
392, 454, 481–483, 506, 507, 517–519
- Стецкевич, унтер-офицер 269
- Столыпин А.П. 440, 446, 449, 452
- Столыпин П.А. 475
- Страхов Н.Н. 42
- Струве Г.П. 9, 10, 157, 191, 194, 346, 440, 466, 504
- Струве К.П. (архим. Савва) 120, 455
- Струве М.А. 193, 316
- Струве Н.А. 143, 422, 454, 458
- Струве П.А. 144, 459
- Струве П.Б. (*Наблюдатель) 20, 98, 99, 114, 121, 128, 129, 200, 392, 452, 456, 474, 510
- Стругацкий А.Н. 111
- Стругацкий Б.Н. 111
- Ступницкий А.Ф. 515
- Стюарт, генерал 264
- Суворин А.С. 429, 478, 509
- Сувчинский П.П. 435
- Судоплатов П.А. 430
- Суперфин Г.Г. 471
- Сурков А.А. 488
- Сутин Х.С. 371
- Сыроежкин Г.С. (*Гранде Г.) 514
- Тавастшерна А. 59, 439
- Тагго Б.Х. (*Новосадов Б.) 157, 189, 465
- Талов М.-М.-Л. 460
- Тараданов Г.В. 442
- Тартак И.Л. 416
- Татаринов В.Е. 516
- Татаринов Н. 115, 454
- Татищев Н.Д. 23, 156, 173, 191, 427, 429, 467, 469, 472
- Таубер Е.Л. 157, 192, 343, 503
- Тацит Публий Корнелий 433
- Тейяр-де-Шарден П. 213, 232, 420, 478
- Теннер Дж. 311
- Терапиано Ю.К. 7, 9, 11, 146, 157, 190, 191, 304, 326, 328, 341, 343, 417, 423, 468, 471,
472, 482, 483, 489, 490, 492, 501–503, 512, 516
- Терешкович К.А. 371
- Термен Р.О. 52, 438
- Тер-Погосян М.М. 515–516
- Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс 362, 510
- Тескова А. 494
- Тимашев Н.С. 466, 505
- Тимашев С.Н. 30
- Тимашева Т.Н. (урожд. Рузская) 157, 466
- Тито И.Б. 432, 441
- Титов А.А. 515
- Тихонов Н.С. 345, 500
- Ткачев П.Н. 446
- Токвиль А. 311
- Толбухин Ф.И. 447
- Толстая М.А. (в первом браке — Ваулина, во втором — Мансветова) 157, 466
- Толстой А.К. 405

- Толстой А.Л. 466
 Толстой А.Н. 330
 Толстой Л.Н. 42, 145, 148, 177, 184, 186, 187, 191, 215, 221, 225, 328, 339, 361, 363, 364, 396, 405, 413, 454, 459, 466, 470, 479, 480, 484, 498, 510, 518
 Толстой Н.Н. 221
 Толстой-Милославский С.М. 53, 438
 Толубаев М. 444
 Томлин Р. 421
 Тояма М. 68, 443
 Трибунский П.А. 424
 Троцкая З.С. 12
 Троцкий И.М. 357, 359, 416, 490, 507, 508, 511, 516
 Троянов И.И. 115, 454
 *Труайя А. (Тарасов Л.А.) 511
 Трубецкой Е.Н. 459
 Трубецкой Н.С. 30, 35, 431, 433
 Трубецкой (Нольден) Ю.П. 304, 345, 503, 504
 Трубилова Е.М. 489
 Трушинович Я.А. 441–442
 Тургенев И.С. 195, 473, 498, 509
 Туринцев А.А. 157
 Туркул А.В. 68, 443
 Туроверов Н.Н. 157
 *Тэффи Н. (Бучинская Н.А.; урожд. Лохвицкая) 193
 Тютчев Ф.И. 262, 263, 372, 506, 511, 516
- Уайльд О. 155, 463
 Угримов А.А. 257, 377, 484, 514, 515
 Угримов А.И. 440, 484, 485, 514
 Угримова И.Н. 515
 Угримова Т.А. 484, 515
 Ульянов А.И. 202, 475
 Ульянов Н.И. 111, 192, 193, 304, 401, 402, 473, 520
 Ульянова Н.Н. 192
 Умберто II, король Италии 513
 Урицкий М.С. 345, 504
 Успенский Г.И. 328, 335, 337, 496
 Устрялов Н.В. 236
- Федоров В.Г. 157, 349, 505, 506
 Федоров К.Н. 269
 Федоров Н.Ф. (*Остромиров А.) 8, 118, 130, 141, 214–217, 222, 231, 232, 358, 364, 365, 373, 382, 389, 456, 478–480, 507
 *Федорова Н. (Рязановская А.Ф.) 157, 376, 513
 Федотов Г.П. (*Богданов Е.) 60, 78, 81, 114, 121, 127, 131, 141, 157, 166, 187, 200, 206, 223, 229, 231, 233–236, 238, 239, 245, 246, 248, 250, 251, 257, 303, 310–312, 342, 343, 352–355, 357, 368, 391–393, 413, 416, 439, 445, 453, 456, 461, 464, 468, 470, 474, 480–483, 489, 502, 506, 507, 516
 Федотова Е.Н. 248, 415
 *Фельзен Ю. (Фрейденштейн Н.Б.) 158, 190, 316, 324, 326, 327, 329, 331, 332, 338, 344, 345, 440, 483, 495–497
 Феодосий Косой 242, 481
 Феофан, архиеп. Полтавский 454
 Ферстер-Ницше Э. 516

- *Фет (Шеншин) А.А. 215, 373, 479
Физ Б.Ю. 422
*Филиппов (Филистинский) Б.А. 191, 192, 304
Философов Д.В. 505
Финкельштейн-Литвинов М.М. 85
Фитценгаген В. 491
Фихте И.Г. 38, 134, 433, 446, 457
Флам Л.С. 486
Флейшман Л.С. 432, 447
Флеров А.Е. 406
Флобер Г. 463
Флоренский П.А. 205, 476
Флоровский Г.В. 30, 117, 209, 216, 434, 454, 459, 477, 479, 510
Фома Аквинат 305
Фонвизин Д.И. 28, 42
Фондаминский И.И. (*Бунаков И.) 9, 18, 59, 78, 82, 97, 206, 228, 229, 233, 244–249, 252, 257–260, 271, 290, 296, 310, 344, 352–354, 357, 358, 361, 372, 375–377, 382, 389, 391–393, 400, 411, 428, 439, 446, 456, 481–483, 488, 492, 506, 511, 518
Фотиев К.В., прот. 193, 421, 423
Франк С.Л. 30, 114, 121, 122, 124–126, 128, 129, 392, 402, 403, 455, 456, 518, 520
Франк Т.С. 518
Фрейдештейн Н.Б. – см. *Фельзен Ю.
Фридрих II Великий 352
Фроссар А. 421
Фуль К.Л.А. 480–481
Фурье Ш. 216
- Хазан В.И. 9, 411, 414, 415, 491
Халафов К.К. 343, 503
Хейфец М.Р. 488
Хенкин К.В. 423
Ходасевич В.Ф. 146, 147, 151, 152, 158, 165, 180, 181, 183, 189, 193, 316, 317, 331, 343, 344, 346, 372–374, 381, 460, 462, 463, 466, 468–470, 496, 498, 503, 506, 512
Хозаров В. 347
Хомяков А.С. 30, 32, 141, 142, 200, 474
Хомяков Г.А. (*Андреев Г.) 96, 414, 428, 451
Хренников К. 435, 436
Христофоров В.С. 428, 447
- Цветева М.И. 163, 193, 316, 321, 331, 333, 335, 336, 338, 373, 429, 430, 467, 469, 494, 498, 500, 512
Цвибак Я.М. (*Седых А.; *А. С.) 157, 193, 344, 416, 423, 462, 473, 503
Цегоевы, семья 466
Цейер Ф.И. 81, 445
Цетлин М.О. (*Амари) 303, 344, 482
Цетлина М.С. 416, 420
Цивьян Т.В. 411
Цицерошин Н.Н. 70, 444
Цуриков Н.А. 414
- Чаадаев П.Я. 82, 403, 445, 446, 520
Чайковский П.И. 491

- Чеботарева Т. 424
 Чебышев Н.Н. 29, 30, 429
 Цегринцева Э.К. (урожд. Цегоева) 157, 320, 466, 471, 494
 Чеквер Л.И. 415
 Чеквер Р.С. (*Яссен И.) 157, 415, 466, 503
 Челышев Е.П. 476
 Червинская Л.Д. 343, 483
 Черкасова Ф.А. 472
 Чернышевский Н.Г. 25, 366
 Четвериков С.И. 453
 Чехов А.П. 211, 361, 364, 405, 478, 509
 Чехов Ал. 269
 Чехонин М.Г. 157, 466
 Чижевский Д.И. 315, 490
 Чингисхан 32, 45
 Чиннов И.В. 157, 192
 Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. 429
 *Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 464, 504
 Чхеидзе К.А. 434, 480
- Шайкевич А.Е. 489, 502
 Шамиссо А., фон 181
 Шарнипольский С.П. 189, 470
 Шарнхорст Г.И.Д. 38, 433
 Шаршун С.И. 145, 152, 163, 164, 190, 275, 327, 331, 332, 340, 460, 468, 471, 472, 492, 499
 Шахматов М.В. 349
 Шаховская Э.А. 157, 192, 423, 471, 495
 Шаховской Д.М. 476
 Шварц В.А. – см. *Александрова В.
 Шевич К.Г. 483
 Шевырев С.П. 144, 474
 Шеллинг Ф. 32, 394
 Шенгели Г.А. 346
 Шеншин А.А. — см. Фет А.А.
 Шерон Ж. 10
 *Шестов (Шварцман) Л.И. 181, 209, 351, 470, 477
 Шиллер Ф. 311, 325
 Шиманская А.С. 157
 Ширинский-Шихматов Ю.А., кн. 45–47, 49, 50, 418, 435–437
 Ширяев Б.Н. 347, 504
 Скотт И.А. (*Болдырев И.) 189, 470, 471
 Шкуро А.Г. 407
 Шлегель Ф. 518
 Шлецер Б. 29, 429
 Шманкевич Вс. 347
 Шмелев И.С. 193, 351, 506
 Шмеман А.Д., прот. 13, 137, 140–143, 193, 358, 399, 410, 419, 421, 422, 427, 458, 519
 Шмеман С.А. 422, 423
 Шмеман У.С. 422
 Шмидт П.П. 333, 499
 Шопен Ф. 347
 Шопенгауэр А. 249, 354, 492
 Шпенглер О. 39, 429
 Шруба М. 482

- Штанге А.А. 435
Штейгер А.С. 189, 320, 324, 325, 329, 335, 338, 343, 344, 440, 494, 503
Штенгер М.В. 438
Штреземанн Г. 395, 518
Штрейхер Ю. 68, 443
Шувалов И.П., гр. 191, 472
Шувалов П.П. 472
Шульгин В.В. 447
Шумаков Ю.Д. 157, 466
- Щербаков М.В. 461
Щетинин П.А. 432
- Эйснер А.В. 377, 513, 514
Элькан А.М. (урожд. Абельман) 503
Энгельс Ф. 385, 386, 446
Эрдели И.Е. 57, 439
Эренбург И.Г. 194, 330
Эрн В.Ф. 394, 395, 476, 518
Эррио Э. 331, 497
Эстерхази В.Л. 55
Эфрон С.Я. 410, 430, 435
- Юниверг Л. 488
Юра — см. Скобцов Г.Д.
Юра, Юк, брат — см. Варшавский Г.С.
Юрасов С.Н. 303, 489
Юргенс Н.А. 270
Юре Ж. 461
Юренев П.П. 493
Юрков И.В. 346
*Юрьевский Е. (Вольский Н.В.) 507
Юшкевич С.С. 331, 498
- Ягода Г.Г. 85, 328, 340
Якобсон Р.О. 30
Яковлев А. 451
Якушев А.А. (*Федоров) 35, 87, 431, 432
Янгиров Р.М. 463
Яновский В.С. 9, 11–13, 170, 217, 221, 326, 327, 330–335, 337, 338, 340, 341, 344, 351, 370, 414, 416, 417, 461, 467, 468, 479, 482, 489, 490, 495, 497, 500, 506, 509
Ярмидзе А.И. 47, 48, 436
Ярослав Мудрый, великий князь киевский 70
Яссен И. — см. Чеквер Р.С.

Варшавский, В.С.

Незамеченное поколение / Владимир Варшавский ; [предисл. О.А. Коростелева ; сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой ; подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой ; подгот. текста приложения, послесл. М.А. Васильевой]. — М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына : Русский путь, 2010. — 544 с. : ил.

ISBN 978-5-98854-024-3

ISBN 978-5-85887-389-1

Книга Владимира Сергеевича Варшавского (1906–1978) «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк, 1956) хорошо известна читателям и исследователям. Без ссылок на нее не обходится ни одна статья о русском зарубежье. Однако мало кто знает, что Варшавский на склоне лет готовил новое издание своей книги, значительно исправив и дополнив опубликованный текст.

В настоящем издании впервые публикуется этот новый вариант книги по рукописи, любезно предоставленной вдовой писателя Т.Г. Варшавской.

В приложении приведены тексты полемики, вспыхнувшей вокруг книги на страницах эмигрантской периодики. Издание снабжено редкими фотографиями из Фонда В.С. Варшавского (Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына).

УДК 929

ББК 87.3(2)6

Научно-художественное издание

Варшавский Владимир Сергеевич
Незамеченное поколение

Составление

Коростелева Олега Анатольевича
Васильевой Марии Анатольевны

Редакторы *О.А. Коростелев, М.А. Васильева*
Корректоры *Н.С. Самбу, О.А. Савичева*
Верстка *Л.А. Фирсовой*

Подписано в печать 09.12.10. Формат 70х100/16. Бумага писчая. Тираж 2000 экз. Заказ № 5345.

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2. Тел.: (495) 915-10-80, 915-27-48. www.domrз.ru

ЗАО «Издательство «Русский путь»
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2. Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
Сайт издательства: www.rp-net.ru Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР». 170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

